

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1946

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

4 (18)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1946 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
А. В. МИШУЛИН

ВЫШЕ ИДЕЙНЫЙ УРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь» и доклад А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» всколыхнули всех работников идеологического фронта; они заставили и наших ученых подвергнуть критической оценке идейное содержание своей работы, строго проверить приемы своих научных исследований, их действенность и актуальность, посмотреть, в какой мере они отвечают все растущим потребностям и культурным запросам широчайших масс трудящихся СССР, помогают им в борьбе за дальнейший рост и укрепление самой передовой социалистической культуры, ее победы над реакционными идеями капиталистического мира. В этой борьбе немалое значение имеет правильное познание исторических закономерностей, позволяющее ясно видеть в свете далекого и близкого прошлого перспективы будущего.

Долг советских историков перед наукой и Родиной особенно велик потому, что им много дано. Путь их творческих исследований освещается ярким светом великой теории марксизма-ленинизма. «Марксизм,— пишет Ленин,— указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» (Соч., т. XVIII, стр. 13). Гениальная формулировка существа исторического материализма дана Марксом в знаменитом предисловии к его труду «К критике политической экономии». Ленин и Сталин на основе гигантского опыта пролетарской революции и социалистического строительства обогатили, развили и подняли на еще более высокую ступень марксистскую теорию исторического процесса. Работа товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» — новая блестящая страница в истории марксистско-ленинской философии, дающая ряд новых обобщений, творчески развивающая идвигающая вперед теорию и метод познания исторических закономерностей.

Товарищ Сталин показал, что действительно «наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения» («Вопросы ленинизма», изд. 11, стр. 544). Сталинская прозорливость и мудрость, использующая законы развития общества для практического применения,

привела героический советский народ к победе над жестоким и сильным врагом и ведет его уверенно к окончательному построению коммунистического общества.

Ленин и Сталин подняли общественную науку на недостижимую высоту и дали в своих конкретных работах великолепные образцы подлинно научного исследования,двигающего марксистско-ленинскую науку вперед.

Марксистско-ленинская историческая наука представляет, таким образом, высший тип, гораздо более высокую стадию по сравнению с буржуазной наукой. При всем богатстве своих конкретных знаний буржуазные ученые оказываются беспомощными в осмыслении исторического процесса и при всей тщательности описания явлений не поднимаются обычно выше банальных общих соображений, диктуемых классовым интересом буржуазии. Конечно, советские историки изучают добытые буржуазной наукой ценные материалы, используют и осваивают ее достижения. «Но,—говорит Ленин,—одно дело—не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ей, но относясь к ней *критически* и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело—пассовать перед буржуазной наукой...» (Соч., т. III, стр. 500—501).

Достигнутая под гениальным водительством Сталина победа над фашистской Германией и империалистической Японией подняла международный престиж Советского Союза, его последовательная борьба за мир и демократию снискала ему любовь и уважение свободолюбивых народов во всем мире. Демократия во всех странах с благодарностью и надеждой взирает на Советский Союз, хочет понять и освоить достижения советской культуры. Обращаясь к писателям, товарищ А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» сказал: «Вы поставлены на передовую линию фронта идеологии, у вас огромные задачи, имеющие международное значение, и это должно поднять чувство ответственности каждого подлинного советского литератора перед своим народом, государством, партией, сознание важности исполняемого долга». В известной мере это касается всех работников общественной науки.

Приходится признать, что в свете стоящих перед общественной наукой задач наша историческая наука отстает от предъявляемых к ней возросших требований. Советская историческая наука имеет немалые достижения в разработке конкретных исторических тем и общетеоретических проблем истории. В области древней истории только советская наука, основываясь на марксистско-ленинском учении об общественно-экономических формациях и опираясь на классические труды основоположников марксизма-ленинизма, сумела проследить исторические пути развития народов древности и движущие силы этого развития. Советская наука об истории древнего Востока—самая передовая, так как она впервые сумела—пусть пока лишь в общих чертах—осмыслить эту историю, подаваемую в трудах крупнейших буржуазных ученых как сырой материал или, в лучшем случае, как связное описание.

Советская историческая наука в содружестве с археологией сделала немало для освещения ранней истории Руси, вопроса об этногенезе славян, о происхождении русского государства, о древнейших судьбах народов СССР. Выдающаяся работа Б. Б. Пиотровского об Урарту удостоена Сталинской премии.

Советские историки, в том числе историки древности, в годы Великой отечественной войны внесли свой немалый вклад в дело воспитания советского патриотизма, в дело разоблачения антинаучных теорий, враждебных прогрессу и демократии.

О росте нашей исторической науки свидетельствует большое количество кандидатов в академики и члены-корреспонденты, выдвинутых научными и общественными учреждениями во время недавних выборов в Академию Наук СССР. В числе избранных оказались и выдающиеся ученые, много сделавшие для изучения истории древности и античной культуры (И. И. Толстой, Н. М. Никольский, В. И. Равдоникас).

Однако в работе историков есть и свои крупные недостатки. В последние годы заметна тенденция у некоторых историков к отходу от разработки теоретических вопросов, от исследования исторических закономерностей, от познания диалектики исторического процесса. А это может привести к оплошлению науки, к безидейности и бесплодности, если во-время не преодолеть этой тенденции.

Не все еще наши историки учитывают, что новые, прогрессивные идеи,двигающие науку вперед, рождаются, оттачиваются и приобретают силу в борьбе с идеями косными, враждебными прогрессу, тормозящими науку и движение общества вперед. Они забывают, что наука партийна и что за мнимой буржуазной «объективностью» кроется классовый буржуазный интерес.

В последние годы в зарубежных странах появилось большое количество популярных, научно-популярных и научных работ, грубо модернизирующих древнюю историю, чтобы оправдать и подкрепить политические идеи реакционных классов и их империалистические вожделения. Падение эллинистических монархий и Римской империи объясняют классово-вой борьбой «пролетариата», которая, по мнению этих историков, приводит к гибели общества; так обосновывается в интересах буржуазии идея классового мира. Современные империалисты пытаются оправдать и облагородить свое стремление к мировому господству ссылкой на римское мировое господство. Они при этом забывают, к чему привело это «мировое господство». «Всеобщее обеднение, ухудшение путей сообщения и сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возвращение земледелия на низшую ступень—таков был конечный результат римского мирового господства» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., 1934, стр. 131). В результате—крах рабовладельческого общества. Экономический упадок классической Греции некоторые буржуазные историки объясняют ее демократическим строем, дискредитируя таким образом демократию вообще. Они находят «капитализм» в античном мире и ему приписывают расцвет древних городов-государств, а причины падения римской империи усматривают в недостаточном развитии в ней капитализма. Эти и подобные теории и теориейки, направленные к оправданию и утверждению реакционных политических идей империалистической буржуазии, не встречают еще пока достаточного отпора в советской литературе по древней истории. Строго научная, основанная на всестороннем исследовании фактического материала, принципиальная критика буржуазных теорий—одна из важнейших задач советских историков.

«Последние решения ЦК ВКП(б) по вопросам идейно-политической работы имеют целью усилить большевистскую непримиримость ко всякого рода идеологическим извращениям и поднять на новый, более высокий уровень все средства нашей социалистической культуры: печать, пропаганду и агитацию, науку, литературу и искусство» (Из Доклада товарища Жданова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1946 г.).

Вместе с тем критика буржуазных теорий помогает тем зарубежным ученым, которые добросовестно стремятся постигнуть законы исторического развития, вскрываемые марксистско-ленинской теорией,

преодолеть буржуазные влияния, оценить и усвоить нашу методологию истории.

Конечно, буржуазные историки в своих специальных исследованиях дают много ценных работ; но надо *«уметь»* отсеять их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 280). Дело идет при этом не только о том, чтобы отбросить реакционные рассуждения и обобщения буржуазных историков, а и о том, чтобы проводить самостоятельный отбор, систематизацию, толкование и освещение фактов. Это требует большой, кропотливой работы по освоению громадного материала—ведь марксистская наука конкретна и не может удовлетворяться готовыми схемами. Но для науки в целом накопление и изучение материала не должно быть самоцелью, а должно служить к познанию объективных законов диалектического развития общества. Диалектический метод в общественной науке состоит в том, писал Ленин, «что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» (Соч., т. I, стр. 82).

Больше критики и самокритики необходимо и в отношении советской историографии. У нас еще сильна старая «академическая» традиция, избегающая острой принципиальной критики, действует боязнь «обидеть». Но критика не обижает ученого, а помогает ему преодолеть свои ошибки, заблуждения, колебания. Критика, ведущаяся на высоком принципиальном уровне, поднимает и критикуемого автора и читателя, она двигает науку вперед, выдвигая перед ней новые вопросы, давая новое освещение изучаемым проблемам. Критика и самокритика предохраняют от рутины, от самоуспокоенности. «Товарищ Сталин неоднократно указывает на то, что важнейшим условием нашего развития является необходимость того, чтобы каждый советский человек подводил итог своей работы за каждый день, безбоязненно проверял бы себя, анализировал свою работу, мужественно критиковал свои недостатки и ошибки, обдумывал бы, как добиться лучших результатов своей работы и непрерывно работал бы над своим совершенствованием» (из доклада товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»).

История древнего мира и в отношении тематики исследований отстает от требований жизни. Актуальные вопросы о происхождении государства, его различных конкретных формах и его роли в различных условиях общественной жизни не разрабатываются специалистами по древней истории. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина уделяется этому вопросу большое внимание. В них мы имеем гениальные исторические обобщения, основанные на глубоком и всестороннем анализе конкретных исторических явлений.

После данной товарищем Сталиным чеканной, исчерпывающей формулировки функций и назначения государства советские историки все еще не дали исследований о возникновении государства, о его функциях в конкретной исторической обстановке.

Товарищ Сталин указывает, что «первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества», что историческая наука «должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» [История ВКП(б). Краткий

курс, стр. 116]. Между тем в тематике исследований и диссертаций по древней истории эти вопросы занимают очень мало места.

Актуальный интерес представляет изучение истории демократии и ее роли в историческом процессе, исследование конкретной истории смены рабовладельческой общественно-экономической формации феодальной, изучение и разработка истории дипломатии и международных отношений в древности. Эти и другие интересные и важные темы фигурируют в планах работ университетских кафедр, Сектора древней истории Института истории АН СССР и других научно-исследовательских учреждений, но планы эти пока не осуществляются.

Особенно слабо разрабатывается древняя история народов СССР. Советская археология добилась больших успехов в добывании и исследовании археологических памятников на территории СССР, дающих историкам громадный материал для изучения древней истории нашей Родины. Последние труды акад. Б. Д. Грекова показывают, как много может дать историкам правильно используемый богатый археологический материал. Между тем совершенно нет обобщающих трудов по античной истории Северного Причерноморья, Кавказа, Средней Азии. После выдающихся работ ученых старого поколения, особенно В. В. Латышева и С. А. Жебелева, историческое изучение Северного Причерноморья почти совершенно заглохло, хотя советская археология накопила большой материал, ввела новые плодотворные приемы и методы его изучения. Многие важные, коренные вопросы древней истории Средней Азии, намеченные в частности С. П. Толстовым (ВДИ, 1938, № 1), до сих пор не получили освещения в обобщающих трудах советских ученых. В журнале «Большевик» (1946, № 15, стр. 7) отмечено, что «слабо разрабатываются вопросы общности исторических судеб славянских народов. При решении вопросов происхождения славянских народов, возникновения и развития древнерусского государства историки обнаруживают крайнюю методологическую слабость и зачастую скатываются на позиции школы Покровского. Историки не используют в своих работах в достаточной степени данных археологии и этнографии».

Совершенно очевидно, что тематика научных исследований по истории древности требует серьезной перестройки. Эта задача связана с проблемой кадров. Ученый обязан не только сам давать полноценные труды, но и подготовить научную смену. Недостаток квалифицированных кадров особенно остро ощущается в области древней истории, где в связи с особым характером источников от научного работника требуются специальные знания, в том числе и по ряду вспомогательных исторических дисциплин. Для решения проблемы кадров нужен рассчитанный на многие годы глубоко продуманный план, проводимый совместно с научно-исследовательскими институтами и вузами. Без систематической подготовки высококвалифицированных кадров наша историческая наука не может выполнить стоящих перед ней важных задач. Одной из важных посылок для улучшения качества наших кадров является решение правительства о введении пятилетнего срока обучения в университетах. Работникам университетов надо будет наилучшим образом использовать те широкие возможности, которые им предоставляются благодаря заботам партии и правительства.

Таким образом, научная работа историков древнего мира требует перестройки по трем направлениям: необходимо повысить идейное содержание научных исследований так, чтобы они освещали путь прогрессивного развития человеческого общества и двигали вперед марксистско-ленинскую теорию; советская научная литература по истории древности должна быть не только основана на переработке всей массы конкрет-

ного исторического материала, но и заострена против всяких ненаучных, лженаучных и враждебных науке идей и теорий; тематика исследований должна быть перестроена в соответствии с ростом сознания советских людей и с требованиями, выдвигаемыми нашим социалистическим обществом. В сущности все это сводится к одному—нам нужна наука, построенная на научной основе марксизма-ленинизма, наука сталинского стиля. В этом задача. К ее разрешению должны быть направлены все усилия наших историков.

ПОДЛИННЫЙ МАНЕФОНОВСКИЙ СПИСОК ЦАРЕЙ ЕГИПТА И ХРОНОЛОГИЯ НОВОГО ЦАРСТВА

Акад. В. В. Струве

Моя статья «Хронология Манефона и периоды Сотиса», напечатанная в 1937 г. в «Сборнике статей по вспомогательным историческим дисциплинам» Института истории Академии Наук (стр. 18 сл.), является предпосылкой для восстановления подлинного Манефоновского списка царских династий Египта. За это время не появилось какое-нибудь новое исследование, которое заставило бы изменить мои выводы в только что названной статье. Обширная статья, посвященная Манефону в словаре Паули-Виссоны, также не коснулась тех основных положений, которые дали мне возможность установить подлинные суммы лет, которые стояли в конце каждого из трех томов труда Манефона. Поэтому я имею право, опираясь на восстановленную мной хронологическую систему Манефона, ввести его царские списки в рамки абсолютной хронологии.

Основным результатом моего только что названного исследования было утверждение, что время, данное Манефоном истории династического Египта до прихода Александра, равнялось 3912 годам, т. е. двум периодам Сотиса и 990 годам. В пределах этих хронологических рамок, т. е. между 4242 г. и 332 г. до н. э., распределяются все династии царей Египта, которые были перечислены Манефоном. Таким образом, мы сможем с легкостью сопоставить отдельные хронологические данные Манефона со свидетельством современных памятников. Правда, подобная проверка возможна лишь для истории Египта, начиная с XII династии (т. е. с 2000 г.), так как хронология древнейшей истории Египта является предметом еще нерешенных споров. Ради цельного представления хронологии Манефона я перечислю в восстанавливаемой мною хронологической таблице и древнейшие династии, но приведу их лишь в суммарном виде. Начиная же с XII династии, я приведу царский список Манефона во всех деталях, восстановленных мной в названной выше статье. Поскольку в списке могут вызвать некоторые сомнения детали хронологии XVIII династии, то я преимущественно остановлюсь на хронологии первой половины Нового царства (см. прилагаемую табл.).

Такова, согласно труду Манефона, хронология истории династического Египта.

Данная хронологическая концепция была, очевидно, господствующей в Саисскую эпоху, и мы, восстановив подлинные царские списки Манефона, нашли таким образом как бы неизвестный доселе иератический папирус Саисской или Позднесаисской эпохи. Но преувеличивать историческую ценность такой Саисской рукописи, конечно, не следует. Сведения иеро-

Годы Юлианского календаря	Продолжительность правления	Царства и события
4242		1-й год Менеса, 1-й год первой «апокатастасис»
4242—3989	253 года	I династия
3989—3687	302 »	II »
3687—3473	214 лет	III »
3473—3196	277 »	IV »
3196—2978	218 »	V »
2978—2783	195 »	VI »
2783	70 дней	70 царей VII династии
2782		1-й год второй «апокатастасис» и воцарение VIII династии
2782—2636	146 лет	VIII династия
2636—2227	409 »	IX »
2227—2042	185 »	X »
2042—2000	42 года	XI »
2000		Начало XII династии
2000—1980	20 лет	Аменемхет I
1980—1934	46 »	Сесострис I
1934—1896	38 »	Аменемхет II
1896—1886	10 »	Сесострис II
1886—1848	38 »	Сесострис III
1848—1800	48 »	Аменемхет III
1800—1791	9 »	Аменемхет IV
1791—1787	4 года	Собекнофрура
1787—1690	97 лет	XIII династия, во вторую ее половину правила на севере XIV династия
1690—1671	19 »	Салитис, первый царь XV династии
1682		Год введения гиксосами календаря. Начало эры Сета
1671—1627	44 года	Бнон
1627—1584	43 »	Последние цари XV династии и одновременно с ними XVII династия
Май 1584		Начало XVIII династии
Май 1584—сентябрь 1559	25 лет 4 мес.	Амасис I
Сентябрь 1559—апрель 1538	20 » 7 »	Аменхотеп I
Апрель 1538—апрель 1525	13 »	Тутмос I
Апрель 1525—январь 1503	21 год 9 мес.	Хатшепсут. Ее 22-й год есть вместе с тем и 22-й год Тутмоса III
Январь—апрель 1503	4 »	Конец 22 года Тутмоса III
Май 1503—октябрь 1491	12 лет 5 »	Тутмос III
Октябрь 1491—июнь 1465	25 » 10 »	Аменхотеп II
Июнь 1465—апрель 1455	9 » 8 »	Тутмос IV
Апрель 1455—февраль 1424	30 » 10 »	Аменхотеп III
Февраль 1424—июль 1388	36 » 5 »	Эхнатон
Июль 1388—август 1376	12 » 1 »	'Aḫꜣꜣꜣꜣꜣ (даю условно имена царей-еретиков, преемников Эхнатона, в передаче Африкана)
Август 1376—август 1367	9 »	Фзḫꜣꜣꜣꜣ

Годы Юлианского календаря	Продолжительность правления	Царства и события
Август 1376—январь 1354 .	12 лет 5 мес.	Хεβρης
Январь 1354—апрель 1342 .	12 » 3 »	'Αχερρης
Апрель 1342—май 1338 . .	4 года 1 »	Харемхеб
Май 1338		Начало XIX династии
Май 1338—сентябрь 1337 .	1 год 4 »	Рамсес I
Сентябрь 1337—июль 1322	14 лет 10 »	Первые 15 лет Сети I до «апокатастасис» 1322 г.
19 июля 1322		Первый день эры από Μενοφθωος
Июль 1322—март 1317 . .	4 года 8 »	Последние годы Сети после «апокатастасис»
Март 1317—май 1251 . . .	66 лет 2 »	Рамсес II
1282		400 год эры Сета Танисского
Май 1251—май 1231 ¹ . . .	20 лет	Мернептах
Май 1231—май 1225 . . .	6 » 2	Сети II
Май 1225—май 1218 . . .	7 »	Рамсес III
Май 1218—май 1213 . . .	5 »	Аменмесес
Май 1213—май 1206 . . .	7 »	Туосрис. Конец XIX династии
Май 1206—май 1071 . . .	135 »	XX династия
Май 1071		Начало XXI династии
Май 1071—май 1045 . . .	26 »	Смендес
Май 1045—май 1004 . . .	41 год	Псусеннес I
Май 1004—май 1000 . . .	4 года	Νεφερχρης
Май 1000—май 991	9 лет	Аменофис
Май 991—май 985	6 »	'Οσχωρ
Май 985—май 976	9 »	Ψινάχης
Май 976—май 941	35 »	Псусеннес II
Май 941		Начало XXII династии
Май 941—май 920	21 год	Шешонк I
Май 920—май 905	15 лет	Осоркон I
Май 905—май 880	25 »	Осоркон I и его два сына
		Шешонк, верховный жрец Амона
		Фиванского, и Такелот, будущий
		преемник Осоркона I
Май 880—май 867	13 »	Такелот I

¹ Я даю название месяца лишь условно, отмечая этим, что восемь месяцев должны быть приняты в расчет.

² Теперь может по отношению к данному восстановлению первоначального текста Манефона возникнуть следующее сомнение: почему в этом случае эксерпторы нашего историка опустили вместе с именем царя Сети II и число лет его царствования? В двух других случаях, а именно при опущении имен царей Атоги VI династии и Сесостриса II числа их царствования не исчезли, но были приняты в расчет (см. Хронология Манефона и периоды Сотиса, стр. 35 сл. и 58 сл.). На это можно ответить указанием на то, что опущение вместе с царским именем и лет правления является для переписчика самым естественным. Менее вероятным является сохранение, после исчезновения имени, числа лет правления, и мы допустили в указанных случаях данную, менее вероятную, возможность лишь ввиду того, что имели для этого в окружающем контексте некоторые указания. В случае с Сети II мы не имеем никаких указаний в пользу второй возможности и поэтому располагаем полным правом предположить, что по небрежности переписчика Африкановского списка исчезли вместе с именем названного царя и шесть лет его царствования.

Годы Юлианского календаря	Продолжительность правления	Царства и события
Май 867—май 821	46 лет	Осоркон II, Шешонк II ¹ , Такелот II
Май 821		Начало XXIII династии
Май 821—май 781	40 »	Петубастис
Май 781—май 773	8 »	Осоркон III
Май 773—май 763	10 »	Псабутиб
Май 763—май 732	31 год	Кашта
Май 732—май 726	6 лет	Бокхорис, единственный представитель XXIV династии.
726		В «пророчестве ягненка» ему соответствует 960 год, являющийся одним из порядковых годов эры Сета Танисского
Май 726—май 718	8 »	Шабак
Май 718—май 706	12 »	Шабатака
Май 706—май 686	20 »	Тахарка
Май 686		Начало XXVI династии
Май 686—май 679	7 »	Эстефинахтес
Май 679—май 673	6 »	Нехепсос
Май 673—май 665	8 »	Нехо I
Май 665—май 641	54 года	Псамметих I
Май 641—май 595	46 лет	Нехо II
Май 595—май 589	6 »	Псамметих II
Май 589—май 570	19 »	Уафрес
Май 570—май 526	44 года	Амасис II
Май 526—ноябрь 526	6 мес.	Псамметих III
Ноябрь 526		Начало персидского владычества
Ноябрь 526—май 405	120 лет 6 »	XXVII династия
Май 405—май 399	6 »	Амиртей, единственный представитель XXVIII династии
Май 399		Начало XXIX династии
Май 399—май 393	6 лет	Неферит I
Май 393—май 380	13 »	Акорис
Май 380—май 379	1 год	Псамутис
Май 379—сентябрь 379	4 мес.	Неферит II
Сентябрь 379		Начало XXX династии
Сентябрь 379—сентябрь 361	18 лет	Нектанеб I
Сентябрь 361—сентябрь 359	2 года	Тахос
Сентябрь 359—сентябрь 341	18 лет	Нектанеб II
Сентябрь 341—ноябрь 332	9 » 2 мес.	XXXI династия
Ноябрь 332		Приход Александра, царя-спасителя, по истечении 990 лет с момента начала эры από Μενοΐφωας

¹ Может быть, этот царь действительно был эфемерным.

грамматa Саисской эпохи о древнейших событиях, отделенных от него пропастью столетий и даже тысячелетий, могли и не быть адекватными исторической действительности. Поэтому встает перед исследователем, изучающим единственного известного нам туземного историка древнего Египта, ответственная задача проверки на основании свидетельства современных памятников данных восстановленной хронологии указанного историка. Как уже было сказано выше, проверка данных первого тома труда Манефона о хронологии Древнего и Среднего царств на настоящем этапе исторических знаний еще невозможна. Лишь с эпохи XII династии, т. е. с начала второго тома труда Манефона, мы имеем более обильный материал для проверки данных Манефона. Конечно, фрагментированное начало II «томоса» остается вне круга нашего рассмотрения, так как оно реконструировано нами в статье «Хронология Манефона и периоды Сотиса», отчасти на основании современных памятников.

Мы начнем наше сопоставление данных Манефона и данных современных памятников с начала XVIII династии, той династии, от которой сохранились более или менее удовлетворительно подлинные списки Манефона. Как раз в этой части своего труда, в хронологии XVIII династии, Манефон чрезвычайно расходится с результатами хронологических изысканий всех современных исследователей, между которыми в данном пункте нет больших расхождений. Для удобства дальнейшего исследования я сопоставлю хронологию начала XVIII династии по Манефону и хронологию того же периода по Брэстеду, считающемуся одним из крупнейших авторитетов по египетской истории и автору наиболее популярного труда по названной дисциплине.

Лет	Месяцев	Манефон	Брэстед
25	4	Май 1584—сент. 1559	Амасис 22 (+X) лет 1580—1557
20	7	Сент. 1559—апр. 1538	Аменхотеп I 40 (+X) лет
13	—	Апр. 1538—апр. 1525	Тутмос I 30 (+X) лет } (56 л.) 1557—1501
21	9	Апр. 1525—январь 1503	Хатшепсут (с включением и Тутмоса II и Тутмоса III) (54 года) 1501—1447 ¹

Из данного сопоставления мы видим, сколь велико было расхождение между Манефоном и современными исследованиями в деле хронологии XVIII династии. Конечно, я не имею в виду те два года соправления Аменхотепа I со своим отцом Амасисом I, которые не были приняты во внимание Брэстедом и другими исследователями, а громадную разницу в количестве, определяющем длительность царствования Аменхотепа I и Тутмоса I. Согласно Манефону, данный период обнимает 33 года и 7 месяцев, а согласно Брэстеду, — 56 лет. Такое значительное количество лет должен был приписать Брэстед названному периоду ввиду того, что он, следуя Эд. Мейеру, отождествлял новолуние 21 дня 9 месяца 23 года Тутмоса III с новолунием, имевшим место 13 мая 1473 г. Из этой датировки указанного новолуния вытекало то, что первый год Тутмоса III падал на 3 мая 1501 г., и, следовательно, период царствования Аменхотепа I и Тутмоса I должен был обнимать 56 лет². Мы же в статье «Хронология Манефона и периоды

¹ Цитирую по хронологической таблице, приложенной к немецкому изданию его труда (Берлин, 1914).

² Ведь начало царствования Аменхотепа I было определено на обороте календаря Сотис (см. «Хронология Манефона и периоды Сотиса», стр. 41).

Сотиса)¹ установили, что новолуние, засвидетельствованное под 23 годом в анналах Тутмоса III, с астрономической точки зрения столь же безупречно может быть сопоставлено с новолунием от 19 мая 1503 г. Таким образом, хронология Манефона находит свое блестящее астрономическое подтверждение.

Но я думаю, что хронология египетского историка поддерживается и исторической аргументацией—свидетельством надписей. Дело в том, что мы не имеем никаких свидетельств в пользу долгого царствования Тутмоса I. От его царствования дошло до нас сравнительно очень мало памятников². Датированные надписи сохранились лишь от первых трех лет его правления³. Что касается той таинственной надписи в Карнакском храме, о которой упоминает теперь вместе с годами 8 и 9 картуш Тутмоса I⁴, то я полагаю, что она первоначально не имела ничего общего с этим царем. Ее, наверное, велела вырезать для себя дочь его, Хатшепсут Макара, и картуш ее был впоследствии уничтожен ее соправителем, Тутмосом III⁵. В эпоху же XIX династии этот разрушенный картуш был восстановлен в качестве картуша Тутмоса I⁶.

Если мы, таким образом, вычеркиваем Карнакскую надпись из числа надписей Тутмоса I, то единственным свидетелем в пользу долгого царствования данного представителя XVIII династии является обелиск, воздвигнутый им перед четвертым пилоном Карнакского храма после того, как он отпраздновал свой Хебсед—юбилей⁷. Но факт данного юбилея еще не доказывает, что царь Тутмос I правил единолично тридцать лет и что, таким образом, эти тридцать лет должны быть приняты полностью во внимание при хронологическом расчете. Данный юбилей мог им справляться по истечении тридцати лет с того момента, когда он был своим предшественником назначен престолонаследником⁸. Поэтому Манефон мог

¹ См. стр. 42 сл.

² Ср. перечисление их у Fl. Petrie, *Hist. of Egypt*, II, стр. 59—60 и в том же дополнении, изданном в 1924 г., стр. XXVI—XXVIII.

³ Sethe, *Urk. 18 Dyn.*, стр. 79, 81 и 88.

⁴ Mariette, *Karnak*, стр. 32 сл. Попытка Sethe объяснить этот памятник как относящийся к царствованию Тутмоса I (*Unters. z. Gesch. Aeg.*, стр. 42) является необоснованной, так как она всецело покоится на его исторически невозможной теории о престолонаследии Тутмосидов. См. опровержение его теории в моей статье «К вопросу о Тутмосидах» (в сборнике в честь Н. И. Кареева—«Из далекого и близкого прошлого», стр. 19 сл.). Любопытно, что свою сложную и уже a priori неправдоподобную теорию Sethe продолжал защищать и в последние годы жизни, несмотря на возражения Эд. Мейера (*«Geschichte des Altertums»*, II, стр. 110 сл.), в своем исследовании: *«Das Hatschepsut-Problem noch einmal untersucht»* (*Abhandl. Berl. Ak.*, 1932). Moret в своей *«Histoire de l'Orient»*, т. II, 1936, стр. 518 сл. следует Sethe, хотя аргументация его и в последнем исследовании не являлась убедительной.

⁵ При этом пострадала и окружающая надпись, и этим разрушением, произведенным по приказу Тутмоса III, и объясняется ее загадочность и невозможность понимания.

⁶ Почему реставраторы XIX династии восстанавливали вместо разрушенных картушей Хатшепсут иной раз картуши Тутмоса I, я объяснил в указанной статье в сборнике в честь Н. И. Кареева, стр. 27—28.

⁷ Sethe, *Urk. 18 Dyn.*, стр. 93.

⁸ Очень возможно, что это назначение и не имело места в прошлом, а было лишь впоследствии придумано услужливыми придворными историографами, чтобы дать возможность своему властелину отпраздновать великий день праздника Хебсед. Но то, что до нас дошла надпись самого Тутмоса I о том, что он вступил на престол и создал свою титулатуру (Sethe, *Urk. 18 Dyn.*, стр. 79), еще не доказывает, что он не был назначен престолонаследником при своем предшественнике. Это лишь говорит о том, что он не имел права тогда еще на царскую титулатуру. Потом он мог «забыть» это обстоятельство. Возможно также и то, что юбилей Хебсед мог справляться с момента назначения престолонаследника с титулатурой и без титулатуры. Ср. Sethe, *Beiträge zur Geschichte Amenophis IV* (*Nachr. Ges. Wiss. Göttingen*), *Phil. hist. kl.*, 1921, стр. 124—125), который приходит к данному выводу. См. в особенности в прим. 4 и

вполне следовать исторической действительности, когда он из этих тридцати лет лишь тринадцать ввел в свой хронологический расчет при определении длительности начала XVIII династии.

Но подобное сокращение царствования Тутмоса I является не только возможным: оно является и необходимым с исторической точки зрения. Его властно требуют современные автобиографические надписи, которые дошли до нас в сравнительно большом количестве. Все эти надписи свидетельствуют о том, что их составители жили при целом ряде следовавших друг за другом царствований. Действительно, вот что нам сообщает в своей надписи военачальник Амасис, который назывался Пеннехебом¹: «... я следовал за царями Верхнего и Нижнего Египта, богами, при которых я жил. Я следовал за их шагами в чужеземных странах севера и юга, где бы они ни находились: за царем Амасисом, за царем Аменхотепом I покойным, за царем Тутмосом I покойным, за царем Тутмосом II покойным, вплоть до этого благого царя, царя Верхнего и Нижнего Египтов Тутмоса III, которому дана жизнь вечная. Я достиг прекрасной старости, я был царским приближенным, я был в милости у их величеств. Моя любовь была при дворе. Возобновила мне почести жена бога, великая жена царя Макара»². Мы видим из этой надписи, что храбрый воин сражался за дело Египта при всех царях начала XVIII династии, начиная с Амасиса и кончая Хатшепсут и Тутмосом III.

Вероятно, при неменьшем количестве сменявших друг друга царей провел свою жизнь и один из наместников Нубии той эпохи. Надпись была увековечена на стенах храма в Семне (Нубия), но, к сожалению, она сильно фрагментирована в начале и в конце. Поэтому мы и не знаем даже имени этого сановника. В той части, которая сохранилась, он сообщает о должностях и дарах, предоставленных ему царями Амасисом I, Аменхотепом I, Тутмосом I и Тутмосом II³. На царствовании последнего надпись обрывается, но можно предположить, что заканчивалась она перечислением милостей, которыми автор надписи был осыпан при Хатшепсут и Тутмосе III.

Несколько более молодым, чем военачальник Амасис и анонимный для нас наместник Нубии, был начальник строительных работ в доме Амона Пениати. Его деятельность началась лишь при Аменхотепе I, но зато она и была продолжительной. Протекала она, начиная с царствования Аменхотепа I вплоть до единоличного правления Тутмоса III после смерти Хатшепсут Макара⁴. Современником Пениати был архитектор Инени. Он также начал свою карьеру при царе Аменхотепе I, но она была не столь долгой, как карьера Пениати, так как он не пережил Хатшепсут. Описав свою

стр. 124 его указание на то, что и царь Тутмос IV, заведомо правивший лишь десять лет, справлял праздник Хебсед и справлял его даже неоднократно. Sethe даже приходит к выводу, что празднование этого юбилея каким-нибудь царем можно доказать лишь установлением факта достижения им в момент праздника тридцатилетнего возраста. Вообще, в связи с этим надо высказать пожелание о том, чтобы поскорее была написана монография о празднике Хебсед на основании нового материала, который стал доступным в последние десятилетия.

¹ Его тезка, «начальник гребцов» Амасис, сын Эбаны, жил также при ряде царей — Амасисе I, Аменхотепе I и Тутмосе I (см. «Urk. 18 Dyn.», стр. 5 сл.). Но так как жизнь его прервалась на царствовании Тутмоса I, то его автобиография не может быть привлечена для определения длительности правления названного царя.

² «Urk. 18 Dyn.», стр. 34, 5—15. См. мою статью «К вопросу о Тутмосидах», стр. 24.

³ «Urk. 18 Dyn.», стр. 40—41.

⁴ Там же, стр. 52. Хатшепсут—Макара названа в надписи «возобновляющей» (герр. «возобновляющей жизнь»). Но из того, что она еще упоминается в надписи, следует, что данная надпись относится к самому первому времени единоличного правления Тутмоса III, когда этот последний еще не решался вступить в борьбу с партией своей умершей соправительницы. См. «К вопросу о Тутмосидах», стр. 26.

деятельность при Аменхотепе I, Тутмосе I и Тутмосе II, он сообщает о вступлении на престол сына последнего (т. е. Тутмоса III) и заканчивает свою надпись гимном в честь Хатшепсут, которая была правительницей при этом малолетнем своем племяннике¹.

Из этого анализа четырех современных началу XVIII династии автобиографий мы видим, что карьера составителей их протекала при целом ряде сменяющих друг друга царствований, начиная с Амасиса I или Аменхотепа I вплоть до одновременного правления Хатшепсут и Тутмоса III. Если бы о такой многократной смене царей сообщалось лишь в одной надписи, то мы могли бы сказать, что автор ее являл собою образец редкого долголетия. При наличии же четырех автобиографий—числа источников, весьма внушительного для столь отдаленной эпохи—подобный вывод о долгой жизни их авторов становится невозможным. При данных условиях единственным исторически возможным выводом является предположение, что все цари, при которых названные четыре сановника шествовали по пути славы, правили сравнительно короткое время. Поэтому сокращение деятельности царствований Аменхотепа I и Тутмоса I до 33 лет и 7 месяцев, каковой срок мы находим у Манефона, является постулатом для каждого историка, уяснившего себе отчетливо значение свидетельства показаний данных четырех автобиографий. Таким образом, в этом пункте хронология Манефона блестяще подтверждается современными памятниками. Мы должны будем только оставить открытым вопрос о распределении указанных тридцати трех лет между царствованиями Аменхотепа I и Тутмоса I. Дело в том, что эксерптор, который перепутал порядок следования Аменхотепа I и Тутмоса I², мог оставить число лет их правления на первоначальном месте. Тогда мы должны были бы предположить, что Аменхотеп I царил тринадцать лет, а Тутмос I—двадцать лет и семь месяцев. Но, конечно, могло случиться и обратное, а именно эксерптор мог, перепутав порядок царей, перепутать и годы их правления. Ввиду такой возможности я имею полное право условно приписать двадцать лет и семь месяцев Аменхотепу I, а тринадцать лет—Тутмосу I³.

Некоторое недоумение в хронологической системе Манефона может вызвать то обстоятельство, что Тутмосу II не отводится ни одного года самостоятельного царствования. Но, вероятно, этот царь действительно и не царил самостоятельно, а был некоторое время соправителем своего отца⁴, а затем, после смерти последнего, соправителем своего сына Тутмоса III и своей жены Хатшепсут. Умер он очень молодым, как это доказывает его мумия.

Его сын, Тутмос III, следуя примеру своего отца, очевидно, очень рано назначил соправителем сына своего Аменхотепа II. Поэтому Манефон сильно сокращает годы правления Тутмоса III, приписав Аменхотепу II годы соправительства с отцом. Период же самостоятельного царствования Аменхотепа II надо сократить, согласно свидетельству памятников, до мини-

¹ «Urk. 18 Dyn.», стр. 53 сл. См. Б. А. Тураев, Культурно-исторические памятники Древн. Востока, 3 вып. (1915), стр. 56 сл. См. и мою названную статью, стр. 23 сл.

² См. Список Африкана под XVIII дин.

³ Так, Fl. Petrie («History of Egypt», II) датирует его самостоятельное царствование годами 1516—1503, хотя английский автор полагает, что и тогда уже Хатшепсут была соправительницей царя. С 1503 г. по Fl. Petrie, началось совместное правление Хатшепсут с Тутмосом III. Ed. Meyer и Breasted держатся, как мы видели выше, того же порядка, что и Манефон, и считают царствование Тутмоса II периодом, не имевшим значения для хронологического расчета.

⁴ Тут можно было бы указать и на тот материал, который собран Sethe в первом томе «Unters.» (стр. 18 сл. и 38 сл.). Sethe не прав в датировке этого соправления, которое он вставляет в свою искусственную схему перипетий борьбы за царский престол в роде Тутмосидов.

му. Мы вынуждены привести эту аргументацию ввиду того, что некоторые из исследователей устанавливают двадцать шесть лет царствования Аменхотепа II, которые должны быть, по их мнению, приняты во внимание при хронологическом расчете. Таким образом, они определяют длительность царствования Хатшепсут, Тутмоса III и Аменхотепа II восемьюдесятью годами¹, а не шестьюдесятью, как Манефон. Я думаю, что и в этом вопросе современные памятники подтверждают правоту иерограмматиста из Себеннитского нома. По крайней мере несколько писем знаменитой телль-амарнской переписки определенно говорят в пользу «сокращенной» хронологии Манефона. Я имею в виду те два письма, в которых упоминается царь *Managriri* или *Managrija*². Сравнительно недавно Ранке доказал, что в указанной клинописной транскрипции скрывается тронное имя Тутмоса III (*Mn-grw-R*^c), а не тронное имя Тутмоса IV (*Mn-grw-R*^c), как это полагали раньше³.

И вот чрезвычайно важным для нашей цели проверки хронологии Манефона является контекст, в котором упоминается Манахирия — Тутмос III в указанных письмах телль-амарнской переписки. В первом из этих писем Аддунирари, князь Нухашше, напоминает египетскому царю, что отец его отца Манахирия, т. е. Тутмос III, поставил на княжество города Нухашше отца его (т. е. Аддунирари) Таку. Египетский царь, которому писал Аддунирари, не назван по имени, но это может быть, конечно, лишь Аменхотеп III⁴. Лишь при этом предположении можно объяснить тот факт, что Тутмос III был отцом отца (*Abu abi*)⁵ того египетского царя, которому Аддунирари писал свое письмо. Очевидно, царь Тутмос IV, который был отцом Аменхотепа III, не был сыном Аменхотепа II⁶, а был сыном Тутмоса III⁷. Он был младшим сыном великого завоевателя и не имел надежды попасть на престол обоих Египтов. Лишь смерть старшего брата расчистила ему путь к престолу⁸. Таким образом, Тутмос III мог быть, действительно, отцом отца Аменхотепа III, и свидетельство телль-амарнского письма может быть согласовано с исторической действительностью. Если же Тутмос IV был сыном Тутмоса III и братом Аменхотепа II, то и это обстоятельство говорит в пользу сокращения периода, отделяющего Тутмоса III от Аменхотепа III.

¹ Cp. E d. M e y e r, Chronol., стр. 68; Breasted, Ук. соч., стр. 447: Fl. Petrie, Hist. of Eg., II, стр. 97 и 152.

² Изд. Knudtzon («Vorderas. Bibl.», 11), №№ 51 и 59.

³ ÄZ, 56, стр. 73 сл.

⁴ А не Аменхотеп IV Эхнатон, как это полагают многие из исследователей.

⁵ Knudtzon («El-Amarna Tafeln», Введ., стр. 4) полагает, что это выражение «отец отца» можно понимать лишь в самом буквальном смысле. Такое толкование и Ранке (ÄZ, 56, стр. 75) считает наиболее вероятным.

⁶ Вельможа Харемхеп («Mém. Mus. franç. au Saire», t. V, стр. 432 и табл. V к стр. 434, низ в середине строки 7), правда, называет Тутмоса IV сыном царя Аменхотепа II, но возможно, что в данном случае «сын» является названием для преемника царя, точно так же, как «отец» служит обозначением царя-предшественника.

⁷ Правда, и по мнению Fl. Petrie («Hist. of Eg.», II, стр. 164—165) и Gauthier (B. d. R., II, стр. 300—301 и стр. 301, прим. 1), «мать царя, великая жена царя Тию» является матерью, а не женой Тутмоса IV и, следовательно, женой Аменхотепа II. Но я все же думаю, что Тию могла быть женой Тутмоса IV, и если в качестве таковой названа матерью царя, то из этого еще не следует, что она была матерью Аменхотепа III, матерью которого была, как мы знаем, царица Мутемуи. Тию могла быть матерью одного из других сыновей Тутмоса IV — царевичей Тутмоса или Аменхота (см. Gauthier, B. d. R., II, стр. 303—304). Лишь после смерти своего старшего брата он мог сделаться соправителем своего отца. Зато, что право на престол Аменхотепа III было не бесспорным, говорят изображения и надписи о чудесном рождении его в Луксорском храме. О происхождении его матери Мутемуи см. интересное исследование А П р и д и к а, «Mut-om-wija die Mutter Amenhoteps (Amenophis) III», Dorpat, 1924.

⁸ За это говорит знаменитая стела о сновидении Тутмоса IV у Гизехского сфинкса.

Сокращения этого же отрезка времени определенно требует и второе из вышеуказанных писем телль-амарнской переписки. В этом письме жители города Тунипа сообщают египетскому царю, вероятно Эхнатону, следующие данные о прошлом города: «Кто раньше заселил Тунип? Не заселил ли его Манахпирия (Тутмос III)? Боги и деревянные статуи царя Египта пребывают в Тунипе. Пусть наш господин опросит своих старейшин (сановников)»¹. Таким образом, старые люди эпохи Эхнатона могли в годы юности своей быть свидетелями славных дней великих завоеваний Тутмоса III. Следовательно, очень сравнительно недолгий промежуток времени отделял царствование Тутмоса III от царствования Эхнатона. О том же свидетельствуют и надписи гробницы вельможи Харемхеба, жившего при четырех царях—при Тутмосе III, Аменхотепе II, Тутмосе IV и Аменхотепе III².

На основании всего сказанного мы можем установить, что памятники, найденные в Египте, говорят определенно в пользу хронологии Манефона, которая сильно сокращает начальный период истории Нового царства. Согласно Манефону, мы должны довольно значительно отодвинуть назад начало царствования Аменхотепа III. Действительно, Брестед определил момент вступления на престол Аменхотепа III 1411 годом, а Манефон—1455 годом³. Если, как мы видели выше, памятники, найденные в Египте, говорят в пользу даты, установленной Манефоном для начала царствования Аменхотепа III, нам остается еще проверить эту дату с помощью материала, найденного вне Египта. Я имею в виду хронологию Вавилона и Ассирии, которая в последнее время обогатилась новыми материалами. Но, к сожалению, клинописные царские списки нам в данном случае полезными быть не могут. Они для касситской династии в редких случаях сохранили нам отметки о числе лет правления отдельных царей. Что же касается вавилонских и ассирийских синхронистических царских списков, то они полны ошибок.

Поэтому не хронология хваленых вавилонских и ассирийских писцов может нам способствовать в восстановлении хронологии Египта, а, наоборот, хронология, установленная столь оклеветанным иерографом из Се-веннита, может и должна корректировать хронологические построения ассиро-вавилонской истории. Опираясь на хронологию Манефона, мы можем со спокойной совестью определить царствование кассита Кадашман-Энлиля, современника Аменхотепа III, не годами 1410—1386⁴, а годами 1455—1431, и соответственно с этим мы должны отодвинуть назад во вре-

¹ Я следую переводу Ранке этого 53-го письма телль-амарнской переписки (см. *ÄZ*, 56, стр. 73).

² *Mém. Mus. arch. franç. au Caire*, II, стр. 434, табл. V, внизу направо перед наосом.

³ В восстановленной нами хронологической таблице Манефона начало царствования Аменхотепа III падает на апрель 1455г. Согласно же остракону 5637 Британского музея мы знаем, что Аменхотеп III был коронован в 13-й день 11-го месяца года, т. е. осенью, а не весной. Но это противоречие еще не доказывает неправильность в этом мелком вопросе хронологии Манефона, ибо назначение соправителем, с которого Манефон начинал царствование Аменхотепа III, могло и не совпадать с днем коронации, отмеченным в остраконе Британского музея. Этот день был отпразднован в момент начала единоличного царствования Аменхотепа III, после смерти его отца Тутмоса IV. Можно, конечно, предположить, что и в первоначальном тексте Манефона начало царствования Аменхотепа III падало на осень. Дело в том, что он, наверное, как и Туринский папирус, указывал наряду с числом месяцев и числом дней. Эксцерпаторы же его, опуская число дней, могли сократить этой небрежностью хронологию Манефона на четыре-пять месяцев, которые отделяют теперь восстановленную нами хронологию Манефона от даты остракона Британского музея. Но ввиду возможности и первого предположения я условно оставляю в хронологической таблице Манефона апрель месяц, как момент начала царствования Аменхотепа III.

⁴ Так определялось царствование названного представителя касситской династии на основании датировки Брестедом царствования Аменхотепа III (1411—1375).

мени его предшественников и преемников. Точно так же мы должны корректировать хронологическое определение правления ассирийца Ашшур-баллита, современника Аменхотепа III и Эхнатона, и его преемников на сорок лет раньше. На этом мы можем оставить ассиро-вавилонские царские списки и снова вернуться к проверке дальнейшей хронологии с помощью памятников, найденных в пределах Египта.

Много нового и даже неожиданного мы узнаем из хронологической схемы Манефона для истории тель-амарнского периода. Первым из подобных фактов является соправительство Аменхотепа III в последние шесть лет его царствования со своим сыном Эхнатомом. Об этом также можно умозаключить из того обстоятельства, что Аменхотеп III царил, по свидетельству памятников, тридцать шесть лет, а согласно Манефону — лишь тридцать лет и десять месяцев.

Такой тонкий наблюдатель, как Fl. Petrie, уже давно постулировал этот факт соправительства Эхнатона и Аменхотепа III на основании некоторых данных, засвидетельствованных тель-амарнской перепиской¹. Правда, тогда можно было сомневаться в реальности этого вывода Fl. Petrie ввиду того, что Эхнатон был, по мнению многих ученых, почти ребенком в момент смерти своего отца². Теперь же, после нахождения памятника, свидетельствующего о праздновании Эхнатомом hebсед-юбилея в самом начале своего царствования³, мы знаем, что царь-еретик вступил на престол своего отца уже зрелым мужчиной⁴. Следовательно, при таком условии соправительство Эхнатона со своим отцом в последние годы царствования этого последнего является вполне естественным, а поэтому свидетельство Манефона и в этом пункте приобретает наибольшую степень вероятности.

Другим пунктом, который может вызвать сильное недоумение многих исследователей по отношению к манефоновской хронологии тель-амарнского периода, является то большое количество лет, которое приписывает иерогаммам из Севеннитского нома этому периоду египетской истории⁵. Действительно, современные исследователи определяют длительность тель-амарнской эпохи примерно в двадцать пять лет (от 1375 по 1350 г.) и примыкающего к ней царствования Харемхеба — в тридцать пять лет (от 1350 по 1315 г.)⁶. Согласно же Манефону тель-амарнский период обнимал собою семьдесят шесть лет (от 1418 до 1342 года) и царствование Харемхеба — четыре года (от 1342 до 1338 года). Но нас после всего сказанного не может смутить столь большая длительность правления Эхнатона и его преемников, которую установил в своем труде Манефон. Ведь эта долгая хронология тель-амарнского периода обусловлена установленной в труде Манефона краткой хронологией предшествующего периода XVIII династии, начиная с царствования Аменхотепа I вплоть до Аменхотепа II.

¹ «Hist. of Eg.», II, стр. 207—208.

² Это мнение основывалось на том факте, что в саркофаге Эхнатона была найдена мумия молодого человека 25—30 лет. Ср. Elliot Smith, *Royal mummies* («Cat. gén. Mus. Caire»), стр. 51 и сл.

³ Издан был этот оксфордский рельеф Griffith, K A, V, 1918, стр. 61 сл.

⁴ Этому вопросу посвящено K. Sethe прекрасное исследование — «Das Lebensalter des Königs Amenophis IV» в «Nachr. Ges. Wiss. Göt.», Phil.-hist. Kl., 1921, стр. 122 сл. Он здесь пытается доказать, что мумия, найденная в саркофаге Эхнатона, не является мумией этого царя.

⁵ Интересный вопрос о том лишнем царе, который мы находим в манефоновском списке тель-амарнских царей, по сравнению со списками, установленными современными исследователями, я здесь не затрагиваю. Вообще, вопросы тель-амарнской эпохи я трактую лишь суммарно. Ведь, несомненно, традиция о тель-амарнской эпохе в деталях сильно пострадала, и Манефон знал, по существу, лишь общую ее длительность.

⁶ Таково хронологическое определение названного периода у Эд. Мейера («Chronol.», стр. 68) и Брестеда («Gesch. Aeg.», стр. 447).

Ввиду краткости этого предшествующего периода приходится и царствование Эхнатона отодвинуть назад на сорок лет.

Мы уже видели выше, что все данные Манефона о хронологии начала и середины XVIII династии подтверждаются современными памятниками. Поэтому и установление столь раннего момента для начала царствования Эхнатона соответствует, очевидно, исторической действительности. Что касается исхода тель-амарнского периода, то он был обусловлен для Манефона тем фактом, что год 1322—год третьего совпадения эры Сотиса с гражданским календарем—падал на царствование Сети I, второго представителя XIX династии. Ввиду данного синхронизма тель-амарнский период и царствование Харемхеба и не могли закончиться раньше конца сороковых годов XIV в. Таким образом, мы можем уже а priori сказать, что манефоновская хронология конца XVIII династии является безусловно правильной с исторической точки зрения.

Но мы можем привести еще и прямое свидетельство одного из современных памятников, а именно—знаменитой надписи Меса, восходящей к эпохе Рамсеса II. В этой надписи на своей гробнице в Саккара Мес увековечил все перипетии бесконечно долгого семейного процесса о земельном наделе, который был предоставлен одному из предков Меса еще в эпоху Амасиса¹. Самой древней из сохранившихся дат надписи, кроме указанной, восходящей к эпохе Амасиса, является следующая любопытная дата: «Во время преступника из Телль-Амарны»², т. е., очевидно, перед нами упоминание царствования Эхнатона. Этим временем датирован первый из приведенных Месом документов.

Другая дата, которая для решения нашего вопроса является чрезвычайно важной, соответствует пятьдесят девятому году Харемхеба³. К этому году восходит один из тех судебных актов, которыми Мес обосновывает свое повествование о многовековой семейной тяжбе. Это упоминание о пятьдесят девятом годе царствования Харемхеба вызвало немалое удивление у исследователей. Дело в том, что до нас не дошло от царствования Харемхеба ни одной надписи, которая свидетельствовала бы о столь долгом царствовании его. Поэтому уже в *editio princeps* надписи Меса была высказана догадка, что к годам правления Харемхеба были причислены годы правления его еретических предшественников⁴.

Дальнейшие исследователи, поскольку мне известно, примкнули к этой гипотезе без каких-либо оговорок⁵ и пришли, таким образом, к выводу о том, что «от конца царствования Аменхотепа III вплоть до вступления на престол Рамсеса I протекло по крайней мере шестьдесят лет»⁶. Но этот вывод является несколько поспешным, так как указанная гипотеза нуждается в небольшой поправке. Действительно, ведь придется признать, что в числе лет царствования Харемхеба надпись Меса эпохи Рамсеса II не включала царствования Эхнатона. Этот вывод с очевидностью следует из того факта, что надпись Меса упоминает документ, датированный «временем преступника из Телль-Амарны», т. е. царствованием Эхнатона. Мы видим, таким образом, что для официальной традиции XIX династии царствование Эхнато-

¹ Эта важная надпись была образцово издана Loret, *AZ*, 39, стр. 1 сл. Перевод и комментарий дал Moret (там же, стр. 11 сл.). Существенные поправки в понимание текста внесло ценное исследование Al. H. Gardiner'a—«The Inscription of Mes» («Untersuch. z. Gesch. Aeg., IV, вып. 3»). Я держусь выводов этого исследования.

² Строка 14 по счету издания Gardiner'a, ук. соч., стр. 54.

³ Строка 9 по изданию Gardiner'a, ук. соч., стр. 52.

⁴ Loret, *AZ*, 39, стр. 4.

⁵ E. d. Meyer, *Chronol.*, стр. 90, прим. 2, Gardiner, ук. соч., стр. 22, прим. 72; Brasted, ук. соч., стр. 447.

⁶ E. d. Meyer, ук. соч., стр. 90, прим. 2.

на не растворилось в правлении Харемхеба¹. Такой подход со стороны историографии эпохи Рамсеса II объясняется, наверное, тем, что Эхнатона, законного преемника царя Аменхотепа III, нельзя было исключить из числа царей Египта. Преемников же «преступника» Эхнатона можно было заменить военачальником Харемхебом, который стал выдвигаться уже при Эхнатоне². Присчитывая же восемнадцать—двадцать лет царствования Эхнатона к шестидесяти годам правления Харемхеба, о которых нам сообщает надпись Меса³, мы получаем те, примерно, восемьдесят лет, которые давал телль-амарнскому периоду Манефон.

Мы приходим, таким образом, к вполне определенному выводу, что «долгая хронология», которую Манефон, в противоположность современным исследователям, устанавливает для телль-амарнского периода, находит подтверждение в одной из надписей эпохи Рамсеса II. Манефон лишь ошибался в длительности царствования самого Харемхеба. Последний, несомненно, правил несколько десятилетий, поскольку время правления Эхнатона и его преемников было значительно более кратким, чем те семьдесят пять лет, которые давал им Манефон. Очевидно, Манефон располагал самыми суммарными сведениями о хронологии телль-амарнского периода. Но, конечно, нельзя согласиться и с мнением тех исследователей, которые готовы чрезмерно сократить время между Аменхотепом III и Харемхебом⁴. Ведь о том, что телль-амарнский период не был эфемерным эпизодом в истории Египта, свидетельствуют памятники эпохи самого Эхнатона и его ближайших преемников. Они свидетельствуют нам о долголетних смутах, которые потрясали страну в те годы.

Немецкие раскопки в Телль-Амарне познакомили нас с тем любопытным фактом, что на целом ряде памятников было тщательно уничтожено имя Нефертити, жены Эхнатона, и заменено именем ее старшей дочери⁵. Это обстоятельство доказывает нам, что последние годы Эхнатона были заполнены какими-то смутами⁶. Об этом же свидетельствует и стела, восхваляющая вступление на престол Тутанхамона⁷, она сообщает нам, что все в Египте

¹ Существовало и другое исчисление лет правления Харемхеба, засвидетельствованное одним из фиванских остраконов. Согласно остракону, к царствованию Харемхеба были присчитаны и годы царствования Эхнатона. См. «Oriental Institute communications», № 15 (1932), стр. 52—53.

² О том, что Харемхеб играл крупную роль уже при дворе Эхнатона, говорят почти все исследователи. См. мою статью «Эрмитажная стела Харемхеба» («Ежегодн. Рос. инст. ист. иск.», I, стр. 91—109), где я также пытаюсь доказать, что знаменитая гробница Харемхеба в Саккара была отчасти сооружена уже в эпоху Эхнатона.

³ Этот 59-й год царствования Харемхеба, о котором упоминает надпись Меса, являлся, наверное, годом фактического правления его, и поэтому писец и отметил точно число лет. Царствованием Харемхеба датируется еще другая перипетия в семейной тяжбе Меса. Она имела место во время, предшествующее 50-му году Харемхеба. В данном случае (№ 3, изд. Gardiner'a, стр. 42) мы имеем, кажется, более общую датировку [«во время царя» Харемхеба]. Если реконструкция правильная,—и размеры лакуны, кажется, требуют ее,—то мы имели бы указание на то, что эта стадия тяжбы относилась еще не к годам царствования Харемхеба, а к годам царствования одного из царей-еретиков, и поэтому писец дал лишь суммарную датировку, связанную с картушем Харемхеба.

⁴ См. Albright в JEA, XIII (1937), стр. 193 сл. Здесь же приведена и прочая литература.

⁵ Я цитирую этот факт по Н. Д. Флиттнер, Тутанхамон и последние открытия («Анналы», IV, стр. 203).

⁶ Эти смуты, наверное, начались вскоре после 18-го года Эхнатона, и ими объясняется факт прекращения серии надписей на винных кувшинах в 17-м году царствования. См. Fl. Petrie, Hist. of Eg., II, стр. 207.

⁷ Bissing («Phil. Wochenschr.», 1927, стр. 53—54) полагает, что царь Тутанхамон был преемником Эхнатона и что царь, изображенный в Саккарской гробнице Харемхеба, был не Эхнатон, а Тутанхамон. Когда же он стал отходить от путей, предначертанных Эхнатом, начались смуты и появились другие претенденты, как Сак-

«было отвращением, и страна была в таком же состоянии, как в момент первоначала, когда его величество вступил на престол». Затем следует описание разрушения храмов во всем Египте, начиная от Элефантины до Дельты, гибели всей страны, неудачи военных экспедиций и гнева богов¹.

Конечно, перед нами в лице этого повествования стелы Тутанхамона не литературный трафарет, имеющий целью представить нового царя в виде царя-спасителя², но ценное свидетельство о наличии серьезных потрясений в момент вступления на престол Тутанхамона. Потрясения эти были вызваны отчасти реформами Эхнатона, отчасти смутами конца его царствования.

Тутанхамон не мог восстановить порядок. После его царствования снова начались смуты, толчок к которым был дан попыткой его вдовы выйти замуж за хеттского царевича и посадить его на престол Египта³. Египетские вельможи убили хеттского царевича⁴. Наверное, это убийство послужило поводом к войне между мощным хеттским государством и сравнительно слабым тогда Египтом. Военные неудачи привели в конце концов к хаотическому состоянию внутри самого Египта.

О тяжелом, даже невыносимом социально-экономическом положении Египта свидетельствует знаменитый декрет Харемхеба, начертанный на стене Карнакского храма и начинающийся следующими характерными словами: «Его величество советовался со своим сердцем... чтобы прогнать зло и уничтожить неправду... он искал превосходного для Египта и исследовал причины утеснения страны»⁵. Затем перечисляются мероприятия, направленные к подчинению государству распоясавшихся чиновников

кара, а затем Эйе. Я полагаю, что он не прав в таком синхроническом сближении правлений Тутанхамона, Саккара и Эйе, но он прав в своем указании на смуты во второй половине тель-амарнского периода.

¹ Legrain, *La grande stèle Toutankhamon* в «*Rec. trav.*», 22, стр. 162 сл. Она была впоследствии узурпирована Харемхебом, который, таким образом, на практике проводил присвоение себе времени царствования своих предшественников.

² Этот трафарет был установлен Weill'ем в его большом труде «*La fin du moyen empire égyptien*», печатавшемся в «*Journ. As.*», начиная с 1910 г. В 1918 г. он появился в виде отдельных двух томов. Теория Weill'я привела его к историческим абсурдам, к отрицанию исторически уже засвидетельствованных фактов; кроме того, после появления его теории изданы памятники, которые окончательно подорвали ее значение. Он должен был отказаться почти целиком от своего трафарета в «*Journ. As.*», т. III, (1923), стр. 118 сл. О неисторичности надписи Тутанхамона Weill говорил в ук. соч. (I, стр. 45 сл.). Он отрицает за нею историчность ввиду того, что вскоре после Тутанхамона выступает Харемхоб в той же роли царя-спасителя. Но этот довод после установления «долгой хронологии» Манефона теряет свою силу.

³ Этот текст был полностью издан Zimmern и Friedrich (ZA, 1923, вып. 1). Zimmern склоняется к тому, что египетский царь Bibqururiaš, который упоминается здесь, соответствует царю Эхнатону. К этому же мнению примыкает и Н. Д. Флитнер («*Annalen*», IV, стр. 203—204). Я полагаю вместе с Ranke и Schäfer'ом, мнения которых приведены Zimmern'ом, ук. соч.), что данную клинописную транскрипцию легче возвести к тронному имени Тутанхамона—«Neb-qrw-R'», нежели к тронному имени Эхнатона—«Nfr-qrw-R'». Этого же отождествления клинописного Bibqururia с тронным именем Тутанхамона придерживается и Bissing («*Philol. Wochenschr.*», 1927, стр. 53—54). По его мнению, вдова Тутанхамона хотела выйти замуж за хеттского царевича из страха перед Харемхебом, который вел в царствование ее покойного мужа победоносные войны в Азии и Нубии. См. рельефы его Саккарской гробницы, хранящиеся в Лейденском музее. Albright в JEA, XXIII (1937), стр. 134, аргументирует свое отождествление Бибхуруриаша названного хеттского текста с Эхнатом указанием на то, что при Тутанхамоне Амарна была уже оставлена и поэтому амарнский архив уже больше не функционировал. Но переписку с Супилулиумой царица Египта могла вести из Мемфиса или из Фив.

⁴ Forger, «*Mit. Deutsch. Or. Ges.*», № 61 (1927), стр. 32. Цитирую статью по Zimmern'у, ук. соч. У нас В. К. Шилейко удалось найти в коллекции Н. П. Лихачева фрагменты этого же текста об убийстве египетскими вельможами хеттского царевича.

⁵ Я следую переводу Б. А. Тураева, *История Древнего Востока*, I, стр. 323.

и солдатчины, помощи беднякам и улучшению судопроизводства и областной администрации¹. Весь этот декрет висит в воздухе и необъясним с исторической точки зрения, если мы вместе с прочими исследователями предположим, что лишь короткий срок, не более десяти—двенадцати лет, отделяет начало царствования Тутанхамона, упорядочившего дела Египта, от начала царствования Харемхеба². Для нас же, следующих указаниям Манефона о длительности тель-амарнского периода, этот декрет Харемхеба приобретает подлинное историческое значение как средство, направленное на заличивание ран, которые были нанесены Египту предшествующими многолетними смутами. Данный декрет является главным памятником, который дошел до нас от царствования Харемхеба. Вообще от его эпохи сохранилось лишь немного памятников, и эта скудость их говорит, вероятно, в пользу свидетельства Манефона о том, что Харемхеб царил лишь четыре года.

Мы приходим, таким образом, в конечном итоге проверки хронологии Манефона о царствовании Харемхеба и о тель-амарнском периоде к тому результату, что данные иерограмматизма из Севеннитского нома заслуживают определенно больше доверия, чем построения современных исследователей. Столь положительный результат проверки данных Манефона по хронологии тель-амарнского периода является решающим для всего нашего исследования, так как в этом именно отрезке хронологии мы имеем наиболее резкие расхождения Манефона с современными исследователями. Если теперь оказывается, что туземный историк древнего Египта заслуживает большего доверия, нежели египтологи наших дней, то тем самым доказана необходимость считаться с данными и той части его труда, которая а priori подвергнута наиболее резким нападкам со стороны его критиков³.

Что касается всей последующей хронологии Манефона, то здесь его данные не находятся в непримиримом противоречии с данными современных исследователей, но лишь уточняют, весьма существенно, эти последние. Так, уже некоторые из современных исследователей полагали, что год 1322, год начала третьей «апокатастасис» — падал на царствование Сети I⁴, но лишь из Манефона мы узнаем об имени этой новой эры, и вместе с тем он нам сообщает тот год Сети I, который соответствовал 1322 году. Манефон же сообщает точную дату начала царствования Рамсеса II, а именно пятый год после 1322 года, года «апокатастасис». Ввиду столь большой близости его правления к великому году совпадения начала гражданского года с сотическим нам становится понятным тот факт, что на знаменитом астрономическом изображении Рамессеума выход Сириуса совпадает с началом гражданского года⁵. Еще более ценны данные Манефона для конца XIX

¹ Издан образцово декрет W. M. Muller'ом в издаваемой им серии «Egyptological Researches», I.

² Поэтому и Weill, ук. соч., I, стр. 45, видит в этом декрете лишь отражение литературного трафарета и отказывается усмотреть в нем отражение подлинных исторических событий.

³ Ср. оценку Borchard't'ом («Annalen», стр. 38) списков XVIII дин. у Манефона. Он говорит об «ужасной чепухе XVIII династии».

⁴ Так, например, Fl. Petrie, («Hist. of Eg.», III, стр. 7) определяет время царствования Сети I 1326—1300 гг. до н. э.

⁵ Эти изображения на потолке Рамессеума — см. L. D., III, 170, 171. Данные Манефона, таким образом, до известной степени подтверждают предположение, высказанное Brugsch'ем («Thesaurus», I, стр. 115), а затем и Mahler'ом AZ, 27, стр. 99 сл.), что это изображение Рамессеума было посвящено возобновлению периода Сотис. Ed. Meyer'у («Chronol.», стр. 38), определившему царствование Рамсеса II годами 1300—1234, подобное предположение казалось просто смешным. Но мы, знакомые с подлинной хронологией Манефона, можем признать, что оба названные ученые были весьма близки к истине. Они ошибались лишь в том отношении, что сам год *апокатастасис* относили к царствованию Сети I.

династии, лишь с помощью его данных мы можем установить точную хронологию этого темного периода.

На XIX династии заканчивается многострадальный II «томос» Манефона. III «томос» его труда пострадал меньше первых двух, и поэтому хронология его с самого начала может служить путеводной нитью в запутанном хронологическом лабиринте мало известного нам I тысячелетия. Манефон сохранил нам число лет правления XX и XXI династий. Его данные уточнили результаты остроумных исследований Legrain и Daressy о хронологии XXII и XXIII династий¹.

Время правления следующих XXV—XXVI династий может быть установлено во всех деталях лишь с помощью труда Манефона. Я готов даже следовать за иерогамматом из Севеннита и в датировке момента завоевания Египта Камбисом. Как известно, почти все исследователи определяют названное событие на основании преимущественно клинописного и греческого материалов 525 годом². Согласно же установленной нами хронологической таблице Манефона начало персидского владычества над Египтом надо датировать 526 годом. Очень возможно, что это хронологическое определение Манефона, почерпнутое им из такого ценного источника, как древнеегипетские анналы, является более точным, чем вывод современных ученых, покоящийся на не всегда ясных свидетельствах случайных греческих или клинописных источников.

Но если еще в этом вопросе, ввиду отсутствия средств проверки, можно колебаться, кому отдать преимущество—Манефону или современным исследователям,—то в определении времени правления Нектанеба II, последнего великого царя Египта и одной из наиболее трагических фигур мировой истории, мы должны следовать хронологии Манефона.

Согласно хронологической таблице последнего, названный царь правил от 358 по 341 год. Современные же историки определили царствование Нектанеба II на основании греческих источников годами 360—343³. Но счастливый случай нам сохранил астрономическую дату, с помощью которой мы можем с безусловной уверенностью решить, кто прав, Манефон ли и его анналы, или же современные историки с их греческими источниками. Эта астрономическая дата сохранилась в прелестной новелле о сне царя Нектанеба, дошедшей до нас в греческом переводе⁴.

Эта новелла начинается со сна, который видел Нектанеб. Содержание сна сводится вкратце к тому, что бог Онурис, бог войны и бог Севеннита, родины Нектанеба, жалуется ему на то, что его храм по вине верховного жреца еще не достроен. Царь, увидев этот сон, немедленно же аспорядился закончить все необходимые работы в храме своего городского бога».

¹ См. мою статью в I сборнике «Язык и мышление», стр. 103 и сл.: «Списки Манефона царей позднего Египта».

² См. V i l a b e l, IV вып. изд. Баденских папирусов, стр. 46. Он ссылается на исследование Lehmann-Haupt в RE, s. v. «Kambyses». Здесь приведена и вся предшествующая литература.

При отсутствии средств проверки (какая-нибудь астрономическая дата) можно предположить, что 526 год для завоевания Камбизом Египта получился вследствие небрежности эксцерпторов Манефона, не выписавших вместе с числом лет и число месяцев. При закруглении числа лет отдельных династий и получился у эксцерпторов, а не у Манефона, 526 год вместо 525-го.

³ Последним трудом, известным мне, по хронологии IV века вообще и, в частности, по хронологии последних туземных династий Египта является ценное исследование K a h r s t e d t'a «Forschungen z. Geschichte des ausgehenden fünften und des vierten Jahrhunderts», 1910. Хронология, предложенная Kahrstedt'ом, в общем является даже несколько более долгой, чем его предшественников.

⁴ Об этой новелле писал я в статье «У истоков романа об Александре» («Восточные записки ЛИЖВЯ» т. I; сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, 1927, стр. 139 и сл.). Там перечислены все издания данного текста.

Мы можем, таким образом, установить, что в тот момент, когда Нектанеб видел сон, он был еще всеильным властелином на протяжении всего Египта, а этот факт приобретает для нашей задачи большую действительность ввиду точной датировки в папирусе сна царя. Это событие датируется *ἔτος ις φαρμῦθι καὶ εἰς τῇν κβ κατὰ θεὸν διχομηνίας*.

Упомянутое здесь полнолуние может быть точно определено: оно соответствует тому, которое падает на ночь 5—6 июля 343 г. до н. э.¹. Следовательно, 343 год является шестнадцатым, а не восемнадцатым годом правления, как это полагали многие из современных исследователей. В таком случае восемнадцатый год—последний год последнего царя Египта—соответствовал бы 341 году, т. е. тому году, которым и Манефон определяет конец царствования Нектанеба II. Ввиду этого свидетельства даты сна Нектанеба даже такой жестокий критик, как Ed. Meyer, должен был признать правоту египетского историка в определении времени царствования последнего туземного царя Египта².

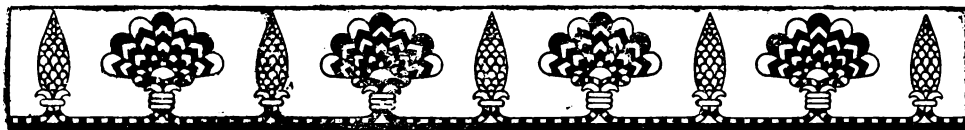
На этом мы можем закончить проверку данных хронологии Манефона, так как его данные о XXXI династии не противоречат данным современных историков. Имеется лишь различие во внутреннем осмыслении даты падения XXXI династии и прихода Александра, царя-спасителя Египта. Это был 332 год до н. э., один из рядовых годов нашего летоисчисления, а для иерограмматизма из Севеннита это был год после истечения 990 лет с момента начала эры Менофтиса—Сети I.

Восстановленная нами подлинная хронология Манефона должна будет приниматься во внимание для всех эпох истории Египта. Ведь, начиная эпоху Нового царства с 1584 г., Манефон становится бесспорно самым надежным руководителем в сложных вопросах хронологии Египта, и поэтому современные исследователи могут и должны на основании его указаний исправить свои хронологические построения истории Египта названной эпохи.

¹ Об этой дате см. St. Witkowski, «In somnium Nectanabi (Pap. Leid. V) observationes aliquot», Fos., XIV (1908), стр. 17 сл.; его же в «Archiv f. Papyruskunde», V, стр. 573.

² «Ägyptische Chronologie», стр. 151.

ТРЕТИЙ ПЕРЕСМОТР ДРЕВНЕЙ ХРОНОЛОГИИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

В. Ф. Олбрайт¹

Прошло уже шестьдесят лет с тех пор как впервые древневавилонская хронология была, казалось, прочно установлена на основании открытых тогда клинописных хронологических табличек и хронологических рядов. В 1880 г. был опубликован список вавилонских царей В, за которым четыре года спустя последовал еще более важный документ—список А.

В 1882 г. стала известна дата Набонида для Нарамсина аккадского—3200 лет до н. э.; два года спустя был опубликован цилиндр, содержащий эту дату.

За этими сенсационными находками последовало вскоре открытие Де Сарзекком архаических шумерских скульптур и документов досаргонского Лагаша, а в конце 90-х годов установление Гильпрехтом столь же древних дат для памятников, найденных в Ниппуре. Не удивительно, что ассириологи были взволнованы и сбиты с толку.

Гильпрехт без затруднений датировал одного из древних царей Эреха по имени Эншакушанна² временем около 6500 г. до н. э.,—мы знаем теперь, что он может быть приблизительно отнесен к 25 столетию до н. э.

В течение десятилетий наиболее серьезные ученые датировали Саргона аккадского временем около 3800 г. до н. э., и эта дата стала краеугольным камнем шумерской хронологии. Восемь династий списка царей А считались следующими одна за другой, и список был признан достоверным и в деталях, хотя короткие пропуски в конце списка были заполнены с помощью коньктур. Хаммураби, величайший царь Вавилона перед Набукаднецаром II, был в соответствии с этим отнесен к 24 столетию до н. э. (у Роджерса—в 1910 г.—около 2342—2288 гг.), а за первой династией предполагалась зияющая пустота в семь столетий, для которых сохранилось всего лишь одно современное свидетельство.

По прошествии времени были открыты новые списки и получены новые даты, но новый материал, хотя и требовал снижения дат в ряде пунктов, в особенности же между Саргоном аккадским и Хаммураби, еще оставлял значительный пробел между непосредственными преемниками Хаммураби и веком Тель-Амарны.

В общем же, благодаря возрастающему количеству дат, полученных от поздних ассирийских царей для их древних предшественников, так же

¹ Перевод Л. А. Ельницкого из «Bulletin of American Schools of Oriental Research», № 88 (1942).

² Об этом царе см. особенно у J a c o b s e n, The sumerian King List» (1939), стр. 170.

как и благодаря установлению большого числа синхронизмов между месопотамскими правителями II тысячелетия до н. э., древняя клинописная хронология представлялась установленной достаточно прочно.

Более консервативные приверженцы «длинной» хронологии (среди которых находился и автор) следовали «хронологии Венеры» (см. ниже), установленной Фозерингемом, помещающим царствование Хаммураби между 2067—2025 гг. до н. э., в то время как радикальные сторонники «низкой» хронологии принимают дату Вейднера—приблизительно 1955—1913 гг. Так обстояло дело до открытия табличек Мари (BASOR, № 69, 1938) установившего, что Хаммураби был современником ассирийского царя Шамши-Адада I, которого прежде большинство ученых считало значительно более поздним.

Принимая датировки Шамши-Адада,—прямо указанные одним из ассирийских царей XIII ст., и косвенно его преемниками (BASOR, № 69, стр. 19),—автор этих строк пришел к заключению, что Хаммураби должен быть отнесен ко времени между 1870—1830 гг. до н. э.

Эта поправка имела столь значительные преимущества с археологической стороны, что она казалась непреложной, и автор считал возможным сказать: «Хотя точность этих дат зависит от аккуратности писцов средне-ассирийского царства..., но по установлении новых синхронизмов вавилонская хронология может быть подвержена лишь минимальным колебаниям».

Многие ученые сочли это понижение даты Хаммураби чересчур резким, хотя выдающийся археолог М. Е. Л. Малован и объявил, что даты все же остаются еще слишком высокими¹. В этом убеждении ему сопутствовал Сидней Смит из Британского Музея²; его присоединение к еще слабой шере радикалов от хронологии заставил относиться ко взглядам последних с большим уважением. В 1940 г. Сидней Смит³ и автор этих строк⁴ независимо друг от друга пришли к необходимости принятия еще более поздней даты; первый фиксировал царствование Хаммураби соответственно циклу Венеры, между 1792—1750 гг. до н. э.—дата, которую автор предвзительно принял как точную⁵.

Автор, кроме того, заявил (BASOR, № 77, стр. 30), что новая хронологическая система является окончательной, «с допустимой ошибкой, которая может достигать и полустолетия, но вряд ли превышает двадцать или тридцать лет».

Вскоре вслед за тем автор пришел к убеждению в необходимости дальнейшего понижения дат в силу различных синхронизмов и в соответствии со сравнительными археологическими данными⁶.

Между тем ученый мир пребывал в нетерпеливом ожидании окончательного разрешения этой сложной проблемы в связи с публикацией хорсабадского списка ассирийских царей, найденного в 1933 г. во дворце Саргона III в Хорсабаде, при раскопках Восточного института Чикагского университета. После предварительного оповещения об этом важном открытии, фотографии оборотной стороны списка были опубликованы в нескольких американских газетах в марте 1934 г. Благодаря этим фотографиям стало возможным фиксировать ассирийскую хронологию с точностью до декады или двух (некоторые знаки трудно было читать в газетном издании) вплоть

¹ *Mélanges Dussaud*, II, (1939), стр. 891, прим. 1 (написано, повидимому, в 1938 г.).

² *«Antiquaries Journal»*, XIX (1939), стр. 46 сл.

³ *Alalah and Chronology*, London, 1940, стр. 25 сл.

⁴ BASOR, № 77, стр. 25—30.

⁵ *From the Stone Age to Christianity*, стр. 319, прим. 16. Я был чересчур смел в утверждении, что эта хронология точна с максимальной ошибкой не более чем на одно поколение с каждой стороны.

⁶ BASOR, № 78, стр. 23, прим. 1.

до середины XV ст. до н. э., но более древние даты оставались совершенно неизвестными. Наконец, в июле 1942 г. Арно Пибель, выдающийся ассириолог Чикагского университета, начал публикацию долгожданного документа, которая должна быть исполнена в три приема, по частям, вторая из коих только что появилась¹. И хотя полный текст списка еще не опубликован, он уже почти весь доступен для изучения в описании, транслитерации или фотографиях клинописного оригинала.

При сложении лет царствования хорсабадского списка мы получаем дату $1726 + x - 1694 + x$ для царствования Шамши-Адада I, при этом x равняется сумме двух царствований, цифры годов которых сбиты на табличке. Годы фиксированы по спискам эпонимов (содержащих имена чиновников — лиму каждого года), по фрагментированным параллельным спискам и т. п. вплоть до царствования Ашур-Надин-аххе I в начале XIV ст. То, что эти даты приблизительно точны, — по крайней мере для начального периода — явствует хотя бы из синхронности Ашур-Убалита I, царя Ассирии (1362—1327 гг. до н. э. соответственно хорсабадскому списку) и Аменофиса IV, царя Египта (прибл. 1377—1360 гг. до н. э.)², поскольку первый из них вступил на царство незадолго до смерти второго. Два царствования, годы которых на табличке отбиты, являются царствованиями следовавших одного за другим царей Ашур-раби I и его преемника Ашур-Надин-аххе I (Пибель, JNES, 1942, стр. 288). После тщательного рассмотрения Пибель приходит к заключению (ib., стр. 293, 296, 482), что оба царствования были столь коротки, что ни один из царей не имел собственного официального года, другими словами, что $X = 0$.

Как бы тонко ни было произведено Пибелем рассмотрение кажущихся противоречий в датировках, данных различными ассирийскими царями для некоторых из их предшественников, оно содержит еще слишком много недоказанных предположений, чтобы его можно было принять как достоверное. В самом деле, невозможно представить себе, чтобы ассирийские писцы оказались безгрешны там, где, как мы это можем показать, их вавилонские и египетские коллеги совершили немало ошибок. К тому же Ашур-раби I не был незначительным царем, поскольку его внук Ашур-рим-нишешу открывает им свою генеалогию и поскольку надписи Ашур-Убалита сто лет спустя указывают, что он был сыном царя Элила-насири I и отцом царя Ашур-нири II. Было бы поэтому слишком рискованно счесть оба эти царствования обладавшими совместно продолжительностью менее 20 лет. Принимая этот приблизительный расчет, мы должны датировать, таким образом, восшествие на престол Шамши-Адада около $1726 + 20$ или circa 1746 г. до н. э.

Вероятность этого приближения подтверждается и другими фактами, в особенности применением цикла Венеры. В 1912 г. Куглер показал убедительно, что некоторые вавилонские таблички, содержащие предзнаменования, основывающиеся на точных календарных данных, связанных с восходом и заходом планеты Венеры, базировались на систематических наблюдениях, произведенных в царствование Аммисадуга, десятого царя первой вавилонской династии. Очевидность этого была настолько ясной и полной, что компетентные ассириологи ни мало в ней не усомнились. В 1928 г. вы-

¹ «Jour. of Near East. Studies», July and October, 1924, стр. 247—306 и 460—492.

² Так, по несколько измененной хронологии Борхарда, которая, однако, в этом пункте представляется верной (ср. мои замечания в «JEA», 1937, стр. 193). Ей противоречит, однако, новая хронология Штейндорфа и Сила (When Egypt Ruled the East, 1942, стр. 275), в соответствии с которой частично синхронным является царствование царя-еретика, 1387—1366 гг. до н. э. Данные хорсабадского списка прямо противоречат этим последним датам, для выяснения чего мы должны ожидать обещанной статьи Сила.

дающийся ассириолог С. Г. Лэнгдон и два крупных астронома — Д. К. Фозерингем и Карл Шок подвергли систематическому изучению хронологическое значение табличек Вены¹. Они ограничились, правда, лишь исследованием всех возможных хронологических вариантов между 2000 и 1750 гг. до н. э. Но только в 1940 г. Сидней Смит и Д. В. С. Сьюэл занялись поисками еще более поздней даты, соответственно требованиям новых синхронизмов². Чтобы получить подобную дату, они спустились на 154 года ниже самой низкой из возможных по Фозерингему и Лэнгдону дат и относили царствование Хаммураби к 1792—1750 гг. (см. выше).

Для получения еще более поздней даты при помощи табличек Вены мы должны опуститься на 275 лет ниже любой из альтернативных дат Фозерингема (или на 64 года по последним изысканиям Сидней Смита), помещая Хаммураби между 1728—1686 г. до н. э.³.

Так как Шамши-Адад I царствовал 33 года и был еще на троне в десятом году царствования Хаммураби, он мог вступить на ассирийский престол не ранее чем за 23 года до Хаммураби. Далее, Мари был завоеван Хаммураби на 32-м году его царствования⁴, тогда как Зимри-Лим, царь Мари, царствовал около 30 лет и ему предшествовал по меньшей мере в течение 16 лет Иасмах-Адад, сын и наместник Шамши-Адада⁵. Это означает, что Шамши-Адад не мог стать царем Ассирии позже чем за 14 лет прежде Хаммураби. А так как он несомненно уже царствовал за несколько лет до завоевания последним Мари, мы можем с достаточной уверенностью датировать его восшествие на престол двадцатью годами ранее начала царствования Хаммураби, т. е. временем около 1748 до н. э., — на 22 года древней минимальной даты Пибеля (1726 г. до н. э.).

Нельзя отрицать, что 22 года являются в высшей степени подходящей цифрой для совокупности двух утерянных царствований хорсабадского списка. В соответствии с этим взглядом, начало первой династии Вавилона должно быть отнесено к 1831/30 г., с первым точным годом первого из ее царей в 1830/29 г. Благодаря списку формул-дат мы знаем точно продолжительность первых десяти царствований, а последний царь Самсудитана царствовал, по видимому, от 10 до 15 лет, т. е. приблизительно в 1561—1550 гг., судя по тем датировкам, которые можно отнести к его царствованию⁶.

Нижеследующая таблица должна послужить для наглядности наших хронологических расчетов. Ссылки и оговорки, сделанные в отношении некоторых данных, отнесены в примечания.

Рассмотрение этой таблицы показывает, что многие исторические и археологические затруднения ныне устранены и что периоды военной экспансии в каждой из стран хорошо координируются между собою. Так гиксосская экспансия при Хайвана⁷, царя пятнадцатой династии;

¹ См. Langdon and Fotheringham, *The Venus Tablets of Ammizaduga*.

² Sidney Smith, *Alalakh and Chronology*, стр. 26.

³ Ср. Сьюэл и Smith, loc. cit.; Neugebauer, *JAOS*, 1941, стр. 59.

⁴ Thureau-Dangin в *Symbolae Paulo Roschaker dedicate* (1939), стр. 11.

⁵ G. Dossin, «*Syria*», 1939, стр. 104 и сл.

⁶ Они сопоставлены Эбелингом в *Reallexikon der Assyriologie*, II, (1935), стр. 191 и сл. Только семь из этих формул достаточно хорошо сохранились и с полной достоверностью могут быть хронологически увязаны с его царствованием.

⁷ Это имя, относительно которого я говорил в другом месте, что оно, видимо, северо-западно-семитическое (последний раз в *Studies in the History of Culture* (Zeland volume), 1942, стр. 21 и сл., прим. 27, 36), было встречено недавно среди характерных северо-западно-семитических имен древней династии Ассур в форме Науану (родст. Науани), носитель которого жил в конце III тысяч. до н.э. (имя начинается с h, а не с d, как предлагал Пибель, op. cit., стр. 273).

ЕГИПЕТ	ПАЛЕСТИНА	СИРИЯ—АНАТОЛИЯ	СЕВ. МЕСОПОТАМИЯ	БАВИЛОНИЯ
I дин. (ок. 29 в.) ¹	Др. бронз. II (ок. 29 в.)	Джудейдех XII	Тепе Гавра VIII	Пер. Варка (ок. 32 в.) Пер. Джедет-Наср (ок. 30 в.)
IV дин. (ок. 26 в.)	Др. бронз. III (ок. 26 в.)	Джудейдех XI	Тепе Гавра VII	Др. династ. I (ок. 28 в.) Др. династ. III (ок. 26 в.)
V дин. (ок. 25 в.)			Тепе Гавра VI	Царские гробницы Ура (ок. 25 в.) Династия Аккада (ок. 2360—2180)
VI дин. (ок. 2300) Первый промежуток (22—21 вв.) XII дин. (ок. 1989—1776)	Др. бронз. IV (ок. 23 в.) Ср. бронз. I (21 в.) Тексты Зете Ср. бронз. IIIA (ТБМ ² .G) Тексты Позенера ⁴ (сер. 19 в.)	Джудейдех X Джудейдех IX и Хама J Каппадок. таблички (19 в.) Хама Н.	Тепе Гавра V Тепе Гавра IV Илшумма (ок. 1900)	Правл. гутеев (ок. 2190—2065) ² III дин. Ура (ок. 2070—1960) Дин. Исина и Ларсы (ок. 1960—) Вавилон I (4830—)
Слой Туд'а (ок. 1900)				
XIII дин. (1776—)				

¹ В отношении египетской хронологии ср. замечания, сделанные в From the Stone Age to Christianity, стр. 319, прим. 23.

² Относительно хронологии этого периода см. мои замечания в BASOR, № 69, стр. 20, примеч. 6.

³ ТБМ—Телль Бейт Мирсим («Annual», XII—XIII, XVII).

⁴ Относительно даты текстов заклятий, опубликованных Сете и Позинером, см. BASOR, № 83, стр. 32 и сл.

Продолжение

ЕГИПЕТ	ПАЛЕСТИНА	СИРИЯ-АНАТОЛИЯ	СЕВ. МЕСОПОТАМИЯ	БАВИЛОНИЯ
Нефер-Хотпе * (ок. 1740) Танцская эра (ок. 1720) XV дин. (ок. 1700—1590) XVII дин. (ок. 1570—) Аменофис I (1546—) Тутмос I (1525—) Хатшепсут (1490—) Тутмос III (1469—1436) Аменофис III (1413—1377)	Ср. бронз. II В (ТВМЕ) (17 в.) Царств. Хайаны (кон. 17 в.) Яхмос в Палестине (ок. 1550) Мегиддо IX Мегиддо VIII Пер. Тель-Амарны	Время Мари (ок. 1750—1697) Хама G Хетты: Лабарна (ок. 1600) Мурсил (ок. 1560) Тутмос I в. Сирии (ок. 1520) Хетты: Суппи-лулиума	Шамши-Адад (ок. 1748) Шуттарна I царь Митанни (ок. 1500) * Саушатар (ок. 1470) (время Нузи) Тушратта (ок. 1390) Ашур-убаллит, царь Ассирии (1362)	Хаммураби (1728—1386) (кодекс Хам. ок. 1650) Вавилон II (ок. 1675) Вавилон III (ок. 1600) Конец I дин. (ок. 1550) Агум II (ок. 1520) Конец II дин. (ок. 1475) Бурнабуриаш (ок. 1370)

* Нефер-Хотпе был современником Антина, царя Библоса, который, несомненно, идентичен Iantip-amtu, царю Библоса, современнику Зимри-Лима, царю Мари, соперника Хаммураби. Ср. BASOR, № 77, стр. 27 сл. (где мои даты должны быть понижены, подкрепляя таким образом датировку XIII династии Египта).

* Относительно этого царя см. у Сидней Смита в «Antiquaries Journal», 1939, стр. 43.

приходится на вторую половину 17-го столетия; в это время Вавилон при царе Абиэшухе находился в периоде наибольшего упадка своей военной истории, в то время как Ассирия была слаба, не давала надписей¹, а хеттская экспансия, при Лабарна и его преемниках, еще не началась. Нажим хеттов, таким образом, совершился на протяжении царствования шестнадцатой династии, когда гиксосские правители Нижнего Египта утратили большую часть своего могущества. Алеппо и Вавилон находились под ударом при Мурсиле I около того времени, когда Яхмос I напал на Палестину в конце своего царствования. Тотчас же вслед за смертью Мурсила хеттская держава пала, предоставляя египтянам полную возможность использовать победу над гиксосами для постепенного завоевания Палестины и Сирии.

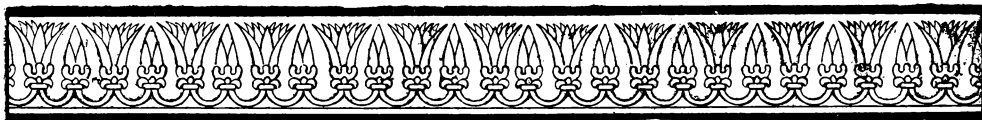
Из многих фактов, относительно которых пересмотренная нами хронология может оказать помощь сравнительной археологии, должен быть отмечен следующий, до сих пор остававшийся без внимания.

После открытия фортификационных сооружений гиксосского образца из *terre pisée* (глинобитные сооружения) на Телль Бейт Мирсим в 1932 г., я предложил его датировать примерно «временем первой половины семнадцатого столетия» («Annual», XVI, стр. 28 сл.), основывая эту дату на египетской хронологии, палестинской стратиграфии и археологических параллелях, из которых ни одна не затрагивается новыми месопотамскими датами. От моего внимания ускользнуло то, что мы обладаем прямым свидетельством относительно времени введения глинобитных сооружений в Вавилонии. В шумерской формуле-дате последнего года Хаммураби, приведенной после упоминания о происшествии предшествующего года (1687 г. до н. э), говорится, что «стена Сиппара, прекрасного города бога-солнца, была сложена из больших кусков земли» (аккадский перевод: *eper Sipparim issarku* «земля Сиппара была навалена»). Документы Мари подтвердили нам, что кони для колесниц вошли во всеобщее употребление при предшествующем поколении, поэтому не удивительно, что начали появляться земляные сооружения, включая и значительные военно-оборонительные устройства. На протяжении полустолетия подобные сооружения возникают, вероятно, по всей Западной Азии и в Нижнем Египте.

Это только лишь одна из многих столь же поразительных деталей. Не подлежит сомнению, что документы Мари и хорсабадский список впервые позволяют воссоздать стройную картину исторической эволюции Древнего Востока. Отныне история Древнего Востока, становится в действительности историей, а не только лишь собранием более или менее отрывочных дат.

¹ Это был эпиграфический пробел протяжением в два столетия от Шамши-Адада I до Ашур-нирари I (1494—1469 гг. до н. э.), при котором царские надписи опять возобновляются. На протяжении этого периода Ашур пребывал, повидимому, в чрезвычайном упадке.

О ФОРМАХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО НАДПИСИ ОБЕЛИСКА МАНИШТУСУ

Акад. А. И. Тюменев

Надпись на обелиске Маништусу представляет собою один из интереснейших документов шумеро-аккадской эпохи в истории древнего Двуречья, поскольку она содержит в себе ряд данных относительно экономической жизни и прежде всего относительно характера земельной собственности в области Двуречья во второй половине III тысячелетия до н. э. (времени аккадской династии). Естественно, что она неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, однако до сих пор содержание ее не может считаться вполне выясненным. Это зависит от того, что самое изложение ее крайне неясно и неопределенно и представляет большие трудности для ее интерпретации. «Научное значение этого документа, — как замечает один исследователь, — равняется темноте его изложения... Текст обходится почти совершенно без синтаксиса и сводится к отдельным изолированным словам, которые были вполне понятны для современников, но которые для нас представляют настоящий ребус»¹.

И действительно, главная трудность заключается не в фрагментарности документа (за исключением верхней части обелиска, заключавшей по несколько строк на каждой его стороне, текст сохранился хорошо и полностью²), но в крайней лапидарности самого изложения. Содержание документа состоит почти исключительно из перечня имен лиц и групп населения, так или иначе прикосновенных к совершаемому царем Маништусу акту приобретения земель, причем терминология, определяющая общественное положение этих отдельных групп, неясна и допускает самые различные, даже противоположные толкования. Самая сущность акта, о котором в документе идет речь, ввиду такой лапидарности изложения также представляет большие трудности для его интерпретации.

Обелиск Маништусу найден был в конце прошедшего столетия в Сузах и тогда же в 1900 году был издан в факсимиле с транскрипцией и переводом В. Шейлем³. Интерпретации текста надписей на обелиске посвящена была специальная статья Грозного⁴. Не меньшее внимание уделяет

¹ J. Fl a s h, La propriété collective en Chaldée, «Revue historique», XCV (1907), стр. 315.

² Предполагать, как это делает тот же исследователь (стр. 319), что в начальной (относительно незначительной) части документа содержались какие-либо исчерпывающие разъяснения относительно существа самого акта, о котором идет речь в документе, представляется маловероятным.

³ Obélisque de Meništa-irba roi de Kiš, «Mémoires de la délégation en Perse», II, Paris, 1900, стр. 1—52.

⁴ F. H r o z n y, Der Obelisk Maništus, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXI, I (1907), стр. 11—43.

ей и французский историк Flach¹. Интерпретируя содержание надписи Маништусу, оба исследователя приходят, однако, к диаметрально противоположным выводам. В то время как Грозный видит в лицах, с которыми царь вступает в сделку относительно приобретения земель, частных земельных собственников, Flach считает их представителями земельных общин, причем он не признает даже, что в данном случае вообще имел место факт продажи земли, видя в документе, записанном на обелиске Маништусу, односторонний акт, изданный царской властью². Известный исследователь древневавилонского права и законов Кюк, рассматривавший этот акт, подобно Грозному, как сделку относительно частновладельческих земель, видел в нем показатель существования в области Двуречья уже в эту отдаленную эпоху развитой частной собственности на землю³. В советской науке также не существует единогласия в оценке надписи Маништусу. Академик В. В. Струве в своей первой работе, посвященной проблеме рабовладельческих обществ древнего Востока, видел в данных надписи доказательства существования крупной земельной собственности уже в аккадскую эпоху⁴. Хотя в последующих работах он несколько иначе трактовал значение надписи, говоря о приобретении царем земель от господствующих родов⁵, или менее определенно у «местной знати»⁶, однако и в обоих этих случаях речь идет о землевладении знатных родов, а не собственно об общинном землевладении. Напротив, акад. Н. М. Никольский склонен рассматривать контрагентов царя Маништусу как представителей земельной общины⁷.

Обращаемся к самому документу. Все четыре стороны обелиска заполнены надписями. На каждой из сторон, обозначаемых издателем буквами А, В, С, D, идет речь о приобретении царем Киша от нескольких групп лиц земельных участков, причем эти участки расположены в различных округах (в округах Дурсин, Киш, Марадда, Шиттаб). Участки эти слагаются или из нескольких отдельно приобретаемых полей (на сторонах А и С говорится о трех полях в каждой), или же состоят из одного поля (стороны В и D).

Все эти сообщения о приобретаемых царем землях составлены по одному типу, хотя и далеко не тождественны между собой по содержанию, как это может показаться на первый взгляд. Сначала указывается размер приобретаемого царем поля в больших ганах (бурах), затем дается оценка его в гурях зерна и оценка (šim) в переводе на серебро (из расчета один серебряный сикль за один гур), далее указывается размер дополнительной платы (в серебре или в вещах)—   NIG-K I-GAReklim (чтение Шейля NIN-KI-NIN GAN неправильно).

За установлением ценности поля следует поименный список лиц, непосредственно участвующих в сделке (с указанием имени отца, иногда и деда). Сначала называются лица, получающие сверх платы различные «подарки»   Nig-BA-GAN (по преимуществу одежды разного качества, но также и другие предметы) с указанием получаемого каждым из них «подар-

¹ В названной выше статье, стр. 315—326. К статье (при стр. 336) приложена таблица, в которой сведены все данные надписи.

² *Ib.*, стр. 319.

³ Edouard Cuq., *Etudes sur le droit babylonien, les lois assyriennes et les lois hittites*, Paris, 1929, стр. 78.

⁴ «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока», «Известия ГАИМК»; вып. 77, М.-Л., 1934, стр. 52—53.

⁵ «Рабство в древнейшей Сумире», «Известия ГАИМК», вып. 97, М.-Л.

⁶ «История древнего Востока», (изд. 2-ое), М.-Л., 1941, стр. 80, 81—82.

⁷ Н. М. Никольский, О частном землевладении в древнем Двуречье. *Истор. журн.*, 1945, 1—2, стр. 36, 38—39, 42.

ка» и с подведением итогов как выданных вещей, так и числа получивших их людей. Число таких лиц по трем полям стороны А составляет 4, 4 и 2, по полю стороны В—11, по трем полям С—26, 12, 2, по полю D—10. Затем, только в двух первых полях стороны А, указываются имена участников сделки, не получающие «подарков» (3 и 5). Снова дается итог, на этот раз всех участников сделки, обозначаемых как «господа поля» (*bêlu eklim*)¹ и как «едоки (получатели) серебра» (*êkilût kaspim*)². К непосредственным участникам операции должны быть присоединены и перечисляемые далее, однако также далеко не во всех случаях (при приобретении первого поля стороны А в числе 10 и при приобретении поля В в числе 9), и именно называемые (также с указанием имен отцов) «братья» (родственники)—*aḥḥi* непосредственных участников сделки, хотя они уже не названы «едоками серебра». Наконец, все перечисленные лица объединяются в одну группу и обозначаются как *mâr mâr* («дети»—потомки) одного родоначальника (*Me-zi-zi, Ši-ša-ni, La-mu-um, UŠ-GAL, Dup-sî-ga, UR-UR*) и таким образом, очевидно, являются членами единого рода.

Перечисленными категориями число лиц, имеющих то или иное отношение к производимой сделке и так или иначе в ней заинтересованных, далеко не исчерпывается. В общих итогах по всем приобретаемым полям (но не по каждому в отдельности) надписей А и С и в надписи D приводится поименный список лиц (также с указанием имен их отцов), обозначаемых как *AB-AŠ AB-AŠ GAN* ()—термин, означающий «старейшин поля» (см. ниже). Рядом с *AB-AŠ AB-AŠ GAN* только в надписи на стороне С содержится перечень представителей администрации нубанд и па (угула) в числе 12 человек. Наконец, также в общих итогах, по всем приобретенным полям сторон А, В, С, D даются только суммарные (без поименного перечня) крупные цифры людей (*mâr mâr*), обозначаемых по месту жительства—Дурсин, Киш, Марадда, Шиттаб. Число этих *mâr mâr* по трем полям А составляет 190 человек, по полю В—80, по трем полям С—1200, по полю D—94. Как «старейшин поля», нубанд, па (угула), так и всю остальную массу людей, связанных с приобретаемыми царем землями, царь обещает кормить (*akalu ušakal*).

В заключение во всех четырех надписях помещен поименный список (как всегда, с указанием имен отцов) *AB-AŠ AB-AŠ GAN*—людей Аккада (Агаде) в числе 49 человек. Список этот дословно повторяется на всех четырех сторонах.

В конце каждой из надписей еще раз подтверждается, что все перечисленные поля или комплексы полей приобретены царем Киша Маништусу.

Уже из этого перечня содержания всех четырех надписей видно, что в данном случае непосредственным объектом сделки служат не частновладельческие земли, но земли обширных коллективов (общин). Самые размеры приобретаемых царем земель совершенно исключают предположение об их принадлежности частным собственникам. Насколько нам известно, частновладельческие земли (поскольку таковые существовали

¹ — Чтение этих клинописных знаков Шейлем в их шумерском произношении *TILLGAN* и соответственно толкование данного термина как *serfs*—крепостные сервы (стр. 8, примечание 3) неправильно. Термин должен читаться по-семитически *bê-lu*, и тогда значение его не должно внушать никаких сомнений.

² Шейль читает *akalu kaspri* и толкует это место в том смысле, что за *TILLU GAN*, в которых он, как сказано, видит крепостных сервов, признавалось право на оплату их труда серебром и довольствием—*serfs du champ avec nourriture et salaire*. Однако ни его чтение этого места, ни толкование одинаково неприемлемы и не получили признания.

в области древнего Двуречья) обычно не превышали 4—5 га и лишь в единичных исключительных случаях достигали 15—20 га. Между тем в надписи Маништусу речь идет об обширных земельных массивах. Поле А, состоящее из трех отдельных участков, в общей сложности составляет 74 $\frac{7}{18}$ бур (больших ган) ($24 \frac{7}{18} + 45 \frac{11}{18} + 4 \frac{1}{18}$), или около 450 га, поле В — 44 $\frac{3}{18}$ бур (около 270 га), поле С — 360 бур (2160 га) ($130 + 213 + 17$), поле D — 62 бура (около 375 га). Общий итог всей приобретенной царем площади составляет 540 $\frac{3}{18}$ бур (около 3258 га)¹.

Характерно, что при определении местоположения приобретаемых царем участков² в качестве их границ указываются исключительно реки, каналы, территории городских, сельских, племенных общин, владения царя или царских родственников (царского сына, брата), но ни в одном случае не упоминаются владения частных лиц.

Самые сделки на все приобретаемые царем поля совершаются не от имени отдельных лиц, но от имени группы родственников, членов единого рода, число которых доходит часто до нескольких десятков человек. Но и этого мало: в сделке оказываются так или иначе заинтересованными несравненно большие группы лиц: «старейшины поля», нубанды и па (угула), наконец, массы рядовых членов коллектива *mâr mâr*. По всем полям А на 28 членов родовых групп приходится 195 остальных членов коллективов, по полю В на 20 членов рода — 80, по полям С — на 40 членов родов — 1252, по полям D на 10 — 124. По всем приобретаемым царем землям из 1749 заинтересованных в этом акте людей непосредственными его участниками и получателями платы («едоками серебра») и их родственниками оказываются только 98 человек.

Но если таким образом представляется несомненным, что Маништусу имел дело не с единоличным, а с коллективными владельцами, то для того, чтобы установить характер и значение коллективов, с которыми он вступал в сделки, необходимо прежде всего рассмотреть положение отдельных перечисляемых в нашем документе групп лиц и их отношение к коллективу.

Наиболее затруднительным представляется вопрос относительно положения в коллективе *bêlu eklim*, в которых обычно видят непосредственных собственников приобретаемых царем земель. Термин *bêlu*, означающий буквально «господин», употребляется, правда, также и в значении «владелец», «собственник», однако вовсе не обязательно. Слово это могло означать также распорядителя, в данном случае общинными землями. В кудурру касситской эпохи — документах, представляющих близкую, хотя, конечно, и неполную, аналогию с надписью обелиска Маништусу, термин *bêl bitî* употребляется для обозначения главы племенной общины. Поскольку *bêlu eklim* не являются единоличными владельцами, но образуют родовые группы, поскольку, с другой стороны, они, как видим, возглавляют обширные коллективы, термин *bêlu eklim*, повидимому, в данном случае следует понимать именно в этом последнем смысле и соответственно видеть в этих активных участниках сделки с царем не частных

¹ Акад. Струве видит в образовании обширных земельных владений результат скупки земель крупными собственниками («Проблемы»..., стр. 52). Правда, факты скупки земель (и то от позднейшего времени) нам известны, однако такая скупка земель производилась небольшими разрозненными и рассеянными в различных местах участками, причем обработка этих участков производилась обычно путем сдачи их в аренду. Предположение о скупке исключается в данном случае и потому, что речь идет здесь, как сказано, о собственности не отдельных лиц, а коллективов.

² Указание границ приобретаемых царем участков помещается после списка *bêlu eklim* и их родственников. См. А, IX, 12—24; В, VI, 5—17; С, XIII, 13—25; IX, 1—12.

собственников в собственном смысле, а членов родовых групп, занимающих в то же время в своих коллективах руководящее положение. Именно так, например, и обстоит дело в группе полей А, где в качестве «старейшин поля» (AB-AŠ AB-AŠ GAN) фигурируют сыновья и внуки bēlu eklim. Из пяти AB-AŠ AB-AŠ три оказываются сыновьями одного из bēlu eklim Айар Эа (А, X, 6 сл; ср. А, VII, 2—8) и один—внуком другого bēlu eklim Энна Хум, который сам в то же время является «старейшиной» города Дурсин (bēlu alī Dûr (ilu) Sin ki (А, X, 11 сл; ср. А, VI, 11). Как видим, в данном случае члены рода Мецици, занимающие первенствующее место в общинном коллективе, сохраняют еще с этим последним непосредственную связь, принимая близкое участие в его делах в качестве «старейшин». В поле В группа старейшин не упоминается вовсе, вероятно, потому, что bēlu eklim в данном случае непосредственно выполняли роль «старейшин». Иначе обстоит дело в полях группы С, возглавлявшихся членами родов патеси г. Кислах¹, нубанды Бар Им, какого-то крупного чиновника nâgîru (наместника), но об этом ниже.

Что касается группы AB-AŠ AB-AŠ GAN, то, как уже сказано, согласно буквальному значению этих слов—«старейшины поля», мы должны видеть в них старейшин данной земельной общины.

Уже по одному тому, что во главе каждой группы стоят старейшины, в остальной массе людей mâr mâr мы можем видеть только рядовых общинников. С этим вполне согласуется и обычное применение этого термина в отношении общинников. Тот же термин (в шумерском чтении TUR—TUR или DUMU—DUMU) употребляется, например, в документах из Шуруппака (Фары) для обозначения именно общинников, занятых на общественных работах и получающих довольствие от государства². С тем же значением термин DUMU встречается и позднее в документах из Уммы времени третьей династии Ура³.

Только в коллективах полей С мы встречаем, кроме bēlu eklim и AB-AŠ AB-AŠ GAN, еще представителей администрации—нубанд и па (угула), что объясняется особым положением этих коллективов, повидимому, уже втянутых в патесиальные хозяйства. Коллективы эти, как сказано, возглавлялись или непосредственно членами семьи патеси, или же их ставленниками. Не случайность, конечно, что и земельная площадь этих коллективов резко выделяется своими размерами среди полевых владений остальных групп. В первом из трех полей С числилось 130 бур (около 780 га), во втором даже—213 бур (около 1300 га), третье поле, возглавляемое двумя членами семьи nâgîru, было значительно меньших размеров, всего 17 бур (100 га). В общей сложности все три поля С образовали площадь в 360 бур, что составляло ровно $\frac{2}{3}$ всей приобретаемой царем Маништусу территории, равнявшейся 540 бурам. В то же время мы не

¹ Правда, Грозный, читающий вместо AB-AŠ—AB-SU, понимает AB-AŠ как AB-AŠ GAN—Verwalter des Feldes, однако такой перевод не только не соответствует буквальному значению этих слов, но и затрудняет понимание самого текста, поскольку остается неясным, от чьего же имени действуют эти «правители поля». И Шейль, и Flach дают перевод, более близкий к буквальному значению термина abu: anciens du champ. Относительно значения термина abu ср. Deimel, Sumerisches Lexikon, s. v.; Prince, Materials for a sumerian Lexicon, Leipzig, 1905—1908, I, стр. 11—12; (Muss-Arnolt, Reference glossary of assyrian words, стр. 371 s. v. В самой надписи Маништусу термин abu употребляется неоднократно в отношении старейшин городов, см. А, VI, 12; X, № 5; С, XIV, 28; XII, 4. Ср. надписи на конусе В—С Урукагины, столбец X, строки 36—37: AB—AŠ—ŠI Nina^{ki}—na—me (Нина—квартал Лагаша).

² Deimel, Wirtschaftstexte aus Fara, Leipzig, 1924; №№ 65, 193 и др.

³ Conteneau, Contribution à l'histoire économique d'Umma, Paris, 1915, №№ 29 и 31; Genouillac, Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our, Paris, 1922, № 5675.

находим здесь и той связи, какая существовала, например, между *bêlu eklim* и остальным коллективом в группе полей А. Здесь возглавляющие общинный коллектив роды и семьи, повидимому, уже не входят в него в качестве его членов, но стоят над общиной: среди *AB-AŠ AB-AŠ* мы не находим здесь ни одного члена из семей правящих родов. Напротив, в качестве «старейшин поля» здесь фигурируют почти исключительно назначенные лица. Назначаются при этом по преимуществу члены семейств, принадлежащих к административно-хозяйственному персоналу патесиальных хозяйств. В числе «старейшин поля» мы встречаем здесь семь сыновей нубанд¹ и одного нубанду (С, XIV, 23 сл.), сына па (угула) (С, XV, 6 сл.), сына судьи (С, XIV, 22 сл.), сына какого-то видного чиновника (С, XVII, 22 сл.), жреца (С, XIV, 24 сл.), его сына (С, XVII, 16 сл.) и внука другого жреца (С, XV, 10 сл.). Но хотя таким образом группа старейшин полей С и назначалась свыше и по своему составу и происхождению принадлежала к классу высшей администрации, в помощь им, кроме того, был придан и собственно административный персонал в лице двенадцати нубанд и па (угула) (С, XIX, 14) и трех писцов (С, XVII, 7). Все это свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело уже не со свободной или полусвободной общиной, но с общиной, всецело вовлеченной в патесиальное хозяйство и управляемой и подчиненной контролю специальной хозяйственной администрации.

Ближайший анализ данных надписи Маништусу показывает таким образом, что контрагентами царя в его акте по приобретению земель были не частные землевладельцы и что объектом сделки были не частновладельческие, но общинные земли. Царь приобретает эти земли частью от представителей общин, сохранивших еще большую или меньшую самостоятельность, а частью же земли общин, уже утративших независимость и вовлеченных непосредственно в патесиальные хозяйства. Теперь остается установить, какова была цель покупки и каково было назначение приобретаемых царем земель. По предположению акад. Струве, «Маништусу скупал земли на севере, в области Аккада, чтобы посадить здесь знать сумерийских городов»². «Царь покупает 4 комплекса полей в городах Дурсин, Кише, Мараде и Шиттабе и обязуется давать кормление (следовательно, работу) жителям этих городов. Очевидно, сумерийская знать переселилась на север не одна, а с частью населения своих городов, которое и выполняло работу на новых землях. Жители же указанных выше 4 городов выполняли, очевидно, работу по жатве, резке тростника, словом, по всем тем работам, для которых в эпоху III династии Ура нанимались батраки»³.

В «Истории древнего Востока» (1941 год), стр. 81—82, академик Струве говорит также о поселении на приобретенных землях шумерской знати, но в то же время там же идет речь об обязательстве со стороны Маништусу кормить «тех жителей, которые получили работу на землях, купленных царем». Остается, таким образом, неясным, приобретались ли земли для передачи их новым владельцам или для непосредственной эксплуатации в царском хозяйстве. Имеются ли, однако, в нашем документе данные для подобных выводов? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего выяснить, кто были те «люди Аккада», тождественные списки которых помещены в заключение всех четырех надписей различных сторон обелиска, и каково было их непо-

¹ С, XV, 13 сл., 19 сл.; XVI, 2 сл., 13 сл., 16 сл.; XVII, 26 сл.; XVIII, 2 сл.

² В. В. Струве, «Проблемы», прим. 106.

³ В. В. Струве, «Проблемы», прим. 108; ср. его же «История древнего Востока», изд. 2-е, М.-Л., 1941, стр. 80 след.

средственное назначение. Уже одно то, что все эти люди названы в документе «людьми из Аккада» (А, XVI, 16), делает сомнительным их шумерское происхождение. Правда, в числе их в виде исключения встречаются и люди, носящие шумерские имена, в их числе потомки патеси Гишху (А, XII, 19 сл.), и сын Энгальси Урукагина, патеси Ширпурлы (Лагаша)¹, однако большинство имен этого списка семитические, причем список открывается именем «брата» (родственника) царя. В своем большинстве, во всяком случае, это были, таким образом, представители аккадской, а не шумерской знати, что и было вполне естественно, поскольку сам Маништусу был именно аккадским царем.

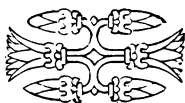
Надпись Маништусу в то же время не содержит никаких прямых указаний относительно переселения на приобретаемые царем земли людей из других областей. Не более оснований у нас и для того, чтобы предполагать, что приобретаемые царем земли предназначались им для передачи в собственность или хотя бы в пользование «людям Аккада». В таком случае они в качестве новых *bêlu eklim* не были бы названы *AB-AŠ AB-AŠ GAN*. В то же время и списки их имен не приводились бы суммарно, но были бы распределены по отдельным полям. Напротив, все данные определенно говорят за то, что приобретаемые Маништусу земли переходили непосредственно во владение самого царя. Недаром в конце каждой из четырех надписей, уже после перечня «людей из Аккада», Маништусу специально повторяет, что земли приобретены им, т. е., следовательно, для самого себя. Группы, занимавшие в общинах привилегированное или господствующее положение, получали плату и должны были уступать свое место царю. Остальное население, повидимому, оставалось на месте. Притом вместе с общинными землями в распоряжение царя поступали и сами общины и труд общинников, которые должны были с этого времени обрабатывать поля и выполнять различные повинности в пользу царя. Именно в связи с этим следует понимать и обещание царя кормить как рядовую массу общинников, так и возглавлявших их старейшин и представителей администрации. Раз все эти люди переходили в царское хозяйство, они, естественно, и содержание должны были получать из рук царя. Для наиболее обширной группы людей *mâr mâr*, связанных с полями С (1200 человек), указан и административный центр, из которого они будут получать содержание и от которого, повидимому, они должны были находиться в непосредственной зависимости (С, XIX, 21, 27).

Вместе с этим в ином свете представляется и та роль, которая предназначалась для «людей Аккада». Поскольку они названы в документе *AB-AŠ AB-AŠ GAN*, т. е. тем же термином, как и ранее существовавшая на этих полях группа старейшин, они, очевидно, предназначались для замещения или для пополнения рядов прежних старейшин и соответственно должны были выполнять те же функции и обязанности, как и эти последние. Положение их было, таким образом, совершенно тождественно с положением назначенных «старейшин поля» группы полей С². И по своему происхождению и социальному составу люди Аккада соответственно близки к этим последним. В числе их прежде всего также фигурируют сыновья крупных чиновников, нубанд, писцов и т. п.

¹ А, XIV, 7 сл. Трудно сказать, в каком отношении этот патеси Ширпурлы (Лагаша) находится к историческому Урукагине.

² Представителей администрации, а не жалуемых новых собственников видит в «людях Аккада» и L. W. King, *A History of Sumer and Akkad*, London, 1910, стр. 298, но тем менее менее понятно его предположение, что новые правители должны были привести с собой и новых землевладельцев, предположение, непосредственно опровергаемое данными самого документа Маништусу.

Подводя итог нашему исследованию, мы можем, таким образом, констатировать, что надпись обелиска Маништусу свидетельствует не о развитии частной земельной собственности, как принято думать, а, напротив, о продолжающейся хозяйственной концентрации и о поглощении общинных земель и земель местных патесиальных хозяйств царским хозяйством. Со стороны аккадского царя с перенесением резиденции из Аккада в Киш вполне естественно было принять меры к подчинению своему контролю и к вовлечению в свое хозяйство ближайших к этому городу земель, вводя в состав местных общин и администрации своих людей — «людей Аккада».

ВАВИЛОНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ VIII—VII ВВ. ДО Н. Э.

И. Дьяконов

I

В 1912 г. Стивен Лэнгдон издал статью под названием «Старовавилонская табличка предсказаний царю»¹. Речь идет о табличке Британского музея OT I, происходящей из библиотеки ассирийского царя Ашурбанипала (669—626 гг. до н. э.) в Ниневии. Текст этой таблички построен по типу «предзнаменований» и содержит ряд предостерегающих предсказаний царю, выводимых, однако, не из обычных примет, как, например, форма печени жертвенного животного, «чудесные» рождения, поведение животных, природные явления,—а из политической деятельности царя.

Мы знаем, что в сводках «предзнаменований», наряду с совершенно мифическими случаями, несомненно, есть и такие, которые восходят к конкретным наблюдениям в практике жрецов. Часто гадания совершались в связи с теми или иными историческими событиями; нередко результаты гадания фиксировались и в разное время заносились в сводки «предзнаменований». Серии «Omina» содержат благодаря этому большое количество реальных исторических данных². Когда же, как в случае таблички OT I, речь идет о совершенно особом сочинении, не входящем ни в какую сводку, и когда при этом предсказания делаются не на основании примет, а на основании определенных политических мероприятий царя, за которые ему грозят гибельными последствиями, то мы вправе считать, что здесь в форме «предзнаменований» мы имеем политическое сочинение с вполне определенным адресом³. Установить дату этого сочинения было бы важно и для политической истории Вавилонии и Ассирии и для истории идеологии в этих странах.

¹ St. Langdon, An early Babylonian Tablet of Warnings for the King, JAOS, 28, стр. 145 сл. Перевод с легкими сокращениями у Б. А. Тураева, История древнего Востока, т. I, изд. 1935 г., стр. 115. Последнее издание текста в СТ, XV.

² Как заметил уже Г. Винклер в Altorientalische Forschungen, III, стр. 239, исторические указания имеются и в тех «предзнаменованиях», где не упоминаются собственные имена царей.

³ Это не единственный случай, когда под формой предзнаменований скрывается иное содержание. Постепенно в серии «Omina» были включены различного рода поучения. Таковы, например, предсказания мужу о его поведении в браке и при разводе в 104 таблице серии Summa alu («Если город расположен на возвышенности») — V i o l l e a u d, Babylonica, III, стр. 214 сл. Эти предсказания, отражающие, видимо, господствовавшие в обществе этические воззрения, интересно сравнить с соответственными правовыми нормами кодекса Хаммурапи и особенно с ассирийским судебником. По сравнению с тем и другим точка зрения 104 таблицы серии «Если город» оказывается значительно более гуманной.

С. Лэнгдон, издавая текст, предложил его датировать временем Хаммурапи, отдавая дань господствовавшей тогда концепции, возводившей едва ли не все, что было создано вавилоно-ассирийской литературой, к этому времени. Датировка эта является общепринятой¹, но базируется, как мне кажется, на не достаточно основательных доводах. «Более нежели прочие предсказания,—пишет С. Лэнгдон (ук. соч., стр. 146),—должно поразить историка то из них, которое запрещает рекрутировать воинов из Сиппара, Ниппура и Вавилона. Это могло быть возможным только тогда, когда Вавилония была необъятной империей и могла довольствоваться чужеземными воинами. Единственный возможный период—это период Хаммурапи. Это лишнее доказательство того, что источники большой библиотеки Ашурбанипала—старовавилонские». С нашей точки зрения наличие иммунитетов у крупнейших торговых и ремесленных центров Вавилонии указывает не на силу, а на слабость государства. Чтобы не основываться на априорных суждениях, необходимо анализировать самый текст и терминологию таблички. Привожу транскрипцию и перевод, так как обработка текста, произведенная С. Лэнгдоном, не является окончательной и допускает в некоторых случаях иные толкования.

II

DT I

(Лицевая сторона)

1. šarru a-na di-ni la i-ḫul nišê^{mes}-šú innešâ^{me+a³}) mât-su in-nam-mi
2. a-na di-in mâti-šu la i-ḫul dÊ-a šar šîmâti^{mes}
3. šim-ta-šú ú-ša-an-ni-ma a-ḫi-ta emmedû^{mes}-šú
4. a-na apkalli-šú la i-ḫul ûmê^{mes}-šú ikarrû^{mes 3)}
5. a-na ummâni la i-ḫul mât-su ibbalkat-su
6. a-na giš-ḥap-pi i-ḫul tēm mâtî iššannî^{ni 4)}
7. a-na ši-pîr dÊ-a i-ḫul ilâni^{mes} rabûti^{mes}
8. ina ši-tul-ti ù tu-da-at mi-šâ-ri emmedû^{mes}-šú
9. mâr Sippar^{ki} i-da-âš-ma a-ḥa-a(m) i-di-in dŠamaš dajjân šamê u eršeti
10. di-na a-ḥa-a(m) ina mâti-šu išakkan-ma apkallu u dajjânî^{me} ana di-nim La ibaššû^{me 5)}
11. mârê^{mes} Nippur^{ki} a-na di-nim ub-lu-i-šum-ma ḫât kat-ra-a-ti-ma i-da-aš-su-nu-tim
12. dEn-Lîl bêt mâtâtî amêl nakra a-ḥa-a(m)
13. i-da-kaš-šum-ma šâbê^{na}-šú ú-šam-ḫâ-t(im)
14. rubû u šu-ut-rêši-šu ina sūḫi zi-lul-liš⁶⁾ iṣ-ša-nun-du
15. kasap mârê^{me} KĀ-DINGIR-RA^{ki} ilḫê^e-ma a-na makkuri ú-še-ri-bu

¹ На ней основывается в своих выводах и Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 115.

² Br. 11209, ŠL 569,3 = ešû «быть мятежным»,

³ LUGUD-DA=kurû «быть кратким»—ŠL 483,36.

⁴ MAN=šanû «изменять(ся)»—ŠL 471,17; KU. KUR=tēm mâtî, ŠL 536,26. Ср. обычный нововавилонский титул «šakin tēm mâtî».

⁵ ME^{me}; ME=bašû, «быть», Br. 10561.

⁶ ESIR=sūḫu «улица»; zilulû=sullû «часть улицы (?)» Delitzsch, HWB s. v. или «ничтожный», «низкий»: Deimel. ŠL.

16. di-in amêl TIN-TIR^{ki+meš} išmê-ma a-na ға-и tur-ru¹⁾
17. ^dMarduk bêl šamê u eršeti aja-bi-šu eli-šu išakkan-ma
18. bušû makkur-šu a-na amêl¹nakri-šú i-šar-rağ
19. mâr Nippur^{ki} Sip-pâr^{ki} TIN-TIR^{ki} an-na e-me-da
20. a-na bît ši-bit-ti(m) šu-ru-bu
21. a-šar an-na(m) in-né-en-du âlu ana birûti²⁾ išappak
22. a-na bît ši-bit-ti(m) šu-ru-bu amêl¹nakru ahû³⁾ irrubub
23. Sippar^{ki} Nippur^{ki} u TIN-TIR^{ki} mithariš ušatbī(l)^{bi 4)}
24. Šâbê^{meš} šú-nu-ti(m) ṭup-ši-ik-ka e-me-da-a(m)
25. il-ki ši-si-it amêl¹ na-gi-ri e-li-šú-nu u-kan-nu
26. ^dMarduk apkal ilâni^{meš} rubû muš-ta-lu(m)
27. mât-su a-na amêl¹ nakri-šú ú-saḥ-ḥar-ma
28. ummâniⁿⁱ mâti-šu ṭup-ši-ik-ka a-na amêl¹ nakri-šú i-za-bil
29. šâbê^{meš} šu-nu-ti(m) ^dA-n(im) ^dEn-lil u ^dĒ-a ilâni rabûti
30. a-ši-b(i) . šamê u eršeti ina pu-uḥ-ri-šu-nu šušba-ra-šú-nu⁵⁾
ú-kin-nu
31. mâr Sippar^{ki} Nippur^{ki} u TIN. TIR^{ki}
32. im-ra-šú-nu a-na mur-ni-is-ḳí ša-ra-ḳí
33. mur-ni-is-ḳí šu-ut im-ra-šú-nu i-ku-lu
34. i-na ši-bit-ti aja-bi ir-red-du-ú
35. šâbê^{meš} šú-nu-tú i-na di-ku-ti um-man mâti a[na šâb]ê^{meš} šarri
i-di-ku-ú⁶⁾
36. ^dl-r-ra gaš-ra⁷⁾ [a-lik? p]a-an ummâniⁿⁱ-šú
37. pa-án ummâniⁿⁱ-šú imahḥaš^{as}-ma it-[ti^{amêl}]nakri-šú illak^{ak}
38. ši-in-da-at ahpê^{meš}-šú [8] ú-paṭ-ṭár-ú-ma
39. eklēti^{meš}-[šú⁹⁾] ú-šá-an-nu-ú
40. a-na a-ḥi a-ni-ḥi ra-ḳ[ú?.....]-im i-ḥar-ru-ub
41. ši-bit-ti šên[i^{hà}?.....] i-šab-ba-ṭu

(Оборотная сторона)

1. ^dAdad gú-gal¹⁰⁾ šamê u eršeti
2. nam-maš-še-e šêri-šú ina ḥu-šaḥ-ḥi ú-šam-ḳat-ma
3. niḳê ^dŠamaš ú-šá-šá-šá¹¹⁾

¹ Kâlu → собств. «внимание». Здесь и далее я понимаю конструкцию как эллиптическую.

² K1. DŪ=birûtu → «бездна», =kigallu; Br. 9738, ŠL 461, 143.

³ BAR=aḥû → «чужой, враждебный»; Br. 1729.

⁴ UR-BI-TA=ištēniš, mithariš «совместно, целиком», далее текст дает NAM^{bi} Лэнгдон производит от √nb'(Perm. I), что невероятно; читать ZI(=tebû^{bi})=ušatbⁱ

⁵ Ср. цилиндр Саргона II, KB II, стр. 40, 4; Thureau-Dangin, Rituels Accadiens.

⁶ Šâbê šarri—«повинность», наряду с ilku (строка 25), ср. Harper, Assyrian and Babylonian Letters, стр. 246. Лэнгдон читает в стр. 35: ummân mâti . . . šarru-di-ku-ú (!).

⁷ Лэнгдон BI-RA=ṭêḥû—«приближающийся»; Br. 5120, 5128.

⁸ В лакуне, возможно, ничего не было.

⁹ В лакуне, возможно, только -šú; иначе возможно [giš¹⁰⁾kirêti-šú]; ср. ARU, № 1—30.

¹⁰ К переводу ср. Koschaker, OLZ 1936, S. 153.

¹¹ Лэнгдон: šam—ša ušaškin (sic) «покажет солнцу»; Delitzsch, HWB 151 b, производит от √šš(в переводе I, «leiden»). Перевод по контексту; букв. «заставит страдать», «заставит претерпеть вред».

4. um-ma-an u šu-ut-rêši man-za-az pa-an šarri
5. a-mat-sún ú-lam-man da-aš-sún¹⁾ i-maḥ-ḥar
6. ina ḫi-bit^dĒ-a šar apšî
7. um-ma-an u šu-ut-rêši in[agî]^s kakki imatū^{mes}
8. a-šar-šú-nu a-na na-me-e [i]k-ka-am-mar
9. ar-(ma)-kat-sún²⁾ šá-a-ru i-tab-bal ep-šet-sún za-ḫi-ḫi-iš im-man-ni
10. rik-si-šu-un ú-paṭ-ṭár-ú-ma^{aban} narê-šu-nu ú-ša-an-nu-ú
11. a-na ḥarrâni ú-še-eš-šu-šú-nu-ti(m) a-na a-de-e i-[na-du]-šú-nu-ti
12. ^dNabû ṭup-sar Ē-SAG-ĪL^{sa}GAR (= šušgal) kiššat šamê eršeti mu-ma-
'i-[ir] gim-ri
13. mu-ad-du-ú šarru-tú rik-sat mâti-šu ú-paṭ-ṭár-ma(!) a-ḥ[i-t]a(?)
iḫabbû^{u 3)}(?)
14. Lu^{amēl}rê' u lu^{amēl} šà-tam êkurri lu šu-ut-rêši šarri
15. ša ina Sippar^{ki} Nippur^{ki} u TIN. TIR^{ki} a-na^{amēl} šà-tam êkurri
izzazu^{zu}
16. ṭup-šik-ku bîtâte ilâni rabûti em-me-du-šú-nu-ti(m)
17. ilâni rabûti i-gu-gu-ma i-ni-is-su-ú aṭ-ma-an-šu-un
18. lâ ir-ru-bu a-na ki-iš-ši-šu-un
19. šarru a-na di-ni(m) la i-ḫul AL-TIL (= gamir)
20. êkal^mAššur-bân-apli šar kiššati šar mât^dAššur^{ki}
21. ša ^dNabû ù ^dTaš-me-t(um) uznu⁴⁾ rapaštu^{tum} iš-ru-ḫu-uš
22. i-ḫu-uz-zu inu⁴⁾ na-mir-tu(m) ni;siḫ ṭup-sar-ru-u-ti
23. ša ina šarrâni^{mes} a-lik maḥ-ri-ja mamma šip-ru šu-a-tu(m) la
i-ḫu-zu
24. ni-me-ḫi ^dNabû ti-kip sa-an-tak-ki ma-la ba-áš-mu
25. ina ṭuppâte^{mes} áš-ṭur as-niḫ ab-re-e-ma
26. a-na ta-mar-ti ši-ta-as-si-ja ḫé-reb êkalli-ja ú-kin.

ПЕРЕВОД

Лицевая сторона

I. (Если) царь право не чтит—люди его возмутятся, страна его опустеет.

II. Если право страны своей он не чтит—Эа, царь судеб, судьбу его изменит и ему назначит другую;
(если) мудреца своего не чтит—дни его будут кратки;
(если) везиря он не чтит—страна его на него восстанет;
(если) злодея он чтит—разум (или: совет) страны помрачится (букв.: изменится);
(если же) дело Эа он чтит—великие боги согласно мудрости (букв.: совещанию) и знанию справедливости назначат ему (судьбу).

¹ Или da-as-sún—«их взятки»; dāšu—«притеснять в имущественном отношении (?)».

² Мой перевод основан на предположении, что здесь описка вм. ar-kat-sún; слово *armaktu неизвестно (равным образом и kat/du, если kat/du armu=тайный k?). Перевод Лэнгдона грамматически невозможен.

³ I=ḫabû, ŠL, 142,11 (?). У Лэнгдона «a-?-?-ú».

⁴ Текст дает uznâ, inâ.

III. (Если) сиппарца он притеснит и решит судебное дело в пользу чужого—Шамаш (бог-покровитель Сиппара), судья небес и земли, установит в земле его право чужое, а мудреца и судей для суда не станет.

IV. (Если) ниппурцы обратятся к нему по судебному делу, а он взятки ради притеснит их—

Эллиль (бог-покровитель Ниппура), владыка стран, чужого врага на него воздвигнет и воинов его даст (врагу) повергнуть; князь и доверенное лицо его по улице будут гонимы в презрении (?).

V. (Если) серебро вавилонян он возьмет и его внесут в сокровищницу, (если) судебное дело вавилонян он выслушает (но решит), обратиться к пристрастию—

Мардук (бог-покровитель Вавилона), владыка небес и земли, поставит над ним его неприятеля, имущество (и) богатство его врагу его подарит.

VI. (Если повелит он) возложить вину на ниппурца, сиппарца (или) вавилонянина,

(так что) они будут введены в темницу,—
где была возложена вина—город будет низвергнут в бездну,
(и где) они были введены в темницу—войдет чужой враг.

VII. (Если) Сиппар, Ниппур и Вавилон целиком он подымет(?), на этих людей (повелит) наложить «строительную корзину»; (или если) «воинскую повинность» (и) «ключ глашатая» на них назначат—Мардук, мудрейший из богов, князь разумный, страну его обратит к его врагу и народ страны его будет нести «строительную корзину» для врага его; этим людям Ану, Эллиль и Эа, великие боги, обитающие на небесах и на земле, в своем совете упрочат свободу.

VIII. (Если повелит он) фураж сиппарцев, ниппурцев и (ли) вавилонян отдать боевым коням,

кони, которые пожрали фураж, будут угнаны в числе неприятельского «побора (скотом)».

IX. (Если?) эти люди в ополчении войска страны (или) в [качестве воин]ов царя будут взяты,

Ирра (бог чумы) мощный (?), [идуший перед] его войском, войско его поразит и пойдет с его врагом;

упряжь волов его (...) развяжут,
поля (и сады?) его изменят,
для рук потрудившегося (?) пус(то?).....
опустошит.

X. (Если?) «побор мелким скотом» (.....) будут собирать

О б о р о т н а я с т о р о н а

Алад, (бог-громовик) ороситель небес и земли, его степное зверье поразит голодом, и жертвы Шамаша осквернит (?).

XI. (Если) везирь и(ли) доверенное лицо, приближенный царя дела их сделают дурными, примут отнятое (?) у них¹,— по велению Эа, владыки океана, везирь и(ли) доверенное лицо умрут от оружия,

¹ Или: «слова свои сделают дурными, примут себе взятки» (?).

место их обратится в пустыню,
дела (?) их унесет ветер, их деяния причислятся к буре,
их договоры расторгнут, их стелы изменят,
их выведут на дорогу, (ввер)гнут в оковы;

Набу, писец Эсагилы, сеть всех небез и земли, правящий всем,
научающий царственности, расторгнет установление его страны, а про-
возгласят (?) д(руг)а.

XII. Будь то пастырь; будь то настоятель храма, будь то доверенное
лицо царя,
что в Сиппаре, Ниппуре или Вавилоне будет в (должности) настоятеля
храма,—

(если они) возложат на них «строительную корзину храмов великих богов»,
великие боги разгневаются, удалятся от своих обиталищ,
не войдут в свои святилища.

«(Если) царь право не чтит» окончена.

Дворец Ашшурбанапала, царя вселенной, царя Ассирии, коему Набу
и Ташмет подарили премудрость, ученость, проникновение, цвет писцо-
вого искусства, какового дела не постиг никто из царей, бывших до меня;
мудрость Набу, всякого рода строки (?) клинописи (?) на табличках
я написал, изложил (?), проверил и положил во дворце моем, как дар
(для) моего чтения.

III

Разберем терминологию таблички¹.

А. Титулы и должности

1. ummânu (лиц. 5, об. 4, 7)—букв. «мастер», в значении «везирь»—
как в нашем тексте—засвидетельствовано впервые в касситский период².
Должность, характерная для Вавилонии II—I тысячелетия.

2. šût-gêšî (лиц. 14, об. 4, 14)—букв. «(стоящий) у головы» = «доверен-
ное лицо»; первоначально вариантная форма (мн. ч.?) от ša-gêšî (с тем
же буквальным значением)—«евнух». Характерный термин новоассирий-
ских «исторических» надписей для различных чиновников, назначаемых
ассирийскими царями на разные ответственные должности, главным
образом, наместников³. В более ранних текстах не встречается.

3. manzaz râni (об. 4)—букв. «стояние перед»—«приближенный».
Термин особенно частый в ассирийских текстах, иногда вместе с šût-gêšî⁴.

4. šatam êkurri (об. 14, 15)—«настоятель храма». Титул, известный
от различных эпох вавилонской истории, но получающий особое зна-

¹ Что аналогичные тексты встречаются в старовавилонский период, установлено мной по прекрасной картотеке моего покойного учителя проф. А. П. Рифтина, кото-
рому я столь многим обязан. Для касситского периода я ограничился пересмотром
основных «куддур», а для ассирийского,—«историческими» надписями в издании
KB, I, II, III, документами в ARU и ADD, а также некоторыми другими материалами,
что вполне достаточно для поставленной цели.

² E. F. Weidner, Die Könige von Assyrien, стр. 12 сл.

³ Впервые упоминается у Тиглатпаласара III (Нимр. плиты, 7 и затем passim);
у Саргона (Большая торж. надп., 178) упоминается наряду с «наместниками моей
страны», чисто книжными (старовавилонскими) aklu и šarigu, «вельможами» (rubu,
ср. наш текст, лиц. 14) и «старейшинам».

⁴ Например, ARU, 15, 4; 16, 4; Синахериб, Cyl. Taylor, 1, 30 и др.; ср. в пись-
мах вавилонского архива выражение ina pân šārri nazāzu в смысле «служить при
дворе»; K l a u b e r, Assyrisches Beamtentum, стр. 41 сл.

чение в I тысячелетии; в этот период šatammu—глава храмового хозяйства и жреческой коллегии.

Б. Повинности и поборы

1. *ṭupšikku* (лиц. 24, 28; об. 16)—букв. «строительная корзина или доска» = «строительная повинность». Один из наиболее распространенных видов повинности в ассирийский период¹; известен также и ранее. В ассирийских текстах, как и в нашем, названия повинностей часто с глаголом *zabālu*—«нести»².

2. *ilku* (лиц. 25). Термин известен, начиная с кодекса Хаммурапи (§§ 27—31, 37—41), где он означает «службу (главным образом воинскую), вознаграждаемую выдачей неотчуждаемого земельного надела». Во II тысячелетии до н. э. означает в Вавилонии «повинность» в широком смысле³. В ассирийских и нововавилонских текстах означает «воинскую повинность» в противоположность, с одной стороны, «рекрутскому набору» (*šisīt nāgiri*—букв. «клич глашатая»)⁴, с другой, «строительной и т. п. повинностям» (*ṭupšikku* и др.); вместе с этими терминами обычно и упоминается⁵.

3. *šisīt nāgiri* (лиц. 25)—букв. «клич глашатая». Известен из кодекса Хаммурапи (§ 16) со спорным значением. В ассирийское время упоминается наряду с *ilku*, повидимому со значением «рекрутский набор»⁶; то же значение имел, вероятно, этот термин и в средневавилонскую эпоху⁷.

4. *šibittu* (лиц. 34, 41)—«побор» или *šibit alpē (û) sēni*—«побор крупным и мелким скотом». Один из основных видов натуральной подати как в средне- и нововавилонское⁸, так и в ассирийское время⁹.

5. *dikût (ummân) mâti* (лиц. 35)—«ополчение страны» = «мобилизация» — мера, хорошо засвидетельствованная под этим названием в ассирийское время и в другие периоды¹⁰. «Царские люди»,—повидимому, другое название для той же повинности—нередко упоминаются в письмах из ассирийского царского архива¹¹.

В. Прочие термины

1. *Sippar, Nippur û Bâbili* (лиц. 9, 11, 15, 19, 23, 31, об. 15)—иммунитет именно этих трех городов неоднократно упоминается (с перечислением,

¹ Начиная с Саргона; в IX в. вместо этого встречается синонимичное *kudurru* или *zabil kudurri*.

² Например, Ашшурбанапал, Cyl. Rassam, X, 92—94.

³ Грамота Навуходоносора I Ритти-Мардуку, KB III, 1, стр. 166; I, 48; II, 6; но ср. KB III там же, стр. 172, 38.

⁴ H. W i n c k l e r, Sammlung von Keilschrifttexten, II, № 1; L u c k e n b i l l, Ancient Records of Assyria and Babylonia, II, § 65, стр. 133—135; ADD II, стр. 70—178.

⁵ Так, например, в грамотах ARU, 1—30, у Ашшурбанапала, Cyl. Rassam, X, 92 и далее, и т. п. Ср. также письмо Harper, I, 99 и KB IV, 102 сл.; ср. BBS, XXV, 21 и XXIV, 38; KB III, стр. 172, 38.

⁶ Основные ссылки приведены у K l a u b e r, Assyrisches Beamtentum, стр. 64, который, однако, полагает, что этот термин означает «набор на повинности», кроме военной—*dikût mâti*; однако разница здесь только в характере набора, Саргон II, Cyl., 56.

⁷ Ук. место в грамоте Навуходоносора I Ритти-Мардуку.

⁸ См. ниже.

⁹ ARU, 1—30 и др.

¹⁰ W i n c k l e r, Altorientalische Forschungen, I, 404, 39 и прим. 9; ARU, 1—30. Анналы Салманасара III из Кальху, стр. 99—102; L a y a r d, Inscriptions, I, 658, 12 сл., 46 сл.; Luckenbill, ук. соч.; I, § 658.

¹¹ H a r p e r, 99, 246, 252.

обычно, в этом же порядке)¹. Из текстов Саргона видно, что этот иммунитет был отменен Салманасаром V (727—722 гг. до н. э.) и вновь был восстановлен лишь при Саргоне II.

2. *bušû makkuru* (лиц. 15, 18)—«имущество и богатство»—постоянное сочетание, характерное для ассирийских «исторических» надписей², в более ранних текстах не встречается.

3. *bit šibitti* (лиц. 20—22)—«темница», букв. «дом заключения». Термин встречается в ассирийских текстах, между прочим в текстах Саргона II (722—705 г. до н. э.) (Торж. надп. 135 и др.). В III тысячелетии до н. э. не встречается. Следует заметить, что старовавилонским законам заключение, как мера наказания, неизвестно. Напротив, в первом тысячелетии оно было распространено (Klauber, ук. соч., стр. 53).

4. *mûrniskî*—«жеребцы, боевые кони»; слитная форма из *mûru*—«детеныш» и *niskû*—«избранный». Подобно аналогичному термину *pêthalli* «конница»³, появляется не ранее касситского времени.

Таким образом, терминология указывает на II—I тысячелетия, как время происхождения нашего текста, причем наибольшая близость к нему наблюдается в ново-ассирийских текстах⁴. Для сравнения привожу обычную формулу установления иммунитета от повинностей—в Вавилонии XI в. (а) и в Ассирии IX—VII вв. до н. э. (в).

(а) Иммунитет некоему Ритти-Мардуку в отношении его владений в округе Бит-Карзиябку области Намар, дарованный Навуходоносором I (KB, III, стр. 184 и далее).

«... От всей повинности (*ilku*) (области) Намар (а именно), чтобы в поселение не входили слуги царя или наместника Намара и глашатай (*nâgîru*), чтобы начальник табунов не вводил в поселение табунов и коней, чтобы не собирали «побор крупным и мелким скотом» (*šibit alpê û sêni*) (для) царя или наместника Намара, чтобы не отдавать доли (?) и меры благовоний, чтобы не давать меры сборщику податей, чтобы конники не входили в поселение, чтобы не брали (приплода) кобыл для конницы, чтобы не рубить садов и финиковых пальм, чтобы не строить стен (городов) Бит-Шамаша и Ша-или-икиша и мостов, чтобы не исправлять (букв. «осматривать») дорог, чтобы воины нищурцы и вавилоняне или (какие-либо иные) царские воины, которые помещаются в поселениях Бит-Карзиябку, не учиняли задержания людей,—от всего, что есть во всей повинности Намара.... он освободил, и людей (или воинов), живущих в этих поселениях, поставил вне подчинения наместнику Намара».

(б) Стандартная формула предоставления иммунитета в грамотах ассирийских царей IX—VII вв. до н. э. (ARU № 1—30).

«... С этих полей и садов «зерно исторжения» не должно взиматься, «солома» не должно реквизироваться, «побор крупным и мелким скотом» (*šibit alpê û sêni*) не должен собираться; (с) этих полей и садов на воинскую (*ilku*) и строительную повинность (*tupšikku*) не должно быть мобилизации (*dikûtu* [Accus!] *lâ irrudû*); от пошлин пристани и переправы они свободны» и т. д.

¹ Саргон II, Cyl., 4; Торж. надпись 5—8 (перевод KB, II, 53 ошибочен) и 134—135; ср. также кудурру Мардук-апал-иддина II (KB, III, 134 и далее), II, 8, III, 10 и далее.

² У Тиглатпаласара I еще *bušû namkuru* (фонетически) (Призма, столбец III, 106) или *bušû û maršitu* (там же, столб. V, 61—62). У Ашурнасирапала *makkuršu bušâšu* (Анн., столб. II, 64), *bušû makkuru* впервые у Салманасара III (Монол., II, 47).

³ Слово это—составное из *pêtu* и *hallu*, *Th u r g e a u -D a n g i n*, 8-ме Camp. de Sargon, прим. к строкам 172—173.

⁴ Ср. старовавилонскую терминологию в текстах, приведенных в переводе у J. Kohler И. А. У n g n a d, *Hammurabi's Gesetz*, т. III, стр. 259 сл. (раздел «Staats-und Finanzrecht»).

Приведенные примеры подтверждают, что ближе всего наш текст стоит к текстам ассирийского времени. Следует заметить, что в тексте Навуходоносора I (XII—XI век) упоминаются «воины нишпурцы и вавилоняне»; контекст указывает, правда, на их привилегированное положение, но не на наличие иммунитета от воинской повинности. Таким образом, *terminus post quem* для нашего текста—XI век; переходя к рассмотрению проступков, вменяемых царю, мы сразу же обнаружим и *terminus ante quem*: среди возможных преступлений не упоминается разрушение храмов и города Вавилона, что было совершено Синахерибом в 689 г. Нам остается среди событий XI—VII вв. найти такие, которые могли бы послужить поводом к составлению «примет» нашей таблички¹.

IV

I. «Царь право не чтит»—обвинение обобщающее, раскрываемое всем последующим. Наказание—в о с с т а н и е.

II. «Царь не чтит «право» страны, не чтит своего мудреца и везира, чтит злодея». Другими словами, царь обвиняется в нарушении существующих установлений и во враждебном отношении к представителям знати. Нам достоверно известно, что такого рода политики в начале I тысячелетия в Вавилонии и Ассирии придерживались следующие четыре царя: 1) Тиглатпаласар III (732—727 гг. до н. э.), проводивший реформу армии и администрации, ограничивший права наместников² и, вероятно, сокративший число иммунитетов³, казнивший—по крайней мере в Ассирии,—ряд представителей знати⁴ и стоявший за уступки со стороны последней в целях усиления армии; 2) Салманасар V (727—722 г. до н. э.), сын и продолжатель предыдущего, проводивший отмену иммунитетов Сиппара, Нишпура, Вавилона и других городов;⁵ 3) Мардук-апал-иддин II (Меродах-баладан) (721—710 и 703—701 гг. до н. э.), заключавший в халдейские тюрьмы вавилонскую знать и забиравший ее земли для халдеев (Саргон, Торж. надп. 135—136); 4) Синахериб (705—681 г. до н. э. с перерывами), сторонник политики Тиглатпаласара III.

Наказание за это «преступление»—различные бедствия, в том числе краткость правления и восстание. Из упомянутых четырех лиц Салманасар V был после краткого правления низвергнут в результате восстания.

III. «Царь решает судебное дело неправосудно против жителей Сиппара». Наказание—в его стране восторжествует чужой, против которого не найдется правосудия; другими словами, власть перейдет в руки узурпатора или врага. Из 4 упомянутых царей это относится, скорее всего, к Мардук-апал-иддину II (не к Салманасару V, так как

¹ Стилистический анализ также указывает на позднее время составления таблички ЭТ I (эллиптические выражения, полное опускание *šumma* («если»), близость «наказаний» к формулам проклятия ассирийских «исторических» текстов). Язык и орфография указывают на нововавилонский оригинал (например, беспорядочное употребление падежных окончаний).

² См. подробно в книге F o r r e r, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches.

³ От времени Адад-нирари дошло 7 иммунитетов, от времени Тиглатпаласара II—только 2; до него иммунитеты выдавали и наместники.

⁴ Насколько можно судить по уничтожению памяти Шамши-илу, полководца и крупнейшего представителя знати предшествовавшего периода.

⁵ Тексты говорят, правда, лишь о восстановлении этого иммунитета (тексты Саргона II—более определено, тексты Мардук-апал-иддина II—менее); но во всяком случае иммунитет гор. Ашшура был отменен действительно Салманасаром V (H. W i n k l e r, Altorientalische Forschungen, I, 404), вероятно, одновременно с соответственными мерами в Вавилонии.

он, вероятно, не остался в живых после своего низложения и, следовательно, о «тяжбе» его с врагом не может быть речи).

IV. Аналогичный поступок в отношении жителей Ниппура. Наказание—военное поражение—может относиться к Мардук-апал-иддину II.

V. «Царь конфискует имущество вавилонян; царь решает судебное дело неправосудно против вавилонян». Первое достоверно известно относительно Мардук-апал-иддинна II. Наказание—военное поражение, захват имущества царя врагом. Военные поражения Мардук-апал-иддинна II терпел неоднократно; имущество его было захвачено в 709 г. Саргоном II¹ и в особенно грандиозном масштабе в 701 г. Сенахерибом (Pr. Taylor, I, 26—33).

VI. «Царь наказывает жителей Сиппара, Ниппура и Вавилона тюремным заключением». Известно относительно Мардук-апал-иддинна II (Саргон II, Торж. надп. 134—135). Наказание—вторжение врага, разрушение царского города. Имеется в виду, повидимому, взятие халдейской столицы Дур-Якин Саргоном II в 709 г. до н. э. после изгнания Мардук-апал-иддинна в 710 г. из Вавилона.

VII. «Царь возлагает на жителей Сиппара, Ниппура и Вавилона строительную повинность, воинскую повинность и рекрутский набор». Известно (предположительно) относительно Салманасара V. Его мероприятие не было полностью отменено и при Мардук-апал-иддинне II. Наказание—переход страны царя во власть врага; народ его страны будет выполнять повинности для его врага. Здесь выясняется любопытное обстоятельство: царь, о котором идет речь,—не вавилонянин. «Наказание» может относиться и к Салманасару V (ассирийцу) и к Мардук-апал-иддину II (халдею).

VIII. «Царь кормит боевых коней фуражем жителей Сиппара, Ниппара и Вавилона». Речь идет, очевидно, об одном из обычных видов подати (асс. *tibnu* или *šibšu*—«солома» или «реквизиция»), от которой освобождали иммунитеты (ср. приведенные выше тексты).

IX—X—плохо сохранились.

XI—XII относятся уже не к царю, а к его должностным лицам, наказания приближаются к проклятиям ассирийских «исторических текстов».

Анализ текста нашей таблички показывает, что примеры несправедливых действий царя и их наказаний взяты из истории правлений Салманасара V (727—722 г. до н. э.) и Мардук-апал-иддинна II (721—710 г. и 703—702 гг. до н. э.). Таким образом, табличка могла быть написана только после правления Мардук-апал-иддинна и до 689 г. до н. э.

V

Какова же была историческая обстановка, в которой сложилось это политическое сочинение?

VIII в. до н. э. был занят борьбой халдеев с вавилонской знатью. Халдеи, проникшие в Двуречье из аравийских степей, осели на неудобных пустынных или болотистых землях на востоке и юге долины. Они стремились поэтому проникнуть далее в глубь ее и захватить коренные вавилонские земли, принадлежавшие в тот период крупным вавилонским землевладельцам, связанным с храмами, с торговлей и ростовщичеством. Халдейская знать, стремясь к захвату власти в Вавилонии, поддерживала в тот период требования халдейских масс. В этой борьбе вавилонская знать, естественно, ориентировалась на Ассирию, где тогда правила сход-

¹ Торж. надп., 133; *Анналы*, 228—406.

ная группировка, тесно связанная с Вавилоном культурно и экономически. Тем временем, в 745 г., в Ассирии восходит на престол Тиглатпаласар III—сторонник новой политики. Тиглатпаласар понял, что причиной упадка, в котором находилась тогда Ассирия, является чрезмерное усиление знати. Почти полная независимость наместников, огромное количество иммунитетов, выданных знати и храмам, устаревшая и нерациональная организация войска—вот то зло, с которым пришлось бороться новому царю, чтобы сохранить существование ассирийской военной державы. Всемерное укрепление армии и расширение завоеваний, даже в ущерб некоторым интересам знати,—такова была программа Тиглатпаласара III. В 732 г. ему удалось занять также и вавилонский престол, но ясно, что политика, проводимая им, была нежелательна для вавилонской знати. Сын его, Салманасар V, отменил иммунитеты Сиппара, Ниппура и Вавилона, а также Ашшура. В ответ на это ассирийская знать низвергла его и возвела на престол его брата Саргона II. Тем временем халдей Мардук-апал-иддин II захватывает вавилонский престол и, нанеся, с помощью эламских союзников, поражение Саргону, в течение 12 лет правит Вавилонией. Хотя в своей надписи он заявляет, что им было восстановлено прежнее положение (КВ, III, 188,—III, 10 и далее), но фактически мы знаем (Саргон, Торж. надп., 135—136), что он перераспределял в пользу халдеев вавилонские земли, заключив для этого в халдейские тюрьмы представителей вавилонской знати. В 710 г. Саргону II удалось разбить Мардук-апал-иддинна и его эламских союзников; подати одной из покоренных при этом областей были им подарены храму Мардука в Вавилоне; поэтому вавилонская знать с самого начала увидела в Саргоне «своего человека». В 709 г. Саргон вторгся в коренную область Мардук-апал-иддинна, разгромил его столицу Дур-Якин и освободил из тюрем вавилонян, но уже в 705 г. он скончался, оставив престол своему сыну Синахерибу, задолго до этого бывшему его помощником в государственных делах. По неизвестным для нас причинам Синахериб два года медлит занять престол в Вавилонии, и в конце концов вавилоняне были вынуждены выдвинуть царем одного из своей среды. Это побудило к немедленному новому выступлению Мардук-апал-иддинна, готовившего грандиозное восстание против Ассирии. На захват халдеем вавилонского престола Синахериб ответил военными действиями. После блестящей двойной победы при Куту и Кише, одержанной им в 702 г., Синахериб вступил в Вавилон, где ему удалось захватить дворец Мардук-апал-иддинна со всем его имуществом и штатом, чем Синахериб очень гордился. Синахериб сделал попытку создать хорошие отношения с вавилонянами, наказав только непосредственных сообщников Мардук-апал-иддинна, главным образом халдеев, арамейев и арабов; однако очень скоро между царем, продолжавшим в общем политику Тиглатпаласара III, и вавилонянами наступило сильное охлаждение. Первый ставленник Синахериба, Бел-ибни, не проводил угодной царю политики; второй—его наследник Ашур-надин-шум—был взят в плен эламитами (694 г.). Вавилоняне приняли ставленника эламского царя, некоего Нергалушезиба, затем поддерживали халдейского претендента Мушезиб-Мардука. Около 692 г. до н. э. они «закрыли ворота города» (очевидно, для ассирийских купцов и чиновников) (Pr. Taylor, V, 6—7), на что Синахериб ответил блокадой Вавилона; борьба, все более обострявшаяся, закончилась в 689 г. до н. э. взятием и разрушением Вавилона, причем самые храмы были снесены и их развалины затоплены течением реки.

Как мне кажется, наиболее вероятный момент написания нашей таблички «Если царь право не чтит»—это годы 702 по 700 до н. э.; Синахериб в это время не успел еще проявить себя; его знали как сотрудника прием-

лемого для вавилонян Саргона, но многие признаки должны были заставлять опасаться, что проводимая им политика будет направлена против вавилонской знати, подобно политике Тиглатпаласара III, Салманасара V и Мардук-апал-иддинна. Поэтому вавилонское жречество нашло нужным преподать Синахерибу урок «политической мудрости» в форме устрашающих божественных предзнаменований. После 700 г., когда Синахериб посадил в Вавилон своего сына вместо сговорчивого Бел-ибни, а особенно в 694 г., когда сын Синахериба погиб благодаря заговору вавилонян с Эламом, страна перешла к открытой борьбе, и поучения были уже бесполезны.

Чрезвычайно любопытную деталь представляет собой колофон нашей таблички. Он принадлежит к наиболее пространным в библиотеке Ашурбанапала, что свидетельствует, вероятно, о принадлежности нашей таблички к наиболее важным и интересным для ее хозяина сочинениям, и не исключена возможность, что она является даже автографом самого царя. Это политическое сочинение, обращенное вавилонскими жрецами к его деду, внимательно и, повидимому, сочувственно изучалось Ашурбанапалом. Как известно, Ашурбанапал, готовившийся первоначально к карьере ученого жреца, был 12 яря 672 (?) г., во всяком случае еще при жизни своего отца Асархаддона¹, назначен наследником престола. Брат же его, Шамашумукин, пользовавшийся поддержкой вавилонской, а вероятно, и части ассирийской знати, был назначен наследником вавилонского престола. Это решение вызвало большое недовольство в Ассирии². Политическая программа обоих братьев была сложнее, чем предшествовавших им царей, так как Ашурбанапал мало был связан с войском, не участвовал самостоятельно в походах³ и едва ли был популярен в войске, на которое он должен был опираться в борьбе с своим братом, поддерживаемым знатью. Политика Ашурбанапала была иная; вместо того, чтобы бороться с партией знати, он предпочитал переманивать ее на свою сторону; и хотя в своих надписях Ашурбанапал любит вспоминать Синахериба и изображать себя мстителем за его смерть вавилонянам, но при нем, например, редкие прежде иммунитетные грамоты начинают встречаться чаще; исследуемая нами табличка показывает также, что ему не была чужда мысль о компромиссе между требованиями военной партии, имевшими целью принятие эффективных мер для сохранения ассирийской военно-паразитической державы, и близорукими требованиями знати и жречества.

VI

Исторически очень важно выяснить вопрос: когда же был дарован иммунитет городам Сиппару, Нишпуру и Вавилону? Он известен нам из царских надписей Саргона II и Мардук-апал-иддинна II, из нашей таблички OT I и из одного очень любопытного письма времени Шамашумукина⁴. Текст Навуходоносора I указывает на привилегированное положение жителей Нишпура и Вавилона, однако не в тех масштабах, как в табличке OT I; текст же последней предполагает, что иммунитет Сиппара, Нишпура и Вавилона освящен уже вековой традицией. Поэтому более всего вероятно, что этот иммунитет был дарован около 1000 г. до н. э. Во всяком случае, невероятно, чтобы он уже существовал в эпоху I вавилонской династии.

¹ M. Streck, Assurbanipal, 258, I, 27 и далее.

² Вавил. хрон., IV, 29; Harper, ib., стр. 308, 870.

³ Кроме, может быть, войны против Шамашумукина.

⁴ Обработано у H. Winkler'a, Altorientalische Forschungen, I, 469 сл.

Итак, наши выводы:

1. Табличка OT I представляет собой не старовавилонский текст, а политическое сочинение, написанное вавилонским жрецом между 709 и 694 (а скорее, между 702 и 700) гг. до н. э., адресованное Синахерибу и составленное на материале истории царствований Салманасара V и Мардук-апал-иддинна II, а, может быть, также Тиглатпаласара III.

2. Иммунитет городам Сиппару, Ниппуру и Вавилону, о котором идет речь в этой табличке, восходит скорее всего к X в. до н. э. и едва ли ранее¹.

¹ Иммуникеты храмам известны нам ранее—по крайней мере от времени династии Ашшур-идна—L. W. King, RA, IX, 92; иммуникеты отдельным лицам—с конца II тысячелетия до н. э.

О СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕЯХ САТУРНАЛИЙ

Л. А. Ельницкий

I. Сказка о золотом веке. Общеизвестно Гесиодово изображение золотого века, в котором царствовал Кронос—бог, правивший до Зевса; при нем были совершенно другие порядки, чем при Зевсе, совершенно другая жизнь. Человек был абсолютно свободен и ничем не утруждаем. Жизнь при Кроносе — *ὁ ἐπὶ Κρόνου βίος* — вошла у греков в поговорку.

Что же это, однако, была за жизнь, как греки ее себе представляли? Судить об этих представлениях мы можем главным образом лишь по сатирическим изображениям, сохранившимся в аттической комедии.

У Ферекрата¹, Кратеса² и Аристофана³, а также у Телеклида (у Афиней, кн. IV) находим мы карикатурные изображения «земного рая», в которых особенно упиралось на то, что в «золотом веке» не надо работать и можно есть все, что только пожелает душа.

Уже из этих злостных карикатур ясно, что мечты о «золотом веке» считались достоянием беднейших людей.

О том, что эти представления отнюдь не были болезненной фантазией туенядцев, свидетельствует скупое изображение «золотого века», сделанное беотийским поэтом:

«Создали прежде всего поколение людей золотое.
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с покойной и ясной душой,
Горя не зная, не зная трудов, и печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебобродные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства,—
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземных,
Волей великого Зевса людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят,
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась».

(Г е с и о д, Труды и дни, 109—126, перев. В. В. Вересаева)

¹ В комедиях *Μεταλλῆς* и *Πέρων*, Comic. Att. Fragm., I, 174, 182.

² В комедии *Θρηῖα*, Com. Att. Fragm., I, 133.

³ *Ἐκκλησιαζομένη* («Женщины в народном собрании»).

Строки эти живейшим образом перекликаются с сохранившимися у многих древних и современных народов легендами о их «блаженном и невозвратном прошлом» или с теми представлениями о загробной жизни, какие существовали у многих примитивных племен Азии и Америки.

Несомненно, «золотой век» Гесиода есть не что иное, как идеализированное воспоминание о родовом строе; в особенности характерны заключительные строки, представляющие легендарных людей золотого века, как предков-покровителей, по смерти превратившихся в добрых демонов, охраняющих своих потомков и заботящихся об их благополучии.

Конечно, этот идеализированный строй общества существовал только в фантазии. Утопические мечтания угнетенных, и в первую очередь рабов, о «золотом веке» скрашивали тяжелые условия их существования и давали материал для построения социальных идеалов и оформления эсхатологических чаяний.

Однако эта утопия возвращения «золотого века» становилась—правда, лишь в религиозном плане—действительностью: несколько дней в году люди проводили так, как некогда круглый год жили в царстве Кроноса. Эта ритуально-праздничная практика поддерживала и оправдывала группирующиеся вокруг нее легенды и представления.

II. К р о н и и и С а т у р н а л и и. В Афинах с незапамятных времен праздновались «Кронии»—праздник в честь Кроноса. Праздник этот был связан с окончанием осенних полевых работ (*frugibus et fructibus jam coactis*—по Филохору у Макробия, *Saturn. I, 10, 22*), он происходил в месяце гекатомбеоне, и в нем принимало участие, главным образом, беднейшее трудовое население, в том числе и в особенности, рабы.

Вот что говорит об этих празднествах римский поэт Акций (цит. у Макробия, *ib.*, I, 7, 57). «Большая часть греков и в особенности Афины празднуют в честь Сатурна (Кроноса), и праздник этот называется Кронии. Празднуется он следующим образом: по селам и городам устраиваются веселые пиршества, господа прислуживают своим рабам, отсюда же и наш (т. е. римский) обычай, что господа пируют вместе с рабами.

Следует полагать, что в классическую эпоху Кронии в Афинах носили на себе черты известной патриархальности, и господа в действительности угощали и ублажали своих домашних рабов. В более же позднее время праздник все больше приобретал демократический характер. В римское время Кронии почитались празднеством исключительно рабским.

Греческие источники очень скупы. О культе Кроноса и об аттических Крониях существуют лишь весьма отрывочные и скудные данные. Известно, что обо всем, что касается рабов и вообще бедняков, греки не любили особенно распространяться в литературе. Во всяком случае из этого умолчания никак не следует заключать о незначительности интересующих нас явлений в быту и политической жизни Афин, тем более, что, как увидим ниже, обряды этого праздника свойственны также и некоторым другим общественным празднествам.

Кронии праздновались, сколько мы знаем, кроме Аттики, также и в Фивах¹. Культ Кроноса засвидетельствован, кроме того, для Родоса, Крита, Кирены, Олимпии², где находился древнейший по преданию алтарь этого бога, а также и в некоторых других местах. В Великой Греции вершины некоторых гор назывались Крониями³.

¹ P. s. Plut., *vita Homeri*, 1, 4.

² См. RE s. v. KRONOS. В Олимпии культ Кроноса совершался жрецами, носившими наименование *βασιλει*.

³ M. P. Nilsson, *Griechische Feste*, стр. 37.

В некоторых местах засвидетельствован месяц Крониос¹, что также косвенным образом служит указанием на наличие соответствующего культа.

Наиболее интересной для нас чертой этих празднеств являются необычные отношения рабов и господ—необычайные свободы, предоставленные рабам на срок продолжительности праздника. Любопытнее всего, что подобные обряды были свойственны не только Крониям. Такого же рода явления отмечаются и в отношении некоторых других общественных празднеств для разных мест Греции. Так, например, в г. Кидонии на о. Крите клароты (крепостные рабы) во время празднования Гермий (празднества в честь бога Гермеса) вели себя, как господа, а последние должны были даже позволять подвергать себя бичеванию.

Исполнявшиеся в честь бога Посейдона и имевшие место в месяце герайстии празднества в Трезене также сопровождались совместными пиршествами и играми рабов и свободных, на которых господа прислуживали рабам.

У Плутарха находим упоминание о том, что аттические Дионисии по тем вольностям, какие позволяют себе рабы, ничем не отличаются от описанных выше Кроний². Критские Гермий Афиной, ссылаясь на «Исторические Достопамятности» Каристия, сам сравнивает с Крониями именно по тому признаку, что на обоих празднествах господа прислуживают своим рабам и слугам.

Такое же сравнение делает он и по отношению к фессалийским Пелориям, празднеству в честь Зевса Пелория (т. е. божества, позднее идентифицированного с Зевсом,—скорее всего именно Кроноса или близкого ему «титанического» божества).

Имя бога уводит нас к глубочайшей древности. В этом имени и связанных с ним представлениях, несомненно, также живы отзвуки легенды о золотом веке. Мифологическая традиция приписывает основание Пелорий «Пелазгу» и связывает их с верованиями древнейших обитателей Греции. Празднества заключались в жертвоприношениях и пиршествах, во время которых хозяева угощали рабов и зашедших на празднество посторонних. К этому дню приурочивали отпуск раба на волю, а также освобождение из плена.

Сопоставлялись Кронии постоянно также и с римскими Сатурналиями, равно как и самые божества Кронос и Сатурн почитались идентичными.

Культ Сатурна и празднование Сатурналий в Риме должны быть отнесены к числу древнейших религиозных установлений. Храм Сатурна на Форуме, частично сохранившийся (будучи дважды перестроен) до наших дней, сооружен Т. Ларцием в 498 г. до н. э. на месте Сатурнова алтаря, поставленного по преданию самим Гераклом³.

В то время, к которому относятся сведения римских и греческих писателей о Сатурналиях, празднование это совершалось по греческому обычаю (*graeco ritu*). Эллинизация культа Сатурна и его празднеств относится, по мнению многих исследователей, к 217 г. до н. э., когда, по сообщению Ливия, было учреждено жертвоприношение в день празднования Сатурналий в храме Сатурна и лектистерний (установление ложа для изображения божества,—ложе это должны были устанавливать

¹ На острове Самосе и в городе Перинфе, см. Nilsson, стр. 37.

² Plut., Non posse suav. vivi etc.; см. Nilsson, Gr. Feste, стр. 37.

³ Документация у Wissowa, Religion u. Kultus d. Römer, стр. 169, см. также Ch. Hülsen, Forum Romanum, стр. 74.

сами сенаторы). Кроме того были установлены впредь на вечные времена публичные пиршества и народные шествия (карнавал)¹.

Весьма характерны для Сатурналий, как и для Кроний, свободы; предоставлявшиеся рабам, а также обычай обслуживания господами своих рабов во время праздничных пиршеств. Катон (*De agricult.*, 57) в своих предписаниях предусматривает для времени Сатурналий особую выдачу вина рабам.

Сатурналии праздновались в Риме, начиная с республиканских времен, 17 декабря. Празднование продолжалось несколько дней. В эпоху империи продолжительность праздника достигала целой недели. Он был чрезвычайно популярен в самых широких слоях населения. Следовавшие за ним *Calendae januariae* праздновались не без влияния Сатурналий, легших также и в основу обрядности позднейшего христианского Рождества. Сатурналии были еще весьма популярны в эпоху поздней империи и праздновались не только гражданским населением Рима и провинций, но и в войске².

Сатурналии, до своего широкого распространения по империи, были городским праздником, точнее—праздником жителей г. Рима. Аналогичным праздником сельского населения и прежде всего занятых в сельском хозяйстве рабов (*familia*) были Компиталии,—празднества, связанные с культом ларов, почитавшихся на перекрестках дорог (*compita*). Перекрестки эти служили во время ежегодного праздника местом веселых сборищ. Каждая из принимающих участие в жертвоприношении и празднике *familia* приносила с собой жертвенный пирог. Празднование Компиталий сопровождалось играми и пиршествами, причем рабы пользовались теми же преимуществами, что и во время Сатурналий. На Компиталии Катон предусматривает также особую выдачу вина.

Празднование Компиталий предоставляло единственный случай вилику (*vilicus*—управляющий из рабов) совершить жертвоприношение от имени всего дома (*Cato, De agricult.*, 53).

Култ ларов (родовых предков) является древнейшим культом Лация. *Lar familiaris*, покровитель дома, был в особенности, как указывает его эпитет, покровителем домашних рабов³. И с культом ларов, несомненно, были связаны те же представления о родовом строе, о «золотом веке», что и с культом Кроноса. Овидий прямо указывает на то, что обряды, связанные с почитанием домашнего очага, коренятся в древнейших латинских обычаях и что собиравшаяся прежде около очага за столом на длинных скамьях *familia* находилась как бы в присутствии самих богов⁴.

III. К р о н о с - С а т у р н. Древняя этимология в попытках осмыслить непонятное имя бога, приданного в отцы Зевсу, производила это имя от *κράβω*—в значении исполнять, равно как и в другом значении—царствовать, для которого было также достаточно оснований в эпитетах божества и связанных с ним мифах.

Новая наука⁵ приняла эту этимологию, хотя она дает очень мало для понимания сущности этого бога, принадлежащего, конечно, «дого-

¹ Postremo Decembri jam mense ad aedem Saturni Romae immolatum est lectisterniumque imperatum et eum lectisternium senatores straverunt et convivium publicum ac per urbem Saturnalia diem ac noctem clamata populusque eum diem festum habere ac servare in perpetuum iussus. Liv. XXII, 1, 19.

² Об этом свидетельствует мартиролог св. Дазия, опубликованный С u m o n t'ом: в «*Analecta Bollandiana*», XVI, стр. 5.

³ H o r a t., epod. 2,65 сл.: Positosque vernas, ditis examen domus, circum ridentes Lares.

⁴ O v i d., Fasti, VI, 305: Ante tocos olim longis considerare scamnis.

⁵ См. Н. U s e n e r, Götternamen, стр. 3.

меровскому» Олимпу, т. е. предшествующего Зевсу и происходящего из более древнего, возможно «догреческого», пантеона.

Во всяком случае, для греков это был бог, вся сила которого была в прошлом. Свергнутый Зевсом и лишенный им всякой власти, он остался лишь «царем золотого века», да некоторые легенды называли его царем островов блаженных, где жизнь была так же хороша, как некогда в золотом веке.

Так как Кронии являются по времени их совершения сельскохозяйственным праздником, то и самое божество многими из современных ученых было причислено к этому кругу. В этом же смысле пытались истолковать и приданный Кроносу в качестве атрибута серп (кривой меч—*δρέπανον*). Все эти толкования настолько же шатки, насколько непрочна генеалогическая связь Кроноса с Зевсом. Несогласованность и противоречивость локальных мифов свидетельствуют о том, что связь эта была создана лишь *a posteriori*. Наиболее характерным и определяющим бога признаком является его родство с титанами (царями древних людей—по некоторым древним толкованиям и по мифу, происходящему из Пелопоннеса)¹.

Титаны были повержены Зевсом в тартар в результате долгой борьбы—титаномахии, которую обычно толкуют как отражение борьбы стихийных, естественных сил.

В перипетиях этой борьбы, в характеристике отдельных титанов, в характеристике самого Кроноса как пожирателя собственных детей дают себя чувствовать некоторые «варварские», или атавистические, черты. Усугубляются они тем, что, по отрывочным и смутным данным, засвидетельствованным прямо и точно лишь для о. Родоса (Porphyg., de abstin., 2, 54), Кроносу приносились человеческие жертвы. То смягчение обряда жертвоприношения, какое мы наблюдаем на острове Родосе (где Кронии праздновались 6-го Метагейтния, т. е. зимой, и где приговоренного к смерти преступника сохраняли до этого дня и затем убивали за городскими воротами у храма Артемиды Аристокбулы), вероятно, имело место и в других пунктах. Воспоминанием о нем служат лишь вышеупомянутые сказания о съедении им собственных детей.

Сатурн—одно из очень древних итальянских божеств, возможно не латинского происхождения. Легенда считает его пришельцем из-за моря, другая версия производит Сатурна от сабинян—имя его, вероятно, в порядке народной этимологии, на одной из архаических латинских надписей на сосуде читается: Saeturnus², что и заставляет древних, как и новых авторов считать его божеством сельскохозяйственного круга, чему соответствует и дата Сатурналий: вторая половина декабря—по окончании осенних полевых работ.

Имя бога, в результате исследований, производившихся в новейшее время над латинскими собственными именами, выясняется как этруское или, во всяком случае, происходящее от этруского родового имени Saterna³. Мы бы сказали, что оно принадлежит совместной (до-этруской и до-латинской) итальянской стадии развития религиозных представлений и языка, когда племенная рознь была не столь резкой, а языки, может быть, не столь еще различны.

С именем Сатурна связано представление о древнейшем латинском стихотворном метре—*versus saturnius*, названном так, видимо, именно

¹ Preller-Robert, Gr. Mythologie, 1, стр. 45, прим. 3.

² См. С I Л, 1, 48: Saeturni pocolom.

³ Herbig, Religion d. Etrusker, «Abhandl. d. Schlesischen Gesellschaft d. Volkskunde», т. XXIII (1922), стр. 11.

потому, что он возник из религиозного ритуала, как стихотворно-ритмическое выражение заклинаний, молитв и т. п. В этом размере исполнялись религиозные песни народных празднеств итальянских племен, он употреблялся и на свадьбах для составления шуточных песен, на этот раз под названием *Fescennini versus*, т. е. как стих, происходящий из южно-этрusco-латинского *Fescennium*'а. Как ни толковать эту этимологию, к этрускам его ведут также связи с заимствованными у них римлянами официальными празднествами, например с *ludi saeculares*. Стих этот, прежде чем стал литературной формой в руках Ливия Андроника и Невия, встречается нам в молитвах арвальских братьев (обращение к ларам) и чувствуется в тексте игувийских таблиц¹. Наименование «сатурнический» следует понимать в смысле его древности и простонародности, его связи с народными религиозными празднествами, с культом ларов, сельскохозяйственными праздниками и обрядами,—вообще с древнейшей религией Сатурна².

Некоторые современные ученые³ отказываются понять, почему собственно древние так упорно настаивали на идентичности Сатурна и Кроноса. Римская легенда о Сатурне совершенно не связывает его с греческой теогонией и не устанавливает никакой генеалогической связи между ним и Юпитером.

Однако причины этого отождествления будут нам совершенно ясны, если мы вспомним, что легенда считала Сатурна (подобно Кроносу) царем древнейшего итальянского населения⁴. Легенда сообщала даже об особом сатурновом периоде латинской истории, о древнейшем сатурновом населении Рима и Лация, жившем вольно и благочестиво. К этому населению, к этим предкам возводит Варрон простые и честные нравы (*Varro, ib.*). В особенности среди беднейшего и рабского населения были живы сказания о блаженной жизни в эпоху золотого царства Сатурна, когда господствовало всеобщее равенство и свобода, когда еще никто и понятия не имел о рабстве, когда не было бедняков и слуг⁵. Все эти блага «исчезли» вместе с Сатурном и другими благодетельными царями-богами глубокой старины, каким был, например, близкий по связанным с ним представлениям и по срокам его празднеств Янус⁶.

Из всего вышесказанного явствует, что Сатурн у древних римлян, подобно Кроносу греков, был божественным царем «золотого века» и носителем идей блаженной жизни, лишенной подневольного труда, рабства, голодной бедности и расточительного богатства.

Подобные представления были связаны у римлян с родовым бытом, судить о котором мы можем по остаткам древнеиталийских родовых поселений на террамарах (укрепленных свайных постройках). Поселения эти, распланированные по всем правилам этрусско-латинского *templum*'а (с проведением главной улицы *cardo* и пересекающих ее декуманов), напоминают позднейший римский военный лагерь, производя впечатлительное чрезвычайной строгости и единообразия. Жилища-мазанки, находящиеся на террамарах, их бронзовый инвентарь и глиняная посуда не позволяют установить никаких имущественных различий среди обитателей. Единообразие быта и социальное равенство подчеркиваются впечатлением от некрополей террамар, располагавшихся обычно в непосредствен-

¹ Fr. Leo, *Geschichte d. Römischen Litteratur*, I, стр. 19.

² *Ib.* 16 стр.

³ Wissowa, *Religion u. Kultus d. Römer*, стр. 170.

⁴ Varro, *De r. rust.* III, 1,5: *ex stirpe Saturni regis*.

⁵ Данные у Preller-Jordan, *Röm. Myth.* II, стр. 13, 4.

⁶ См. у Овидия *Fasti*, I, 198 след. картину древнеримской жизни «при царя Сатурне» и критику современного автору уклада

ной близости от последних, на таких же точно помостах, как и сами террамары. Погребения (кремация) в простых глиняных урнах, почти без каких бы то ни было приношений, расположенные рядами, в чрезвычайной тесноте, иногда в несколько ярусов, создают чрезвычайно яркую картину равенства перед смертью—представление, продиктованное, несомненно, основанными на таком же точно равенстве условиями жизни. Поскольку генетическая связь культуры террамар с культурой типа «Вилланова», из которой развился исторический Лаций, может считаться твердо установленной, террамары могут быть нами смело привлечены в качестве свидетельства о родовом быте древних римлян. А что их собственные воспоминания восходили именно к террамарам, об этом кажется свидетельствует первоначальное значение слова *pontifex* (жрец), т. е. строитель или блюститель того помоста (*pons*), на котором возводилось италийское родовое поселение, с его культовыми местами и его некрополем¹.

Исполнявшиеся в честь бога Сатурналии—популярнейший до времен средневековья народный праздник в пределах всей империи, подобно аттическим Крониям, были прежде всего праздником рабов и беднейшего населения, содержанием которого являлось воспоминание о счастливом времени родового строя, возвращение под эгиду Сатурна к жизни, не знающей рабства и социального неравенства.

Во время Сатурналий было принято дарить друг другу, наряду с разнообразными подарками, также и терракотовые человеческие фигурки (*oscilla, sigillaria*).

Эти *oscilla*, уже по мнению древних, представляли собой вотивы, замещающие практиковавшиеся в глубокой древности человеческие жертвоприношения (Macrob., Saturn. I, 7, 28 сл.). Многие считали также, что гладиаторские игры посвящались преимущественно Сатурну², обстоятельство, позволяющее смотреть на них так же как на переживание древнего обряда человеческих жертвоприношений.

На основании всех этих совпадений греки и римляне безошибочно отождествляли своих богов Кроноса и Сатурна.

IV. Культ «Кроноса» в Сев. Африке и на Ближнем Востоке. Мы уже отмечали, что греческие авторы чрезвычайно скупы в отношении Кроноса, его культа и его празднеств—они сообщают о нем очень незначительные данные. Из этих данных явствует, что храмы Кроноса или вообще официальные места его культа—редки.

Казалось бы, это божество—мало популярное, занимающее определенное место лишь в теогонии, разрабатывавшейся орфиками или антикварами-мифографами, да почитавшееся в некоторых пунктах, где культ его, видимо, сохранился как пережиток со времени глубокой древности. Однако широкое распространение праздника Сатурналий в римской империи, даже на греческой периферии, популярность среди беднейшего населения и рабов легенд о золотом веке заставляет предполагать широкую популярность самого божества—носителя всех этих идей и обрядов.

Нам кажется в подтверждение этого предположения может быть выставлен еще один аргумент.

Восточные народы, жившие на территории Римской империи, в греческой ее части, охотно отождествляли свои весьма популярные божества с «непопулярным» Кроносом. Так, например, в Карфагене «Кроносом» называли своего Баал-Хаммана³, культ которого трезовал человеческих

¹ Ср. Duhn, *Italische Gräberkunde*, I, стр. 119.

² Preller-Jordan, *Röm. Myth.*, II, стр. 17, прим. 3.

³ W. Roscher, *Myth. Lexicon*, I, s. v.

жертвоприношений. О том, что отождествление Кроноса с Баалом было общепринятым и широко распространенным, свидетельствует большое количество вотивных стел, с посвящениями Кроносу¹ и с его изображениями по греческому образцу, происходящих из Сев. Африки. Несомненно, что отождествление этих чужеродных божеств шло не только по линии поисков сходственных культовых черт, в данном случае человеческих жертвоприношений,—человеческие жертвы знали в Греции и другие божества, к тому же значительно более «популярные», чем Кронос. Так что отождествление Баала именно с Кроносом предполагает, очевидно, перенесение на него всего комплекса представлений, связанных с его культом, и это могло произойти лишь в определенной среде,—и именно в той, в которой мог быть популярен Кронос с его легендами о золотом веке и с его простонародно-рабскими праздниками.

Еще более любопытно и важно в интересующей нас связи отождествление Кроноса с сирийским Элом, в греческой передаче Гелием—солнечным богом. Это отождествление также подтверждается эпиграфически², а кроме того, ряд древних рукописей, трактующих о сирийском солнечном боге, в отдельных экземплярах вместо 'Ηλιος дают Κρόνος³ и наоборот. Эта подмена указывает на равнозначность для переписчиков того и другого имени в каком-то определенном смысле.

Эту же идентификацию Кроноса с Элом находим мы и у Филона Библоского, причем в филоновом тексте речь идет о жертвоприношении Кроносом своего собственного сына, в качестве которого в культовых актах фигурировал, очевидно, человек.

Подобный «синкретизм» не мог не оказывать обратного действия. Не только римские Сатурналии, распространяясь по империи на восток, романизировали местные культы, но и местные божества и связанные с ними культовые действия, попадая в круг римских Сатурналий, ориентализировали их, налагали на них кое в чем восточный отпечаток. В особенности сильно эти восточные влияния должны были дать себя чувствовать в эпоху поздней империи, когда процент легионеров восточного происхождения в римском войске был очень высок.

В 303 году н. э. в г. Дуросторуме (поздн. Силистрия), провинции Нижней Мезии, солдаты стоявшего там легиона праздновали Сатурналии. Праздник начинался 18 ноября и продолжался 30 дней⁴.

В правила римских Сатурналий входило, между прочим, избрание на все время празднования шуточного «царя сатурналий», так наз. rex bibendi, которому все участники праздника должны были беспрекословно подчиняться. Шуточный царь являлся как бы олицетворением на пиру самого царя Сатурна.

Легионеры в Силистрии также избирали «царя сатурналий», однако, вопреки римским обычаям, но в соответствии с обрядом некоторых восточных празднеств, избранный ими «царь» по прошествии месячного срока празднеств должен был добровольно умереть на алтаре Сатурна.

Царем сатурналий в 303 г. оказался христианин, по имени Дазий, который в последний момент отказался от этого ритуального самоубийства, предпочтя ему смерть христианского мученика. По распоряжению легионного начальства он был схвачен и убит у алтаря Сатурна в назначенный срок.

¹ Roscher, s. v. Kronos, а также RA т. XXI (1925), стр. 258 сл.

² E. B o l l i, Kronos-Helios, AR, т. XIX, стр. 342, надпись из Бейрута—Κρόνος 'Ηλιος βασις

³ Данные в указанной статье E. Boll, стр. 344.

⁴ F. C u m o n t, Acta Sancti Dasii, «Analecta Bollandiana», XVI, стр. 5 сл.

Таким образом, в начале IV ст. в римской провинции Мезии Сатурналии обнаруживают столь грубые и «варварские» черты, о которых едва позволяют подозревать для весьма отдаленного прошлого такие рудименты, как упоминавшийся обычай дарить в день праздника в Риме терракотовые человеческие фигурки, или такие аналогии, как ритуальное убийство в честь Кроноса приговоренного к смерти преступника на о. Родосе.

Первым днем Сатурналий в Силистрии было 18 ноября (в отличие от римских Сатурналий, начинавшихся 17 декабря, т. е. через месяц). 18 ноября—это день нового года по сирийско-финикийскому календарю и день праздника в честь сирийского бога солнца Эла.

Принимая это во внимание, исследователь силистрийских Сатурналий В. Вебер считает этот праздник совершенно отличным от Сатурналий римских и ведет их начало от культа сирийского Гелия-Эла, подобного карфагенскому культу Баала, также, как мы знаем, отождествлявшегося с Кроносом¹.

Пользуясь этими аналогиями, позволяющими протянуть связь между греческими корнями и римскими Сатурналиями, английский историк и этнолог Дис. Фрезер предложил в свое время знаменательную теорию, изложенную в его сочинении «Золотая ветвь».

Теория эта заключается в следующем: многие народы древности, а также многие малокультурные народы современности совершают в начале или в конце сельскохозяйственных работ праздник, ритуал которого приближается к ритуалу римских Сатурналий. Существо этого праздника состоит в том, что он опрокидывает на срок его продолжительности сложившиеся социальные установления, допускает всевозможные «свободы» и излишества. Праздник имеет своего главу или «царя», который является персонификацией царской и божественной власти. По окончании праздника он приносится в жертву (убивается) тому богу, которого он персонифицирует. По теории Фрезера, для подкрепления ее привлечен огромный сравнительный этнографический материал, в жертву должен быть приносим реальный царь или жрец, но в древневосточных государствах, где мы наблюдаем подобные жертвоприношения, убивается не царь, а его «заместитель», назначаемый из приговоренных к смерти преступников, на время празднества облакаемый в царское платье и пользующийся всеми царскими почестями. По окончании празднества его разоблачают, мучают и убивают. Жертва эта является в основе своей магической, она приносится во искупление царя, для благополучия дальнейшего его царствования и для процветания самого царства.

Все эти религиозные представления и культовые действия легли, по мнению Фрезера, в основу христианского культа, а распятие Христа является не чем иным, как ритуальной казнью шуточного «царя» сатурналий².

Теория Фрезера, основанная на громадном сравнительно-историческом и этнографическом материале, удовлетворительно объясняет Сатурналии и аналогичные им обряды как пережитки варварства. Но это объяснение не может удовлетворить историка. Гораздо важнее установить, каким изменениям подверглись эти старинные обряды, возникшие при первобытно-общинном строе общества, в новых условиях существования

¹ W. Weber, Das Kronosfest, AR, XIX, стр. 316.

² Еще до Фрезера, по опубликовании Кюмоном мартирологии св. Дазия, подобные же соображения высказал Бендланд в статье *Jesus, als Saturnalienkönig, «Hermes», XVI.*

классового общества, какие новые идеи стали с ними связываться, каковы были их новые социальные функции.

Представление о Сатурне и Сатурналиях всегда было связано в древности с большими вопросами социального неравенства, антагонизма между рабами и рабовладельцами, бедняками и богачами.

Добивавшиеся равенства бедняки должны были получить его хотя бы на считанные лишние часы во время празднеств. Цезарь удлинил Сатурналии до трех дней, Август прибавил к ним еще три. К этим шести дням присоединялся день сигиллярий (день даренья глиняных фигурок) и таким образом Сатурналии растянулись на целую неделю. Поскольку праздник состоял в том, что бедные должны были почувствовать себя на равной ноге с богатыми не только в моральном, но и в грубо материальном отношении, эти поблажки, делавшиеся государством беднякам, накладывали на богатых определенные обязательства, которые ими, видимо, далеко не всегда выполнялись с необходимой добросовестностью.

Этой стороне Сатурналий посвятил Лукиан свой диалог «Кроносолон», в котором он излагает жалобы бедняков и диктует «законы» богачам. Лукиан трудно заподозрить в каких-либо крамольных намерениях. Он всегда искал расположения римской императорской власти, и его политические сатиры не шли далее личных счетов и общей морализирующей тенденции¹.

Как человек, пишущий более для богатых, чем для бедных, Лукиан старается занять примирительную позицию, не скрывая, однако, от своих читателей серьезность темы, иногда же, правда лишь от имени Сатурна, отваживаясь даже на угрозы.

Прежде всего он снимает с Сатурна всякую ответственность за происходящее: царство Сатурна — не от мира сего (даже вопросы теогонического характера хоть и интересны, но неуместны), а когда он царствовал над миром, тогда и мир был иным. Если же он сочувствует рабам, то это, вероятно, потому, что он сам был некогда рабом, сам был закован в цепи. За все происходящее на свете ответственен Юпитер, наделяемый Лукианом столь человеческими чертами, что образ его вызывает ассоциации с земной, а отнюдь не с небесной властью (L u c., Saturnalia, I, passim).

Сатурн издает законы, действующие лишь в период его праздника. Эти законы должны быть известны всем и соблюдаемы всеми, в особенности богатыми. Если же, инструктирует он своего жреца, «богатые преступают эти правила, скажи им, что я не напрасно ношу мой кривой меч. Я был бы нелепым богом, если, после того как я оскотил моего отца Урана, я не сделаю то же со всеми богачами, которые пренебрегают моими законами. Низведенные до позорного положения евнухов, они будут собирать милостыню для матери богов, играя на флейте и потрясая кимвалами».

«Законы» сводятся к некоторым обязательствам богатых по отношению к бедным. Среди них есть и такие: «Богатые простят своим друзьям-беднякам их долги и плату за жилище, которую они должны, но не в состоянии уплатить. Вообще они (т. е. богатые) должны заранее осведомиться, каковы могут быть нужды их друзей».

Излагая жалобы и обиды бедняков в письме к Сатурну, Лукиан не жалеет красок и пафоса для изображения не только их бедственного положения, но и их глубокого и опасного недовольства. Бедняк заявляет, что, мучимый голодом, отсутствием всяких средств к существованию, он страдает особенно остро и нестерпимо при виде чужой роскоши

См., например, его диалог: «Как следует писать историю».

и богатства. «О, Сатурн, или измени условия нашего существования и учреди равенство, или, как последняя мера, прикажи богачам не пользоваться одним столькими благами; из стольких медимнов золота пусть они уделят нам хотя бы малую толику и чтобы уступили нам те из гимназиев, которые обречены на съедение молью»¹.

В ответе своем на эти призывы, которые он признает совершенно справедливыми, Сатурн заявляет, что он именно и покинул власть, как нечто не соответствующее его морали: «так как я познал многие из зол, связанных с богатством и с могуществом, то я отказался от власти и хорошо сделал»².

В письме Сатурна, обращенном к богачам, Лукиан убеждает богачей в том, что они в своих же интересах должны сделать толпу благодарным свидетелем их богатств и благосостояния.

Никто не будет любоваться их богатствами, если они будут богаты только для самих себя. Пусть толпа восхищается их вазами, пусть, сидя за их столами и желая им здоровья, пьет из прекрасных и дорогих чаш, пусть восхищается нанесенными на них древними изображениями, количеством золота и тонкой работой мастера. Тогда они услышат себе похвалу, тогда их будут величать друзьями человечества, и тогда они будут свободны от зависти со стороны бедняков.

Нарисовав эту филантропическую картину, Лукиан принимает более серьезный тон при повторении указанных уже нами выше просьб бедняков. Он считает эти просьбы крайне умеренными. В самом деле, как могут бедняки праздновать и радоваться, если они зябнут от холода и умирают с голода? А ведь этот праздник—единственное их утешение и единственное умиротворение в их злобе и ненависти против богачей. Богачи заинтересованы сами в том, чтобы бедняки были веселы и удовлетворены праздником Сатурналий. И если они хотят, чтобы бедняки праздновали, то пусть подчинятся Сатурну и отдадут им на праздник из своих излишков грубые и старые одежды и кое-какие гроши. «Если вы это сделаете, то бедняки обещают не спорить с вами перед Юпитером из-за богатств, если же нет, то они угрожают требованием передела имущества»³.

Реальность угрозы, звучащей в этих словах, не может быть смягчена риторикой и никакими сатирическими прикрасами и маскировками. И Лукиан, несомненно, гораздо серьезней, чем он хочет показаться своему читателю. Последнее слово в переписке Сатурна он предоставляет именно богачам, изобличающим бедняков в несносности, в неумение себя держать в невоздержанности, алчности и т. п. В заключение они все же обещают исполнить Сатурновы требования по части одежды и денег, и таким образом мир как бы восстановлен.

Жалобы бедняков, заглушенные формой риторического памфлета, звучат все же слишком громко, чтобы их нельзя было не принять за самую чистую монету.

Как бы то ни было, Лукиан был единственным человеком своего времени, который в доступной ему, мягкой и весьма завуалированной, форме коснулся очень большого вопроса, при этом коснулся гуманно, тонко и явно в интересах тех людей, о которых другие писатели его эпохи и его круга позволяли себе говорить лишь с презрением и в самых скупых словах.

Произведение Лукиана—прекрасное свидетельство того факта, что рабовладельческое государство стремилось направить сатурнические идеи

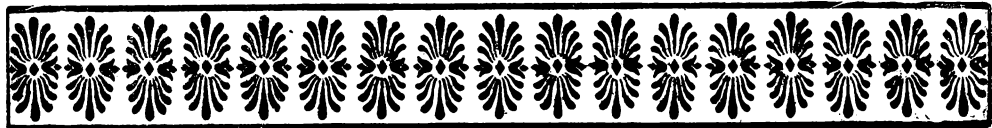
¹ Luc., Epist. Sat., I, 21 (цит. по Epistol. gr., стр. 393).

² Luc., Epist. Sat., II, 27 (Epistol. gr., стр. 395).

³ Для смягчения впечатления этой угрозы, звучащей, может быть, чересчур реально, Лукиан прибавляет: ἐπειδὴν τὸ πρῶτον δίκης ὁ Ζεὺς προῆλ' Luc., Epist. Sat. III, 31 (Epistol. gr., стр. 396).

по определенному безопасному руслу, старалось сделать их отдушиной недовольства и чаяний обездоленной части общества. Это было то средство, благодаря которому можно было создать для бедных и для богатых видимость «социального мира», необходимого равно как тем, так и другим; первым для того, чтобы не так горько переносить свои лишения, вторым для того, чтобы спать спокойней. Но из того же произведения Лукиана мы видим, что с Сатурналиями связаны были идеи, отражавшие в уродливой форме социальные чаяния «трудящихся и обремененных». Они поэтому могли, как это предполагают С. Рейнак, Фрезер, Робертсон и др., войти составной частью в культ и вероучение раннего христианства, бывшего одним из наиболее демократических религиозных движений в Римской империи.

ВЕРГИЛИЙ И АВГУСТ

Проф. Н. Ф. Дератани

К вопросу о проблеме власти и о патриотических идеях
в Риме I в. до н. э.

Известно, что развитие рабовладения, торгового капитала и денежных отношений как в Греции, так и в Риме разлагало единство рабовладельческой гражданской общины, усиливало индивидуалистические тенденции, разрушало старинную родовую мораль и традиционную веру. Эти неизбежные в ходе исторического процесса явления постоянно вызывали в античной художественной и философско-политической литературе реакционно-романтические призывы к патриархальной сплоченности и согласию, к проявлению гражданских чувств, к старинной морали.

В Риме в I в. до н. э. ожесточенные гражданские войны, охватившие также и класс рабов, еще более обостряли, особенно в среде землевладельческих слоев, страдавших от гражданских войн, реакционно-романтический идеал-мечту о «золотом веке», о возврате прежнего «согласия», и патриархального уклада жизни и, как и в Греции, содействовали укреплению монархической идеи. Если в Греции монархические тенденции привели к легкому подчинению македонской монархии, в Риме они приводили к пезаризму.

В Риме конца республики все сильнее ставилась давно обсуждавшаяся в Греции проблема власти единого вождя. Этот ожидаемый вождь, как и в Греции, рисовался всеми чертами «справедливого царя», но в Риме он мыслился (особенно в среде землевладельческих слоев) прежде всего спасителем от междоусобий, притом опирающимся на республиканский сенат, как на людей «лучших»; кроме того, его образ часто окрашивался в философские стоические тона.

Образ «демократического» вождя, защищающего свободу рабовладельцев, ясно представлен, например, у Саллюстия. Он хвалит древних царей, лишь пока они охраняли свободу и отечество при наличии сената; когда же их власть выродилась в надменное господство, тиранию (*in superbiam dominationemque*), а надменность (*ὕβρις*) — исконно типичная черта тирана, — тогда была установлена власть двух консулов, «чтобы путем своеволия человеческий дух не впадал в надменность» (*Cat.*, VI, 6—7). Далее Цицерон, превознося полибиевский смешанный тип государства, из несмешанных видов признает лучшим особую монархию; его вождь — «умеритель государства» (*moderator rei publicae*, *De re p.*, V, 6, 8), правитель отечества (*patriae rector*, II, 26/47); он заботится о благе граждан, дает государству мощь, славу, проявляет доблесть (*virtus*, II, 10, 17),

он—родитель для народа (*parens populo*, II, 26/47), но он должен опираться на сенат, совещаться с «лучшими». Цицерон хвалит Ликурга в Греции, а в Риме Ромула за то, что последний создал две опоры государства (*duo firmamenta rei publicae*): ауспиции и сенат (II, 10, 17). Антитезой такому принцепсу (*princeps civitatis*¹), и по Цицерону, является тиран (*dominus*), в которого этот принцепс может превратиться².

Задача настоящей работы показать, как возникающая в Риме проблема единой власти, унаследовавшая из Греции типичные различия «демократического вождя» и тирана, отразилась в творчестве Вергилия и на его отношении к власти Августа. Здесь мы займемся преимущественно анализом «Энеиды», которая является чрезвычайно показательным художественно-политическим памятником бурной переходной эпохи Рима.

Многочисленные исследователи Вергилия специально не занимались этим вопросом³; а его решение проливает более яркий свет на римскую политическую мысль эпохи Августа. Вместе с тем раскрытие этой проблемы дает возможность определить характер патриотизма Вергилия на фоне патриотических идей его времени.

Известно, что ранний Вергилий вместе с другими землевладельцами, страдавшими от гражданских войн, высказывает протест против всякой гражданской войны, против «несогласия» граждан, в результате которого «варвар завладеет римскими полями», как жалуется Мелибей в «Буколиках» (1, 72 сл.). В это время идеал Вергилия — деревенская жизнь земледельцев, далеких от гражданских распри; только они питают его патриотизм. Участники гражданских войн «стараятся разрушить свой город и несчастных пенатов» (*Georg.*, — II, 505), меняют свои дома и милые им пороги на изгнание и ищут себе отечество под другим небом (*ib.*, II, 511). Патриот только земледелец, который, разворачивая землю кривым плугом, этим поддерживает отечество и малых пенатов (*ib.*, 513—515). Отталкиваясь от современной ему шумной жизни города и идеализируя деревню, Вергилий уже в «Георгиках», естественно, прославляет римскую героическую старину и отчасти туда переносит свой патриотизм. Даже в патриотическом славословии Италии (*Georg.*, II, 136—178), которая величается им в чертах, «золотого века»⁴, он главное внимание обращает на земледелие и на старинную доблесть Дециев, Мариев, Камиллов, Сципионов и заканчивает свое прославление восклицанием: «Здравствуй, Сатурнова земля, великая родительница плодов, великая родительница мужей». Отсюда—мечты раннего Вергилия о «согласии» граждан и об общем патриотизме под эгидой единой власти, будущим носителем которой представлялся Октавиан. В «Георгиках» этот идеал конкретизируется, как известно, в картине жизни пчел (*Georg.*, IV, 149—227). У них полное единомыслие (*mens omnibus una est*); у них все общее; добытое они складывают для общего пользования, отдыхают вместе и работают вместе. С намеком на современность Вергилий подчеркивает, что только одни пчелы знают свое отечество

¹ Так называет такого цicerоновского монарха Августин (*De civ. dei*, V, 43).

² Там же, II, 26 (47). См. работу Эд. Мейера «*Caesars Monarchie u. das Principat des Pompeius*». Stuttgart u. Berlin, 1922, стр. 182—185, а также литературу в САН. IX, стр. 623; о Цицероне стр. 943, 960, 963, о Саллюстии стр. 958.

³ V a t r y, Discours sur la fable de l'Énéide, 1753; S a i n t e - B o e u v e, Etude sur Virgile, Paris, 1870; O. R i b b e c k, Geschichte d. röm. Dichtung, II, Stuttgart, 1889; H. G e o r g u, Die politische Tendenz der Äneide Vergils, Gymnasialprogr. Stuttgart, 1880; E d. N o r d e n, Vergils Äneis im Lichte ihrer Zeit, Neue Jahrb. für das klass. Altert, 1901; H e i n z e, Vergils epische Technik, B., 1908; Г. Б у а с с ь е, Римская религия от времени Августа до Антонинов, М., 1914; C a r t a u l t, L'art de Virgil dans l'Énéide, P., 1926 и др. См. еще литературу в последнем издании истории римской литературы Schanz—Hosius.

⁴ Как я показал в моей статье *Virgile et l'âge d'or*, R. Ph., 1931, стр. 128 сл.

и определенных пенатов; у них один любимый имя царь, которым они «восхищаются» и за которого умирают. Здесь, несомненно, разумеется стоическое «единомыслие» (*ὁμόνοια*) и стоический «справедливый вождь». Это доказывается тем, что в дальнейшем рассуждении Вергилий ссылается на мнение «некоторых (*quidam*), которые на основании вышеуказанных особенностей жизни пчел представляют их обладающими частицей «божественного разума» (*divinae mentis*) и божественного эфира, разлитого в природе (ст. 219—222). Стоицизм этого описания подтверждается и всей пифагорейско-стоической концепцией 6-й песни «Энеиды», где употребляется даже стоическая терминология¹ и где, вероятно, не случайно души, ожидающие своей очереди появиться на свет, сравниваются именно с пчелами (VI, 707—709). Стоицизм вытеснил у Вергилия его ранний эпикуреизм.

После прекращения гражданских войн и прихода Октавиана к власти для Вергилия наступает «Золотой век» (который рисуется им в 4-й эклоге «Буколики»)². Патриотизм Вергилия расширяется и усиливается. В «Энеиде», оглядываясь на прошедшую гражданскую войну, Вергилий снова клеймит позором все ее проявления, считая ее, как и раньше, прежде всего непатриотичной. Смертоносная война (очевидно, гражданская) и «безумное несогласие» (*discordia demens*) в «Энеиде» представляются стоящими у входа в подземное царство (Aen. VI, 280). Катилина изображается на щите Энея «висящим на грозном утесе и дрожащим перед лицами фурий» (ib., 668). В подземном царстве терпят наказание за то, что продают отечество за золото³; наоборот, блаженствуют в Элисиуме получившие раны за отечество (ib., VI, 660 сл.). Анхис порицает войну Цезаря с Помпеем и говорит: «Не привыкайте, дети, к таким войнам, не обращайтесь своих мощных сил против отечества» (*in viscera patriae*, ib., VI, 833—835). С точки зрения Вергилия как рабовладельца, в преисподней наказываются и рабы, восставшие против своих господ (*nec veriti dominorum fallere dextras*. Aen., VI, 613). Теперь при Августе «безбожная ярость» (*furor impius*) скована «сотнями медных оков» (Aen., I, 291—296), а сам Август рисуется Вергилию величайшим патриотом, так как он прекратил гражданскую войну и установил высшее «согласие» граждан. Но какой должна была быть, по представлению Вергилия, новая власть принцепса? Проблема единой власти беспокоила не только Вергилия, но и всех политических деятелей, окружавших Октавиана. Эта проблема была поставлена, как известно, на совещании, описанном Дионом Кассием (*Hist. rom.*, LII). Речи Мecenата и Агриппы на этом совещании, вероятно, стилизованы и украшены риторикой, но в духе античной историографии должны иметь историческое зерно. Интересно отметить, что в этих речах, как и в речах персидских вельмож у Геродота, ясно проводится та же волновавшая в эпоху Августа антитеза тирании и «популярной монархии». Такую популярную монархию советует Агриппа, но при этом монархию в римских условиях, опирающуюся на сенат и на всадников (*Dio Cass.*, LIII, 14), а не тиранию с ее рабством: «трудно от свободы переходить к тирании и освобожденные народы обращать в рабство» (ib., LIII, 5, 4). И Мecenат рекомендует против «дерзости толпы» совет сената. В 27 г. и сам Август в своей речи при отказе от власти тоже рисует себя чертами «демократического вождя»

¹ См. известную книгу Эд. Нордена «*Aeneis Buch*» VI, L., 1903, стр. 153. В тех же «Георгиках» (IV, 125—146) каким-то стоическим мудрецом представлен киликийский старик-садовод, питавшийся одними плодами и представлявший себя таким же богатым, как цари (*Regum aequabat opes animis*).

² См. указанную выше мою статью в RPh.

³ VI, 621. Здесь, вероятно, разумеется Антоний, см. примечание к этому месту Эд. Нордена.

(ib., LIII), патриотом и умиротворителем, который даровал желанное «согласие» (*ἁρμονίαν*) граждан; он не узурпатор; он не стремится к самовластию; граждане при нем наслаждаются миром и свободой; он готов отдать власть «лучшим и умнейшим» (*ἄριστοι καὶ φρονιμώτατοι*), т. е. сенату; он спас родину от бед; он не стремился к наживе, он ставит отечество выше всего. Впоследствии и в *Res gestae* Август подтвердил, что он не узурпатор, заявляя, что он «с общего согласия» овладел властью (per consensum universorum, с. 34). Такая же традиционная антифеа «демократического справедливого вождя» и «тирана», на которую ориентировались в начале власти Августа, хорошо была известна Вергилию; она проходит в характеристиках вождей и в его «Энеиде».

Прежде всего показывается их патриотизм. Эней по-ораторски приводит Дидоне (II п.) целый комплекс аргументов, доказывающих неизбежность принятия в Троию деревянного коня и необходимость бегства из родного города¹.

Гектор, явившийся Энею во сне, успокаивает его, заявляя: «достаточно воздали отечеству» (II, 291), Эней готов убить Елену — эту эринию для отечества, чтобы отомстить за родину (II, 573, 576). Эней вынужденно покинул родину; он проливает слезы, рассматривая в Карфагене картину, изображавшую взятие Илиона². Чтобы усилить патриотизм Энея, Вергилий изображает пенатов, явившихся Энею, которые объясняют ему, что настоящее отечество Энея не Троя, а Италия: «Там наше местожительство; оттуда Дардан и отец Иасий, наш родоначальник»³. Идея патриотизма движет всеми действиями Энея. В объяснении с Дидоной он заявляет, что Аполлон повелел ему плыть в Италию: «здесь предмет моих желаний; здесь отчизна» (*hic amor, haec patria est*, IV, 347). А это новое отечество пришлось завоевывать; отсюда в представлении Вергилия война Энея против италийцев в высшей степени патриотична. Но и италийцы ведут войну для защиты своей родины. Таким образом, идеи патриотизма Вергилий распространил на все действия в Энеиде.

Патриотизм — одна из традиционных черт демократического вождя, каким, как мы увидим, рисует Вергилий Энея. Этой чертой обладает, например, Этеокл у Эсхила («Семь против Фив») — защитник родных Фив от нападения. У Вергилия горячий патриот и Анхис; он не хочет «терпеть изгнание» (II, 638); он даже согласен остаться без погребения (*facilis iactura sepulchri*, II, 646).

Другая традиционная черта — благочестие; она отличает «демократического» вождя от тирана; например у Эсхила тиран Ксеркс сжигал храмы греческих богов («Персы»); обрисованные тиранами греческие вожди, нападавшие на Фивы, все безбожники, кроме Амфиарая, который чтит богов. Благочестие Энея известно; вся Энеида насквозь религиозна⁴.

¹ Здесь кстати указать (что не было замечено исследователями Вергилия) на чисто Вергилиевскую градацию (ср. Heinze, ук. соч., стр. 372 сл.) — яркий показ того, как от колебания в отношении принятия коня, усилившегося выступлением Лаокоона, троянцы пришли к решению ввести коня в город: подействовала речь Синона, который умышленно показан искусным опытным оратором (см., напр., анализ речи Синона в работах М. М. Покровского — в его «Истории римской литературы», М.-Л., 1942, стр. 203 сл. и в REB, Avril—Juin, 1927, стр. 172, 174); ему поверили (ст. 196: *credita res*), «пленные его хитростями и притворными слезами»; далее еще более сильный стимул — наказание Лаокоона, пророчество Кассандры, — в результате уже «все разом кричат» (*conclamant*) ввести коня (ст. 233).

² Это вынужденное бегство из родины сближает Энея с Дидоной, такой же беглянкой, и тем более содействует возникновению у Дидоны любви к Энею. О сходстве своей судьбы с судьбой Энея Дидона говорит сама: I, 628—630.

³ III, 167 сл.; см. Г. Буассье, ук. соч., стр. 225.

⁴ См. Г. Буассье, ук. соч., стр. 225.

Латин—сам благочестивый, боится сражаться с «родом богов» (XI, 305); благочестив и Эвандр, совершающий все обряды.

Третья черта — доблесть (*virtus*), каковой отличались и вожди Эсхила — Пеласг и Этеокл. Эней, обращаясь к Асканию, говорит: «Учись, мальчик, у меня доблести и истинному труду» (XII, 435). Донат в комментарии хорошо отмечает, как в своем рассказе Эней старается выставить перед Дидоной свое личное мужество и доблесть. И Турн хвалится своей доблестью, говоря: «Я, Турн, не уступающий никому из предков в своей доблести» (*virtute* — XI, 444).

Четвертая черта—справедливость (*iustitia*). Дранк не знает, удивляться ли ему справедливости Энея или его военным подвигам (XI, 126). Это черта и Латина, как и пятая черта — гуманность, милосердие (*clementia*). Это та черта, которой по преимуществу наделяли «справедливого» царя стоики. Эта черта, которую, как известно, настойчиво впоследствии пропагандировал Сенека, который больше других отличает такого вождя от тирана. Мягкосердечен Латин; Эней отличается милосердием. В «Илиаде» Ахилл сразу поражает Гектора насмерть и остается глух к его мольбам (XXII, 345—354); Эней сначала поражает Турна в бедро, и, когда Турн просит о пощаде, Эней «удержал руку и его, медлящего, все более и более стала склонять речь Турна» (XII, 939); лишь когда Эней увидел у Турна перевязь и пояс Палланта, он поражает его мечом. В III песне Эней падит Ахеменида. Таким образом, полнее всех в Энее собраны все основные черты «справедливого демократического вождя».

И Юпитер в «Энеиде», хотя, в отличие от Гомера, не зависит от судьбы, и ему беспрекословно подчиняются боги, однако он не тиран на небе (как Эсхилев Зевс в «Прометее»), в «Энеиде» он заботливый правитель; обзорева свои владения, сушу и моря, он тревожится бедствиями троян¹. Уже давно отмечалось², что собрание богов у Юпитера напоминает заседание сената; Юпитера боги провожают до порога (X, 117). Латин для обсуждения положения созывает «великий совет и знатных из своих» (*primosque suorum* XI, 234). Это собрание Турн и называет *curia* (XI, 380). Даже у Эвандра имеется «бедный сенат» (*pauper senatus*) (VIII, 105). Как контраст героям типа «популярного вождя», Вергилий показывает и традиционный образ «тирана». Это прежде всего Мениций. Враг своей родины, он проявлял невероятную жестокость (VIII, 483—488), за что граждане сожгли его дом, и он бежал из отечества; он сам признает свою вину перед отчизной (X, 853). Он узурпатор, он взял город Агиллину войной (VII, 481); поэтому его окружает горькая ненависть близких, и он просит Энея защитить его тело от своих³; он нечестивец, презритель богов (*contemptor deorum*, VII, 648); он не считается ни с одним богом (*nec divum paremus ulli*, X, 880); для него богом является правая рука и копье⁴. Менее ярок брат Дидоны Пигмалион: он нечестив, превзошел всех своими

¹ I, 224—227. См. Г. Буассье, ук. соч., стр. 240.

² Там же и М. М. Покровский, История римской литературы, М.-Л., 1942, стр. 190.

³ X, 904 сл. Типичная черта тирана, см. Cic., *De officiis*, II, 723—26; Цицерон приводит в пример агригентского тирана Фаларида, на которого напал весь агригентский народ.

⁴ X, 773; он заставлял умирать медленной смертью (*longa morte*); так обычно поступали тираны; таким выводится Юлий Цезарь в поэме Лукана; в этом смысле высказываются тираны в трагедиях Сенеки, например тиран Лик говорит: «Кто всех наказывает смертью, тот не умеет быть тираном... ты запрещаешь умереть несчастному, приказывай счастливому» (Сенека, *Hercules Furens*, 511—513). Император Тиберий «считал простую смерть слишком легким наказанием» (Suet., *Tiberius*, 61). Калигула позволял наказывать лишь частыми и слабыми ударами, руководствуясь известным правилом: «Бей так, чтобы он чувствовал, что умирает» (Suet., *Calig.*, 30).

преступлениями; из-за слепой любви к золоту (тоже обычная черта тирана) он убил Сихея; его все жестоко ненавидели и страшно боялись (*odium crudele... metus aser.* I, 361), что очень напоминает известный заимствованный из трагедии Акция лозунг тиранов, часто цитируемый философом Сенекой: «пусть ненавидят, лишь бы боялись» (*oderint dum metuant*).

В плане такой же ангитезы — «справедливый вождь» и «тиран» — оцениваются в «Энеиде» исторические и полуисторические вожди и правители, например в «Энеиде» отмечается, что царь Анк Марций хвалился расположением народа (VI, 815), а Тарквиний, названный у Овидия «несправедливым» (*iniustus*), отличался гордостью (*animo superbo*, VI, 817).

Поэтому Брут изгнанием тирана совершил во имя «прекрасной свободы» (*pulchra pro libertate*) патриотический поступок (*vincet amor patriae*, VI, 821—823). Отсюда видно, что любовь к родине у Вергилия соединяется с любовью к свободе и с борьбой против тирании.

Теперь возникает вопрос: какова же социальная функция разнообразных образов героев «Энеиды»? Каково ее отношение к Августу? Этот вопрос не такой простой, как кажется, и решение его, несмотря на многочисленные исследования, не вполне ясно.

Vatry¹ приходит к тому выводу, что целью Энеиды было убедить подчиниться одному вождю; Georgii в своей работе², на которую ссылался Эд. Норден³, отвергает монархическую тенденцию Энеиды на том основании, что сознательная монархическая тенденция противоречила бы республиканской видимости. Сам Эд. Норден утверждает, что Энеида национальна и патриотична, поэтому она и представляет собой «августовский эпос» (ук. соч., стр. 313). Некоторые считали (ук. соч., стр. 250) целью Энеиды успокоить людей, встревоженных потерей свободы, очевидно, прославлением Августа и изображением идеала вождя.

Что Энеида писалась в духе Августа, это несомненно. Известно, как интересовался Август поэмой Вергилия и просил скорее прочесть ему что-нибудь из «Энеиды»⁴. Но был ли Вергилий сознательным монархистом? Вергилий едва ли смотрел в политическую даль, и это не потому, что он «вел, вообще говоря, скромную, отшельническую жизнь», не позволявшую ему расширить политический кругозор; не потому что «его высокопоставленные друзья и покровители не имели оснований посвящать его в тайны нового режима»⁵, а в силу сложившейся политической обстановки. Август дал рабовладельцам желанный мир и спокойствие, установил внешнее «согласие» граждан, о котором мечтал Вергилий. Ему вместе с многими другими рабовладельцами казалось, что республика вовсе не рушится, а, наоборот, приобретает прежний здоровый характер, что и сенат не умаляется в своих правах (не случайно, как мы видели, Вергилий не один раз говорит в Энеиде о сенате), что поднимается земледелие, религия, мораль; наступает снова «золотой век». Так освещал политическое положение и сам Август, заявивший в своих «Деяниях», что «он передал государство из своей власти на усмотрение сената и римского народа»⁶. Август рисовался спасителем государства. Если верить Диону Кассию (LX, 5, 4), Август сам хвалился в своей речи, что он спас родину от бед. Таким «спасителем» его считали и граждане. Одна малоазийская надпись

¹ Discours sur la fable de l'Énéide, 1753.

² Die politische Tendenz der Äneide Virgils, 1880.

³ Ук. выше статья в «Neue Jahrbücher für das klass. Altertum», стр. 250.

⁴ См. об этом, например Schanz, Gesch. d. römischen Literatur, II, 1, стр. 67.

⁵ М. М. Покровский, История римской литературы, стр. 207.

⁶ с. 34. Поэтом и для Горация, тоже призывавшего к прекращению гражданских войн, переход к цезаризму был вполне понятен.

называет Августа «спасителем всего человеческого рода»¹. Вот почему Вергилий мог и не быть убежденным монархистом, но восторженно приветствовать Августа. Поэтому вся «Энеида» пронизана тенденциями, которые старался проводить в жизни Август.

Мы видим, что у Вергилия в обрисовке героев «Энеиды» ярко намечается идеал «демократического» вождя в отличие от тирана. Если в «Энеиде» нельзя обнаружить очень явной тенденции за сохранение при Августе свободы, то все же дана отрицательная характеристика тирании (Месенций, Пигмалион), все же Брут совершает деяние во имя «прекрасной свободы» (VI, 821—823), а на щите Энея изображена борьба с Порсеной, намеревавшимся вернуть Тарквиния Гордого, тоже как борьба за свободу (VIII, 648).

Сам Август все время старался показать себя правителем в духе идеала «демократического» вождя. В своих «Деяниях» (гл. 1) он утверждает, что он «вывел государство на путь свободы» (*rem publicam in libertatem vindicavi*); Светоний рассказывает (Aug., 53), что слово «господин» (*dominus*) пугало его как оскорбительное и бранное слово; когда в одном миме актер, обращаясь к нему, произнес фразу: «О господин справедливый и добрый!» и когда народ выразил одобрение этому возгласу, Август на другой день издал эдикт, в котором обуздал эту лесть, и после этого не терпел, чтобы в шутку или всерьез даже дети или внуки величали его господином. В «Деяниях» (гл. 6) Август указывает, что в курии Юлии был возложен в его честь золотой щит с надписью: «сенат и римский народ посвящает его в знак доблести, гуманности, справедливости, благочестия Августа (*virtutis, clementiae, iustitiae, pietatis causa*) — перечислены все качества «демократического» вождя. Далее Август выставляет свою гуманность при завершении всех войн: «По всей вселенной я предпринял на суше и на море гражданские и внешние войны и, победитель, всех оставшихся в живых граждан я пощадил. Чужеземные племена, которым безопасно было простить, я пожелал лучше сохранить, чем уничтожить»². О гуманности Августа (*clementia*) говорят и другие источники: Дион Кассий (L, 2,4): «Октавиан после Актийской битвы некоторых пощадил»; Веллей Патеркул (II, 85): «Во время актийской битвы Цезарь тех, которых мог бы уничтожить железом, желал смягчить словами»; «победа была самая милосердная (*clementissima*) и никто не был убит, за исключением очень немногих, которые даже умолять за себя считали для себя невыносимым» (*ib.*, II, 86). Светоний приводит ряд доказательств «гуманности и деликатности» Августа (*clementiae civilitatisque*, Aug., 33, 51). Сенека рассказывает о помиловании Цинны, замышлявшего убийство Августа (*De clem.*, I, 9) и т. д. Таким образом получается образ Августа в духе «популярного вождя», которого обрисовал в «Энеиде» Вергилий.

Но был ли на самом деле Август таким, каким он желал казаться? *Res gestae divi Augusti* (Деяния) не являются вполне объективным источником, так как здесь Август старается представить себя лишь с положительной стороны. Что касается историков императора, то все они — и Дион Кассий и Светоний, — не говоря уже о Веллее Патеркуле, стараются возвеличить Августа, рисуя его гуманным демократическим императором, «справедливым вождем» в противоположность тирану. Однако Август совершал такие поступки, которые противоречили его хваленым качествам.

¹ Gardthause, Augustus, II, 264.

² Гл. 3. Эд. Норден хорошо подметил нарек на политику Августа в словах Анхиса о призвании римлян: «щадить покоренных и покорять надменных» (*Aen.*, VI, 851 сл.: *parcere subiectis et debellare superbos*), ук. соч., «Neue Jahrb.», стр. 272.

На это указывает, например Светоний. Он отмечает случаи жестокости Августа: голову Брута он послал в Рим и приказал ее бросить к подножию статуи Цезаря (Aug., 13); после Перусийской войны он не пощадил трехсот сенаторов и «всадников» и велел их зарезать наподобие жертвенных животных у жертвенника, посвященного божественному Юлию (Aug., 15); Август применял проскрипции с большей жестокостью, чем Антоний и Лепид (ib., 27). Далее ходили упорные слухи о безнравственности Августа, о его кощунстве, о его стремлении к роскоши, например о пристрастии к драгоценной утвари и коринфским вазам (ib., 68—70, 71). Даже Светоний, при всем желании, не может опровергнуть все эти слухи и признается, что сластолюбию Август предавался не только в юности, но и позже (ib., 71).

Все эти отрицательные качества Август особенно проявлял в период установления своей власти. Сенека в назидание Нерону называет Августа «мягким принцепсом» (*mitis princeps*), но добавляет: «если бы кто стал его оценивать, начиная с принципата» (*De clem.*, IX, 1); до этого он проявлял жестокость; помилование Цинны произошло, когда Августу исполнилось сорок лет (в 23 г. до н. э.); в молодости же, по словам Сенеки, он «был горяч, пылал гневом, делал многое, от чего с отвращением отворачивал глаза» (ib., X, 4). Отсюда надо думать, что положительные образы героев «Энеиды» служили не только пропагандой демократичности власти и политики Августа, но вместе с тем и объективно, и по замыслу Вергилия имели воспитывающее, назидательное значение для самого Августа, рисовали ему идеал власти. Функция «Энеиды» в известной степени сходна с функцией трактата Сенеки «О гуманности» (*De clementia*), но в «Энеиде» эта функция проявляется в гораздо более слабой степени и в иной форме уже потому, что в «Энеиде» все подано в художественных образах, а не в форме прямых наставлений, как в трактате Сенеки.

Своими образами Вергилий как бы предварял проявление всех положительных черт принцепса. Ведь таким же образом предвосхищались и пропагандировались реформы Августа. Приведем два примера. В тесной связи с идеями патриотизма в «Энеиде» стоит культ пенатов, Весты и ларов. Еще в «Георгиках» Вергилий с любовью говорит о «маленьких пенатах» земледельца, которых тот поддерживает своим трудом (II, 514). В «Энеиде» пенаты играют «ведущую» роль. Но Август учредил культ пенатов и Весты на Палатине лишь 28 апреля 12 г. до н. э., когда он сделался «великим понтификом»¹; однако идеи, проекты реформ (как правильно заключает Эд. Норден) были намечены раньше, и пропаганда этих культов в «Энеиде» не была лишь заказом принцепса, но, как видно из «Георгик», вытекала из настроения самого Вергилия, который этим напоминал Августу о необходимости их проведения. Второй пример — законы об укреплении семьи. Эти законы (*lex Julia de maritandis ordinibus*, *lex Papia Poppaea*) были изданы позже выхода в свет «Энеиды» (в 18 и в 9 г. до н. э.), но уже в «Энеиде» пропагандируется крепость семейных устоев, возврат старинных семейных отношений. Здесь я позволю себе несколько дополнительных замечаний к моим прежним наблюдениям². Эней — прекрасный семьянин, любящий своих отца, сына, жену; в «Энеиде» бросается в глаза любовь отцов и детей; она показывается особенно путем смерти детей на глазах отцов (Приам и Полит, Лавс и Месенций, Эвандр и Паллант); может быть, немотивированное появление детей Лаокоона, к которым он спешит на помощь, также вызвано целью показать трагизм смерти детей на глазах отца (Aen., II, 214). Подчеркивается верность жены мужу: Андромаха

¹ См. Эд. Норден, ук., соч., *Neue Jahrb.* стр. 275 сл.

² Об этом см. в моей вступительной статье в издании перевода «Энеиды», «Academia», 1933. стр. 18—19,

остается верной своему Гектору (Аен., III, 301), Дидона мучается, что нарушает верность своему покойному мужу Сихею. Вергилий всякую любовь прикрывает целомудренным названием «брака»: Дидона называет свои отношения с Энеем «браком»; этим именем она прикрыла свою вину (IV, 172); в самом описании момента «брака» Heinze (ук. соч., стр. 359) верно отмечает выдержанность героического стиля описания, но замечательна и целомудренная завуалированность рискованного момента («блеснули огни, заулюлюкали на вершине нимфы»...).

В 6-й песне «Энеиды» снова подчеркивается супружеская верность. Дидона в подземном царстве остается глуха и к речам Энея и убегает «в тенистую рощу, где ее прежний супруг Сихей отвечает ей равной любовью» (VI, 473 сл.). Венера действует на Вулкана супружескими ласками (VIII, 406). Вулкан уснул в объятиях жены перед рассветом и далее, — как точнее определяется время? — «когда еще сидит за своей пряжей бедная женщина и трудится, чтобы сохранить в целомудрии ложе своего мужа и воспитать своих маленьких детей» (VIII, 412 сл.). Можно еще добавить, что и Синон старается воздействовать на семейные чувства троян; ему не увидеть «милых детей и желанного отца» (II, 138) и т. д. Таким образом, Вергилий и в отношении семьи заранее как бы подготавливал намечаемые реформы и эта пропаганда, как и в отношении пенатов, не была лишь заказом Августа, но вытекала из идеологии самого Вергилия, что видно из идеализации семейной жизни и в «Георгиках».

Так и образы вождей в «Энеиде» напоминали Августу то качество власти, к которому он должен был стремиться.

Из всех героев «Энеиды» по своему идеалу наиболее близок к Августу Эней. Правда, и некоторые другие личности в «Энеиде» обладают чертами, близкими к Августу.

Эней — основатель и строитель городов — Энеады, Пергама и в конечном итоге Рима. Август тоже в сущности основатель нового города Рима; в своем эдикте сенату (переданном нам Светонием, Aug., 28), он высказывает желание «установить государство на его основе целым и невредимым (*sistere in sua sede*), чтобы быть творцом (*auctor*) лучшего порядка (*optimi status*) и, умирая, унести с собой надежду, что «заложенные основания государства (*fundamentare rei publicae*) останутся на своем месте». Эней с помощью Сивиллы спускается в подземное царство, где узнает судьбу своего потомства; перед этим он говорит Сивилле: «Затем я из крепкого мрамора сооружу храм Фебу и Тривии и по имени Феба установлю праздничные дни. Тебя также ожидают в нашем царстве великие чертоги, ибо там я положу для моего рода твои пророчества, тайные судьбы и изречения»... (Аен., VI, 69—73). Август, как нам сообщает Светоний (Aug., 31), велел сжечь все греческие и латинские пророческие книги, — все, кроме Сивиллиных книг, которые он, сделавшись великим понтификом, приказал спрятать в двух золотых ларцах у пьедестала храма Палатинского Аполлона¹. В отличие от погребальных игр в «Илиаде» Эней на погребальных играх в честь Анхиса устраивает «троянские игры»². И Август часто устраивал «троянскую игру», в которой принимали участие юноши и девушки (Suet., Aug. 43). Светоний, указав на любовь Августа к «троянским играм», приводит рассказ и о том, что Август на этих играх наградил Нония Аспрената, искалеченного при падении, золотым ожерельем (*aureo torque*) и позволил ему самому и его потомкам носить прозвище «Торквата» (Suet. Div. Julius, 43). Вергилий такой же красивый жест во время троянских игр приписывает Энею: Нис при состязании поскользнулся и упал в на-

¹ См. примечание Эд. Нордена в его издании VI песни Энеиды, стр. 142.

² Аен., V, 600—603, см. Heinze, ук. соч., стр. 154—156.

воз и в священную кровь (Aen., V, 333). Это отклик Илиады (п. XXIII, 774 сл.): Аякс при состязании упал в бычий навоз. Но у Вергилия Нис, продолжая бег, опрокинул Салия и этим дал возможность своему другу Эвриалу притти первым. Эней награждает и упавшего Салия шкурой гетулийского льва с гривой и золотыми когтями, а потом и упавшего Ниса одаряет щитом (Aen., V, 351).

Далее Эней ведет себя в духе стоической философии¹, которую, как мы видели, воспринял Вергилий еще в период «Георгик». Эней, как показывает Эд. Норден (Aen., VI, 153), употребляет, говоря о своих действиях, даже термины стоиков². Август все время увлекался философией; он общался с философом Ареем и его сыновьями (Suet., Aug. 89, 11); он написал «Побуждения к философии» (*Hortationes in philosophiam*, (ib., 85). Мало этого, Heinze³ убедительно доказывает, что Вергилий изобразил в «Энеиде» Энея, «становящимся героем» в стоическом духе, постепенно приобретающим все качества стоического мудреца и стоическое совершенство. Мы можем дополнить, что такое развитие характера Энея вполне согласуется с любимым Вергилием приемом градации, проходящим через всю «Энеиду». Если это верно, то такая характеристика Энея могла служить назидательным прототипом для Августа.

В заключение сравнения Энея и Августа хочется указать и на то, что как Эней сразил Турна и этим окончил войну, так и Август, победив Антония, водворил мир. Не хотел ли Вергилий представить в образе Турна Антония? Но это требует особого исследования.

Подведем основные итоги. Мы видели, что в Риме проблема единовласти обострилась с приходом Октавиана к власти и подверглась обсуждению, причем в этом обсуждении было использовано греческое политическое учение о «демократическом вожде» и «тиране». Эта теория, в ее римской форме осложненная ролью сената, была усвоена и Вергилием; она ярко выражается в его характеристике героев и других исторических и полуисторических лиц в «Энеиде», а также в его отношении к Августу. Власть последнего Вергилий приветствовал, исходя из характера своего патриотизма, связанного с «согласием» граждан после прекращения гражданской войны и борьбой за свободу против тирании. Идеал вождя, главным образом образ Энея, обрисованный Вергилием, не столько отвечал «заказу» Августа, желавшего казаться «демократическим вождем», а не тираном, сколько вытекал из убеждений самого Вергилия. Этим подчеркивается политическое значение «Энеиды»; в художественных образах она пропагандирует тот характер власти, какой римские рабовладельцы хотели видеть в неизбежно сложившейся военной диктатуре.

¹ См. Heinze, ук. соч., 273—277.

² К параллелям к стоическому термину *praecipere* «предвосхищать», указанным Норденом, можно добавить цитату из писем Сенеки (13,5): *aut augemus dolorem aut fingimus aut praecipimus*.

³ Ук. соч., стр. 274 сл., недоверие к этому выводу Шанца (*Gesch. d. röm. Literat*, II, 1, § 234) неосновательно.

Проф. А. В. Мишулин

ИСТОЧНИКИ ТРАКТАТА ВИТРУВИЯ «ОБ АРХИТЕКТУРЕ»

С именем Витрувия связано представление о целостной и монументальной греко-римской архитектуре, завоевавшей в истории искусства выдающееся место. Витрувий выступает как бы гидом среди античных развалин, помогающим восстановить их целостный облик. Таким гидом был Витрувий для Гёте в его путешествии по Италии. [Запись Гёте от 25/X 1786 г. в Перуджии. G o e t h e, «Italienische Reise». — Meyers Volksbücher, No 258—256, стр. 102]. Гёте дал меткое определение античной и монументальной архитектуре. «Это какая-то вторая природа, которая действует в интересах гражданского благоустройства»¹.

Но очарование Гёте античным строительным искусством и его интерпретатором Витрувием значительно рассеялось позднее, когда в XIX в. началась усиленная аналитическая работа над Витрувием, расколовшая цельное представление о греко-римской архитектуре. С легкой руки Винкельмана создано, наряду с культом греческой, пренебрежительное отношение к римской архитектуре. Уже Гёте, обращаясь к Витрувию за разрешением возникающих у него вопросов по части греческой архитектуры, должен был, по собственному признанию, отходить от него с разочарованием. Но Гёте приписывал причину этого разочарования не несостоятельности Витрувия, как это делало все более возраставшее число критиков Витрувия, а своему неудачному к нему подходу. Так он пишет об этом одному из самых заядлых эоилов Витрувия, тайному советнику Шульцу, в письме от 10/I 1829 года: «О Витрувии я могу сказать и говорил всегда, что мои неоднократные попытки при его посредстве приблизиться к древнему периоду греческой архитектуры всякий раз кончались неудачей, я не мог проникнуть в суть книги и из нее что-либо извлечь для себя. В этом я винил самого себя. И если хорошенько вникнуть, я только проходил, в сущности, своей дорогой мимо римской архитектуры, устремляясь к греческой, которую я в конце концов созерцал лишь в виде какой-то чуждой и недостижимой дали» (ib., стр. 102).

Таким образом, мы видим на примере Гёте двойное отношение к Витрувию — как к источнику, раскрывающему античное строительное искусство в целом, и как к источнику для ответов на отдельные вопросы этого искусства и его техники.

Уже в эпоху Ренессанса архитекторы, пользуясь Витрувием как литературным источником, изучали античные памятники. Таким образом,

¹ Ib., стр. 106. Запись под 26/X 1786 г.

впервые сопоставлялись между собой вещественные памятники и литературные показания Витрувия. Всего удачнее такое сопоставление античных данных по архитектуре было у Палладия, которого Гёте и ставит, наряду с Витрувием, своим просветителем. Он говорит: «С тех пор, как я у Витрувия и Палладия вычитал, как следует строить города, храмы и общественные здания, я питаю великое благоговение перед этими сооружениями» (ib.).

Но если Гёте до конца жизни сохранял к трактату Витрувия уважение, как к целостному произведению, то Витрувий не мог удовлетворить его в ряде деталей. Начался период резкой критики положений Витрувия в смысле их соответствия реальным археологическим данным и технической их состоятельности. Сравнение уцелевших памятников с данными Витрувия раскололо археологов, филологов и историков на два лагеря: одни, как Роде, считали, что в общем показания Витрувия соответствуют археологическим данным¹; другие же, как уже упомянутый Шульц, впервые стали оспаривать компетентность Витрувия, указывая на встречающиеся у него археологические, технические и литературные несообразности.

Сомнения в Витрувии как надежном источнике породили в XIX в. вопрос об источниках его трактата.

Вопрос об источниках Витрувия касается столь же археологии, как и критики литературных данных.

Исследователи XIX в. в большинстве утратили представление о Витрувии как о целостном источнике, и то, что было для предшествующих веков а priori данным, стало потом чем-то искомым; именно, путем определения источников Витрувия, надо было установить не только исходные пункты работы Витрувия над своим трактатом, но и значимость Витрувия как исторического свидетеля.

В соответствии с общим характером аналитической работы XIX в. разработка текста трактата Витрувия раздробилась на массу отдельных исследований, разбросанных во всевозможных журналах, сборниках, монографиях, программах и т. д. Особенно изобилуют подобными статьями журналы «Hermes», «Rheinisches Museum», «Philologus», «Neue Jahrbücher» и т. д.

Уже Бернгарди² в своей истории римской литературы сетовал на то, что «богатые подготовительные работы знатоков и специалистов по Витрувию до сих пор оставались неиспользованными, и исследователь его не может не ощущать недостатка в реальном комментарии, который, просеивая содержание трактата, как через сито, давал бы возможно более точный итог конкретно-исторического материала». И до сих пор это указание Бернгарди остается еще в силе. Только в XX в. начали появляться монографии, которые могли ответить на запросы Бернгарди. Помимо мелких заметок, рассыпанных в статьях по другим поводам, как, например, у Ф. Ноака³ и компендиумов, подводивших итоги исследований по искусству и археологии вроде «Handbuch der Kunstgeschichte» А. Springer'a, появились потом целые монографии таких авторов, как Birnbaum, Schneider, Sackur и др., которые для исследования источников Витрувия представляют несомненный интерес⁴.

¹ A. Rohde, Die Baukunst, Berlin, 1796.

² Grundriss der römischen Litteratur von G. Bernhardy, 5-te Bearbeitung, Braunschweig. 1872. стр. 905.

³ F. Noack, Das Prosenion in der Theaterfrage, «Philologus», N. F., XII (1899), (стр. 1 сл.).

⁴ A. Birnbaum, Vitruvius und die griechische Architektur, Wien, 1914 (Denkschriften der Kais. Akad. der Wissenschaften in Wien). Phil.-Hist. Klasse. Abhand-

Работа Бирнбаума с внешней стороны, по словам автора, является рядом реконструкций, которые имеют, однако, значение не самоцели¹, а лишь средства к установлению места и времени происхождения архитектурных образцов, на которые ссылается Витрувий; Бирнбаум сопоставляет свои реконструкции по данным Витрувия с имеющимся в наличии открытым до сих пор монументальным материалом. Обнаруживая здесь неоспоримые связи витрувианских конструкций с малоазийскими школами и специально с процветавшей с III и до второй четверти II века до н. э. школой Гермогена, Бирнбаум в этом видит ключ к объяснению позиции Витрувия и в отношении архитектуры римской. Что касается архитектуры в узком, не витрувианском смысле слова, то и здесь метод и выводы Бирнбаума являются в большинстве своем заслуживающими внимания. К архитектурным разделам трактата Витрувия Бирнбаум дает то, что можно гораздо скорее назвать объяснительным комментарием, чем интерпретации архитекторов вроде Шуази и Престеля, промахи которых и в отношении понимания текста и архитектурных деталей Бирнбаум сплошь да рядом отмечает.

Задача Бирнбаума—сравнительно-историческое исследование Витрувия—была облегчена тем, что как раз перед появлением его монографии были изданы результаты раскопок² тех храмов, строителем которых, по свидетельству Витрувия (III, 3,8), был Гермоген. Гермоген, по свидетельству того же Витрувия (VII, praef., 12), оставил описания выстроенных им храмов в Магнезии и Теосе, причем в этом описании он изложил и свои принципиальные соображения по вопросам архитектоники. Это было в обычае греческих мастеров — соединять в своих записях, или, как их называет Витрувий, «комментариях», описания сооружений теми построениями с принципиальными соображениями по архитектуре. Витрувий указывает, что такие комментарии существовали с эпохи расцвета греческой архитектуры. Уже в VI в. до н. э. именно такое описание знаменитого храма Геры дал строитель его Феодор Самосский (ib.). Аналогичное описание Парфенона строителем его Иктином в сотрудничестве с Карпионом (ib.), уцелевшее до времени Плутарха, вызвало в эпоху Плутарха пренебрежительные отзывы, как образчик вульгарного стиля, свойственного «всем мастеровым, добывающим себе пропитание не свободной профессией, а ручным трудом и отмахивающимся от малейших усилий владеть словом» (Plu t., praef. ger. reip., V,7). А от IV в. до н. э. сохранилось до нас открытое в 1882—83 г. описание арсенала Пирея его строителем Филоном, которого Витрувий (VII, praef., 12) также называет не только автором описания этого сооружения³, но и автором особого трактата «Об пропорциях храмов». Насколько был знаком Витрувий непосредственно со всеми перечисленными «комментариями», сказать трудно; вернее всего, что он был знаком с ними понаслышке или из вторых рук. А вот этими «вторыми руками», вероятнее всего, как мы можем заключить по более конкретным ссылкам на них, сравнительно с указанными выше источника-

lung 4, Bd. 57); R. Schneider, Griechische Poliorketiker («Abhandlungen der Königl. Gesellschaft für Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-Hist. Klasse, N. F., т. 10, № 1, т. 11, № 1, т. 12, № 5). (О работе Шнейдера см. статью А. В. Мишулина, Греческие полиоркетики об искусстве осады городов, ВДИ, 1940, № 3—4). Наконец, особенно важным является исследование Sackur, Vitruvs Technik und Litteratur (Bautechnisches aus der Litteratur des Altertums), Berlin, 1925.

¹ Birnbaum, ib., стр. 3.

² C. H. Mann, Magnesia am Maeander. Bericht über die Ergebnisse der Ausgrabungen der Jahre 1891—93. Die Bauwerke bearbeitet von W. Kolbe, Die Bildwerke von Watzinger.

³ Описание Филоном Пирейского арсенала см. у Chaisy, Etudes épigraphiques, 1885.

ми, являлись Питей (ib.) и Гермоген (VII, praef., 13). Питей, в своих «Комментариях» о сооруженном им храме Афины в Приене, высказывает ряд соображений, не оставшихся без влияния на Витрувия, который в развитии своих общих взглядов ссылается в первой книге (I гл. § 12) на Питея и явно следует ему в своем предпочтении ионического ордера в архитектуре перед дорическим. У Питея мы видим в IV в. отголосок дискуссии по поводу использования наследия архитектурных традиций классической эпохи и его приурочения к новой, эллинистической эпохе. Памятником начала такого приспособления и был знаменитый Галикарнасский мавзолей, построенный Питеем совместно с Сатиром. Составленное ими вдвоем описание мавзолея, по свидетельству Витрувия (VII, praef., 13), приобрело необычайную популярность, которой, очевидно, упоминавшиеся ранее работы не пользовались, будучи известны лишь в тесном кругу специалистов. Таким образом, первым источником Витрувия по части его теории архитектурных ордеров следует считать Питея, который положил начало новым веяниям в технике и стиле архитектурного искусства.

Если мы в настоящее время не располагаем трактатами Питея как литературными источниками, то до нас дошли остатки его сооружений¹, которые должны быть учтены в исследовании источников Витрувия.

Что касается другого основного источника Витрувия — Гермогена, то и он сходится с Питеем в отрицательном отношении к дорическому ордеру в архитектуре, выразившемуся между прочим, по свидетельству Витрувия (IV, 3, I), в том, что Гермоген в Тесе при сооружении храма Дионису заменил ионическим ордером дорический, хотя для последнего специально и были уже заготовлены материалы. По тщательному сопоставлению предписаний Витрувия с археологическими результатами раскопок сооружений Гермогена в Магнезии упомянутый выше Бирнбаум в своей монографии констатирует, что теоретические постулаты Гермогена не всегда сходятся у него с практикой в ее деталях (ib., стр. 7). Бирнбаум причину этого видит в том, что новатору Гермогену были положены известные ограничения со стороны хозяев стройки, в видах экономии или в силу консервативных вкусов. Витрувий же, который на месте не исследовал сооружений Гермогена, следовал лишь его идеальным концепциям. С другой стороны, как указывает тот же Бирнбаум (ib., стр. 24) и сам Витрувий вынужден был в практике строительства отходить от своих технико-теоретических посылок «при столкновениях малоазиатских и римских вкусов между собой»².

Не останавливаясь более подробно на положениях Бирнбаума³ (для этого отсылаем к его комментариям архитектурных частей трактата Витрувия), мы пока должны сделать то общее заключение, что Бирнбаум своим тщательным сопоставлением археологического материала с текстом Витрувия значительно продвинул вперед исследование вопроса об источниках трактата «Об архитектуре». Выводы этого исследователя надо считать одним из исходных пунктов в дальнейшем развертывании работы над Витрувием. Уже до выхода в свет монографии Бирнбаума в общих и ходовых историях античного искусства значение Гермогена для римской

¹ См. об остатках построенного Питеем храма Афины в Приене работу Wiegand—Schradер, Priene, 1904.

² «Mir hat auch die obengegebene Erklärung als natürlicher Ausweg aus dem Konflikte kleinasiatischer und römischer Kunstgewohnheiten ergeben», — говорит Бирнбаум (стр. 14, примечание), сохраняя тут текст Витрувия (III, 5, 8—10) вопреки Шуази (т. I, стр. 82), возлагающему вину в контроверзе по данному вопросу на позднейших переписчиков Витрувия.

³ См. его выводы в заключительной части монографии (стр. 60—62) и ср. их с отзывами о Гермогене и его сооружениях у известного историка искусства K l e i n ' a, Geschichte der griechischen Kunst, Leipzig, 1907, т. III, стр. 147, сл.

архитектуры все более и более подчеркивалось. Так, «История искусства» Springer'a, — книга, многократно переиздававшаяся¹ и ранее не упоминавшая даже имени Гермогена, уже в девятом своем издании выдвигает Гермогена для Рима в качестве инициатора новых норм строительных форм, сменивших собой формы так наз. «туфова стиля». «Этого представителя последней стадии развития ионического стиля римляне возвели в законодателя своего искусства: еще в век Августа архитектор Витрувий выступает представителем гермогеновского учения» (Springer, стр. 449). Мало того, Гермоген предполагается вдохновителем первых строителей мраморных храмов в Риме: Юпитера Статора и Юноны Регины, которые построил на средства, вырученные из македонской добычи в 146 г., Метелл, поручив сооружение их греческому архитектору Гермодору из Саламина². Этот Гермодор, по предположению Шпрингера, возвел эти сооружения не в «туфовом стиле», а в новом, «нормальном», т. е. в гермогеновском. Излюбленный Гермогеном «псевдопериптер» (Vitruv., III, 2,8) имеет своим образчиком стоящий у Тибра храм, Fortuna virilis, предположительно представляющий собой перестройку храма Mater matuta, основанного в 212 г. до н. э. В том же стиле возведены и колонны в целле помпеянского храма капитолийских божеств, который был начат постройкой еще в «туфовый период». Из этого следует, что Витрувий не только читал Гермогена, но влияние его строительных форм и техники чувствовал на себе уже на римской почве, поскольку новый стиль вошел в практику римского строительства, как это видно из вышеприведенных примеров.

Римляне по завоевании Востока, естественно, стали подражать малоазийским направлениям в монументальном искусстве, созданным в угоду эллинистическим династам.

Несомненно, Витрувий исходил из этих эллинистических влияний, которые уже к его времени на римской почве успели завоевать себе прочное место в ряде отраслей строительства, как и в искусстве. Археологические остатки вскрытых храмов должны стать также лучшим свидетельством эллинистического характера источников Витрувия.

Сами римляне, как об этом говорит Витрувий, будучи по своим дарованиям и знанию дела архитекторами, не уступающими эллинистическим мастерам, не имели обычая писать «комментарии» о своих сооружениях. У них не было и обычая фиксировать договоры на постройки, о чем говорит, между прочим, сам Витрувий (X, praef., 1—3). Впрочем, мы должны различать строительную практику II и I вв. до н. э. Несомненно, эта строительная практика на протяжении I века очень близко подходила к эллинистической. Витрувий очень скуп на имена римских архитекторов этой эпохи. Он только глухо говорит, что в «доброе старое время» не так, как в его время, когда ответственные стройки поручались, по его словам, полным невеждам, умеющим пустить пыль в глаза своим апломбом и прожектерством, — заказы давались исключительно строителям, принадлежавшим к знатым фамилиям или получившим благородное воспитание (VI, praef., 6).

В 164 г. римский гражданин Коссаций, очевидно, не нашедший приложения своим строительным талантам на римской почве и пользуясь экспансией Рима на Восток после разгрома Македонии и ее владычества над Грецией, получил заказ преимущественно перед своими эллинистическими конкурентами на постройку храма Зевса Олимпийского в Афинах. Этот храм, начатый еще при Писистрате, оставался недостроенным до того времени, когда Антиох Сирийский в плане своей политики оживления

¹ «Handbuch der Kunstgeschichte», Leipzig, 1911 (пользуемся 9-м его изданием).

² См. о Метелле и Гермодоре у Витрувия, III, 2, 5.

старых греческих культов отпустил щедро средства на отстройку «Олимпейона» со всем подобающим великолепием. Витрувий выдвигает этот храм как выдающийся по своей монументальности и как один из четырех воздвигнутых целиком из мрамора храмов всего греческого мира (VII, praef., 15—18). Ярким примером пренебрежительного отношения к данным Витрувия может служить трактовка у вышеупомянутого Шпрингера этого факта построения в Афинах монументального храма римским гражданином-архитектором¹. Шпрингер, не желая примириться с фактом выступления на сцену римского архитектора, выдает Коссудия за грека-вольноотпущенника некоей римской фамилии Коссудиев. Кроме того, он игнорирует открытый еще Беком при раскопках «Олимпейона» базис несохранившейся почетной статуи Коссудия, на которой были выгравированы его полные имена римского гражданина. В эллинизированной Кампании во II в. до н.э. принято было фиксировать во всех деталях договоры на стройку. Это видно из единственного документа этого рода, дошедшего до нас — Путеоланской надписи, содержащей контракт на постройку стены у храма Сарapis (около Неаполя) от 105 г. до н. э. и помещенной в *Corpus Inscriptionum Latinarum* под № 577². Эта надпись сохранилась не в оригинале, а в репродукции на мраморе, относящейся к началу императорской эпохи; Путеоланская надпись помечена консульством Публия Рутилия и Гнея Маллия и именами технических руководителей стройки — дуумвиров Н. Фуфиция и М. Пуллия. Имя первого дуумвира напоминает собой имя первого писателя по архитектуре Фуфиция, упоминаемого Витрувием (VII, praef., 14). Если данный руководитель стройки и не был сам настоящим архитектором, то во всяком случае весьма правдоподобно, что упоминаемый Витрувием собиратель и издатель труда по строительному делу Фуфиций происходил из того же рода. Возможно, что Витрувий имел перед собой и трактат Фуфиция как один из источников своего труда «Об архитектуре».

Около того же времени, по свидетельству Витрувия (VII, praef., 17), был сооружен римским архитектором Гаем Муцием храм «Чести и Доблести» по почину Мария на Авентине. Бирнбаум ввиду высоких похвал монументальности и архитектонике этого храма со стороны Витрувия склоняется к мнению, что этот храм был выстроен в Гермогеновском стиле, причем Бирнбаум добавляет, «что для восстановления преемственной связи между Муцием и Витрувием, которые друг от друга отделены промежутком времени, презышающим целое полустолетие, необходимо предположить целый ряд архитекторов того же направления, — коротко говоря, целую гермогеновскую школу в Риме»³. Несомненно, что и Витрувий воспитывался в стиле этой гермогеновской школы, идеи которой он получал и через Муция. Муций, однако, по замечанию Витрувия, точно так же как и Коссудий, не оставил ни одной строчки о своей строительной деятельности.

Таким образом, литературных источников на римской почве Витрувий почти не имел. В бурный век гражданских войн, начиная с эпохи Суллы и нажившихся на его проскрипциях сулланцев, вроде Скавра⁴, немало тративших на строительство, также не было написано трактатов по архитектуре; только значительно позднее, при развернувшемся строительстве в эпоху Августа, появляются упоминаемые Витрувием (VII, praef., 14) книги Варрона и Публия Септимия по архитектуре. У Варрона книга по

¹ Springer, *ib.*, стр. 353.

² Об этой надписи см. Th. Wiegand, *Die puteolanische Bauinschrift*, Diss., Freiburg, 1894, также «Jahrbücher für klassische Philologie», Supplementband, XX, стр. 711, сл.

³ Birnbaum, *ib.*, стр. 61.

⁴ О постройках Скавра см. Plin., *Nat. Hist.*, XXXVI, 112—120.

архитектуре входит, по данным Витрувия, в состав девяти книг об *artes liberales*, а Публий Септимий написал две книги, о содержании которых, однако, Витрувий не дает никаких сведений. К сожалению, ни тот, ни другой трактат до нас не дошел.

Что касается Варрона, то исследователи источников Витрувия и, главным образом, особо тщательный из них W. Porpe¹, единогласно утверждают большую зависимость Витрувия от Варрона. Считают даже, что Витрувий и по языку зависит целиком от Варрона, будучи сам беспомощен в отношении как стиля, так и композиции. На этом основании Поппе полагает, что возможно по тексту Витрувия восстановить построение целых отделов и даже композицию Варроновского очерка по архитектуре (*ib.*, стр. 57—58). Мы не можем входить в подробности, как это делает Поппе, специально анализируя текст второй книги Витрувия, и выяснять в деталях по отдельным местам и выражениям зависимость Витрувия от Варрона. Скажем только, что Поппе (*ib.*, стр. 16—42) привлекает к решению этого вопроса еще сопоставления Витрувия с Плинием Старшим в тех местах, в которых их тексты буквально или с некоторыми вариантами совпадают (ср., например, Vitruv., II и Plin. Nat. Hist., XXXV, 170—173).

Из этих сопоставлений Поппе делает тот вывод, что у Плиния и Витрувия был один и тот же главный источник — именно Варрон, и что через Варрона они черпают сведения, собранные последним непосредственно из греческих источников. Поппе идет дальше и, суммируя многочисленные исследования источников, упоминаемых Витрувием, делает вывод, что за редкими исключениями главным и основным источником Варрона был Посидоний.

Таким образом, если Витрувий черпал свои сведения по архитектуре более или менее из первоисточников, то свои сведения по разнообразным наукам, соприкасающимся с архитектурой, он заимствовал, конечно, из вторых или третьих, а иногда и из десятых рук.

Теперь мы переходим к попытке установить возможную классификацию источников Витрувия. Нельзя сказать, что автор сам облегчает нам эту задачу, ибо Витрувий не упоминает ни дат, ни имен, ни места, откуда он свои сведения заимствует. Правда, он иногда сразу перечисляет целую массу имен, но, как не без основания замечают исследователи, эти списки имен он черпает уже готовыми у таких представителей тогдашней науки, как Варрон. А Варрон стоял на плечах такого собирателя результатов античной науки, как Посидоний.

Что касается Посидония, то его литературные труды охватывали многие области: философию, этику, историю, физику, географию, метеорологию, астрономию, тактику. Недаром Посидоний возвеличивался Галеном (V, р. 652) как «самый ученый из всех стоиков».

Однако ни в какой из этих областей Посидоний не был новатором и самостоятельным исследователем. Так, в вопросах тактики он примыкал к Полибию, в учении об этике (об обязанностях) — к своему учителю Панецию, как об этом свидетельствует Цицерон (*ad Att.*, XVI, 11, 4), сам следовавший тому же образцу.

И тем не менее влияние Посидония в трактовке всех этих дисциплин было огромно. Это влияние сказывалось и в астрономии, где именно Посидоний, став на сторону геоцентрической концепции, отодвинул на задний план и обрек на забвение пробивавшиеся тенденции к установке гелиоцентризма. Напротив, в географии он на некоторое время выдвинул ее науч-

¹ W. Porpe, *Vitruvs Quellen im Zweiten Buche «De Architectura»*, Diss., Kiel, 1909.

ную, основанную на математике трактовку, которую целый ряд греческих географов стал подменять простым землеописанием. И даже Цицерон, под влиянием Посидония, вздумал писать по его рецепту географию, но, не имея надлежащей математической подготовки, должен был сложить оружие и отказаться от задуманного труда. Страбон, который, как и Полибий, предназначал свой труд для услужливой информации высших кругов тогдашнего Рима, чувствовал неудобство затруднять высокие особы математическими тонкостями; тем не менее, чтобы быть на высоте, Страбон вынужден следовать, хотя бы поверхностно, установкам корифея математической географии — Эратосфена, вследствие популяризации установок последнего Посидонием.

Таким образом, Посидоний толкал к знакомству с теми первоисточниками, которые он лишь популяризировал. И это касается не только греков, но и римлян, в частности Цицерона¹. Точно так же и Варрон, как это весьма правдоподобно показывает исследователь источников Витрувия В. Поппе, наряду с заимствованием массы собранных Посидонием сведений, справляется и у Теофраста, особенно по части лесных строительных материалов, в области которых ботаник Теофраст давал более подробные и конкретные сведения.

Таковы наиболее солидные первоисточники, просвечивающиеся сквозь текст Витрувия. Перечисляя авторов, которым он следовал в своих метеорологических экскурсах в восьмой книге по поводу изысканий водных источников, Витрувий на первом месте ставит именно Теофраста, затем Тимея и Посидония (VIII, 3, 27). На них он ссылается как непосредственно им использованных, и вполне возможно, что, при распространенности этих произведений в его время в Риме, Витрувий их действительно листал в дополнение к тем сводкам, которые он находил в готовом виде у Варрона. Характер его справок с этими солидными трудами явствует из характера перечисляемых им далее источников: Гегия, Геродота, Аристиды, Метродора, которые по своему содержанию представляли собой скорее беллетристику, чем научные трактаты. Аристиды Витрувий мог читать в латинском переводе Сизенны еще в бытность свою в войсках Цезаря, так как это было тогда любимым чтением солдат². Кроме того, тут же Витрувий прибавляет, что до многого изложенного им он сам дошел своим умом. Слабая и сильная сторона Витрувия в использовании им всех доступных ему источников и заключается в том, что отбор их он производит по непосредственному своему живому конкретному сознанию. Книжные сведения у него ассоциируются в одно живое целое с его личными наблюдениями, его практическим опытом, и, наконец, с результатами бесед с самыми разнообразными лицами, как, например, с нумидийским князьком, с которым Витрувий находился вместе в войсках Цезаря, где и беседовали они, по собственному признанию Витрувия (VIII, 3, 26), на различные научные темы. В таких беседах делались всевозможные ссылки на ходячие мнения, заведомо нигде документально не фиксированные, как, например, приводимые Витрувием изречения Сократа или Пифагора, учение которого было исключительно лишь на устах его учеников, ссылавшихся на авторитет своего учителя классическими словами *αὐτὸς ἔφα*, Точно так же ссылки Витрувия на физиков-естествоведов делаются им по памяти; в его уме накоплены сведения из самых различных источников, комбинация которых принадлежит уже самому Витрувию. У него

¹ Как это видно из различных мест писем и трактатов Цицерона, в библиотеке этого римского оратора имелось не малое количество трудов Посидония.

² См. об этом P l u t., Crass., XXXII; Корнелий Сизенна — переводчик новеллы Аристиды в семи книгах — *Μιλησιάζα* (не дошедшей до нас).

наблюдается несомненная тенденция к согласованию всех могущих возникнуть противоречий. Именно наличие трудно согласуемых противоречий служит стимулом к различного рода справкам и к расширению круга источников. Но, как только возможность и способ их согласования выявляются, Витрувий как бы успокаивается. Витрувий использует и поэтов, особенно Эврипида (VIII, praef., 1) и Лукреция (IX, praef., 17), использует он и циркулировавшие анекдотические рассказы о философях, как, например, об Аристиппе (VI, praef., 1—2). Равным образом и крупные вклады в науку ее корифеев Витрувий формулировал по непосредственно уже сложившемуся у него представлению. Так, Архимеду (IX, praef., 9—12) он воздает честь за определение плотности тел и установление округлости земли, Эратосфену (I, 6, 9) — за измерение меридиана, Аристарху Витрувий (IX, 2, 3) приписывает теорию лунных фаз, Берозу (IX, 2, 1—2) — опыт объяснения различных лунных явлений и астрологические учения, развитые Антипатром и Афинодором (IX, 6, 2). В качестве составителя астрономических таблиц, т. е. таблиц, главным образом, восхода и захода светил и их воздействия на земную атмосферу, цитируются Витрувием следующие астрономы — Евдокс, Евктемон, Каллип, Метон, Филипп, Гиппарх, Арат (IX, 6, 3). В качестве изобретателя солнечных часов Витрувий называет (IX, 8, 1) Бероза, Аристарха, Евдокса, Скопина, Пармениона, Патрокла, Дионисидора, Аполлония. К творениям вышеперечисленных изобретателей Витрувий отсылает всех, кто интересуется устройством портативных дорожных часов и вообще солнечных часов, но под тем условием, чтобы интересующийся был знаком с начертаниями аналеммы¹. Витрувий сам не входит в подробности, которые могли бы его отвлечь в сторону от главной темы, и сам, очевидно, ограничивается лишь знакомством со всеми этими данными только в объеме требований его специальности. Каких-нибудь дословных цитат из этих авторов он не приводит, и то, что о них говорит, он, вероятно, извлекает из позднейших источников. Возможно, что он почерпал это просто из устных уроков, брать которые дали возможность ему его рачительные родители, которым Витрувий воздает за это самую горячую благодарность (VI, praef., 1). К математикам, таким, как Пифагор, Архит и Эратосфен, Витрувий присоединяет также и Платона (VI, praef., 4). Теорию музыки, которую древние связывали с математикой, Витрувий возводит к Аристоксену (IX, praef., 4). Витрувий в ряде мест своего произведения обнаруживает и общую философскую концепцию мироздания как синтез различных и взаимно противоречащих теорий. Насколько этот синтез и его формулировка принадлежали самому Витрувию, в точности нам трудно определить, но несомненно, что эклектическое согласование и сведение различных теорий в одну, суммирующую и ставшую потом популярной, теорию имело место в эллинистическую эпоху. Такие попытки обычно носили более отвлеченный, теоретический характер, и только в широко распространенных трактатах Посидония они сделались достижением более широкой публики. Популярное космологическое мировоззрение к концу республики нашло много адептов среди избранной публики Рима, для которой греческий язык уже стал вторым языком. Ко времени же выступления Витрувия — времени основания в Риме первых публичных библиотек, это мировоззрение стало захватывать и широкие круги римского общества. Витрувий пошел навстречу потребности иметь римскую популярную формулировку такого мировоззрения, согласно специфически римскому складу ума. И он ее пытается дать, и главную основу, принципы он формулирует в двух ме-

¹ Описание аналеммы — прибора типа астролябии — Витрувий дает в кн. IX, 7, 1—7.

стах, именно—во второй книге (II,2) — там, где трактует об элементах или стихиях мира, и в восьмой книге, где он во вступлении дает схему, близкую, но не тождественную космогонии во второй книге. По некоторым внешним сопоставлениям первоисточником Витрувия во второй книге считается Ксенофонт, тогда как формулировка восьмой книги находится, вероятно, под влиянием тех авторов, которых, как уже упоминалось выше, перечисляет сам Витрувий. Согласование данных всех этих источников и приводит, возможно, Витрувия к некоторого рода теоретической комбинации.

Коротко говоря, все физические явления Витрувий объясняет взаимодействием, сочетаниями в различных пропорциях четырех исконных стихий: земли, воды, воздуха и огня. С необыкновенной последовательностью, с чисто римской логичностью Витрувий проводит в объяснениях всевозможных явлений борьбу все тех же четырех неизменных стихий. На этой основе и оформляется натурфилософское мировоззрение Витрувия.

Краткий обзор источников первых девяти книг Витрувия говорит нам о большой пестроте и разнохарактерности источников.

В первой книге трактата «Об архитектуре» Витрувий, излагая принципы архитектуры, использует, как мы указали, принципиальные высказывания греческих архитекторов в их комментариях, посвященных описанию созданных ими сооружений. Во второй книге, как уже говорилось, Витрувий, трактующий о различных строительных материалах и их технологических свойствах, исходит из популярной космогонии, связанной с именами Фалеса, Гераклита Эфесского, Демокрита, Эпикура и школы пифагорейцев. В остальном же Витрувий во второй книге явно следует Посидонию, руководствуясь главным образом переработкой его данных у Варрона.

В третьей книге трактата Витрувий, выдвигая на первый план ионический ордер, как основной в архитектуре, излагая его пропорции и вытекающие отсюда данные ионической архитектоники, совершенно очевидно, следует Гермогену, на которого он сам ссылается как на известный авторитет в античности.

Четвертой книге, где Витрувий говорит о дорическом ордере, предпосылается оговорка (III,3,3), что, хотя вообще этот ордер у архитекторов не в особом почете, он тем не менее считает долгом дать все исчерпывающие о нем сведения. В этой книге Витрувий исходит, по его собственному заявлению, из данных своих наставников, разумея под ними либо учителей в молодости, либо письменные источники. Несмотря на отсутствие прямых указаний у самого Витрувия, в качестве основных источников этой книги Бирнбаум¹ устанавливает данные малоазийских архитекторов и влияние школы упомянутого Гермогена. В трактовке коринфского стиля в этой книге Витрувий, почти наверное, как это также утверждает Бирнбаум (ib., стр. 36—37), следует авторитету того Аркесия, которого он во вступлении к седьмой книге (VII, praef., 2) отмечает как автора трактата «О пропорциях коринфского стиля». Ввиду того, что этот архитектор был строителем храма в малоазийском городе Траллы, его можно вполне считать малоазийским ионийцем, и эта вероятность, по замечанию Бирнбаума, еще повышается тем, что, по правдоподобию предположению известного исследователя Брунна², он является тождественным лицом с тем Аркесием, которого Витрувий (V,3,1) причисляет к малоазийским противникам дорического стиля.

¹ Birnbaum, ib., стр. 30—31.

² H. Brunn, Geschichte der griechischen Künstler, 2-te Aufl., 1889, II, стр. 342—343.

В пятой книге Витрувий трактует строительство общественных зданий. В этой книге основными данными для Витрувия служат, по исследованию Бирнбаума (ib.), опять-таки главным образом малоазийские влияния и образцы с изменениями, заимствованными из римской практики. Из малоазийских образцов, которые дают некоторое сходство с данными Витрувия, следует указать гимнасии в Олимпии и Приене. Особенно ярко выступает сходство конструкций Витрувия с гимнасием в Приене. Что касается гимнасии в Олимпии, то хотя он и отступает от планировки Витрувия, но в общем сходство так велико, что с полным правом Вернеке¹ мог признать его за прототип конструкции Витрувия. Пристройка же к гимнасиям горячих бань может быть отнесена к самому Витрувию, как чисто римское прибавление.

Что касается театров и их конструкция, то источники в строительстве этого рода зданий проследить очень трудно. Во всяком случае эти источники можно установить лишь путем исследования археологических данных, как это и делает Г. Булле².

В шестой книге Витрувий трактует о постройке частных зданий, причем он предпосылает этому экскурс о климатических условиях, определяющих характер устройства жилищ. Этот экскурс в метеорологию представляет собой своеобразную переработку самим Витрувием разнообразных сведений по метеорологии, в основном восходящих к Посидонию. Что касается греческого дома описываемой конструкции его в этой книге, то исследователи³ указывают на то, что прототип витрувиева дома надо искать на западном берегу Малой Азии, в ионических колониях, где возникли и все прочие прототипы витрувиевых зданий. Для римского дома у Витрувия исходным пунктом служила римская практика и те сведения, какие собирал и давал энциклопедист Варрон, служивший для него основным источником. Возможно, что Витрувий некоторые данные для этой книги заимствовал также и у двух упоминаемых им римских архитекторов — Фуфиция и Публия Септимия.

В седьмой книге Витрувий излагает, во-первых, свою теорию о преемственности форм зданий и о передаче их из поколения в поколение. Главное содержание этой книги составляет техника мощения полов, штукатурки стен и наведения красок. Между прочим он занимается здесь и вопросом о получении различных красок, как натуральных, так и искусственных. Тут Витрувий стоит твердо и почти исключительно на почве исконной итальянской практики. Земпер⁴ считает, что штукатурное искусство у италиков, раньше даже, чем у греков, перешло в орнаментальное искусство и опыт живописания исторических и мифологических сюжетов. В деле же мощения полов Витрувий исходит опять из той же практики. Витрувий здесь чувствует особенно неразрывную и органическую связь техники и искусства и следует здесь во многом за школой Гермогена, отстаивая принципы монументальности и нормативности в противоположность направлению Александрийской школы (декадентское, нереалистическое течение).

Что касается красок, то здесь автор трактата, очевидно, черпает сведения из самых разнообразных источников: берет иллюстрации и примеры из современной ему жизни и практики.

В восьмой книге Витрувий подробно излагает технику проведения водопроводов, предпосылая этому экскурсии в метеорологию и геологию. Источ-

¹ K. W e r n e k e, Olympische Beiträge, IV: Das Gymnasion. «Jahrbuch des deutsch. archäol. Instituts», 1894, стр. 197.

² H. B u l l e, Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Theater, 1928.

³ См., например, B i r n b a u m, ib., стр. 59.

⁴ S e m p e r, Der Stil, т. I, стр. 490

ники последних Витрувий сам перечисляет, называя имена Теофраста, Тимея, Посидония, Гегия, Геродора, Аристиды и Метродора. По самой же технике устройства водопроводов автор сочинения «Об архитектуре» источников не указывает. Следует сказать, что и установление их на основе сравнительно-исторических данных представляет большие трудности. Можно лишь высказать предположение, что у Витрувия, как и у писавшего специально о водопроводах Фронтин, а также у Плиния Старшего, перед глазами была прежде всего римская практика, которая все более и более совершенствовалась¹.

В девятой книге Витрувий излагает сведения по астрономии при освещении главной трактуемой в этой книге темы о конструкции солнечных часов. В этой книге как раз и были использованы все вышеперечисленные нами естествоведы и астрономы, которых сам Витрувий называет в предисловии и в тексте этой книги. Трудно установить, из каких источников черпал Витрувий сведения о поименованных им авторах, но, по всей вероятности, в большинстве он мог найти как и перечень, так и отдельные замечания о каждом у Варрона в его курсе девяти либеральных дисциплин, в котором шестая книга, как это установил Отто Группе², была посвящена астрономии. В девятой книге Витрувий также ссылается и на Ктесибия как на изобретателя водяных часов.

В исследовании источников трактата Витрувия и классификации их по книгам совершенно особо стоит вопрос об источниках десятой книги. Поэтому проблему источников десятой книги мы выделяем отдельно из хода предшествующего изложения.

В десятой книге излагается механика, или принципы и технические расчеты конструкций различного рода механизмов, а также и военных машин.

В исторической литературе по вопросу об источниках десятой книги существует ряд controverz. Главным вопросом этих controverz является так называемый «Афинеев вопрос», или вопрос об отношении Витрувия к Афинейу Механику в тексте глав 13—16.

Так как проблема источников десятой книги и до сего времени остается очень трудной и запутанной, то ее изложение лучше всего начать последовательно по группам тех механизмов и теории их конструкции, которых касается Витрувий в десятой книге.

Таких групп можно было бы выделить пять: первая группа механизмов и теорий их охватывается двумя первыми главами, где Витрувий описывает не только различные виды подъемных механизмов, но и способы их конструирования.

Вторая группа вопросов, охватываемая третьей главой, излагает нам принципы механического движения.

Главы 4—9 описывают группу механизмов водоподъемных и нагнетательных, что в известной степени образует начала античной гидравлики.

Четвертая группа механизмов, охватываемая главами 10—12, рассказывает о конструкции скорпионов и баллист, т. е. механизированных орудий войны.

И, наконец, последняя группа механизмов, описание которых охватывают главы 13—16, касается осадных сооружений и способов их возведения.

¹ Остатки римских водопроводов, а также археологические памятники к другим книгам Витрувия см. в русском переводе трактата под редакцией А. В. Мишулина. М.-Л., 1936.

² О. Г р у п п е, «Hermes», XI, стр. 277. Перечисление книг трактата Варрона приводит между прочим Блаженный Августин и Марциан Капелла. См. об этом *Geschichte der römischen Litteratur von W. S. Teuffel*, Leipzig, 1890.

Данные пять групп механизмов мы выделили потому, что в изложении каждой такой группы в отдельности Витрувий исходил из различных источников.

Что касается первой группы, где речь идет о подъемных или транспортных механизмах, то здесь основным источником, конечно, служила прежде всего римская строительная практика. Регулярные сооружения для зрелищ, что входило в обязанность магистратов, являлись стимулом как к совершенствованиям искони сложившейся римской техники, так и к заимствованиям и переработке данных греческой науки и техники. Несомненно, при трактовке механизмов в 1-й и 2-й главах, Витрувий не мог не пользоваться и греческими источниками. Следы влияний греческих источников мы можем установить хотя бы по тем греческим терминам, которыми пользуется Витрувий в ряде мест этих глав. Кроме того, сам Витрувий ссылается (VII, praef., 12) на греческих строителей — Херсифрона и его сына Метагена, оставивших подробные описания о построении ими храма Дианы в Эфесе. Пользовался ли Витрувий этими описаниями непосредственно в первоисточнике или он заимствовал эти сведения из других источников или из устной традиции — утверждать не представляется возможным. Однако ввиду установленного нами раньше знакомства Витрувия с комментариями греческих мастеров эллинистического периода можно заключить, что автор «Об архитектуре» в интересующей нас части мог пользоваться этими литературными данными. Но, несомненно, не проходили мимо Витрувия и данные, передаваемые устно, как это видно из ссылок на современные ему факты (*nostra memoria*, X, 2, 14—15).

Что касается источников третьей главы десятой книги, то старый комментатор Витрувия Готлоб Шнейдер¹ старается обосновать точку зрения, высказанную еще Филандром², который сопоставил приводимые Витрувием примеры из третьей главы с аналогичными примерами «Проблем механики» Аристотеля. По мнению Шнейдера, Витрувий, имея в виду дать руководство для широкой публики, вульгаризировал Аристотеля и передавал почерпнутые из него сведения без соответствующих математических тонкостей и деталей по физике. Но вместе с тем, как полагает Шнейдер, Витрувий, заимствуя термины по механике из Аристотеля, в силу затруднений в передаче их на латинский язык, употреблял такого рода выражения, которые больше затемняли вещи, чем их разъясняли. Шнейдер ссылается в виде примера на греческое слово *ὑπορῥυξις*, которое передается латинским словом *pressio* (*pressione, quod graeci ὑπορῥυξις appellant*)³, которое Витрувий употребляет тут же и в обычном смысле «давление» и в смысле «подпорки».

Таким образом, в качестве источников для третьей главы интересующей нас книги Шнейдер фиксирует данные Аристотеля в «Проблемах механики».

Однако к этой гипотезе следует отнестись с чрезвычайной осторожностью. Дело в том, что автор «Об архитектуре» нигде не выставляет Аристотеля авторитетом в части математических и естественных наук. Для Витрувия Аристотель представляет интерес лишь как моралист и как политический мыслитель (VII, praef., 2; IX, praef., 2).

Для исследования источников третьей главы чрезвычайно важно учесть деление Витрувием греческих механиков на теоретиков и практиков, причем теоретики считаются довольно редким явлением (*Hi autem inveniuntur*

¹ M. Vitruvii Pollionis de Architectura libri decem, von Gottlob Schneider, Leipzig, 1801, т. III, стр. 267 сл.

² Philandre, «Annotationes» (примечания к X книге Витрувия).

³ G. Schneider, ib., стр. 267—268; см. Витрувий, X, 3, 3.

гаго, I,1,17); к числу этих теоретиков относятся Витрувием следующие имена: Аристарх Самосский, Филолай и Архит Тарентские, Аполлоний Пергейский, Эратосфен из Кирен и, наконец, Архимед и Скопин из Сиракуз, причем все эти теоретики в глазах Витрувия потому имеют значение, что им принадлежат также и практические изобретения. И на трактаты Аристотеля с этой точки зрения приходилось смотреть лишь как на пропедевтические руководства для юношества. С этой точки зрения Витрувий мог пренебрегать Аристотелем и как автором «Проблем механики», поскольку практического значения этот трактат не имел, точно так же, как он не имел в виду и какое-либо практическое открытие или изобретение по механике. Это объясняет и то, почему математические детали также могли не интересовать Витрувия. Поэтому едва ли «Проблемы механики» Аристотеля служили для третьей главы десятой книги источником в той или иной степени. Вот почему вышеупомянутую версию Шнейдера надо считать недоказанной.

Источники этой главы и манеры ее трактовки следует искать не в «Механике» Аристотеля, а у механиков, которых Витрувий перечисляет в седьмой книге в качестве авторов *de machinationibus* (VII, praef., 14). Это, главным образом, механики-практики, как, например, Диад, Ктесибий, Нимфодор, Филон Византийский, Дефил, Демокл, Харий, Полиид — учитель Хария и Диада, Пирр и Агезистрат. В этом списке Витрувий упоминает только двух механиков-теоретиков большого масштаба, именно Архита и Архимеда. Из их писаний и наставлений, по собственным словам Витрувия, последний почерпнул все, что заметил в них для себя и своего труда пригодного по вопросам механики¹.

Как у мастеров-архитекторов Витрувий заимствовал их термины для теории архитектуры в первой книге, так для теоретической части десятой книги, изложенной, главным образом, в третьей главе, вероятнее всего, сведения заимствованы из писаний механиков-практиков, из которых (как, например, из Диада) Витрувий приводит даже целые выдержки (X, 13,3—8).

Что касается описания группы гидравлических механизмов, то первоисточником сведений, даваемых здесь Витрувием, исследователи склоняются признать Ктесибия. Их мнения расходятся лишь по второстепенному спорному вопросу, касающемуся биографических подробностей. Дело в том, что Витрувий, вслед за другими великими мастерами античной гидравлики, считал первоисточником в этой области цирюльника по профессии Ктесибия, который в цирюльне своего отца сделал первые свои гидравлические наблюдения и открытия (IX, 8,2). Другие же на основании «Пира софистов» Афиней признают существование двух Ктесибиев, одного — цирюльника, не имевшего отношения к механике, другого — механика². Третьи, желая примирить оба лагеря, выставляют предположение о двух одинаково отличившихся в этом деле Ктесибиях — цирюльнике, сделавшем в своей цирюльне первые гидравлические открытия, и Ктесибии-механике, усовершенствовавшем открытия первого³.

Анализ текста Витрувия явно показывает, что автор трактата «Об архитектуре» следует информации Филона. Витрувий говорит, например, о водяном органе, предварительно описав его существенную часть, именно насос⁴, в предыдущей главе. В этом случае Витрувий поступает как и Фи-

¹ Quorum ex commentariis quae utilia esse his rebus animadverti collecta in unum coegi corpus, — Vitruv., VII, praef., 14.

² Такой взгляд представлен Виламовицем и Кайбелем, особенно в изданном последним «Пире софистов» Афиней. См. текст и примечания к IV, 174.

³ См. об этом там же, особенно свидетельство Аристона у Афиней, IV, 174d.

⁴ См. Vitruv., X, 7; ср. Philon. Byz., 77, 15.

лон (77,15), который при описании некоторых военных орудий также сначала описывает насос. Исследованию вопроса об отношении Витрувия к данным Ктесибия посвящена работа Tittel'я¹, который предполагает, что первоисточником как для Филона, так и для Витрувия в последнем счете служили данные самого Ктесибия. Ктесибий, как механик, без сомнения, был самым крупным в древности после Архимеда. Он в античной технической литературе цитируется постоянно как авторитет. Особенно пользовался его трудами Филон Византийский при построении полевых орудий. Ктесибий является, наряду с Архимедом, основателем греческой военной механики. Вот почему весьма вероятно, что Витрувий, обращаясь к данным Ктесибия по части тонкостей баллистики, заимствовал также и сведения и по гидравлике, которая в то время находилась еще в зачаточном состоянии, в то время как баллистика достигла высокого уровня развития. Многие изобретения Ктесибия относились на счет Архимеда, в частности изобретение органа²; авторство Ктесибия доказывает заглавие оставленных им записок по механике — *πνευματικά*.

С другой же стороны, изобретения Архимеда настолько были общеизвестны, что на них здесь даже не дается ссылок. В описании водоподъемных механизмов, или так называемых тимпанов, автор «Об архитектуре» также исходил из общеизвестных данных Архимеда. Так, в главе, посвященной описанию конструкции архимедова винта, автор ни разу не упоминает имени Архимеда, хотя как раз именно Витрувий только один из античных авторов и описывает конструкцию этого винта.

В описании группы гидравлических сооружений, конечно, не только Ктесибий и Архимед являлись источниками. Несомненно, что в отношении описания водяных мельниц Витрувий пользовался и другими данными, в частности, он мог заимствовать сведения о них из Малой Азии, где эти мельницы, по свидетельству Страбона (XII, 30), применялись раньше, чем их успели использовать древние римляне.

Конструкциям метательных орудий (скорпионов и баллист) в военном деле Витрувий посвящает три главы — с 10 по 12 включительно.

Какими источниками пользовался автор «Об архитектуре» в этой части трактата, это вопрос, который тесно связан с историей метательных орудий в античности. Оставляя пока в стороне историю этих орудий в древности, следует, однако, заметить, что именно подобное изучение ее может бросить достаточно света и на проблему источников Витрувия по части метательных орудий. Что касается общей характеристики источников десятой книги в части баллистики, то здесь можно лишь установить те исходные пункты для Витрувия, которые он сам называет в ряде мест этой книги. При изучении источников важно учесть и то обстоятельство, что сам Витрувий служил в войсках и в его распоряжении были большие наблюдения и опыт устройства различных баллист. Обращает на себя внимание, что Витрувий нигде в тексте этой части десятой книги не упоминает о простых метательных орудиях, так наз. «одноплечных», или, по Марцеллину (XXIII, 4, 5), «онагеров». Это объясняется, вероятно, тем, что Витрувий, как он сам заявляет в начале и в конце десятой книги, не считает нужным распространяться о механизмах, которых бесчисленное множество и которые хорошо известны и находятся всегда под руками [*non necesse videtur disputare quod non sunt ignotae, sed ad manum cotidianaе*] (I,6); [*scalarum autem et carhesiorum et eorum, quorum rationes sunt inbecilliores, non necesse habui scribere. Haec enim milites per se solent fa-*

¹ RE, 15. IX,¹, стр. 69 сл., статья «Hidraulis».

² См., напр., Tertull., de Anima, 14.

сеге» (16,1). Поэтому Витрувий в своей баллистике занимается исключительно вопросами конструкции сложных метательных орудий.

Из литературных источников, которые мог использовать автор «Об архитектуре», следует указать Филона Византийского. Филон Византийский, между прочим, посвятил свои писания устройству именно сложных метательных орудий, и только в одном месте (V, 91, 35) он упоминает, и притом вскользь, об «онагере», т. е. об одноплечном простом орудии. Если сопоставить описание Филона с витрувианскими конструкциями этих орудий, то можно, несомненно, установить некоторые точки соприкосновения, моменты сходства, хотя следует также отметить и некоторую разницу в подходах к описаниям. Филон, например, эти описания метательных орудий начинает с базиса или основания катапульты, в то время как Витрувий начинает описание с капитула. Такому же порядку следует Витрувий при описании баллисты и других орудий.

Это дает некоторое основание предполагать, что Витрувий если не следовал непосредственно Филону, то во всяком случае был знаком с господствовавшими тогда описаниями баллист и катапульт, в частности у Филона в его *Μηχανικὴ σύνταξις*. Это предположение нам остается подтвердить ссылкой самого Витрувия на Филона в седьмой книге (VII, praef., 14).

Что же касается чисто римской практики, из которой Витрувий, несомненно, черпал очень многое для своих описаний, то, к сожалению, в какой степени она была использована—установить очень трудно. Здесь исследование источников Витрувия должно идти по линии сопоставления его реконструкций баллист с данными археологическими, которые могут дать нам представление о традиции римской практики. Но это уже специальная задача для исследования, требующая более детального анализа X книги, очень важной для истории военной техники.

БУКОЛЫ

А. Д. Дмитриев

(Из истории аграрного движения в Римском Египте)

Вопрос о буколах еще не получил в исторической литературе своего правильного разрешения и не освещен еще с достаточной ясностью. В западноевропейской историографии до настоящего времени господствует в общем моммзеновская точка зрения, по которой буколы являются «настоящими разбойниками», скрывавшимися в болотистых местах Дельты, к востоку от Александрии. Может быть, поэтому зарубежные историки не любят много заниматься буколами.

В этом отношении показателен труд крупного специалиста по Римскому Египту американского историка Джонсона «Roman Egypt to the reign of Diocletian» (Baltimore, 1936), представляющий второй том «An economic survey of ancient Rome» Тенней Франка. Даже самого слова «буколы» мы не найдем в его объемистом труде.

Между тем, дошедшие до нас источники с достаточной ясностью свидетельствуют, что движение буколов было настоящим аграрным движением, и оно должно рассматриваться нами как одно из важнейших звеньев той «революции рабов», которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹.

После присоединения к империи Египет сделался «житницей Рима» и в качестве богатой хлебобородной страны стал подвергаться особенно усиленной эксплуатации. Можно сказать, что основой римской экономической политики в Египте во все времена являлось выкачивание из страны возможно большего количества хлеба и денег. Аврелий Виктор говорит, что Египет в правление Августа ежегодно доставлял в столицу империи 20 миллионов модиев хлеба, что равняется 150 миллионам литров или, по тогдашним египетским мерам, 6 500 000 артаб².

Нафтали Льюис указывает, что даже столь горячий поклонник политики Августа, как Т. Райс Гольмс, склонен был допустить, что «правила, установленные, по приказу Августа, для чиновника, известного под

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

² Aug. Vict., Epit. I, 16, ed. Biontina, стр. 156. Иосиф Флавий утверждает, что Египет доставлял для продовольствия Рима хлеба на 4 месяца, а Африка на 8 месяцев (Bell. Jud., II, 16).

именем идиолога..., были справедливо названы (разработанным) орудием налогового гнета¹.

Действительно, египетские крестьяне со времени установления римского господства были задавлены тяжестью всякого рода натуральных и денежных налогов, а также литургий, увеличившихся еще больше вследствие произвола и злоупотреблений римских властей. Налоги сильно снижали жизненный уровень крестьянина, арендовавшего государственную или частичную землю. Он жил едва не впроголодь и в дополнение к хлебу часто питался собранными на полях травами, а потребление вина, масла и покупка новой одежды были для него в большинстве случаев недоступной роскошью.

В тяжелые экономические годы мелким арендаторам приходилось особенно тяжело, и, чтобы кое-как прожить и уплатить налоги, они вынуждены были прибегать к займам. Большое число долговых обязательств, о которых нам известно из дошедших до нас официальных документов из Тебтуниса от 46 г., показывает, что долги были хроническим явлением даже в такое сравнительно хорошее время, как первый век².

Но с долгами очень трудно было расплатиться, так как налоговое бремя, накладываемое на крестьян, было столь велико, что все прибыли и выгоды от арендованной земли почти без остатка пожирали эти многочисленные налоги. В итоге крестьяне часто лишались всяких средств существования и, задолжавшись свыше меры, доходили до полной нищеты³. Налоговая же политика Рима была неумолимой. В подавляющем большинстве она покоилась на репрессиях, на устрашении и на все усиливающемся гнете, а льготы давались крайне редко, когда создавалось в стране действительно серьезное положение. Доведенные до крайности, крестьяне бросали свою землю и уходили в бродяжество, в разбой (*ἀναχωρησις*); но и такой выход не всегда был возможен. До нас дошел приказ стратега нома Арсинои от 247 г., в котором он пишет: «Приказываю всем крестьянам округа Малая Фроя, внесенным в списки, поданные мне декапротами, без всяких отговорок оставаться на своих арендованных участках для того, чтобы беспрепятственно могли быть взысканы долги священной государственной казне»⁴.

Иногда у должников конфисковывали все имущество впредь до уплаты долга, а имена их заносились в проскрипционные списки стратега (*προσγραφαί*), в которых они значились как *ὑποπτοί*, т. е. подозрительные лица. Папирус из Фаума от 199 г. сохранил нам приказ стратега Аврелия Виктора Юлию Полидевку, вероятно, полицейскому чиновнику, о такой конфискации:

«Аврелий Виктор почтеннейшему Юлию Полидевку привет! Все имущество Флавия Гермаиска, бывшего арендатора поместья Эмбре и должника государственной казны, постарайся разыскать и сохранить в целости, о чем донести мне»⁵. Если имущества должников было недостаточно

¹ N a p h t a l i L e w i s, *Μερισμός ἀναχωρησόντων: an aspect of the Roman oppression in Egypt*, JEA XXIII (1937). Русск. перев.: «ВДИ», 1939, № 1 (6), стр. 19—33.

² Pap. Mich., 123.

³ Pap. Berl. Leihgabe, 1, 7 от 162 г., где фигурируют трое *ἐξησθέντες*, т. е. обнищавших крестьян. См. также Pap. Oxy., IV, 705 III (W i l s k e n, *Chrest.*, 407), где крупный землевладелец в Оксиринхском номе Аврелий Горцион в своей петиции Септимию Северу и Каракале от 202 г. говорит: «*καὶ τινες ... σφόδρα ἐξησθέντες ἐν σκολομένοις ἀπὸ κατ' ἑτος λητοσυρίων...*»

⁴ BGU, 7. На второй колонке папируса следует список таких должников, в большинстве своем мелких арендаторов. Ср. A. C. Johnson, *op. cit.*, стр. 121.

⁵ BGU, 106. См. также SB, 4416, папирус из Saranis от 157 г. о конфискации за долги казне садовой земли; см. еще BGU, 599; W i l s k e n, *Chrest.*, стр. 363, папирус из Фаума от II в. Ср. A. C. Johnson, *op. cit.*, стр. 128, 138—139 и 140.

для покрытия долга или если они не имели никакого имущества, то после выяснения их полной несостоятельности таких должников подвергали аресту¹ и после наказания палочными ударами² заключали в долговую тюрьму. Об этом мы узнаем из эдикта Тиберия Юлия Александра, префекта Египта в 68 г. Он приказывает, «чтобы решительно ни одного человека не заключали в тюрьму, если он не совершил злодеяния, и в долговую тюрьму, за исключением должников императорской казны»³.

Заключенных за долги в оковах угоняли на сельскохозяйственные работы в поместья чиновников или к крупным арендаторам императорской земли, где они находились на положении рабов⁴. Часто встречающийся в папирусах специальный термин «σύλληψις» в применении к несостоятельным должникам означает именно порабощение, «аппropriацию личности»⁵. Это имеет в виду Филон Александрийский, когда говорит, что налоговые насилия «οὐ μόνον ἐκ τῶν οὐσιῶν, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν σωμάτων, ἀχρεὶ καὶ ψυχῆς τοὺς κινδύνους ἐπιφέρουτες ὑπὲρ ἑτέρων ἑτέροις»⁶.

Римский гнет, естественно, вызывал сопротивление со стороны разоряемой крестьянской бедноты. Но разобщенное и неорганизованное население египетских деревень не имело возможности открыто подняться на борьбу. Оно вынуждено было покидать свои дома, свои насиженные места и бежать от своих жестоких притеснителей.

Ἀναχώρησις является действительно характерной особенностью египетской социальной жизни во времена римского господства. Правда, еще в эллинистическую эпоху бегство крестьян из своего местожительства (ἰδίᾳ) служило для сельского населения обычным средством спастись от произвола и насилий со стороны местных властей. Бежали тогда по большей части в храмы под защиту богов⁷. Но это бегство часто носило характер «забастовок» и кончалось обычно возвращением беглецов, после того как власти «устраняли несправедливость, протестом против которой было бегство»⁸. В период же римского господства ἀναχώρησις потеряли свой прежний характер «забастовок» и сделались настоящим бегством, приняли характер окончательного ухода из своего местожительства без намерения когда-либо возвратиться назад, да и без возможности этого: ввиду грозившего беглецам сурового наказания. Понятно, что главнейшей причиной бегства крестьянского населения был невыносимый римский гнет. Поэтому совершенно прав Нафтали Льюис, когда он решительно выступает против мнения Ростовцева и Джонсона. Ростовцев полагал, что ἀναχώρησις стали хроническим явлением только к концу II в.,

¹ Pap. Oxy., I, 65 от III или нач. IV в., где содержится ордер на арест, данный дежурным бенефициарием комархам деревни Теруфис в Оксирихском номе. Ср. 1, 64.

² F. Preisigk e, *Girwesen im griechischen Agyp ten*, Strassbourg, 1910, стр. 478 сл.

³ Dittenberger, OGIS, 669, 17 сл. Вновь найденный отрывок эдикта на папирусе опубликован в «ZSSb.», XLII (1922), стр. 125 и сл. Ср. M. Rostowzew, *Studien zur Geschichte d. röm. Kolonats*, Leipzig u. Berlin, 1910, стр. 208. Русск. перев. см. А. Р а н о в и ч, *Первоисточники по истории раннего христианства*, М., 1933, стр. 25 сл.

⁴ Mitteis, *Privatrecht*, I, стр. 370 сл.; Rostowzew, *op. cit.* стр. 208, где приводятся списки несостоятельных должников.

⁵ BGU, 283, 572, 1047. Ростовцев в связи со своей теорией колоната видит здесь не порабощение несостоятельных должников, а закрепощение и устанавливает крепостное право в Египте уже в I в. н. э.—см. *op. cit.*, стр. 208.

⁶ Philo, *De specialibus legibus*, III, 30, § 163, Ср. Нафтали Льюис. «ВДИ», 1939, № 1 (6), стр. 21, прим. 2.

⁷ F. V. Woes, *Das Asylwesen Aegyptens in der Ptolemäerzeit*, «Munch. Beitr.», 5 Heft, München, 1923, стр. 33—47.

⁸ PSI, V, 502 (256—7 г. до н. э.); Pap. Strassb., II, III (III в. до н. э.); BGU, 1245 (III—II в. до н. э.); Pap. Teb., 1,41 (ок. 119 г. до н. э.); 1,26 (114 г. до н. э.). Ср. M. Rostowzew, *op. cit.*, стр. 217, Нафтали Льюис, *op. cit.*, стр. 20, прим. 2.

когда обнаружили симптомы кризиса, а до того, в «счастливый период» I в. и первой половине II в., случаи бегства египетских крестьян вызывались будто бы «исключительными обстоятельствами», а именно, эпидемиями холеры и чумы, которые столь часто посещали Египет¹. Разделяя это мнение, Джонсон считает, что ἀναχωρήσεις вообще объясняются «тягой крестьянства к прелестям городской жизни и, может быть, ростом налогов»². Вопреки таким утверждениям, Нафтали Льюис справедливо говорит: «На мой взгляд, факты повсюду слишком красноречиво говорят о том, что нищета и отчаяние заставляли разоренных крестьян бежать со своих насиженных мест, так что нет надобности предполагать, что это бегство было лишь «частью городского движения, тяги к высокопромышленной Александрии, где жизнь была разнообразнее и более надежной, чем в сельских местностях»³.

Положение беглецов, по сравнению с птолемеевским временем, значительно ухудшилось, так как уже Тиберий повсюду отменил право убежища в храмах⁴. Отныне искать защиты от притеснений своих жестоких врагов крестьянам нельзя было даже у богов.

Только сравнительно небольшая часть беглых направлялась в крупные города, особенно в Александрию, где, вследствие конкуренции рабского труда, превращалась в люмпен-пролетариат и тонула в массе нищего и бездомного городского населения. Основная же масса крестьян, покидая свои деревни, убегала в болотистые малодоступные места, где начинала жить новой вольной жизнью, но зато римская классовая юстиция объявляла их вне закона, зачисляла в разряд бродяг и разбойников и преследовала их с варварской жестокостью⁵.

Особенно излюбленным убежищем для беглецов была окруженная болотами и заросшая тростником местность, издавна носившая название Βουχόλια. Это была широкая болотистая низменность к востоку от Александрии возле Гераклеяского рукава⁶. Гелиодор, писатель III в., в своем романе «Aethiopia» подробно описывает эту местность. «Βουχόλια называется у египтян вся эта местность. Это — впадина земли, принимающая выходящие из берегов воды Нила и превращающаяся в озеро, — в середине глубины бездонной, а по краям переходящее в болота»⁷.

Здесь беглецы, получившие название «буколов», устраивали целые поселки, в которых проводили всю свою жизнь. «Среди них (болот), продолжает Гелиодор, расположен весь стан египетских разбойников; одни устраивают себе шалаши на клочках земли, там, где она выступает из воды; другие проводят жизнь на лодках, которые служат им и кораблем и жильем. На лодках им женщины и шерсть прядут, на лодках и рожают. Если у них родится ребенок, то они сперва кормят его материнским молоком, а затем рыбой из озер, высушенной на солнце... У этих буколов человек родится на озере, вскормлен им и считает своей родиной озеро. Оно к тому же служит еще и мощным оплотом для разбойников. Поэто-

¹ M. Rostovtzeff, The social and economic history of the Roman Empire, Oxford, 1926, стр. 578, прим. 50.

² A. C. Johnson, op. cit. стр. 246, 354, 482, 545, 546.

³ Нафтали Льюис, op. cit., стр. 24, прим. 1; ср. E. Bickermann, «Gnomon», 3 (1927), стр. 671—675.

⁴ Tacit., Annal., III, 60; Suet., Tib., 37. Тацит дает интересный мотив этой отмены: complebantur templa pessimis servitiorum.

⁵ BGU, II, 372, II, 1—3: ἐκόντας ἀποδρᾶσι παντὸν καὶ ληστρικὸν βίον ἐλαμένους μετῴνισθαι ср. ib., 41—43.

⁶ Herodot., II, 17 ἰκόν. Ср. Hieronym, Vita Hilarionis, II, ed. Vallarsi, стр. 89.

⁷ Erotici scriptores, ed. 1856, Heliod., Aethiop., 1,5. Русский пер. изд. «Academia», М. 1932.

му-то и стекается туда такой люд. Все они пользуются водой вместо крепостной стены и за густым болотным тростником укрываются, как за валом. Они проложили извилистые тропинки, запутанные многочисленными поворотами. Эти тропинки очень удобны для них самих, и они их знают, а для всех других людей они сделали их непроходимыми, устроив себе надежнейшее убежище, чтобы не страдать от набегов.

Вот в каком роде это озеро и живущие на нем буколы¹.

Ахилл Такий, писатель V в., в своем романе «Левкиппа и Клитифон» также описывает местность, населенную буколами. «У буколов,—пишет он,—есть небольшие легкие лодки, для которых нужно немного воды. Если же вода совершенно спадает, пловцы несут лодку на спине, пока не дойдут до воды. На этих озерах образовались рассеянные островки. Одни из них, лишенные жилищ, заросли папирусом. Густые ряды папируса отстоят друг от друга настолько, что между ними может стать только один человек. Это пространство прикрывают сверху листья папируса. Залезая сюда, обитатели островков совещаются и сидят в засаде и укрываются, пользуясь папирусом как стеной. Некоторые же из островков покрыты шалашами и, окруженные озерами, напоминают укрепленные городки. Здесь убежища буколов².

В своих поселениях буколы устраивали подземелья, искусно вырытые глубоко в земле, для хранения захваченной добычи. Гелиодор дает нам описание этих пещер: «Сделано это было вот как. Был узкий и темный вход, находившийся под дверями тайника, так что порог оказывался при спуске дверью, которая, смотря по надобности, падала вниз или откидывалась. От него дорога разветвлялась на беспорядочно запутанные узкие ходы. Ходы и закоулки, ведущие в самые недра, то хитро извивались, как каждый своим путем, то, сталкиваясь друг с другом, переплетались, как корни, и выходили, наконец, к одной широкой площадке на самом дне, сливаясь там воедино. Тусклый свет из расселины на самом краю озера падал туда» (Heliod., I, 28, 29).

Самых буколов романисты, естественно, изображают отрицательными чертами с определенною целью придать буколам типичный образ «самых страшных разбойников». Они — «коварны», «ненадежны по природе», «народ неверный» (Hel. II, 11). Они — «свирепые на вид» (ib., I, 3) и кажутся похожими на ужасных дикарей «с косматыми и длинными, дико всклоченными волосами», которые они отращивают до бровей, собирают на лбу и разбрасывают на плечах³. Даже кони у них «с косматой гривой, неоседланные, незнззданные: ведь таковы кони разбойников». (Achill. Tat., III, 12). «Все они огромного роста, темного цвета, но не чернокожие, как индийцы, а такие, какими бывают нечистокровные эфиопы. У всех ноги тонкие, тело тучное» (ib., III, 5). О них рассказывали самые страшные вещи. Говорили, будто бы для умиловления богов они приносили в жертву захваченных в плен девушек и по окончании жертвоприношения тут же поедали внутренности закланной жертвы (Achill. Tat., III, 12).

Эти ходячие легенды не вызывают сомнений у Кассия Диона, и он в свою очередь рассказывает, будто бы восставшие в 175 г. при Марке Аврелие буколы принесли в жертву римского центуриона, который был вслед за тем съеден ими (Dio Cass., LXXI, 4).

Римская полиция часто устраивала облавы на буколов, вылавливая

¹ Heliod., I, 5, 6.

² Erotici scriptores, Achill. Tat., IV, 12. Русск. перев. под ред. Богаевского, М. 1925.

³ Achill. Tat., III, 12; ср. Heliod., II, 20.

их в густых и трудно проходимых зарослях тростника, словно диких зверей в их логовищах и норах¹. Тогда в Вожьѣ происходили жаркие кровавые схватки. Ахилл Таций дает нам (понятно, в художественной зарисовке) картину таких схваток.

Вот послышался звук трубы, громкий воинский клич, и внезапно показался военный отряд, составленный из тяжеловооруженных. Завидев его, разбойники... стали ожидать приближения воинов, готовясь дать им отпор. Те скоро подошли, в числе пятидесяти, все тяжеловооруженные, у одних щиты до пят, у других—круглые. Разбойников было гораздо больше. Схватив с земли комья, они стали бросать их в воинов. Любой стрелы опаснее комья египетские: твердые, цепкие, с острыми краями. Поэтому ударами причиняет одновременно две беды: рану и опухоль, как от камня, и порез, как от стрелы. Но воины, прикрывшись щитами, мало обращали внимания на бросающих. Когда же разбойники устали бросать эти комья, воины открыли фалангу, вперед выбежали легковооруженные, каждый с копьем и мечом, начали сразу же метать дротики, и никто из них не промахнулся. Затем обрушились тяжеловооруженные. Битва была упорной: удары с обеих сторон, раны, резня... В это время подъехало много всадников. Приблизившись, они растянулись на оба крыла фаланги, окружили разбойников, зажав их в тесное кольцо, и стали истреблять. Разбойники частью полегли мертвыми, частью полумертвые сражались. Остальных забрали в плен живыми (Achill. Tat., III, 13). Иногда римские отряды, захватив поселения буколов, поджигали шалаши и лодки спасавшихся бегством обитателей. Оттуда огонь перебрасывался на близлежащие болота, пожирая в огромном пламени росший там тростник и наполняя всю местность удушливым дымом (Heliod., I, 30). В этом море огня и в дыму гибли с женами и детьми укрывавшиеся в тростнике буколы. Но часто буколы одерживали победу над отрядами римских войск, хитростью завлекая их в глубь своих островков и устраивая засады. Здесь, окруженные своими врагами, римские солдаты погибали среди массы воды и непроходимых болот (Achill. Tat., IV, 13, 14).

Неожиданное нападение и скрытые засады принадлежали к любимым маневрам тактики буколов. В военных хитростях они были очень искусны и изобретательны. Ахилл Таций знакомит нас с военными приемами буколов, отбивавшихся от своих врагов. «Увидав, что приближается стратег, буколы придумали следующее. Собрав всех стариков и возложив на них мирные пальмовые ветки, они поставили позади них самых крепких из молодежи, вооруженных щитами и копьями. Старики должны были, поднимая ветки, укрывать задних листьями, а те должны были наклонить копья к земле, чтобы их нельзя было разглядеть. Если стратег склонится на мольбы стариков, то копьеносцам не следует начинать сражения, пока стратег не будет заманен к городку под предлогом, будто они предадут там самих себя на смерть. Когда же они будут на середине перешейка, то старикам, по данному знаку, надлежит разбежаться и бросить свои ветки, а вооруженным окружить неприятельское войско и делать с ним, что смогут... Вдали были поставлены разбойниками соглядатаи, которым было поручено прорвать речную плотину и выпустить всю воду на неприятеля, если они увидят, что те начали переправу...

Как только римское войско неосмотрительно приближалось к городку, расположенному на острове, буколы торжествовали. Все совершается одновременно: приставленные к плотине люди быстро прорывают ее, старики, бывшие перед войском, внезапно расступаются, юноши, подняв копья, выбегают, а вода все быстрее приближалась. Болота увеличива-

¹ Heliod., II, 24.

лись, разбухая со всех сторон, перешеек затоплялся и все становилось, как море» (Achill. Tat., IV, 13, 14).

Застигнутые врасплох и смущенные неожиданным нападением, римские отряды погибали от ударов копий или тонули в воде. Очень часто буколы, объединившись в более или менее значительные отряды, выходили из своих убежищ на открытую борьбу. Они нападали на соседние города и поместья, поджигали виллы и дома богачей, избивали римскую администрацию и опустошали окрестности. Они всегда будили горячие симпатии к себе и встречали поддержку со стороны сельской бедноты и рабов, пополнявших их ряды¹. Тогда дело доходило до настоящих восстаний, которые принимали большие размеры. У нас нет прямых данных о том, в какой мере Буколия пополнялась беглыми крестьянами и какова была роль буколов в крестьянских восстаниях в Египте, первое из которых произошло уже при Августе (Страб., XIII, 1, 53).

Может быть, намек на связь *ἀνταρρηχόμενος* с буколами содержится в эдикте Семпрония Либералия об амнистии, изданном после грандиозного восстания 154 г., когда был убит римский префект (Malal., XI, стр. 280). Несмотря на объявление амнистии, в эдикте слышатся явные угрозы по отношению к буколам-беглецам. «А те, которые не послушаются немедленно, — будут повсюду разыскиваемы, как явные преступники».

В *Βουκολία*, надо полагать, беглецы имели возможность объединиться, вооружиться, получить опытных вождей, чтобы затем выступить на решительный бой.

В 174—175 г. буколы вышли, наконец, из своих убежищ и подняли восстание, быстро охватившее весь Египет и превратившееся в широкую и мощную народно-освободительную войну. Это и было то огромное восстание буколов, о котором весьма скупо повествует нам Кассий Дион (LXXI, 4).

На основании его рассказа, дополняемого другими краткими данными, развитие событий можно представить себе так. Первоначально восстание имело местный характер. Вооруженные отряды буколов (*Bucolici milites*)² напали на ближайшие охранные отряды римских войск. Они имели успех, после чего к ним стали присоединяться крестьяне близлежащих деревень. Скоро восстание распространилось на весь район Нижнего Египта. В это время во главе восстания стал один из популярнейших и любимых Римом «мемфисских пророков» жрец Исидор. Под его руководством восстание приняло характер всеобщей антиримской народно-освободительной войны. Повидимому, и крупная землевладельческая туземная знать была вовлечена в движение, преследуя свои сепаратистские цели. Но основной движущей силой восстания была разоренная крестьянская беднота. Момент был чрезвычайно благоприятный для восставших, так как Марк Аврелий вел тяжелую Маркоманнскую войну и один из легионов, составивших египетский гарнизон, *legio II Traiana*, был отправлен для участия в этой войне. В ожесточенных сражениях римские войска были разбиты и не смогли сдержать натиск восставших войск. Они отступили в Александрию, которая подверглась осаде и едва не была взята. Тем временем из Сирии прибыл наместник Сирии Авидий Кассий, имея с собой три легиона. Но он не решился на открытый генеральный бой. Он принял план посеять раскол в лагере восставших и таким образом ослабить их, а затем

¹ Случаи бегства рабов часто упоминаются в папирусах, см. BGU. 1149; Pap. Oxy., III, 472; XII, 1422; XIV, 1643; PSI, VI, 710; Pap. Berl. Leihgabe, 1,15; Pap. Lond., II, 251.

² SHA, Marc. Aur. 21: et quum per Aegyptum Bucolici milites gravia multa fecissent, per Avidium Cassium refusi sunt.

разбить. Сделать это было сравнительно легко, так как социальный состав восставших был очень пестрый. Кроме того, движение крестьянских масс носило стихийный, неорганизованный характер. Все это содействовало осуществлению плана Авидия Кассия. Из дальнейших событий становится ясным, что Авидий Кассий пошел навстречу сепаратистским требованиям туземной аристократии и таким образом заручился ее содействием в борьбе против широкого движения угнетенных масс. Он обещал египетской знати возглавить ее борьбу против унии с Римом, и зная, боясь народного движения, помогла ему подавить восстание буколов. После ликвидации восстания буколов Авидий Кассий в июне 175 г. совершил в Египте переворот, объявив об отпадении Египта от империи и приняв верховную императорскую власть. Однако через три месяца он был убит одним центурионом, а бывшие в Египте легионы вновь присягнули на верность Марку Аврелию.

Вместе с тем правительство Марка Аврелия путем жестоких репрессий окончательно подавило и сепаратистские поползновения изменившей египетской знати. Еще после смерти Марка Аврелия продолжались эти репрессии. Император Коммод после вступления на престол приговорил к смертной казни фамилию Авидия Кассия и других лиц, замешанных в перевороте. С этим связаны позднейшие «акты мучеников» Александрии, в которых рассказывается, что Аппиан, гимнасиарх Александрии, осужденный на смерть, причисляет себя к другим «мученикам» за идею политической независимости страны¹.

В конце II в. Египет вступает в полосу аграрного кризиса. Кризис дал себя знать особенно сильно при династии Северов, в начале III в. Сельское хозяйство упало вследствие обезлюдения деревень. Покинутая земля оставалась необработанной, плотины и каналы пришли в запустение, работы по ирригации приостановились. К тому же голод и чума опустошали страну. Частные письма от начала III в. жалуются на тяжелые времена, на высокие цены на хлеб, на одежду и все предметы продовольствия и широкого потребления, чему способствовало обесценение денег². Но налоговый пресс неослабевал. Новые налоги были введены на полотно, пеньку, стекло, бумагу, соль, вино, и, очевидно, были увеличены натуральные налоги и литургии (А. С. Johnson, *op. cit.*, стр. 35). В петиции крупного землевладельца в Оксиринхском номе, поданной в 202 г. Септимию Северу и Каракалле, говорится, что «некоторые деревни в Оксиринхском номе... крайне обнищали, вследствие обременительных ежегодных литургий..., так что ваша земля рискует остаться не вспаханной»³.

В такой обстановке аграрное движение в стране не прекращалось, еще более увеличивая начинавшуюся экономическую разруху. Мы знаем, что Септимий Север принимал энергичные меры против буколов и в 200—201 гг. намеревался даже учредить особую инспекцию в стране для борьбы против массового бегства крестьян (Parker, *op. cit.*, стр. 1, 20).

Заслуживает также внимания, что в начале III в. в Египте усиливается полиция. В каждую деревню назначили теперь по два полицейских офицера (*ἀρχέφοδοι*), которые были ответственны за спокойствие в деревнях. Они имели у себя целый штат низших чинов (*φύλακες*).

¹ Пар. Оху., 1, 33. J. G. Milne, *A history of Egypt under Roman rule*, London, 1924, стр. 52 сл. Леон Омо называет буколов «одной из религиозных сект, вербовавшихся из пастухов-номадов», и видит в восстании их только движение «фанатиков-сектантов»; L. H o m o, *Le Haut-Empire (Histoire générale de Glotz, III^a, стр. 563).*

² BGU, 417; Пар. Рыл., 244; Пар. Оху., 1668.

³ Пар. Оху., IV, 705, Ср. W i l c k e n, *Chrest.*, 407.

Кроме того, в каждом округе находился высший полицейский офицер (εἰρηνοφύλαξ)¹. Усиливается в это время и речная полиция (ποταμοφυλαχία)².

Но, очевидно, регулярная полиция не могла справиться с задачей ликвидации «разбоев», и с III в. мы встречаем в папирусах частые упоминания о существовании специальных крестьянских отрядов для вылавливания «разбойников» (ληστοπισται). Крестьяне привлекались к этому принудительно в порядке литургии и весьма неохотно исполняли ее. Целый ряд приказов издавался с целью понудить их к исполнению этой литургии под угрозой суровых наказаний³.

Но эти приказы, очевидно, мало помогали делу. Крестьяне вместо поимки буколов и других «разбойников» давали им приют у себя, укрывая их от преследования полиции. Это подтверждает очень интересный папирус из Оксирина от 210—214 г., в котором содержится циркулярное письмо префекта Бебия Юнциана стратегам Гептаномии и Арсинои. В этом циркуляре префект дает строжайшее предписание всем местным властям с неослабной энергией разыскивать и вылавливать разбойников. Он требует решительных мер и трижды указывает на опасность, которая угрожает номам, если власти будут пренебрегать этим делом: «Я уже в предшествующих своих циркулярах приказывал вам с неослабным старанием разыскивать новсюду разбойников и предупреждал вас об опасности, если пренебрегают этим. В настоящее время я хотел бы вновь подтвердить свое распоряжение для того, чтобы все жители Египта знали, что я считаю эти розыски самым важным делом». К этому циркуляру приложен эдикт, который грозит суровым наказанием тем, кто укрывает разбойников от властей. «Так как очевидно для всех, что невозможно искоренить разбойников, если укрывают их, то они должны быть лишены своих покровителей, и тогда мы быстро уничтожим их. Имеется много причин давать им приют: некоторые укрывают их потому, что сами являются их сообщниками, другие не сочувствуя....» (Здесь папирус обрывается)⁴.

«Римская империя,—писал Э. Мейер,—дала миру эпоху глубочайшего спокойствия»⁵. Буколы служат лучшим опровержением такой идеализации римского мирового господства.

Римская империя вела к обострению классовых противоречий, и размах движения буколов как раз в «счастливый» век Антонинов — один из показателей того кризиса, к которому, в конце концов, привела военная диктатура рабовладельческого класса.

¹ BGU, 321; 375; 6; Pap. Oxy., 1.80.

² Pap. Flor., 91; PSI. 734; Pap. Gen., 1; CIL. II, 1970. M. Rostovtzeff, The social and economic history of the Roman Empire, Oxf. 1926, стр. 606, прим. 44.

³ BGU, 325; ср. Wilcken, Chrest., 401; 472; 473. Pap. Oxy., 1.80. O. Hirschfeld, Die ägyptische Polizei der römischen Kaiserzeit, Kleine Schriften, стр. 614, M. Rostovtzeff, ib., стр. 437.

⁴ Pap. Oxy., XII, 1408. Ср. Pap. Oxy., 110 и BGU, 646.

⁵ Э. Мейер, Экономическое развитие древнего мира, М., 1910, стр. 79.

О НАЧАЛЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА¹

Появление почти одновременно двух работ проф. В. В. Мавродина, посвященных проблеме происхождения русского народа и древнерусского государства, несомненно привлечет к себе внимание не только историков, но и более широких кругов читателей, неизменно проявляющих интерес к этим, всегда актуальным, вопросам. Работы В. В. Мавродина написаны после капитальных исследований на эту тему акад. Б. Д. Грекова и ряда других советских историков. Они опираются на богатейший материал изысканий советских археологов, введших в научный оборот множество новых данных, на выводы советской школы языкознания и труды по этногенезу отдельных народов.

Работа проф. Мавродина охватывает огромный исторический период и большое количество вопросов. Первая глава ее посвящена вопросу о происхождении славян, вторая «антскому периоду», который автор рассматривает как начальный этап в истории русского народа и русской государственности; затем автор подробно останавливается на положении и характеристике восточнославянских племен накануне образования Киевского государства. Очень подробно В. В. Мавродин далее разбирает вопрос о разложении первобытно-общинного строя и возникновении феодальных отношений в древней Руси. После этого идут главы: «У истоков Киевского государства», «Первые государственные образования восточных славян», «Образование Киевского государства», специальные главы отведены Владимиру и Ярославу. В заключение автор выясняет вопрос о значении Киевского периода в истории славянских народов Восточной Европы.

Много внимания автор уделяет проблеме этногенеза восточного славянства, обобщая исследования советских ученых по этому вопросу и высказывая ряд оригинальных соображений. Основные положения автора по вопросу об этногенезе восточного славянства не вызывают возражений и соответствуют современному уровню советской исторической науки. Автор решительно становится на ту точку зрения, что в процессе этногенеза происходит скрещивание, слияние многочисленных племен, что «каждое современное этническое образование является продуктом чрезвычайно сложного исторического процесса схождения и слияния, дробления и распада, переселений и перерождений, скрещиваний и трансформаций разнообразных этнических, т. е. языковых, расовых и культурных, элементов» («Др. Русь», стр. 25). При этом «хотя передвижения и переселения народов не затрагивают основных масс населения, все же они играют известную роль в процессе складывания народностей».

В ходе этногенеза восточного славянства автор выделяет как основные этапы, определяемые сохранившимися вехами в виде памятников материальной культуры или письменных источников: 1) время трипольской культуры (3000 лет до н. э.), 2) лужицкой

¹ Проф. В. В. Мавродин, *Образование древнерусского государства*, изд. Ленингр. гос. ордена Ленина университета, Л., 1945, 432 стр.; В. Мавродин, *Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства)*, Огиз, Госполитиздат, 1946, 312 стр. При ссылках на первую работу нами будут указываться в скобках страницы ее, при ссылках на вторую, кроме страницы, будет указываться ее название («Др. Русь»).

культуры (2500—1800 лет до н. э.), 3) скифский период (конец II—начало I тысячелетия до н. э.). «Времена скифских земледельческих племен (VIII—VII вв. до н. э. и до III—II вв. до н. э.),—пишет автор,—когда земледельцы боролись с кочевниками, прорывавшимися до Припяти, Польши и Восточной Пруссии, были временами укрепления тесных межплеменных связей, а следовательно, временами установления языковой, культурной и бытовой общности. Это был диалектический скачок в процессе славянского этногенеза, первый этап формирования славян из аморфной массы палеоевропейских племен. Генетическая связь в городищах скифской поры культурных слоев эпох скифской и киевской, отсутствие указаний на смену населения этих городищ, сходство обычаев, верований, вещественных памятников, произведений искусства наконец, самого антропологического типа скифов и древних русских, связи скифских языков с славянскими, конкретно—русскими, показанные Н. Я. Марром,—все это говорит о том, что вклад скифских земледельческих племен в славянство очень велик» («Др. Русь», стр. 35). Все это пока предки славян, «протославяне». Собственно славянский (раннеславянский) период автор начинает с начала н. э. (культура полей погребальных урн), когда о славянах (венедах) повествуют уже и письменные источники. Антов (VI—VII вв.) автор рассматривает как восточную ветвь славянства, считая, что в этот период восточные славяне достигли высшей ступени варварства, и политическим строем антов был строй военной демократии. В результате нашествий аваров и длительной борьбы с готами, переселений значительной части антов на юг и за Дунай и передвижения вслед за ними более северных племен в Поднепровье, произошел, по мнению В. В. Мавродина, некоторый перерыв и задержка в развитии восточного славянства, почему в IX—X вв. оно «переживает ту же ступень общественного развития, что и анты IV—VI вв., т. е. период военной демократии».

В рассмотрении вопросов этногенеза восточного славянства автор использует выводы, которые сделал А. Д. Удальцов, в последнее время много занимавшийся этой проблемой.

Следует, однако, указать, что автор противоречит своим собственным построениям и делает ошибочные выводы. Так, например, автор заявляет, что «в верховьях Днепра, Оки, Волги и далее на восток к Дону (!) и за Доном (!) топонимика, как правило, финского (?) происхождения» (стр. 30). Границу «наименований финского происхождения» автор затем распространяет уже «от верховьев Дона к северной части с р е д н е г о (подчеркнуто мною.—С. П.) Приднепровья и вдоль (!) Днепра, далее на северо-запад» (стр. 31), причем финским словом автор считает даже Тверь, так легко выводящееся из древнерусского «твердь». Встав на путь сомнительных топонимических изысканий, автор подорвал свой собственный вывод о процессе славянского этногенеза.

Не вполне последователен В. В. Мавродин и в вопросе о происхождении слова «Русь». С одной стороны, он решительно высказывается за то, что наименование «русь» южного происхождения и означало в IX—X вв. правящую верхушку восточнославянского общества, распространившись затем на весь народ. В. В. Мавродин претендует даже на приоритет в выдвигании этого тезиса, ссылаясь на рукопись своей работы 1938 г. (стр. 388)¹, и решительно возражает против теории о северном (скандинавском) происхождении «руси» (стр. 386—387). Но затем автор неожиданно берет под свою защиту компромиссную теорию Брима, поддержанную Б. Д. Грековым, о скандинавском происхождении слова «русь» и южном, славянском, происхождении слова «рос»,—которые затем соединились (стр. 389, 391). Четкого и последовательного разрешения этого вопроса, бывшего предметом внимания русской науки на протяжении большого периода, автор «Образования древнерусского государства», таким образом, не дает.

Вопрос об образовании древнерусского государства это прежде всего вопрос о том, как в результате разложения первобытно-общинного строя и появления классов

¹ Эта попытка установить свой приоритет перед С. В. Юшковым, развившим сходный тезис в 1941 г., тем более непонятна, что автор далее отмечает принадлежность этой мысли еще Н. Я. Марру. Мы с своей стороны могли бы указать на работу Н. Мадальки «Возникновение и значение наименования «русь», Полтава, 1915 г.

старая форма общественной организации, бывшая подлинным орудием народной воли, в условиях, когда народ еще не раздирался классовыми противоречиями, превратилась в новую, государственную форму, органы которой «превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹. При этом возникающее государство частью преобразует органы родового строя, наполняя их новым содержанием, частью вытесняет и заменяет их.

Уже в период военной демократии создается территориальная форма организации на место прежней племенной, возникают союзы племен, старая родовая община уступает место соседской, развивается индивидуальное хозяйство отдельных семей. Но пройдет немало времени, пока на основе растущего экономического неравенства, ускоренного военными захватами, произойдет выделение и оформление эксплуататорской верхушки, которая подчинит себе органы общественного управления.

Два момента в истории образования древнерусского государства выявляются с полной отчетливостью. Это, во-первых, VI—VII вв., когда возникает антский союз племен, объединение дулабов и др. Свидетельства античных авторов об этом периоде не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами типичный строй военной демократии: налицо еще только первые, не оформившиеся признаки классовых различий; рабство еще полностью носит патриархальный характер, пленных или отпускают, или делают членами семьи. Народное собрание—собрание вооруженных воинов—целиком полновластно.

В IX в. мы уже встречаем ряд древнерусских государств (арабские источники указывают на три таких государства—Артанию, Славю и Куябию; несомненно, что наряду с этими, наиболее крупными, существовали и другие княжения, тяготевшие к древнерусским городам: Полоцку, Смоленску, Чернигову и др., объединившимся затем в Киевское государство. Анализ общественного и политического строя восточных славян в IX—X вв., проведенный в работах акад. Б. Д. Грекова, не оставляет сомнений в том, что в данном случае перед нами государства, в которых власть уже находится в руках эксплуататорской верхушки.

Поэтому большое значение приобретает изучение процесса классовобразования, которое позволяет выявить в IX—X вв. наличие классового общества и дать ответ на вопрос, что представляло собою дофеодальное Киевское государство, какова была его классовая структура. Совершенно правильно, в связи с этим, В. В. Мавродин изложению вопроса о происхождении Киевского государства предпосылает обширную главу о разложении первобытно-общинного строя и возникновении феодальных отношений в древней Руси. При этом автор, характеризуя процесс классовобразования, справедливо отмечает, что «раб—первая категория эксплуатируемого населения Руси. Налицо первое деление общества на классы, деление на рабов и рабовладельцев... Выделившаяся из родо-племенной, общинной организации верхушка... превращается в господствующий класс, базируясь, во-первых, на своем экономическом могуществе, во-вторых, на грубой силе, силе своей дружинной организации, и, в-третьих,—на эксплуатации рабочей силы раба в своем хозяйстве. Все это еще больше усиливало господствующую верхушку, ослабляло прочих общинников и приводило к тому, что путем или открытой эксплуатации, действуя силой оружия, или ссуд, кабалы, «ряды» и т. п., господствующая знать распространяла свое влияние, а следовательно, свою власть и эксплуатацию на своих бывших соплеменников, сородичей, сообщников. Патриархальное рабство перерастает в феодальные формы зависимости» (стр. 156).

Здесь В. В. Мавродин рисует в основном правильную картину процесса формирования классового общества. Следует заметить, однако, что автор противоречит себе, когда пишет, что рабство в Киевской Руси было «патриархальным» (стр. 158), хотя сам он отмечал, что еще в VI в. «рабство у антов переросло патриархальную форму» (стр. 45), знать Киевской Руси—«рабовладельцы» (стр. 159), а рабы были товаром (стр. 156).

Распространенный в литературе тезис, что в киевский период существовало только

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139—140.

«патриархальное домашнее рабство» (стр. 109) нуждается в уточнении. Что такое патриархальное рабство? Это первоначальная форма рабства, когда раб берется в семью в качестве подсобной рабочей силы, когда он работает и потребляет наряду с остальными членами семьи, часто даже усыновляется.

Патриархальная система рабства, по определению Маркса, была направлена «на производство непосредственных жизненных средств»¹, на «собственное потребление»², причем рабы входили в состав патриархальной семьи.

Можно ли говорить о патриархальном рабстве в период Русской Правды, когда хозяин раба мог его безнаказанно убить, и убийство раба посторонним (без вины) влекло за собою только возмещение убытков хозяину и штраф за истребление чужой собственности, когда раб не был субъектом права и приравнялся к скоту? Очевидно, нельзя.

Анализ различных категорий зависимого населения В. В. Мавродин проводит не вполне точно. Ссылаясь на эволюцию понятий и терминов, В. В. Мавродин считает, что челядь во времена «Русской Правды» назывались зависимые люди вообще, рабы и не рабы (стр. 157). Указывая на источники В. В. Мавродин не делает, отсылая читателя к работе Б. Д. Грекова «Киевская Русь». Между тем перед автором стоит задача разрешить: в каком смысле это слово употреблялось в период составления «Русской Правды»? Ясно, что ответ на него надо искать, опираясь прежде всего на текст самой «Правды». А он гласит, что «яже от челяди плод или от скота», то все это, как и другой прикуп, принадлежит опекуну, «зане кормил и печаловался» опекаемыми. Сомнения невозможны: челядь—это безгласные и бесправные рабы, потомство которых рассматривается наравне с приплодом скота. Далее целый ряд статей «Русской Правды» говорит о порядке виндикации чужих вещей, здесь же упоминается и украденный челядин, причем способность челядина говорить (*instrumentum vocale*) в данном случае дает возможность идти в отыскании вора до конца (в случае покупки краденой вещи у лица, неизвестного покупщику, дальнейшего розыска не производилось и украденное возвращалось его прежнему владельцу). Дело ясное, и здесь челядин—это раб, которого крадут (для свободного, хотя и зависимого человека такая возможность, естественно, не предусматривается) и который рассматривается наряду с другими вещами. Точно также и в летописях челядь постоянно упоминается обязательно наряду со скотом («ополовишися челядью и скотом»).

Еще менее удовлетворяет читателя та интерпретация, какую дает В. В. Мавродин термину «смерд», и его характеристика общественного положения смердов в древней Руси. В советской науке прочно установлено (прежде всего в результате работ Б. Д. Грекова), что в Киевской Руси интенсивно проходил процесс феодализации, втягивания прежде экономически независимых общинников в орбиту феодальной эксплуатации. При этом, как правильно отмечает В. В. Мавродин, часть этих общинников уже в известной мере порывала с общиной и через посредство «купы» или ссуды становилась и юридически зависимой от крупных землевладельцев. Это известные «Русской Правде» закупы. Правоспособность закупов была ограничена, они были обязаны работать, до уплаты долга, в хозяйстве выдавшего ссуду, причем побег закупа вел за собою превращение его в холопа. Наряду с этим смерды «всей общиной, без внутренних взрывов общины, без ее разрушения, как-то незаметно превращаются из свободных общинников-данников в крепостных» (стр. 167). В. В. Мавродин полагает, что это постепенное закабаление общинников-смердов сразу же и автоматически влекло за собою утрату ими юридической правоспособности, и потому хочет доказать, что смерды «Русской Правды» уже выступают как потерявшие свою личную свободу крепостные. Между тем внимательный анализ статей «Русской Правды» о смердах, где они сохраняют все атрибуты свободного общинника, не дает оснований для такого вывода.

Мало того, В. В. Мавродин в своей работе эклектически соединяет точку зрения Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. С. В. Юшков считает, что смерды представляли собою

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 360.

² К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, 1938, стр. 708.

особую категорию сельского населения, уже попавшую в феодальную зависимость, в то время как Б. Д. Греков утверждает, что «смерды» — это общее название крестьянства древней Руси, среди которого были и зависимые от феодалов, потерявшие свою правоспособность и еще сохранившие свою экономическую самостоятельность свободные крестьяне-общинники. При этом основную массу смердов в период Киевской Руси, по мнению Б. Д. Грекова, составляли именно свободные крестьяне. «В основе производства этих (дофеодальных) государств лежит еще не крепостной труд, а труд свободного общинника» («Киевская Русь», изд. 4-е, стр. 67). «Основной социальной базой Киевского государства являлось свободное сельское и городское население» (там же, стр. 210).

В. В. Мавродин механически объединяет концепцию С. В. Юшкова с позицией по этому вопросу Б. Д. Грекова, видимо, не отдавая себе отчета в существе разногласий между этими исследователями.

«Склонен считать смердов, — заявляет В. В. Мавродин, — особой категорией сельского населения, полагая, что смердами назывались крепостные крестьяне» (стр. 168). Смерд — зависимый от князя человек. Об этом говорит вознаграждение за убийство и за «муку» смерда, идущее в пользу князя (стр. 166). Но в пользу князя шли вообще все уголовные штрафы, в том числе и за убийство и за «муку» бояр, из чего, однако, не следует, что и бояре Киевской Руси были закрепощены. Другие аргументы автора столь же неубедительны, как, например, заявление, что скот смерда пасется вместе со скотом князя (откуда это следует?) и что смерды «живут по селам», а селом называлось в Древней Руси «сельское население, где находился княжеский или боярский двор» (тоже совершенно голословное заявление, не находящее опоры в источниках). Но вывод делается весьма категорический. «Смерд прикреплен к земле. Он крепостной, изменить свое состояние он может, только выйдя из общины, бежав» (стр. 166).

Но, рисуя, вслед за Юшковым, смердов в качестве особой категории зависимого крепостного крестьянства, потерявшего свою правоспособность, В. Мавродин далее, вслед за Б. Д. Грековым, вынужден признать, что слово «смерды» обозначало в Киевской Руси сельское население вообще. Последний вывод можно принять с той оговоркой, что «освоение» древнерусского крестьянства феодалами не сразу и не автоматически вело за собою изменение правового положения смерда, еще долгое время сохранявшего правоспособность свободного человека, что «Русская Правда» рисует нам смерда еще юридически свободным. Напомним, что Энгельс отмечал необходимость длительного периода прежде чем «раньше юридически равноправные со своим вотчинником при всей своей экономической зависимости от него» свободные крестьяне «и в правовом отношении стали его подданными» (Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 403). А признание этого положения сразу разрешило бы «загадку» смерда и прекратило бы насилия над текстами «Русской Правды», в которой смерды представлены со всеми атрибутами свободного человека, что нисколько не колеблет несомненного наличия процесса их феодализации.

«Мы не будем, — пишет В. В. Мавродин, — специально останавливаться на положении и роли холопа, закупа, рядовича, изгоя и смерда, так как не сможем ничего прибавить к тому, что написал в своей работе Б. Д. Греков» (стр. 164). Между тем как раз анализ положения различных категорий зависимого населения, делаемый Б. Д. Грековым, нельзя считать исчерпывающим, так как при анализе «Русской Правды» и других памятников права Б. Д. Греков избегает пользоваться юридическими понятиями и терминами. Поэтому трудно согласиться с В. В. Мавродиным, когда он отказывается от анализа положения закупа, холопа и др., считая, что все эти вопросы окончательно и исчерпывающе разрешены. Наоборот, экономическое и особенно правовое положение этих категорий населения необходимо еще уточнить.

В анализ положения отдельных категорий населения Киевской Руси нужно внести серьезные поправки еще и потому, что в пылу полемики против теории рабовладельческой формации на Руси выдвигались положения, которые выходили за пределы точных и недвусмысленных показаний источников.

Многие существенные стороны вопроса об образовании древнерусского государства не разрешены проф. В. Мавродиным с достаточной убедительностью и ясностью. Почти все свое внимание автор посвящает деятельности князей, рассматривая их как подлинных основателей Киевского государства (стр. 297), в связи с чем автор делает явные уступки норманистской концепции¹ и идеалистическим воззрениям на ход исторического процесса².

Автор явно не разобрался в основных понятиях марксистско-ленинской теории государства и допускает поэтому бросающуюся в глаза путаницу в вопросе о возникновении государства у восточных славян и об этапах его развития.

Киевское государство IX—X вв. автор рассматривает как период военной демократии, считая, что и во время княжения Владимира нет еще «богатых и жадных бояр, нищих холопов, насилия, гнета» (стр. 290), т. е. нет еще классов. Только начиная с Владимира «Русь переставала быть варварской державой; она становилась феодальным государством. Эпоха «военной демократии» отходила в прошлое» (стр. 287). И если Святослав рассматривается В. Мавродиным как «князь времен «военной демократии» (стр. 259—260), то Владимир уже «последний князь-воин дружинной, варварской Руси, венчающий ее вершину, и в то же самое время он—первый князь феодальной Руси» (стр. 290). Более того, время Ярослава В. Мавродин тоже характеризует как «конец патриархальной варварской Руси и начало Руси феодальной» (стр. 347)³, причем под варварским строем подразумевает все ту же военную демократию.

Таким образом, политическая структура древнерусского государства рассматривается В. Мавродиным как строй военной демократии. Это, однако, серьезная теоретическая ошибка. Энгельс, отмечая условия создания союзов племен и перехода от племенных подразделений к территориальным, пишет: «Военачальник народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни». Со временем «грабительские войны усиливают власть верховного военачальника», она переходит в наследственную. Лишь постепенно родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: «из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и, соответственно этому, его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁴. «Родовой строй отжил свой век. Он был разрушен разделением труда и его последствием—разделением общества на классы. Он был заменен государством»⁵.

Таким образом, военная демократия еще не является государством, а строем, переходным к государственному. Б. Д. Греков совершенно правильно характеризует военную демократию как переходное явление от родового общественного устройства к

¹ «Узурпировав власть в Новгороде, варяги... объединяют бесчисленных «светлых и великих» князьков русских и нерусских племен Восточной Европы, всю эту племенную, родовую и общинную знать» (стр. 385).

² Так, расцвет раннего феодализма объясняется тем, что его подготовил «всей своей деятельностью» князь Владимир.

³ Построив периодизацию истории Киевской Руси по князьям, В. Мавродин, желая видеть в княжении каждого князя особенную эпоху, вынужден бесконечно повторяться. Так, объявив княжение Святослава героическим периодом в истории русского народа (стр. 259), В. Мавродин княжение Владимира тоже объявляет героическим периодом (стр. 289). Заявив, что время Владимира—это время «успешного окончания создания древнерусского государства» (стр. 289), автор затем отмечает, что Ярослав «завершает процесс образования древнерусского государства» (стр. 347). Эта расплывчатость мысли, осложненная риторикой автора, затрудняет читателю пользование книгой.

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139—140.

⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 144.

государственному. Он отмечает, что при военной демократии существует еще «вооруженный народ, управляющийся своим народным собранием, советом вождей и высшим военачальником, не знающий еще власти, отделенной от народа и тем более ему противопоставляемой»¹.

Не разобравшись в существе строя «военной демократии», В. Мавродин делает сразу две ошибки: объявляет государством союзы антских племен VI в., когда классовое деление еще только намечалось (рабство носило еще патриархальный характер), и характеризует как военную демократию политический строй древнерусского государства IX—X вв., когда, как убедительно показал Б. Д. Греков, классовое деление выступало вполне отчетливо и оформилась типично государственная организация, хотя и сохранявшая долгое время форму демократического устройства. Вече (народное собрание) продолжало сохранять крупное значение, но решающую роль на нем играла уже эксплуататорская верхушка, а совет старейшин превратился в совет господ. Нужно заметить, однако, что, видимо, чувствуя шаткость своей позиции, В. Мавродин характеризует антский союз племен то как государство, то как «полугосударственное образование» (стр. 54—55) или «протогосударство» (стр. 53). Даже Киевскую Русь до Владимира В. В. Мавродин называет в одном месте «предгосударственной»².

Характеризуя политический строй Киевской Руси IX—X вв. как «военную демократию», автор вместе с тем не только не уделяет никакого внимания роли вече, но заявляет, вопреки источникам, что летопись сообщает о вече только один раз, и то этот рассказ летописи является «полулегендарным» (стр. 343). С другой стороны, как В. В. Мавродин признает, и при Владимире народ «сам еще играет большую роль в истории своей страны» (стр. 290).

В каких же формах проявлялась эта роль народа и как можно говорить о военной демократии IX—X вв., если вече было в это время парализовано?

На самом деле и после образования государства, в дофеодальный период, когда народ был еще в своей массе юридически свободным, вече продолжало играть весьма заметную роль в структуре древнерусского государства, хотя ведущее значение на нем

¹ Б. Д. Греков, *Борьба Руси за создание своего государства*, М., 1945, стр. 22.

² К сожалению, эти противоречия порождены тем, что и у авторов, за которыми В. Мавродин следует, точно так же нет полной ясности в этом вопросе. Так, Б. Д. Греков в своей работе «Борьба Руси...», правильно определяя антский союз племен как военную демократию и характеризуя ее как переходный момент к государству, иногда называет его государством без всяких оговорок (см. «Борьба Руси за создание своего государства», М., 1945, стр. 22, 29, 31). Неясность мысли обращает на себя внимание у С. В. Юшкова. В своем учебнике «История государства и права» (1941 г.) автор возникновения древнерусской государственности относил к IX в., а в новой работе С. В. Юшков уже антский союз племен (VI в.) характеризует как государство, хотя показания источников рисуют нам типичный строй военной демократии и лишь первые симптомы начинающегося классового деления (С. Юшков, Учебное пособие по истории государства и права, М., 1944, в. 1—2, стр. 8). Историю Киевского государства С. В. Юшков ранее разделял на два этапа—дофеодальный (до Ярослава) и феодальный (начиная с Ярослава). Теперь феодальный период С. В. Юшков начинает уже с Владимира (см. «Учебник», стр. 48 и «Учебное пособие», стр. 8). При этом, выдвинув тезис, что периоду феодальной раздробленности предшествует период единой феодальной монархии (время Владимира—Ярослава), С. В. Юшков здесь же объявляет, что феодальная раздробленность началась как раз при Владимире. Через некоторое время С. В. Юшков дает уже более расплывчатую формулировку, говоря, что класс феодалов пришел к господству при Владимире Святославовиче и сыне его Ярославе Мудром (С. В. Юшков, Основные моменты истории русского государства до середины XIX в., Научная сессия, посвященная XX-летию ВИОН, М., 1946, стр. 3). Два года назад С. В. Юшков писал, что уже при Владимире «русское варварское (дофеодальное) государство сделалось феодальным» («Учебное пособие», стр. 27).

уже приобрела эксплуататорская верхушка. Задача исследователя заключается в том, чтобы показать, как прежний военачальник превратился в наследственного князя, окруженного дружиной и опирающегося на знать, как совет старейшин превратился в «господу»—княжеско-боярскую думу, а вече подпало под влияние руководящей знати. Возникновение государства само по себе отнюдь не «отменяет» демократии, речь идет о перерождении демократии доклассового общества в демократию классовую.

Но, совершенно игнорируя в своем исследовании древнерусскую демократию в лице веча и уделив в связи с этим все свое внимание деятельности князей, которые выступают в роли подлинных создателей русского государства, автор, как уже было сказано, неизбежно стал на путь уступок той норманистской концепции, которую он сам же объявил антинаучной.

Норманистская концепция происхождения древнерусского государства оказала свое влияние на все построение В. В. Мавродина. Если его борьба против норманизма оказалась бесплодной, то причина тому в неправильной характеристике политической структуры Киевского государства, где единственной творчески-активной силой оказываются князья. Если бы автор более глубоко вскрыл роль древнерусского веча, которое было «в князьях вольно», то ему бы стало ясно, что княжеская власть была лишь одним из элементов древнерусского государства и что народ и вышедшая из него, хотя уже противостоящая ему, феодализирующаяся знать играли в тот период направляющую роль в жизни государства, в связи с чем вся история с князьями-варягами есть не более как эпизод, имеющий чисто династическое значение.

Действительно, если считать, что Киевское государство сложилось в результате деятельности Рюрика, Олега, Игоря, то неизбежно приходится признать, как это и делает В. В. Мавродин, что «находники-варяги» в известных случаях среди «русов» играли первенствующую роль». «Они были,—продолжает автор,—тем элементом, который если и не вызывал на Руси процесса образования государства, то во всяком случае вошел в этот процесс и способствовал его ускорению» (стр. 388). Таким образом, В. В. Мавродин возрождает по существу норманистскую теорию. Отвергнув тезис о завоевании восточных славян варягами, автор, однако, возвращается к теории завоевания, заметив только, что «находники»-варяги не смогли установить с в о е й (подчеркнуто мною.—С. П.) системы владчества, ограничившись «вассалитетом без ленов или ленами, обложенными только данью» (стр. 389). Значит, варяги все-таки установили свое господство и учредили вассальную зависимость.

В другом месте В. В. Мавродин еще более определенно пишет о «захвате власти варяжским конунгом» (стр. 212), «помимо воли и желания новгородских мужей» и даже «вопреки им», причем это породило борьбу между узурпаторами-варягами и новгородцами, стремившимися сбросить «навязанную им оружием власть варяжского викинга» (там же), однако эта борьба кончилась для новгородцев неудачно.

Выходит, таким образом, что варяжский конунг и его потомки, захватив власть в Новгороде, а затем и в Киеве, и создали русское государство. К таким вопиюще неверным и давно отброшенным наукою выводам приходит В. В. Мавродин, хотя и делает неоднократно декларативные заявления против норманистской теории.

Выпустив в свет труд объемом в 39 печ. листов, В. В. Мавродин не считал нужным пояснить, какое место должна занять его работа, по мысли автора, среди многочисленных исследований по истории Киевской Руси, в каком отношении она находится к работам как дореволюционных, так и советских исследователей. Автор не предположил своему обширному труду каного-либо историографического введения. Более того, выпустив через несколько месяцев сокращенное издание своей книги под новым названием «Древняя Русь», автор не пояснил читателю, что он выпускает в свет не новую работу, а сокращение старой, предназначенной, быть может, для более широкого читателя.

Обращает на себя внимание и то, что в общем яркий литературный стиль автора и колоритный язык значительно обесцениваются частыми, иногда навязчивыми, повторениями одних и тех же метафор и напыщенной риторикой.

В целом работа представляет собою попытку дать сводку материала по вопросу

о происхождении русского народа, зарождении классового общества среди восточного славянства и о начале русского государства. Эта сводка имела бы значительную ценность, если бы автор в ряде основных пунктов не сделал шага назад от результатов изысканий ведущих советских ученых, работающих над историей Киевской Руси. Так, вместо преодоления остатков и рудиментов норманизма В. В. Мавродин попал в плен к норманизму, объявив, по сути дела, организаторами Киевского государства варяжских князей. Вместо преодоления неточностей в характеристике общественных классов древней Руси, еще встречающихся в нашей научной литературе, дана путаная и нечеткая обрисовка их положения, не опирающаяся на самостоятельный анализ источников. Вместо внесения окончательной ясности в вопрос о начале русского государства, его политической структуре и установления точной периодизации, что было подготовлено предшествующими трудами советских ученых, В. В. Мавродин внес путаницу в изложение процесса образования древнерусского государства.

Разбор труда В. В. Мавродина показывает, что ряд труднейших вопросов—об этногенезе русского народа, о происхождении наименования «русь», о роли норманнов в процессе образования древнерусского государства, о ходе классовобразования и характеристике экономического и юридического положения различных классов и общественных групп, о политической структуре Киевского государства и о периодизации начальных этапов складывания древнерусского государства—не может считаться окончательно решенным и требует дальнейших научных исследований. Прочный фундамент, заложенный в трудах советских ученых, в первую очередь акад. Б. Д. Грекова, не оставляет сомнений в том, что и эти наиболее сложные вопросы исторической науки будут успешно разрешены.

С. А. Покровский

Академик Н. С. ДЕРЖАВИН. «Славяне в древности». Культурно-исторический очерк. Академия Наук Союза ССР. Научно-популярная серия. Ц. 16 р.

Естественно возросший в годы Отечественной войны интерес к истории славянских народов обусловил выход ряда монографических исследований, научно-популярных работ и статей, посвященных истории славянства в древности. К числу научно-популярных книг, посвященных этому сюжету, принадлежит изданная Академией Наук СССР работа академика Н. С. Державина «Славяне в древности», представляющая культурно-исторический очерк славянского мира на заре его письменной истории.

Рецензируемая книга делится на две части: «Историко-этнографический очерк» и «Первые государственные образования у славян и их история в древности (VII—XI вв.)».

Первая глава историко-этнографического очерка посвящена древнейшим известиям о славянах, причем автор делит этот древнейший период в истории славянского мира на два этапа:—1) период, когда в письменных источниках славянство выступает под названием венедов, и—2) когда славянский мир делится на две части, и предки современных южных и западных славян выступают под названием «славяне», а далекие предшественники восточнославянских, русских племен именуются антами. Н. С. Державин анализирует наиболее ранние известия о славянах, выступающих под именем венедов, восходящие к концу I и началу II вв. и принадлежащие Плинию Старшему, Тациту и Птолемию. Случайные упоминания о венетах у Геродота и об индах у Софокла автор считает древнейшими свидетельствами о венетах. Это последнее утверждение заслуживает внимания, хотя, быть может, в данном случае речь идет о других племенах со сходными названиями, обитавших где-то на севере.

Анализируя различные попытки объяснить происхождение термина «венеды» (венды, винды), принадлежащие Нидерле, Гильфердингу, Брауну и др., Н. С. Державин обращается к работам Н. Я. Марра для того, чтобы доказать, что

древнейшее наименование славянских племен—«ven—d» является реликтом еще доиндоевропейской речи, означавшим «народ», «племя» (стр. 10).

Автор выдвигает тезис, что «протославяне, т. е. славяне на стадии дославянского этнографического оформления,—такой же исконный с глубокой древности народ в Европе, как и их позднейшие соседи—германцы и кельты, первоначально—протогерманцы и протокельты на западе или протолитовцы и протофинны—на востоке, но на доиндоевропейской, т. е. яфетической, стадии, общей для всех европейских народов, они не выделялись, вряд ли сейчас возможна сколько-нибудь удачная постановка этногенетических проблем. Только сочетание всех трех видов источников. письменных, вещественных и языковых, дает возможность заняться интересующими нас вопросами.» (стр. 10—11).

К сожалению, для доказательства своих положений о начальном этапе в истории славянства Н. С. Державин не привлек материал, без которого вряд ли сейчас возможно удовлетворительное разрешение проблемы. Без данных археологии и лингвистики, без анализа памятников материальной культуры и языка, хотя бы в той форме, в какой они отражаются в топонимике, вряд ли сейчас возможна сколько-нибудь удачная постановка этногенетических проблем. Только сочетание всех трех видов источников. письменных, вещественных и языковых, дает возможность заняться интересующими нас вопросами.

В формировании современного славянства приняло участие множество племен глубокой древности,—такие, которых уже знают древние греческие и римские историки и географы, и такие, которые сошли со сцены еще до того, как варварская Средняя и Восточная Европа стала известной писателям древности.

Основная линия этногенеза идет не к расчленению единого пранарода с определенными, аb ово сложившимися антропологическими и языковыми устойчивыми и неизменяющимися особенностями, а к объединению этнических, слабо связанных между собою, образований в великие семьи народов. Это отнюдь не исключает того, что сближение происходит чаще всего между племенами, близкими друг другу по образу жизни, уровню общественного развития, быту, языку, культуре, что наряду со сближениями и скрещиваниями имеют место расчленения, расхождения, разъединения, выключения племен, их частей или групп племен из этногонического процесса, их переселения и передвижения, колонизация ими других племен или ассимиляция.

Древнейшее население сохранило память о себе в топонимике. Есть целый ряд названий, которые не могут быть объяснены ни из одного из современных языков. Они очень древни. Семантика их неизвестна, забыта, утрачена. Они встречаются повсеместно, и одинаковые названия, которые мы не можем объяснить из языков современной Европы, попадают в местах, где позднее обитали и славяне, и германцы, и кельты, и финно-угорские, и литовские племена. Это свидетельствует о том, что везде и повсеместно мы вскрываем древнейшие слои доиндоевропейской, дофинской речи.

В ней, как в зеркале, отразилась древняя жизнь славян. Реки и озера, болота и горы древней Славянщины своими именами говорят о том, что здесь колыбель исторического славянства, что здесь славянский край, край, где сложился великий народ славянский. Там, где текут среди дремучих лесов Вепрь, Бобр, Припять, Тетерев и Березина, где прорываются меж гор и шумят на дне горных ущелий Черемош и Быстрица, где стоят покрытые буковым лесом Черная гора и Яворник, где по весне на горных пастбищах Карпат звучит трембита и пастухи-гуцулы поют древние песни и добывают священный огонь трением двух кусков дерева, как делали их предки в эпоху неолита, там, где в болотах Полесья живут древними дворищами, большими семьями и бытуют обряды и обычаи, уходящие далеко в глубь веков, там, где течет Висла,—там древняя Славянщина, там славянский край.

Источники славянства многообразны, и сам процесс складывания славянских племен—это процесс славянизации различных племен с различной культурой и речью, постепенно вовлекшихся в очаг славянского этногенеза.

Полагаю, что правомерно будет говорить о славянстве с той поры, когда можно будет констатировать наличие общности в языках и в быту группы племен, общности, в их материальной и духовной культуре и когда эта общность будет роднить данную

группу племен с историческим славянством. Вот почему, говоря о древнейшем этапе в истории славянства, необходимо не ограничиваться письменными источниками, а привлекать и данные языка и памятники материальной культуры. Совершенно очевидно, например, что если на территории, лежащей по течению рек Вислы, Одера, Припяти и Днепра, складываются культуры типа трипольской, лужицкой, перерастающие, хотя и не без перерывов, в культуру полей погребальных урн, а эта последняя распространена на территории уже безусловно славянской, о чем прямо говорят первые письменные источники¹, то носители трипольской и лужицкой культур, к которым генетически восходит культура полей погребальных урн, являются компонентом славянства.

К сожалению, Н. С. Державин ограничился привлечением только одних письменных источников и не остановился ни на памятниках материальной культуры, ни на топонимике. Кстати, следует отметить, что напрасно автор игнорирует среди письменных источников так называемые Певтингеровы таблицы—дорожник, составленный в самом начале нашей эры. Указания Певтингеровых таблиц о венедах, лугиях, германцах и сарматах очень ценны. Таблицы сближают лугиев со славянами, в то время как другие писатели начала нашей эры (в частности, Тацит) склонны связать их скорей с германцами.

Большое внимание уделяет автор вопросу об антах—восточных славянах IV—VII вв. нашей эры. В частности, Н. С. Державин присоединяется к соображению В. Брима о том, что термин «ант» восходит к доиндоевропейскому прошлому народов Европы.

Хотелось бы, чтобы автор более подробно остановился на вопросе о восточнославянских языках времен антов. Нельзя обойти молчанием одну особенность, которая обращает на себя внимание при рассмотрении славянских названий днепровских порогов у Константина Багрянородного; эти славянские наименования: «Островуни-праг», «Вульнипраг», «Ессупи», «Веручи», «Напрези», «Неясыть», вряд ли являются словами, характерными для восточнославянских языков. В них нет ни древнего восточнославянского полногласия (вместо слова «порог», свойственного восточнославянским языкам, мы имеем слово «праг», характерное для южных славян, в частности, болгар), ни смыслового соответствия («неясыть» у восточных славян не пеликан, а род совы). Повидимому, эти названия были даны днепровским порогам не восточными славянами киевских времен, а их далекими предками антской поры, не дружинниками Олега и Игоря, а воинами Божа, Идара, Межамира, Доброгаста в ту пору, когда антские поселения достигали нижнего течения Днепра.

Во второй главе Н. С. Державин останавливается на вопросе о расселении и составе восточных, западных и южных славян. В этой части своего труда автор опускает нелетописные источники о восточнославянских племенах, а между тем сообщение Географа Баварского, хазарского царя Иосифа в его письме к ученому испанскому еврей Хасдаи-Ибн-Шапруту, Константина Багрянородного и персидского анонима X в. представляют огромный интерес и дают возможность нарисовать карту расселения восточнославянских племен несколько иную, нежели та, которую дает летописец.

Работы Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, А. В. Арцыховского и И. И. Ляпушкина и других археологов содержат в себе очень интересный материал, к сожалению, не привлеченный Н. С. Державиным; этот материал дал бы возможность автору гораздо подробнее остановиться на вопросе расселения восточных славян. Перечислив восточнославянские племена, Н. С. Державин указывает, что они, «образуя собою в целом русскій народ, не сидели, конечно, каждое племя в отдельности на

¹ Мнение И. И. Ляпушкина о том, что нет достаточных оснований считать памятники «полей погребальных урн» славянскими, является по меньшей мере спорным. И. И. Ляпушкин, Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв., «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», XII, стр. 117.

своих местах, отгороженными друг от друга непроходимыми стенами, строго изолированные в своих районах, не имея друг с другом никаких связей» (стр. 25).

Нет никакого сомнения в том, что именно в результате общения между отдельными восточнославянскими племенами эти последние начинают складываться в единый народ. В связи с такого рода постановкой вопроса хотелось бы, чтобы автор высказал свое суждение и по вопросу о тех процессах, которые привели к образованию единого русского народа киевских времен. Общественное развитие, результатом которого было создание древнерусского государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы. Киевское государство политически объединило восточнославянские, русские племена, связало их общностью политической жизни, культуры, религии, общей борьбой с «ворогами» и общими интересами на международной арене, историческими традициями, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русских.

Говоря о происхождении русского народа, Н. С. Державин напрасно снова допускает ошибку, на которую ему указывали его рецензенты А. Удальцов («Большевик», № 22, 1945 г.) и В. Пичета («Вопросы Истории», № 1, 1945 г.), полагая, что в Восточной Европе обитали не гипотетические этруски Н. Я. Марра, а этруски исторические, совершенно реальные, принимавшие участие в формировании русского, собственно уже славянского, населения (стр. 28). Автор не останавливается на вопросе о происхождении термина «рус», «русы», «Русь», хотя этот последний снова стал предметом пристального внимания наших историков.

На территории Восточной Европы племенные названия типа «рос» встречаются с очень отдаленных времен, и с течением времени они закрепляются за славянским населением Восточной Европы, причем применительно к определенной территории—Среднему Приднепровью.

В разделе о западных славянах подробно излагается расселение славянских племен далеко на запад вплоть до Гамбурга, Геттингена, Фульда, Эрфурта, Гота, Мерзебурга и других городов, но и подробно излагается вековая борьба западнославянского мира с насильниками и агрессорами—немцами.

Совершенно справедливо указание автора, что «славянские племена Чехо-Моравии и Словакии сложились в длительном процессе племенных скрещений, уходящем своими корнями в далекое дославянское доисторическое время, на той же территории, которую они исторически занимают и в настоящее время» (стр. 40).

Хотелось бы, чтобы автор уделил больше внимания древнему кельтскому населению Чехии и других сопредельных областей, которое, несомненно, принимало участие в формировании позднейшего славянского населения края. С другой стороны, вряд ли можно считать обоснованным утверждение, что славяне «под именем мугилонов отмечены уже греческим географом Страбоном в I в. до нашей эры» в районе Средней Эльбы и Салы (стр. 28—29). Хотя эту точку зрения мы найдем и у других авторов (А. Д. Удальцов), полагая, что у нас нет оснований утверждать это в столь категорической форме.

Совершенно своевременно Н. С. Державин обратил внимание на особую группу западнославянских племен, населявших острова, расположенные в Одерском заливе, Узном, Волин и Руяну. «Наиболее знаменитыми из них были руяне, или раны, руны и рутены, что означает русские» (стр. 32). Этому указанию следовало бы уделить большее внимание. Действительно, забыто то, на что обращал внимание еще Ломоносов и, спустя много времени после него, Гедеонов, а именно: связь западнославянского, в частности, прибалтийско-поморско-славянского, мира с миром восточнославянским. Этот вопрос требует, конечно, специального исследования, но стоит обратить внимание на то обстоятельство, что на территории распространения немецкого языка русские именуются ругами или рутенами на протяжении столетий, что Ольга, принявшая при крещении имя Елены, в западноевропейских хрониках выступает под именем «Елены, королевы ругов», причем хроники, говоря о посольстве Ольги, называют его то посольством «*Helene reginae Rugorum*», то «*legati Russiae gentis*».

Отмечая на стр. 46 наличие одинаковых племенных названий в разных концах славянской земли: и у южных, и у западных, и у восточных славян, автор пишет:

«общность данного племенного наименования (речь идет о наименовании поляне.—В. М.) у многих славян не нуждается в специальном подчеркивании». Однако здесь многое требует еще исследования. Необходимо в каждом конкретном случае установить, возникают ли общие наименования племен независимо друг от друга или они являются результатом расхождений и отпочкований в разные стороны от данного племени в результате передвижений и переселений отдельных родов, групп и т. п. А таких встречающихся в разных концах славянских земель общих племенных наименований очень много. Достаточно вспомнить дулебов, полян, древлян, дреговичей, хорватов, кривичей, северян и др. Совершенно правильно А. Д. Удальцов указывает, что «примером упрощенчества является сведение процессов этногенеза исключительно к явлениям объединения, этнической интеграции, к принципиальному отрицанию всякой возможности этнической дифференциации», ибо «... этнический процесс является синтезом этих двух тенденций, при котором движение от множественности к единству является лишь главным, определяющим, ведущим процессом»¹.

Вот почему вряд ли можно предполагать, как это делает автор рецензируемой работы, что «процесс перерождения группы местных яфетических племен в словенцев-индоевропейцев в значительной мере уже завершился к началу н. э.» (стр. 46). Словенцы на побережье Адриатического моря, славянского Ядра, в предгорьях Альп, на берегах Дуная и Дравы представляли собой не только результат перевоплощения местного доиндоевропейского или раннеиндоевропейского населения. Несомненно, славянский элемент на Адриатическом побережье, ставший в эпоху раннего средневековья господствующим, здесь в древности отсутствовал. Явившиеся сюда словенцы оказались мощным этническим коллективом, и не их растворили в себе туземцы, а, наоборот, они славянизировали лигуров, иллирийцев, галлов и др.

Мне кажется удачной попытка связать наименование Карпат с древним племенем карпов и с более поздними хорватами, хотя обширная литература по этому вопросу все же еще не исчерпывает данной проблемы. Но зато вряд ли можно признать удачным обычную старую трактовку племенного термина «поляне» от «поле», т. е. жители «полей». Конечно, она напрашивается по аналогии с древлянами, названными так «зانه седоша в лесах». Противоположностью им должны были быть поляне, но эти последние сидят совсем не в поле, а на горе и в лесах киевских («в лесе на горах, над рекою Днепрскою»), и попытку летописца объяснить название «поляне»—«занеже в поле сядяху» вряд ли можно сейчас считать удовлетворительной, ибо окрестности гор киевских в те времена были сплошными лесами. Надо искать другое объяснение этому слову. Здесь мне кажется заслуживающим внимания соображение А. Д. Удальцова, связывающего полян со сплами-спалами-спорами-паралатами².

В главе третьей: «Общественный строй у славян в древности (до XI века)» Н. С. Державин, отводя очень большое внимание анализу и критике буржуазных историков (Кадлеца, Зигеля, Новотны, Бобржинского), подробно останавливается на вопросе о древнеславянской общине, совершенно справедливо указывая на длительное существование наряду с общинами-марками также семейно-родовых общин. Этот вопрос, к сожалению, очень мало привлекает к себе внимание наших историков, хотя в свое время Леонтович, Ковалевский, Ефименко, Лучицкий и др. доказали наличие на Руси не только в древности, но и в более поздние времена семейных общин.

Это открытие Ковалевского, в частности, обратило на себя внимание Фридриха Энгельса, который указывал: «Мы обязаны Максиму Ковалевскому... доказательством того, что патриархальная большая семья... явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной

¹ А. Д. Удальцов, Теоретические основы этногенетических исследований, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», I, № 6, 1944 г., стр. 264.

² А. Д. Удальцов, Основные вопросы происхождения славян, сборник «Общее собрание Академии Наук СССР 14—17 октября 1944 г.», стр. 101.

семье современного мира... Только около десяти лет тому назад доказано существование таких больших семейных общин и в России...»¹.

Н. С. Державин указывает на наличие родовой организации у всех славянских племен древности и на протяжении всего изложения в достаточной мере убедительно показывает, как родовые связи перерастали в территориальные. К сожалению, автор не уделил достаточного внимания вопросу о возникновении феодальных отношений, хотя и довел изложение эволюции общественного строя у славян до XI в. Полагаю, что было бы более целесообразным значительно сократить изложение взглядов Кадлеца и Зигеля, сократить полемику с ними и подробней изложить свои взгляды по вопросу о генезисе феодального общества у древних славян.

Очень интересна попытка Н. С. Державина трактовать рассказ о Кие, Щеке и Хориве, как отражение того этапа общественного развития полян, когда они жили еще родовым строем. К этому вопросу автор возвращается и в главе IV (стр. 95). Предположение Н. С. Державина подтверждается данными раскопок². В легенде о трех братьях отразился действительно социальный мир трех братских родов, представлявший собою «прежде всего группу кровно родственных семей, т. е. семейно-родовую общину, сидевшую каждая «на своих местах», на Киевских горах, в дремучем лесу («лес и бор велик»), но вблизи одна от другой, на общей для всех их территории», (стр. 59). Полагаю, что попытку искать в так называемых легендах зерно истины надо только приветствовать.

Трудно сказать, что имел в виду автор, когда писал, что показания Прокопия о «дрянных избах» у славян со многими выходами могут быть проверены на соответственных памятниках трипольской культуры (стр. 61). О каких памятниках трипольской культуры речь идет—остается совершенно неясным.

На стр. 64 Н. С. Державин напрасно полагает, что территориальная соседская община на юге Руси носила название вервь. Под термином «вервь», особенно в более древние времена, скрывалась семейная община, и только с течением времени этот термин стал покрывать собой территориальную общину, сохраняющую в своем составе семейные общины.

Полагаю, что следовало бы заменить термин «первобытно-коммунистическое общество» общепринятыми ныне терминами «первобытно-общинный строй», «первобытное общество» (стр. 72 и др.).

Вызывает удивление стремление объяснить племенное название «сасин», встречающееся у Масуди, из наименования «сусола» русских летописей и подозревать в «баранджабинах» того же восточного писателя русское племя дреговичей (стр. 89).

Очень интересна попытка автора дать характеристику различным формам политических объединений западных славян эпохи варварства, дофеодальным государствам славянского мира (стр. 90—91). Полагаю только, что вряд ли есть достаточно оснований так настойчиво подчеркивать рабовладельческую природу польского государства времен первых Пястов (стр. 93—94).

Глава четвертая посвящена древнеславянскому городу.

К сожалению, автор почему-то проходит мимо трудов современных советских археологов, занимавшихся древнерусским городом, и предпочитает придерживаться явно устаревшей работы Д. Самоковасова. Мы не находим на страницах рецензируемого труда ссылок на работы В. И. Равдоникаса, М. К. Каргера, П. Н. Третьякова и других археологов, достижения которых были бы не безынтересны для Н. С. Державина.

Останавливает на себе внимание анализ терминов, обозначающих город. Автор показывает различное значение термина «грод», «град», «город», «гард», показывает эволюцию понятия «город», историю развития селения городского типа, различные,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1938, стр. 55.

² М. К. Каргер, Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным, КСИИМК, т. I (1939); он же, К вопросу о Киеве в VIII—X вв., там же, т. VI (1940); он же, Раскопки древнего Киева, «Наука и Жизнь», № 2, 1940.

формы городских поселений, различные этапы в истории славянских городов, особенности городов отдельных славянских племен.

Слабее освещены в труде Н. С. Державина вопросы промышленности (кстати сказать, сам этот термин по отношению к данной эпохе вряд ли может быть применим), торговли и военного дела у славян, которым автор посвящает V и VI главы. Глава VI—«Военное дело»—занимает всего одну страницу.

Глава VII посвящена очень интересному вопросу: физическому типу древних славян. Автор стоит на совершенно правильной позиции, говоря о пестроте антропологического типа и замечая, что древние славяне «представляли собою в антропологическом отношении комплексный тип, который, территориально взятый, мог иметь гораздо более отличий от своих племенных сородичей иной территории, нежели от своих племенных инородичей-соседей» (стр. 125). Остается только пожалеть, что автор привлек так мало антропологического материала, не остановился на физическом типе древних славян по материалу погребений различных районов славянских земель.

Глава VIII посвящена быту и нравам древних славян и рисует нам славянский мир со всеми особенностями, ему присущими, вынуждавшими даже врагов говорить о славянах, как о гостеприимных, добродушных, приветливых- «не плохих людях» (Проконий). Автор приводит замечательную характеристику славян, которую мы встречаем у Аль-Бекри: «Славяне, народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог бы им противостоять». Они воинственны и свободолюбивы, непритязательны и жизнерадостны, стойки, мужественны, они жестоки к врагам и очень гостеприимны по отношению к друзьям, верны и честны.

Эту главу, равно как и следующую, следует признать наиболее интересной во всей книге.

Глава IX освещает вопросы религии древних славян. В этой главе Н. С. Державин показывает всю пестроту религии древних славян, этапы развития религиозных представлений южных, западных и восточных славян, особенности племенных религиозных культов, религиозные праздники, поверья, подробно останавливается на функциях различных богов и богинь, различных духов. К сожалению, Н. С. Державин мало занимается вопросом о жречестве у славян; между тем как роль жрецов у западных славян очень велика.

Вторая часть книги Н. С. Державина посвящена первым государственным образованиям у славян и их истории (VII—XI вв.). Эта часть представляет собой популярный очерк политической истории западных и южных славян. Вызывает изумление то обстоятельство, что автор, считая необходимым,—и это вполне понятно,—говорить о Государстве Само, Великоморавском, Богемском княжествах, династии Дуло, о Болгарии времен Аспаруха, Крума, Омортага, Бориса-Михаила, о Сербии и Хорватии IX века, о державе Людевита Посавского, в то же самое время игнорирует вопрос о древнейших, докиевских политических объединениях восточных славян. А между тем такие политические объединения были. Стоит вспомнить рассказ Иордана о борьбе антов с готами в IV в., о Бозе (или Боже) и Винитаре (или Витимере). Не приходится уже говорить о так называемой державе волянян, которая, несомненно, являлась прадщевенницей Киевского государства и первым государственным образованием восточных славян, возникшим еще до того, как сложилось государство Само и возникла болгарская держава Аспаруха. Это—досадное упущение автора, которое следовало бы устранивать.

Хотелось бы также, чтобы автор заменил часто встречающийся у него термин «этнографический тип» термином «этнический тип», что было бы более правильным, а также точно остановил бы свой выбор на более распространенном «Иордан», а не «Иорнанд» (стр. 11).

Книга хорошо и красиво оформлена. Тем досаднее грубые ошибки в наборе. В книге несколько десятков греческих слов, все они напечатаны с ошибками, это—вина корректуры и редакции. Но хуже то, что в типографиях нет необходимого шрифта; поэтому вместо литеры α напечатаны (с искажением) три литеры $\prime\alpha$ (стр. 20). И уже

совершенно недопустимо, что в типографии нет славянской буквы юс, и на стр. 9 в слове «вящии» вместо юса вставлено клише с каким-то непонятым рисунком.

Подводя итог, должен отметить, что книга Н. С. Державина, несмотря на указанные недочеты, является, несомненно, ценным пособием для всех тех, кто хочет ознакомиться с древнейшей историей славянства.

Проф. В. В. Мавродин

В. В. ПАВЛОВ, *Египет. Путеводитель*. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва, 1945, тираж 3000 экз., цена 5 руб.

Небольшая (всего 37 страничек и 16 таблиц с иллюстрациями) книжка В. В. Павлова содержит краткое описание древнеегипетских памятников Государственного музея изобразительных искусств.

В кратком введении автор дает общую характеристику древнеегипетского искусства. Специальная глава посвящается заупокойному культу египтян, не зная которого трудно понять всю специфику египетского искусства. В следующей главе дается описание статуэток богов, и затем уже следуют главы, в которых характеризуются различные эпохи в истории египетского искусства в связи с развитием египетского общества и государства (искусство эпохи архаики, искусство эпохи Древнего царства, эпохи Среднего царства, эпохи Нового царства). Отдельные главы посвящены скульптурным моделям и прикладному искусству, и, наконец, заключительная глава дает описание памятников I тысячелетия до н. э.

Такое расположение материала следует признать вполне удачным. Получается возможность проследить древнеегипетское искусство во всем его развитии по основным памятникам, не отвлекаясь рассмотрением предметов особого характера (статуэтки богов, скульптурные модели и пр.), для которых отведены специальные главы.

Автор все время подчеркивает «цельность и органичность египетского искусства», прослеживая общие черты, проявляющиеся и в огромной пирамиде и в маленькой статуэтке. Своеобразные черты египетского искусства автор убедительно связывает с особенностями мировоззрения древних египтян, корни которого следует искать в «материальных условиях существования и в социальной структуре древневосточного раннерабовладельческого общества с его деспотической властью фараона, опиравшегося на земельную знать, и, с другой стороны, на очень примитивную идеологию, царившую в сельских общинах» (стр. 6).

Автору удастся, несмотря на небольшие размеры книжки, отчетливо показать на конкретных примерах особенности художественного творчества различных эпох (например отличие скульптурных портретов Среднего царства от простых и несколько условных портретов Древнего царства или своеобразные приемы композиции в рельефах Нового царства, столь отличающихся от аналогичных памятников предшествующей эпохи).

Очень интересная характеристика дана памятникам Саисской эпохи, замечательным по своему техническому совершенству, но холодным и трафаретным.

На некоторых образцах (деревянные ладьи с гребцами, плита Хунена, скульптурный портрет Аменемхета III, фигурки Раннаи и ее мужа, мемфисский рельеф с изображением плакальщиков) автор останавливается особенно подробно и дает возможность читателю понять и почувствовать все своеобразие и художественное совершенство этих шедевров, созданных 3—4 тысячи лет тому назад.

Имеются в книжке и некоторые недочеты. На стр. 11 культ животных объявляется пережитком фетишизма, тогда как на самом деле он связан с первобытными (позднее, конечно, искажившимися) тотемистическими верованиями.

На стр. 21 автор утверждает, что египтяне не знали во времена Среднего царства законов перспективы. Однако все говорит в пользу того, что древнеегипетский художник сознательно игнорировал эти законы, ибо его целью было показать людей и предметы полностью, ничего или почти ничего не опуская и не загромождая, ибо несоблюдение этого принципа могло, по его мнению, затруднить магическое превращение копии в оригинал.

На стр. 25 слишком преувеличены масштабы египетских завоеваний в эпоху Нового царства; даже острова Средиземного моря причислены почему-то к египетским владениям того времени.

Неясно, почему монархия Александра Македонского называется греческим государством (стр. 34). Неподготовленный читатель не сразу поймет, какое государство автор тут имеет в виду.

Несмотря на эти отдельные неточности и некоторые опечатки (например на стр. 24 дата конца Среднего царства приписывается началу этого периода), книжка безусловно принесет пользу массовому читателю, интересующемуся историей культуры древнего мира, и, в особенности, нашей учащейся молодежи.

Приложенные иллюстрации подобраны удачно, но не всегда достаточно четки (например на таблице № 10 нельзя рассмотреть лица Аменхета III). Обложка выполнена со вкусом и производит хорошее впечатление.

Д. Г. Редер

И. М. ЛОСЕВА. Искусство Древней Месопотамии. Очерки. Издательство Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва, 1946, тираж 3000 экз., цена 7 р. 50 к.

Искусство древней Месопотамии представляет огромный интерес не только для искусствоведа, но также для историка и археолога. При изучении истории народов СССР все чаще приходится привлекать для сравнения образцы месопотамского искусства, которое оказало сильное влияние на Закавказье и Среднюю Азию. Понятно, что для самых широких кругов советских читателей (в особенности для школьников и студентов) необходима популярная литература, которая могла бы их познакомить с одной из древнейших и интереснейших культур мира.

Книжка И. М. Лосевой ставит своей целью выполнить эту задачу. После краткого введения автор довольно подробно останавливается в первой главе на истории археологических открытий в Месопотамии (стр. 6—13) и затем последовательно дает в небольших главах очерки истории искусства Элама (стр. 14—18), Шумера (стр. 19—38), Аккада (стр. 39—44), позднего Шумера (стр. 44—51, эта глава почему-то озаглавлена просто «Шумер» — так же, как третья глава, что может вызвать недоразумение), Мари (стр. 52—61), Вавилона эпохи Хаммурапи (стр. 62—64), Ассирии (стр. 65—85) и Нового Вавилона (стр. 86—91). В заключение дается библиография. Книжка снабжена картой Передней Азии.

Хотя в книжке И. М. Лосевой имеются интересные описания и характеристики ряда ценных памятников и делается попытка проследить общий ход развития месопотамского искусства, с учетом всех его вариаций, но далеко не всегда автору это удается и в рассматриваемых очерках можно отметить ряд недостатков и досадных неточностей.

От популярной литературы мы вправе ждать прежде всего освещения новейших открытий, сведения о которых разбросаны в специальных журналах или содержатся в солидных трудах, доступных лишь для узкого круга специалистов. И. М. Лосева приводит в списке литературы, помещенном в конце книжки, целый ряд периодических изданий. Но использовала ли она их? Мы находим в этом списке «Вестник древней истории». Однако ничто не свидетельствует о знакомстве автора разбираемой книжки с очень важной для истории искусства Месопотамии статьей Б. Грозного «Доисторические судьбы Передней Азии», помещенной в № 3—4 этого журнала за 1940 г.

Если бы И. М. Лосева была знакома с этой статьей, она не выдвинула бы на первое место Элам и не стала бы относить начало шумерского искусства к концу IV тысячелетия до н. э. (см. стр. 19; впрочем, на стр. 4 говорится даже уже о III тысячелетии). Автору совершенно неизвестна высокохудожественная галафская расписная керамика, с ее огромным разнообразием орнаментальных мотивов и изображений. Ни слова не говорится о ротондообразных постройках с куполами в Арпачае и Тепе-Гавра, относящихся к тому же галафскому культурному кругу и напоминающих, по мнению Грозного, эгейские толосы. Ни слова не говорится также о современной Галафу обидской керамике и о последующих периодах: Урукском и Джемдет-Насрском. А между тем именно от Джемдет-Насрского периода дошли замечательные памятники скульптуры, количество которых с каждым годом увеличивается.

Итак, энеолитические культуры Месопотамии, развивавшиеся на протяжении полутора тысячелетий, полностью игнорируются, тогда как энеолиту соседней страны—Элама посвящена целая глава (стр. 14—18).

Впрочем, и памятники более поздних эпох охватываются далеко не полностью. Ни слова не говорится об изумительной серебряной вазе Энтемены, украшенной изображениями, столь важными при изучении звериного стиля, которому вообще уделено мало внимания. Из ассирийских памятников опущены так называемый Черный обелиск Салманасара III и Балаватские ворота и т. д. Но особенно удивляет то обстоятельство, что от внимания автора совершенно ускользнул вопрос о шумерском и эламском влиянии на искусство Закавказья. Между тем, после открытий, сделанных Б. А. Куфтиным в Триалети, этот вопрос встал во всей широте. Вправе ли историк месопотамского искусства игнорировать высокохудожественные ювелирные изделия шумерского стиля, найденные на территории СССР и получившие уже всемирную известность? Чем объяснить факт, что книга Б. А. Куфтина «Археологические памятники Триалети», изданная в 1940 г., даже не приводится в списке литературы, составленной И. М. Лосевой?

Эти существенные пробелы нельзя оправдать малыми размерами книжки. Другим существенным недостатком книжки является отрыв истории искусства от социальной и политической истории страны. Правда, в третьей главе дается краткая, но вполне удовлетворительная характеристика шумерского общества, а в следующих главах говорится об изменении политической ситуации в стране. Но в дальнейшем автор, к сожалению, нарушает этот принцип и дает описание памятников вообще, без учета исторической обстановки, в которой они возникли. Так, говоря о расцвете шумерского искусства при III Урской династии, автор не считает нужным сообщить читателю, что Шумер достиг при этой династии политического преобладания в стране. Подробно характеризуя искусство Мари, автор ни слова не говорит о взятии и разрушении этого города царем Хаммурапи и механически оканчивает главу описанием выдающихся ключиц «богини с сосудом в руках». Внимательный читатель невольно задаст вопрос—почему же культурное развитие Мари внезапно обрывается и слой, датированный временем Хаммурапи, оказывается последним? Но ответа на этот вполне законный вопрос он не получит.

Еще более странно, что ничего не говорится о возвышении Вавилона при Хаммурапи. Глава «Вавилон эпохи Хаммурапи» начинается словами: «От Вавилона, прославившегося своей высокой культурой и богатством, до нас дошло очень немного памятников. От периода царя Хаммурапи сохранился знаменитый памятник письменности, имеющий мировое значение. Это—древнейший законодательный сборник, охватывающий гражданское, уголовное и семейное право и показывающий чрезвычайно высокий культурный уровень этого государства». И это—все. Целая цепь событий, связанных с превращением незаметного до сих пор Вавилона в главный центр страны, полностью опускается. Неподготовленный читатель не поймет, почему автор вдруг заговорил о Вавилоне. Что касается изображения Хаммурапи, стоящего перед богом Шамашем, то оно оценивается только в отношении стиля, но не со стороны содержания. А между тем представление о воле бога как источнике законодательной власти, выраженное так ярко и отчетливо вавилонским художником, не менее интересно, чем стилистические приемы. У автора имелась возможность охарактеризовать идеологию

вавилонского рабовладельческого общества и вскрыть ее социальную подоплеку, используя столь яркий и показательный памятник искусства. А вместо этого говорится лишь о том, как развернута у царя грудь и т. д. Конечно, это интересно и важно в книге об искусстве, но нельзя этим ограничиться.

Ничего не говорится в книжке об истории Ассирии до IX в. кроме того, что «истoki ассирийского искусства восходят к III тысячелетию до н. э.». Что это были за истоки, каким было ассирийское общество в III тысячелетии до н. э., автор не сообщает, хотя в главе «История открытий» упоминаются памятники этой эпохи (стр. 9—10) и, казалось бы, следовало этот материал использовать и охарактеризовать его в связи с исторической обстановкой.

Всякий искусствовед должен быть обязательно также историком и каждое произведение искусства рассматривать на фоне исторических событий и явлений. Только тогда эти произведения станут вполне понятными.

Недостатком книжки И. М. Лосевой является также обилие фактических ошибок и неточных формулировок. Например, на стр. 75 мы читаем: «IX век—время Ашур-назирпала. Это не только период становления на путь окончательного возвышения ассирийского государства, достигнутого в результате ряда удачных войн против Вавилона и Харанской области, расширивших пределы страны до Средиземного моря, но и время становления ассирийского искусства». Не говоря уже о тяжеловесном языке, которым написано это предложение, читателю даются здесь неточные сведения. Северная Сирия и Финикия не принадлежали в IX в. до н. э. ни Вавилону, ни Харрану (кстати, это название пишется через два «р»), и для того, чтобы достигнуть Средиземного моря, Ассирия должна была вести войны с совсем другими противниками (хеттскими и арамейскими государствами Сирии).

Еще более грубую ошибку мы находим на стр. 65. Здесь говорится о «влиянии ассирийского искусства на хеттское», но не приводится ни одного факта в подтверждение этого странного вывода. Между тем, как раз наоборот: хеттское искусство оказало значительное влияние на Ассирию. Чтобы узнать об этом, автору не нужно было углубляться в специальные издания, а достаточно было бы заглянуть в «Историю древнего Востока» Тураева (Соцэкгиз, 1935, т. II, стр. 5), которая включена автором в библиографию, но использована явно недостаточно. А между тем здесь приводятся документальные свидетельства ассирийских царей, признающих, что они строили здания по образцу хеттских бит-хилани.

Но особенно слаба И. М. Лосева в хронологии. Она пользуется то совершенно устаревшей «длинной хронологией» Куглера (стр. 39), то более краткой хронологией Фозерингема (стр. 23, 44 и др.). На стр. 10 она уверяет читателя, что знакома с новейшими открытиями, заставляющими пересмотреть хронологию Передней Азии, но из текста книжки этого не видно. Еще досаднее, что Эаннатум на стр. 32 датируется 3000 годом, а на стр. 34 (подпись под рисунком № 10) XXIX в. Какой же из этих двух дат следует верить? Надо сказать, что в настоящее время обе они одинаково устарели.

Даже для нововавилонской эпохи, хронология которой установлена вполне точно, автор допускает небрежную датировку. Рельефное изображение дракона на Воротах Иштар датируется весьма приблизительно VII—VI вв., тогда как давно установлено, что этот рельеф из эмалированных кирпичей (так же как ряд других рельефов, расположенных рядом с ним) был выполнен около 570 г. Об этом И. М. Лосева могла бы прочесть в книге, приводимой в составленной ею библиографии (H. S c h ä f e r u n d A n d r e a e, Die Kunst des alten Orients, Berlin, 1925, 646 стр.), или в общеизвестном «Атласе по истории культуры и искусства древнего Востока», изд. Государственного Эрмитажа (Ленинград—Москва, 1940), комментарии к таблицам, стр. 26. Так же небрежно обращается автор с географической номенклатурой. Один и тот же город называется то Эрех (стр. 10), то Урук (стр. 19). То же самое случилось и с Эшнуной (стр. 13), которая на стр. 59 превратилась в Ашнуак. Читатель может подумать, что это два различных города.

Исторической географии в рассматриваемой книжке вообще не повезло. Элам каким-то чудом оказался расположенным в Месопотамии (стр. 3). На карте (стр. 5)

Мари оказалось южнее Аккада и пропали Сузы, о которых так много говорится в тексте.

Наконец, на стр. 13 сообщается о каком-то блоке шумерских городов юга страны. Что это был за блок? К какому времени он относится? Все это остается неясным. Чувствуется, что книжка написана наспех и небрежно, без достаточной подготовки.

Внешне книжка выглядит прекрасно. Хорошая бумага, четкий шрифт, недурные иллюстрации, удачно выполненная обложка—все это производит, на первый взгляд, приятное впечатление.

В книжке И. М. Лосевой имеется и ряд удачных описаний и характеристик и чувствуется понимание специфики месопотамского искусства. Тем более следует пожалеть, что излишняя спешка и стремление сжать обильный материал на небольшом количестве страничек привели к большому количеству пробелов и ошибок, особенно недопустимых в популярной книжке.

Д. Г. Редер

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЗАИОРДАНИЕ

Прогресс в изучении истории и культуры Древнего Востока очень заметен за годы, предшествовавшие мировой войне. Уточнялась интерпретация источников, критически анализировались известные и вновь открытые надписи. В этой работе принимали участие виднейшие советские востоковеды, лингвисты и историки. Но без Вклада, внесенного археологическими экспедициями, результаты были бы гораздо беднее. В Передней Азии не только интенсивно продолжалось исследование Сирии и Палестины, но захвачен мало известный район—Заиорданье. Книга Nelson Glueck, «The Other Side of the Jordan», опубликованная в 1945 г., освещает, главным образом, археологические работы 1932—1939 гг. Ее автор—директор Американской школы исследования Востока в Иерусалиме, профессор Еврейского Юнион колледжа в Цинциннати и активный участник экспедиций в Заиорданье.

Книга содержит XVIII+208 стр. Она представляет собой расширенный курс лекций в Цинциннати в 1939 г. (стр. 1—200) и начинается подробным списком 127 иллюстраций, помещенных в тексте (стр. XIII—XIV); на стр. XVII краткое предисловие датировано 1940 г.; за ним следует небольшая таблица с датировкой изучаемых периодов; в конце книги помещен указатель (стр. 201—208). В шести главах книги освещены, главным образом: период бронзы 3000—1200 гг., век железа 1205—300 гг., эллинистический и римский периоды, включая набатейский, с 300 г. до н. э. по 323 г. н. э. Практически изложение захватывает феодальный период и некоторые факты вплоть до 1919 г.

Гл. I (стр. 1—32) разъясняет «Что такое библейская археология», каковы ее задачи, объекты и методы изучения; какими критериями руководятся археологи для датировки последовательно обитавшихся пунктов Заиордания, почему они возникали и при каких условиях могли существовать. Тщательный учет источников, действующих и заброшенных колодцев и древних цистерн показал, что количество оседлых пунктов было гораздо значительнее и ареал их шире, чем предполагалось ранее.

Гл. II (стр. 33—49) под названием «Пустыня Восточного Заиордания» излагает результаты экспедиции 1932 г. Американской школы изучения Востока в Иерусалиме, которая прошла маршрут от Мафрак на юге Сирии до Кильва, т. е. все Заиорданье вдоль границы его с пустыней до крайнего юго-восточного предела. Былые укрепления или замки систематически располагались на скрещении путей и командных высотах; часть руин была обследована предшествующими путешественниками. Техника кладки, строительный материал, планировка и разрешение внутреннего пространства построек, орнаментация и надписи часто позволяли теперь установить многообразие культурных сил, прослеживаемых в одном месте.

Наглядным примером для данного тезиса служат три строительных периода Каср Халлабат: набатейский, римский и византийский, с примыкающей к крепости омайд-

ской мечетью. Новые детали установлены в уже известных омайядских замках Азрак, Харана, Туба, Кусейр Амра. Маршрут не коснулся вадии Сирхан, ведущего в глубь Аравии и расположенного во владениях Ибн Сауда, восточнее Хиджазской дороги. Сюда современные археологи еще не могли проникнуть. Между тем, по предположению Н. Глюка, вадия Сирхан хранит остатки набатейской культуры, непосредственно связанные с южной Сирией. Эти условия представляют неожиданный контраст с XIX в., можно напомнить, что в 1845 г. через Маан в вадии Сирхан вступил Георг Август Вальлин, в 1862 г. там был В. Г. Пальгрэв, а в 1878 г. — Вильфред Скелен Блент и его супруга Анна Блент.

Наиболее интересно во II гл. описание древностей в Кильва на крайнем юго-востоке Заиордания (стр. 43—49). Руины Кильва лишь едва освещены в «Письмах» G. Bell, известной путешественницы по Ближнему Востоку. Найдены жилища небольшого поселка, сложенные из базальтовых глыб. Они датируются арабской надписью (рис. 16), выполненной куфическим шрифтом, и по изображению креста сбоку определяются, как остатки христианского монастыря, существовавшего около 1000 г. Неподалеку находится высохшая неглубокая цистерна и печи для обжигания известки. Тут же, на скалах, экспедицией впервые зафиксированы охотничьи сцены периода неолита: человеческие фигуры и животные — бык и горные козлы (рис. 16—18). Рисунки разновременные, от X тысячелетия до первой половины V тысячелетия до н. э., некоторые перекрывают друг друга. Особенно сильное впечатление производит глубоко врезанное кремневым резцом изображение каменного козла (рис. 17, стр. 47). Вторая экспедиция в Кильва после 1932 г. расширила круг найденных петроглифов.

Находки в Кильва убеждают в правильности утверждений автора, который пишет: «Там, где есть дорога для путешествия, торговые перекрестки, водоемы, доставляющие некоторую возможность существования, животные, на которых можно охотиться ради пищи, пространства, где, по крайней мере, в продолжение некоторых частей года могут пастись стада, там люди и их собственность собираются и часто оставляют после себя тот или иной след своего пребывания на лице земли, хотя бы это была пустыня» (гл. II, стр. 49).

Гл. III (стр. 50—88), «Медные копи царя Соломона», переносит читателя в другой район Заиордания и повествует о детальной разведке по глубокой складке вадии Араба, от южной оконечности Мертвого моря до правого рукава Красного моря — залива Акаба. Местность теперь совершенно безлюдна, только весной появляются бедуины, но при набатейцах и римлянах на многих участках было развито земледелие. Для предшественников набатейцев вадия Араба имело громадное значение; за обладание им вели ожесточенную борьбу израильтяне и эдомиты, иудеи и моавитяне. Книга Числ, 33 рассказывает об «Исходе» евреев от Эцион Гебер через вадии Араба до библейского Пунон, ныне называемого Фейнан. Несколько европейцев (Мусиль, Блек, Киркбрайд, Хед, Хорсфилд) сообщали о существовании минералов в вадии. Чтобы установить направление древней дороги и уточнить вопрос о минеральных богатствах, объединенная экспедиция Американской школы исследования Востока в Иерусалиме, Еврейского колледжа в штате Цинциннати и Заиорданского отдела древностей обследовала вадии Араба весной 1943 г.

На протяжении полутора километров, не считая разветвлений маршрута, экспедиция открыла много пунктов древней металлургии. Неведомая ранее крепость Хирбет Хамр Ифдан в тридцати километрах от Мертвого моря и заградительные стены прикрывали с севера доступ в серию вадии. Крепостной холм усеян черепками железного века, эпохи израильских и иудейских царей и особенно времени царя Соломона. Отсюда шли пути к козням и плавильням, большим и малым, легко опознаваемым по черным шлакам и отвалам.

К числу крупных пунктов металлоплавки принадлежит Хирбет Нахас, т. е. «Медные руины». За мощными стенами происходил процесс плавки руды, детали которого еще не установлены, но характер сырья, продукции и отходов производства совершенно ясны. Помимо укрепления, в близком соседстве производилась выплавка в нескольких

местах. На рис. 26 представлена плавильная печь, образец многих других. Горны сохранились лучше, чем на Синае.

Другой важный центр металлообработки—древний Пунон, т. е. Фейпан, в системе вади Гевейр, замечательного тем, что проточная вода с холмов Эдома в нем не иссякает. Здесь Алоис Мусиль обнаружил шахту, а Франк плавильную печь. Поселения в Фейпане распределяются по стилю черепков от конца раннебронзового периода до настоящего времени, но главная масса обломков принадлежит веку железа, между 1300—600 гг. и соответствует главному периоду добычи меди (стр. 68—69) Выработка продолжалась и при набатейцах.

Вади Араба обладают значительной сырьевой базой: древние копи расположены в пещерах с меденосными жилами Умм ал-Амад, т. е. «Мать столбов» к югу от Фейнана; набатейские плавильни и залежи сырья находятся в ас-Сабра, на 7 км южнее набатейской столицы Петры, не говоря про мелкие разработки эпохи Соломона, набатейского царства или арабского халифата.

Продвигаясь к югу, экспедиция находила остатки деятельности оседлого населения, например Бир Мазкур в 25 км к югу от Фейнана (стр. 72), следы оживленного караванного движения, как видно по каравансарая Гарандель с круглым бассейном или Гадьян с колодцем и источниками.

В южном отрезке вади Араба самые богатые залежи меди экспедиция нашла в Джебель Менейе, в 38 км от залива. Из семи пунктов металлоплавки этого района в одном сосредоточено до двадцати плавильных печей; есть руины и керамика, начиная с эпохи Соломона. Защитой вади Араба с юга служил акрополь Хирбет Иенейе, антипод северному заграждению с Хирбет Хамр Ифдан (стр. 77; ср. стр. 56). Ближе к заливу также оказались остатки плавки около Мрашраш (рис. 39) у сев-зап. угла залива Акаба; другой пункт разработки через шахты и колодцы нашел Франк в глубине вади Мера, в 8 км от залива, напротив острова Фар-ун. Здесь же была найдена и набатейская надпись.

Так, шаг за шагом объединенная экспедиция выяснила совершенно своеобразный характер культурных наслоений вади Араба и его основную роль. Вади Араба—единственное место обработки меди во всей Палестине и Заиорданье в бронзовом веке, поэтому оно и было «яблоком раздора» между эдомитами и израильянами. Н. Глюк допускает возможность связи с Синаем при фараонах XII, XVIII и XIX династий (стр. 69).

Датируемые разработки медных и железных руд в вади Араба дают новые опорные пункты для истории библейских стран. Н. Глюк предполагает, что залежи меди эксплуатировались эдомитами и кенитами задолго до появления израильтян. Женитьбу Моисея на кенитянке автор сопоставляет с эпизодом с «медным змием» и привлекает рассказ о меднике и кузнеце Тубал-Каине, изготовителе медных и железных орудий. Библейскую «Долину кузнецов» Н. Глюк отождествляет с вади Араба, «Город меди»—с Хирбет Нахас. Согласно Библии, отдельные кениты пребывали в Иудее; это приводит Н. Глюка к рассуждениям о странствующих кузнецах. Автор совершенно игнорирует взгляды на этот вопрос E. Herzfeld, обстоятельно изложенные в книге «Iran in the Ancient East», 1941 г. и основанные на том же отрывке из Библии¹, не считается с теорией Richardson и с положениями акад. Н. Я. Марра.

По данным археологической разведки, металлургия в вади Араба достигала максимального размаха при Соломоне. Констатируя интенсивность ее в железном веке, автор ставит вопрос, как могла она поддерживаться в тех условиях, которые создала природа: скудный запас, местами полное отсутствие воды, жара и засухливость, отсутствие топлива для раскаливания горнов. По мнению Н. Глюка, пища доставлялась караванами ослов, подобно организации работ на Синайском полуострове (стр. 64); эта гипотеза, повидимому, удачна. Еще интереснее разъяснение относительно горючего (стр. 65): топливо в виде древесного угля подвозилось непрерывно караванами

¹ См. В. А. Крачковская. Новый труд Э. Герцфельда по истории культуры древнего Ирана. КСИИМК, XII, изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 180.

с гор Эдома, покрытых густыми лесами; это не вымысел, так как леса вырублены лишь в 1914—1918 гг. турками и сейчас еще горные склоны покрыты множеством пней.

Н. Глюк особо подчеркивает описание «Обетованной земли» в Библии, со всеми ее благами..., «камни которой—железо и из холмов которой ты можешь копать медь...»; он утверждает, что последние слова цитаты применимы только к вادي Араба (стр. 87); и они согласуются с ролью меди в строительстве Соломона.

Гл. III заканчивается сводной таблицей процентного содержания меди и железа в породе и шлаках из восьми пунктов вادي Араба. Наивысшие цифры оказались около Петры, в ас-Сабра—63,2% железа. Анализы произведены Джоном Вебер из Университета в Цинциннати.

О торговле и торговых связях Иудеи времени Соломона автор судит также на основании библейского текста. Иудея выступала в качестве посредника между хеттами, арамейцами, Египтом и Аравией: из Египта вывозились кони и колесницы, перепродавались царям хеттов и арамейцев. Соломон создал флот с финикийской командой, который с грузом меди отправился в Офир из порта Эцион-Гебер и возвратился, нагруженный золотом и другими импортными товарами. После Соломона, Иосафат пытался возобновить морскую торговлю, но неудачно: суда разбила буря (стр. 85).

Гл. IV, стр. 89—113 озаглавлена: «Эцион-Гебер: морской порт Соломона». Автор напоминает, что название Эцион-Гебер было давно известно, как место краткой остановки израильтян во время странствий в пустыне; что они оставили Эцион-Гебер позади, когда двигались в Моав через Ям Суф, т. е. по вادي Араба. Вопрос локализации Эцион-Гебер связывали ранее с теорией отступления залива Акабы, причем считалось, что берег Красного моря отходил на 25—35 км за 1000 лет. На исторических картах Эцион-Гебер помещали иногда на северном берегу залива Акабы; заметим попутно, что так отмечено и на карте в Истории древнего Востока Б. А. Тураева, т. II, 1935 г., под редакцией В. В. Струве и И. Л. Снегирева.

Наконец, в 500 м от залива Фритц Франк открыл городище Телль Хелейфа, подъемная керамика которого совпадала с массой образцов из вادي Араба. При этом сообщении Н. Глюк напоминает (стр. 91) про добычу меди над самым заливом в эпоху Соломона и что набатейский город Айла лежал восточнее городища и существовал до феодального периода.

В 1938 и 1939 гг. экспедиция произвела раскопки Телль Хелейфа. Она установила весьма неблагоприятное расположение городища: его обдувают свирепые ветры из вادي Араба и заносят пески, вода доступна только начиная с этого пункта и возрастает количественно к востоку. Разгадку странного выбора поселения дали раскопки холма, описанные на стр. 92 сл. В северо-западном углу городища, некогда обнесенного мощными стенами из сырца, с уступчатым фундаментом, в основании 5 м, было раскрыто здание с десятью помещениями совершенно исключительного устройства. Стены и перегородки здания пронизаны горизонтально дымоходами и каналами для притока воздуха с расчетом использовать преобладающее направление ветра из вادي Араба. Это металлоплавильня усовершенствованного типа; в ней перерабатывали и очищали первичную грубую выплавку, а также производили отливки изделий; рисунки 45—48 изображают устройство оригинального здания, но образцы изделий, к сожалению, не представлены.

Раскопками установлены четыре периода существования города. Три первых города погибали от пожаров, возобновлялись на прежнем месте, первые два—без изменения плана, но с переустройством тройных ворот. Первоначальный тип ворот и кладка стен соответствуют приемам архитектуры эпохи Соломона. Четвертый слой Эцион-Гебер лежит выше на 3,5—4 м, руины почти исчезли, кирпич иного типа. В третьем слое Эцион-Гебер были сделаны важные находки: остатки сабейских писем на глиняных кувшинах, один кувшин с маркой мастерской, египетский амулет в виде кошки, печати и др. По-иному характеризуют жизнь в Эцион-Гебер III и IV периоды медные и железные гвозди, необычно свитые канаты исключительной прочности, рыболовные крючки, оружие, медные блюда, ткани, корзины.. Однако автор

не попытался проследить, проникали ли медные изделия из Эцион-Гебер в Палестину времени Соломона и нет ли аналогий с находками в южной Аравии.

Верхний слой Телль Хелейфа датируется серединой V в. по краснофигурной и выродившейся аттической чернофигурной керамике (стр. 110); того же периода и арамейские острака.

В гл. V (стр. 114—157) «Эдом, Моав, Аммон и Гилеад» устанавливается, какова была цивилизация Заиордания в XXIII—XX вв. Сильно укрепленные города-государства с высоко развитой земледельческой культурой были рассеяны к югу от Геразы, по краям плато и над обрывами вади, спускающихся к Мертвому морю. Положение исчезнувших и перепаханных городищ определяется по керамике бронзового века ручной работы. Таковы обширные, теперь сильно запущенные террасы у подножия Хирбет Умм Седейра (стр. 115—116, рис. 61) на северном склоне вади Хеса. Черепки бронзового века найдены возле бывших стен ал-Мудаувара, на обрывистом холме южного Моава, вдоль северного склона вади Муджит и во многих других пунктах. Неожиданно в 180 км от Геразы в 1939 г. на уединенном холме с прекрасно сохранившимися террасами были найдены стены, ограджавшие его макушки (эскизный план на рис. 65). В кольце бывших стен Хирбет Искандер видны остатки домовых фундаментов и множество черепков; правая часть городища усеяна кольцами менгиров и крупными менгирами до 3 м высоты (рис. 62). К тому же периоду автор относит долмены и долменные поля Заиордания (стр. 118—120, рис. 64).

Н. Глюк констатирует перерыв до 600 лет между раннебронзовой культурой и поселениями железного века (стр. 121); «одно из поразительных отличий древних городищ Палестины от городищ Заиордания... это именно частота холмов в Палестине и их отсутствие в большей части Заиордания», за исключением долины Иордана. Он полагает, что племена, населявшие Заиордание в начале железного века, не нашли недавно покинутых поселений, а там, где они встретились, сносили их до основания и строили заново, изгнав бедуинов. В конце XIV и в XIII в. семитические племена разделили Заиордание. Линия эдомских крепостей простирается вдоль границ царства к юго-востоку и на границе с пустыней с юга; впоследствии они были включены в сеть набатейских укреплений, которые выдвинулись в сторону пустыни еще глубже. «Археологическая разведка Эдома открыла, почему иноземная группа не могла войти на его территорию без позволения. Отказ в разрешении—и просители поневоле должны повернуть в сторону, как вынуждены были сделать израильтяне» (стр. 128). Границы Моава были защищены подобно Эдому (стр. 134 сл.).

На внутренней территории царств населены были только города-крепости или сторожевые посты. Керамика Моава, Эдома и их современников в Заиорданье XIII—XI вв. сходна с палестинской: она покрыта красной или коричневой обмазкой, сильно отполирована и расписана темнокоричневыми горизонтальными полосками; иногда добавлены белые полосы (рис. 77). Среди находок выделяются многочисленные фигурки божеств—покровителей плодородия и фигурки животных.

Гл. VI (стр. 158—200) посвящена специально «Цивилизации набатейцев», которой автор касался попутно в предшествующих главах. Носители этой культуры были предшественниками бедуинов до-исламской Аравии. Напомним, что культура и археология набатейского царства исследованы гораздо больше, чем культуры, освещенные в предыдущих главах книги Н. Глюка. Новейшие разведки чрезвычайно расширили и обогатили имевшиеся сведения.

Набатейские укрепления воссоздаются на местах эдомских и моавитских, в руинах находятся черепки того и другого периода; но оборонительная сеть набатейцев расширилась и улучшилась. Набатейцы проявили высокую одаренность и необычайное трудолюбие. Прогресс земледелия был достигнут благодаря развитию ирригации и каптажа влаги, которая появлялась обильно, но на короткий срок. Были осуществлены грандиозные инженерные работы, благодаря мастерству камнерезной техники. Сюда принадлежат цистерны и плотины, лестницы в горных массивах и расселинах, желоба и каналы, высеченные в скалах с использованием естественных трещин. Американская школа исследования Востока зарегистрировала более 500 наблюдательных

башен, но жилые дома, как и храмы и мавзолеи, во многих местах высечены в скалах. Таковы ниши Шейх ар-Риш (рис. 102), посвященные божеству Зу-Шара (не считая ранее известного святилища в Петре), грот с «троном» Зу-Шара в Села, обращенный к восходящему солнцу (рис. 100). Местность села около Бусейра замечательна и другими памятниками, например остатками жилищ, вырубленных в скалах (рис. 99), плотинной или совершенно исключительным по идее использованием конусоидального пика под высеченную в нем сверху цистерну (стр. 168, рис. 98).

Совершенно новы сведения о монументальной росписи. Жилища расписывали по обмазке широкими красными, синими и зелеными полосами. Следует отметить важность этого наблюдения экспедиции для понимания декорации омайядских замков, особенно Карс ал-Хейр в Сирии. Некоторые росписи, например, в ал-Баред отличаются реалистической трактовкой растительных мотивов (стр. 163, рис. 95).

Экспедицией собрано множество образцов набатейской керамики. В раннем периоде она отличается тонкостью фактуры, толщина стенок подобна яичной скорлупе. В росписи красно-коричневатым тоном встречаются мотивы растительные, например пальмовый лист, но также и крапление (на рис. 106 представлено 44 фрагмента). Другой тип керамики покрыт линейными или рубчатыми узорами, которые нередко вытиснены посредством отката круглого штампа (рис. 107). Н. Глюк, судя по остаткам керамики, утверждает, что северная граница набатейской территории простирается от северной оконечности Мертвого моря к Мадебе и что набатейская керамика, найденная в Сирии,—результат импорта через ваді Сирхан (стр. 175).

Переход набатейских племен от кочевого образа жизни к оседлости, согласно Диодору, совершался между IV—II вв. до н. э.; по Страбону—они живут в каменных домах, занимаются земледелием и виноделием. Виноградная лоза характерна для искусства набатейцев; поэтому понятно, что у них существовал культ плодородия.

В Заиорданье обнаружены новые посвяительные надписи (между прочим в честь главного божества Зу-Шара) на набатейском и греческом языках, благодаря которым значительно расширяется набатейский пантеон. Особенно важно открытие храмового комплекса (стр. 179—198) Хирбет Таннур на вершине горы в верхнем отрезке ваді Хеса, раскопки которого производила объединенная экспедиция. За внешним порталом с восточной стороны находится первый двор; 15,6 кв. м вымощены плитами, с каналами для отвода воды. С северной стороны двора поднимается платформа на две ступеньки выше; на ней высилась крытая колоннада, а у сев.-восточного угла—постамент алтаря (рис. 112). С запада четыре ступеньки ведут на платформу со святилищем, которое трижды расширялось. Многие архитектурные и скульптурные фрагменты позволяют восстановить первоначальный вид главнейших частей храма, как-то: отделку входа на платформу со святилищем, портал святилища II периода; они свидетельствуют о высоком художественном уровне строителей Хирбет Таннур. Представленный в этом храме пантеон в Петре не обнаружен: бюст Атаргатис (над входом) в образе богини цветов и плодов, весь тонко завуалированный листвою; Тихе с короной на голове, окруженная знаками зодиака; на пилястрах—бюсты Атаргатис с колосьями, как покровительницы урожая или как покровительницы рыболовства; изображения Хадада. Н. Глюк правильно отмечает следы эллинистических или парфянских влияний: достаточно сравнить со скульптурами Хирбет Таннур воинственное божество из Дуры на Евфрате или Атаргатис в согопа muralis.

Храм второго периода точно датируется votивной надписью от второго года правления царя Харетат—Аретаса IV, что соответствует 7 г. до н. э. Текст прочтен Савиньяном, известным издателем набатейских надписей Хиджры, у южного предела набатейского царства. Вся история Хирбет Таннур укладывается между 25 г. до н. э. и 125 г. н. э. (стр. 197).

Книга Н. Глюка заканчивается выводом, что набатейцы были одним из самых замечательных народов, встречавшихся в истории.

Подводя итог, следует признать, что работа Н. Глюка насыщена необычайно свежими материалами, имеющими громадное значение не только для изучения археологии Заиорданья и прилегающих к нему частей Ближнего Востока. Изумителен ее охват

от неолита до эпохи феодализма. Библейские тексты оживают, благодаря иллюстрациям данными археологии. Петроглифы и менгиры чередуются с крепостями и замками. Безлюдное пространство озаряется отблеском интенсивной деятельности в эпоху библейских царств. Приоткрываются тонкие детали неуспяного земледельческого труда и быта. Совершенно исключительна картина металлообработки в Эцион-Гебер и вادي Араба: такого центра и таких подробностей металлургического процесса, какие были прослежены между Мертвым морем и Акабой, мы не знали на всем протяжении культуры, восходящей ко II—I тысячелетию до н. э., несмотря на то, что отдельные районы, например Луристан в западном Ираке, дали огромное количество находок.

Книга снабжена очень интересными иллюстрациями, и далеко не последнее место в ней принадлежит керамике, которая служит надежным путеводителем даже там, где нет ни надписей, ни руин. Будем надеяться, что материалы заиорданских экспедиций вскоре будут опубликованы полностью и систематизированы, чтобы все заинтересованные специалисты могли извлечь из них максимальную пользу.

В. А. Крачковская

CHILVER' G. Cisalpine Gaul. Social and economic history from 49 b. C. to the death of Traian. Oxford, 1941, VI + 232 p.

В своей книге Чильвер ставит себе целью дать полную картину развития Северной Италии в течение I в. н.э. и выяснить причины ее упадка, начавшегося к концу этого периода.

Основными его источниками являются Страбон, оба Плиния и надписи. Выбор темы автор обосновывает своеобразием Цизальпинской Галлии, которая, по его словам, отставала в своем развитии на полвека от остальной Италии, приближаясь по характеру к Нарбонской Галлии и Бетике. Изучение Цизальпинской Галлии, говорит Чильвер, может пролить новый свет на пути и результаты романизации провинций империи.

Остановившись на городах и средствах сообщения рассматриваемого района Чильвер переходит к тщательному анализу всех категорий населения: туземных племен—кельтов, венетов и ретов; ветеранов и солдат, поселенных в Северной Италии или происходивших оттуда; горожан и землевладельцев. Он прослеживает карьеру членов нескольких значительных североиталийских семей, дает список крупных чиновников, сенаторов, консулов—уроженцев Цизальпинской Галлии. Далее он рассматривает данные о сельском хозяйстве, промышленности и торговле и заключает свое исследование главой о религии и культуре Цизальпинской Галлии, главным представителем которой он считает Вергилия.

Заключение о положении местных племен Чильвер делает, главным образом, на основании данных ономастики. Он приходит к выводу, что значительная часть этих племен жила на городских территориях и имела право латинского гражданства, те же, которые не были атрибуированы городам, оставались peregrini. Постепенно и те и другие становились римскими гражданами (главным образом в связи со службой в армии), оставаясь, однако, в низших классах, доказательство чему он видит в том, что многие из новых граждан становились севирами, как и толькоотпущенники. Совершенно справедливо замечание автора, что вопрос о туземном населении представляет особый интерес, «отчасти поскольку слишком часто игнорируется наличие в самой Италии не-граждан, а отчасти, поскольку их положение и отношение к ним Рима типично для всего процесса романизации... интересно наблюдать конец этого процесса в Цизальпинской Галлии, возможности, предоставлявшиеся Римом здесь, как и в провинциях, туземному населению, и реакцию последнего в виде ассимиляции» (стр. 80).

Нельзя, однако, согласиться с тем, что процесс романизации здесь вполне закончился к концу I в., как утверждает Чильвер. В известной надписи из Тергесты (CIL

V, 532) мы читаем, что Антонин Пий разрешил городу выбирать магистратов и приобретать, таким образом к римскому гражданству наиболее богатых из карнов и каталов—кельтских племен, атрибуированных городу Августом. Следовательно, еще в середине II в. часть жителей не являлась римскими гражданами. Возможно, что такое положение имело место и позже. Так, один диплом Филиппа Араба от 247 г. выдан солдату флота *patione italo*; другой диплом, Деция, от 249 г. выдан солдату из города Атесты. В одной надписи, видимо III в., группа солдат легиона VI *Victrix* называет себя *cives italici* (СИЭ, VII, 1905); возможно, что они также не были римскими гражданами. Во всяком случае, очень ценно, что автор привлек внимание к этому вопросу и дал ему возможно полное освещение хотя бы для I в. н. э.

В связи с вопросом о гражданстве он рассматривает и данные о солдатах из Северной Италии, которые в I в. служили, в основном, в рейнских и дунайских легионах. Подробно анализируя эпиграфические свидетельства, Чильвер опровергает утверждения Ростовцева как о том, что армия состояла исключительно из деклассированных пролетариев, так и о том, что после устранения из армии прочих италийцев недоверьявшим им Веспасианом уроженцы Северной Италии продолжали играть в ней значительную роль. По наблюдениям Чильвера, состав армии был самый разнообразный, в число солдат входили и магистраты, и члены их семей, и peregrini. После 70 г. легионеров, происходящих из Цизальпинской Галлии, становится мало, зато почти все преторианцы в конце I и во II в. набираются из этого района. Эту перемену он связывает с развитием Северной Италии, поскольку, по его мнению, чем более цивилизовалось и романизовалось население, тем менее пригодным оно становилось к военной службе (стр. 123 сл.).

С выводом о разнообразном социальном составе армии вполне можно согласиться. Второй же вывод автор должен был бы попытаться связать со своими наблюдениями над изменениями, происшедшими в экономике Цизальпинской Галлии за рассматриваемый период. По его словам, первая половина I в. характеризовалась здесь большими предприятиями, вторая половина—крупными состояниями (стр. 182).

Чильвер подробно анализирует данные источников о сельском хозяйстве и «промышленности» Цизальпинской Галлии. Он считает, что наибольшую роль играл экспорт вина и масла в придунайские области, тогда как зерна с трудом хватало на нужды местного населения. В промышленности, за исключением шерстяной, экспорт не был особенно развит, зато металлургия (особенно добыча и обработка железа), керамическое и стекольное производства в первую половину I в. получили значительное развитие.

С 60 гг. «промышленность» и торговля приходят в упадок, остаются только мелкие мастерские, принадлежавшие, главным образом, вольноотпущенникам, да и те постепенно исчезают. Кризис наступает и в сельском хозяйстве, где мелкое и среднее землевладение сменяется латифундиями, обрабатываемыми арендаторами вместо рабов. Эти арендаторы должны были разоряться, и земля часто оставалась необработанной (стр. 151). По мнению Чильвера, концентрация земли вызывалась частично неумением поселенных там Августом колонистов-ветеранов вести хозяйство, частично же тем, что лица, нажившие большие состояния в торговле и промышленности в период их процветания, вкладывали деньги в покупку земли. Став крупными землевладельцами, они стремились занять высокие должности в Риме (именно ко второй половине I в. относятся многочисленные сенаторы и консулы из Северной Италии), забрасывают хозяйство, теряют связь с родными городами, где на муниципальные должности начинают выбирать лиц среднего достатка. Это приводило к разорению городов и назначению *curatores rerum publicarum*. По мнению Чильвера, на экономический упадок повлияло и перепроизводство в сельском хозяйстве, в частности в виноделии. Однако на основании данных известной велейской таблицы, он заключает, что кризис этот и упадок не были безвыходными. С помощью центрального правительства кризис был если не окончательно изжит, то значительно ослаблен.

Автор, таким образом, объясняет случайными моментами наступление экономического кризиса и его ликвидацию. Он не учитывает, что за субъективными целями и намерениями отдельных лиц скрываются независимые от их воли объективные причины;

основная причина кризиса и упадка—рабовладельческий строй общества и связанный с ним натуральный характер хозяйства, не позволяющие «промышленности» развиваться дальше ограниченного предела. Если применить к античному обществу капиталистические категории «промышленность», «перепроизводство», то это лишь затемняет действительную картину упадка и его причин. Упадок продолжался и впоследствии. Об обеднении городов свидетельствует и вышеупомянутая надпись из Тергесты, поскольку жители этого города должны были привлекать к несению муниципальных должностей богатых карнов и каталов, и надпись из Аквилей в честь Миниция Итала (СИЛ, V, 875), добившегося у Траяна разрешения привлекать к несению повинностей incolae города.

Что рост земельной концентрации, падение промышленности и торговли и разорение городов—явления не случайные для городов Цизальпинской Галлии, видно из того, что они затем постепенно наблюдаются и в других частях империи. Особенно ясно весь этот комплекс симптомов кризиса можно проследить с конца II в. в галльских провинциях. Интересно, что работа Чильвера позволяет лишний раз проследить взаимозависимость этих симптомов, притом для такого раннего периода. Возможно, что все эти факторы обусловили и падение роли Цизальпинской Галлии в комплектовании легионов, поскольку соответственное положение в провинциях сопровождалось обычно нехваткой людей. Те из уроженцев Северной Италии, которые вербовались в армию, шли на пополнение преторианских когорт, поскольку в этот период для службы в гвардии предпочитали брать более романизированные элементы.

В вопросе о культах Цизальпинской Галлии ничего особенно нового Чильвер не дает. Интересна его попытка определить социальный состав почитателей восточных богов—Изиды, Сераписа, Митры. Он приходит к выводу, что это были, в основном, вольноотпущенники греческого и восточного происхождения, хотя начинавший проникать в Аквилею культ Митры имел и приверженцев из высших классов, судя по найденному там богатому митреуму (стр. 195). Из кельтских богов почитался лишь Белленус, культ которого процветал в Аквилее во все время империи.

В быстрой романизации религии Чильвер видит одно из доказательств слабо выраженной индивидуальности местного населения. К этому же заключению его приводит анализ памятников искусства и, главным образом, творчества Вергилия.

Безинициативность населения, пишет он, привела к тому, что оно не могло само, без помощи центрального правительства ликвидировать начавшийся экономический кризис (стр. 230).

В этом утверждении опять-таки отражается его взгляд на этот кризис как на нечто случайное, а не как на одно из проявлений общего хода экономического и социального развития империи.

Такой поверхностный подход к «социальной и экономической истории» типичен не для одного только Чильвера. Это—порок буржуазной историографии, оперирующей обычно «вечными» социально-экономическими категориями и совершенно не интересующейся производственными отношениями. И Чильвер сообщает подробные данные об отдельных социальных группах, но не делает даже попытки охарактеризовать их взаимоотношения.

Е. М. Штаерман

Заметки о книгах

STEINDORFF and K. C. SEELE «When Egypt ruled the East».
The University of Chicago Press, Chicago, Illinois, 1942, 284 стр., 109 илл.

Новая работа Штейндорф и Зееле представляет собою прекрасно изданную и обильно иллюстрированную книгу. Авторы в предисловии указывают, что «История древнего Египта» Дж. Г. Брестеда в настоящее время уже давно нуждается в попол-

нениях и уточнениях, так как обилие нового материала, открытого за годы, истекшие после ее опубликования, вносит существенные коррективы в наши знания истории Египта; авторы, тем не менее, не берутся дать новую работу взамен устаревшего Брестеда и ограничиваются пока обзором только «золотого века» египетской истории, того времени, «когда Египет правил Востоком», т. е. периодом XVIII—XIX династий. Предшествующие и последующие периоды даются поэтому в виде чрезвычайно кратких очерков, служащих как бы введением и заключением к основной теме книги.

В соответствии с таким планом книга построена следующим образом. В первой главе рассказывается о том, «как был найден утерянный ключ к древнему Египту», т. е. в ней дается очень краткая история дешифровки иероглифов и не менее краткий очерк исторической географии Египта и этнического состава его населения.

Вторая глава посвящена истории Древнего и Среднего царств, причем авторы принимают следующее ее построение: первое объединение Севера Египта (столица Бехдет) и Юга (столица Омбос) происходит под главенством Севера с общей столицей в Гелиополе; затем следует распад на два царства, причем столицей Севера становится Буто, столицей Юга—Эль-Каб, после чего происходит новое объединение под главенством Юга; объединителем является Менес, а общей столицей—Мемфис. Социальная революция происходит между Древним и Средним царствами. Истории XIII—XIV династий посвящается всего несколько строк, после чего следует третья глава, целиком отведенная гиксосам, и четвертая, повествующая об освободительной войне с последними.

С пятой главы начинается обзор основной темы книги. В этой главе мы видим очерк политической истории Египта с момента смерти Аменхотепа I до смерти Хатшепсут. Начало этого очерка представляется нам спорным, в частности во взаимоотношениях Тутмоса I и Аменхотепа I (авторы считают, что жена Тутмоса I, Яхмес, была сестрой Аменхотепа I, тогда как она была его дочерью от царицы Яхотеп II). Зато последовательность Тутмосов не вызывает такого сомнения, так как авторы придерживаются схемы Масперо, уточненной и принятой у нас академиком В. В. Струве и подтвержденной данными многолетних раскопок Уинлока в Дейр аль-Бахри.

Шестая глава посвящена очерку положения Западной Азии в середине II тысячелетия до н. э., седьмая—завоеваниям Тутмоса III и восьмая—деятельности его преемников—Аменхотепа II, Тутмоса IV и Аменхотепа III. При всей живости некоторых характеристик (Аменхотеп II) эти главы в сущности не вносят ничего нового и цифры добычи, и эпизоды из *Анналов* обычны, из видных деятелей этого времени сравнительно подробно представлен только Аменхотеп, сын Хапу, причем и в его строительных работах не сделаны те уточнения, которые позволяет сделать более тщательный анализ его биографической надписи.

Следующие главы посвящены характеристике административного управления Египтом времени XVIII династии (гл. IX), его внешним сношениям (гл. X) и его культуре (главы XI—XIII). По своему содержанию три последние главы, в которых описываются литература, наука, религия и искусство XVIII дин., выходят за пределы основной темы книги, так как вследствие того, что она рассчитана не только на специалиста, авторы вынуждены в каждом разделе предпосылать краткий обзор предыдущей истории данной отрасли египетской культуры. Это, с одной стороны, нарушает общую цельность книги, а с другой, приводит к краткой и менее углубленной характеристике основного периода.

XIV глава отведена царствованию Аменхотепа IV и его религиозной реформе, XV—Тутанхамону и реставрации. Характеристика амарнского периода в общем обычна и не может считаться достаточно глубокой, хотя корни его частично и прослеживаются, однако трактовка и начала этого периода и конца его представляются нам крайне спорными. Таково, в частности, разделение царской семьи на два лагеря—с одной стороны, Эхнатон и Сменхкара, стремящиеся примириться с фиванским жречеством, для чего Сменхкара переезжает с женой в Фивы; а с другой—«впавшая в немилость» Нефертити с «ее протеже» Тутанхатоном, ревностно придерживающиеся атоновской религии. Не менее сомнительно и утверждение авторов о браке Эхнатона с его

дочерью Анхнеспаатон («или до того, как она была обручена с Тутанхатоном, или после»—стр. 221) и о рождении у них дочери Анхнеспаатон младшей. В этой связи особенно хочется пожелать скорейшего опубликования нашим египтологом проф. Ю. Я. Перепелкиным его исследования истории Амарнского периода, которое могло бы уточнить многие неясности и положить конец ряду сомнительных гипотез.

Свой обзор Амарнского периода авторы заканчивают кратким очерком правления Сменхкара, Тутанхамона и Харемхеба, причем следует отметить осторожное и правильное описание погребения Сменхкара.

XVI глава содержит обзор истории Рамессидов, и последняя, XVII,—очень жаль, что изложение событий последних веков египетской истории.

Таково содержание разбираемой книги. Достигли ли ее авторы поставленной ими цели—пополнить «Историю» Брестеда—хотя на одном ее участке? Думается, что утвердительно ответить на это нельзя. Против этого в первую очередь говорит полное отсутствие ссылочного аппарата, являющееся очень существенным недостатком книги и тем более непонятным, что авторы стремились дополнить и уточнить работу Брестеда, очень полезную как раз своими ссылками на источники. Но и помимо этого, по самому своему характеру книга Штейндорфа и Зееле в целом ни по линии общего освещения исторического процесса, ни по углубленности анализа фактов, ни по исчерпывающему использованию последних не превосходит, с нашей точки зрения, соответствующих разделов работы Брестеда, несмотря на то, что авторы частично и приводят ставший известным за последние годы новый материал.

Большим достоинством книги является ее прекрасное оформление и в особенности высокое качество иллюстраций, умело подобранных и превосходно воспроизведенных, причем следует отметить как новые снимки (фасная фотография статуи Хатшеспут, рис. 9), так и редко приводимые, но очень важные и характерные (стела Британского музея с изображением престарелого Аменхотепа III, рис. 20; статуэтка Таи Каирского Музея, рис. 64; Луврский бюст царицы, рис. 79).

Проф. М. Матье

S. SMITH. Alalakh and Chronology. London. Luzac and Co, 1940, IV, 52 стр.

Монография Смита посвящена пересмотру взглядов на древневосточную хронологию, выставленных Тьюро-Данженом, Вейднером и Олбрайтом. Изложив эти взгляды, автор отмечает, что основным их недостатком является использование одних только письменных источников, которым не всегда можно доверять. Сообщения царей о своих предшественниках Смит считает мало достоверными, а многие цифры в так наз. «списках царей» ошибочными. Поэтому он предлагает проверить древневосточную хронологию на основании новых данных археологических раскопок, которые производились в течение последних 5 лет в древнем Алалах (теперь Atshanah в Сирии) под руководством Л. Woolley. Глиняные изделия из дворца, остатки которого были обнаружены в VII слое Алалаха, Смит датирует правлением 3 царей государства Ямхада (Jamhad) по имени Ярим-Лим (Jarim-Lim), Хаммураби и Никме-Эпукх (Nikme-Eruk). Первые два были современниками Рим-Сина из Ларсы и другого Хаммураби—из Вавилона. Смит полагает, что VII и VI слои Алалаха относятся к периоду времени приблизительно от 15 года правления вавилонского Хаммураби до года падения Вавилонской династии, что соответствует примерно 185 годам. В течение этого времени Алалах был провинцией Алеппо, и связанное с Алалахом в текстах «великое царство», по предположению автора, было упомянутым царством Ямхад. Автор замечает, что, согласно хронологии Олбрайта, этот период VII—VI слоя Алалаха следует датировать примерно 1860—1680 гг. до н. э. Но в таком случае названные выше цари Ямхада должны были быть современниками египетских фараонов XII династии, Сенусерта III и Аменемхета III, которые, как принимает и Смит, правили в Египте от 1879 по 1793 г. до н. э. Смит

считает такую датировку царства Ямхад невозможной, так как глиняные таблички из Алаха и сирийская печать указывают на египетское владычество в Сирии в эпоху XII династии, чем исключалась бы независимость царства Ямхад. Таким образом, древневавилонская хронология, предложенная Олбрайтом, расходится с общепринятой древнеегипетской хронологией. Автор отмечает также, что в хронологии Олбрайта имеется 50-летний перерыв в истории хеттов, тогда как археологический материал показывает непрерывность исторического развития страны хеттов от времени правления Хатушила I до XIV в. до н. э. Поэтому, отмечая, что археологические раскопки в Сирии подтверждают правильность перемещения дат в вавилонской хронологии в сторону более позднего (следовательно, более короткого) времени, автор полагает, что в хронологии Олбрайта это перемещение недостаточно велико. Дату, установленную Олбрайтом для правления вавилонского Хаммураби, Смит считает слишком ранней. В результате исследования автор дает свою хронологическую систему и хронологический список царей I вавилонской династии, в котором правление Хаммураби датируется 1792—1750 гг. до н. э. Пересматривая списки царей, Смит приходит к выводу, что обычное предположение о правлении первых касситских царей в Вавилоне произвольно. Касситское нашествие на Вавилон на 8 году Самсуилуна он трактует как начало касситской династии. Таким образом, Смит полагает, что начало касситской династии по времени совпадало с правлением последних царей I вавилонской династии. Автор отмечает, что его хронологическая система, основанная на археологических данных, полностью подтверждается письменными данными астрономических текстов. В заключение, на основании хронологической системы, установленной Смитом, излагается история города Алаха.

Т. Савельев

G. JEQUIER. *Douze ans de fouilles dans la necropole Memphite, 1924—1936*. Neuchâtel, Secrétariat de l'université, 1940, 163 p. avec ill. (Mémoires de l'Université de Neuchâtel, t. 15).

Книга профессора Невшательского университета, члена-корреспондента Institut de France Г. Жекье посвящена описанию результатов его недавних двенадцатилетних раскопок в одном из секторов Мемфисского некрополя, производившихся по поручению Service des Antiquités de l'Égypte. Предварительные отчеты автора о раскопках напечатаны в «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», 1928—1940, т. 25—36.

Описание раскопок дается на широком историко-археологическом фоне и сопровождается богатой иллюстрацией памятников, фотографиями и планами реконструкций. Комментарии к археологическому материалу дополняются ссылками на литературу вопроса. Район раскопок, богатый древними могилами, относящимися к важнейшим эпохам египетской истории, был заброшен со времени работ, проводившихся здесь 25 лет назад археологом Морганом в сотрудничестве с автором. Раскопки Жекье за 1924—1936 гг. дали много нового и ценного для науки материала. Открыт и обследован ряд памятников Древнего (III, IV и VI дин.), Среднего (XII—XIII дин.) и Нового царств (XVIII, XIX и позднейшие династии).

Из древнейших памятников раскапываемого района большой интерес для египетской истории и, главным образом, истории египетской архитектуры, по мнению автора, представляет ромбоидальная пирамида, не исследовавшаяся со времени раскопок Перринга в 1837 г. Жекье полагает, что она принадлежала последнему царю III дин., может быть Хуни, непосредственному предшественнику Снофру.

Единственным в своем роде архитектурным памятником является так наз. «мастаба-фараун», соединяющая в своем архитектурном стиле черты царской гробницы и мастабы вельможи. В противоположность Мариетту и Масперо, датирующим гробницу эпохой V династии, Жекье доказывает, что она принадлежала Шепсескафу, по-

следнему царю IV династии. Шепсескаф является единственным царем IV династии, гробница которого была неизвестна до этих раскопок. Жеке отмечает, что архитектурный стиль «мастаба-фарау» отличается от стиля всех пирамид IV династии и восходит к тинитским образцам гробниц. Он объясняет это политическим и религиозным кризисом, наступившим в правление Шепсескафа.

Наиболее значительными для науки являются многочисленные и разнообразные памятники, обнаруженные в некрополе Пепи II. Они дают много сведений по социально-политической истории и культуре Египта эпохи VI династии. Жеке классифицирует эти памятники по трем группам, соответственно социальному положению лиц, которым они принадлежат.

К первой группе он относит заупокойные памятники самого царя: пирамиду, гробницу, храм, галерею (портик), припирамидные строения. Подробно описывая пирамиду Пепи II и иллюстрируя это описание фотографией развалин пирамиды, автор отмечает, что ее архитектурный стиль 6-ступенчатой пирамиды и мелкий строительный материал свойственны всем пирамидам V—VI династий. Архитектурной особенностью пирамиды Пепи II является наличие цоколя (фундамент из больших каменных глыб), возведенного в чисто практических целях—для предохранения стен пирамиды от распада. Царская гробница Пепи II является наиболее поздним по времени примером типа царских гробниц, установленного египетскими архитекторами для конца IV династии. Жеке считает, что по богатству архитектурной формы, крепости строительного материала и прекрасной работе гробница Пепи II занимает первое место среди подобных памятников Древнего царства. Но основная ценность, по мнению автора, заключается не в упомянутых архитектурных качествах, а в том, что на стенах ее, как и на стенах немногих гробниц, в том числе Уны, Тети, Пепи I и Меренра, вместо украшений начертаны надписи, содержанием которых является одна из версий собрания заупокойных Текстов пирамид Древнего царства. Автор отмечает, что тексты в гробнице Пепи II более развиты, чем тексты других пирамид эпохи Древнего царства, занимают большую поверхность и написаны более мелко и уплотненно. К сожалению, испорчена как раз та глава Текстов пирамид, параллельной версией которой мы не обладаем в других гробницах. Большой интерес представляет корридор пирамиды Пепи II, стены которого украшены сценами, изображающими царский триумф над ливийцами, а также различные религиозно-ритуальные действия праздника возрождения природы, праздника Heb-Sed (царский юбилей) и т. п. Жеке считает, что содержание сцен царского триумфа не отражает реальных исторических событий, а символизировать собой «праздник избиения варваров». Описывая храм Пепи II, автор, на основании сцен на барельефах храма, в которых доминируют изображения царя, делает вывод, что храм посвящен не службе богам, а заупокойному культу. По мнению автора, внутренние помещения храма не представляют никакого интереса в архитектурном и религиозном отношении. Описывая зал статуй в храме Пепи II, от которых сохранились только ниши и один цоколь, автор отмечает, что подобное помещение свойственно всем храмам V и даже VI династии. Залы, используемые в качестве передних комнат интересны благодаря своим барельефам, изображающим сцены из загробной жизни царя и вельмож. Большой исторический интерес представляют сцены, изображающие процессию придворных, во главе с великим везирем, так как они сопровождаются надписями с именами и титулами изображенных лиц. Самым большим и красивым залом, расположенным в глубине храма, является святилище, предназначенное, судя по сохранившимся изображениям, для жертвоприношений. Но самые жертвы приносились, по мнению автора, на паперти, перед храмом. Некоторые фрагменты барельефов из этого зала не имеют параллелей среди подобных же памятников Древнего царства.

Подробно автор описывает статуи, сохранившиеся в гробнице Пепи II. Одна из них изображает Пепи II в детстве, в классической позе молодого Гора. Жеке отмечает также большое количество статуй (до сотни), изображающих пленных бедуинов и ливийцев. Подобные статуи редки в пирамидах Неусерра и Уны. Описание царских заупокойных памятников Жеке заканчивает портиком (галлереей) Пепи II, система

двух ходов которого контрастирует с одним центральным входом, но обычна для всех портиков Древнего царства.

Ко второй из упомянутых выше групп памятников Жекье относит гробницы цариц, имена которых—Нейт, Апуит, Уджебтен и Анхес-н-Пепи—до раскопок Жекье не были известны. Жекье отмечает, что, в противоположность царицам IV дин., жены Пепи II похоронены вне царской ограды, и их гробницы, представляющие собой Царские пирамиды в миниатюре, не входят в комплекс построек при царской пирамиде. Наиболее интересна в историческом отношении гробница царицы Анхес-н-Пепи, последней законной жены Пепи II, сын которой Неферкара был одним из непосредственных преемников Пепи II. К типу этих гробниц Жекье относит также гробницу неизвестного до сих пор царя Аба (конец VI дин.).

В третью группу памятников входят могилы частных лиц, от великих везирей до скромных жителей Мемфиса, похороненных в общих могилах. Особенно ценный для египтолога материал дают гробницы везирей, украшенные барельефами и надписями. В архитектурном отношении они представляют собой комбинацию обычного типа гробницы частного лица с типом царской гробницы.

Из памятников Среднего царства, обследованных Жекье, наибольший интерес представляют пирамиды двух фараонов XIII династии (Хенджера и одного царя, имя которого неизвестно), так как этот период египетской истории до сих пор очень мало известен. Некоторый интерес представляют также памятники XII династии, в частности фрагменты стен галлерей Сенусерта III, изображающие войска нубийских лучников и морские корабли. До этих раскопок мы не имели ни одного изображения египетского морского корабля, датируемого Средним царством. Жекье полагает, что названные фрагменты галлерей Сенусерта III свидетельствуют о морских сношениях Египта с Сирией в этот период египетской истории.

Памятники Нового царства, обнаруженные в районе раскопок, очень малочисленны. Жекье датирует их XVIII—XIX династиями.

Т. Савельева

VERGILIUS MARO, Aeneis, Издательство литературы на иностранных языках, Москва, 1946, 80 стр., 4 рис. и 1 карта, ц. 3 руб.

Вышедшее недавно в новой серии «Римские классики» учебное пособие «Энеида» содержит конец первой, всю вторую и четвертую книги эпоса. Вводная статья и комментарии к латинскому тексту принадлежат перу покойного академика Михаила Михайловича Покровского.

Следует прежде всего отметить приятное впечатление от внешнего вида книги. Радует глаз художественно, скромно и со вкусом исполненная обложка. Умело по содержанию эпоса подобраны и рисунки. Смерть Лаокоона и самосожжение Дидоны как нельзя более гармонизируют с содержанием II и IV книги эпоса. Вполне разборчиво дано факсимиле страницы одной из древнейших рукописей Энеиды.

Не вызывает возражений и подбор избранных мест. Книга является учебным пособием для студентов. Описание гибели Трои осветит и восполнит знания, почерпнутые из Гомеровского эпоса, а четвертая книга по своему художественному мастерству, пожалуй, лучше других способна дать представление о силе поэтического таланта Вергилия. Избранные места составляют, таким образом, одно связанное целое. Все же, несмотря на ограниченные размеры книги, хотелось бы среди отрывков из «Энеиды», пусть даже ценой конца I книги, видеть также описание щита Энея из VIII книги. Кроме параллели со щитом Ахилла из «Илиады» этот отрывок вскрывает идейный замысел и политическую целестремленность «Энеиды».

Вводная статья акад. М. М. Покровского является фактически перепечаткой с небольшими вставками его же статьи о Вергилии в «Большой Советской Энциклопедии». Характер вводной статьи—справки о Вергилии не вполне соответствует ее задаче—введению к изучению латинского текста избранных мест «Энеиды». Хотелось

бы видеть в такого рода введении прежде всего хотя бы краткое, но все же изложение содержания эпопеи и оценку значения именно изучаемых отрывков произведения.

Грамматические и просодические комментарии, вполне доступные для студентов II и III года обучения латинскому языку, даны постранично под текстом. Уместны, хоть и чересчур редки, указания на параллельные места у Гомера. Комментарии преследуют, повидимому, одну задачу: облегчить студенту самостоятельную работу над текстом и обратить его внимание на некоторые, в первую очередь просодические и стилистические особенности поэтического творчества Вергилия. С этой задачей автор комментариев блестяще справился. Все же желательным было бы, учитывая уровень подготовки аудитории, для которой предназначен комментарий, обогатить его краткими примечаниями исторического и литературного характера, одновременно исключив многократное и совершенно излишнее объяснение одних и тех же терминов, как, например: *carinae* вместо *naves* (II, 23; II, 179; IV, 46 и др.) или *lumina*, вместо *oculi* (IV, 364 и IV 369). Автор дает наименования грамматических терминов на латинском языке; следовало этот принцип проводить последовательно до конца. Встречаются часто опечатки в греческих словах (II, 374; II, 378 и др.), а иногда и в русском тексте (II, 347; IV, 215 и 216).

Весьма неудачно выражены графически отмеченные жирным шрифтом в тексте аллитерации. Отмеченных букв столько, что в них просто трудно разобраться. Кроме того в ряде случаев аллитерации весьма сомнительны. Так, например, в тексте

Est in conspectu Tenedos, notissima fama
Insula, dives opum, Priami dum regna manebant
(II, 20—21)

трудно видеть аллитерации в словах «in» и «insula», а также «dives» и «dum».

В нескольких местах (II, 76; II, 775 и IV, 273) отдельные строки даны не в тексте, а под ним. Повидимому, автор считал их интерполяциями. Но и в этом случае необходимо было оговорить причины такого выделения и объяснить их.

Приложенная в конце книги карта с отмеченным путем Энея во многом облегчит студентам изучение текста поэмы. К сожалению, не везде указаны места остановок Энея и его спутников, как, например, Drepanum и Actium; есть и ошибки (Cnossus через одно «s»).

В общем, несмотря на имеющиеся незначительные недочеты, книга оставляет прекрасное впечатление и несомненно будет принята с большой благодарностью как преподавателями, так и студентами.

Я. А. Ленцман

Обзор иностранных журналов по древней истории

THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES.

THE JOURNAL OF ROMAN STUDIES.

L'ANTIQUITÉ CLASSIQUE.

CLASSICAL PHILOLOGY.

CLASSICAL QUARTERLY.

THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES. volume LIX, 1939, Part I and II

—M. R o b e r t s o n, *Archaeology in Greece 1938—1939*, стр. 189—209. Краткий, иллюстрированный 3 таблицами и 5 фотокопиями, обзор археологических открытий и раскопок в Греции за 1938—1939 годы. Более подробно даны итоги раскопок Афинской агоры, дворца Нестора в Пилосе, находок в Олимпии и Микенах, а также раскопок на Крите: в Кноссе, Амнисе и Карфах.

¹ Обзор JHS, LIX, 1939, part. I, см. ВДИ, № 4, за 1940 г.

—А. J. В. W а с е , Мусенае, 1939, стр. 210—212. В 1939 году в Микенах производились раскопки развалин греческого храма, района Львиных ворот, сокровищницы Атрея и одного из больших жилых домов. Найдено довольно много фрагментов керамики. Итоги раскопок показали, что храм был построен уже в эллинистическую эпоху. Для сокровищницы Атрея установлен *terminus post quem* 1350 год до н. э.

—М. Z a n o t t i - B i a n c o, *Archaeological discoveries in Sicily and Magna Graecia*, стр. 213—228. Автор дает обзор археологических раскопок и открытий в Сицилии и Южной Италии в 1938—1939 году, подчеркивая при этом особенно удачные раскопки храма Аполлона в Сиракузах и недавно начатые археологические поиски в Метапонте, где найдено значительное количество греческих статуэток из терракоты, датируемых концом VII—началом VI в. до н. э. Повидимому, эти статуэтки находятся в связи с культом Артемиды и Аполлона. Много керамических изделий железного века было также найдено во время раскопок в Каннах. Обзор иллюстрирован 12 рисунками.

—J. E. P o w e l l. *The sources of Plutarch's Alexander*, стр. 229—241. Автор пытается определить источники, которыми пользовался Плутарх при составлении биографии Александра. Поддерживая гипотезу Кэрста о подложности так называемых писем Александра, автор доказывает, что Арриан и Плутарх пользовались одним и тем же источником и что этот неизвестный нам автор биографии Александра сам переработал данные Аристобула и Птолемея. К статье приложен греческий текст параллельных мест Плутарха и Арриана об Александре.

—М. N. T o d, *The progress of Greek epigraphy 1937—1938*, стр. 241—281. В своем обычном подробном обзоре достижений греческой эпиграфики за указанные два года M. N. Tod, кроме исчерпывающей сводки эпиграфических новинок, особенно подробно останавливается на данных VIII тома SEG и на работах: M. H o l l e a u x, *Études d'épigraphie et d'histoire grecques*; L. R o b e r t, *Études Anatoliennes* и *Études épigraphiques et philologiques*.

В разделе «Notes», стр. 282—288, опубликованы краткие сообщения: J. D. В e a z l e y: *The Epigram of Boupalos and Athenis* и A. Sakonides in Sydney (1 илл.); N. O a k e s h o t t, *Three Black-figured Vases in the Winchester College Museum* (3 илл.); B. A s h m o l e, *The same Methods* и S. C a s s o n, *Professor Gjerstad on Cyprus*.

THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES, volume LX, 1940

—M. R o b e r t s o n, *The excavations at Al-Mina, Sueidia, IV*, стр. 2—21. Продолжение публикации материалов Британского Музея о раскопках в Аль—Мина (см. JHS, LIX, 1939, стр. 1—44). Настоящая статья посвящена раннегреческим вазам, найденным в 5—9 слоях. Подавляющее большинство керамических фрагментов в верхних слоях—родосского стиля; керамика нижних слоев,—повидимому, кикладская. Уточнено происхождение части сосудов из Коринфа. Сосуды датируются периодом от начала VII до конца VI в. до н. э. Статья иллюстрирована 4 таблицами и 8 рисунками.

—J. D. В e a z l e y, *A marble lamp*, стр. 22—49. Исследование по истории ламп в древности. Подробно анализируются наиболее древние образцы каменных и мраморных ламп, преимущественно аттического происхождения. Автор считает, что древнейшие греческие лампы следует датировать не VI, а VII в. до н. э. Статья иллюстрирована 3 таблицами и 30 рисунками.

—А. Е. R a u b i t s c h e k, *Some notes on early Attic stoichedon inscriptions*, стр. 50—59. В связи с выходом в свет книги P. Austin, *The Stoichedon style*, автор уточняет и развивает в отдельных замечаниях некоторые положения Остина. В частности, отмечено большое значение посвящения Антенора Непарху (IG, I², 485). Несмотря на фрагментарность надписи, автор, вопреки мнению Остина, считает Антенора творцом стиля стойхедон и относит, таким образом, появление стойхедона к концу VI в. до н. э. Повсеместный переход к новому стилю Raubitschek связывает с развитием эстетического чувства у греков. Отмечается выдающаяся роль греческих художников в распространении стойхедона.

—B. L. Bailey, *The export of Attic blackfigured ware*, стр. 60—70. В статье дан анализ вывоза аттических чернофигурных сосудов в отдельные местности за период с 620 по 520 год до н. э. по двадцатилетиям. Данные археологических раскопок свидетельствуют о постепенном распространении аттической керамики сначала в северо-восточном, а затем и западном направлении. Значительный рост экспорта керамики в период между 600 и 580 гг. свидетельствует, по мнению автора, о «явно выраженном коммерческом характере реформы Солона» и о том, что цель эта состояла в развитии хлебной торговли с Причерноморьем. Быстрый рост аттического экспорта на запад (за исключением Сиракуз) после 550 г. автор связывает с торговой политикой Писистрата.

—N. G. J. Hammond, *The seisachtheia and the nomothesia of Solon*, стр. 71—83. Автор доказывает, что два места из Афинской Политии, касающиеся времени архонства Солона, не вызывают сомнения в правильности общепринятой даты архонства—594/3 года до н. э. По мнению автора, первый из отрывков подтверждает факт введения сисахфии в 594/3 г., а второй отрывок конкретизирует дату провозглашения законодательства Солона—592/1 год.

—W. W. Tarn, *Two notes on Seleucid history*: 1) Seleucus' 500 elephants; 2) Tarnita, стр. 84—94. В первой заметке автор показывает, что данные греческих источников о наличии в армии Селевка во время битвы при Ипсе 500 (Страбон), 490 (Диодор), или 400 (Плутарх) слонов—восходят к историку III в. Гиерониму или послу Селевка у Чандрагупты Мегасфену. Число 500 значительно преувеличено и взято, по мнению Тарна, из индусских источников, в которых оно обозначает просто большое количество.

Во второй заметке Тарн уточняет местонахождение ряда эллинистических городов Средней Азии, основанных Александром, Селевком и Антиохом. В частности, он считает, что встречающееся в санскритских текстах слово «Дармамित्रа» обозначает Деметрию Бактрийскую—современный Термез.

В разделе «Notes», стр. 95—98, опубликованы краткие сообщения A. S. F. Gow, *The Date of the Adonia*; R. E. Wycherley, *The Stoa Basileias*; W. Lamb и F. N. Pryce, *Sigillata from Lesbos*

THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES, volume LXII, 1942¹

—F. M. Cornford, *Was the Jonian philosophy scientific*, стр. 1—7. Статья является черновым наброском одного из разделов большой работы покойного автора о древнегреческой философии. По мнению автора, ионийская философия не оперировала научными методами и даже не знала понятия «опыт». В отличие от философии древнегреческая медицина развивалась эмпирическим путем. Борьба между «философским» и «медицинским» мировоззрениями в древней Греции сводится к противоречию между поэтическим и научным восприятием внешнего мира.

—F. W. Wallbank, *Olympichus of Alinda and the Carian expedition of Antigonus Doson*, стр. 8—13. Автор возвращается к надписи, найденной в 1934 году в Демиджидере в Карии и сообщающей о предоставлении неизвестным городом (вероятно, Алинда) права гражданства двум подчиненным Олимпиха, стратега Филиппа V Македонского. Wallbank приходит к выводу, что надпись отражает не начальный период связей Македонии с Карией, как это было принято считать раньше, а уже конечную фазу их взаимоотношений—время полного подчинения Олимпиха Филиппу V. Начало влияния Македонии в Карии следует отнести ко времени экспедиции Антигона Дозона в 227 г. до н. э.

—F. M. Heichelheim, *The Greek inscriptions in the Fitzwilliam museum*, стр. 14—20. Автор дает полный список 64 греческих надписей, хранящихся в указанном музее. В том числе впервые публикуются (минускулами) тексты 24 надписей.

¹ Обзор JHS LXI (1941), дан в ВДИ, № 1 за 1946 г.

Большинство новых текстов составляют votивные надписи и надгробия II и III в. н. э. из Египта.

—R. E. W y s h e r l e y. The Ionian agora, стр. 21—32. Автор анализирует архитектурную планировку, оформление и развитие центральных площадей в ряде древнегреческих городов: в Элиде, Милете, Приене, Магнезии, Пергаме (Нижняя и Верхняя агора) и Делосе. Классический тип ионийской агоры V в. до н. э. сохранился только в Элиде. В архитектурном замысле и оформлении агоры Милета и Делоса, по мнению автора, ясно виден торговый характер города. Пергамские агоры отличаются великолепием архитектуры. Наконец, стиль центральных площадей Приены и Магнезии характерен для небольших эллинистических городов. Статья иллюстрирована 7 планами.

—P. M a a s, The Philinna papyrus, стр. 33—38. Автор доказывает, что папирусы: Amherst 11 и Pap. Berol. 7504 в действительности являются частями одного и того же документа, названного им условно Philinna papyrus. Публикуемый текст относится к концу II или началу I в. до н. э. и состоит из нескольких магических заклинаний от различных болезней.

—F. J. F r i t s c h, The Nagru Tomb at Xanthus, стр. 39—50. Автор пытается определить время создания и характер Ликийской мраморной группы Nagru Tomb, находящейся уже более 100 лет в Британском музее. Fritsch считает, что Nagru Tomb является гробницей неизвестного ликийского сатрапа V в. до н. э. Особого внимания заслуживает оригинальное сочетание мотивов и форм греческого и восточного искусства.

—M. N. T o d, The progress of Greek epigraphy 1939—1940, стр. 51—83. В своем обычном обширном обзоре достижений греческой эпиграфики за указанные годы автор особенно тщательно анализирует документы первой части IX тома SEG и последние работы A. Wilhelm'a, L. Robert'a и B. D. Meritt'a.

В разделе «Notes», стр. 84—85, опубликовано краткое сообщение A. W. L a w r e n c e—The Alleged Fortifications of Cnossus (с двумя планами), дающее обзор укреплений Кносса Минойского периода.

THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES, volume LXIII, 1943

—A. M. W o o d w a r d. Greek history at the Renaissance, стр. 1—14. Автор описывает этапы проникновения классиков древнегреческой литературы в западноевропейскую науку в период между 1350 и 1502 г. Отмечается быстрое проникновение греческих классиков в Италию, начиная с первой половины XV в. К статье приложен список editiones principes греческих историков, а также и время и место их переводов на латинский и другие языки (стр. 13—14).

—W. F. J. K n i g h t, The Aeschylean universe, стр. 15—20. Попытка определить мировоззрение Эсхила на фоне общего настроения умов в Греции в эпоху греко-персидских войн.

—R. M e i g g s, The growth of Athenian imperialism, стр. 21—34. Анализ развития захватнической политики Афин автор считает необходимым начать с 60-х годов V в. до н. э. Развитие этой политики автор ставит в зависимость от трех факторов: 1) прихода демократической партии к власти в Афинах; 2) роста недовольства союзников, понуждаемых Афинами к выступлениям не только против Персии, но и против Спарты; 3) активизации внешней политики Персии после смерти Ксеркса. В отличие от Kolbe, Meiggs считает, что Афины вступили на путь захватов задолго до Каллиева мира, еще в 60-е годы V в. В качестве приложения к статье даны эпиграфические тексты эритрейских декретов.

—R. J. H o r p e r, Interstate juridical agreements in the Athenian empire, стр. 35—51. В статье дан обстоятельный анализ, места из Фукидида καὶ ἐλασσόμενοι γὰρ ἐν ταῖς ἐμφυλοαῖαις πρὸς τοὺς σὺνμάχους δίκαις (Thucyd. I, 77). Привлечено много эпиграфических источников, в частности, договоры Афин с Хиосом (implicite в IG I², 16), Митиленой IG I², 60 и Самосом (IG—II, 1, 1). Интересен юридический разбор понятия σὺμβόλαια

δίκαι. Автор считает, что это понятие меняло свое значение в зависимости от конкретного содержания каждого в отдельности договора Афинской державы с ее союзниками.

—G. T h o m s o n, *The Greek calendar*, стр. 52—65. Исследование по истории возникновения греческого календаря. Автор считает, что греческий календарь ведет свое происхождение из Месопотамии, причем общим источником системы месяцеисчисления во всех греческих полисах должен был быть календарь Минойской эпохи. Возникновение календаря автор обуславливает существованием сильной центральной светской или теократической власти. Интересна гипотеза о способе исчисления даты начала Олимпийских игр.

—J. D. B e a z l e y, *Groups of Campanian red-figure*, стр. 66—111. Большая, богато иллюстрированная (7 таблиц и 21 рисунок) статья представляет собой попытку сгруппировать воедино археологические данные о краснофигурных вазах Кампании. Автор приходит к выводу, что подавляющее большинство ваз—греческого происхождения. Кампанская керамика, несмотря на свой провинциальный характер, все же не варварская, а эллинская. По качеству она не хуже аттической керамики того периода. Характерно все же большое количество трещин, что, повидимому, вызвано несовершенной техникой отжига.

В разделе «Notes», стр. 112—120, помещены четыре кратких заметки: 1) M. N. T o d—A Greek Inscription from the Persian Gulf, сообщающая о нахождении в 1938 году на одном из островов Персидского залива греческой надписи, свидетельствующей о пребывании в этом районе афинянина Сотела с группой στρατιωτικοί. Автор склонен поставить эту надпись в связь с экспедицией Непарха в 325—323 г. до н. э.; 2) F. J. T r i t s c h—False Doors on Tombs, где автор анализирует вопрос о назначении ложных дверей в ликийских гробницах с колоннами; 3) A. M o m i g l i a n o, Rostovtzeff's Twofold History of the Hellenistic World, —рецензия на последнюю крупную работу Ростовцева, считающая его одним из идейных последователей Дройзена; 4) P. T r e v e s—Wallbank's Philip V of Macedon, в которой автор упрекает Wallbank'a в недооценке роли экономического фактора и значения социальной политики Филиппа V, а также в недостаточном использовании литературных источников по данному периоду.

THE JOURNAL OF ROMAN STUDIES, volume XXXI, 1941, Parts I and II

—H. J. B e l l, *Anti-semitism in Alexandria*, стр. 1—18. Статья посвящена истории еврейской общины в Александрии со времени ее возникновения—половины III в. до н. э. вплоть до ее уничтожения в начале V в. н. э. Автор считает, что основной причиной антисемитизма в Александрии являлась ненависть александрийцев к римскому владычеству, нашедшая свое выражение в выступлениях против лояльной по отношению к Риму иудейской общины.

—J. M. R. C o r m a c k. *Dedications to Zeus Hypsistos in Beroea*, стр. 19—23. Публикация двух небольших греческих надписей, в том числе одной из Beroea в честь Zeus Hypsistos (2 эстампажа и 1 таблица).

—J. M. R. C o r m a c k, *Epitaph of a legionary of the legio XVI Flavia Firma from Macedonia*, стр. 24—25. Публикация и анализ латинской эпитафии, найденной в 1936 г. в Beroea (1 эстампаж).

—A. H. M. J o n e s, «In eo solo dominium populi Romani est vel Caesaris», стр. 26—31. В статье рассматривается вопрос о праве владения и пользования землей в провинциях в императорский период. Автор считает, что большинство жителей вновь образованных провинций переходило на положение peregrini и что даже deditici'ам римляне оставляли право владения своей землей. Конфисковались только участки, принадлежавшие правительству побежденной страны.

—F. O s t w a l d, *Margidunum*, стр. 32—62. Публикация о раскопках в Margidunum (Ноттингемшайр), где были открыты древнейшие укрепления одного из кастеллов эпохи Клавдия и большое количество римско-британской керамики, охватывающее период в 350 лет. Раскопки велись с 1910 по 1936 год (с перерывами). Публи-

кация иллюстрирована планом, 5 таблицами и 12 рисунками. В приложении дан библиографический список работ о Margidunum (стр. 46—47).

—F. Schulz, A Collection of Roman legal maxims on papyrus, стр. 63—69. Примечания к опубликованному в 1930 году Segré отрывку из папирусного кодекса V в. н. э. Автор восполняет лакуны нескольких строк текста и приходит к выводу, что данный кодекс являлся связующим звеном между классиками римского права и дигестами Юстиниана.

—C. H. V. Sutherland, Claudius and the senatorial mint, стр. 70—72. Автор отмечает ошибку Momigliano, утверждавшего (Claudius: the Emperor and his Achievement, Oxf. 1934, стр. 40—41), что Клавдий возвратил сенату право чеканки медной монеты для провинций и что он разрешил сенату чеканить монеты без своего профиля. Утверждение Momigliano, по мнению автора, не подтверждается никакими документами.

—C. H. V. Sutherland, C. Baebius and the coinage of (?) Dium under Tiberius, стр. 73—81. На основании серии медных монет с легендами C. Baebius P. F. и надписи CIL V, 1838 автор восстанавливает служебную карьеру римского всадника Гая Бэбия Аттика, дослужившегося ко времени Клавдия до должностей префекта Мезии и прокуратора Норика.

—F. W. Wallbank, A note on the embassy of Q. Marcius Philippus, 172 в. С., стр. 82—93. Автор анализирует время, обстановку и цели посольства Кв. Марция Филиппа к Персею в 172 году до н. э. и считает это посольство первым звеном дипломатической подготовки III македонской войны.

—D. R. Dudley, Blossius of Cumae, стр. 94—99. Автор исследует источники по биографии Блоссия и его значение в истории Римской республики II в. до н. э. Соглашаясь с общепринятым мнением о роли Блоссия в качестве воспитателя Гракхов, автор считает сомнительным предположение о наличии связи между его стоическим мировоззрением и демократическими политическими взглядами. По мнению автора, также и политические взгляды Аристоники формировались вовсе не под влиянием стоической философии Блоссия. Корни «гелиополитизма» Аристоники и Эвна лежат, вероятно, в культе сирийских божеств Адада и Атаргатис.

—O. Brendel, The Corbridge lanx, стр. 100—127. В статье дано описание и интерпретация украшений на большом серебряном блюде, так называемом Corbridge lanx—одном из наиболее интересных памятников римской культуры в Англии. По мнению автора, блюдо является позднеклассическим памятником культа Аполлона, датируемым, примерно, концом IV—началом V в. н. э. Статья иллюстрирована 3 таблицами и 3 рисунками.

—Roman Britain in 1940, стр. 128—148. Редакционная статья журнала дает обзор новых археологических и эпиграфических материалов, открытых на территории Англии в 1940 году. Более подробно охарактеризованы раскопки вала Адриана в Stanwix (Северная Англия), римских бань в Well в Йоркшире, гробницы в Verulamium в Чертфордшире и др. Из опубликованных 21 надписи наибольшая имеет 8 строк, она составлена группой легионеров в память о постройке военных складов в Corbridge в начале III в. н. э.

THE JOURNAL OF ROMAN STUDIES, volume XXXIV, 1944, Parts I and II

—A. N. Sherwin White, Geographical factors in Roman Algeria, стр. 1—10. Автор дает географический обзор Алжира в римское время и пытается определить влияние географических факторов на условия жизни и быта жителей городов Римского Алжира. К статье приложено 6 географических карт—схем, иллюстрирующих распределение географических районов, городов, сети дорог, растительности и осадков в Римской Северной Африке.

—A. H. McDonald, Rome and the Italian Confederation (200—186 в. С.), стр. 11—33. Автор анализирует тенденции внутривосточного развития Италии

¹ Обзор JRS XXXII и XXXIII (1942 и 1943 гг. дан в ВДИ, № 2 за 1946 г.

в начале II в. до н. э., обращая особое внимание на взаимоотношения между Римом, латинскими городами и италиками. В статье дан обзор юридического положения различных групп федератов и анализ внутренней политики сената. Подробно разобрано постановление сената «De Bacchanalibus», являющееся, по мнению автора, показательным для консервативной политики римского сената и итальянской знати, причем последняя жертвовала своими политическими правами в пользу сената ради подавления нарастающего возмущения народных низов.

— I. A. Richmond, Gnaeus Julius Agricola, стр. 34—50. Биография Агриколы трактуется автором в основном по Тациту. Привлечены в небольшом количестве и материалы археологических раскопок. Подробному анализу подвергнута только военная деятельность Агриколы в Британии.

— J. G. Milne, An exchange-currency in Magna Graecia, стр. 46—48. В статье дано описание одной из тарентинских монет, найденной А. Эвасом и находящейся в настоящее время в Ashmolean Museum. Анализ легенды BRET на аверсе позволяет автору сделать вывод, что монета была отчеканена около 350 г. до н. э. специально для торговли с bruttiji.

— J. G. Milne, Bigati, стр. 49—50. Автор останавливается на противоречии между данными Плиния Старшего о выпуске denarius nummus в 217 г. до н. э. и свидетельством Ливия о том, что римляне захватили тысячи bigati в качестве военной добычи в Галлии и Испании в 196—191 гг. Никакого решения автор не предлагает.

— Hugh Last, The fiscus, a note, стр. 51—59. В статье обсуждаются проблемы времени возникновения фиска при Августе и его связь с «aerarium», окончательное выделение фиска в самостоятельное казначейство при Клавдии и процесс постепенного превращения фиска в личную собственность принцепса.

— Fr. Pringsheim, The unique character of classical Roman law, стр. 60—64. В своем автореферате автор подразделяет историю римского права на три периода: архаический (до 150 года до н. э.), классический (до 300 г. до н. э.) и византийский. Дается анализ классического римского права как в его историческом развитии, так и в сравнении с древневосточным законодательством. Особое внимание уделено формам собственности и владения.

— J. M. C. Toynbee, Greek imperial medallions, стр. 65—73. В статье дано описание и анализ нескольких греческих медалей времени Адриана. Тщательная отделка медалей в Риме и абсолютное отсутствие медалей в классической и эллинистической Греции свидетельствуют, по мнению автора, об изготовлении также и анализируемых медалей римскими мастерами. Автор уделяет много внимания так называемым никетериям—медалям, которыми награждались победители олимпийских соревнований в III в. н. э., и считает, что греческие никетерии полностью соответствовали римским медалям.

— O. Davies, The date of the Golden Gate at Istanbul, стр. 74—75. Обсуждая вопрос о времени построения Золотых Ворот в Константинополе, Дэвис считает, что башня, а, следовательно, и Ворота были закончены еще до начала строительства крепостных стен вокруг города и на основании этого приписывает постройку Золотых Ворот Теодориху I.

— Roman Britain in 1943, стр. 76—91. Редакционная статья журнала дает обзор новых археологических и эпиграфических материалов, найденных на территории Англии в 1943 году. Привлекают внимание сообщения о находках больших кладов римских монет III в. н. э. в Линкольншире и Норфольке. Эпиграфическая часть обзора весьма бедна.

THE JOURNAL OF ROMAN STUDIES, volume XXXV, 1945, Parts I and II

— E. Fraenkel, Some aspects of the structure of Aeneid VII, стр. 1—14. В обширной статье, посвященной 60-летию со дня рождения J. D. Beazley, автор анализирует построение VII книги «Энеиды» в сравнении с соответствующими местами «Илиады» и «Одиссеи». Особое внимание уделено автором действиям Аллекто и Юноны. Подчеркивается влияние Энния на Вергилия.

— I. A. Richmond, *The Sarmatae, Bremetennacum veteranorum and the regio Bremetennacensis*, стр. 15—29. Автор дает сжатое археологическое описание римского укрепления в Ридчестере (Северная Англия) и подробно исследует этнический состав гарнизона в конце II и начале III в. н. э. Предметом особенно тщательного анализа являются взаимоотношения между отрядом сарматских всадников и бреметеннакскими ветеранами, расположенными в районе Ридчестера. Статья иллюстрирована картой дорог, планом укрепления и эстампажами двух местных латинских надписей.

— Hugh Last, *The Servian reforms*, стр. 30—48. Несмотря на отсутствие новых данных, автор возвращается к анализу реформ Сервия Туллия и приходит к выводу, что основной причиной реформ был большой приток иммигрантов, которых было трудно включить в куриальную систему. Строй, созданный Сервием Туллем, был военной организацией, приспособленной к политическим нуждам, а не наоборот. Автор выступает против мнения Моммзена о возникновении магистратуры цензоров в связи с реформами Сервия Туллия. Реформа VI в. в Риме, по мнению автора, полностью соответствует Клизфеновой реформе в Афинах.

— F. Ostwald, *Decorated ware from Lavoye*, стр. 49—57. Публикация ваз, кубков и кувшинов, найденных Шене во время археологических раскопок в Lavoye (Арденны). Статья иллюстрирована 4 таблицами, в приложении дан каталог найденной керамики, состоящий из 44 названий.

— H. H. Scullard, *Charops and Roman policy in Epirus*, стр. 58—64. Автор анализирует римскую политику в Македонии, а особенно, в Эпире, после III Македонской войны и считает, что она делится на два, резко отличающихся друг от друга периода: первый период умеренной политики и второй период, связанный с деятельностью Харопса, когда Эпир, вследствие римской жестокости, превратился в пустыню. Интересна оценка Харопса, как греческого Квислинга.

— H. Mattingly, *The first age of Roman coinage*, стр. 65—77. Данная статья восполняет старую работу того же автора (JRS, 1929, стр. 19 сл.). Автор доказывает, что римляне перешли к чеканке собственных монет очень поздно, только после интервенции Рима в Кампанию и ознакомления с неаполитанскими и другими греческими монетами. Первые римские монеты были отчеканены не раньше, чем в 269 году, а первые денарии только в 187 году до н. э.

— *Roman Britain in 1944*, стр. 79—92. Обзор открытий и раскопок памятников римской эпохи в Англии в 1944 году. Из археологических новинок интересны: информация о раскопках вала Адриана и, в частности, о водоснабжении укрепления Aesica в Грейчестере, а также раскопки небольшого жилого дома еще доримской эпохи в Герфордшайре.

L'ANTIQUITÉ CLASSIQUE, tome XI, 1942, fasc. 1

— P. Boyancé, *Sur le songe de Scipion*, стр. 5—22. Автор полемизирует с M. Van den Bruwaene, исследователем источников *Somnium Scipionis* [см. *Antiquité Classique* VIII, 1939, стр. 127 сл.] и считает, что Цицерон заимствовал идею о бессмертии души непосредственно от Платона, не пользуясь в качестве промежуточного звена Посидонием. В статье уточняется перевод некоторых мест из *Somnium Scipionis*.

На стр. 23—24 помещены замечания M. Van den Bruwaene, отстаивающего свою гипотезу о влиянии Посидония на Цицерона.

— P. Clouché, *La politique extérieure d'Athènes de 462 à 454 avant J.-C.*, стр. 25—39. В настоящей статье дан обзор внешней политики победоносной афинской демократии за время с 462 по 461 год до н. э. Автор подробно анализирует осаду Ифомы в 462 г. и вызванный осадой разрыв сношений между Афинами и Спартой, а также договоры Афин с Аргосом и Фессалией в 462—461 годах.

— S. J. De Laet, *Figurines en terre-cuite de l'époque romaine, trouvées à Assche-Kalkoven*, стр. 41—54. В статье дано описание и фотокопии 4 глиняных фигурок лошадей и одного человеческого торса, найденных в 1874 году во время раскопок галло-романского поселения императорской эпохи в Assche-Kalkoven. В отличие от

предшествовавших исследователей автор считает, что фигурки—религиозно-культурного характера и, повидимому, посвящены неизвестному божеству-покровителю конского поголовья.

— M. Van den Bruwaene, *Traces de Posidonius dans le premier livre des Tusculanes*, стр. 55—66. Автор продолжает свое исследование о влиянии Посидония на Цицерона (см. *Ant. Cl.* VIII, стр. 127 слл. и IX, стр. 5 слл.). Филологический анализ § 19—22 и 40—43 *Tusculanes* приводит автора к тому выводу, что редакция, восходящая к тексту доксографа Аэция, происходит от Посидония и что Цицерон черпал данные к § 20 *Tusculanes* не непосредственно из Платона, а именно от Посидония.

— L. Herman, *La date du festin de Trimalchion*, стр. 87—89. В краткой заметке автор устанавливает в качестве года написания Пира Тримальхиона—34 год н. э.

— R. Goossens, *Une allusion à Cimon dans le Πολιτικός d'Antiphon*, стр. 91—92. Исходя из указания Плутарха о пристрастии Кимона к вину, автор считает, что фрагмент 76 (Diels—Kranz) Антифонта-Софиста делает намек на Кимона. В таком случае становится возможным уточнить датировку всего *Πολιτικός*, примерно, 422 годом до н. э.

— P. Gilbert и M. Renard, *Les dates de naissance et de mort de Catulle*, стр. 93—96. Авторы доказывают, что вопреки данным хроники Евсевия год рождения и смерти Катутла необходимо перенести на 10 лет позже, соответственно на 77 и 47 год до н. э.

L'ANTIQUITÉ CLASSIQUE, tome XI, 1942. fasc. 2

— A. Carnoy, *Les elements latins dans la toponymie de la Flandre*, стр. 199—212. Исследуя топонимику нидерландских районов Бельгии, автор считает, что большое количество географических наименований восходит к эпохе римского владычества в Галлии.

— P. Cloché, *La politique extérieure d'Athènes de 464 à 454 avant J.-C.*, стр. 213—233. Продолжение статьи, начатой в предыдущем номере *Ant. Cl.* Автор анализирует договор Афин с Мегарой (461 год?), афинскую экспедицию в Египет и военные операции 459 и 458 годов в Греции. Cloché считает, что блестящие успехи всех политических и военных операций этого двулетия в немалой степени предопределили собой грядущее ослабление Афин и привели в конце концов к трагическому исходу Пелопонесской войны.

— L. Herrman, *Qui est Saint-Alexis?* стр. 235—241. Автор исследует происхождение легенд о христианском святом Алексее и считает, что его прототипом является римский поэт Коммодиан, превращенный затем христианской агиографией в святого Алексея.

— M. Amand, *Quelques résultats des fouilles archéologiques de Tournai (1941—1942)*, стр. 243—252. Раскопки, производившиеся в 1941—42 годах в Турне, вскрыли следы поселения первой половины I в. н. э. Найдено большое количество керамических изделий (к статье приложены 2 таблицы фотокопий), импортированных как с юга, так и с севера Галлии.

— R. Henrion, *Des origines du mot Familia*, стр. 253—287. Настоящая статья является продолжением работы того же автора, в *Ant. Cl.* X, стр. 37—69. Автор продолжает свое капитальное исследование о происхождении слов «famulus» и «familia». Отбрасывая объяснение Феста о происхождении слова «familia» от оскского «famei»—раб, Henrion считает, что «familia» имеет общий корень со словами manus, mansipium, и что только во время этрусской колонизации Лация слова «famulus» и «familia» получили значение группы рабов и домочадцев.

— J. Van Winden, *Contribution à l'étude de la morphologie grecque et latine*, стр. 291—297. Автор сравнивает словообразование и особенности грамматики тохарского языка с аналогичными явлениями в латинской и греческой морфологии.

L'ANTIQUITÉ CLASSIQUE, tome XII, 1943

— H. B a r d o n. Mécanisme et stéréotypie dans le style de Sénèque le Rhéteur, стр. 5—24. Анализируя произведения Сенеки-Ритора, автор отмечает его живой, тонкий и острый ум, скованный застывшими формами несвойственного ему риторического стиля. Этим, по мнению Bardon'a, объясняется разнообразие литературных форм в произведениях Сенеки-Ритора.

— A. B o u t e m y, Une oeuvre inconnue d'un Émile Liégeois de Guido delle Colonne, стр. 25—36. Статья посвящена разбору неопубликованной рукописи XIII в. «Compendium historiae Trojanae» Эмиля Льежского. Рукопись состоит из 43 глав. Автор, повидимому, пользовался как источниками «Historia de excidio Trojae» Дареса Фригийского и «Historia destructionis Trojae» Гвидо дель Колонна.

— G. d e S c h a e t z e n, Découvertes Romaines à Tongres en 1937, стр. 37—46. Проводившиеся в Тонгре в течение 3 лет с 1935 по 1937 год, раскопки привели к следующим результатам. Были обнаружены следы стены римского происхождения, определено местонахождение ворот и реставрирован в основном план римского oppidum.

— R. G o o s s e n s, Glosses indiennes dans le lexique d'Hésychius, стр. 47—55. Автор задался целью выявить все слова индийского происхождения, встречающиеся у Гесикия, и уточнить их значение при помощи санскрита. Goossens считает, что большинство индийских корней заимствовано Гесикием не из санскрита, а из живых разговорных языков Северо-Западной Индии.

— L. L a s c r o i x, A propos d'une prétendue copie de statue sur un statère de Malles en Cilicie, стр. 57—78. Исследование Лакруа посвящено изображению на Маллосском статере (Babelon, табл. II, фиг. 3 и 4). Вопреки мнению большинства нумизматов, считавших рисунок на статере копией статуи Мирона, изображающей Геракла, борющегося с Немейским львом, Лакруа доказывает, что статер из Маллоса является подражанием монетам Южной Италии и что вообще до начала IV в. до н. э. почти не встречаются случаи изображения статуй на монетах. Статья иллюстрирована двумя таблицами.

— J. R u e l e n s, Les saisons dans les bucoliques de Virgile. Chronologie et composition, стр. 79—92. Автор обращает основное внимание на хронологию и композицию буколик и приходит к тому выводу, что только по форме (за исключением четвертой эклоги) буколики являются подражанием Теокриту. Цель Вергилия состояла в том, чтобы в аллегорической форме воспеть своих покровителей и провозгласить свои политические и литературные взгляды. Что касается времени написания буколик, то выводы автора подтверждают сведения биографов и схолиастов Вергилия.

— M. A m a n d, Fouilles de Tournai (1941—42), стр. 93—102. Продолжение публикации о раскопках в Турнэ (Ant. Cl. XI, стр. 243—252). Открыта латинская надгробная надпись, относящаяся, судя по шрифту, ко II в. н. э. Это первый эпиграфический памятник римского периода, найденный в Турнэ. Кроме того найдены фрагменты большой вазы с антропоморфными изображениями планет.

— W. S o u v r e u r, Le Hittite et les phonèmes laryngaux en indo européen, стр. 103—110. Автор, полемизируя с рядом лингвистов-хеттологов, считает, что наше знание хеттского языка все еще недостаточно для точного определения звучания *h* в хеттском языке.

L'ANTIQUITÉ CLASSIQUE, tome XIII, 1944

— F r. C u m o n t, Joseph Bidez, стр. 5—10. Некролог, посвященный смерти редактора журнала L'Antiquité Classique—Бидэ. Перечислены основные научные труды крупнейшего бельгийского эллиниста.

— F. D e V i s s c h e r, Le statut juridique des nouveaux citoyens romains et l'inscription de Rhosos, стр. 11—35. Первая часть большой статьи, посвященной юридическому положению лиц, получивших римское гражданство. Автор, вопреки мнению Моммзена, считает, что даже в период республики лица, ставшие римскими гражданами,

не теряли своего местного гражданства, и освещает это положение на примере ряда папирологических и эпиграфических данных. Основная часть исследования представляет собой публикацию и перевод (94 строки) большой, хорошо сохранившейся Розосской надписи.

— J. H u b a u x, *Angerona*, стр. 37—43. Автор выдвигает гипотезу, что одна из богинь римского пантеона—Ангерона, праздник которой происходил в день зимнего солнцестояния—21 декабря, была божественной покровительницей грядущего года. Одновременно она же являлась хранительницей имени таинственного божества покровителя и города Рима.

— P. L a m b r e c h t s. *Diva Angerona*, стр. 45—49. Автор, в связи с предыдущей статьей Нубаух, подчеркивая внешние атрибуты Ангероны—повязку на губах, или палец, приложенный к устам—отождествляет ее с *dea Tacita* и проводит аналогию с Церерой. По мнению автора, «Ангерона-богиня подземного мира соответствовала первоначально великой примитивной итальянской Богине-Матери».

—A. V a n B i l s e n, *Le texte de l' «In Parmenidem Platonis» de Proclus*, стр. 51—60. В статье подвергнуто критике *editio princeps* и перевод «*In Parmenidem Platonis*» Прокла, датированное 1821—27 г. Автор сверил текст *editio princeps* с рукописями и обнаружил большое количество пропусков и неточных переводов, а также наличие нескольких рукописей «*In Parmenidem*», неучтенных и, вероятно, даже неизвестных первоиздателю Прокла—Cousin'y.

— J. C r o i s s a n t, *Matière et changement dans la physique ionienne*, стр. 61—94. Исследование посвящено анализу мировоззрения первых трех милетских философов: Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена. Автор считает, что «если на самом деле и существовала ионийская физика, то ее творцом, является Анаксимандр. Анаксимен—это только его вульгаризатор. Расстояние же, отделяющее наивные взгляды на мироздание Фалеса от системы Анаксимандра, только подтверждает право последнего на титул физика» (стр. 62).

— M. H i c t e r, *L'autobiographie dans l'Âne d'or d'Apulée*, стр. 95—111. Первая часть исследования биографии Апулея. Автор, согласно с большинством современных ученых, считает, что в «Метаморфозах» рассеяно значительное количество автобиографических намеков. Это подтверждается рядом параллельных мест в «Метаморфозах» и «Апологии». Для биографии Апулея особый интерес представляет анализ эпизода покупки рыб на рынке (I, 24—26), подтверждающий, по мнению автора, факт обвинения Апулея в занятиях магией.

— C. N a i l i s, *Chrysippus philosophus ou Chrysippus medicus*, стр. 113—118. Автор доказывает, что упоминаемые у Плиния Старшего Хрисипп-философ и Хрисипп-медик являются в действительности одним и тем же лицом.

— A. V a n H o v e, *Aanmerking op den tekst van een Ostrakon*, стр. 119—125. Замечания о тексте фиванского остракона, опубликованного в BCH XXVIII (1904), стр. 201—206, трактующего об изречении скифа Анахарсиса. Автор обращает внимание на почти полное совпадение отрывков P l u t. Sol. 5 и Diog. Laert. 101 и считает, что рассказ об Анахарсисе на самом деле относится к Солону.

— S. J. d e L a e t, *Note sur deux passages de l'Histoire Auguste* (v. Marci 25,4; v. Cassii 7,4), стр. 127—134. В статье исследуются два отрывка из SHA о восстании Авидия Кассия против Марка Аврелия в 175 году н. э.

CLASSICAL PHILOLOGY, volume XXXVI, 1942

N 1, January

— H. W. P r e s c o t t, *Exit Monologues in Roman Comedy*, стр. 1—27

— O. J. T o d d, *Caesura Rediviva*, стр. 22—37.

— J. S. K i e f f e r, *Philotetes and Arete*, стр. 38—50.

— R. R o b i n s o n, *Plato's Parmenides I*, стр. 51—78. Автор исследует структуру Платоновского «Парменида» и приходит к выводу, что 1) в первой части произведения аргументы Парменида направлены против существования видов, а не чувственных вещей, 2) Платон в своих диалогах нигде не дает ответа на эти аргументы,

3) во второй части «Парменида» нигде не дается определения ни доктрины, ни метода Платона и 4) обе части диалога должны были стать для учеников Платона практическим пособием по диалектике и обнаруживанию ошибок в рассуждениях.

— Ё. А. Маскау, *Notes on Hogase*, стр. 79—81. Анализируя сообщения Горация о Меценате, автор сравнивает Мецената с Агриппой и считает, что противопоставление их друг другу, как представителей различных общественных групп было ошибочным, речь шла только о различии в характере и манерах.

N 2, April

— R. J. Bonner и G. Smith, *Administration of justice in Sparta*, стр. 113—129. Авторы исследуют организацию и нормы уголовного и гражданского права в Спарте и считают, что, вопреки свидетельству Исократу, судопроизводство в Спарте, концентрированное в руках эфоров, было организовано лучше, чем афинское.

— А. А. Воусе, *The Origin of ornamenta triumphalia*, стр. 130—141. Автор анализирует, из чего состояли и при каких обстоятельствах носились *ornamenta triumphalia* в начале principatus. В основном анализируются тексты, касающиеся времени Августа и Тиберия.

— Н. С. Юотье, *Critical Notes on Michigan Ostraca*, стр. 142—149. В статье дается новое чтение остраконов O. Mich. I, 151, 180; 308; 664; 656 и анализируется значение некоторых слов и терминов. Большинство остраконов относится к императорскому периоду и представляет собой различные квитанции и хозяйственные списки.

— G. M. Messing, *Remarks on Anthimus, De observatione ciborum*, стр. 150—158.

— R. Robinson, *Platos Parmenides II*, стр. 159—186. Развивая свои положения, указанные в предыдущем номере *Cl. Ph.*, автор подчеркивает, что во второй части «Парменида» Платон сознавал, что он очутился в логическом тупике, но что не мог с уверенностью определить причины своих ошибок.

— Т. В. Джонс, *A note on Marcus Aurelius Carus*, стр. 193—194. В краткой заметке автор доказывает, что один из так называемых иллирийских императоров, Марк Аврелий Кар (282—283 г.) вовсе не был иллирийцем, а, согласно Евтропию. Иерониму, Зонаре и Сидонию, происходил из Галлии.

N 3, July

— А. Т. Олмстед, *The mid-third century of the Christian era*, стр. 241—262. Первая часть большого исследования о кризисе III века. Автор считает, что сущность кризиса на западе заключалась в переходе от все еще соблюдаемых форм республиканского правления и классической культуры в быту, литературе и религии во II веке н. э. к восточной монархии и восточной религии—христианству в IV в. Одновременно автор подчеркивает неоспоримый подъем на востоке, в Сассанидском Иране. Автор в основном пользовался источниками, происходящими из восточной половины Римской империи.

— C. Bonner, *Notes on Aeschylus*, стр. 263—274.

— F. A. Sullivan, *Horace and the Afterlife*, стр. 275—287.

— F. Steckerl, *On the Problem: Artefact and Idea*, стр. 288—298.

— S. T. Vandersall, *Line Omissions in Homeric Papyri since 1932*, стр. 299—306.

— G. H. Macurdy, *References to Thucydides, son of Melesias and to Pericles in Sophocles OT 863—910*, стр. 307—310. Автор считает, что «Эдип—Царь» был впервые поставлен не в 429 году до н. э., как это обычно считается, а, по крайней мере, годом раньше.

— S. Dow, *A leader of the anti-Roman party in Athens in 88 B. C.*, стр. 311—314. Заметка о Диее, в доме которого пребывал Афинион, возвратившийся в 88 году от Митридата в Афины. Используя эпиграфические, в основном делосские и афинские

памятники, автор считает, что Дией (Афиней, 212 d) упоминается также в IDD 2607 и что он по происхождению не афинянин, а тириец.

— Ch. G. Stagg, *Verna* стр. 314—317. Автор считает, что слово «Verna», кроме своего основного значения: раб, уроженец дома, имеет еще, особенно в императорский период, значение местного городского жителя.

N 4, October

— A. H. Kraeppe, 'Ἀπόλλων κόκκος стр. 353—370.

— S. Dow, *Studies in the Athenian tribute lists I*, стр. 371—384. Автор подвергает сомнению утверждение Меритта о том, что в 449/8 году афиняне не взимали взносов со своих союзников и предполагает наличие в ATL 8 лишней строки, где был указан размер фороса именно этого года.

— W. H. Alexander, *The Enigma of Horace's Mother*, стр. 385—397.

— A. T. Olmstead, *The mid-third century of the Christian era II*, стр. 398—420. Продолжение статьи о кризисе III века (*Cl. Ph.*, № 3, стр. 241—262). Автор, развивая свои вышеизложенные основные положения, иллюстрирует их отрывками из Сивилинских пророчеств, в частности, *Orac. Sibyl.* XIII, 79—88 и 108—130. Подробно описываются события на Востоке, особенно—опустошительное вторжение шапура.

— L. R. Taylor, *The election of the Pontifex Maximus in the late Republic*, стр. 421—424. Автор доказывает, что, несмотря на полную отмену демократических порядков Суллой, все же, *pontifex maximus* продолжал избираться комициями, а не специальными жреческими коллегиями, как все прочие жрецы. Единственным случаем нарушения порядка выборов было организованное Антонием в 44 году избрание Лепида.

CLASSICAL PHILOLOGY, volume XXXIX, 1944

N 1, January

— F. W. Householder Jr., *Paroemia* стр. 1—9.

— H. J. Loane, *Vespasian's spice market and tribute in Kind*, стр. 10—21. Статья посвящена изучению фискальной и экономической политики Веспасиана, в частности, государственной монополии на продажу восточных специй в Риме, т. н. *Nogrea Piperataria*. Рассматривается также вопрос об организации государственных монополий в императорском Египте и дается анализ попыток активизировать внешнюю торговлю с Индией.

— R. Schlaifer, *The Attic association of the Μεσούγιοι*, стр. 22—27. Автор анализирует значение термина *Μεσούγιοι* на основании надписей IG II², 1244, 1245 и 1247. Так как все лица характеризуемые, как *Μεσούγιοι*, являются жителями собственно Афин, следует отказаться от общепринятой трактовки *Μεσούγιοι* как жителей центральной части Аттики. По мнению автора, ассоциация месогеев носила не территориально-административный, а скорее всего родовой характер.

— H. C. Youtie, *Diplomatic notes on Michigan Ostraca*, стр. 28—39. Замечания к отдельным остраконам и папирусам конца III и начала IV в. н. э. из Каранис. В статье анализируются пустые бланки и квитанции за работы, выполненные в порядке государственных повинностей, хлебные меры, обозначения частей драхмы, определение дробей и, наконец, внешние контуры остраконов. Всего дано чтение 44 остраконов и папирусов, в том числе 38 из Мичиганской коллекции.

— M. Stuart, *Papyrus Oxurhynchus 668*, 188—190, стр. 40—44. Автор восполняет текст нескольких строк из Оксиринхского папируса по *epitome* Ливия. Реставрированный текст относится к событиям 140 г. до н. э.

N 2, April

— J. W. Swain, *Antiochus Epiphanes and Egypt*, стр. 73—94. В статье дано описание внешней политики Антиоха Эпифана на фоне внутреннего состояния империи Селевкидов. Подробно характеризуется международное положение в Восточном

Средиземноморье во второй четверти II в. до н. э. Автор считает, что и в этот период Рим постепенно вовлекался в восточные дела вопреки воле сената.

— G. H. M a s c u r d y, *Had the Danaid Trilogy a Social Problem*, стр. 95—100.

— G. M. B o l l i n g, *Acceleration of language teaching and the classics*, стр. 101—106. В полемике, разгоревшейся в США в связи с правительственными указаниями об изменении методов и сокращении сроков обучения иностранным языкам, автор стоит на официальной точке зрения и полемизирует с Whatmough, рецензентом книги Bloch and Trager «*Outline of Linguistic Analysis*» (см. рец. в Cl. Phil., XXXVIII. 3, 210 сл.).

— B. L. C h a r n e y, *Ellipsis of the Pronoun in Seneca*, стр. 107—111.

— F. M. H e i c h e l h e i m, *Supply bases for Caracalla's Parthian Campaign*, стр. 112—115. В краткой заметке автор анализирует причины усиленной чеканки тетрадрахм в Антиохии, Тире, Лаодикее, Араде, Аскалоне и ряде других городов в период с 215 по 218 г. н. э. Он приходит к выводу, что это было вызвано не столько финансовыми, сколько военными соображениями в период мобилизации римских армий для восточной кампании Каракаллы.

N 3, July

— J. A. O. L a r s e n, *Federation for peace in ancient Greece*, стр. 145—162. Автор анализирует попытки обеспечения длительного мира в древней Греции. Он делит организационные формы борьбы за мир на четыре категории: амфикистии, симмахии, симполитии и договоры об общем мире κοινὴ εἰρήνη. Его вывод: эти попытки имели успех только в начале V в. перед лицом предстоящей борьбы с Персией. Последующая борьба за мир осталась только благим пожеланием.

— J. A. N o t o p o u l o s, *The Symbolism of the Sun and Light in the «Republic» of Plato I*, стр. 163—172.

— A. K. M i c h e l s, *Παρρησις and the Satire of Horace*, стр. 173—177.

— A. H. K r a p p e, *Artemis Mysia*, стр. 178—183.

N 4, October

— C. S a u n d e r s, *The nature of Rome's early appraisal of Greek culture* стр. 209—217. Темой исследования является анализ форм, в которых проявлялось воздействие греческой культуры на римское общество во II в. до н. э. Особенно подробно автор рассматривает элементы греческой культуры в идеологии представителей Сципионовского кружка, в частности, влияние Полибия и Панэция.

— J. W h a t m o u g h, *Up from Gilgal: a rejoinder*, стр. 218—222. Ответ на полемическую статью Bolling'a (Cl. Phil., 1944, 2, 101—106). Автор поддерживает свою прежнюю точку зрения и считает необходимым для изучения языка предварительное прохождение основательного курса грамматики.

— J. A. N o t o p o u l o s, *The symbolism of the Sun and Light in the «Republic» of Plato II*, стр. 223—240.

— L. S o l m s e n, *Speeches in Herodotus' Account of the Battle of Plataea*, стр. 241—253. Автор продолжает анализ речей Геродота (см. его «*Speeches in Herodotus' Account of the Ionic Revolt*» в AJPh LXIV (1943), 2) и приходит к тому выводу, что и в рассказе о Платейской битве Геродот использует форму прямой речи для изложения своих собственных взглядов на ход событий, а также для возбуждения интереса у читателя.

CLASSICAL PHILOLOGY, volume XL, 1945

N 1, January

— W. L. W e s t e r m a n n, *Slave maintenance and slave revolts*, стр. 1—10. Автор анализирует данные дельфийских надписей о манумиссиях за период с 201 г. до н. э. до, примерно, половины I в. н. э. и считает, что манумиссия через храм налагала на вольноотпущенника некоторые обязательства, в частности, обязанность кор-

мать заранее определенных лиц. Для сравнения привлечено большое количество папирусных данных из Египта. Вторая часть статьи более поверхностна и посвящена описанию первого сицилийского восстания рабов.

— R. J. V o n n e r и G. S m i t h, Administration of justice in Boeotia, стр. 11—23. Продолжение исследования о судопроизводстве в древней Греции (см. Cl. Phil., XXXVII, 2, 113—129). Характерной чертой судопроизводства в Бэотии авторы считают его консервативность. Несмотря на ряд революционных переворотов, юридические формы в Бэотии, по мнению авторов, почти не изменились со времен Гесиода вплоть до римского периода.

— L. W. J o n e s, Notes on the style and Vocabulary of Cassiodorus' Institutiones, стр. 24—31.

— C. A. F o r b e s, Expanded uses of the Greek gymnasium, стр. 32—42. В статье исследуются случаи использования зданий греческих гимнасиев в общественной и политической жизни греческих городов. Наряду с обычным использованием зданий гимнасий для гимнастических упражнений, в них останавливались и вели занятия ученые из других полисов, проводились испытания и экзамены учащихся. Гимнасии часто превращались в казармы, городские клубы, залы приемов и даже концентрационные лагеря.

N 2, April

— J. A. O. L a r s e n, Representation and democracy in Hellenistic federalism, стр. 65—97. В статье дано описание аппарата управления эллинистических республик II в. до н. э., в частности, четырех македонских республик и Ликийского союза. Автор находит прежде всего у Полибия четкое разграничение терминов δημοκρατική καὶ συνεδριακή πολιτεία и считает, что первый термин обозначает республиканско-демократический строй, в то время как второй характеризует федерально-представительные формы правления. Статья имеет два приложения: 1) о дарах и посвящениях различным чиновникам, 2) датировка надписи Tituli Asiae Minoris, II, 508.

— L. B. L a w l e r and A. E. K o b e r, The «Thracian Pig Dance», стр. 98—107.

— E. L. B a s s e t, The Genitive Absolute in Latin, стр. 108—114.

N 3, July

— E. J. B i c k e r m a n n, Bellum Philippicum; some Roman and Greek views concerning the causes of the Second Macedonian war, стр. 137—148. Критическая статья, анализирующая римскую политику на Востоке накануне и во время II Македонской войны. Автор проводит четкое разграничение между греческим «прагматическим» объяснением причин войны и римской интерпретацией политики сената, нашедшей свое выражение в произведениях анналистов II в. до н. э., а затем и у Ливия, якобы римляне были вынуждены вступить в войну coacti iniuriis Филиппа.

— C. R o e b u c k, A note on Messenian economy and population, стр. 149—165. Исследование экономики Мессении за период от спартанского до римского завоевания. Автор останавливается в основном на вопросах о производительности сельского хозяйства и численности народонаселения Мессении. Интересны цифровые выкладки о среднем годовом потреблении хлеба в древней Греции.

— F. S t e c k e r l, Plato, Hippocrates and the Menon Papyrus, стр. 166—180.

— G. M. B o l l i n g, Movable Nu at the End of Homeric Verses, стр. 181—184.

— D' A r c y W. T h o m p s e n, The Greek for a Dormouse, стр. 185—186.

N 4, October

— Ch. H. B e e s o n, The Collectaneum of Hadoard, стр. 201—222.

— K. v. F r i t z, Νοῦς, νοεῖν and their Derivates in Presocratic Philosophy (excluding Anaxagoras), Part I. From the Beginnings to Parmenides, стр. 223—242.

— O. J. T o d d, Charon the Portitor, стр. 243—247.

— С. А. L y n c h, Tacitus Annals, XIII, 26, стр. 250—251. Автор дает новое чтение и интерпретацию отрывка из Тацита о наказаниях для преступных вольноотпущенников. Предлагается следующее чтение: *vine an aequo cum patronibus iure agerent; sententiam eorum consultarent an verberibus manus ultro intenderent. Impulere vel poenam suam dissuadentes.*

CLASSICAL PHILOLOGY, volume XLI, 1946

N 1, January

— Л. R. T a y l o r, The date of the Capitolini Fasti, стр. 1—11. Автор, проанализировав содержание Fasti Capitolini и сравнив их с соответствующими местами Ливия, приходит к выводу, что, вопреки общепринятому мнению о датировке срока их составления 30 г. до н. э., фактически они были составлены немного позже, вероятно, между 21 и 17 гг. до н. э. Эразуры же были в них сделаны во 2 г. до н. э. Эта гипотеза объяснила бы большое количество «ошибок» Ливия, так как он писал свой труд еще до опубликования фаст.

— К. v. F r i t z, Νοῦς, νοεῖν and their Derivates in Pre-Socratic Philosophy (Excluding Anaxagoras). Part II, The Post-Parmenidean Period, стр. 12—34.

— Н. H i l l, Roman revenues from Greece after 146 B. C., стр. 35—42. В статье подвергнута анализу римская система эксплуатации провинций и, в частности, Греции. Автор полемизирует с Ларсеном и Ростовцевым, утверждающими, что большинство полисов было обложено данью (stipendium) непосредственно после событий 146 года, и доказывает, что в большинстве случаев stipendium было наложено на греческие города только Суллой. Более обстоятельно анализируется в статье положение в Коринфе, Бэотии и на Эвбее. «Либерализм» римской политики в Греции в конце II в. до н. э. автор объясняет тем, что сенат не желал усиления всадников.

THE CLASSICAL QUARTERLY, volume XXXIV

April 1940, Numbers 1, 2

— R. E. S m i t h, Plutarch's biographical sources in the Roman lives, стр. 1—10. В данной статье анализируются источники, которыми пользовался Плутарх в трех из римских жизнеописаний: Titus (Тит Квинкий Фламиний), Paullus и Cato Maior. Автор приходит к выводу, что в основе всех этих жизнеописаний лежат недошедшие до нас специальные произведения биографического характера, созданные, повидимому, на основании семейных хроник, примерно, в I в. до н. э.

— W. B e a r e, When did Livius Andronicus come to Rome, стр. 11—13. В своем исследовании о начале латинской литературы автор пытается установить дату прибытия Ливия Андроника в Рим. Этот вопрос, ввиду неточности сведений Акция (см. Cic, Brut., 72), был до последнего времени объектом многочисленных споров. Автор считает, что Ливий Андроник был уже квалифицированным актером еще до его пленения в Таренте римлянами и что, следовательно, его первое выступление в Риме было задолго до общепринятой даты—240 г. до н. э. К статье приложен список источников.

— F. H. S a n d b a c h, Plutarch on the Stoics, стр. 20—25. Исследование посвящено анализу источников произведения Плутарха de Stoicorum repugnantiiis. Автор считает, что Плутарх знакомился с трудами Хрисиппа не в оригинале, а из произведения какого-то промежуточного источника, и пытается доказать свой тезис, анализируя многочисленные тексты Плутарха.

— С. M. B o w r a, The fox and the hedgehog, стр. 26—29.

— Ё. P. W i l k i n s o n, The Augustan rules for dactylic verse, стр. 30—43.

— Н. D. W e s t l a k e, Phalaecus and Timoleon, стр. 44—46. На основании данных Диодора (XVI, 69—3) описана судьба Фалека (Phalaecus) и его наемников после Священной войны 346 года; автор ярко описывает тяжелые последствия междоусобных войн и пагубные результаты наемничества в Греции IV в. до н. э.

— A. S. F. G o w, The seventh Idyll of Theocritus, стр. 47—54.

- E. B. Ceardel, The «Askew collations» of Aeschylus, стр. 55—66.
- D. A. G. Hinsk, Tisias and Corax and the invention of rhetoric, стр. 61—66
- A. C. Moorhouse, The construction with $\mu\eta$ $\sigma\delta$ стр. 70—77.
- H. J. Rose, Some Herodotean rationalisms, стр. 78—84. Критическая статья о достоверности данных Геродота, как историка. Анализируются сообщения о Гигесе Лидийском, о вступлении Писистрата в Афины и о бичевании Геллеспонта по приказу Ксеркса.
- H. W. Parkes, A note on the Delphic priesthood, стр. 85—89. Автор пытается согласовать разноречивые данные различных источников о Дельфийском оракуле и жречестве, останавливаясь особенно подробно на роли $\pi\rho\phi\eta\tau\alpha\iota$ и их значении в жреческом коллективе Дельф.

October 1940, Numbers 3, 4

- F. W. Walbank, Licia telae addere, стр. 93—104. Автор пытается определить значение слов «licium» и «tela» (Vergil., Georg. I, 284—6); анализируя значение этих слов в разных контекстах у Вергилия, Тибулла, Лукана и Плиния, автор приходит к выводу, что licium имеет значение «основа» (пряжи), а «tela» — ткацкий станок.
- R. E. Smith, The Cato Censorius of Plutarch, стр. 105—112. После анализа источников указанного жизнеописания автор приходит к выводу, что на данном этапе научного исследования невозможно определить, какими источниками пользовался Плутарх при составлении своего Cato Censorius.
- A. S. F. Gow, Philology in Theocritus, стр. 113—116.
- A. S. F. Gow, Theocritus, Id. VII, стр. 117—118.
- W. B. Sedgwick, Some uses of the imperfect in Greek, стр. 118—122.
- A. C. Moorhouse, The name of the Euxine Pontus, стр. 123—128. Автор доказывает, что под словом Πόντος греки понимали район Босфора, Пропонтиды и Геллеспонта, в то время, как под Ἰαζονος πόντος подразумевалось само Черное море.
- W. F. J. Knight, Caeli convexa per auras, стр. 129—130.
- W. B. Stanford, A disputed compound in Aeschylus, стр. 131—132.
- O. J. Todd, Servius on the Saturnian metre, стр. 133—145.
- N. G. L. Hammond, The composition of Thucydides' history, стр. 146—152. Автор считает, что «История» Фукидида является незавершенным произведением не только потому, что изложение событий обрывается на 411 г. до н. э., но и из-за недочетов в стиле, а особенно в речах последней части. По мнению автора, Фукидид писал свое произведение сначала в виде недошедшего до нас конспекта всей 27-летней войны; затем в виде последовательного изложения событий (без речей и стилистической обработки — для периода 424—411 г. за исключением Сицилийской войны) и, наконец, окончательно отделанную стилистически часть (Архидамова — до 424 г. — и Сицилийская войны).
- H. G. Mullens, The meaning of Euripides' Orestes, стр. 153—158.

THE CLASSICAL QUARTERLY, volume XXXV

April 1941, Numbers 1, 2

- J. Morrison. The place of Protagoras in Athenian public life (460—415, B. C.), стр. 1—16. Автор пытается «подготовить почву для правильной оценки вклада Протагора в философию путем реконструкции его политического мышления» и уточнения основных дат его жизни. Интересен анализ политических взглядов Протагора на фоне бурной общественно-политической жизни афинской демократии накануне и во время Пелопонесской войны.
- R. J. Getty, The Astrology of P. Nigidius Figulus (Lucan I, 649—65), стр. 17—22.
- D. M. Balme, Greek science and mechanism, II, The atomists, стр. 23—29

— I. J. Jackson, *Marginalia scenica*, стр. 29—51.
 — E. R. Palmer, *Macte, *Mago?*, стр. 52—57.
 — H. D. Westlake, *Nicias in Thucydides*, стр. 58—65. Ставя перед собой задачу дать политическую оценку деятельности Никия, автор прежде всего политически характеризует самого Фукидида. По мнению автора, Фукидид не был сторонником ни одной из афинских политических партий и полностью сохраняет объективность изложения на протяжении всей «Истории»; так же объективно нарисован им портрет Никия. Интересна заключительная часть статьи, в которой путем сравнения «Жизнеописания Никия» Плутарха с текстом Фукидида, автор определяет оценку Никия сицилианским источником.

— E. B. Ceadel, *Resolved feet in the trimeters of Euripides and the chronology of the plays*, стр. 66—89.

— A. C. Moorhouse, I E. *Pent—and its derivatives, стр. 90—96. Автор исследует слова, происходящие от индоевропейского корня «Pent». В четвертом разделе данной статьи автор восполняет свою точку зрения на происхождение слова «ἄλγινος πόντος» и доказывает, что еще в Гомеровский период слово πόντος означало только Черное море, а для обозначения других морей добавлялось специальное наименование Ἰώνιος, Σαρωνικός и др. Только впоследствии слово πόντος приобрело значение, родственное βάλλωσα.

THE CLASSICAL QUARTERLY, volume XXXVI

October 1942, Numbers 3, 4

— J. M. C. Toynbee, *Nero artifex, The Apocolocyntosis reconsidered*, стр. 83—93. В статье исследуется текст *Apocolocyntosis*. По мнению автора, творцом данного произведения был Сенека, но, вопреки общепринятому мнению, датой написания *Apocolocyntosis* следует считать не 54, а, примерно, 59 или 60 год н. э.

— M. I. Henderson, *The growth of the greek ἀρμονία*, стр. 94—103.

— A. S. F. Gow, *Theocritus, Idyll XXIV—stars and doors*, стр. 104—110.

— A. Momigliano, *Camillus and Concord*, стр. 111—120. Статья посвящена анализу биографии Марка Фурия Камилла. Автор исследует прежде всего внутрисполитическую деятельность Камилла и приходит к выводу, что его политика, направленная на достижение concordia ordinum, не находилась под каким-либо воздействием греческих идей ἀρμονία, а была «первым этапом специфически римского развития».

— L. P. Wilkinson, *Onomatopoeia and the Sceptics*, стр. 121—132.

— P. Maas, *Commentarii in Hipponacten*, P. Oxy. 2176, fragm. 6, стр. 133—134.

— F. W. Walbank, *Alcaeus of Messene, Philip V and Rome*, стр. 134—145.

Начало большого исследования о политических взглядах Алкея Мессенского на основании текста его эпиграмм. Автор пытается определить, как реагировал «недужный грек» из Пелопоннеса на возвышение и затем падение Македонии. В печатаемой первой части исследования подвергаются анализу взаимоотношения между Филиппом V и Родосом, а также политическое влияние Македонии на соседние страны в период ее гегемонии.

THE CLASSICAL QUARTERLY, volume XXXIX

January-April 1945, Numbers 1, 2

— F. W. Walbank, *Polybius, Philinus and the first Punic war*, стр. 1—18. Автор анализирует источники Полибия по I Пунической войне, в частности, данные Филина из Агригента. Особое внимание посвящено теории исторического процесса у Филина. Автор считает, что Филин принадлежал к «трагической» школе эллинистических историков, подчеркивающей переменчивость человеческой судьбы и роль Провидения. Интересна полемика с Laqueur'ом, автором статьи «Philinos» в RE. В приложении даны обширные критические замечания под названием «M. Gelzers Theory of the origins of Roman Historiography».

- Н. Т. W a d e - G e r y, Kritias and Herodes, стр. 19—33. В статье защищается гипотеза, что автором *Περὶ πολιτείας* был не Герод, а Критий. Интересны комментарии и примечания Wade-Gery к тексту речи.
- F. J. W e l l e s z, The earliest example of Chrystian Hymnody, стр. 34—45.
- A. Y. C a m b e l l, Pike and eel: Juvenal, 5, 103—6, стр. 46—48.
- A. M o m i g l i a n o, The Locrian maidens and the date of Lycophron's *Alexandre*, стр. 49—53.
- D' A r c y W. T h o m p s o n, 'Ονος 'Ανδρωπος, стр. 54—55.
- R. H a c k f o r t h, False statement in Plato's *Sophist*, стр. 56—58.
- L. J. D. R i c h a r d s o n, Τερψία стр. 59—61.

THE CLASSICAL QUARTERLY, volume XL

January—April 1946, Numbers 1, 2

- A. C. M o o r h o u s e, 'Av with the future, стр. 1—10.
- K. O. B r i n k, Callimachus and Aristotle: an inquiry into Callimachus, *Πρὸς Πραξιφάνην*, стр. 11—26. Автор анализирует связи между афинской школой Аристотеля и школой Каллимаха в Александрии. Считая, что Каллимах как ученый был действительно последователем Аристотеля, автор все же подчеркивает самостоятельность поэзии и литературной критики Каллимаха. Подробно исследуются сохранившиеся фрагменты *Πρὸς Πραξιφάνην*, причем автор считает, что это произведение не было посвящено Праксифану, а, наоборот, было направлено против него и что в нем наиболее ярко выразилась самостоятельность Каллимаха.
- D. T a r r a n t, Imagery in Plato's *Republic*, стр. 27—34. Анализ стилистических оборотов и форм в «Республике» Платона.
- E. A. T h o m p s o n, The last Delphic oracle, стр. 35—36. Последним изречением дельфийского оракула автор считает не пророчество Оливасию, как это было принято до сих пор, а ответ Юлиану—Отступнику в марте 363 г.
- R. H a c k f o r t h, Notes on some passages of Alexander Aphrodisiensis: *De fato*, стр. 37—44. Критика текста *Περὶ εἰσαρμένης* Александра из Афродисии. Дан анализ роли Провидения в философии стоиков. Критика стоицизма проводится с точки зрения перипатетиков.
- D' A r c y W. T h o m p s o n, Hesychiana, стр. 44. Коньектуры и анализ слов: βρουχιδίνος, ζίγγος, κίλλαι и χόρραζος у Гесихия.
- B. D. M e r i t t, Note on Athenian Calendar, стр. 45—46. Предлагается новое чтение одного места из надписи. JGI², 94. Автор поддерживает свою прежнюю гипотезу о том, что в Афинах девятой пританией был Пандионис, а десятой Айгеис.
- G. Z u n t z, Notes on Antoninus, стр. 47—55. Критические замечания по поводу отдельных мест из *Meditationes* Марка Аврелия. Автор считает, что *Meditationes* являются простым сборником разрозненных изречений и мыслей без внутренней связи между ними. Тем более нецелесообразно доискиваться в *Meditationes* какой-то тенденции развития Марка Аврелия.
- J. A. K. T h o m s o n, The mirror of the Saronic Gulf, стр. 56—59. Анализ и перевод одного места из «Агамемнона» (стр. 305—308) Эсхила.
- B. D. M e r i t t, Borrowings in the Archidamian war, стр. 60—64. Продолжение исследований о займах из афинской священной казны в связи с необходимостью финансирования Архидамовой войны. Исправлению подвергается ряд позиций в надписи IG I², 324. Дано новое чтение текста 98—123 строк указанной надписи.

Я. А. Ленцман

К вопросу о скульптурном портрете Эфиопского периода времени 25-й династии

Портретная скульптура 25-й династии изучена далеко недостаточно, поэтому особый интерес представляет публикуемый памятник из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Это статуя царицы, изображенная в рост, в фронтальной позе, с традиционно выдвинутой вперед левой ногой и тесно прижатыми к телу руками. Высота статуи 75 см. Материал—серый гранит. Памятник не сохранился целиком: обе ноги обломаны ниже колен. Статуя явно не закончена. Это особенно бросается в глаза на всем головном уборе, трех свисающих концах парика и ожерелья, где еще сильно чувствуется неотполированная, шероховатая поверхность гранита. Осталась неразработанной и задняя плоскость бруса, что особенно ясно видно из сравнения с боковыми его поверхностями, уже приобретшими глянцево-полированный характер.

В статуе с первого же взгляда поражают пропорции исключительно удлинённых рук с развернутыми ладонями и, при всей обобщенности частей тела, столь характерной в скульптуре позднего времени, необыкновенная в то же время сочность трактовки формы, особенно лица, груди, живота.

Массивный, трактованный как бы короткими рубчиками парик в нашей статуе спадает вниз тремя концами. Две свисающие спереди узкие пряди доходят до груди, третья же, более широкая, спускающаяся сзади, доходит до бруса, закрывая всю спину. На голове высокая, круглой формы и очень массивная корона, несколько вздутая в середине и почти незаметно сужающаяся кверху. На лбу—урей, указывающий на царственное происхождение изображенной в статуе женщины. Урей и корона также мало еще детализированы, что явствует особенно из вполне нерасчлененной формы короны, состоящей к этому времени обычно из ободка уреев, намеченных в большей или меньшей степени, как это видно, например, на статуе Амениритис из Каирского музея или же хотя бы на более раннем рельефе с головой царицы Ти́и из музея в Брюсселе¹. Корона, аналогичная нашей, урей и рельефно выполненные поверх парика распростертые крылья являются обычными атрибутами ряда женских божеств, чаще всего Исиды, в силу чего можно было бы предположить, что наша статуя и изображает эту богиню. Но наша статуя воспроизводит несомненно царицу. Головной убор цариц, согласно памятникам живописи, рельефа и круглой пластики, мог состоять как из одной круглой короны в форме ободка разных пропорций по ширине и в высоту, так и из круглой короны, завешенной, как у Исиды, диском с рогами и перьями. Круглая корона из ободка уреев, по указанию Murray², появляется в Новом царстве либо с вполне вертикально-прямыми, либо же с несколько расходящимися кверху краями. Эти сложные короны у египетских цариц, аналогичные тем, которые украшают обычно и голову Исиды, общеизвестны. Мы встречаемся с ними вплоть до периода позднего эллинизма.

¹ Carant, Documents pour servir à l'étude de l'art égyptien, Bruxelles t. I, табл. 47.

² Murray, Egyptian Sculpture, 1929, глава VII.

В пользу предположения, что наша статуя представляет изображение царицы говорит и явная портретность статуи. Тонкая, играющая на лице улыбка, достигнутая несколько приподнятыми концами губ. Ни в новом царстве, ни в период XXVI династии мы не находим этой натуралистически сочной передачи формы, характеризующей наш памятник в целом.

Рис. 1. Статуя царицы. Гранит. Гос. музей изобразительных искусств им. Пушкина.

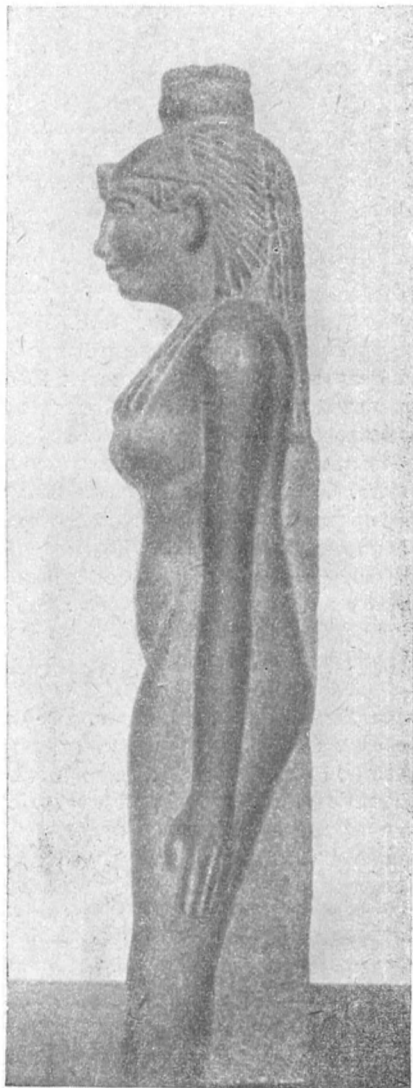

Рис. 2. Статуя царицы. Профиль. Гранит. Гос. музей изобразительных искусств им. Пушкина.

Лицо царицы округлое, щеки как бы налиты, губы мясisty, особенно верхняя губа, сильно приподнятая к носу, круглый подбородок очень короткий, глазные яблоки заметно вздуты, почти незаметно в верхней своей части переходя к надбровным дугам, большие уши далеко посажены. Вся характеристика лица далека от холодной и обобщенной типологии портрета XXVI династии и последующего времени. В этой характе-

ристик в какой-то мере выражен, на наш взгляд, и этнический элемент негроидного типа лица царицы. Это сказывается, между прочим, и в фигуре: в частности, в преувеличенно вздутых грудях.

Все эти особенности позволяют достаточно близко определить круг памятников, близких нашей статуе, и датировать ее. Три памятника, в первую очередь, должны здесь быть привлечены как аналогии. Это статуэтки царицы Каромамы из Лувра (выс. 59,2 см), Тахушит из Национального музея в Афинах (выс. 25 см) и царицы Амениритис из Каира (выс. 1,67 м).

Первый из указанных здесь памятников, сохранивший на цоколе картуш и найденный еще Шампольоном, выполнен в бронзе с инкрустациями из золота, серебра и электра. Статуэтку датируют обычно Ливийским периодом, Капар же пытается уточнить датировку, считая Каромаму женой фараона XXII династии—Такелота II (847—823 г. до н. э.)¹. Некоторые черты сходства царицы Каромамы с нашим памятником бесспорны. Из-под парика в статуе царицы нашего музея выглядывают ее собственные волосы в виде ровно стриженной и спущенной на лоб челки, заканчивающейся трапециевидными концами к вискам. Ту же полоску собственных волос, сходящих к вискам, мы видим и на голове Каромамы. Роднят оба памятника и близкие пропорции фигуры, особенно бедер.

У Тахушит лицо круглее, чем у царицы на нашей статуэтке, и при всем том аналогии в ряде черт очень близки: тот же маленький и округлый подбородок, тот же мотив приближающейся к носу верхней губы, сильно вздутых глазных яблок и мясистого, заметно расширяющегося книзу носа. Наличие в Тахушит негритянского типа, на что указывает и ее имя, по утверждению Муггау, кажется мне совершенно бесспорным, и поэтому отрицание Капаром эфиопского происхождения Тахушит и отнесение им памятника, вопреки всему, к Ливийскому периоду—неубедительно. Большинство исследователей (Шефер, Фехгеймер и др.) безоговорочно относили статуэтку ко времени XXV династии, и такая датировка подтверждается документально относящимися к этому времени памятниками.

Не в меньшей мере, чем Тахушит, близка нашему памятнику и статуя Амениритис. Уже в 70-х годах прошлого века, ссылаясь на мнение Руже и Лепсиуса, Присс Давен совершенно правильно усмотрел в памятнике изображение царицы, отнеся его к предсaisсовскому периоду. Он правильно назвал царицу дочерью Кашто, жившего во время правления Бокхора (XXIV дин.—720—715 г. до н. э.). Позднее изучивший памятник Биссинг подтвердил имена на цоколе, указав на то, что царица Амениритис являлась сестрой, а быть может, и женой фараона Шабаки (время XXV династии—716—701 г. до н. э.)². Б. А. Тураев считал Амениритис также сестрой этого фараона. В его царствование Амениритис, по словам Тураева, номинально правила Фивами.

Установленная таким образом датировка памятника была поддержана всеми без исключения египтологами, вплоть до последних работ по египетскому искусству, относившими статую Амениритис ко времени XXV династии. В статуе Амениритис дается характерная для всего эфиопского времени острая портретная характеристика. На массивном парике, разделанном тем же мотивом рубчиков, рельефно даны крылья и корона из ряда уреев, заканчивавшаяся диском с перьями, на что имеется указание в надписях на памятнике. На парике спереди три урея—уникальный мотив, символизирующий, по мнению Фл. Петри, в данном случае соединение Верхнего, Нижнего Египта и Эфиопии³. Снова, как в статуэтке Каромамы, в нашем памятнике и на голове Амениритис—густая полоска собственных волос, спускающаяся на лоб из-под парика.

¹ Дата царствования Такелота II и других фараонов позднего времени заимствована из последней работы В. Смита—крупнейшего знатока особенно эфиопского периода: W. S. Smith, *Ancient Egypt as represented in the Museum of fine Arts, Boston*, 1942.

² Bissing, *Denkmäler*, табл. 64.

³ Указание это дано в книге M u r r a y, *Egyptian Sculpture*, 1929, глава VII.

Еще в свое время Шассина, в его художественном анализе статуэтки Каромамы, сближал ее с Амениритис; Биссинг же, соглашаясь с этим наблюдением, указал на еще большую близость Амениритис к Тахушит, к искусству, ближе стоящему ко времени

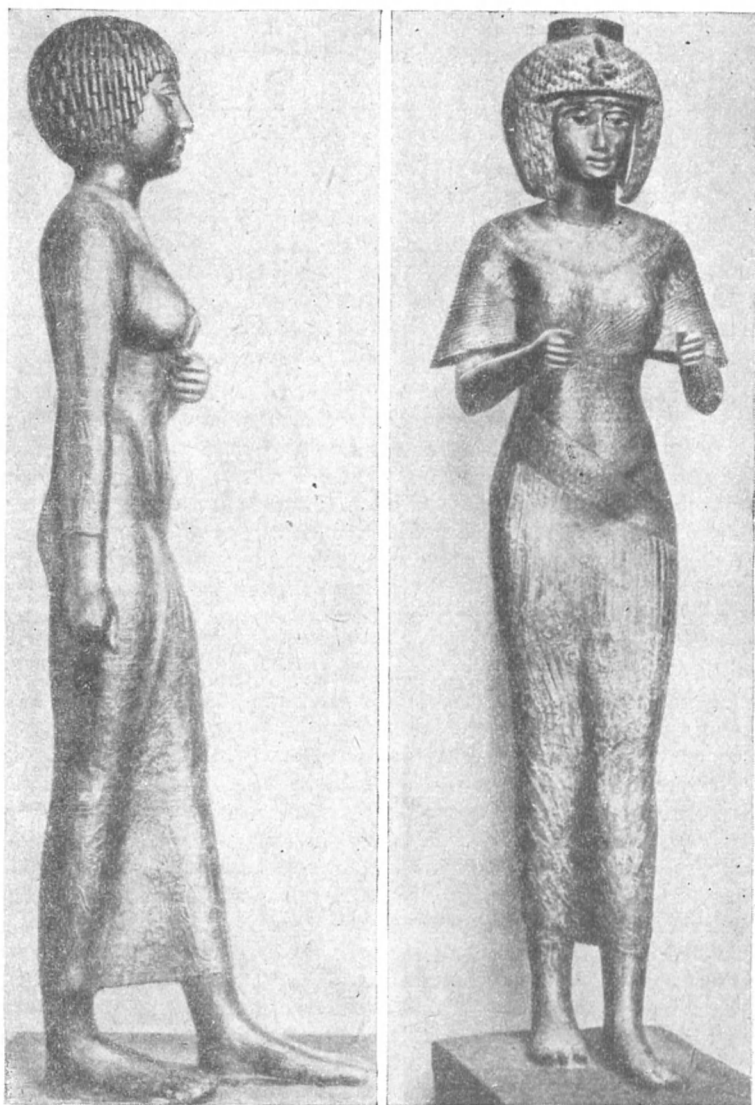

Рис. 3. Слева—Тахушит. Бронза. Нац. музей в Афинах.
Справа—Царица Каромама. Бронза. Лувр.

фараона Тахарки¹. С этим утверждением можно вполне согласиться. И наша статуя царицы, особенно в части портрета, имеет большое сходство с двумя последними памятниками. В трактовке нижней части лица и глаз близка и статуя царицы Амениритис. И в ее лице явно выражены отмечаемые Murray особенности: маленький,

¹ Schassinat (Monument Piot, IV, стр. 16):

круглый подбородок, поднятая к носу верхняя губа, глаза навывкате, с большим вздутием глазного яблока, почти незаметно переходящего в лобную часть.

Таким образом, особенности иконографии и совершенное совпадение ряда стилистических особенностей нашего памятника с памятниками периода XXV дин. не оставляют сомнения в датировке его тем же временем.

Оставляя в стороне детальное изучение отдельных частных сторон рассмотренных здесь памятников, мы должны будем отметить, что такие скульптуры, как Амениритис, Тахушит, Каромама и наш памятник, отличаются стремлением к такого рода реализму и, можно даже сказать, к подчеркиванию иногда таких натуралистических деталей, которые позволяют выделить это искусство в особое художественное направление, отличное как от предшествующего развития в Новом царстве, так и от последующего в собственно Саисском периоде. Круг памятников, позволяющих определить время появления нашей скульптуры, следовало бы расширить указанием еще на ряд женских статуэток Эфиопского периода¹. Период XXV дин. в скульптурном портрете развивается под знаком острой передачи физиономики и этнического типа. Примером тому служит целая серия мужских лиц и в первую очередь портреты Менуемхета—важного лица при эфиопских фараонах XXV дин.²

Приходится расширить круг аналогий при анализе статуи Амениритис, привлекая те же головы Менуемхета и Тахарки³. Мастера этих памятников, выполненных обычно в твердых породах камня (чаще всего гранита), достигали здесь какой-то особой массивности, компактности передачи формы, чрезвычайно обобщая разработку частей тела и лица.

Расширение круга памятников привлечением и мужских портретов многое подтверждает в произведенном нами анализе женских статуэток. Так, в частности, в коленгагенской голове Тахарки отмечавшаяся особенность в трактовке глаза—вздутие глазного яблока и незаметные его переходы к лобной части—проведена с исключительной наглядностью. Уже Присс д'Авени отмечал в свое время близость типологии портрета Тахарки к Амениритис⁴.

Встречаем мы в мужских портретах и другую отмечавшуюся особенность—приподнятые верхняя губы к носу. Примером тому служит воспроизведенный у Ж. Капара рельеф с изображением жреца Петуаменапа из музея в Брюсселе. Памятник в такой же мере, как и современные ему скульптурные головы Тахарки, может служить отправной точкой в датировке портретов времени XXV династии. Правильную атрибуцию памятников фиванской гробницы жреца Петуаменапа также дал уже Присс д'Авени⁵.

В итоге следует остановиться на одном очень важном факте. Ряд сделанных нами наблюдений указывает на заимствование многих черт в Эфиопский и последующий Саисский периоды из прежних эпох египетского искусства и, в частности, из эпохи древнего царства.

Так, короткие парики, трактованные горизонтальными ярусами и разделанные прямоугольной формы рубчиками, оказываются, несомненно, заимствованными из искусства древнего царства. Парик жреца из Мюнхенской глиптотеки⁶ есть безусловно архаизация париков, обычных в скульптурах периода V дин. Образцами здесь являются, скажем, голова Тии из музея в Каире или же известняковая голова сидящего египтянина времени V дин. из Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина⁷. Меррей отмечает, как архаизацию, и входящий в период

¹ H. F e c h h e i m e r, Kleinplastik der Ägypter, 1922, стр. 102—111.

² S c h ä f e r, Ägyptische Kunst (Propyläen Kunstgeschichte, B. II, табл. XXI, стр. 432).

³ B i s s i n g, Denkmäler, текст к табл. 64, особенно прим. 13.

⁴ P r i s s e d ' A v e n n e s, Histoire de l'art égyptien, Paris, 1879.

⁵ P r i s s e d ' A v e n n e s, Histoire de l'art égyptien, Paris, 1879, стр. 407;

J. C a r a n t, Documents, I, табл. 92.

⁶ B i s s i n g, Denkmäler, табл. 67—68.

⁷ Т у р а е в, Описание египетского собрания, 1917, стр. 10, № 16 и табл. II, I.

XXV дин. обычай у мужчин носить парики колоколособразной формы с пробором в середине. Убедительным тому примером является безусловно относящаяся к этому времени голова, приводимая Мерреем по аналогии с головой Ранофера из музея в Каире¹. Заимствуется, по утверждению Биссинга², из искусства Нового царства

Рис. 4. Царица Амениритис.
Известняк. Каир.

эфиопскими фараонами и царицами и частый мотив ношения двух уреев. Обычно эти два урея встречаются и в головах Тахарки³ и начало свое берут в скульптуре Нового царства. Этот мотив особенно типичен для времени Аменхотепа III. Примером могут служить указанные мною выше головы царицы Ти в рельефе из Брюссельского музея, в круглой же скульптуре в голове той же царицы из Каира. Отмечавшаяся особенность трактовки верхней губы, как, например, в статуе царицы Амениритис, также идет из искусства эпохи Древнего царства⁴.

Архаизация искусства Эфиопского периода имеет исторические причины. В период же XXV дин. эфиопские фараоны стараются снискать доверие рабочего класса Египта, привлекая к себе жречество и возрождая древние египетские культы.

При завоевании Мемфиса фараон Пианхи запрещает касаться храмов и приносит жертву в храме Пта. Культ мертвых, по словам Эрмана, изучившего проявления египетской религии в Эфиопии⁵, принимает египетские формы. Даже позднее, в эллинистическую эпоху, эфиопские цари строят еще себе пирамиды и ставят покойнику стелу с изображением египетских божеств.

В разных областях культуры замечается заимствование элементов старого и их оригинальная переработка. Процесс этот, касающийся языка и религии литературы и изобразительного искусства, установлен главным образом лишь для Саисской культуры, т. е. для периода реставрации египетской монархии в XXVI дин. Этим, повидимому, объясняется, что во многих трудах по египетскому искусству ряд разобранных нами здесь памятников, явно принадлежащих периоду XXV дин. и безусловно типичных в ряде черт только для этого времени, тем не менее подводился под категорию Саисского искусства.

Процесс возрождения основ древнеегипетского искусства в период XXV дин. имел свою специфику. Мы старались возможно ближе подойти и понять ее, выделив с этой целью круг типичных памятников. Если это удалось, то это лишь лишний раз показывает, что категорию Саисского искусства, понимаемую обычно слишком широко, нужно ограничить временем XXVI дин.

В. В. Павлов

¹ Murray, *Egyptian Sculpture*. 1929, гл. VII, табл. XLIV; Schäfer в *Propyläen-Kunstgeschichte*, B. II, табл. IV.

² Bissing, *Ib.*, табл. 64.

³ См., например, опубликованную Шефером бронзовую статуэтку из собр. Мак Грегера, «*Zeitschrift für ägyptische Sprache*», Bd. 33 (1895), стр. 114—116.

⁴ Указание на этот факт находим у Биссинга, текст и табл. 64.

⁵ Erman, *Die Religion der Ägypter*, глава XX.

К изучению древней истории Туркмении

Одной из очередных задач советской исторической науки является изучение древней истории народов Средней Азии вообще и Туркмении, в частности. До сих пор в этой области сделано очень мало, совсем не пропорционально серьезности и ответственности темы.

После Великой Октябрьской социалистической революции на территории среднеазиатских республик произведен целый ряд чрезвычайно ценных и давших богатые результаты археологических раскопок, часто проливавших новый свет на сложные и запутанные вопросы далекого прошлого.

До сих пор, однако, далеко не все возможности использованы, и многое, что должно и могло было бы быть выполненным, до сих пор не реализовано. Теперь уже достаточно всеми признано, какой большой интерес с точки зрения всемирной истории представляет прошлое Туркмении в древнее время¹. Достаточно упомянуть о проблеме палеолита в Туркмении, о прославленных культурах Анау, о парфянском периоде и др. Все это богато представлено материальной документацией в Туркменской ССР, но далеко не все эти богатства надлежащим образом выявлены.

Уже имеющийся материал, нередко уникальный, до сих пор не обработан, по-настоящему не изучен и не пущен в научный оборот. Великолепные археологические памятники, обнаруженные раскопками последних лет, до сих пор не изданы; не опубликованы даже предварительные отчеты проведенных экспедиций.

В настоящей статье я не имею возможности остановиться на всей совокупности основных вопросов изучения древней истории Туркмении. Мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых вопросах, имеющих весьма существенное значение.

I. Первый из этих вопросов касается даже не столько древней истории Туркмении, сколько преемственности. Относительно времени появления древнейших следов пребывания человека на территории Туркменистана пока еще не имеется вполне точных данных. Долгое время в Средней Азии не было обнаружено существования человека в эпоху палеолита. Но в 1938 г. в Узбекистане, в пещере Тешик-Таш, были найдены остатки первобытного человека и соответствующий инвентарь, относящийся к древнекаменному веку, к так называемой мустьерской эпохе. Эти замечательные находки, привлечение внимание всего ученого мира, дали повод предположить, что и в других местах Средней Азии следы пребывания палеолитического человека могут быть обнаружены. В частности, встал вопрос о палеолите в Туркмении.

В 1942 и 1943 гг. геологи, производившие свои специальные изыскания на Красноводском полуострове, обнаружили следы пребывания первобытного человека в прикаспийской части Западной Туркмении. Выявлено было до 40 пунктов нахождения соответствующих культурных остатков. В обнаруженных стоянках найдено большое количество каменных орудий самой грубой обработки. В числе этого инвентаря были установлены ножевидные пластины, служившие для разделки шкур убитых животных, скребки и отщепы, служившие для обработки кости, проколки и остроконечники. Найдены были и нуклеусы. В некоторых стоянках в культурном слое были обнаружены кости со следами раскола и обжига. Орудия выделялись из гальки окаменелого кубадагского известняка. Эти замечательные находки, о которых до сего времени имеются лишь краткие газетные сообщения, не подвергнуты еще тщательному и пристальному археологическому изучению, и в настоящее время трудно вполне точно датировать обнаруженные памятники. Недавно произведенное предварительное исследование красноводских находок, сделанное видным археологом-палеолитиком П. И. Борисовским, ставит вопрос о приурочении части обнаруженных предметов к верхнему палеолиту, к так называемой капсийской стадии. Доклад П. И. Борисов-

¹ Проф. И. Н. Б о р о з д и н, Что дает прошлое Туркмении для всемирной истории, «Совет Эдебияты», 1943, № 6, и в расширенном виде на туркменском языке в журн. «Большевик», 1943, № 9—10.

ского, заслушанный на 3-й научно-исследовательской конференции Ашхабадского педагогического института¹ и повторенный в Институте истории материальной культуры Академии Наук СССР в Ленинграде, вызвал большой интерес и оживленную дискуссию, причем были высказаны различные мнения археологами—одни тянули материал вверх, ко второй половине азийской эпохи, другие вниз—к эпохе Мадлен. Дальнейшее исследование палеолита в Туркмении, конечно, надо расширить и углубить. Во всяком случае, теперь имеются некоторые реальные данные предположить, что уже в эпоху палеолита, за много тысяч лет до наших дней, человек обитал на территории теперешней Туркменской ССР.

II. Одним из капитальных вопросов древнейшего прошлого Туркмении является вопрос о культурах Анау. Замечательные находки в холмах Анау, сделанные американской экспедицией Pumpelly², уже прочно вошли в мировой научный обиход. Но, все же, далеко не все вопросы, связанные с изучением культур Анау на почве Туркмении, получили свое разрешение. До сих пор является крайне спорной хронологическая классификация материала. От «длинной» хронологии, предложенной Pumpelly (IX тысячелетие до н. э.), большинство ученых давно уже отказалось, начиная с Губерта Шмидта, обработавшего материалы экспедиции и позже не раз возвращавшегося к этой тематике. Сейчас, пожалуй, единственно Е. Диц, ученик Стржиговского, по примеру учителя склонный к парадоксальным выводам, называет место около Анау древнейшим известным до сих пор культурным оазисом человечества³.

Предложенная более «короткая» хронология требует уточнения и детализации. В небольшой статье об Анау, помещенной в издании «Архитектурные памятники Туркмении», А. Марущенко намечает довольно сложную классификацию культуры Анау с дробными подразделениями, но эта безусловно заслуживающая внимания наметка требует развернутого обоснования⁴.

Приходится считать за некоторыми недавно выдвинутыми в науке положениями. Так, на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде (1935 г.) турецкий ученый Ариф Мюнфид Мансел в своем интересном докладе остановился на проблеме древней расписной керамики и дал обзор всех ее местонахождений, начиная с открытий де-Моргана в Сузах и Пемпелли в Анау и кончая новейшими раскопками в Иране, Китае, Индии, Сирии, Египте, Эгейском бассейне и Дунайских странах. Примечателен вывод Мансела, что рассматриваемая культура возникла в одном центре (по мнению автора—в Средней Азии, в районе Анау), откуда распространилась и в другие страны. Носителями этой культуры являлись, повидимому, шумеры⁵. В этом утверждении Мансел повторяет, в сущности, мысль давно уже высказанную нашим акад. Б. А. Тураевым, который, сопоставляя сосуды Анау с эламскими, был склонен относить анауские памятники к более древнему периоду и выводил шумеров с северо-востока⁶.

¹ Тезисы доклада П. И. Борисковского печатаются в сборнике научных трудов Ашхабадского госуд. педагогического института им. Горького.

² Pumpelly, Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilization of Anau, vol. I—II, 1908; Pumpelly, Explorations in Turkestan with and account of Eastern Persian and Seistan Expedition of 1903, 1905.

³ E. Diez, Churostanische Baudenkmäler, 1918, т. I, стр. 1. См. замечания акад. В. В. Бартольда (В. Бартольд, Восточноиранский вопрос, ИРАИМК, 1922, т. II, стр. 362).

⁴ Архитектурные памятники Туркмении, вып. 4. Составил Н. М. Багинский, при участии С. А. Ершова, А. В. Марущенко и П. А. Полявского, М.-Л., 1939, стр. 101.

⁵ Arif Mufid Mansel, Kulturwanderungen und Kulturbeziehungen des IV und III Jahrtausends v. Chr. im Lichte der Keramikforschung. III международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь, 1935. Изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1939, стр. 119—126.

⁶ Проф. Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. I, стр. 68.

Нельзя не упомянуть в связи с этим и о любопытных замечаниях проф. Грозного, который в одной из своих новейших обобщающих работ уделяет видное внимание керамике Анау и считает, что родиной шумеров был Туркестан¹. Многое в этих построениях остается дискуссионным, требующим пересмотра и углубленных, дополнительных исследований, в которых наши советские ученые, вооруженные марксистско-ленинским методом и учитывая яфетидологические штудии акад. Марра, могут и должны сказать свое веское слово. При разборе запутанной анауской темы надо учесть также данные, обнаруженные недавними раскопками известного шведского археолога Т. Арне, о которых он докладывал на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде. Раскопки тепе близ Астрабада обнаружили высокоразвитую культуру, датируемую 3000 лет до н. э. Найденная расписная керамика, известная из ряда других местностей в Иране, Месопотамии, М. Азии, имеет ряд аналогий с керамикой на Крите и в Греции, что позволяет заключить о существовании взаимоотношений между этой культурой и культурой минойской².

Не только сами холмы Анау, но и обнаруженные на территории Туркмении аналогичные курганы (особенно Ак-Тепе и Намазга-Тепе³) требуют тщательного и детального обследования. Совершенно необходимо в ближайшее время опубликовать имеющиеся материалы раскопок; памятники Ак-Тепе, представляющие значительный интерес, до сих пор не описаны и не изданы. Проблема Анау остается одной из первоочередных задач изучения древнейшей истории Туркмении⁴.

Большая работа, проводимая за последние годы хорезмскими экспедициями, частично затронувшими и ТССР, дала возможность пустить в научный оборот свежий, чрезвычайно ценный материал, во многом совершенно заново осветивший до сих пор темные страницы культуры Хорезма с древнейших времен до эпохи хорезмшахов. Не в пример прочим исследовательским изысканиям, материалы хорезмских экспедиций, образцово поставленных, незамедлительно обследовались, и результаты их опубликовывались в виде обстоятельных отчетов начальника экспедиции проф. С. П. Толстова⁵ С. А. Ершова⁶, А. И. Тереножкина⁷.

III. Гораздо хуже обстоит дело с интереснейшим периодом истории Туркмении — эпохой Парфянского царства. Культура Парфии за последнее время привлекает исключительное внимание ученого мира Европы и Америки. Любопытнейшие археологические открытия (Дура-Европос и др.), пересмотр и классификация имеющегося материала — все это стоит сейчас в порядке дня мировой науки. И здесь особый, совершенно исклю-

¹ Проф. Б. Грозный, Доисторические судьбы передней Азии, ВДИ, 1940, № 3—4, особенно стр. 32 и 43—44.

² Т. Арне, Шведская археологическая экспедиция в Иран. 1932—1933. III. Межд. конгресс по иран. искусству и археологии. Доклады, стр. 42. Т. J. Arne, The Swedish Archaeological Expedition to Iran 1932—1933; «Acta Archaeologica», VI, K., 1935; T. J. Arne, La steppe turcomane et ses antiquités, «Geografiska Annaler», 1935.

³ Д. Букинич, Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе, «Туркменоведение», 1929, № 5; он же, Neues über Anau, ESA, I, 1930. Ср. он же, История первобытного орошаемого земледелия, «Хлопковое дело», Ашх., 1924.

⁴ Попытку дать обобщающую работу по Анау Е. Кобранова, Историко-культурное значение Анау, 1927, нельзя признать удовлетворительной.

⁵ Проф. С. П. Толстов, Древнехорезмские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3; он же, Хорезмская экспедиция 1939 г., КСИИМК, VI, 1940; он же, Древности Восточного Хорезма (Основные итоги Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.), ВДИ, 1941, № 1; он же, The Early Culture of Khwarizm, «Antiquity» т. XX, 1946, June и др. статьи.

⁶ С. Ершов, Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи, ВДИ, 1941, № 1.

⁷ А. Тереножкин, Археологические разведки в Хорезме, СА, VI, 1940.

чительный интерес представляют замечательные археологические открытия в Туркмении, на месте древней парфянской столицы Несе. Акад. В. В. Бартольд гервым указал, что столица парфян Неса (или как они писали «Ниса») находится близ Ашхабада, у аула Багир¹. Произведенные в так называемой Старой Несе и Новой Несе раскопки дали блестящие и весьма показательные результаты. Археологическое обследование начато было в 1930 г.; наиболее эффективными были раскопки 1934 и 1935 гг. Раскопки городища в Старой Несе обнаружили остатки комплекса дворца-мавзолея-храма. Нижнее здание было определено руководителем раскопок как «наус» — родовая усыпальница Аршакидов. В развалинах, наряду с многочисленными образцами терракотовой орнаментики и фресковой росписи, были найдены фрагменты парфянских статуй царей из раскрашенной необожженной глины, сохранившиеся части головы одной из них сближаются с монетными портретами Аршакидов. Дворец состоял из двух парадных зал и жилой части, делящейся на мужскую и женскую половины, храм имеет вид массивной прямоугольной башни, окруженной пристройками по низу. Любопытны терракотовые облицовочные плиты с различными сюжетами — плита с изображением львиной головы, плита с изображением так называемой «пальцы Геракла», зубчатый акротерий со стрелой внутри и др. Значительный интерес представляют также находки в городище Новая Неса. В развалинах здания (на глубине 3 м) обнаружены перламутровые бляхи с изображением кентавра, фрагменты костяных пластин со сценой типа ахеменидских барельефов, стеатитовая ваза с верхом, трактованным в виде крепостных стен, и т. д. Возможно, что в Новой Несе открыто место македонской Александрии.

Мы привели почти целиком наиболее подробное из существующих описаний археологических раскопок в Несе, занимающее всего-навсего одну страницу². Никаких других, более детальных и основательных, отчетов о произведенных раскопочных работах до сих пор не имеется. В сущности, все упоминания о замечательных открытиях в Несе базируются на этих более чем скупо представленных отчетных данных. На III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии А. Марущенко делал подробное сообщение о Несе, но не только доклад в целом, но даже и краткое резюме почему-то не нашло себе места в прекрасном издании Трудов Конгресса³.

Некоторые, точно так же краткие, дополнительные данные о памятниках Несе, мы находим в статье М. Дьяконова и А. Стрелкова «Выставка иранского искусства» (журн. «Искусство», 1936, № 1). Здесь рассматриваются некоторые наиболее примечательные памятники, обнаруженные при раскопках как в Старой, так и в Новой Несе. Остатки архитектурного комплекса в Старой Несе говорят о смешении иранских и эллинистических форм при господстве последних. Из найденных предметов одни звучат совершенно по-гречески (например, волюты ионической колонны и аканф), другие, наоборот, продолжают старые древневосточные традиции. Характерны, например, прорезные уступчатые плиты, напоминающие по форме вавилоно-ассирийские зубцы. Недавно в Персеполе американской археологической экспедицией была откопана лестница, украшенная в верхней части подобными зубцами.

В статье названных авторов правильно отмечается: «Представители парфянской династии Аршакидов, именовавшие себя филэллинами, насаждали в стране эллинистические формы искусства; однако эти последние, попав на местную иранскую почву, претерпевали значительные изменения». Памятники Старой Несе в этой статье датируются не позже I в. до н. э.

¹ В. Бартольд, Восточноиранский вопрос, ИРАИМК, 1932, т. II, стр. 374. См. упоминание «о Нисае—Парфанизе с гробницами парфянских царей» у Исидора Харохского, Парфянские стоянки 8—19 («Древние авторы о Средней Азии», под ред. Л. Баженова, т. 1940, стр. 132).

² А. Марущенко, Археологические открытия последних лет в Туркменистане, «Известия Туркменского госуд. научно-исследовательского института», 1935, № 1, стр. 10.

³ Весьма немного говорится о докладе Марущенко в заметке о конгрессе по иранскому искусству и археологии, помещенной в СА, II, 1937, стр. 209—210.

При рассмотрении предметов, найденных в Новой Несе, особенно подчеркивается близость некоторых из них к искусству Ахеменидов. Так, например, особо отмечается фрагмент небольшой костяной статуэтки, где трактовка волос на голове напоминает ахеменидскую. Примечательна часть пластинок из слоновой кости с изображением кочевников в башлыках, какие мы знаем по рельефам Персеполя. Подводя итоги разбору демонстрированных на выставке памятников из Несе, авторы приходят к следующим далеко идущим выводам. «Работы в Несе подтверждают и ранее напрашивавшееся утверждение, что культура эллинистической Парфии имела огромное значение для распространения в Азии греко-римских форм. Можно с уверенностью утверждать, что именно Парфия была основной распространительницей того эллинистического искусства, которому впоследствии было суждено долгое, многовековое существование в Центральной Азии»¹.

Мы уже говорили, что вопросы истории Парфии, парфянской культуры и искусства вызывают в настоящее время особый интерес в мировой науке. Проф. Ростовцев напечатал в «Классической серии» Иэльского университета капитальную работу о парфянском искусстве², собрав огромный иллюстративный материал. В этом исследовании широкого охвата, с выводами не всегда бесспорными, упоминается и о раскопках в Несе, с указанием, что соответствующей публикации о них еще нет.

Еще раз можно сказать, что вопросы истории Туркмении в парфянский период совсем почти не разработаны. Обыкновенно ограничиваются общими фразами о большой роли Туркмении в эту эпоху, о торговых путях, соединявших Восток и Запад, о борьбе парфянских царей с Селевкидами, греко-бактрийским царством и Римом. Неукоснительно отмечается, что Аршак II (Тиридат), согласно свидетельству Помпея Трога, построил ряд крепостей в важнейших стратегических частях страны; в частности была отстроена и укреплена новая столица Парфии Дарра, находившаяся где-то в районе современного Каахна³. Но каких-либо изысканий, хотя бы и в виде предварительных разведок, предпринято не было.

В этом отношении значительно более повезло замечательным памятникам соседа и зачастую соперника Парфии — греко-бактрийского царства. Недавно в прекрасном оформленном издании Академии Наук СССР вышла основательная работа проф. К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского царства», 1940, представляющая тщательное и детальное описание памятников в историческом аспекте. Нельзя, однако, не отметить, что К. В. Тревер решительно уклонилась от каких бы то ни было попыток охарактеризовать взаимоотношения одновременно существовавших искусства греко-бактрийского и искусства парфянского⁴.

Автор проявляет большую осторожность, но, быть может, и излишний скептицизм в вопросе о разработке истории парфянского искусства. Уже упомянутая мной работа проф. М. И. Ростовцева, являющаяся сводкой имеющегося по искусству Парфии материала, дает определенную историческую перспективу. Надо надеяться, что в последующих исследованиях вопрос о культурных взаимоотношениях греко-бактрийского и парфянского царств будет надлежащим образом освещен.

Пока же приходится констатировать, что дело с изучением «парфянского наслед-

¹ Op. cit., стр. 27.

² M. Rostovtzeff, *Dura and the Problem of Parthian Art*, «Yale Classical Studies», 1935.

³ Л. Ба ж е н о в, *Средняя Азия в древний период (между шестым и вторым веками до нашей эры)*, 1937. См. рецензию на эту книгу проф. С. П. Толстова, ВДИ, 1938, № 2—3. Основных античных источников по парфянскому периоду касается и работа С. А. Вязинина, *Страбон и Плиний, как источники об истории Туркмении* (диссертация на степень кандид. ист. наук, рукопись) 1945.

⁴ См. также доклад К. В. Тревер, *Проблема греко-бактрийского искусства*, III Межд. конгресс по Иранскому искусству и археологии. Доклады, 1939, стр. 262, 270.

ства» на территории Туркменистана обстоит плохо. Исследовательские работы не развернуты. Мало того, уже извлеченный ценнейший и богатейший археологический материал лежит втуне и не вошел в научный обиход. Первоочередной задачей ученых Туркменистана, одной из главных и ближайших задач Турк. филиала Академии Наук СССР должна быть публикация результатов археологических раскопок в Старой и Новой Несе¹. Это вопиющий долг, который требует незамедлительного расчета. Осенью 1946 г. предполагено развернуть археологические работы в южной Туркмении, включая Несу. Но, наряду с новыми исследованиями, надо срочно ликвидировать и старую задолженность.

Проф. И. Н. Бороздин

Золотая монета Синдики

В 1943 году Гос. ист. музей купил у гр. Пшеничной коллекцию монет (инв. № 81166). Монеты античные, византийские, зап.-европейские средневековые и русские, всего 1120 шт.: из них 432 серебряных, 667 бронзовых, 13 золотых. Собрание принадлежало А. Ф. Ильину (Симферополь). Среди них оказалась золотая синдская монета. До сих пор все синдские монеты известны были только в серебре. Прежде всего, конечно, встает вопрос о подлинности монеты. Монета не вызывает сомнений. Она не литая, не проработана резцом, сохранность ее хорошая. Все нумизматы Москвы признали ее подлинной.

Вес монеты 4,08 г. Чтобы определить этот номинал, обратимся к некоторым данным по монетным системам Сев. Причерноморья.

Самая ранняя греческая весовая система—эгинская—была распространена и в северном Причерноморье: в Тире, Ольвии, Феодосии, Пантикапее, Нимфее и Фанагории.

Все серебряные монеты Синдики чеканены по эгинской системе. Средний вес эгинского статера в северном Причерноморье был равен 12,23 г.² Статер в самой Эгине в среднем весил 12,571 г по Head³.

Эгинская система была основана на 60-ричном вавилонском счете, и потому подразделения этой системы могли быть согласными с шестидесятиричным счетом. Бертье-Делагард дает деления статера: $1/3$, $1/4$, $1/6$, $1/12$, $1/24$, $1/48$ ⁴.

Обратимся теперь к весу нашей монеты. Золото эгинской системы было только в северном Причерноморье и известно в Пантикапее. Номинал Пантикапейского золотого был в $1\frac{1}{2}$ драхмы. Если эгинский статер равнялся в северном Причерноморье 12,23 г., а наша монета весит 4,08 г, то с относительно большой точностью получается, что наша монета—это $\frac{1}{3}$ часть золотого эгинского статера. В самом деле $12,23:3=4,08$ с приближением на одну сотую грамма. Причем я беру вес эгинского статера северного Причерноморья, так как он ближе всего к Синдике территориально. Таким образом, наша золотая монета Синдики—это $\frac{1}{3}$ статера эгинского стандарта, т. е. как раз той системы, в которой чеканены и все серебряные монеты Синдики.

¹ До сих пор не опубликована работа С. А. Ершова, Очерк древней истории Туркмении, где раскопкам в Несе отведено видное место.

² А. А. Бертье Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борифене, Нум. сборн., т I, М., 1911, стр. 36.

³ Head, Historia numorum, Oxford, 1887, стр. XXXIX.

⁴ А. А. Бертье Делагард, ук. соч, стр. 42.

Изображения на монете такие же в основном, как и на серебряных монетах, но сделаны более тщательно, что и понятно, так как золотые монеты чеканились всегда лучше, с большим старанием, чем серебряные.

Ав. Сидящий грифон вправо. Перед ним колос. Рв. Во вдавленном квадрате голова лошади вправо и надпись ΣΙΝΔΩ.

Разница в изображениях сравнительно с серебряными монетами синдгов (типа: Бурачков, № 8, стр. 177, таб. XXIII, № 1) заключается в том, что у золотой монеты перед грифоном—колос, у серебряной—зерно. Но это вполне понятно и объяснимо.

Рис. 1. Золотая монета Синдики.
Аверс.

Рис. 2. Золотая монета Синдики.
Реверс.

Зерно или колос являлись символами хлебного богатства Синдики. Нечто подобное мы находим и на пантикапейских монетах, где колос вместе с грифоном встречаются только на золотых монетах и никогда не встречаются на серебряных.

Трактовка грифона на синдских монетах очень оригинальна. Голова его не птичья, но короткая, не похожая ни на змеиную голову абдерского, ни на голову животного пантикапейского грифона. Уши не длинные, поза—хиосского сфинкса. Общий тип, несомненно, переходный от раннего типа абдерского, теосского и раннего пантикапейского грифонов к позднему типу пантикапейского и херсонесского грифонов. Если монеты Теоса и Абдеры с данным изображением грифона можно отнести к VI—V в. до н. э., а монеты с поздним изображением пантикапейского и херсонесского грифонов ко второй половине IV в. до н. э., то монета Синдики с данным изображением грифона может быть отнесена к середине IV в. до н. э.

Изображение головы лошади на реверсе монеты ближе всего подходит к такому же изображению на монетах Тир, но тип лошади ипой. Лошадь в греческой мифологии—животное, посвященное или богу Аполлону, богу солнца, света, или Посейдону, богу моря. Для Синдики это скорее эмблема Аполлона—солнца, так как грифон на аверсе также является символом солнца.

О датировке монеты можно добавить следующее. Характер изображений, их прекрасный стиль вполне может быть датирован эпохой расцвета монетной чеканки в Греции IV в. до н. э. Вдавленный квадрат, в котором вычеканены изображения, может быть датирован даже концом V в. до н. э. Однако, принимая во внимание как стиль грифона, так особенно то обстоятельство, что монета золотая и не могла быть чеканена раньше введения в Греции биметаллизма Филиппом Македонским,—т. е. ранее 358 г. до н. э.,—она может быть более точно датирована 50-тыми годами IV в. до н. э.

Ю. Крушкел

Памяти академика В. В. Латышева

В этом году исполнилось двадцать пять лет со дня смерти одного из наиболее выдающихся русских ученых Василия Васильевича Латышева. Латышев принадлежал к кругу ученых школы Ф. Ф. Соколова, выдвинувших русскую науку об античности на видное и почетное место. Греческая эпиграфика, занимавшая центральное место в работах этих ученых, не была у них самоцелью, но сочеталась с широкими историческими обобщениями, значительно обогатившими науку об античности.

Широта взглядов и исчерпывающая полнота и тщательность в особенности характерны для трудов В. В. Латышева, всегда связанных с наиболее насущными потребностями отечественной науки об античности, насколько они определялись в его время в рамках мировой науки.

В. В. Латышев уже со школьной скамьи посвятил себя изучению и публикации греческих надписей нашего Юга, вполне отдавая себе отчет в том, что это была первоочередная задача греческой эпиграфики в России.

Ближайшим результатом его ранних работ было «Исследование об истории и государственном строе г. Ольвии», СПб., 1877 г.—его докторская диссертация—первое большое историческое исследование, посвященное одной из греческих колоний Причерноморья, основанное в значительной степени на эпиграфическом материале. Книга эта, хотя она во многих частях устарела, благодаря огромному новому материалу, накопившемуся на протяжении истекших десятилетий,—материалу, частично обработанному в дальнейшем самим же В. В. Латышевым,—до сих пор остается образцовым историческим исследованием, каких ждут еще другие античные центры нашего Юга.

Итогом эпиграфических трудов было предпринятое В. В. по поручению Академии Наук издание свода греческих и латинских надписей, найденных на Юге России под заглавием *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*, первое издание которого в двух томах, включающих в себя надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса, Неаполиса, Ай-Тодора (т. I) и Боспорского царства (т. II), появилось в свет в 1885—90 гг.

Позже, в 1901 г., появилось в качестве IV т. *Inscriptiones* дополнение к первым двум томам, содержащее новые подписи из всех перечисленных выше пунктов. В 1916 г. вышло второе издание т. I *Inscriptiones*, включившее в себя как те дополнения, какие вошли в т. IV, так и надписи, найденные в перечисленных выше пунктах за период времени с момента выхода в свет т. IV и до появления 2-го изд. т. I (составление и издание т. III, долженствовавшего содержать керамические надписи, граффити и т. п., порученное Е. М. Придику, не было завершено за смертью автора в 1935 г. и остается незавершенным и поныне).

Издание древних надписей, предпринятое Латышевым, по его методическим приемам является образцовым с точки зрения филологической и эпиграфической практики своего времени и, поскольку речь идет о его 2 издании, остается таковым в значительной степени и по настоящий день.

Сопровождающий надписи комментарий содержит не только филологическую аргументацию, но иногда и в высшей степени детальные и глубокие экскурсы исторического и хронологического характера, а также сопоставления с другими эпиграфическими данными, помогающие возможно полнее использовать публикуемые надписи как исторический источник. Закрывающий наиболее важные надписи русский перевод облегчает пользование IOSPE людям, не обладающим достаточным знанием греческого языка. Изданию боспорских надписей Латышев предпослал «Краткую историю Боспорского царства», являющуюся основным историческим трудом справочного характера для всякого, занимающегося историей Боспора.

Параллельно изданию надписей, В. В. Латышев осуществил другое важное начинание—издание в экскерптах и переводе древних литературных источников (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе под названием *Scythica et Caucasica*—«Известия

древних писателей о Скифии и Кавказе» (т. I в двух частях—греческие авторы и т. II, также в двух частях—латинские авторы) 1893—1906 гг. Это издание вместе с IOSPE является необходимым пособием для всякого, занимающегося историей юга России.

Не будет преувеличением сказать, что двумя названными трудами В. В. Латышев заложил те основы, без которых серьезные занятия в указанной области были бы, при современных требованиях науки, чрезвычайно затруднены.

Как уже говорилось выше, издание IOSPE не было доведено Латышевым до конца. Подготавливавшееся им переиздание т. II, так же, как и выпуск в свет т. III, не осуществились. Кроме того, эпиграфический материал Крыма и Кавказа разросся в после-революционное время за счет многочисленных новых находок.

В особенности необходимым представляется завершение подготовки и издания т. III IOSPE, составленного покойным Е. М. Придиком. Греческие керамические надписи (амфорные клейма) происходят в огромном большинстве из Причерноморских колоний и сосредоточены в наших музейных собраниях. Публикация их, давно уже ожидаемая наукой, является делом нашей чести. Осуществление ее будет способствовать изучению античной экономики в эллинистическую эпоху.

Нуждается в переиздании также и *Scythica et Caucasica*—давно уже ставшая библиографической редкостью. Книга эта к тому же должна быть дополнена как за счет некоторых авторов, ускользнувших от внимания В. В. Латышева, так и, в особенности, за счет древних эпиграфических и папирологических свидетельств, касающихся юга СССР, частично собранных и опубликованных в переводе на русский язык Б. Н. Граковым (ВДИ, 1939, № 3).

Осуществление этих работ было бы несомненно и наилучшим прославлением имени В. В. Латышева, до самых последних дней своих не прекращавшего работы над новым эпиграфическим материалом, издававшимся под его редакцией в «Известиях археологической комиссии» и «Материалах по археологии России»¹. Двигать науку вперед решением ее неотложных, наиболее жизненных и насущных задач—было всегда заветом и неуклонным правилом для В. В. Латышева.

Советские историки по плану Института истории материальной культуры АН СССР поставили своей задачей продолжить благородную задачу публикации таких интересных и редких источников, каковы сведения греческих писателей и эпиграфические памятники. Советская академическая публикация литературных и эпиграфических источников о Скифии и Кавказе будет прекрасным памятником выдающемуся русскому ученому акад. В. В. Латышеву.

Л. Е.

МАТЕРИАЛЫ К СПИСКУ ТРУДОВ АКАД. В. В. ЛАТЫШЕВА

Наиболее полный список трудов Латышева опубликован в «Материалах для биографического словаря действительных членов имп. Академии Наук» (Пг., 1915, стр. 421—428). Этот список содержит 209 названий печатных трудов Латышева и рецензий на них, 23 названия трудов, изданных под редакцией Латышева или при его участии, а также названия материалов для биографии Латышева.

¹ Некоторые эпиграфические публикации и исследования, так же как и исследования в области исторической географии северного Причерноморья, собраны были Латышевым в сборнике статей под общим названием *Ποντική*, вышедшем в 1909 г. В него же вошел русский перевод «Краткой истории Боспорского царства», из т. II, IOSPE.

Труды В. В. Латышева, перечисленные в указанном списке, представляют собою, главным образом, отдельные публикации и заметки в области юннорусской эпиграфики и византийской агиографии, а также переводы из древних поэтов и прозаиков.

Ниже мы даем список трудов Латышева, опубликованных после 1913 года¹, а также список рецензий на эти его работы и тех рецензий на работы, опубликованные ранее, которые были пропущены составителями списка, помещенного в «Материалах для биографического словаря...».

Так же, как и этот последний, настоящий список включает труды В. В. Латышева и рецензии на них, работы, изданные под редакцией или при участии Латышева, и статьи, относящиеся к его биографии.

1. Работы Латышева и рецензии

1. Византийская «царская минея». Исследование. Доложено в заседании Ист-филологического отделения 12 марта 1914 г., «Зап. Акад. наук по Ист.-филологич. отд.», сер. VIII, т. XII, № 7, СПб., 1914, стр. 327.

2. Житие преподобного Феодора Студита в Мюнхенской рукописи № 467, «Византийский временник», т. XXI (1914), стр. 222—254.

3. Vita S. Theodori Studitae. E codice Mosquiensi musei Rumianzoviani, N 520 (Edidit B. L.), «Византийский временник», т. XXI (1914), стр. 255—304.

4. Zu Roschers Lexikon der griech. und röm. Mythologie, «Berliner Philologische Wochenschrift», 1914, стр. 768.

5. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом, «Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула», Харьков, 1914, стр. 206—214.

6. К начальной истории гор. Мариуполя. Одесса, 1915, 25 стр. (Отд. оттиск. из XXXII тома «Зап. имп. Одесского о-ва истории и древностей»).

7. Обзор ольвийской эпиграфики за последние 15 лет, «Гермес», 1915, № 20, стр. 445—457.

8. О житиях св. великомученика Евсигния, «ЖМНП», нов. сер., ч. IV, 1915, февр., стр. 65—80.

9. Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Εὐσίου (Житие св. великомученика Евсигния), «ЖМНП», нов. сер., ч. IV, 1915, февр., стр. 81—91.

10. Эпиграфические новости из южной России, «Изв. имп. Археологической комиссии», в. 58 (1915), стр. 28—39, илл.

11. Вновь найденные в Крыму христианские надписи, «Изв. Таврич. ученой архивной комиссии», № 53 (1916), стр. 1—6.

12. Памяти Петра Васильевича Никитина. (Речь, произнесенная акад. В. В. Латышевым в общем собрании 9 мая 1916 года), «ИАК», сер. VI, 1916, № 12, стр. 921—936.

13. Заметка о родосской надписи I.G.I., I, 91 (Доложено в заседании Отделения истор.-филологич. наук 12 октября 1916 г.), ИАК, сер. VI, 1916, № 15, стр. 1409—1410.

14. Пятнадцатая идиллия Феокрита. [Перев. и примечания], «Гермес», 1916, № 9, стр. 186—194.

15. Ad Nicetae David Paphlagonis laudationes ss. apostolorum, «ИАК», сер. VI, 1916, № 16, стр. 1505—1522.

16. Из Марциала [Перев. 3 эпиграмм], «Гермес», 1916, №№ 13—14, стр. 303.

17. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. vol. I. Edidit B. L. Petropoli, 1916, XII, 594 p., IV tab., ill.

18. К вопросу о литературной деятельности Константина Багрянородного, «Византийский временник», т. XXII (1917), стр. 13—20.

¹ Труды Латышева, опубликованные в 1914—1916 гг., вошли в список, помещенный в сборнике «Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института», ч. I «Птг., 1917. Однако в этот список не вошли ни рецензии на труды Латышева, ни работы, изданные при его участии, ни биографические материалы.

19. Греческая литургическая рукопись библиотеки имп. Академии наук, «ИАН», 1917, № 2, стр. 85—86.
20. Из агиографической литературы, «Изв. Росс. Акад. наук», сер. VI, 1918, № 15, стр. 1579—1590.
21. Мефодия патриарха константинопольского житие преп. Феофана Исповедника. По московской рукописи № 159, «Зап. Росс. Акад. наук по Ист.-филологич. отд.», сер. VIII, т. XIII (1918), XII, XI, 120 стр.
22. Эпиграфические новости из Южной России, «ИАН», вып. 65 (1918), стр. 9—21.
23. Критические заметки к письмам Феодора Дафнопата, «Изв. Росс. акад. наук», сер. VI, т. XIV (1920), стр. 393—398. Рец. E. K u r t z, *Hagiographische Lesefrüchte*, «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», 1921, стр. 277—281.
24. Заметки по греческой эпиграфике, «ИРАИМК», т. I (1921), стр. 17—28; т. II (1922), стр. 65—83.
25. Неизданные Боспорские надписи, «ИРАИМК», т. II (1922), стр. 84—104.
26. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. (по черновым отчетам Н. И. Веселовского составлено покойным В. В. Латышевым), «Сообщения ГАИМК», т. I (1926), стр. 200—206.
27. Пятидесятилетие Петроградского Историко-филологического института (1867—1917). Биографический словарь лиц, окончивших курс Института, ч. I. Изд. под ред. В. В. Латышева, II., 1917, IV, 410 стр.

II. Рецензии на работы В. В. Латышева, опубликованные до 1913 г.

1. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, Спб., 1896, VI, 143 стр.¹. Рец. Юл. Кулаковский, «ВВ», т. IV (1897), вып. I, стр. 232—238.
2. Страдание св. славного великомученика Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату, ныне впервые изданное В. В. Латышевым, «Правосл. Палестин. сборник», вып. 59 (1911), Спб. Рец.: С. Шестаков, «ВВ», т. XVIII (1913), отд. 2, стр. 14—19.
3. *Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt. Fasc. 2, menses Iunium, Iulium, Augustum continens. Petropoli, (1912) XIV, 428 p.* Рец.: A. Ehrhard, *BZ*, XXIV, 1924, стр. 120—121.
4. Сборник палестинской и сирийской агиологии. Вып. 2.—«Правосл. палестин. сборник», вып. IX, Спб. 1914, XXIII, 126 стр. Рец.: Van de Vorst, «*Analekta Bollandiana*», Bruxelles, XXXVIII, стр. 197.

III. Биографические материалы

1. Новый энциклопедический словарь, т. 24, Пг., Брокгауз-Ефрон, 6. г., стр. 122—123.
2. Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии Наук, Пг., 1915, стр. 413—428.
3. Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. II—«Биографический словарь членов общества», М., 1915, стр. 195—196.
4. Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института, ч. I, Пг., 1917, стр. 91—107.
5. Жебелев, С. Василий Васильевич Латышев (некролог), «Византийский временник», т. XXIV (1926), стр. 105—110.
6. БСЭ, т. 36, М., 1938, с. 105.

Памяти академика В. П. Бузескула

Умерший 15 лет тому назад В. П. Бузескул принадлежал к ныне уже почти исчезнувшей категории «всеобщих историков», чьи научные интересы не ограничивались какими-либо географическими или хронологическими рамками, но имели своим предметом всемирную историю в целом. Наиболее талантливым и последовательным представителем этой «всеобщей» историографии в России был учитель В. П. Бузескула П. М. Петров — осуществитель, на русской почве, идей и научных принципов Леопольда Ранке.

В. П. Бузескул

В. П. Бузескул фактически отступил от этих принципов своего учителя уже в том, что хотя его научное внимание и распространялось на различные исторические области и периоды (Древний Восток, классическая Греция, История французской революции, Новейшая история Германии и т. п.), он все же не создал сколько-нибудь цельной Всемирной истории, ограничиваясь постановкой частных проблем с ярко выраженным при этом интересом к археологическим, историографическим и другим «вводным» и «вспомогательным» историческим дисциплинам.

Кроме того, центр тяжести научных интересов В. П. Бузескула находился, бесспорно, в области Древней истории в широком смысле слова и истории Греции в частности. К истории Греции, к истории и историографии Древности относятся его наиболее значительные труды, и память о нем еще долго будет дорога у нас всякому, интересующемуся Древней историей.

В области истории Древности Бузескул уже с университетских лет проявил горячий интерес к истории Греции. При этом он примкнул к наиболее прогрессивному тече-

нию буржуазной историографии. Его магистерская диссертация была посвящена Периклу, как вождю Афинской демократии, и представляла собой, в значительной степени основанную на тщательном пересмотре источников, апологию Перикла против нападок реакционной школы Дункера и других представителей официальной историографии бисмарковской Германии, возвеличивавших, из реакционных соображений, спартанские политические порядки и всячески принижавших и порочивших прогрессивно-историческое значение Афин.

В названной монографии, вышедшей в свет в 1889 г. и сразу поставившей ее автора в первые ряды тогдашних русских историков, Бузескул создал яркий образ греческого демократического вождя на широком фоне наивысшего процветания греческой рабовладельческой демократии. Книга Бузескула получила в свое время высокую оценку в ученой и либеральной прессе, не утратив, в известной степени, и по сей день своего значения.

Следующая большая работа В. П. Бузескула, его докторская диссертация (1895 г.) была связана с новооткрытой тогда «Афинской политией» Аристотеля.

Трактат Аристотеля об афинском государственном устройстве привлек к себе внимание всего ученого мира и вызвал обширную литературу, обсуждавшую его подлинность, источники, значение его для истории Афин и т. п.

Новооткрытая «Полития» и выросшая вокруг нее ученая литература отмечают собой целый переворот в области греческой историографии, с полным основанием делимой теперь на два периода—до и после открытия «Афинской политики» Аристотеля.

Русская наука не мало способствовала изучению этого важного для греческой истории источника.

Вслед за опубликованием текста «Политии» вышел ряд исследований о ней. Среди них первое место бесспорно принадлежит книге Бузескула «Афинская полития», возникшей из ряда самостоятельных исследований, всесторонне, с необходимой объективностью и глубиной выясняющих значение Политии для истории афинского государства.

Названные труды привели автора к ряду исторических обобщений, изложенных им в общей работе по истории Древней Греции, появившейся в свет под названием «История афинской демократии» в 1909 г. В этой книге В. П. Бузескул расширил и обобщил идеи, изложенные им в «Перикле» на более широкой канве афинской истории давшей ему возможность проследить эволюцию греческой демократической общины от ее возникновения до эпохи упадка.

В. П. Бузескула всегда занимала задача популяризации проблем античной истории: в разное время он написал ряд статей на темы политической и культурной жизни в Древности, перекликавшихся с темами и интересами современности. В 1913 г. он собрал эти статьи в сборник под названием «Античность и современность», доставивший автору широкую известность среди тогдашней читающей публики, не только русской, но и зарубежной.

Эта тенденция к популяризации специальных знаний сказалась и в том, что Бузескул стал автором оригинального труда, своеобразного по своему замыслу не только в русской, но и в тогдашней иностранной учебной литературе: в виду имеется его «Введение в Историю Греции», появившееся впервые в 1903 г. и выдержавшее несколько изданий. Книга эта в компактной и общедоступной форме (в отличие от тяжеловесных немецких Handbuch'ов энциклопедического характера) содержит источниковедческий и историографический очерк, вводящий в круг насущных вопросов истории древней Греции, с ее разросшимся и громоздким аппаратом вспомогательных дисциплин.

Эта же тенденция привела Бузескула еще позже—уже после революции—к составлению интереснейшего очерка открытий в области античной археологии на протяжении XIX и XX вв., которым он завершил серию своих популярных и в то же время весьма оригинальных и полноценных работ в области истории Древности.

Названная книга подводила итоги археологических исследований в бассейне Средиземного моря до первой империалистической войны и суммировала ее значение для исторической науки.

Этим, в общих чертах, исчерпывается деятельность В. П. Бузескула в области древней истории.

В последние годы жизни он опять возвратился к всемирно-историческим темам. Его лебединой песнью была вышедшая в 1931 г. историографическая работа, посвященная истории русской науки в области зарубежной и всемирной истории—«Всеобщая история и ее представители в России», подводящая итоги русской исторической науки дореволюционного времени. Эта книга имеет большое значение для изучения передовой роли русской исторической мысли.

В обобщающей историографической деятельности отразилась характерная черта облика Бузескула как ученого, который на рубеже двух эпох и сам был как бы итогом и заключительным звеном определенного этапа в истории русской науки.

Л.Е.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ В. П. БУЗЕСКУЛА¹

1. Князь Торопецкий Мстислав Мстиславович.—ЖМНП, 1883, № 4, с. 221—269; № 6, с. 240—287; № 8, с. 188—220.

Отрывок из данного сочинения: «О занятии Галича Мстиславом Удалым. Хронологическая заметка» (ЖМНП, 1881, № 3, с. 86—92)—является первой печатной работой В. П. Бузескула.

2. Папство и Арнольд Брешианский, «Вера и разум», Харьков, 1884, № 6, с. 504—525; № 7, с. 568—592.

3. Обзор немецкой литературы по истории средних веков, Харьков, 1885, 38 с.

4. Всемирная история Ранке, ЖМНП, 1885, № 8, с. 232—246.

Рецензия на книгу: L. R a n k e, Weltgeschichte, T-le 1—5, Leipzig, 1883—1884.

5. Шестой том «Всемирной истории» Ранке, ЖМНП, 1886, № 4, с. 344—362.

Рецензия на книгу: L. R a n k e, Weltgeschichte, Tl 6. «Zersetzung des Karolinischen, Begründung des deutschen Reiches», Abt. 1—2, Leipzig, 1885, VI, 337; VI, 278 с.

6. Немецкая историография, ЖМНП, 1886, № 5, с. 150—153.

Рецензия на книгу: F. X. W e g e l e, Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. («Geschichte der Wissenschaften in Deutschland»—Neuere Zeit., 20. Bd.), München und Leipzig, 1885, Bd. 1—5, с. 7—1081.

7. Леопольд Ранке (1795—1886), ЖМНП, 1886, № 7, с. 50—61.

8. Георг Вейц (1813—1886), «Харьковские ведомости», 1886.

9. М. Н. Петров (1826—1887), ЖМНП, 1887, № 3, с. 42—47.

10. Рецензия на книгу: В. К. Н а д л е р, Император Александр I и идея Священного союза, т. 1—4, Харьков, 1886—1888, ЖМНП, 1887, № 5, с. 162—168 (т. 1—2); 1889, № 9, с. 138—148 (т. 3—4). (Подпись: Р. Д.).

11. Предисловие, дополнения и обработка книги: М. Н. П е т р о в, Лекции по

¹ Заимствовано с сокращениями из рукописи «Материалы для обзора печатных трудов и научной деятельности академика В. П. Бузескула, подготовленной к печати Сектором истории Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии Наук СССР. В публикуемом указателе опущены аннотации, списки рецензий на труды автора, указания на взаимные связи последних, на их варианты, а также вводный библиографический очерк и перечень литературы о В. П. Бузескуле.

В отношении серии «Записок об ученых трудах» (между №№ 144 и 184), В. П. Бузескула можно считать только соавтором, так как он подписывал каждую записку совместно с разными группами других академиков, фамилии которых не приводятся.

всемирной истории, изданные под ред. В. К. Надлера, т. 3. История новых веков (Реформационная эпоха) в обработке В. П. Бузескула, Харьков, Полуехтов, 1888, XI, 216 с.

12. Новый взгляд на государственную деятельность Перикла. ЖМНП, 1888, № 4, с. 449—495.

Критический разбор сочинения: M a x D u n s k e r, Geschichte des Altertums, Neue Folge, Bd. 1—2 (8—9), Leipzig, 1884—1886.

13. Перикл. Историко-критический этюд, Харьков, 1889, VII, 418, IV с. Диссертация на степень магистра всеобщей истории.

14. Предисловие, дополнения и обработка книги: М. Н. Петров, Лекции по всемирной истории, изданные под ред. В. К. Надлера, т. 4.—История новых веков (От Вестфальского мира до Венского конгресса) в обработке В. К. Надлера и В. П. Бузескула, вып. I, Харьков, Полуехтов, 1890, IV, 222 с.

15. Харьковское историко-филологическое общество, «Историческое обозрение», СПб, 1890, № 1, с. 270—272.

16. Рецензия на книгу: Г. Бузольт, Очерки государственных и правовых греческих древностей. Пер. с нем. яз. студентов Харьков. ун-та (А. С. Вязигина и А. Мальяренко), Харьков, 1890, IV, 320 с.—«Филологические записки», Воронеж, 1890, № 6, с. 1—8.

17. К вопросу о политическом демократизме Фукидида..., ЖМНП, 1890, № 12, с. 142—150.

18. О раскопках Шлимана в Трое, Микенах и Тиринфе, «Фил. Об.», 1891, № 1, кн. I, с. 19—45.

19. Новооткрытый трактат Аристотеля об афинской демократии «Историческое обозрение», СПб, 1891, т. 2, с. 221—239. Рецензия на книгу: Ἀθηναίων πολιτεία (Aristotle on the constitution of Athens, London edit. by F. G. Kenyon. Second edition, 1891).

20. Библиографическая заметка о книгах, изданных в Харькове.—«Сб. ХИФО», 1891, № 3, с. 299—306.

21. Фемистокл и Эфиальтова реформа ареопага, ЖМНП, 1891, № 7, с. 12—24.

22. Рецензия на статью: Э. Р. Штерн, Новооткрытая Афинская политика Аристотеля.—«Фил. Об.», 1892, № 2, кн. 1, с. 151—157.

23. Заметка о книге: P. Guiraud, La vie privée et la vie publique des grecs, Paris, 1890, XIII, 500 с.—«Фил. Об.» 1892, № 2, кн. 2, с. 61—63.

24. Вопрос о новооткрытой Ἀθηναίων πολιτεία, ЖМНП, 1892, № 7, с. 142—189; 1893, № 5, с. 134—212; № 10, с. 450—483.

25. Программа чтений по истории Афин. Лекции 1—10, «Сб. ХИФО», 1892, № 9, с. 15—16.

26. Новое издание трактата Аристотеля об Афинской политике, «Зап. ХУ», 1893, № 2, с. 13—19. Рецензия на (Aristotles constitution of Athens. A revised text... by J. E. Sandys, London, 1893).

27. Отзыв о сочинении студ. Котова, представленном на историко-филологический факультет для соискания медали, на тему: «Отношения Франции к России при Людовике XV».—«Зап. Харьк. Ун.», 1893, № 2, с. 32—3

28. Научная литература по греческой истории за последние годы (1880—1892) в ее главных явлениях, «Фил. Об.», 1893, № 4, кн. 2, с. 121—164.

Изд. отдельно: М., 1893, 46 с.

29. По поводу новых учебников всеобщей истории (1. П. Г. Виноградов, Древний мир, М., 1893, VI + 196 с.; 2. К. А. Иванов, История средних веков, СПб., 1892, VIII + 218 с.), «Сб. ХИФО», 1893, № 5, с. 91—94.

30. Рецензия на книгу: И. Г. Дройзен, История эллинизма, пер. И. Шелгунова и Э. Циммермана с франц., дополненного автором издания под ред. А. Буше-Леклерка, т. 1—3, М., 1890—1893.—«Фил. Об.», 1893, № 5, кн. 2, с. 109—116.

31. Рецензия на книгу: J. V e l o s c h, Griechische Geschichte, Bd I, Strassburg, 1893, XII, 637 с. «Фил. Об.», 1893, № 5, кн. 2, с. 116—199.

32. В. К. Надлер (1841—1894), ЖМНП, 1894, № 5, с. 40—45.

33. 'Αθηναίων πολιτεία Аристотеля, как источник для истории афинской демократии до конца V в. до Р. Х., ЖМНП, 1894, № 6, с. 329—373; № 7, с. 19—61.
34. Рецензия на книгу: «Исследования по греческой истории»: 1. Избрание жребием в афинском государстве—В. Маклакова. 2. Аристотель и Эфор—М. Гершензона, М., Имп. Моск. ун-т, 1894. II, 92, 40 с.—«Фил. Об.», 1894, № 7, кн. 1, с. 1—9.
35. Афинская полития Аристотеля, как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, VI, 484 с. Приложение: Положения к диссертации на степень доктора, 4 с.
36. Отзыв о сочинении студента Б. Ризникова, представленном на историко-филологический факультет для соискания медали, на тему: «Суд присяжных в древних Афинах»: «Зап. Харьк. Ун.», 1895, № 2, с. 144—147.
37. Рецензия на книгу: М. Гершензон, Афинская полития Аристотеля и жизнеописания Плутарха, М., 1895, III, 99 с.—«Фил. Об.», 1895, № 9, кн. I, с. 33—38.
38. Редакция книги: Ж. Мишле, О системе и жизни Вико. Пер. Н. Пароконного, Харьков, 1896, IV, 51 с.
39. Н. А. Осокин (1839—1895), «Харьковские ведомости», 1896, 4 янв.
40. Генрих Зибель, как историк-политик, «Зап. Харьк. Ун.», 1896, № 4, с. 201—235.
41. Заметка о книге: «История Греции со времен Пелопонесской войны», сб. статей, пер. под ред. Н. Н. Шамолина и Д. М. Петрушевского, вып. 1, М., 1896, XIX+451 с.—«Фил. Об.», 1896, № 10, кн. 2, с. 95—97.
42. В. П. Бузескул (Автобиография и список научных трудов).—«Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», сост. С. А. Венгеров, т. 6, СПб, 1897—1904, с. 155—158.
43. Павзаний, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 44, СПб, 1897, с. 553—554.
44. Заметка о книге: Н. И. Кареев, Выбор факультета и прохождение университетского курса.—«Харьковские ведомости», 1897, № 97.
45. Заметка о книге: Ю. Белох, История Греции, пер. с нем. М. Гершензона, т. 1, М., 1897, V+500 с.—«Фил. Об.», 1897, № 11, кн. 2, с. 150—151.
46. Э. Курциус (1814—1896), «Фил. Об.», 1897, № 11, кн. 2, с. 207—217.
47. В. К. Надлер, Лекции по истории Французской революции и империи Наполеона (1789—1815), изданные в обработке В. П. Бузескула, Харьков, Карчагин, 1898, VII+295 с.
48. Перикл, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 45, СПб, 1898, с. 300—304.
49. М. Н. Петров (1826—1887), «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 45, СПб, 1898, с. 462.
50. Рецензия на книгу: G. V u s o l t, Griechische Geschichte, Bd. 3, Tl. 1, 1897, XXII+592 с.—«Фил. Об.», 1898, № 14, кн. 1, с. 36—43.
51. Новое исследование по истории папства. Рецензия на книгу: А. С. Вязигин, Очерк из истории папства в XI в., СПб, 1898, VIII+300 с.—ЖМНП, 1899, № 3, с. 155—190.
52. Памяти В. Г. Васильевского (1838—1839), «Харьковские ведомости», 1899, 22 мая.
53. Введение в историю Греции. 1. Обзор источников. 2. Очерк разработки греческой истории в XIX в., «Зап. Харьк. Ун.», 1900: кн. 1, с. 1—16; кн. 2, с. 17—32; 1901: кн. 3, с. 33—80; кн. 4, с. 81—160; 1902: кн. 1, с. 161—256; кн. 4, с. 257—304; 1903: кн. 1, с. 305—384; кн. 2, с. 385—416; кн. 3, с. 417—535.
Изд. отдельно: Харьков, 1903, V+535 с.
Изд. 2-е, Харьков, 1904, VIII+533 с.
- 3-е, перераб. изд. вышло под заглавием «Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и начале XX века», Пг, 1915, XV+592 с. (Лекции по истории Греции, т. I).
54. Изучение социальной истории Греции. (В статье: «Социальная история»).—«Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 61, СПб, 1900, с. 66.
55. Отзыв о рукописи Н. С. Гольдина, напеч. в «Зап. Харьк. Ун.» за 1901—1904 гг.

«Афинский совет (βουλή), его история, организация и значение». — «Зап. Харьк. Ун.», 1900, кн. 2, с. 171—177.

56. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние 30 лет. (Об успехах и главных направлениях в греческой истории), «Р. М.», 1900, № 2, с. 58—79.

57. Памяти М. С. Корелина (1855—1899). Профессор-гуманист, в сб. «Помощь», СПб, 1901, с. 18—24.

58. Тимей, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 65, СПб, 1901, с. 181.

59. Тимофей, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 65, СПб, 1901, с. 193.

60. Тирания и тираны в древней Греции, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 65, СПб, 1901, с. 224—226.

61. Фукидид и историческая наука в XIX веке, ЖМНП, 1901, № 8, с. 83—90.

62. Исторический процесс по воззрениям греческих историков, «Образование», СПб, 1902, № 11, с. 31—55.

63. Г. Шлиман, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 78, СПб, 1903, с. 703—705.

64. Что читать по греческой истории на русском языке в целях самообразования? — «Вестник и б-ка самообразования», СПб, 1903, № 2, с. 109—111.

65. И. Г. Дройзен (1808—1884). Э. Курциус (1814—1896), «Вестник и б-ка самообразования», СПб, 1903, № 36, с. 1519—1524.

66. Эдуард Мейер, «Вестник и б-ка самообразования», СПб, 1903, № 47, с. 1907—1910.

67. Женский вопрос в Древней Греции, в кн. «К свету», юбил. сборн. Петербург. высш. женс. курсов, СПб, 1904, с. 1—29.

68. Фукидид, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», т. 82, СПб, 1904, с. 952—954.

69. Рецензия на книгу: J. V. P r a š e k, Dějiny starověkých národů východních, т. 1—2, Praha, 1899, 479 с., 459 с. (История Древнего Востока). — ЖМНП, 1904, № 7, с. 207—209.

70. Афинская полиция, «Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона», СПб, 1905, доп. т. 1, с. 189—192.

71. О новом источнике для истории Афин V в. до Р. Х., в сб. «Труды 12-го археологического съезда в Харькове», М., 1905, с. 367.

72. Рецензия на книгу: С. А. Ж е б е л е в, 'Αρχαί, СПб, 1903, X+312 с. — Deutsche Literaturzeitung, Berlin, 1905, № 4.

73. Георг Грот (1794—1871), «Вестник и б-ка самообразования», СПб, 1905, № 3, с. 75—80.

74. Макс Дункер (1811—1886), «Вестник и б-ка самообразования», СПб, 1905, № 13 с. 401—405.

75. Профессор М. М. Лунин (1806—1844), «Харьковский Грановский». К столетию Харьковского университета, ЖМНП, 1905, № 2, с. 321—374.

76. Рецензия на книгу: Р. Ю. В и п п е р, Лекции по истории Греции, ч. 1, М., 1905, 230 с. — ЖМНП, 1905, № 10, с. 405—436.

77. История Университета при действии устава 1884 г. (1884—1905), в кн.: Д. И. Б а г а л е й, Н. Ф. С у м ц о в и В. П. Б у з е с к у л, Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905), Харьков, 1906, с. 244—329.

78. А. Сорель как историк французской революции, газ. «Утро», Харьков, 1906, 21 июня.

79. Новый источник для культурной истории начала XVI в., ЖМНП, 1906, № 2, с. 395—408.

Ренеция на книгу: «Die Reise des Kardinals L. d'Aragona durch Deutschland, die Niederlands, Frankreich und Oberitalien, 1517—1518», beschrieben von A. de Beatis, veröff. und erläut. von L. Pastor, Freiburg i. Br., 1905. (Erläuterungen und Ergänzungen zu Janssens «Geschichte des deutschen Volkes», B. IV, Heft 4).

80. Рецензия на книгу: А. И. П о к р о в с к и й, К вопросу об основном характере древне-эллинского государства, Нежин, 1905, 101 с. — ЖМНП, 1906, № 5, с. 159—170.

81. История Греции. Литографированные лекции, Харьков, 1907, 556 с.
82. История Древней Греции. (До македонского завоевания). Литографированные лекции, Харьков, изд. К. Истомина. Б. г., 442 с.
83. Рецензия на книгу: Ф. Баумгартен, Ф. Поланд и Р. Вагнер, Эллинская культура, пер. М. И. Берг под ред. Ф. Ф. Зелинского, СПб, 1906, IV + 580 с. «Критич. обозрение», М., 1907, № 1, с. 57—59.
84. Прения о смертной казни назад тому 2300 слишком лет, «Моск. еженед.», 1907, № 13, с. 36—39.
85. Речь на погребении М. С. Дринова (1838—1906), в «Сб. ХИФО», 1908, № 15, с. 17—19.
86. Дегуров, Антон Антонович (1765—1849), в кн. «Историко-филологический факультет Харьковского ун-та», ч. 2: «Биографич. словарь профессоров и преподавателей», Харьков, Изд. ун-та, 1908, с. 246—251.
87. Адамович, Демьян Герасимович, в кн. «Историко-филологический факультет Харьковского ун-та», ч. 2: «Биографич. словарь профессоров и преподавателей», Харьков, изд. ун-та, 1908, с. 251—252.
88. Рославский-Петровский, Александр Петрович (1816—1870), в кн. «Историко-филологический факультет Харьковск. ун-та», ч. 2: «Биографич. словарь профессоров и преподавателей», Харьков, изд. ун-та, 1908, с. 268—277.
89. Бузескул Владислав Петрович—в кн. «Историко-филологический факультет Харьковского ун-та», ч. 2: «Биографич. словарь профессоров и преподавателей», Харьков, изд. ун-та, 1908, с. 287—291.
90. Г. Ф. Шульц (1853—1908), ЖМНП, 1908, № 3, с. 118—122.
91. История афинской демократии, СПб, 1909, VII + 468 с.
92. К какому времени года относятся похождения Чичикова в первом томе «Мертвых душ»? К характеристике литературных приемов Гоголя, «Сб. ХИФО», 1909, № 18, с. 481—484.
93. Рецензия на книгу: Общая история европейской культуры. Под ред. И. М. Гревса и др., т. I, СПб, 1908, VII + 598 с.—«Критич. обозрение», М., 1909, № 4, с. 40—42.
94. Французская книга об афинской демократии, ЖМНП, 1909, № 6, с. 413—420.
95. Рецензия на книгу: A. Croiset, Les démocraties antiques. Bibliothèque de philosophie scientifique, Paris, 1909, 339 с.
- 95а. Краткое введение в историю Греции. Лекции, Харьков, 1910, VIII + 264 с.
96. Речь на похоронах Е. К. Редина (1863—1910), проф. истории искусств в Харьковск. ун-те, «Сб. ХИФО», 1910, № 19, с. 16—17. (В статье «Памяти проф. Харьковск. ун-та Е. К. Редина»).
97. О лекциях В. Ф. Цыха, проф. Харьковского университета в 30-х годах прошлого века, «Сб. ХИФО», 1910, т. 19, с. 188—194.
98. А. С. Лебедев (1833—1910), ЖМНП, 1910, № 4, с. 102—113.
99. Памяти В. К. Пискорского (1867—1910), «Южный край», Харьков, 1910, 11 авг.
100. Исторические этюды, СПб, 1911, VII + 405 с.
101. Труды М. М. Стасюлевича по древней истории, «В. Евр.», 1911, № 3, с. 390—394.
102. Школьное дело у древних греков по новым данным, «В. Евр.», 1911, № 4, с. 88—111.
103. Новейшие гипотезы об источнике Афинской политики Аристотеля. Критическая заметка, «Записки Одесского о-ва истории и древностей», 1912, т. 30, с. 55—65.
104. Библиографические заметки, «Вестник ХИФО», 1912, вып. 2, с. 45—48.
105. Отчет о командировке за границу и в Новгород на археологический съезд.
106. Рецензия на книгу: В. Пецев, Учебник древней истории для VIII кл. мужских и женских гимназий, ч. 1.—«Греция», М., 1912, V + 179 с.—ЖМНП, 1912, № 6, с. 248—256.
- То же в кн.: «Известия по народн. образованию», 1912, СПб, № 6, с. 380—388.
107. Современные темы в античной Греции, «В. Евр.», 1912, № 8, с. 117—147, № 9, с. 75—95.

108. Античность и современность. Современные темы в античной Греции, СПб, 1913, 196 с.

Изд. 2-е, доп.: СПб, 1914, IV+210 с.

Сб. «Античность и современность», изд. 2-е, был переведен К. Новотной на чешский язык с дополнениями автора для данного перевода и напечатан под загл.: *B u z e s k u l V. P., Antika a přítomnost. Z ruštiny preložila Karla Novotna, 1924, I, 176-с. Move rozhledy, I).*

Изд. 3-е, доп., Л. «Наука и школа», 1924, 144 с. (Без подзаголовка). Добавлена статья (гл. 3): «Международный третейский суд в древнегреческом мире».

109. Отзыв о сочинениях, представленных на истор.-филологич. факультет Харьк. ун-та для соискания медалей на тему: «Греция накануне македонского владычества. Подготовка эллинизма». «Зап. Харьк. Ун.», 1913, кн. I, с. 1—18.

110. Об отношении Т. Н. Грановского к античному миру, «Гермес», СПб, 1913, № 7, с. 171—180.

111. С. В. Соловьев (1862—1913), ЖМНП, 1913, № 9, с. 26—55.

112. О монархической власти в раннем греческом средневековье, сб. «Н. И. Карееву...», СПб, 1914, с. 241—245.

113. Рецензия на книгу: Ф у к и д и д, История, т. 1—2, пер. Ф. Мищенко в переработке с примечаниями и вступ. очерком С. Жебелева, М. 1915, т. 1, XIX+403 с.; т. 2, XXXVII+445 с.—«Наука и школа», Харьков, 1915, № 1.

114. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии, «Р. М.», 1915, № 2, с. 24—85.

115. Рецензия на книгу: М. М. Х в о с т о в, Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте, I. «Текстильная промышленность», Казань, 1914, X+264 с.—«Голос Мин.», М., 1915, № 3, с. 286—290.

116. Рецензия на книгу: Л. Н. Б е р к у т, Борьба за инвеституру во время императора Генриха V, Варшава, 1914, XXXI+252, V с.—«Голос Мин.», 1915, № 10, с. 314—317.

117. Рецензия на книгу: А. И. Покровский, О хронологии греческой истории. VI столетия до Р. Х., Киев, 1915, 139 с.—ЖМНП, 1916, № 1, с. 148—157.

118. Рецензия на книгу: Louis H a l p h e n, L'histoire en France depuis cent ans, Paris, 1914, 216 с.—Историч. известия, 1916, № 2, с. 110—113.

119. М. М. Ковалевский (1851—1916) как историк, «Южный край», Харьков, 1916, 27 марта.

120. Рецензия на книгу: Макс В у н д т, Греческое мировоззрение, пер. с нем. яз. Ф. Д. Капелюша, под ред. М. Н. Шварца, Пг., «Огни», 1916, VIII+166, с. «Голос мин.», 1916, № 4, с. 263—266.

121. Немецкий историк Эд. Мейер об Англии и о нынешней войне, «Голос мин.», 1916, № 9, с. 199—210.

122. Древнейшая цивилизация в Европе. Эгейская или критско-микенская культура, «В. Евр.», 1916, № 8, с. 67—103.

123. Рецензия на книгу: Н. С. Г о л ь д и н, Падение сословно-земского строя в прусской монархии, Харьков, 1916, XV+362 с.—ЖМНП, 1917, № 2, с. 272—288.

124. Памяти М. М. Алексеевца (1847—1917), как университетского деятеля, «Южный край», Харьков, 1917, 21 февр.

125. Коммунистические идеи 2300 лет тому назад, «Жизнь России», Харьков, 1917, № 7.

126. Международный третейский суд в древнегреческом мире, «В. Евр.», 1917, № 4—5, с. 133—160.

127. Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г. Личные воспоминания, «Голос мин.», 1917, № 7—8, с. 335—350.

128. От демократии и демагогии к тирании и диктатуре, «Русская жизнь», Харьков, 1917, № 394.

129. Популярная литература по истории Греции, «Внешкольное просвещение», Харьков, 1918, № 2—3.

130. Памяти проф. А. И. Александрова (1861—1918), «Южный край», Харьков, 1918, 6 июля.
131. Рецензия на книгу: М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, Пг., 1918, VII+190 с.—«Творчество», Пг., 1919, № 5—6.
132. Рецензия на книгу: Б. В. Фармаковский, Художественный идеал демократических Афин, Пг., 1918, 204 с.—«Творчество», Пг., 1919, № 5—6.
133. Афинская демократия. Общий очерк, Харьков, «Союз», 1920, 213 с. («Культурно-историческая библиотека» под ред. Д. И. Багалей).
134. Германский ученый об «адвокатской республике», «Анналы», Пг. 1922, № 1, с. 189—193.
- Заметка по поводу кн.: E. D e r e u p, Aus einer alten Advokatenrepublik: Demos-thenes und seine Zeit, 1916, 211 с.
135. Новое известие иностранца (Г. Штадена) о России XVI в., сб. «Анналы», 1922, № 1, с. 206—210.
136. А. М. Ляпунов в Харьковском университете 80-х годов. Страничка из личных воспоминаний, «Учен. записки высшей школы г. Одессы», отд. гуманит.-обществ. наук, т. 2, Одесса, 1922, с. 117—120.
137. Открытия в области культуры хеттов и «хеттский вопрос», сб. «Наука на Украине», 1922, № 2, с. 29—37.
138. Древнейшие в мире библиотеки и архивы, сб. «Наука на Украине», Харьков, 1922, № 4, с. 215—232.
139. Из научной жизни в Петрограде. (Из отчета о поездке), сб. «Наука на Украине», Харьков, 1922, № 4, с. 351—352.
140. Из истории пангерманизма и стремления немцев на Восток, в кн. «Из далекого и близкого прошлого». Сб. этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева, Пг., «Мысль», 1923, с. 286—299.
141. Образы прошлого. Из личных воспоминаний, сб. «Анналы», Пг., 1923, № 2, с. 228—246.
142. Открытия 19-го и начала 20-го века в области истории древнего мира, ч. 1—2, Пб., Academia. Ч. I. «Восток», 1923, 222 с.; ч. II: «Древнегреческий мир», 1924, 181 с.
143. Перикл. Личность. Деятельность. Значение,—Пб., Брокгауз-Ефрон, 1923, 122 с.
144. Записка об ученых трудах В. Н. Бенешевича, ИАН, 1924, с. 536—538.
145. Записка об ученых трудах Н. Н. Любовича (1855—1937), ИАН, 1924, с. 539—542.
146. Записка об ученых трудах А. Олара (1849—1928), ИАН, 1924, с. 546.
147. Записка об ученых трудах Д. М. Петрушевского (1863—1942), ИАН, 1924, с. 542—545.
148. Записка об ученых трудах Г. Шломберже (1844—1929), ИАН, 1924, с. 548—550.
149. Разработка греческой истории в России, сб. «Анналы». Л., 1924, № 4, с. 139—153.
150. Рецензия на книгу: Б. Богоевский, Крит и Микены (Эгейская культура), М.—Л., 1924, 256 с.—«Нов. Восток», 1924, № 6, с. 296—298.
151. Э. Лависс (1842—1923), ИАН, 1925, с. 1—22.
152. Академия Наук СССР за 200 лет ее существования, «Путь просвещения», Харьков, 1925, № 3, с. 7—13.
153. Рецензия на книгу: Хетты и хеттская культура. Статьи Ж. Контено и А. Захарова. Тексты хеттских законов (перевод). Редакция и послесловие И. Н. Бороздина, М., 1924, 152 с.—«Нов. Восток», М., 1925, № 7, с. 343—344.
154. Из истории Monumenta Germaniae historica. «Докл. Акад. Наук СССР. «В.», 1925, с. 63—66.
155. Из истории критического метода. I. Ранке и Штенцель, ИАН, 1926, № 12, с. 1121—1138.

156. Отчет о командировке в Керчь на археологическую конференцию в сентябре 1926 г., ИАН, 1926, с. 1835—1838.

157. Рецензия на книгу: В. Ф. Л е в и т с к и й, Очерки истории хозяйственного быта народов Древнего Востока. Вавилония. Египет, Харьков, «Укр. экономист», 1926, 103, VIII с.—«Нов. Восток», 1926, № 15, с. 350—351.

158. Студіювання стародавностей північного чорноморсько надбережжя і їхня вага з погляду грецької та світової історії.—«Юбилейний збірник на пошану академіка Д. И. Багалія»—Київ, УАН, 1927, с. 167—182.

159. Записка об ученых трудах Т. Виганда, ИАН, 1927, с. 1522—1523.

160. Записка об ученых трудах С. А. Жебелева, ИАН, 1926, с. 1541—1557.

161. Записка об ученых трудах А. Гейзенберга (1869—1930), ИАН, 1928, с. 1520—1521.

162. Записка об ученых трудах Е. Тарле, ИАН, 1927, с. 1557—1561.

163. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х годов прошлого века (личные воспоминания), «Наукові записки науково-дослідчої катедри історії Української культури», № 6; Сборник в честь Д. И. Багалія, Харьков, 1927, с. I—14.

164. Открытия и научные достижения за последние годы в области истории Древнего Востока, «Східний світ—Восточный мир», № 7, Харьков, 1927, с. 120—137.

165. Отчет В. П. Бузескула о командировке в Севастополь и Херсонес в сентябре 1927 г., ИАН, 1927, с. 1723—1726.

166. Записка об ученых трудах А. А. Грушка (1870—1929), ИАН, ОГН, 1928, с. 446—449.

167. Записка об ученых трудах Д. Н. Егорова (1878—1931), ИАН, ОГН, 1928, с. 434—439.

168. Записка об ученых трудах А. Мазона, ИАН, ОГН, 1928, с. 466—470.

169. Записка об ученых трудах А. Матъеза (1874—1932), ИАН, ОГН, 1928, с. 444—446.

170. И. В. Нетушил (1850—1928), ИАН, ОГН, 1928, с. 259—274.

171. Записка об ученых трудах А. В. Орешникова, ИАН, ОГН, 1928, с. 452—457.

172. Записка об ученых трудах С. И. Соболевского, ИАН, ОГН, 1928, с. 449—452.

173. Рецензия на книгу: Б. А. Т у р а е в, Русская наука о древнем Востоке до 1917 г., Л., Акад. Наук СССР, 1927, 19 с. (Труды Комиссии по истории знаний).—«Нов. Восток», М., 1928, № 20—21, с. 479—480.

174. Всеобщая история и ее представители в России в 19 и начале 20 века. Материалы, ч. 1—2, Л., Акад. наук СССР, 1929—1931, 218 + VI + 223 с.

Ч. 3.: «Византология и изучение славянского мира в России (до 1914 г.)».—не издана. Ее рукопись, готовая к печати, находится в архиве Акад. наук СССР.

175. Из области новейшей западноевропейской историографии, «Збірник заходознавства» (в честь М. С. Грушевского), Київ, 1929, с. 140—154.

176. М-те де Сталь и последующие историки Французской революции, «Ученые записки» Истор. ин-та при РАНИОН, т. 3 (Сб. в честь Д. М. Петрушевского), М., 1929, с. 341—347.

177. Общий очерк научной деятельности Ф. И. Успенского (1845—1928), сб. «Памяти Ф. И. Успенского», Л., Акад. Наук СССР, 1929, с. 25—52.

178. Речь в ответ на приветствия и доклады в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры 1 апреля 1928 г., «Наукові записки. Праці науково-дослідчої катедри історії європейської культури», в. 3, Харків, 1929, с. 5—9.

179. Записка об ученых трудах К. Блока, в кн. «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Акад. наук СССР по отд. гуманитарных наук, избран. 31 янв. 1929 года», Л., 1930, с. 8.

180. Записка об ученых трудах С. К. Богоявленского, в кн. «Записки об ученых трудах чл.-корреспондентов Акад. наук СССР по Отд. гуманитарных наук, избран. 31 янв. 1929 г.», Л., 1930, с. 9—12.

181. Записка об ученых трудах С. Б. Веселовского, в кн. «Записки об ученых трудах чл.-корреспондентов Акад. наук СССР по Отд. гуманитарных наук, избранных 31 янв. 1929 г.», Л., 1930, с. 16—19.

182. Записка об ученых трудах О. А. Добиаш-Рождественской, в кн. «Записки об ученых трудах чл.-корреспондентов Акад. наук СССР по Отд. гуманитарных наук, избранных 31 янв. 1929 г.», Л., 1930, с. 27—30.

183. Записка об ученых трудах И. М. Эндзелина, в кн. «Записки об ученых трудах чл.-корреспондентов Акад. наук СССР по Отд. гуманитарных наук, избранных 31 янв. 1929 г.», Л., 1930, с. 50—54.

184. Записка об ученых трудах А. И. Яковлева, в кн. «Записки об ученых трудах чл.-корреспондентов Акад. наук СССР по Отд. гуманитарных наук, избранных 31 янв. 1929 г.», Л., 1930, с. 55—56.

185. Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г., ИАН, ОГН, 1931, с. 783—832.

186. Эдуард Мейер (1855—1930), ИАН, Отд. обществ. наук, 1931, с. 259—268.

С. Кантерев

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

РОДОС МИКЕНСКОЙ ПОРЫ

(По материалам некрополя)

Далекое прошлое Родоса, окруженное легендами, начинает постепенно вырисовываться в свете усиленных археологических изысканий в последние 25 лет.

Систематические раскопки Ялисского некрополя, а затем и кремля, располагавшегося на горе Филерме, были начаты лишь с 1914/15 года итальянскими археологами; они продолжались с перерывами и в разных районах острова вплоть до начала второй империалистической войны. Они выявили богатейший материал, относящийся к поздне-микенскому—III (по периодизации Эванса) периоду.

Хотя результаты раскопок публиковались в разных изданиях, материал все же до сих пор, насколько мне известно, в целом не исследован, и каких-либо положительных выводов из него до сих пор не сделано. Слабый интерес к ялисским раскопкам объясняется в значительной мере тем, что микенские находки на Родосе не выходят за пределы одного периода—позднемикенского, охватывающего последние столетия существования крито-микенской культуры (1400—1100). Общая точка зрения, повидимому, такова, что остров был уже заселен к моменту распространения микенского влияния, и свидетелем древнейшей истории острова служит догреческая топонимика и, прежде всего, имена трех родосских городов—Линд, Камир, Ялис. Кем он был заселен, сказать трудно, и сильные колебания во мнениях ученых показывают, насколько произвольно решается этот вопрос: называют карийцев, лелегов, хеттов.

Есть основания предполагать, что заселение Родоса происходило в значительной мере с Крита, что подтверждается и данными раскопок микенского некрополя Ялиса и данными самой родосской топонимики. На эту мысль, кроме того, наводит и самый факт охвата всего Родоса позднекритской цивилизацией, которая возникает, в буквальном смысле этого слова, на *пустом* месте, и возникает не в первоначальной, но в *поздней* своей стадии.

Прежде всего многие топонимические названия Родоса тесно связаны в своем происхождении с Критом. Названия двух древнейших городов Родоса, центров позднекритской культуры на Родосе, Ялиса и Камира, имеют определенную связь с топонимикой Крита. Так, *Ἰαλίως* находит себе аналогию в названии критской горы «*Ἰάλλω*», *Κάμρος* является названием критского города Гиерапитны¹. Явно критское происхождение носит название и родосской гавани *Κρητίνα* с эпонимом *Κρητίνας*, к которому восходит название одной из камирских патр—*Κρητίναδα*, входящей, что тоже интересно, в состав филы *Ἀλθαμένης*. У Стефана Византийского под словом *Κρητίνα* дается объяснение, полностью подтверждаемое приведенными фактами: *Κρητίνα τόπος Κρήτης ἐν ᾧ οἴκουν οἱ παρὶ Ἀλθαμένην*.

Ван-Гельдер, следуя Виламовицу, не без основания предполагает, что Кретиния была местом древнего критского культа бога-героя Алфамена и что имя Алфамен только позднее было приурочено к дорийскому герою².

¹ Aug. Fick, *Vorgriechische Ortsnamen*, 1905, стр. 45—46.

² V. Celder, *Gesch. d. alten Rhodiern*, стр. 27 сл.

Любопытно отметить, что и термин Γῡῖς, Ἰῡῖς, которым, по свидетельству древних грамматиков, называли себя додорийские жители Родоса, созвучен с термином Κρῖς, что в свое время отметил уже Геродиан¹.

Линдская храмовая хроника также подчеркивает связь с Критом, которая у позднейших историков Родоса воспринималась уже чисто мифологически. Составитель хроники историк и грамматик Тимахид, ссылаясь на 4 родосских историков: Ксенагора, Горгона, Горгосфена и Иеробула, вносит в число посвящений Афине Линдии серебряный кубок—дар Миноса с надписью: «Μίνως Ἀθηνᾶι Πεδιάδι καὶ Διὶ Πολιάϊ»².

Материал родосских некрополей³ подтверждает эти языковые свидетельства.

Ялссский некрополь датируется обычно с XIV по XI в. включительно, т. е. он охватывает период в 400 лет. Ни в более ранних раскопках—Билиотти, ни в более поздних—Маюри здесь не было обнаружено ни одного памятника крупной могильной архитектуры микенского периода, например типа толосной гробницы. Все погребения абсолютно однотипны: это обычные камерные погребения с дромосом, вырытые в мягком песчанике двух холмов, известных теперь под именем Moschu Vunara и Makra Vunara. Эта форма погребений в позднемикенский период очень распространена. Она характерна и для Крита, и для Кипра, и для материковой Греции, и для ионийских островов. Погребения эти расположены здесь небольшими группами; внутри этих групп они чаще всего идут параллельными рядами на небольших расстояниях друг от друга. Трупоположение совершалось, как правило, прямо на полу камеры, который предварительно посыпался или легким слоем песка, или мелким морским или речным гравием. Интересно отметить, что критские ларнаки, распространенные на ряде островов и в континентальной Греции, в ялссском некрополе, повидимому, совершенно отсутствуют.

Число трупоположений в погребениях не одинаково; в редких случаях в небольших камерах мы имеем одно захоронение; в подавляющем большинстве случаев в одном и том же погребении налицо несколько одновременных захоронений, причем число костяков неодинаково—от 2—3 до 10. Трупы преимущественно располагались по краям камеры в направлении главной оси гробницы. Часто следующее поколение жителей использовало вновь старые могилы; при этом более ранние скелеты собирались в кучу в одном из углов камеры, уступая место новым покойникам; погребальный инвентарь прежних погребений большей частью выносился из камеры и разбивался либо в самом дромосе, либо вообще вне погребения; следы разбитых сосудов частично обнаруживаются и в самой камере. Качество ваз при этом не играло никакой роли. Часто прекрасные вазы с блестящим лаком выбрасывались в дромос, уступая место трафаретной субмикенской керамике. Так, в погребениях на Moschu Vunara, где почва более благоприятствовала большей устойчивости и сохранности гробниц, последовательность захоронений в тех же гробницах продолжалась вплоть до конца микенского периода на острове. Вазы с блестящим лаком (по определению Фуртвенглера—вазы 3-го стиля) уничтожались, заменяясь сосудами с матовой, темноватой окраской, малыми по размеру, значительно беднее по форме, со схематическим линейным орнаментом, во многих случаях с элементами геометрического стиля⁴.

Керамика микенского некрополя в целом дает обильный материал для наблюдений и сопоставлений; в родосском музее представлено уже 600 различных форм, причем некоторые образцы являются пока единственными в своем роде. В основном по технике всю керамику можно разделить на две одновременно сосуществующие группы (вазы 3-го и 4-го стиля, по Фуртвенглеру): группу с блестящим лаком и группу с матовой, темноватой окраской. Сосуды обоих типов представлены примерно в одинаковой пропорции и встречаются одновременно в одних и тех же погребениях, обычно с явным

¹ Ср. у B l i n k e n b e r g 'a, Rhodische Urvölker, «Hormes», 50 (1915), стр. 274.

² B l i n k e n b e r g, Die lindische Tempelchronik, IV, Bonn, 1915.

³ M a i u r i, Ialisos, «Annuario della R. Scuola Archeologica di Atene», VI—VII (1923—24), Bergamo, 1926.

⁴ Maiuri, ibid., стр. 242.

преобладанием одного из них, причем это явное преобладание налицо не только в отдельных погребениях, но иногда и в целых группах погребений. Сосуды обоих типов, как это может сейчас считаться уже установленным, являются продуктами *местного*; родосского производства. Только весьма немногочисленные отдельные экземпляры являются привозными с Крита, с Кипра или из Арголиды¹.

Таким образом, раскопки последнего периода с несомненностью установили отрицавшееся ранее наличие на Родосе местных керамических центров. Тем самым устанавливается, что на Родосе не было «колонизаторской верхушки», которая обслуживалась «импортными товарами», в то время как основной массив населения оставался бы незатронутым микенской цивилизацией. Нет, весь остров был охвачен микенской культурой, и родосские гончары обслуживали своей продукцией все основные нужды своего острова.

Выводы о жизни на Родосе приходится делать на материале погребений, что, при общепризнанной консервативности погребального ритуала, не всегда адекватно способу жизни. Поэтому выводы, к которым приводит материал некрополей, могут рассматриваться лишь как предварительные.

При изучении материалов родосских некрополей наше внимание привлекли следующие факты.

1. Наличие в ряде погребений наряду с труположением—кремации.

2. Медленное и эволюционное отмирание микенского периода с переходом его в архаику: в погребениях—к кремации, в керамике—к сосудам геометрического стиля, в идеологии—к пережиточным формам критских религиозных представлений.

Рассмотрим отдельно эти основные моменты.

Маюри специально исследовал вопрос о погребениях, в которых, наряду с труположением, имело место и трупосожжение. Таких погребений (из 60 раскопанных Маюри)—5; два из них на Makru Vunara (из 26) и 3—на Moschu Vunara (из 34). Все эти погребения являются коллективными (не менее 2, не больше 10).

Первое из этих погребений² (XVII) содержало до 10 захоронений; однако, кроме общего замечания, что костяки ориентированы по оси погребения (ССЗ и ССВ), определить ничего не удалось, так как камера сильно разрушена. Богатый инвентарь (до 75 сосудов)—местного производства, т. е. с характерным спиральным орнаментом, причем некоторые из форм до сих пор не были известны в позднемикенской керамике. Обращают на себя внимание кувшинчик с изображением змеи, ползущей по направлению к горлышку сосуда, три золотых кольца, три небольших цилиндра (один с резным изображением), остатки ожерелья, бронзовое оружие и большое железное кольцо, составленное из кусков, в форме круглого браслета (нужно сказать, что это единственный случай находки во всем микенском некрополе Ялиса). В погребении также найдена женская глиняная статуэтка с воздетыми руками.

У входа в камеру (в ее правом и левом углах) по обе стороны—два круглых колодцеобразных углубления со следами кремации. Оба они сравнительно небольшого размера (А—0,45Х0,30; Б—0,30Х0,30), оба покрыты грубо обработанными плитками из песканика. Внутри этих углублений—кости, принадлежащие в каждом случае одному покойнику, с той только разницей, что в углублении А они лежат просто на дне, а в углублении Б они собраны в круглую амфору с одной ручкой, которая занимает почти целиком внутренность углубления.

Кроме погребения XVII на том же холме в одном из расположенных по соседству погребений также налицо кремация с труположением (погребение XIX)³. Здесь в камере, сильно пострадавшей от обвала свода, было захоронено, повидимому, не менее 4—5 человек. Вдоль стенки камеры расположено колодцеобразное углубление неправильной формы (0,55×0,36; глуб. 0,20), ничем не покрытое; в углублении—плотное нагромождение полусожженных и поломанных костей и миниатюрная ойнохоа.

¹ Maiuri, *ibid.*, стр. 243.

² Maiuri, *ibid.*, стр. 117—127.

³ Maiuri, *ibid.*, стр. 128—133.

В камере обнаружены 23 сосуда, из которых интересно отметить небольшую гидрию, рисунок на которой, повидимому, является копией фрески и необычен для микенской керамики. Это изображение двух птиц с распушенными крыльями, погруживших клювы в коронки мясистых цветов среди густого кустарника. Аналогию, однако, мы встречаем в некрополе Феста, что указывает, по нашему мнению, либо на общее критское происхождение этих сосудов, либо на единый источник подражания—одну из фресок дворца Феста или Кносса. В связи с этим интересно отметить еще одну гидрию этого же погребения, на этот раз местного происхождения, со стилизованным изображением двойного топора; такого же типа изображения имеются на одном из ларнаков Палекастро и на двух фрагментах из Кносса и Агии Триады.

На Moschu Vunaga мы имеем три погребения, в которых налицо также одновременно наличие трупоположения и кремации. Первое из этих погребений (XV)¹, включает в себе два костяка, расположенных по бокам камеры (СЗ и ЮВ); у стены (ЮВ) погребальный сосуд с сожженными костями. В погребении обнаружено 25 сосудов. Погребальный сосуд с обожженными костями по форме совершенно идентичен с сосудами XVII и XXII погребений.

Второе из погребений (XXXII) включает в себе 9 захоронений, 7 из которых расположены в ряд по оси дромоса, а два—по южной стороне камеры, с черепами, повернутыми на ЮВ. В полу камеры три небольших грубо округлых углубления: два из них слева и справа от входа и одно почти в центре камеры. В одном из них (СЗ) погребальная амфора (типа погребения XVII и XV), наполненная сожженными костями. В двух других, меньших по размеру—следов захоронения нет, но, как предполагает Маюри, не исключена возможность, что это детские погребения, поскольку в каждом из них сделана обычного типа колодцеобразная ямка для кремированных останков. Керамика представлена 58 сосудами, которые, вместе с сосудами погребения XVII, представляют образцы, типичные для всей позднемикенской родосской керамики. Эта керамика интересна еще и тем, что в ряде форм и в орнаментации она, по характеристике Маюри, представляет переходные формы, последовательно подводящие к геометрической керамике. Кроме керамики—значительное количество бронзового вооружения и костяных изделий (в том числе веретено), бусы от ожерелья, золотая пластинка от головного убора (унаследованная затем и в архаических некрополях) и обычного типа женская глиняная статуэтка со сведенными над головой руками.

И, наконец, в последнем погребении этого рода (XXXVIII)² налицо явные следы двух погребений, произведенных в разные периоды позднемикенского III периода. Скелет последнего погребения расположен в центре камеры, между тем как справа от входа в углу камеры сложены в кучу кости прежних скелетов (повидимому, двух последовательных захоронений). В с.-в. углу круглое колодцеобразное углубление с сожженными и отчасти разбитыми костями взрослого человека. Керамика первых погребений, относящаяся к лучшим образцам родосской продукции, обнаружена в разбитом виде в дромосе и отчасти в камере; интересно отметить два фрагмента большого кратера с изображением конных воинов, напоминающих по типу и технике рисунка вазу воинов микенского некрополя (изображения их Маюри, к сожалению, не дает). Керамика более позднего погребения, матового тона с элементами геометрического стиля, представлена 33 сосудами.

Таким образом, в пяти вышеперечисленных погребениях мы имеем 3 захоронения в кувшинах (амфорах) и 5 погребений без них. То, что эти кости являются человеческими останками, а не следами жертвоприношений, засвидетельствовано анатомическим исследованием, произведенным специалистом. Исследование показало, что здесь мы имеем дело с законченной кремацией, производившейся при средней температуре. После кремации кости аккуратно собирались с костра, а затем разламывались, с целью протолкнуть их в горлышко сосуда. Интересно отметить, что погребальная амфора (одинаковая во всех погребениях) орнаментирована горизонтальной поло

¹ Maiuri, *ibid.*, стр. 172—182.

² Maiuri, *ibid.*, стр. 189—194.

сой по центру сосуда и узкими линиями вдоль ручки. Аналогичные амфоры представлены также и в числе погребального инвентаря XVII и XXXII погребений, так что кремацию здесь, причем одновременную с захоронениями, можно считать твердо установленной.

Вопрос о трупосожжениях в микенский период неоднократно обсуждался в литературе. Дёрпфельд утверждал, что кремация применялась не только в гомеровский период, но и до него и после него. «Общепризнано,—говорил он,—что в Греции в классический период мертвецы погребались несожженными, и только в очень незначительной части сжигались. Наоборот, в гомеровское время у греков всегда применялось сожжение, а в микенскую и доисторическую эпоху опять почти исключительно было в ходу погребение несожженных трупов». Указывая на тот факт, что все народы всегда наиболее консервативны в своих погребальных обрядах, Дёрпфельд считает невероятным такое неоднократное и резкое изменение погребальных обрядов в Греции, которое обыкновенно используется как доказательство неоднородности гомеровской и микенской культуры. На самом деле, утверждает Дёрпфельд, дело обстоит совсем не так. Во все времена у греков был один и тот же способ погребения—сначала сожжение, затем захоронение. Сожжение, однако, было обычно частичным, и только в отдельных случаях—полным (*Brennung*, а не *Verbrennung*)¹.

Этот обычай был введен первоначально в чисто практических целях—для устранения запаха гниения, который при системе открытых гробниц был бы невыносим для окружающих, а также и в целях большей сохранности трупов. Именно этим и объясняется, по его мнению, наличие золы в шахтовых и купольных гробницах микенского периода.

Несмотря на все остроумие и тонкость, с какими Дёрпфельд развивал свою теорию о частичном трупосожжении, эта гипотеза, как нам кажется, не имеет права на существование. В свое время М. Цундас собрал большой материал по погребениям, содержащим полусожженные остатки человеческих тел²; однако это объясняется скорее неумением регулировать огонь костра или затуханием костра вследствие отсутствия притока свежего воздуха (в случае, когда кремация совершалась внутри погребения), но ее нельзя рассматривать как переходную стадию от захоронения к кремации и наоборот. Прежде всего гипотеза Дёрпфельда не выдерживает критики уже потому, что следы золы в погребениях обнаружены лишь в единичных случаях; во многих случаях зола смешана с костными остатками животных, что явно свидетельствует о имевших место жертвоприношениях.

Вообще, как кажется, можно считать твердо установленным, что преобладающей формой погребения в крито-микенском обществе было трупоположение, а не кремация. Это, конечно, не исключает того, как это отмечают Габричи, Орси и Фолльграфф, что налицо были и другие способы захоронения.

На самом Крите в раскопках некрополя вблизи Феста Савиньони обнаружил две кремации во рву—мужское и женское погребение. Он отмечает, что часть костей обуглена, другие только почернели, и делает отсюда вывод о неполной кремации при сожжении покойников в самом погребении. Конечно, говорит он, кремация внутри погребения была не легкой, и если бы он не видел это своими глазами, он не стал бы этого утверждать³. Мужское погребение, по его определению, было погребением воина, поскольку здесь обнаружено, наряду с позднекритскими сосудами, большое количество бронзового вооружения. В женском погребении было обнаружено ожерелье с золотыми и стекловидными бусами.

На Крите же на южных склонах Иды (Куртес) раскопки Гальбгерра в небольших купольных погребениях с явным преобладанием геометрического инвентаря обнару-

¹ M. Dörpfeld, *Verbrennung und Beerdigung d. Toten im alten Griechenland*, «CR du Congrès intern. d'Archéologie», Athen, 1905, стр. 161; *Verbrennung u. Bestattung d. Toten im alten Griechenland*, «Mélanges Nicole», Genève, стр. 95 сл.

² 'Εφ.ἀρχ., 1885, стр. 39 сл.

³ L. Savignoni, *Mon. ant. dei Lincei*, XIV, 1905, стр. 501—666.

жили кремацию¹, причем, как это подчеркивает Тарамелли², в погребениях, по форме своей и по идее отнюдь для этого не предназначенных. Таким образом, и в этом некрополе мы видим сосуществование погребений с более древним в данной культуре обычаем захоронения и с более поздним обычаем—кремацией.

В Средней Греции, в частности на Саламине и в Навплии, в позднемикенских некрополях также налицо отдельные случаи кремации. Раскопки шахтных гробниц на Саламине, произведенные Каввадием в 1893 г., дали на 100 погребений два случая кремации³.

Большой интерес представляют находки в Гиссарлыке, некрополь которого раскапывали Патон⁴ и позже Дюммлер⁵. Этот некрополь относится как раз к переходному периоду от позднемикенского к геометрическому, и поэтому здесь, наряду с микенской керамикой и бронзой, налицо уже раннегеометрический материал и железо. Основным типом погребения является здесь трупосожжение, причем кремированные остатки хоронились в родовых погребениях.

Способ захоронения (кремация) здесь явно не соответствует формам погребения, предназначенным для трупоположения. Для погребения в урне вовсе был не нужен и слишком громоздок тип толосного или камерного погребения. Паульсен отмечает, что в переходный период к дипилону трупосожжение преобладает над трупозахоронением, а дипилонские гробницы свидетельствуют уже о широком распространении кремации⁶.

Этот материал неоднократно привлекал внимание ученых. Оставляя в стороне уже упоминавшуюся гипотезу Дёрпфельда о неполной кремации, как несостоятельную, я остановлюсь на некоторых, особенно распространенных, точках зрения.

Перро и Шипье⁷ являются наиболее ревностными защитниками той крайней точки зрения, которая допускает кремацию лишь для рабов и клиентов семейно-родовых погребений знати. Фольграфф⁸ объясняет кремацию в континентальной Греции наличием домикенских слоев населения, у которых мог быть распространен этот обычай. Он аргументирует при этом свою точку зрения следующими соображениями: домикенское население, ассимилировавшееся позднее с микенскими греками, «содержало уже в себе гетерогенные элементы». Микенская керамика отлична от домикенской, которая сосуществовала с ней в период микенского господства; ссылаясь на Кречмера и Виллемса, он говорит о домикенских названиях средиземноморской флоры и фауны, заимствованных у аборигенов пришельцами с севера. То же различие микенской и домикенской архитектуры, говорит он, показано Ноаком в его исследовании о гомеровских дворцах. Именно этим переживанием древних домикенских слоев он и объясняет наличие в отдельных случаях кремации в качестве второстепенного и затухающего способа погребения. Иначе—зачем же для кремации используются в Арголиде микенские подземные сооружения, отнюдь не предназначенные для подобных погребений?⁹

Что же представляют собой ялйские погребения в свете этих данных, собранных западноевропейскими учеными?

¹ E. Halbherr, AJA., 1901, стр. 287—293.

² A. Taramelli, *ibid.*, стр. 300—301.

³ Kavvadias, Catalogue des Musées d'Athènes, 1894 стр. 2л.; Wido, Gräberfunde aus Salamis, AM 35 (1901), стр. 17 сл.

⁴ JHS, VIII, 1887, стр. 64 сл.

⁵ AM, XIII (1888), стр. 273 сл.

⁶ Fr. Paulsen, Die Dipylongräber u. die Dipylonvasen, Lpz., 1905, стр. 1.

⁷ Perrot et Chipier, Hist. de l'art, t. VI, 1894, стр. 564 сл.

⁸ Vollgraff, BCH, 1904, стр. 395 сл.

⁹ Общие соображения Vollgraff'a как будто бы подтверждаются выводами Zehetmaier'a («Leichenverbrennung u. Leichenbestattung im alten Hellas», Lpz. 1907), который утверждает наличие трупосожжений в домикенский период в Греции. Однако датировка и трактовка им элевсинского материала остаются крайне спорными.

Прежде всего, мы видим здесь не встречающееся в других местах одновременное применение в о д н о й и т о й же гробнице кремации и захоронения. Необходимо обратить внимание еще на один факт, а именно—на полную однородность гробниц яласского некрополя; они различаются в основном лишь небольшим колебанием размеров камеры и длины дромоса, причем эта однородность погребальных сооружений характерна не для одного только Яласса, а для всего острова. Такой однородности мы, насколько мне известно, в этот период нигде не встречаем. Даже на минойском Крите, где все как будто говорит об однородности его культуры, налицо, как показала нам в свое время Холл, 8 разных типов погребений¹.

Эта однородность явно свидетельствует об этнически однородном происхождении населения Родоса, что укрепляет, повидимому, данные традиции о колонизации его с Крита.

Далее—все погребения являются погребениями коллективными. Это, в свою очередь, говорит о прочном родовом укладе жизни ранних родосцев. Погребения являются родовыми, точнее, семейно-родовыми погребениями, связанными единством культа и единством происхождения. Самое расположение погребений небольшими, тесно соседствующими группами (примерно 4 на Мосху Вунара и 2 на Макра Вунара) говорит об их семейно-родовом характере. Этот факт можно считать бесспорно установленным².

Наконец, все или почти все погребения, в которых наличествует кремация, относятся к позднемикенскому периоду. В очень многих погребениях этого типа погребальный инвентарь дает или образцы геометризации микенской керамики, или даже, как в некрополе Гиссарлыка, раннегеометрический материал,—в этих погребениях (так, например, в яласском погребении XVII) впервые встречается железо. Орси правильно отметил это соприкосновение микенского стиля с геометрическим в погребениях с кремацией. Следовательно, причину появления кремации нужно искать не в прошлом, как думает Фольграфф, а в том наступающем периоде, где кремация станет наиболее распространенным способом погребения,—«геометрический» Родос уже знает кремацию как основной способ захоронения.

Предположение Маюри, что в Ялассе сжигались рабы—лелеги или карийцы, не блещет новизной. Предположение, что «благородные семьи захороненных» хоронили вместе с собой рабов, не выдерживает критики, хотя бы потому, что эти случаи слишком единичны и погребения с кремированными «рабами» по своему богатству не слишком резко выделяются из погребений остального большинства «благородных семей», обходившихся почему-то без этого ритуала.

Когда мы встречались с фактом наличия в одном и том же некрополе среди одновременных погребений и с фактом кремации и с фактом захоронения, мы могли предполагать, что здесь произошло захоронение представителей двух разных этнических группировок³. Однако встать на этот же естественный путь размышлений в случае с яласскими захоронениями Маюри не решается; между тем, учитывая крайнюю консервативность погребальных обычаев, это наиболее естественный путь. Наличный материал, и материал далеко не одного Родоса, говорит о медленном и эволюционном отмирании микенской культуры. Уже такой крупный археолог, как Фуртвенглер, изучая микенские вазы и давая классический анализ сменявшихся в разные периоды орнаментальных стилей, должен был установить, что «вазы 3-го стиля непосредственно предшествуют дипилонским, а вазы 4-го стиля одновременны с ними, так что и те и другие конкурировали друг с другом...»

Геометризация микенской керамики начинается раньше падения Микен; гробницы микенского периода, предназначенные для захоронения, используются для кремации

¹ Цитирую по D u s s a u d, *Les Civilisations préhelléniques*, Paris, 1914, стр. 35.

² На семейно-родовой и даже клановый характер планировки того же типа камерных погребений в Микенах уже было обращено внимание. Ср. M. A. W a s e, *Chamber tombs at Mycenae*, «*Archeologia*», LXXXII, 1932, стр. 121.

также раньше падения Микен; железо появляется в микенских погребениях раньше дорийского завоевания, и не только в виде колец, но и в виде оружия, как то подтверждает находка железного меча в купольной гробнице Мулианы в микенский период*. Кроме того, ряд новых поселений, характеризующихся явным переходом к геометрическому стилю на базе микенского, появляется именно в этот период, еще предшествующий падению Микен.

Все это говорит о том, что просачивание дорийцев предшествовало завоеванию и что в большинстве районов, особенно в удаленных от критико-микенской культуры, появление дорийцев не сопровождалось с самого начала военным разгромом и порабощением местного населения.

Именно в этом освещении, мне кажется, может быть понято сосуществование двух типов погребений в одной и той же камере.

Естественно предположить, что дорийцы, попавшие на Родос и на первых порах растворявшиеся среди представителей микенского периода, входили путем брака в семейные коллективы родосских общин, сохраняя, однако, свой ритуал погребения и передавая его детям по мужской—дорийской—линии, если действительно прав Маюри, предполагая в двух случаях наличие детских кремированных погребений.

В дальнейшем, когда волна дорийских переселенцев целиком захлестнула Родос, трупосожжение в раннеродосских некрополях становится основной формой погребения, хотя еще долгое время чувствуется влияние микенских слоев в орнаменте керамики уже геометрического стиля, в унаследовании форм сосудов, в преобладании религиозно-магических представлений.

К. М. Колобова

ОБЗОР ОТКРЫТИЙ В ОБЛАСТИ ЛАТИНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ ЗА XX ВЕК¹

РИМ И ИТАЛИЯ

РИМ

Из опубликованных за рассматриваемый период римских надписей, пожалуй, наибольшее внимание привлёк декрет Помпея Страбона из периода союзнической войны о даровании за заслуги прав римского гражданства испанским всадникам². Эта надпись вызвала большую литературу³. Значительное внимание привлёк также большой фрагмент акта о секулярных играх 204 г.⁴ Ему посвящено большое количество работ. Hülse⁵ даёт подробный анализ надписи, восстанавливая ее элементы: сенатский декрет об играх, декрет коллегии квиндецемвиров, письмо императора об играх, постановления о пожарной охране во время празднества, о раздаче народу, о порядке празднества. Не вся надпись одинаково сохранилась. Текст *carmen saecularis* сильно разрушен. Попытки его восстановления делают Hülse, G. Funaioli,⁶ Romanelli⁷, Gagé⁸, E. Diehl⁹. Интересный анализ надписи даёт Ross Taylor¹⁰, которая высказывает предположение, что первые секулярные игры были отпразднованы в 348 г. до н. э. в связи с назревавшим конфликтом Рима с латинами.

Значительное внимание вызвал ряд важных для римской хронологии отрывков фаст консульских за 374, 423, 424 гг. от основания Рима и 46, 84—86, 94, 96, 98, 109—113 г. н. э.¹¹; триумфальных за годы 176—165 до н. э., 189—187 до н. э.¹²; а также фрагменты актов арвальских братьев за 176, 238, 239 и 240 гг. н. э. и фрагмент фаст авгуров¹³. Они прокомментированы в ряде статей¹⁴. Интересно отметить, что акты арваль-

* Ср. 'Ер. др., 1904, стр. 22 сл.; D. F i m m e n, Kretisch-mykenische Kultur, 1924, стр. 145.

ских братьев за 240 г. являются последним памятником этой коллегии, которая, по мнению исследователей, с этого времени прекращает свою деятельность. Для вопросов хронологии имеют значение также надписи в честь ларов Августа, дающая дату современного Августу консула Фуффия¹⁵ и надпись от 119 г., называющая консула этого года Дасумия¹⁶, которому принадлежит *senatus consultum Dasumianum* (Дигесты, XI, 5, 30), регулирующий отпуск на волю рабов; таким образом, надпись дает возможность датировать этот закон.

Довольно значительно количество новых военных надписей. Из них наиболее интересна надпись в честь Рутилия Пуденса, который по сенатусконсульту был избран командующим (*dux*) в аквилейской войне, т. е. в войне сената с Максиминим¹⁷ и большая надпись, посвященная Римом Стилихону в честь его победы над Гильдоном и других подвигов¹⁸. Отрывок какого-то *elogium* отнесен Деграсси к консулу 197 г. до н. э. Корнелию Цетегу¹⁹.

Ряд надписей дает списки солдат различных частей, составлявших гарнизон Рима: списки преторианцев за 135—136, 182, 183—186 гг.²⁰; список *equites singulares* от 197 г.²¹ и отрывок недатированного списка солдат X городской когорты²². Кроме того, ряд надписей поставлен отдельными солдатами римского гарнизона. Одна из них впервые упоминает ветеринара, состоявшего при 1-й преторианской когорте²³. Ряд эпитафий преторианцев²⁴, *equites singulares*²⁵, солдат городских когорт²⁶ дает сведения об их национальности, месте происхождения или воинских частях, из которых они были переведены в Рим. Встречаются солдаты мизенского преторианского флота²⁷ и II парфянского легиона. Один из последних, происходящий из Карфагена, называет себя *sagittarius salarius*²⁸. Кроме того, найден военный диплом²⁹.

Из других римских надписей значительное место занимают надписи различных коллегий и отдельных ремесленников и торговцев, как свободных, так и вольноотпущенников и рабов императоров и частных лиц. Так, имеется относящийся к 154 г. список магистратов и членов коллегии плотников³⁰, устав какой-то неизвестной коллегии от 60 г.³¹, список членов какой-то коллегии конца III в., внесших по 400 000 сестерциев, видимо, на постройку общественного здания³²; интересна надпись на склепе императорского вольноотпущенника Элия Гермеса, стоявшего во главе коллегии хлебопек и завещавшего предоставить склеп для погребения его семьи, вольноотпущенников и всех императорских хлебопек³³. Кроме того, упоминаются коллегии: *tignarium*, посвятившие надпись Эскулапу *conservatori augg.*³⁴, *fabrum*³⁵, *cantores graeci*³⁶, *scaenorum latinorum*³⁷ (раньше были известны *scaenici graeci*, CIL VI, 10095), торговцев мазиями³⁸. Отдельные профессии свободных и рабов, упоминающиеся в надписях, крайне разнообразны: ювелиры³⁹, торговец жемчугом⁴⁰, портниха⁴¹, живописец⁴², изготовитель пурпура⁴³, шерстобит⁴⁴, подрядчик по отделке зданий⁴⁵, оружейник⁴⁶, возница⁴⁷, виноторговец⁴⁸, торговец быками⁴⁹. Кроме того, различные должности рабов в больших императорских и частных фамилиях: *scriba pedisequorum*⁵⁰, *cubicularii*⁵¹, номенклаторы⁵², *decurio lecticarium*⁵³; другие рабы указывают на должности, занимавшиеся ими в управлении императорским хозяйством или в различных отраслях общеимперской администрации: управляющий императорскими виллами в *Saxa Rubra* и *Gallina Alba*, *servus insularius*⁵⁴, очевидно, управляющий большим доходным домом (*insula*)⁵⁵, раб-вилик, приставленный к надзору за огораживанием общественных земель⁵⁶, рабы при общественных амбарах⁵⁷, *tabularius rationis castrensis*⁵⁸, *adiutor a commentariis*, раб, состоящий при откупе налога с железных рудников⁵⁹, при управлении *fisci transmarini*⁶⁰ и при конторе, ведавшей взиманием налогов XXXX *Galliarum et Hispaniarum*⁶¹; последнюю надпись, относящуюся ко времени Антонина Пия, надо отметить особо, так как это—первое упоминание о *quadragesima Hispaniarum*. Раньше этот налог был известен только для Галлии.

К экономической организации самого Рима относится несколько надписей, связанных с житницами и хлебными раздачами. Это, во-первых, *lex de horreis Ummidiana*⁶², регулирующий устройство и функционирование этой житницы. Раньше были известны еще два аналогичные закона⁶³. Сюда же относится посвящение гению агрипиновских житниц от пользующихся иммунитетом торговцев⁶⁴ и новые тессеры⁶⁵. Из упоминающихся в новых надписях должностных лиц можно указать еще на *curator*

alvei et riparum Tiberis et cloacarum urbis⁶⁶. Надпись эта, относящаяся к 101 г., — наиболее старое упоминание о соединении обеих этих должностей в одном лице.

Ряд надписей посвящен императорам и императорскому культу: надпись за благополучное возвращение Августа, поставленная Лартидием Дифилом⁶⁷, известным уже из прежних надписей⁶⁸, надпись об играх в честь Юпитера, данных по случаю возвращения Августа в Рим в 8 г. до н. э.⁶⁹, надпись в честь Друза от северных городов Италии⁷⁰; надписи коллегии почитателей ларов Августа от 33 г.⁷¹; надпись на серебряном бюсте Тиберию, завещанном военным трибуном⁷²; посвящение Траяну от Гн. Тициния Капитона⁷³, известного из писем Плиния⁷⁴, надпись в честь победы Марка Аврелия от 176 г.⁷⁵; надпись в честь сына императора Галлиена, цезаря Салонина, от трех Галлий⁷⁶. Последняя надпись интересна как подтверждение подвергавшегося сомнениям рассказа *Scriptores historiae Augustae* о том, что Галлиен назначил этого своего сына правителем Галлии, где последний был убит узурпатором Постумом⁷⁷. Несколько надписей упоминают цирковые игры, в частности, старейшая надпись в честь победителя в беге на колесницах от 15 г. н. э.⁷⁸ Отрывок в честь наездника Аквилы Тереса дополняет уже ранее опубликованные отрывки надписей в честь этого лица⁷⁹.

Из прочих надписей можно указать надписи, поясняющие изображение шествия верующих на стене митреума⁸⁰, ряд посвящений Долихену в его храме⁸¹, три отрывка из императорских писем: из письма Септимия Севера и Каракаллы о предоставлении земли какой-то общине⁸², из относящегося к 336 г. письма Константина к консулам и сенату и народу Рима и отрывок рескрипта начала IV в. об иммунитетах для членов коллегии⁸³. Затем отмечу надпись от 323 г. н. э., содержащую перечень расходов, сделанных за счет завещанного кем-то капитала, и вычисление процентов с этого капитала⁸⁴, надпись о постройке в 753 г. от основания Рима дороги консулом М. Виницием⁸⁵, две надписи о расширении померия в 75 г.⁸⁶, аналогичные прежде опубликованным⁸⁷, несколько табличек с заклинаниями⁸⁸ и несколько метрических надписей⁸⁹. Надпись, сделанную по случаю получения кем-то *toga virilis*⁹⁰, и эпитафия юноши, в которой его родители сообщают, что причиной его смерти были врачи⁹¹. В одной эпитафии назван врач Мелитон, упомянутый у Галлиена⁹², в другой Клавдий Герм, «писатель истории»⁹³.

Керамические надписи, найденные за это время, являются в основном клеймами с обозначением места происхождения черепиц или посуды, мастерских или имений, где они были произведены⁹⁴.

ИТАЛИЯ

Из найденных за рассматриваемый период в Италии надписей значительный интерес представляют несколько надписей, касающихся различных войн республиканского и императорского периода. Это, во-первых, фрагмент *elogium* в честь консула Дуилия из Неаполя⁹⁵. Затем, новый фрагмент из Аквилея от 129 г. до н. э. из *elogium* в честь консула Семпрония Тудитана⁹⁶, часть которого уже была известна раньше. Надпись эта сообщает об одержанной Семпронием Тудитаном победе над таврисками, усмирении им жителей Истра, его триумфе и произведенном им наделении аквийских колонистов завоеванными землями. Надпись эта была подробно разобрана Премерштейном⁹⁷ и Reich'em⁹⁸.

Из Фраскати происходит надпись консула 19 г. до н. э. М. Виниция, о котором сообщается, что он, будучи легатом Августа в Иллирике, первым перешел реку Дунай, победил квадов и бастарнов и, обратив в бегство котинов и другие племена, подчинил их власти Августа и Рима⁹⁹.

Надпись, поставленная между 36 и 27 г. до н. э., сделана в честь префекта флота триерархами и навархами, воевавшими на стороне Августа против Секста Помпея¹⁰⁰. Надпись из Аквилея упоминает строительные работы, произведенные колонистами-ветеранами, получившими землю после битвы при Акции¹⁰¹, дополняя известные уже ранее аналогичные надписи¹⁰². Другая надпись, также из Аквилея, 238 г. н. э. посвящена Юпитеру, Юноне, Минерве и Марсу за победу Пупиена и Бальбина, имена которых

выскоблены, и Гордиана¹⁰³. Надпись от 246 г. из Мизены дает *cursus honorum* столарха Мизенского флота Юлия Александра, командовавшего мизенским и равеннским флотами в восточной экспедиции и сделанным за заслуги декурионом Мизены, Антиохии и двух других городов, чтение имен которых неясно¹⁰⁴. Эта надпись интересна, во-первых, упоминанием восточной экспедиции, вероятно, Гордиана, а во-вторых, она пополняет наши сведения о назначении отличившихся офицеров декурионами различных городов, о чем свидетельствуют и некоторые другие надписи III в.

Интересна надпись из Бовиллы, представляющая собой благодарность муниципального совета кому-то за его милость, выразившуюся в улучшении положения города и за возвращение городу продовольствия, которого нехватало во время тирана¹⁰⁵. По мнению издателя этой надписи, она сделана в честь Константина по случаю победы над Максенцием.

Любопытен, к сожалению, значительно испорченный, отрывок надписи в честь какого-то военачальника, о котором сообщается, что он, восторжествовав над бунтовщиками, победил племена Германии и, построив с невиданной быстротой флот, разбил мятежников, имевших флот от варваров¹⁰⁶. По мнению издателя, это фрагмент *elogium* в честь какого-то полководца, жившего при М. Аврелии или Септимии Севере и воевавшего в Германии. Еще одна недатированная надпись из Аквилеи представляет собой эпитафию лица, убитого вторгнувшимися разбойниками¹⁰⁷.

Ряд итальянских надписей содержит *cursus honorum* лиц, в честь которых они сделаны, с указанием их должностей в различных войсковых частях и в гражданской администрации¹⁰⁸. Предпоследняя из этих надписей посвящена проконсулу Азии Клувию, который был послан сенатом к Адриану, когда тот возвращался из Африки. Из них наиболее интересна относящаяся к 105 г. надпись из Аквилеи, поставленная городом в честь Минуция Итала, занимавшего различные должности, награжденного Веспасианом и оказавшего большую услугу городу тем, что он выхлопотал у Траяна разрешение, чтобы живущие в Аквилее *incolae* несли повинности наравне с гражданами. Фрагмент этой надписи был уже известен раньше¹⁰⁹. (CIL, V, № 875). Ее любопытно сопоставить с одной надписью из Тергесты (CIL, V, 532), в которой сенат и народ этого города оказывает многочисленные почести Фабию Северу в благодарность за то, что он добился у Антонина Пия права выбирать эдилами и приобщать, таким образом, к римскому гражданству наиболее богатых из карнов и каталов—кельтских племен, атрибутированных городу Августом. Это, по словам почетного декрета, принесло большое облегчение обедневшей курии. Эта и аналогичные надписи наглядно отмечают этапы превращения римского гражданства из почетного и желанного отличия в довольно обременительное звание, а такжешний раз подчеркивают разорение городов.

Следует отметить надписи, упоминающие куратора республики Беневента¹¹⁰, патрона Регины¹¹¹, патрона Плаценции¹¹², надпись из Канн в честь патрона города примиплара легиона XI Claudia, командира вексилляций, действовавших в Италии¹¹³, патрона города Синцессана, жреца Фортуны¹¹⁴, патрона неизвестной колонии, занимавшего должность *curator aquarum*, проконсула Африки 139 г. Минуция Наталиса¹¹⁵, прокуратора риды провинций Октавия Сагитта¹¹⁶, префекта эрария Сатурна¹¹⁷, квадратора Сатурния Руфа¹¹⁸, *questor'a alimentorum*¹¹⁹. Из муниципальных надписей, кроме упоминавшихся выше, укажу найденный в Бриндизи декрет декурионов от 144 г. в честь дочери патрона муниципии¹²⁰, надпись о празднестве, данном декурионами по случаю их вступления в должность¹²¹, несколько надписей севиоров августалов¹²². Несколько особняком стоит относящийся к правлению Септимия Севера декрет фратрии Артемиды из Неаполя о почестях, которые она постановила воздать некоему Л. Мунацию Гилариону, и его ответ с благодарностью и отклонением части почестей¹²³. Декрет написан по-гречески, ответ Мунация Гилариона—по-латыни. В 86 г. Путеолы поставили надпись Домициану в благодарность за его благодеяния, возможно, в связи с дакийской войной¹²⁴.

Некоторые надписи поставлены занимавшими различные должности вольноотпущенниками и рабами. Так, одна эпитафия из Пола дает ряд имен диспенсаторов и

виликов¹²⁵; диспенсатор *a iumentis* упоминается в одной надписи из Капуи¹²⁶. Надпись виллика, принадлежавшего префекту претория Кастрицию Сатурнину¹²⁷, впервые упоминает этого неизвестного прежде префекта. Один вольноотпущенник императора в надписи из Капуи называет себя *rector regionis Statonae*¹²⁸. К императорским доменам также относится упомянутый в одной надписи *augusti servus et colonus*¹²⁹ и вольноотпущенник Тиберия, по специальности *gallinarius*¹³⁰. В одной эпитафии из Таурана упоминаются рабы провинции¹³¹. Из рабов, занимавших административные должности при финансовом управлении, можно указать еще табулярия александрийского фиска, которому в ПUTEОЛАХ поставил надгробный памятник раб Домициана¹³², и посвятившего в Аквилее божественности Каракаллы надпись виллика *vectigalis Illyrici praepositus quadragesimae stationes utriusque emporii*¹³³, т. е. при взимании пошлин с ввозимых и вывозимых товаров.

Из прочих лиц, упомянутых в надписях, укажу на торговца из Германии¹³⁴; ликтора, служившего императору, консулам и преторам¹³⁵; врача, который был *publice honoratus*¹³⁶; жрицу Ливии Августы¹³⁷.

Надписи коллегий, как религиозных, так и профессиональных, немногочисленны. Надпись, относящаяся к I в. до н. э., говорит о *societas cantorum graecorum*¹³⁸. Отрывки надписи от 138 и 156 гг. представляют собой фасты какой-то коллегии¹³⁹. Несколько стел из Минтурн содержат имена магистратов культовых коллегий богов Цереры, Меркурия и Спес¹⁴⁰. Это, главным образом, имена вольноотпущенников и рабов различных откупных обществ. Несколько рабов Домициана из Аквилеи образовывали коллегию *heroi Carbuloni*¹⁴¹. В связи с религиозными объединениями можно указать и надпись из Лациума, поставленную *universitas iudaeorum... commorantium* на надгробном памятнике герусиарха Юлия Юста¹⁴².

Строительных надписей также немного¹⁴³. Из них интересны две: одна говорит об Августале, построившем алтарь и *dromos* Изиде. Другая поставлена лицом, построившим храм Венере и называющим себя *pastor sacri deae Veneris et cultor deorum*. *Pastor sacri deae* в качестве служителя божества—довольно редкое словоупотребление, встречается в некоторых надписях III в. из Майнца, поставленных коллегией *pastores*. В надписи из Неми впервые упоминается о воздержании, связанном с какими-то обрядами, в честь Дианы¹⁴⁴; впервые также встречается богиня *Leiturca* в надписи от 38 г. до н. э.¹⁴⁵.

Из прочих надписей можно отметить межевые столбы¹⁴⁶, надпись с неизвестным ранее названием *vicus Augustulanus territorio Tusculum*¹⁴⁷, эпитафию скаковой лошади¹⁴⁸, странную надпись от 62 г. *ob risio imperatoris suis*¹⁴⁹ и несколько метрических надписей¹⁵⁰. Интересны некоторые надписи на керамике: на амфоре из Неаполя—*garum factum scombri Scauri ex officina Agathonis*¹⁵¹, клейма на черепицах¹⁵². На клеймах времени Александра Севера впервые упоминаются *rationales* с титулом *virii perfectissimi*.

Из итальянских надписей надо особо выделить надписи из Помпей и из Остии.

Среди первых основное место занимают предвыборные надписи¹⁵³. Кроме того, можно отметить табличку с записями о количестве проданного вина по дням недели¹⁵⁴, надпись в честь гладиаторов¹⁵⁵, табличку, в которой месяц апрель назван именем Нерона¹⁵⁶, что подтверждает соответственный рассказ Светония; табличку с именем *Casca Longus*¹⁵⁷, которая, по предположению издателя, относится к продаже с аукциона имущества Каски, в связи с конфискацией его состояния за участие в убийстве Цезаря.

Более разнообразны надписи из Остии.

Это, во-первых, списки различных когорт *vigiles* за 166, 168, 175, 181 гг., с указанием места происхождения солдат и отметками о получении ими *frumentum publicum*¹⁵⁸. Затем надписи объединений навикуляриев различных, главным образом, африканских городов¹⁵⁹. Надписи коллегий ветеранов¹⁶⁰; птицеловов¹⁶¹; мастеров, изготавливающих шпоры,—*calcaris*¹⁶²; хлебопеков¹⁶³; виноотговец¹⁶⁴, лиц, взвешивающих хлеб, которые в 249 г. вместе с хлебопеками почтили надписью своего патрона, который был *pontifex et dictator Albanus*, коллегии плотников¹⁶⁵; список поставленных коллегией статуй императорам от 143 и 154 гг.¹⁶⁶; наконец, список членов

какой-то неизвестной коллегии, составленный в 232 г.¹⁶⁷. Особо надо отметить новые отрывки фаст из Остии: от 14—15 гг. н. э., который дает дату смерти Августа и число римских граждан, отличающееся от числа, указанного в *Res gestae divi Augusti* (AJA, 1943, № 4, стр. 481), от 18—19 гг. (An. ép., 1945, № 33), от 105—106 гг. (An. ép., 1945, № 34), от 108—113 гг., дополняющий прежние фрагменты остийских фаст, изданных в СРБ, XIV, №№ 4531—4546 и от 126—127 гг. (An. ép., 1945, № 36). Для каждого года отмечены римские консулы, затем дуумвиры Остии. Иногда сообщается и о событиях года: празднества, дававшиеся в Риме и Остии, постройка храма Вулкану, смерть и апофеоз сестры Траяна Марцианы, раздачи народу. Эти надписи дают неизвестные прежде имена консулов. Один из дуумвиров был известен ранее как начальник когорт апмейцев, италийцев, римских граждан и Фригийской алы, что дает крайний срок, создания этих частей¹⁶⁸. Они же сообщают о постройке Траяном водопровода (AJA 1944, № 4, стр. 337—341).

Ряд надписей Остии посвящен богам, главным образом, восточным: Сабазию¹⁶⁹, Caelestis¹⁷⁰, солнцу¹⁷¹, Митре¹⁷², Молакбелу¹⁷³, ларам и фортуне¹⁷⁴, Гераклу¹⁷⁵ и богу, о котором сказано, что он *in velo formatus et umore obnubilatus*¹⁷⁶, в одной эпитафии упомянута *tympanistria M(atris) (Deum)*¹⁷⁷.

Из надписей отдельных лиц можно отметить: префекта анноны¹⁷⁸, кабатчика¹⁷⁹, матросов равеннского флота¹⁸⁰, императорских рабов различных профессий¹⁸¹, центуриона легиона III Augusta и начальника *numeri Nemesenorum*, посвятившего надпись боже-ству Каракаллы и солнцу¹⁸², завещание Юнии Либерты, оставившей своим вольно-отпущенникам сады и дома¹⁸³. Одна надпись дает перечень гладиаторов и зверей, участвовавших в цирковых играх¹⁸⁴. Ряд шуточных надписей сопровождает изображения 7 мудрецов¹⁸⁵.

Италийские надписи за рассматриваемый период переиздавались целиком и по отдельным городам: dell'olio, «Iscrizioni sepolcrali romane di Bologna», Bologna, 1922; Gabrielli, Att., «Iscrizioni esistenti in Vellitri», Vellitri, 1932; s. J o n s o n, «Excavations at Minturnae», v. II: Inscriptions. Roma, 1922. Calderini, Ar. «Aquilaia Romana. Ricerche di storia e di epigrafia». Milano, 1930. Вотивные надписи приложены к статье V. M a s c i o r o, *Il sincretismo religioso e l' epigrafia* в RA, 1907; в работах R. M. P e t e r s o n, *The cults of Campania*, Rome, 1922; R o s s T a y l o r, *Local cults in Etruria*, Rome, 1933; *The cults of Ostia*, Pennsylvania, 1933; надписи, относящиеся к культу Августа, собраны в работах того же автора: «The Divinity of the Roman emperor», Middleton, 1931 и в ее статье о культе Августа в «Transactions and Proceedings of American Philolog. Association», 1920, стр. 110—113.

ГАЛЛИЯ

Новые надписи из Галлии за рассматриваемый период немногочисленны. Можно указать несколько надписей, относящихся к экономической жизни провинции: при Марке Аврелии несколько посессоров предоставили жителям села рошу для празднования игр и сооружения алтаря¹⁸⁶. К поздней империи относится тариф платы за переезд через мост всадников, ослов и верблюдов, идущих с грузом или налегке¹⁸⁷. Надписи куратора виноторговцев, живущих в Лугдуне¹⁸⁸, дополняют прежние надписи о лионских виноторговцах. Из ремесленников упоминаются *marmorarius*¹⁸⁹, изготавливающий каски *cassiadarius*¹⁹⁰, *fabri tignarii*¹⁹¹, навикулярии¹⁹².

Интересно упоминание коллегии *navitae lacus Lemani*¹⁹³, встречающееся впервые. Также впервые упомянут *inquisitor Galliarum*¹⁹⁴, который, по мнению Ренье, был генеральным контролером податей, взимавшихся для покрытия расходов по культу Августа и Рима и по провинциальным съездам. Муниципальные надписи¹⁹⁵ ничего нового не дают. Одна надпись упоминает восстановление сгоревшего здания с аудиторией¹⁹⁶.

Из надписей в честь императоров надо только отметить надпись в честь Тетрика младшего¹⁹⁷ и в честь Клавдия II¹⁹⁸, поставленные сенатом *Brigomagensium*, так как эти надписи несколько помогают уяснить запутанный вопрос о том, какая часть Галлии и в какое время примыкала в середине III в. к самостоятельной Галльской империи.

Одна надпись начала III в., поставленная неким центурионом фрументариев Авелием Приском, упоминает в качестве военных должностей *primiscrinus* и *ostiarus*, известные в более позднее время в качестве низших духовных чинов христианской церкви. По этому поводу Гарнак делает несколько интересных замечаний о перенесении наименований чинов римской армии на христианский клир¹⁹⁹.

Ряд новых надписей посвящен кельтским божествам²⁰⁰. В качестве божеств впервые упоминаются город *Genava*²⁰¹ и Альпы²⁰². Интересно одно посвящение Юпитеру, где он назван *universitatis princeps deus*²⁰³. Особо надо отметить целую серию деревянных таблиц из Виндониссы, содержащих фрагменты писем к находившимся там солдатам. Обычно сохранились только имена адресатов, иногда место их происхождения²⁰⁴. Наибольшее внимание за рассматриваемый период в вопросах эпиграфики Галлии было уделено керамическим надписям этой провинции из Грофесенка и Лезу, содержащим, по всей видимости, имена мастеров и указание количества изготовленных сосудов. Однако, несмотря на большое количество исследований в этой области, ряд вопросов гальского керамического производства I и II вв. остался невыясненным и постоянно привлекает внимание исследователей.

ГЕРМАНИЯ

Наиболее характерные для Германии новые надписи, как и прежние, относятся к армии. Это надписи солдат различных легионов и вспомогательных частей; наибольшее их число относится к легиону XXX *Ulpia*²⁰⁵ и к XXII *Primigenia*²⁰⁶. Кроме того, имеются и надписи легионов I *Minervia*²⁰⁷, VIII *Augusta*²⁰⁸, IV *Macedonica*²⁰⁹, I *Adiutrix*²¹⁰. Одна надпись посвящена центурионом легиона I *Minervia* Диане в благодарность за удачную охоту на медведей, что указывает на значение охоты среди солдат Германии и на связь ее с культом Дианы²¹¹. Ряд надписей упоминают вспомогательные части, временно или постоянно входившие в состав германского войска: *ala Afrorum Tungrorum*²¹², *ala Frontoniana*²¹³, *ala nova Firma*²¹⁴, *ala Indiana*²¹⁵, *cohors III Aquitanorum civium Romanorum*²¹⁶, *cohors VII Breucorum*²¹⁷, *cohors II Ituraeorum*²¹⁸, *cohors VII Raetorum*²¹⁹, *cohors XXVI voluntariorum civium Romanorum*²²⁰, *cohortes I Vindelicorum*, IV *Vindelicorum*²²¹. Некоторые из этих надписей дают национальность или место происхождения солдат, что пополняет наши сведения об этническом составе германского войска. Фрагмент надписи, перечисляющей различные части Германии²²², является, по мнению Домашевского, отрывком декрета Септимия Севера о роспуске войска по лагерям после победы над Клодием Альбином. Значительный интерес представляют две надписи из Майнца, из которых одна датирована 238 г., другая, видимо, также относится к III в. Последняя поставлена *signiferi*, имена которых в количестве 14—почти все кельтские, *ob immunitatem omnem eis concessam a vicinis vici Veteris consistentibus castello Mattiacarum*²²³. Другую ставит *signifer numeri exploratorum Divitiensium Gordianorum refrens ob immunitatem munerum omnium publicorum donatum post regressum suum a vicinis*²²⁴. Эти надписи, насколько я знаю, не отражены в литературе, между тем, они бросают интересный свет на вопрос об иммунитетах ветеранов после отставки в середине III в., в частности, на положение ветеранов нерегулярных частей—*numeri*, в самих этих частей, затронутый еще Моммзеном²²⁵.

Внимания заслуживает в этой связи также посвящение Меркурию от *gentilis Africani*²²⁶. Оно может быть сопоставлено с надписью из Вальддюна, поставленной *numerus gentilicium et dediticiorum*, и с дипломом дунайского *limes'a*, упоминающим *mauri gentiles*. При незначительности наших данных о нерегулярных частях римского войска и интересе этого вопроса, все новое, что к нему относится, очень ценно.

Для пополнения наших сведений о военных чинах интересна надпись, поставленная в 226 г. пятью лицами—*signifer, beneficiarius legati, beneficiarius praetorii* и двумя *immunes figilinae do(mini) no(stri) Sever(i)*²²⁷, а также надпись от 220 г. из Майнца, посвященная Марсу солдатом XXII легиона, который называет себя *cus(tos) castel(li) figli(narum)*²²⁸. Эти последние—очевидно, приставленные к императорским мастерским,—раньше в надписях не встречались; новый военный диплом относится к 90 г.²²⁹

Из надписей, упоминающих правителей Германии, следует отметить посвящение Лицинию Суре. До сих пор не было известно, что этот друг Траяна был легатом Германии.

Муниципальных надписей почти нет. Укажу надпись декурионов какой-то неизвестной общины *Aur (...)... civitas*²³⁰, установить название которой не удалось²³¹. Несколько надписей поставлены жителями различных *visci*²³². К одному из них, *vicus Senia*, относится тессера с указанием штрафа за ее потерю²³³. По мнению Домашевского, такие тессеры выдавались для участия в религиозной церемонии по очищению села. Из надписей коллегий особо надо отметить одну, конца II в., дающую перечень 100 членов коллегии *fabrum dolabriorum*²³⁴.

Несколько надписей упоминают купцов *negotiatores*: *negotiator artis lapidariae*²³⁵, *negotiator argentarius*²³⁶, *negotiator nummularius*²³⁷, *negotiator cretarius*²³⁸. Интересно надпись, в которой торговцем называется солдат германского флота²³⁹. При незначительности данных об императорских салтысах в Германии представляет интерес посвящение богине *Verodacti*, сделанное *salus Nidensis et vicani august(orum)*²⁴⁰.

Некоторые надписи, поставленные выходцами с востока²⁴¹, пополняют наши сведения о составе населения прирейнских областей.

Довольно значительно количество посвящений различным богам, особенно местным божествам²⁴².

Некоторые римские боги соединены с местными или носят наименования, заимствованные у местных богов, как *Mars Jovantucorius*²⁴³, *Mars Lenus Xulsigiis*²⁴⁴, впервые появляется Меркурий *Gibrinius*²⁴⁵, Геракл встречается с наименованием *Saxanus*²⁴⁶, Аполлон в качестве бога *Grannus*²⁴⁷.

Многочисленны, конечно, и посвящения обычным римским богам²⁴⁸. Интересно отметить обращение к Юпитеру в одной из них: *optime maxime conserva (tor?) numerum (?) opitium militantium*²⁴⁹, что подчеркивает его значение как верховного бога римского войска. Из восточных богов встречаются Митра²⁵⁰, Долихен²⁵¹, Великая Мать²⁵², Изида²⁵³. Отмечу еще эпитафию солдата I легиона, начала I в., упоминающую плотину Друза²⁵⁴. Любопытна надпись на амфоре, призывающая милость Аполлона²⁵⁵.

Из сборников германских надписей, вышедших за рассматриваемый период, надо, в первую очередь, назвать *A. Riese, Das Rheinische Germanien in den antiken Inschriften*, 1914, представляющую прекрасное собрание всех надписей с Рейна, расположенных тематически, причем собраны также надписи об уроженцах Германии в других провинциях, внегерманские надписи, упоминающие наместников Германии, ее войска и ведшиеся на ее территории войны. Кроме того, были изданы следующие собрания: *K. K ö r b e r, Inschriften des Mainzer Museums*, Mainz, 1900; *F. H e t t n e r, Illustrierter Führer durch das Museum in Trier*, Trier, 1903, где даны факсимиле надписей Трирского музея; *G. H o c h, Römische Inschriften aus Kastell Obernburg am Main*, 1922. Керамические клейма собраны в работе *H. L u d o v i c i, Stempelbilder römischer Töpfer aus Rheinabern*, I, 1907, а также в статье *O. P a r e t* в «*Germania*», 1906, X, стр. 67 сл.

БРИТАНИЯ

За рассматриваемый период в Британии было найдено очень мало надписей. Из военных надписей отмечу новые фрагменты надписи *CIL*, VII, 498, позволяющие восстановить ее. Она посвящена Адриану, который назван *divorum omnium filius*, и говорит о том, что, рассеяв варваров и возвратив всю Британию, он увеличил вал между обоими океанами²⁵⁶ с помощью войска провинций, и посвящение Антонину Пию от vexillatio легионов II *Adiudrix*, VI *Victrix*, XX *Valeria victrix ex Germanias duabus*²⁵⁷. Эти надписи, очевидно, надо связать с подавлением восстания местных британских племен при этих императорах. Можно указать еще новый военный диплом²⁵⁸. Из *auxilia* упоминаются когорты I *Aelia Dacorum*²⁵⁹, III *Gallorum*²⁶⁰, I *Thracum equitata*²⁶¹, I *Vangiorum*²⁶², I *Vardorum*, II *Nerviorum*²⁶³, посвятившая надпись Аполлону с эпитетом Маровия *JRS* (1943, стр. 38). Из богов встречаются *Mars Leno*²⁶⁴, *deus Coccidius*²⁶⁵, *deus Ante-*

posciticus²⁶⁶, deus Belatucadrus²⁶⁷, Matrones²⁶⁸ и из восточных Caelestis²⁶⁹. Из коллегий упомянута collegia peregrinorum²⁷⁰, прежде известная для Германии²⁷¹. В честь Адриана две надписи сделаны civitas Cornoviorum²⁷². Одна надпись поставлена галльскому императору Постуму²⁷³.

Новые сборники британских надписей не выходили. Надписи по отдельным вопросам собраны в статьях: Collingwood о британском limes'e при Северах в JRS, XII (1922), стр. 68—81. О гарнизоне северной Британии, там же, 1931, стр. 55 и в книге G. Macdonald, The Roman wall in Scotland, 1939. Керамические клейма из Лондона изданы Birley в «AnJ», 1929, стр. 223 сл. Список клейм, найденных в Шотландии, дает Macdonald в «PSAS», 1930/31, стр. 432.

ИСПАНИЯ

Немногочисленны и новые надписи из Испании. Наибольшее внимание исследователей привлекла знаменитая надпись из Альюстреля, регулирующая сдачу в аренду участков на рудниках²⁷⁴, дополняющую lex metallorum, опубликованная в 1876 г. Она написана при Адриане и неоднократно сопоставлялась с его законами об аренде пустующих земель. Эта надпись используется во всех общих работах по экономике Римской империи и, кроме того, вызвала большую специальную литературу²⁷⁵. К горному же делу в Испании относится надпись I в., упоминающая societas montes argentarii²⁷⁶ и надпись, посвященная арендаторами рудных участков (coloni metalli Vipasenses) прокуратору²⁷⁷.

Интересны четыре военные надписи от 167, 175, 184 и 191 гг.²⁷⁸. Они поставлены когортами I Gallorum и I Celtiberorum в честь юбилея их signa и легионам VII Gemina ob natale aquilae. Они дают интересный материал по культу знамен и знаков воинских частей. Из военных надписей надо особо отметить надпись в честь Гая Сульпиция Урсула, префекта symmachiorum asturum belli dacici²⁷⁹.

Раньше части, называемые symmachii и состоявшие из солдат мало романизированных племен, были известны только из сочинения Гигина об укреплении лагерей, а в надписях не встречались²⁸⁰. Интересен также поставленный при Клавдии межевой столб: terminus pratorum cohortes IIII Call(orum) inter coh(ortem) IIII Gall(orum) et civitatem Beduniensium²⁸¹, поскольку он показывает, что особые участки земли были не только у легионов, но и у вспомогательных частей. Кроме того, военные надписи упоминают офицеров и солдат легионов VII Gemina²⁸², X Gemina²⁸³, когорт Musulamiorum²⁸⁴, I Thracorum²⁸⁵, IIII Vindelicorum²⁸⁶.

Из муниципальных надписей можно особо отметить тессеру от 98 г. с договором между Baetulonenses ex Hispania citeriore и Липинием Гранианом, избранным со своими детьми и потомками патроном этого города²⁸⁷.

Другие муниципальные надписи ничего нового не дают. Это обычные почетные надписи городов в честь патронов или надписи муниципальных магистратов, с указанием суммы, внесенной ими по случаю занятия своей должности²⁸⁸. Из надписей отдельных лиц отмечу квестора Бетики и августала, называющего себя другом императора Гальбы²⁸⁹, некоего жившего при Пробе iuridicus totius provinciae Tarraconensis²⁹⁰, наконец не встречавшуюся прежде должность commentariensis procuratoris castrensis provinciae Hispaniae citerioris, занимавшуюся отпущенником М. Аврелия²⁹¹. Из божеств стоит отметить Portae Geminae²⁹², прежде известные лишь из Вергилия.

Новых сборников испанских надписей немного: A. Macías, Epigrafía Romana de la ciudad de Astorga, 1904; Alves-Pereira, Elenco de epigrafía lusitano-romana, Madrid, 1925; O. Scarcello издал надписи Наварры в «Boll. storico per la provincia di Navarra», 1931, 4 p. 269. Надписи, посвященные капитолийской троице, собраны в статье G. Heuten в RBPbH, 1933, стр. 549 сл. Две работы посвящены филологическому анализу испанских надписей: A. Carnau, Le latin d'Espagne d'après les inscriptions, Louvain, 1902; H. Martin, Notes on the syntax of the Latin inscriptions found in Spain, Baltimore, 1909.

АФРИКА

Как и за прошлые годы, так и в XX в. Африке принадлежит одно из первых мест по количеству найденных там надписей.

Наибольшее внимание привлекла надпись из Ain-el-Djemala, опубликованная Каркопино в 1906 г. и являющаяся, наряду с прежними надписями из Ain-Ouassel, Souk-el-kmis и Henschir-Mettich, важнейшим источником по истории колоната и управления императорскими салътусами. Она содержит прошение колонов о разрешении занимать пустующие земли и некоторые письма провинциальной администрации по этому поводу. Наиболее подробно комментировали эту надпись издавшие и восстановившие ее Каркопино²⁹³ и Шультен²⁹⁴.

Несколько других новых надписей также упоминают колонов. Интересны три надписи, опубликованные в 1938 г.²⁹⁵ Они относятся ко времени Септимия Севера и сделаны, очевидно, на частной земле, поскольку упоминают *possessores fundi Tarr....* но вместе с тем поставивший их называет себя *Manciane cultor*. Возможно, что это арендатор, имевший свой участок на основании *lex Manciana*. Несколько надписей представляют собой посвящения колонов богам и императорам²⁹⁶. Интересна надпись из Мавритании, относящаяся к правлению Септимия Севера. Ее ставит начальник *cohortis II Flaviae Afrorum et numeri colonorum*. Она разрешает поставить под сомнение утверждение Канья о том, что колоны никогда не были организованы по-военному и не входили в состав провинциальной милиции. Напротив, она подтверждает предположение Моммзена о возникновении *numeri* из нерегулярного местного ополчения, впоследствии включенного в состав регулярного войска и подчиненного общему начальнику.

Одна из кадастровых записей содержит сведения о размере участков земель колонов²⁹⁷. Интересна и еще одна надпись, также, возможно, относящаяся к аренде земли²⁹⁸: *Fundus Bonorensis iugera LXXX item excerpta Zocliana caesarum nostrorum iugera ste... CXXXV*. Возможно, что владелец частного имения брал в аренду еще участок из императорских доменов. Ряд надписей упоминает императорских чиновников, управлявших как отдельными доменами²⁹⁹, так и округами, в которые входили императорские имения³⁰⁰.

Ряд надписей иллюстрируют африканское частное землевладение. Две надписи: одна времени правления Адриана, другая—Септимия Севера, сделаны лицами, которые, сами или их родители, получили свои земли от императора³⁰¹—*ex beneficio* или *ex auctoritate*. Аналогичные надписи были известны и раньше. Две надписи говорят о постройках, произведенных в частных имениях³⁰². Одна из них свидетельствует также о дроблении земли, так как для одного *fundus* названо несколько владельцев. В другой владельцы указывают, сколько лет они живут в своем имении, в котором жили еще их отцы и деды. Аналогична ей одна старая надпись, в которой такие же сведения дают о себе отец и сын³⁰³. Выше приведенная надпись (*An. ép.* 1906, № 11) интересна также тем, что упоминает о постройке в имении башен—*turris*, что свидетельствует о военной организации поместий. Любопытна также надпись, в которой отец и сын сообщают, что они в своем имении увеличили кладовые, причем прибавлена сентенция: сохранить полученное от родителей—это счастье, приумножить—это добродетель³⁰⁴. Издан также ряд межевых столбов между частными имениями, салътусами, землями городов и *gentes*³⁰⁵. К землевладению относится и надпись об установлении императором Пробом *pundinae Emadancopensis immunes*³⁰⁶, что может быть сопоставлено с известным сенатусконсультумом о ярмарочных днях для салътуса *Beguensis*³⁰⁷. Также о ярмарке, но уже не для имения, а для села говорит надпись, в которой какое-то лицо сообщает о постройках храма и рынка в этом селе³⁰⁸. При Александре Севере упоминается ярмарка в *castellum Tudditanum*³⁰⁹.

Для экономики Африки характерны также надписи, связанные с анноной. Во-первых, это ряд *ostraca*, представляющих собой квитанции, выданные *mensor*'ом за сдачу в счет анноны масла, мяса и вина³¹⁰. Раз упоминается префект анноны³¹¹, которого А. Штейн³¹² относит ко времени Каракаллы³¹³. Ряд надписей посвящен анноне как бо-

жеству. Интересны почетные надписи, сделанные городами в честь лиц, помогших населению во время неурожая и вздорожания хлеба³¹⁴. Особо надо отметить большую надпись от 144 г.³¹⁵ Она представляет собой почетный декрет *ordo Salensium* в честь префекта ряда вспомогательных когорт, трибуна легиона XVI *Flaviae Firmae* и патрона города Сульпиция Феликса, по случаю его перехода на другую должность. Особо отмечается его экономическая помощь городу продовольствием за счет военной анноны, предоставление городу лесов и земель и уничтожение старых несправедливостей, которые город долго терпел из-за поборов скотом.

Несколько особняком стоит интересная надпись из времени правления Коммода³¹⁶. Это декрет, изданный *conventus decurionum et possessorum civium* о наказании для лиц чей скот испортит чужие поля. Особые меры наказания предусматриваются для владельцев скота и для рабов, которым был поручен присмотр за скотом.

Откупщиков и чиновников по взиманию налогов упоминают только 3 надписи³¹⁷.

Наибольшее число новых африканских надписей связано с городской жизнью. Это, во-первых, надписи декурионов и городских магистратов, ставивших статуи или дававших игры в честь своего фламината, дуумвирата, эдилитета, квестуры, декурионата. В большинстве из этих надписей указана сумма, внесенная магистратами в связи с получением упомянутых должностей, и дополнительная сумма на постройки, игры и угощения. Ничего принципиально нового эти надписи не дают, но они дополняют соответственные данные прежних надписей.

Таких надписей найдено довольно много³¹⁸. В одной из них, времени Антонина Пия, впервые дается наименование города *Pheradi Maius*, раньше известного только из списков соборов V века³¹⁹.

Другая категория муниципальных надписей: это—почетные декреты в честь лиц, оказавших особо важные услуги городу. Ряд надписей, тянувшихся со II до V вв., посвящаются *curatores rerum publicarum*, причем некоторые дают *cursus honorum* этих лиц, или другие сведения о них. В большинстве этих надписей *curatores* участвуют в постройке храмов и других зданий вместе с сенатом города или без него³²⁰.

К этой же категории примыкают и надписи в честь патронов городов. В ряде случаев это легаты провинций, иногда до сих пор неизвестные³²¹. Интересно отметить три надписи из Дугги от I и II вв. в честь различных членов семьи Габиниев, которые занимали ряд высших муниципальных должностей и были патронами города и пага Дугги, а также тессеры от 75 г. с патронатным договором между городом Баназой и Сестием Цецилианом, легатом, посланным для устройства (*ordinandae*) Мавритании³²²; от 82 г., о приеме в клиентеллу *colonia Julia Assuritana* проконсулом Вибием Габитоном, его детьми и потомками³²³ и фрагмент аналогичного договора из Волюбилиса³²⁴.

Совершенно особо надо выделить три чрезвычайно интересные надписи, поставленные в честь лиц, выхлопотавших для города ряд прав. Одна из них³²⁵, недатированная, посвящена дуумвиру и фламину Сервилию Дракону, который дважды за свой счет ездил в Рим, чтобы выхлопотать своему городу *latium maius*, что и выполнил успешно. Две другие, из Волюбилиса, относятся ко времени Клавдия. Одна из них³²⁶ сделана в честь М. Валерия Севера, эдила, суффета, дуумвира и первого фламينا своего города, который был послан к императору и получил для города право римского гражданства, *ius connubii* с перестановками, иммунитеты на 10 лет, право распоряжаться имуществом граждан, павших на войне и не оставивших наследников. Все это было дано городу за его участие в войне с восставшим африканским племенем эдемонов. Надпись содержит еще какое-то неясное упоминание об *incolae*. Мне кажется, что по аналогии с приводившимися выше надписями из Италии, особенно с декретом в честь Минуция Итала из Аквилей, можно предположить, что это было разрешение взимать с *incolae* те же повинности, что и с граждан города. К этой надписи примыкают две другие³²⁷ в честь жены Валерия Севера, первой фламимики своего города. Вторая надпись из Волюбилиса поставлена городом императору Клавдию³²⁸ в благодарность за римское гражданство, *ius connubii* и сложение повинностей на 10 лет. Значение этих надписей очень велико³²⁹. Они, во-первых, указывают на роль городских отрядов в местных войнах, бросают интересный свет на дарование иммунитетов, далее, дают ценные сведения о

двойном устройстве африканских городов, где имелись суфеты для местных граждан и дуумвиры и эдилы для римских граждан. Наконец, как показал в своей статье Н. А. Машкин, сопоставивши эти надписи с декретами Августа из Розоса, они отмечают новый этап в политике императоров относительно дарования римского гражданства и связанных с ним привилегий (см. «ИАН СССР», серия истории и философии, № 5, 1945 г., стр. 359—372). Некоторые надписи просто упоминают лиц, даром исполнивших посольства для своего города, не указывая цели этого посольства³³⁰. Из других заслуг перед городом упоминается еще постройка водопровода³³¹, и завешание одним гражданином в пользу города библиотеки, причем указана ее стоимость³³². Любопытны 2 надписи о подарке согражданам слоновой кости и живых слонов³³³. Наконец, некоторые надписи, поставленные городами в честь императоров, говорят о полученных этими городами милостях, не уточняя, в чем они состояли, но о них можно догадываться, поскольку города называются в честь императоров или получают неизвестные прежде почетные наименования³³⁴. Одна надпись из Волюбилиса сообщает о постройке городом арки в честь Каракаллы *ob singularem eius erga universas et novam supra omnes retro principes indulgentiam*³³⁵, в чем видели намек на эдикт 212 г. Надпись из Тимгада, поставленная *curia Traiana veteranorum leg. III Aug.*³³⁶, свидетельствует, по мнению Канья³³⁷ о том, что Траян основал Тимгад с целью поселить там ветеранов III легиона. Эта надпись может быть сопоставлена с другой, сделанной *curia Hadriana felix veteranorum leg. III Aug.*³³⁸.

В надписи в честь Александра Севера от 230 г. колония *Uchi Maius* называет себя *Alexandriana, eius nomine et auspiciis deducta*³³⁹. Одна прежняя надпись говорит о расширении этой колонии при Александре Севере (CIL, VIII, 15, 447), возможно, о слиянии с соседним городом. К этой же категории относится и ряд других надписей³⁴⁰.

Надписи в честь наместников проконсульской Африки, Нумидии и Мавретании дают возможность восстановить их имена, прежде неизвестные полностью, или дают имена новых легатов и преторов³⁴¹. В одной из этих надписей упоминается прокуратор Мавретании, известный друг императора Адриана, Марк Турбон. О проконсуле Африки 28 г. говорится, что он был *allectus in patricios*. Одно лицо названо *praetor infinitarius*³⁴², что, по мнению Кюка, означает претора без определенных функций. Об одном человеке говорится, что он *primus ex Thubursitanis lato clavo exornatus*³⁴³. В некоторых надписях дается более или менее подробный *cursus honorum* разных чиновников³⁴⁴. Одна из них поставлена Непотиану, который, между прочим, был *procurator centenarius primae cathedrae*. По мнению Гиршфельда, это был преподаватель философии в Риме, живший в период от М. Аврелия до Септимия Севера³⁴⁵.

Другая надпись, которую Пуансо относит к правлению Септимия Севера, впервые называет должность *adeclamationibus latinis*³⁴⁶.

Коллегии, вообще немногочисленные в Африке, упоминаются только в трех новых надписях: одна из них, относящаяся к 147 г., сделана коллегией дендрофоров³⁴⁷, другая, недатированная, поставлена в честь сочлена погребальной коллегии Симплициев³⁴⁸, третья упоминает коллегию Меркурия³⁴⁹. Выше я уже приводила надписи в честь императоров, поставленные городами в благодарность за различные права и привилегии. Кроме них, довольно многочисленны посвящения различным императорам от частных лиц³⁵⁰.

Из них особенно можно отметить надпись в честь рано умершего третьего сына Марка Аврелия, впервые дающую полную форму его имени *T. Fulvius Aurelius Antoninus*³⁵¹. Надпись в честь Юлии Маммеи, названной необычным именем *mater exercitus*³⁵², надпись в честь Александра Севера, Юлии Маммеи и *genti Septimiae Aureliae*³⁵³. Это первое упоминание культа, воздаваемого роду Септимиев Аврелиев. По мнению Канья, этот культ был специфичен для Африки, так как со II в. культ предназначался только обожествленному императору, а не всему его роду, что имело место только по отношению к роду Юлиев-Клавдиев. В посвящении Гордиану III Гордиан II наделен необычным эпитетом *iunior*³⁵⁴. В одной надписи в честь Кара, Карина и Нумериана они названы *pacatores orbis gentium nationumque omnium*³⁵⁵. Можно еще упомянуть надпись, сообщающую, что по приказанию Септимия Севера солдаты легиона III Augusta вос-

становили надписи, на которых было выскоблено имя его брата, божественного Коммода³⁵⁶. Это лишний раз подтверждает отмену Септимием Севером *damnatio memoriae* Коммода.

Боги, упоминаемые в надписях, очень разнообразны. Одна из старейших надписей Африки—14 г. до н. э.—посвящена Луне³⁵⁷. Больше всего, конечно, упоминаются *Juno Caelestis* и *Сатурн*³⁵⁸. Довольно видное место занимают *Плутон*³⁵⁹ и *Либер*³⁶⁰, который впервые назван *pater conservator*. Из восточных богов встречаются *Митра*,³⁶¹ *Magna Mater*³⁶², *Адан*³⁶³, *Долихен*³⁶⁴, *Изида*³⁶⁵, *Серapis*³⁶⁶, *Малакбел*³⁶⁷; *Юпитер* наделен наименованием *Africanus*³⁶⁸, *Церера* названа *Maurusia*³⁶⁹. Кроме того, обычные римские боги—*Геракл*, *Асклепий*, *Диана*, *Меркурий*, *Нептун*, *Сильван*³⁷⁰. Дважды встречается богиня *Ops*³⁷¹.

Из обожествленных абстрактных понятий новые надписи упоминают *Salus populi Romani*³⁷², *Fortuna Redux*³⁷³, *pietas imperatoris*³⁷⁴, *victoria Augustorum*³⁷⁵ *genius Senatus conservator dominorum nostrorum*³⁷⁶, *Concordia Africana*³⁷⁷ и *Карфаген* в качестве божества³⁷⁸.

Новые военные надписи из Африки немногочисленны, но некоторые из них довольно интересны.

Это, во-первых, новые отрывки речи Адриана, произнесенной им при инспектировании африканских войск и касающейся военной организации и дисциплины³⁷⁹. Затем весьма любопытный декрет, к сожалению, не датированный, запрещающий освобождать жителей провинции от повинностей в отношении войска, приказывающий магистратам сел отводить солдатам жилища, а жителям оказывать солдатам всяческую помощь³⁸⁰. Эта надпись может быть сопоставлена с прежде опубликованным декретом из *Сикка Венерия* о повинностях этой колонии относительно войска и о запрещении требовать от ее жителей лишнее против установленного³⁸¹. В *Мавретании* найдено несколько дипломов³⁸².

Четыре надписи с юга Алжира, из *Дусена*, поставленные легатом *Тиберием Юлием Антиохом*, говорят о том, что *Гордиан* покорил всех мятежников, а также о расширении границ провинции, укреплении вала и размещении лагерей³⁸³. *Каркопино* на основании этих надписей делает заключения о переходе при *Гордиане* к политике военной колонизации на границах Африки³⁸⁴. Надпись, посвященная *Клавдию II* прокуратором *Тенагино Пробом*³⁸⁵, позволяет внести поправку в биографию императора *Проба* в *Scriptores Historiae Augustae*, где командование в войнах в Африке при *Клавдии II* приписывается будущему императору *Пробу*, тогда как упомянутая надпись показывает, что их вел одноименный с ним прокуратор. К войнам с африканскими племенами относится еще несколько надписей, тем более важных, что сведения об этих движениях африканских племен, по мнению некоторых исследователей, в известной мере аналогичных движению *багаудов* в Галлии, мы имеем почти исключительно из эпиграфических данных, в значительной мере опубликованных уже ранее. Одна из этих надписей поставлена городом *Лептисом Марсу* по случаю освобождения Африки от войны с *гетулами*³⁸⁶. Два фрагмента надписи, относящейся ко времени *Александра Севера*, упоминают переговоры, которые вел прокуратор с вождем племени *бакватиев*³⁸⁷. Другие надписи говорят о победе над племенем *баваров* и гибели их нарей; об изгнании врагов и надежде на мир³⁸⁸. В одном отрывке упоминаются *barbaris rebelles*³⁸⁹. Возможно, что к этим же событиям относится надпись из *Мавретании*, представляющая собой эпитафию *curator reipublicae Oppidi Novi*, убитого с пятью солдатами³⁹⁰. О войнах вне Африки упоминает надпись лица, награжденного за *коммагенскую* и *германскую* войны при *Флавиях*³⁹¹. Из военных надписей можно указать еще на метрическую надпись *центуриона* *легиона III Augusta*, исполнившего обет богине *Salus* за благополучное возвращение войска из похода³⁹². *Levagnini*³⁹³ доказывает, что в надписи заключается акrostих, содержащий имя *центуриона*—*Q. Avidius Quintianus*.

Большинство других военных надписей сделано солдатами и офицерами *легиона III Augusta*³⁹⁴; из них две надписи представляют собой списки солдат, одна содержит список членов коллегии *armorum custodes*, как состоящих на действительной службе, так и ветеранов. Кроме того, встречаются и упоминания других *легионов*: *II Adjud-*

rix³⁹⁵, II Parthica³⁹⁶, XXX Ulpia victrix³⁹⁷, а также частей auxilia: ala Flavia³⁹⁸, ala Hamiorum³⁹⁹, Ala I Pannoniorum⁴⁰⁰, cohors II Flavia Afrorum⁴⁰¹, cohors I Flavia Musulameorum⁴⁰², cohors Asturum et Gallorum⁴⁰³, cohors Scutata⁴⁰⁴, cohors Sardorum⁴⁰⁵ numerus Hemesenorum⁴⁰⁶.

Наконец, встречаются надписи городских и преторианских когорт⁴⁰⁷. Надо отметить еще надпись времени Коммода о постройке башен, выполненной солдатами для защиты провинции⁴⁰⁸, и надпись времени Галлиена о перестройке лагеря когорты VIII Fidae, произведенной солдатами Триполитанского Limes'a⁴⁰⁹. Две надписи, одна Александру Северу, другая Максимину, посвящены солдатами, составлявшими гарнизон castellum Dimidi⁴¹⁰. Во втором из них упомянуто какое-то неизвестное, вероятно, местное, божество Cerei.

Из прочих надписей отмечу пограничные столбы, указывающие территории различных африканских племен⁴¹¹, надписи, поставленные этими племенами или их *principes*'ами⁴¹².

Таблички с заклинаниями, имеющими целью повредить врагу или привлечь любовь женщины, не содержат ничего особенно нового⁴¹³. Из мелких надписей можно еще указать надпись на ошейнике: беглая блудница из города Булла Регия⁴¹⁴, надпись на ошейнике раба⁴¹⁵, надпись на бюстах богов, изображающих дни недели⁴¹⁶, надписи на мозаике из терм⁴¹⁷. Надпись о постройке водопревода при Александре Севере, в которой впервые упомянут *discens libratorum*⁴¹⁸, надпись на пуническом и латинском языке, поставленную рядом лиц с семитическими именами по случаю какой-то постройки⁴¹⁹.

Наиболее интересные новые сборники африканских надписей: Gsell S., *Inscriptions romaines d'Algerie*, 1921; Cagnat R., *Inscriptions latines de l'Afrique du nord*, 1923.

ДУНАЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ

Значительное количество новых надписей найдено в Дунайских провинциях.

Большая часть их относится к войнам и войску на Дунае. Здесь особо надо отметить относящийся ко II или I вв. до н. э. договор между г. Каллатией и Римом⁴²⁰. По мнению Ламбрино, пытавшегося восстановить этот сильно испорченный текст⁴²¹, дело шло о помощи жителей Каллатии Риму деньгами в случае войны. Автор считает, что договор был вызван войнами с дунайскими и африканскими племенами, и датирует его 71 г. до н. э. Очень важен список солдат, убитых в дакийских войнах Траяна⁴²². Солдаты, убитые или награжденные в дунайских войнах, упоминаются и в других надписях⁴²³, об одном из них говорится, что он был *interfectus a castobocis*⁴²⁴. Один примипиларий сообщает о себе, что он получил от Антонина Пия повышение в чине и 525 000 сестерций и был избран декурионом нескольких городов за исключительную храбрость в войне с карпами⁴²⁵. Упоминаются и участники парфянской и армянских войн⁴²⁶. Дважды встречается *vexillatio dacoorum Parthica*⁴²⁷. Интересна надпись, которую Альфельди относит ко времени войны Галиена с дунайскими узурпаторами. Она была найдена в Аквинке. Ее посвящает Марсу Градиву начальник VII Клавдиева легиона, который вместе с отрядами из Нижней Мезии был послан для уничтожения жестокого владычества (*ad eradendum nomen saevissimae dominationis*) врагов народа (*hostium publicorum*), причем, видимо, часть войска взбунтовалась, но автор надписи, с помощью Марса, все-таки остается победителем⁴²⁸.

Многочисленные надписи солдат и командиров легионов пополняют наши сведения об этническом составе дунайского войска. Опубликованы надписи легионов: I Italica⁴²⁹, I Severiana Alexandriana⁴³⁰, I Adiutrix⁴³¹, I Minervia⁴³², II Adiutrix⁴³³, II Parthica⁴³⁴, III Gallica Severiana Alexandriana⁴³⁵, III Augusta⁴³⁶, IV Flavia⁴³⁷, IV Scythica⁴³⁸, IV Firma Fortis⁴³⁹, V Macedonica⁴⁴⁰. В одном случае этот легион назван Pannonica, в другом Dacica; раз ему придано название Gordiana VII Claudia⁴⁴¹. Наибольший интерес представляет надпись, содержащая список ветеранов, принятых в легион VII Claudia в 169, и отпущенных в 195 г. Этот список называет около 130 имен, с указанием места происхождения легионеров. 100 человек происходят

из городов Мевии, 6 человек из Дакии, 8 из Далмации, 9 из Фракии. Интересна еще надпись солдата этого же легиона, называющего себя *epibeta* (моряк), что указывает на то, что некоторые legionеры обучались и морскому делу. Затем надпись о перестройке *canabae* этого легиона, начатой при Септимии Севере и оконченной при Каракалле. Ю. Юнг, издавший эту надпись, считает, что расширение *canabae* (поселения) было предпринято в связи с разрешением legionерам селиться вместе со своим женами. Далее надписи легионов: IX *Hispana*⁴⁴², X *Gemina pia fidelis Severiana*⁴⁴³, причем надо особо отметить список ветеранов, принятых в 136 и отпущенных в 160 г., надпись легиона XIII *Gemina*⁴⁴⁴, из них интересны посвящения Митре различных коллегий *impunes* этого легиона и легиона V *Macedonica*, названных здесь *Gallienae*. Надо также отметить надпись, поставленную в честь префекта лагерей легиона XIII *Gemina* римскими гражданами и *conscripti consistentes canabae legionis eiusdem*⁴⁴⁵. Комментировавший ее Юнг отмечает, что в этой надписи впервые для провинции встречается термин *conscripti*, приравненный в италийских надписях и в муниципальном законе Сальпензи и Малакки к термину *decuriones*. Дважды упомянут легион XIV *Gemina*⁴⁴⁶. Во второй надписи этот легион назван *Philippiana*. В первой, посвященной примипилу легиона, упоминается солдат *conductor prati Furiani*. Она свидетельствует об установившемся в середине III в. обычае сдавать солдатам для обработки под наблюдением примипилария участки на территории легиона. Наконец, в 5 надписях говорится о легионе XV *Apollinaria*⁴⁴⁷. Кроме того, в некоторых эпитафиях солдат не указывается часть, к которой они принадлежали, но сообщается их национальность⁴⁴⁸. Многочисленны также надписи об *auxilia* дунайских провинций. Встречаются алы: *Flavia Domitiana C. R. Britannica*⁴⁴⁹, *Gemelliana*⁴⁵⁰, *Bosporanorum*⁴⁵¹, *I civium Romanorum*⁴⁵², *I Scubulorum*⁴⁵³, *I Thracum*⁴⁵⁴, *I Ulpia Contariorum civium Romanorum miliaria*⁴⁵⁵, *ala I Capitonis*⁴⁵⁶. Последнюю надпись поставил ветеран этой алы, вольноотпущенник Юлий Сатурий. По мнению издавшего надпись Добруского, она относится к I в., когда Август, во время панноно-далматского восстания, брал в армию вольноотпущенников. Далее, упомянуты алы *asturum*⁴⁵⁷ и *I Pannoniorum*⁴⁵⁸. Из когорт наибольшее число надписей относится к стоявшей в II и III вв. в Итерцизе когорте *Nemesenorum*⁴⁵⁹. Они дают интересный материал о составе этой когорты, пополнявшейся все время уроженцами восточных провинций, главным образом Сирий, сохранявшими свой имена и свой культ, о чем свидетельствуют два посвящения богу Элагабалу, сделанные этой когортой при Каракалле. Ряд надписей упоминает когорты с наименованием *Aurelia*, неизвестные ранее и набранные, очевидно, Марком Аврелием во время парфянской и маркоманнской войн: Это *cohors I Aurelia nova Pasitanum miliaria civium Romanorum*⁴⁶⁰, *cohors II Aurelia nova*⁴⁶¹, *cohors II Aurelia Dardanorum*⁴⁶², *cohors Pimasensium Aureliana*⁴⁶³.

Особо надо отметить одну надпись когорты II *Aurelia Dardanorum*⁴⁶⁴, поставленную в честь Каракаллы ее ветеранами, принятыми в 185 и отпущенными в 212 г. Это первый случай такого коллективного посвящения от ветеранов *auxilia*. Раньше аналогичные надписи были известны только от ветеранов легионов, преторианских и городских когорт. Из когорт, называвшихся *Aurelia*, обращает на себя внимание *cohors II Aurelia nova Sacorum*⁴⁶⁵. По мнению Юнга, эта когорта была набрана из племени саков, которые, разбитые Марком Аврелием в парфянской войне, обязались поставлять определенное число солдат в римское войско. Из других когорт встречаются: I *Alpinorum*⁴⁶⁶, III *Alpinorum*⁴⁶⁷, III *Batavorum Antoniniana*⁴⁶⁸, I *Belgarum*⁴⁶⁹, VII *Breucorum*⁴⁷⁰, I *Britannica Antoniniana*⁴⁷¹, I *Cisipadensium*⁴⁷², II *Concordia Severiana*⁴⁷³, II *Cypria*⁴⁷⁴, II *Cyrrhestarum*⁴⁷⁵, I *Flavia Commagenorum*⁴⁷⁶, II *Flavia Commagenorum sagittario- rum Severiana Alexandriana*⁴⁷⁷, II *Lucensium*⁴⁷⁸, V *Lucensium*⁴⁷⁹, I *Hispanorum Gordiana*⁴⁸⁰, II *Mattiacorum*⁴⁸¹, I *Thracum*⁴⁸², I *Ulpia Pannoniorum*⁴⁸³, VIII *Voluntariorum civium Romanorum*⁴⁸⁴. В одной из надписей говорится об участии её в постройке водонапорных башен.

Часть этих когорт была уже известна из дипломов и прежних надписей, часть названа в новых надписях впервые. Из *numeri* упоминается *numeros Britonum*. (Интересно, что свою надпись *numeros Britonum* ставит *pro salute vicinorum Micensium*)⁴⁸⁵, *numerus Dalmatorum*⁴⁸⁶ и *numerus Palmyrenorum Paralissensium*, посвятивший надпись жене

императора Деция Этрускилле⁴⁸⁷. Одна надпись называет солдата Аврелия Дазу, родом из Дакии, принадлежавшего к *equites catafractari Poetovenses*⁴⁸⁸. Значительно количество новых дипломов дунайских провинций⁴⁸⁹.

Некоторые новые данные имеются и о положении ветеранов. Это надписи, поставленные в их честь городами в благодарность за различные услуги, и их собственные надписи, в которых они называют себя магистратами и декурионами одного или нескольких городов⁴⁹⁰. Одна надпись поставлена ветераном *deductus Scupis*⁴⁹¹, живущим в своем имении—*in praedio suo*. Две надписи *curia ueteranorum* города Мисции свидетельствуют о наличии там коллегии ветеранов⁴⁹². Ветеран из *ala I Pannoniorum* называет себя *acceptarius* от *accepta* полученного им участка земли⁴⁹³. Интересна надпись одного солдата легиона *I Adiutrix*, который был *missus missione nummaria*⁴⁹⁴, т. е. при отставке получил вместо земли деньги. Надпись, поставленная в 233 г. в честь Александра Севера и Маммеи, выстроившими храм ветеранами, *consistentes Augusta Traiana*⁴⁹⁵, показывает, что в Дунайских провинциях объединения ветеранов сохранились дольше, чем в других частях империи, где они обычно исчезают в середине II в. Отмечу еще надпись, поставленную служившими в легионе *II Adiutrix cives iasi ex Pannonia Superiore missi honesta missione*⁴⁹⁶. Аналогичные надписи мы имели ранее из Рима, где солдаты одного племени, служившие в городских частях, совместно ставили надписи при отставке. Для легионов этот пример необычен.

Для муниципальных надписей Дунайских провинций характерны различные *territoria* и *civitates* во главе с *principes*. Такое же устройство местных племен мы видим и в Африке, но на Дунае оно, видимо, сохранилось дольше. В наших надписях встречаются: *princeps territorii Contrarii*⁴⁹⁷, *princeps et quinquennalis territorii Capidavensis*⁴⁹⁸, *princeps civitatis Doclatium*⁴⁹⁹, *princeps civitatis Dindariarum*⁵⁰⁰, *territorium Dianensium*⁵⁰¹.

Ряд надписей посвящен декурионам и магистратам⁵⁰². Интересно отметить, что в нескольких случаях, магистраты являются *conductores ferrarium*, что лишний раз подчеркивает значение металлургии на Дунае, в частности, в Дакии. Имеются и надписи в честь патронов городов, однако в значительно меньшем числе, чем в Африке⁵⁰³. *Curatores reipublicae* вовсе отсутствуют.

Из коллегий упоминаются *collegium fabrum*⁵⁰⁴, *collegium opificerum*⁵⁰⁵, *centonarium*⁵⁰⁶, *saccarium*⁵⁰⁷, и религиозная коллегия почитателей Юпитера⁵⁰⁸. Упоминаются несколько *vicī*⁵⁰⁹. Совет 3 Дакий ставит надписи в честь Александра Севера и Гордиана⁵¹⁰. Надо еще отметить несколько надписей лиц, называющих себя *consistentes* в том или ином месте, поскольку этот термин и связанное с ним положение не раз подвергались обсуждению. Я уже упоминала надпись ветеранов, *consistentes Augusta Traiana*. Кроме того, галаты, *consistentes* в Напоке поставили надпись в честь Антонина Пия⁵¹¹. Упоминаются еще *Emonenses* (от города Емона) *qui consistunt finibus Sabaria* (т. е. в Саварии)⁵¹² и *cives Agrippinenses, consistentes...*⁵¹³ Чрезвычайно интересна группа надписей из сел Нижней Мезии и Дакии, поставленная Юпитеру в честь императоров от Антонина Пия до Филиппа Араба ветеранами, римскими гражданами и бессами, которые с III в. заменяются на *lai*⁵¹⁴.

Из муниципальных надписей надо еще отметить один фрагмент, который, по мнению Бормана, относится к какому-то закону, подобному *lex Malacitana*, изданному во время Каракаллы⁵¹⁵. Другой отрывок какого-то закона ввиду его сильной испорченности не поддается интерпретации⁵¹⁶. Надпись в честь какого-то лица, прославившегося знанием законов⁵¹⁷, относится, видимо, к поздней империи.

Для экономики Дунайских провинций новые надписи дают не много; главным образом, это надписи, касающиеся пошлин⁵¹⁸. Дважды упоминается *negotiator lanarius*⁵¹⁹. О *conductores ferrarium* уже упоминалось. К разработке золотых приисков в Дакии относится надпись *militum Osrohenorum aurariorum Daciarum*⁵²⁰, очевидно, это были солдаты, надзиравшие за работами на приисках. К императорскому землевладению, вообще мало освещенному для Дунайских провинций, относится надпись *servus saltuarius Flavioium*⁵²¹ и, возможно, *conductor pascui et salinarum*⁵²², видимо, арендатор государственных пастбищ и солеварен. Надпись императорского отпущенника Элия Ме-

нандра, называющего себя *centurio officinorum*⁵²³, заставляет предполагать, что императорские мастерские были на Дунае многочисленны и организованы по военному образцу. Она может быть в этом смысле сопоставлена с приводившейся выше надписью с Рейна об *immunes figlinae*.

В большом количестве в надписях упоминаются восточные боги—Митра, Долихен, *Magna Mater*, *Caelestis*, Сабазий, Сирийская богиня⁵²⁴. Из посвящений римским богам отмечу одну надпись, где Юпитер назван *Aerilofius*⁵²⁵, что, по мнению издателя, соответствует фракийскому богу Ζεύς, πατρῷος ἐπιλόφιος. В другой раз центурионы посвящают ему надпись как *Jovi cohortalis*⁵²⁶. Неоднократно встречаются посвящения фракийскому всаднику⁵²⁷, а также боги *Diana Tifatina*⁵²⁸, *Apollo Cendrisenus*⁵²⁹, *Azizus*⁵³⁰, *Matrones*⁵³¹, *Magutis*⁵³², *Aecorna*⁵³³, *Vagdavercustis*⁵³⁴, солнце встречается раз с кельтским эпитетом *Bassurigi*⁵³⁵. Ветеран I легиона посвящает надпись богине Нундине⁵³⁶. Одна надпись дает название новой религиозной коллегии *dumoperetis*, упоминающихся наряду с дендрофорами⁵³⁷. По мнению издателя надписи название этой коллегии произошло от слов *dumetum*—сосна и *Piretae* от города *emporium Piretensium* в Мезии.

Из прочих надписей можно отметить довольно многочисленные пограничные столбы⁵³⁸, затем характерные для Дунайских провинций эпитафии лиц, убитых разбойниками⁵³⁹, в одной надписи говорится, что похороненная женщина *interfecta a hoste*⁵⁴⁰. О разбойниках говорит и надпись от 180 г. о постройке башен и размещении гарнизонов на местах тайных переходов разбойников⁵⁴¹. Такие надписи были известны и раньше.

Из сборников Дунайских надписей можно назвать: *T o c i l e s c u*, *Fouilles et recherches archéologiques en Roumanie*, 1900; *C. Cichorius*, *Römische Denkmäler aus Dobrudscha*, 1904; *K a l i n k a*, *Antike Denkmäler aus Bulgarien*, 1906; *H. M a y*, *Römer-Inschriften aus Österreich für Studierende bearbeitet*, 1911; *A. S c h o b e r*, *Die römischen Grabsteine von Noricum und Pannonien*, 1923; *C. Patsch*, *Römische Inschriften aus dem Albanischen Museum «Jahresh. d. Österr. Arch. Inst.»*, 1926, стр. 209—230; *M. A b r a m i c*, *Novi natpisi iz Poetovja*, 1931; *Hoffiler*; *V. S a r i a*, *B.*, *Antike Inschriften aus Jugoslawien*, Zagreb 1938; *A. D a b o*, *Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes*. Budapest, 1940. Надписи по культам Н. Мезии собраны в книге Тодорова, Пъгнизм в долина Мезия, 1928. Список легатов Мезии дает *S. S t a u t*, *The governors of Moesia*, 1911.

ФРАКИЯ, МАКЕДОНИЯ, ГРЕЦИЯ И ОСТРОВА

Из новых надписей, происходящих из этих областей, вообще очень немногочисленных, в первую очередь надо отметить найденный на Делосе закон Габиния о мероприятиях сената по восстановлению на Делосе храмов и зданий, разрушенных пиратами, в смягчении податей и в связи с разорением жителей из-за войн с пиратами и т. п.⁵⁴². Датой этого закона Кюк считает 67 г. до н. э.⁵⁴³. К официальным документам можно отнести также декрет из Кносса, в котором сообщается, что Нерон возвратил колонии Кносу 5 югеров земли, подаренных Августом Эскулапу⁵⁴⁴, и декрет Траяна от 101 г., подтверждающий размежевание между двумя общинами, сделанное царем Аминтой, отцом Филиппа, и уточняющий их границы⁵⁴⁵. Здесь же можно отметить отрывки двуязычной надписи из Дельф, часть которой была известна уже раньше⁵⁴⁶, содержащие акты об имуществе храма Аполлона и о границах его территории в 125 г.⁵⁴⁷.

Военных надписей очень мало. Это, во-первых, метрическая надпись I в. до н. э. из Коринфа⁵⁴⁸, относящаяся, по мнению издавшей ее Л. Росс Тайлор, к экспедиции оратора Марка Антония против пиратов. Затем надпись в честь Целия Марциала, трибуна легиона XIII, награжденного Траяном за участие во «второй экспедиции, во время которой была покорена вся Дакия», и ставшего впоследствии прокуратором Ахайи и прокуратором железных рудников⁵⁴⁹. Наконец, надпись из Македонии, посвященная Юпитеру за благополучие императора Галлиена *vexillationes legionum II Parthica* и *III Augusta sub cura Aurelii Augustiani ducis iustissimi et O. Euf. Synforiani praefecti vexillationum*⁵⁵⁰. Эта надпись, очевидно, относящаяся к борьбе Галлиена

с узурпаторами Дунайских провинций или Греции, интересна своими данными о войсковых частях, сражавшихся на стороне Галлиена.

Несколько надписей отдельных военных содержит их *cursus honorum*. Это посвящение от ветеранов *cohortes vigilum* их бывшему начальнику Татинию Кносу, центуриону различных когорт, получившему ряд наград от Домициана⁵⁵¹. Интересно, что ветераны этой когорты, набравшейся в Италии, живут в Филиппах. Очевидно, они получили там землю после отставки. Из Филипп же происходят и надписи других ветеранов: ветерана Августа, родом из Пизы⁵⁵², ветерана легиона II Parthica⁵⁵³, центуриона легиона VI Ferrata⁵⁵⁴, ветерана легиона VII Claudia Macedonica⁵⁵⁵. Из Филипп же происходит надпись трибуна Фирма, бывшего *praefectus nationum*⁵⁵⁶.

В надписи из Коринфа сообщается, что *optio* легиона IV Flaviae поставил по обету алтарь Немезиде⁵⁵⁷. На Андросе несколько преторианцев построили храм за благополучие Септимия Севера⁵⁵⁸.

Несколько посвячительных надписей сделаны в честь известных исторических лиц. Греки и италийцы, торгующие на Делосе, посвятили надпись Терренцию Варрону⁵⁵⁹, который в 167 г. до н. э. был одним из 10 легатов, посланных для организации Македонии. Те же торговцы поставили в 100 г. до н. э. надпись в честь Мунация Планка⁵⁶⁰. Надпись в честь Агриппы была поставлена каким-то членом семьи царя Котиса⁵⁶¹. Одна надпись посвящена Реметалку, сыну Рескупорида⁵⁶². Из муниципальных надписей наибольшее количество падает на Коринф. Это надписи: в честь современника Адриана Юлия Севера, проконсула Ахайи, патрона и жреца трибы Манейя⁵⁶³; в честь жреца трибы Агриппа⁵⁶⁴, в честь Манлия Ювенка, дуумвира, понтифика и агонифета Isthmion et Caesareon qui primus Caesarea egit ante Isthmia⁵⁶⁵. Декурионов и агонифетов упоминают и другие надписи⁵⁶⁶. Последняя из них впервые говорит о существовании в Коринфе игр в честь Тиберия. Укажу еще две надписи из Коринфа: одну в честь прокуратора Юлия Спартиатика, награжденного императором Клавдием⁵⁶⁷, и другую, в честь жившего при Траяне трибуна легиона XII Fulminata, занимавшего должность претора *inter cives et peregrinos et inter peregrinos*⁵⁶⁸. Четыре надписи из Филипп упоминают куратора *rei publicae* этого города Модия Лета Руфиниана⁵⁶⁹. Значительное внимание привлекла надпись Эдила Эраста из Коринфа⁵⁷⁰, которого пытались отождествить с другом апостола Павла, упоминающимся в послании к римлянам XVI, 23⁵⁷¹.

Надписей в честь богов мало. Несколько из них происходят из Филипп, это посвящения богам J(ovi) O(ptimo) M(aximo) Suidefeste, deo Magno Regi, deo patrio invicto, Isidi⁵⁷².

Кроме того, посвящения божествам *Paci luciferae* за Тиберия⁵⁷³, посвящение от 237 г. солнцу⁵⁷⁴, посвящение божеству *Quies*⁵⁷⁵, сделанное центурионом, упомянутым в другой надписи времени Домициана.

Строительных надписей две: одна о восстановлении на Самосе при императоре Клавдии храма Либера, разрушенного землетрясением⁵⁷⁶, другая о произведенном в 100 г. в Гортине проконсулом Элуфрием Севером ремонте Одеона⁵⁷⁷.

Особо надо отметить две надписи, дающие нам новый материал по фракийской ономастике: одна из них содержит имена жителей двух фракийских сел, построивших совместно храм Дианы⁵⁷⁸; другая, исполненная греческими буквами и расшифрованная Каркопино, представляет собой завещание некоего человека, оставившего жителям села определенную сумму для празднования розалий (праздника, посвященного умершим) в память его покойной жены⁵⁷⁹.

Остается еще только указать несколько межевых столбов между территориями различных общин⁵⁸⁰, о надписи из Филипп, свидетельствующей о проверке мер веса, произведенной эдилами⁵⁸¹, и, наконец, одну черепицу с острова Итаки с надписью от 35 г. до н. э.: *Eraphroditus Novi ungentarius de sacra via fecit*⁵⁸². Надпись одного *conductor publici portori Illyrici et ripae Thraciae*⁵⁸³ ничего нового нам не дает.

МАЛАЯ АЗИЯ, СИРИЯ, ЕГИПЕТ

Из надписей азиатских провинций и Египта, опубликованных за рассматриваемый период, надо, в первую очередь, отметить несколько императорских постановле-

ний. Одна надпись из Пергама содержит написанный по-гречески эдикт Веспасиана от 74 г. о привилегиях, предоставляемых врачам и учителям. Затем следует латинский рескрипт Домициана от 93/94 г., в котором он говорит, что считает необходимым сурово обуздать алчность врачей и учителей, для увеличения доходов продающих свое искусство, долженствующее служить обучению благородных юношей, рабам. Поэтому те, кто будет брать за обучение рабов деньги или практиковать свое искусство в чужом городе, должны быть лишены тех привилегий, которыми пользуются по эдикту Веспасиана⁵⁸⁴.

Другой эдикт Домициана, относящийся к этому же времени, происходит из Антиохии в Писидии⁵⁸⁵. Легат Л. Антистий Рустикус вместе с антиохийскими дуумвирами писал императору, что, в связи с зимним временем, произошли продовольственные затруднения, и просили, чтобы народу была дана возможность покупать запасы. В ответ на это император приказал, чтобы все граждане и поселенцы Антиохии в течение 30 дней после опубликования эдикта объявили дуумвирам, кто сколько и где имеет хлеба в зерне или муке и сколько оставляет на год для своей семьи. Все остальное должно быть продано покупателям. За утайку хлеба виновные карались конфискацией, причем доносчики получали 1/8 их имущества. Вследствие дороговизны хлеба и неблагоприятных слухов об алчности антиохийцев, дошедших до императора, он установил максимум продажной цены на хлеб.

Еще один чрезвычайно важный эдикт Домициана был найден в Александрии. Он является составной частью надписи от 94 г. на табличках, в которой содержится клятвенное подтверждение и заверенное 9 свидетелями заявление ветерана легиона X *Fretensis* о том, что у него во время службы родилось трое детей, которые, согласно эдикту Домициана, должны получить римское гражданство. В подтверждение приводится самый эдикт, изданный в 87/88 г. Текст его несколько испорчен, однако смысл более или менее ясен⁵⁸⁶. Император предписывает, чтобы ветераны пользовались освобождением от всех общественных повинностей, чтобы они сами, их жены, дети и родители получали римское гражданство *optimo iure* и имели все иммунитеты и чтобы были неприкосновенны имения, дома и лавки, принадлежащие ветеранам⁵⁸⁷. Эта надпись привлекается во всех работах, посвященных вопросам о ветеранах⁵⁸⁸. В этой же связи укажу одну табличку из Файюма от 122 г.⁵⁸⁹, представляющую свидетельство префекта Египта, что он дал солдату *alae Vocantiorum missio honesta* и все, полагающееся по закону. Это также важный документ для решения сложного вопроса о том, какие ветераны получали дипломы и каким образом вводились в свои законные права⁵⁹⁰.

К официальным надписям относится также фрагмент из Сард, содержащий часть уже известного раньше сенатусконсульта от 176/177 г. об ограничении расходов на гладиаторские игры, и речи Марка Аврелия и Коммода, произнесенные по этому поводу в сенате⁵⁹¹. Ко времени Валента, Валентиниана и Грациана относится надпись из Эфеса, содержащая письмо на имя Евтропия и Феста о переписи земли в Азии и установлении повинностей отдельных владельцев и городов. Надпись приводит данные переписи о количестве в Азии земель различных категорий⁵⁹².

Перехожу к военным надписям. Из более значительных можно указать следующие: надпись из Бальбека в Сирии в честь примипилария Сальвия Руфа, который служил в ряде легионов, был командиром войска Африки для войны с восставшими мавританскими племенами, был награжден Веспасианом и Титом за участие в иудейской войне, а затем за войну с маркоманнами, квадами и сарматами, против которых он совершил экспедиции, пройдя через царство Децебала. Затем он занимал должность прокуратора в Паннонии, Далмации и Реции, и, наконец, был послан в Парфию, откуда привел царей Эпифана и Каллиника, сыновей Антиоха (царь Коммагены, изгнанный в 72 г. Веспасианом, причем сыновья его бежали в Парфию) с большим количеством подданных⁵⁹³. Из Эфеса происходит надпись солдат легиона VI *Ferrata*, которая сообщает, что их легион, находясь под командой Корбулона, зимовал в Армении⁵⁹⁴. Другая надпись из Эфеса—в честь лица, награжденного во время парфянской войны Траяна, в которой он участвовал в качестве префекта *alae Gallorum veteranorum*. Впослед-

ствии он стал прокуратором в Азии. Надпись ему поставили рабы и вольноотпущенники, служившие в императорских бюро Эфеса и объединенные в коллегию почитателей ларов Августа⁵⁹⁵. Это же лицо упоминается в одном письме Адриана⁵⁹⁶. Ко времени Адриана относится надпись из Фив, в Египте, поставленная Сульпицием Сереном, успешно воевавшим с каким-то племенем, убившим много врагов и отнявшим у них добычу и верблюдов⁵⁹⁷. К этому же периоду относится найденная в Бейруте надпись Валерия Руфа, префекта алы гетулов и дуумвира города, который при Траяне, в качестве солдата легиона VII Claudia, был послан с частью этого легиона в экспедицию на Кипр, вероятно, в связи с иудейским восстанием⁵⁹⁸. В этой же связи укажу на надписи о восстановлении при Траяне дорог и зданий в Кирене, разрушенных во время восстания иудеев⁵⁹⁹. Другие военные надписи дают сведения о войсковых частях, стоявших в различных местах Азии и Египта. Из Паннонии пришли в Самарию солдаты XII Паннонской когорты, граждане города Сисции, посвятившие надпись своим отечественным богам⁶⁰⁰. С дунайским же войском, видимо, были связаны *equites sing* и *lares*, которые под командой центуриона легиона V Macedonica зимовали в Антиохии, называемой также Гераса (*hibernati sunt Antiochae ad Chrysorhoan quae et Gerasa Hiera*), пользующейся иммунитетом и правом убежища, где они и посвятили надпись Диане за благополучие Адриана⁶⁰¹. Эти надписи интересны для иллюстрации частых перебросок солдат с Дунайского *limes*'а на восток. Кроме того, из Сирии, еще имеются надписи *vexillationes* легионов IV Scythicae et XVI Flaviae Firmae в честь Адриана⁶⁰², посвящение солдат легиона I Scythica Сильвану и солнцу⁶⁰³, посвящение Сильвану легатом того же легиона⁶⁰⁴, посвящение Александру Северу от солдат легиона I Parthica, поступивших на службу в 214 г.⁶⁰⁵ По мнению Dessau, они были отпущены в 234 г. в связи с беспорядками среди войска, стоявшего на востоке⁶⁰⁶. Затем надписи *ala Britannica torquata*⁶⁰⁷, *cohors I Lepidiana equitata civium Romanorum bis torquata beneficio divi Marci*⁶⁰⁸, надпись от 229 г. когорты XX Palmyrenorum sagittariorum Severianae Alexandrinae⁶⁰⁹, эпитафия матроса Мизенского флота⁶¹⁰ и отрывок надписи префекта коллегии ветеранов⁶¹¹.

В Анкаре найдена эпитафия солдата Легиона X *gemina*, погибшего в 195 г. в Парфии⁶¹².

Из Палестины происходят эпитафии солдата *alae Thracum Augustae* и префекта *alae Silianae bis torquatae, bis armillatae*⁶¹³.

Особо надо отметить военные надписи из Dura Europos, умножившиеся благодаря раскопкам последних лет⁶¹⁴.

Несколько военных надписей происходит из Аравии и Пальмиры⁶¹⁵. Кроме того, опубликованы новые военные дипломы⁶¹⁶.

Несколько надписей посвящено отдельным лицам и дают их *cursus honorum*: надпись из Эфеса в честь бывшего в 53 г. префектом Египта Клавдия Бальбилла, прокуратора в Азии, прокуратора священных рощ Египта, музея и библиотек Александрии и т. д.⁶¹⁷ Надпись из Эфеса в честь Юлия Цельса Полемона, проконсула Азии при Веспасиане, занимавшего и ряд других должностей⁶¹⁸, надпись из Антиохии в честь Ацилиана Фульциниана, который был *comes* Септимия Севера в восточной экспедиции, начальник иллирийских отрядов в Перинфе, жрец Адриана и т. д.⁶¹⁹. Кроме того, без *cursus honorum* упоминаются: легат Тиберия в Антиохии⁶²⁰, прокуратор Аррунций Фруги из Конии⁶²¹; лицо, которое поставило в Эфесе надпись в честь императора Тацита и называет себя *agens vice proconsulis sacrae religionis eius antistes*⁶²²; надпись в честь жены Кассония Лонга, бывшего правителем Галлатии в 115—120 гг.⁶²³ Из Антиохии происходит надпись промагистра *quadagesima partus Asiae et vicesima libertatis*⁶²⁴. Из муниципальных надписей можно указать только надпись понтифика Кальпурния Лонга из Антиохии, который первый употребил изобилие жатвы на устройство зрелищ для народа, постройку амфитеатра и различные представления⁶²⁵, надпись декуриона из Бейрута⁶²⁶, куратора *plataeorum et vicorum* из Антиохии⁶²⁷, надпись торговцев Эфеса в честь их патрона, сына Саллюстия Криспа⁶²⁸.

Из строительных надписей надо отметить надпись из Бейрута о восстановлении царем Агриппой и Береникой храма, построенного Иродом⁶²⁹. В Цезарее палестинской при Адриане был построен водопровод силами солдат легиона X *Fretensis*⁶³⁰.

Из прочих надписей особенно интересна табличка из Dura Europos, относящаяся к 202—209 гг. и содержащая письмо на имя легата Сирии с распоряжениями о приеме парфянского посла, который должен был проезжать через эту провинцию по дороге к императорам⁶³¹. Во Фригии Адриан восстановил бывшие при царях Атталей и Прузии границы между храмом Jovi creatori et civitas Aezanitarum⁶³². Кроме того, можно отметить фрагмент декрета из Лидии о споре между городами Фиатирой и Иеракесарией. Декрет содержит упоминание о пребывании в Лидии Каракаллы в 215 г.⁶³³.

Несколько табличек с надписями различного содержания найдены в Египте: табличка с завещанием какого-то лица от 170 г.⁶³⁴, акт об отпуске на волю рабыни от 221 г.⁶³⁵; надпись на табличке, прикрепленной к мешку с образцами зерна, посланного правителем мемфисского нома в метрополию⁶³⁶. Очевидно, эти образцы посылались с целым транспортом зерна, чтобы в дороге не было произведено подмены.

Наконец, значительное внимание привлек ряд табличек, содержащих выписки о регистрации законных и незаконнорожденных детей⁶³⁷. Одна из этих табличек, от 148 г., показывает, что регистрация в Египте проводилась уже при Антонине Пие, хотя *Scriptores Historiae Augustae* приписывают введение этого мероприятия Марку Аврелию. Незаконные дети не вносились в один список с законными⁶³⁸.

За рассматриваемый период вышло несколько сборников надписей из восточных провинций: Chabot, *Choix d'inscriptions de Palmyre. Traduites et commentées*. Paris, 1922; L. J. Albert, *Inscriptions grecques et latines de Syrie*, 1905 и новое издание L. J. Albert et R. Maunier, *Inscriptions grecques et latines de Syrie, vol. I: «Commagene et Cyrrestique»*, Paris, 1926; P. Viereck und F. Zucke, *Papyri, Ostraca and Wachstafeln aus Philadelphia und Fayum*, Berlin, 1926; Moore Robinson, *Greek and latin inscriptions from Asia Minor*, 1926.

*

Остается сказать об эпиграфических сборниках и работах по эпиграфике, касающихся не отдельных провинций, а империи в целом: F. Zilken, *Inscriptiones latinae graecae bilinguae*. Лpz., 1909; E. Diehl, *Vulgarlateinische Inschriften*, Bonn, 1910, (этот сборник содержит 1567 текстов первых четырех веков, собранных по группам, согласно с особенностями фонетики, синтаксиса и семантики); F. Richter, *Lateinische Sacralinschriften*, Bonn, 1911; E. Diehl, *Inscriptiones latinae, tabulae ad usum scholarum*, Bonn, 1912; E. Diehl, *Inscriptiones latinae christianae veteres*, vol. I—II, Berlin, 1924 (в I томе — надписи, относящиеся к римской истории в целом; во II томе — надписи, касающиеся церкви, христианских общин и т. п.); G. M. Rutschforth, *Latin historical inscriptions*, Mitford, 1930 (пособие для студентов, иллюстрирующее курс истории римской империи); R. Barrow, *A Selection of latin inscriptions*, Oxford, 1934; сборники метрических надписей: J. Choldnia, *Carmina sepulcralia latina*, Petropoli, 1904; E. Engström, *Carmina latina epigraphica post editam collectionem Buechelerianam in lucem probata*, Leipzig, 1912; O. Amante, *La poesia sepulcrale latina*, Palermo, 1912; E. Gallier, *Études sur la poésie funéraire latine*, Paris, 1922.

Рецепты врачей были собраны в работе: E. Esperandieu, *Signacula medicorum osulorum*, 1905, дополненной в одноименной статье в «Revue archéologique» за 1927 г.

Из курсов латинской эпиграфики наиболее известен R. Cagnat, *Cours d'Épigraphie latine*, 1914. Кроме того, можно назвать H. Dessau, *Lateinische Epigraphik*, 1925, входящую в состав I тома «Einleitung in die Altertumswissenschaft», J. E. Sandys, *Latin Epigraphy*, Cambridge, 1927.

За все рассматриваемое время выходили тома эпиграфического словаря Ruggiero. К справочникам же относится работа G. N. Olcott, *Thesaurus linguae latinae epigraphicae*, Rome, 1909—1935. Среди пособий по эпиграфике можно назвать и работу R. Kent, *The textual criticism of latin inscriptions*, 1926.

Обзоры по эпиграфике давались в «Jahreshefte über die Fortschritte der klassischen

Altertumswissenschaft» за 1909 и 1920 гг., а также в статье W i c k e r t о состоянии и задачах латинской эпиграфики в «АА», 1929.

Библиография работ по эпиграфике в журнале «Historia» за 1930, 1931 и 1932 гг.

Написи, относящиеся к правлению отдельных императоров, собраны в работах: H. C. N e w t o n, The epigraphical evidences for the reigns of Vespasian and Titus, New York, 1901; W. H ü t t e, Antoninus Pius. Reichesbeamte und Offiziere unter Antoninus Pius. Antoninus Pius in den Inschriften, Prague, 1933; W. T h i e l e, De Severo Alexandro imperatore, Berlin 1909 (дается перечень относящихся к нему надписей); N. T o w s e n d — об администратии Гордиана III по надписям в «JCS», 1934, V—IV, стр. 53—132; A. D o m a s z e w s k i — о надписях тестя Гордиана III Тимиситея в «RhM», 1903, стр. 218—230; A. R o o s, Брат Филиппа Араба Юлий Приск по надписям, «Mnemosyne», 1923, стр. 286—296; M a t t i n g l y — о надписях Деция в JRS, v. XIV (1924), стр. 1—23; U. G i r i, Валериан и Салонин в надписях, в «Atti della R. Acad. delle scienze di Torino», 1902/03.

Самые разнообразные темы затрагивались по военной истории: M. M a y e r, Vexillum und Vexillarius, 1910; M. R o s t o v t z e f f, Speculatores, RM, 1911, стр. 267—278; O. B o h n, Лагерные города (проверка теории Моммзена по новым надписям), «Germania» 1926, стр. 25—36; R. R e y n o l d s, The vigils of ancient Rom, Oxford, 1926; E. R i t t e r l i n g, Войсковые части, набравшиеся в приморских Альпах, «Klio», 1927, стр. 82—91.; R. A. D e a n, A Study of the cognomina of soldiers in the Roman legions, Princeton, 1926; P. L e g r a n d e, I cognomi delle coloni romani militari ricavotti di fonti epigrafiche; R. P a s s i t r o, Il matrimonio dei soldati romani, 1901; R i t t e r l i n g, Восточная война Марка Аврелия в надписях, «RhM», 1904, стр. 186—194; P a r i b e n i, Milites frumentarii, RM, 1905, стр. 310; P. S t e i n e r, Dona militaria, «BJ», 1906, стр. 1—99; C. T s c h a u s c h n e r, Legionäre Kriegsvexillationen von Klaudius bis Hadrian, Breslau, 1906; H. D e s s a u, Национальность римских офицеров в первые два века империи, «Hermes», 1910, стр. 1—26.

О чиновниках, магистратах и муниципальной жизни надписи приводятся в работах: C u q, Префекты претория, «Mélange Boissier», 1903; W. L i e b e n a m, Fasti consulares imperii Romani, Bonn, 1910; A. S t e i n, Agentes vice praefectorum praetoriae, «Hermes», 1905, стр. 94—103; F. H e i l i g e n s t a e d t, Fasti aedilici inde a Caesaris nece usque ad imperium Alexandri Severi, Halle, 1910; G. C o s t a, I fasti consulari della origine alla morte de C. Giulio Cesare, 1911; H a r r e r — дополнения к консульским фастам первых трех веков, AJA, 1930, стр. 350—364; G. N i c o l l i n i, I fasti dei tribuni della Plebe, 1934; S t e c h, список сенаторов от Веспасиана до Траяна, «Klio», 1912, Beiheft; C. W a l t o n, Римские сенаторы восточного происхождения, JRS, 1929, стр. 38—66; L. R o s s T a y l o r, Seviri equitum romanorum et seviri municipales, JRS, 1924, стр. 172—215. О термине quinquenalis pereptius—CPh, 1931, стр. 392. Seitens, Проконсульская власть императора по надписям, «Klio», 1912, стр. 332—396. К вопросам городского устройства относится работа O. G r a d e n w i t z, Lex Salpensa, ZSt, 1922, стр. 429—455, и ряд работ о надписи из Гераклеи: H. L e g r a s, La tabelle latine d'Heraclée, Paris, 1907; K ü b b e r, ZSt, 1907, стр. 409—415; D e - S a n c t i s в «Atti della R. Acad. della Scienze de Torino», 1909, стр. 10; A. P a i s в «Atti della reale Academie dei Lincei», 1911, стр. 687—704; 788—809; M. B e s n i e r в REA, 1912, стр. 42—52; P r e m e r s t e i n в ZSt, 1922, стр. 45—152; M. C a r y в JRS, 1929, стр. 116—119. По экономике империи: A. K u e h n, De opificum romanorum conditione privata, Halle, 1910; L. M. G o r d o n, О национальности рабов в ранней империи, в JRS, 1924, стр. 99—111; на ту же тему B a n g в RM, 1909, стр. 223—251; A. S o g l i a n o, Fabri subaediani (CIL, II, 2211; VI, 7814; 9558); «Atti dell'Acad. Pontamiona», 1921, vol. VI; M. R o s t o v t z e f f, Полиция больших доменов в «Philologus», 1905, стр. 297—307; C h. D u b o i s, Etudes sur l'administration des carrières dans le monde Romain, Paris, 1908 (в приложении собраны все надписи по этому вопросу).

Работы по религии и культу: A. B r e l i c h, Aspetti della morte nelle iscrizioni

sepolcrale dell'impero Romano, Budapest, 1937; V. M a c c h i o r o, Il sincretismo religioso e l'epigrafia, RA, 1907, стр. 141—157; 252—281; A. H. K a n, Juppiter Dolichenus. Samml. d. Inschriften und Bildwerke. Leiden, 1943; O. C r o s s i - C o n d i в «Bull. comunale di Roma», 1906, стр. 18—33; O. G a t t i, Lares semitales curiales et viales, «Boll. comm. di Roma», 1908, стр. 42—47. P. R i e w a l d—отождествление императоров с различными богами. Dissertationes philologicae Halenses, 1911/12, стр. 285—544; H e i n e n, Культ Цезаря и Августа в 48 г. до н. э.—14 г. н. э., «Klio», 1911, стр. 26—47; W. O t t o, Эпитет «Soter» в применении к Августу, «Hermes», 1910, № 448—460; D o m a s z e w s k i, Magna Mater в надписях, JRS, 1911, стр. 50; A. S t e i n, Провинциальные жреческие коллегии в «Επιτάφιος», Swoboda. 1927, p. 300—310; E. G r o a g, Коллегии понтификов при Траяне, WSt, 1918, стр. 9—20; P i p p i d i, Numen augusti в надписях, REL, 1931, p. 83—111; L. R o s s T a y l o r, The divinity of the Roman emperor, Moddleton, 1931; J. B. P i g n i, De ludis saecularibus populi Romani..., Milan, 1941 (в приложении собраны надписи о культе Августа); O. M ü l l e r, Погребальные коллегии, NJKA, 1905, стр. 133—201.

Кроме того, по отдельным вопросам: A. M a r c h i, La virtù della donna nelle iscrizioni sepolcrali latini, 1909; S. H a r r o d, Latin arms of family relations, Princeton, 1909; C. I. T h o m s o n, Taedium vitae in latin sepulchral inscriptionis, 1911; G u m m e r u s — положение врачей в империи по надписям, «Commentationes humanarum litterarum», 1932, стр. 3—103.

В работе A. S t e i n, Römische Inschriften in der antiken Litteratur, 1931, собраны все упоминания надписей у античных авторов.

Е. М. Штаерман

¹ Настоящий обзор не является исчерпывающим. Цель его—ознакомление с наиболее важными из опубликованных за XX в. латинскими надписями. В соответствии с этой задачей мною принят порядок рассмотрения надписей, несколько отступающий от общепринятого. Для каждой провинции я на первое место выделяла надписи наиболее характерные для нее, а также привлекавшие наибольшее внимание ученых.

² An. ép., 1909, № 80; 1911, № 126.

³ E. P a i s, Studi Storici per l'Antichità classica, 1909, f. II, стр. 113—162; «Rendiconti dell'Acad. dei Lincei», 1910, стр. 72—87; G. D e - S a n c t i s, «Atti della R. Acad. delle Scienze di Torino», 1909/1910; стр. 727 слл; Ashby, «CR», 1909, стр. 158—169; Costa, «Rendiconti dell'Acad. delle Scienze di Bologna», 1908—09; Gatti, «Bollettino comunale di Roma», 1908, стр. 169—226.

⁴ An. ép., 1932, № 70.

⁵ Neue Fragmente der Acta Ludorum Saeculorum von 204 n. Chr., «Rh M», 1932, стр. 366—394.

⁶ Sul nuovo carme secolare dell'anno 204, «Rivista di Filologia», 1933, стр. 211—224.

⁷ Postilla al nuovo carme secolare, ib., стр. 393—400.

⁸ Recherches sur les jeux seculaires, REL, 1932, стр. 441 сл.; 1933, стр. 17 сл.

⁹ SPAW, 1932, стр. 701 сл.

¹⁰ New Light on the History of the Secular Games, AJPh, 1934, стр. 101—120.

¹¹ An. ép., 1900, № 83; 1905, № 192; 1927, № 101; 1933, № 30; 1940, № 92, 93.

¹² An. ép., 1926, № 121; 1930, № 60.

¹³ An. ép., 1900, № 2; 1910, № 109; 1912, № 33; 1915, № 102.

¹⁴ Fornari в «Boll. della com. archeologica comunale di Roma», 1914, стр. 317; Carcopino, «C. r. de l'Acad. d. Inscriptions», 1932, стр. 363; Hülsen, RhM, 1933, стр. 362; Hauler в «WS», 1928, стр. 102; A. Stein в «HZ», 1934, стр. 294; Romanelli в «Bol. comunale di Roma», 1927, стр. 63; Moncini, ib., стр. 258; Costa в «JS», 1926, стр. 390.

¹⁵ An. ép., 1907, № 16.

¹⁶ An. ép., 1931, № 72.

¹⁷ An. ép., 1929, № 158.

¹⁸ An. ép., 1926, № 124.

¹⁹ An. ép., 1941, № 59.

²⁰ An. ép., 1930, № 57; 1909, № 210; 1911, № 127; 1933; 127.

²¹ An. ép., 1932, № 156.

²² An. ép., 1910, № 110.

²³ An. ép., 1910, № 28.

²⁴ An. ép., 1911, № 199; 1912 № 85,

- 126, 185, 186; 1913, №№ 97, 98, 109—112; 1916, №№ 47—51; 1927, № 108; 1928, № 6; 1931, № 91.
- ²⁵ An. ép., 1907, №№ 121—124; 1924, № 117.
- ²⁸ An. ép., 1908, № 226; 1924, № 101; 1928, № 76; 1931, № 90; 1936, № 46.
- ²⁷ An. ép., 1916, №№ 52, 102; 1931, № 89.
- ²⁸ An. ép., 1907, № 224.
- ²⁹ An. ép., 1908, № 202.
- ³⁰ An. ép., 1900, № 89.
- ³¹ An. ép., 1929, № 161.
- ³² An. ép., 1907, № 208.
- ³³ An. ép., 1923, № 76.
- ³⁴ An. ép., 1941, №№ 69—71.
- ³⁵ An. ép., 1913, № 3.
- ³⁶ An. ép., 1925, № 127; 1945, № 118.
- ³⁷ An. ép., 1926, № 51.
- ³⁸ An. ép., 1912, № 38.
- ³⁹ An. ép., 1902, № 86; 1908, № 41; 1910, № 99.
- ⁴⁰ An. ép., 1907, № 129.
- ⁴¹ 1910, № 50; 1911, № 195.
- ⁴² An. ép., 1936, № 24.
- ⁴³ An. ép., 1923, № 59.
- ⁴⁴ An. ép., 1903, № 156.
- ⁴⁵ An. ép., 1925, № 87.
- ⁴⁶ An. ép., 1910 № 73.
- ⁴⁷ An. ép., 1910, № 69.
- ⁴⁸ An. ép., 1910, № 74.
- ⁴⁹ An. ép., 1902, № 85.
- ⁵⁰ An. ép., 1923, № 70.
- ⁵¹ An. ép., 1908, № 39; 1910, № 29.
- ⁵² An. ép., 1908, № 104; 1910, № 48.
- ⁵³ An. ép., 1908, № 230.
- ⁵⁴ An. ép., 1910, № 112.
- ⁵⁵ An. ép., 1926, № 50.
- ⁵⁶ An. ép., 1910, № 114.
- ⁵⁷ An. ép., 1909, № 93.
- ⁵⁸ An. ép., 1910, № 28.
- ⁵⁹ An. ép., 1924, № 108.
- ⁶⁰ An. ép., 1932, № 52.
- ⁶¹ An. ép., 1924, № 110.
- ⁶² An. ép., 1912, № 32.
- ⁶³ CIL, VI, № 33747, 36860. Об этих законах статья G. Gatti в «Bull. communale di Roma», 1911, стр. 120—128.
- ⁶⁴ An. ép., 1915, № 97.
- ⁶⁵ An. ép., 1908, № 232; 1928, №№ 17—19, 70.
- ⁶⁶ An. ép., 1933, № 97.
- ⁶⁷ An. ép., 1926, № 126.
- ⁶⁸ CIL, XIV, №№ 3687, 3688.
- ⁶⁹ An. ép., 1904, № 84.
- ⁷⁰ An. ép., 1926, № 42.
- ⁷¹ An. ép., 1907, № 78, 79.
- ⁷² An. ép., 1941, № 105.
- ⁷³ An. ép., 1934, № 154.
- ⁷⁴ I, 17; VIII, 12.
- ⁷⁵ An. ép., 1901, № 31.
- ⁷⁶ An. ép., 1934, № 161.
- ⁷⁷ SHA, XXIV, 3, 1; 3, 3.
- ⁷⁸ An. ép., 1907, № 144; Van Buren, AJA, 1906, стр. 179—181.
- ⁷⁹ CIL VI, №№ 10053, 10054, 33 43.
- ⁸⁰ An. ép., 1941, № 75—78.
- ⁸¹ An. ép., 1940, № 71—80.
- ⁸² An. ép., 1913, № 72.
- ⁸³ An. ép., 1934, № 158; An. ép., 1940, № 68.
- ⁸⁴ An. ép., 1908, № 107.
- ⁸⁵ An. ép., 1929, № 166; R. Syme «CQu», 1933, стр. 142—48.
- ⁸⁶ An. ép., 1900, № 102; 1909, № 208.
- ⁸⁷ CIL, VI, №№ 1231, 31537.
- ⁸⁸ An. ép., 1912, № 140; 1915, № 106; 1930, № 68.
- ⁸⁹ An. ép., 1905, № 107; 1908, № 238; 1913, № 75; 1915, № 2; 1916, № 56; 1924, №№ 104, 105; 1927, № 121; 1928, № 72; 1930, № 59.
- ⁹⁰ An. ép., 1945, № 22.
- ⁹¹ An. ép., 1911, № 191.
- ⁹² An. ép., 1941, № 64.
- ⁹³ An. ép., 1941, № 65.
- ⁹⁴ An. ép., 1903, № 35; 1904, № 86; 1909, № 46; 1910, №№ 38—44; 1913, №№ 37, 82—85, 212; 1933, № 98; 1934, № 136.
- ⁹⁵ An. ép., 1927, № 127.
- ⁹⁶ An. ép., 1908, № 80.
- ⁹⁷ Ein Elogium des C. Sempronius Tuditanus, OJ, 1907, стр. 264—282.
- ⁹⁸ Die Statutsbasis des C. Sempronius Tuditanus, ib., 1908, стр. 267—297.
- ⁹⁹ An. ép., 1905, № 14; Premierstein, «OJ», 1904, стр. 215.
- ¹⁰⁰ An. ép., 1925, № 93.
- ¹⁰¹ An. ép., 1916, №№ 60, 61.
- ¹⁰² CIL, V, № 2603.
- ¹⁰³ An. ép., 1934, № 230.
- ¹⁰⁴ An. ép., 1910, № 36.
- ¹⁰⁵ An. ép., 1910, № 162.
- ¹⁰⁶ An. ép., 1905, № 102; 1906, № 72.
- ¹⁰⁷ An. ép., 1903, № 203.
- ¹⁰⁸ An. ép., 1902, № 41; 1904, № 227; 1906, № 104; 1908, № 206; 1909, № 38; 1926, № 110; 1930, № 3; 1934, № 232; 1935, № 21; 1940, № 99; 1945, № 81.

- ¹⁰⁹ An. ép., 1933, № 155.
¹¹⁰ An. ép., 1933, № 155.
¹¹¹ An. ép., 1923, № 61.
¹¹² An. ép., 1935, № 25.
¹¹³ An. ép., 1945, № 80.
¹¹⁴ An. ép., 1940, № 48.
¹¹⁵ An. ép., 1904, № 183.
¹¹⁶ An. ép., 1902, № 189.
¹¹⁷ An. ép., 1927, № 218.
¹¹⁸ An. ép., 1908, № 208.
¹¹⁹ An. ép., 1910, № 203.
¹²⁰ An. ép., 1927, № 124.
¹²¹ An. ép., 1927, №№ 126—129.
¹²² An. ép., 1932, № 73.
¹²³ An. ép., 1935, № 9.
¹²⁴ An. ép., 1941, № 79.
¹²⁵ An. ép., 1913, № 134.
¹²⁶ An. ép., 1912, № 226.
¹²⁷ An. ép., 1924, № 15.
¹²⁸ An. ép., 1909, № 77.
¹²⁹ An. ép., 1913, № 210.
¹³⁰ An. ép., 1923, № 72.
¹³¹ An. ép., 1933, № 103.
¹³² An. ép., 1901, № 171.
¹³³ An. ép., 1934, № 234.
¹³⁴ An. ép., 1906, № 171.
¹³⁵ An. ép., 1907, № 225.
¹³⁶ An. ép., 1909, № 37.
¹³⁷ An. ép., 1910, № 191.
¹³⁸ An. ép., 1927, № 167. Paribeni «Raccolta di scritti in onore di Giacomo Lumbroso» Milan, 1925, стр. 287—292.
¹³⁹ An. ép., 1927, №№ 122, 123.
¹⁴⁰ An. ép., 1934, №№ 249—256.
¹⁴¹ An. ép., 1912, № 221.
¹⁴² An. ép., 1907, № 206.
¹⁴³ An. ép., 1904, № 194; 1910, № 33; 1911, № 208; 1926, № 890; 1932, № 64.
¹⁴⁴ An. ép., 1945, № 27.
¹⁴⁵ An. ép., 1945, № 64.
¹⁴⁶ An. ép., 1923, №№ 64—65.
¹⁴⁷ An. ép., 1906, № 76.
¹⁴⁸ An. ép., 1932, № 64.
¹⁴⁹ An. ép., 1909, № 119.
¹⁵⁰ An. ép., 1931, № 78; 1933, №№ 150, 153; 1945, № 39.
¹⁵¹ An. ép., 1905, № 191.
¹⁵² An. ép., 1901, № 166; 1906, № 77; 1913, № 28; 1934, №№ 136—140; 1943, № 3, стр. 313—330.
¹⁵³ An. ép., 1913, №№ 80, 83—87, 94—96, 100—116; 1928, №№ 111—114. О них: Santorel, Class. journ. 1929/30; стр. 453—463; Diehl, E. Pompeianische Wandinschriften. Bonn, 1910; Federici, V. Epigrafic Pompeane, 1932.
¹⁵⁴ An. ép., 1928, № 115.
¹⁵⁵ An. ép., 1915, № 61.
¹⁵⁶ An. ép., 1930, № 125.
¹⁵⁷ An. ép., 1930, № 123, 240; 1928, № 125; 1915, № 59.
¹⁵⁸ An. ép., 1912, №№ 111, 230, 239.
¹⁵⁹ An. ép., 1913, №№ 90, 99, 196s 203—208; 1915, 159.
¹⁶⁰ An. ép., 1913, № 222.
¹⁶¹ An. ép., 1910, № 103.
¹⁶² An. ép., 1910, № 84.
¹⁶³ An. ép., 1912, № 51; 1913, № 189.
¹⁶⁴ An. ép., 1940, №№ 65, 66.
¹⁶⁵ An. ép., 1913, № 189.
¹⁶⁶ An. ép., 1912, № 93; 1928, №№ 123, 133.
¹⁶⁷ An. ép., 1909, №№ 213, 215.
¹⁶⁸ J. Carcopino, Notes sur les fastes d'Ostie, CRAI, 1932, стр. 363; H ü s e l, Neue Fragmente der Fasti Ostienses, RhM, 1933, стр. 362—380.
¹⁶⁹ An. ép., 1909, № 109.
¹⁷⁰ An. ép., 1909 № 110.
¹⁷¹ An. ép., 1933, №№ 466, 474.
¹⁷² An. ép., 1911, № 64.
¹⁷³ An. ép., 1933, № 42.
¹⁷⁴ An. ép., 1909, № 211.
¹⁷⁵ An. ép., 1939, № 45.
¹⁷⁶ An. ép., 1924, № 119.
¹⁷⁷ An. ép., 1940, № 131.
¹⁷⁸ An. ép., 1910, № 196; 1928, № 131.
¹⁷⁹ An. ép., 1909, № 214.
¹⁸⁰ An. ép., 1929, №№ 140—148.
¹⁸¹ An. ép., 1929, №№ 152—156.
¹⁸² An. ép., 1933, №№ 45—47.
¹⁸³ An. ép., 1940, № 94.
¹⁸⁴ An. ép., 1928, № 126.
¹⁸⁵ An. ép., 1941, №№ 4—8.
¹⁸⁶ An. ép., 1934, № 165.
¹⁸⁷ An. ép., 1906, № 138.
¹⁸⁸ An. ép., 1904, № 176; 1909, № 81.
¹⁸⁹ An. ép., 1925, № 65.
¹⁹⁰ An. ép., 1923, № 20.
¹⁹¹ An. ép., 1932, № 25.
¹⁹² An. ép., 1926, № 8.
¹⁹³ An. ép., 1926, № 2.
¹⁹⁴ An. ép., 1901, № 1.
¹⁹⁵ An. ép., 1910, № 60; 1925, № 64; 1934, № 36; 1937, №№ 14—17.
¹⁹⁶ An. ép., 1945, № 124.
¹⁹⁷ An. ép., 1907, № 139.
¹⁹⁸ An. ép., 1913, № 14.
¹⁹⁹ A. Harnack, Ostiarius, «SBaw», 1910, стр. 551.

- ²⁰⁰ An. ép., 1913, №№ 161, 234; 1915, №№ 26—29; 1925, №№ 2, 5, 33—36, 40; 1945, № 105.
- ²⁰¹ An. ép., 1933, № 108.
- ²⁰² An. ép., 1927, № 6.
- ²⁰³ An. ép., 1905, № 235.
- ²⁰⁴ 200 этих надписей собраны О. Bohn в «Anzeiger für Schweizerische Altertumskunde», 1924, стр. 8—15. См. также С. Jullian в REA, 1926, стр. 390.
- ²⁰⁵ An. ép., 1901, № 72; 1904, № 177; 1905, №№ 226, 230; 1913, № 124; 1924, № 20; 1933, № 157; 1940, №№ 112—115, 117.
- ²⁰⁶ An. ép., 1906, №№ 61, 63; 1907, № 106; 1923, №№ 34, 36; 1929, № 34.
- ²⁰⁷ An. ép., 1910, № 161; 1913, №№ 238—240; 1930, № 32; 1931, № 11; 1937, № 100.
- ²⁰⁸ An. ép., 1924, № 27.
- ²⁰⁹ An. ép., 1913, №№ 124, 128.
- ²¹⁰ An. ép., 1900, № 71.
- ²¹¹ Domaszewski в «Römisch-Germ. Korrespondenzblatt», 1910.
- ²¹² An. ép., 1924, № 21.
- ²¹³ An. ép., 1931, № 30.
- ²¹⁴ An. ép., 1931, № 30.
- ²¹⁵ An. ép., 1929, № 130.
- ²¹⁶ An. ép., 1923, № 30.
- ²¹⁷ An. ép., 1945, № 78.
- ²¹⁸ An. ép., 1923, № 121.
- ²¹⁹ An. ép., 1907, № 189.
- ²²⁰ An. ép., 1909, № 108.
- ²²¹ An. ép., 1904, № 24; 1932, № 46; 1937, №№ 103, 109.
- ²²² An. ép., 1916, № 125.
- ²²³ An. ép., 1901, № 73.
- ²²⁴ An. ép., 1909, № 135.
- ²²⁵ Die Hastiferi von Castell Mainz, «Gesammelte Schriften», Berlin, 1910, vol. VI, стр. 197 ff.
- ²²⁶ An. ép., 1916, № 124.
- ²²⁷ An. ép., 1930, № 35.
- ²²⁸ An. ép., 1941, № 107.
- ²²⁹ An. ép., 1930 № 16.
- ²³⁰ An. ép., 1932, № 43.
- ²³¹ См. статью Gössler в «Germania», 1932, стр. 115—120.
- ²³² An. ép., 1903, № 309; 1911, № 227; 1929, № 130.
- ²³³ An. ép., 1907, № 108.
- ²³⁴ An. ép., 1908, № 132.
- ²³⁵ An. ép., 1904, № 25.
- ²³⁶ An. ép., 1926, № 19.
- ²³⁷ An. ép., 1927, № 67.
- ²³⁸ An. ép., 1931, № 27.
- ²³⁹ An. ép., 1928, № 186.
- ²⁴⁰ An. ép., 1913, № 123.
- ²⁴¹ An. ép., 1923, № 37; 1924, № 22.
- ²⁴² An. ép., 1903, № 145; 1904, № 140; 1905, №№ 56, 157—160; 1907, № 101; 1908, №№ 132, 253, 254 и др.
- ²⁴³ An. ép., 1924, № 16.
- ²⁴⁴ An. ép., 1930, № 31; 1931, № 27.
- ²⁴⁵ An. ép., 1923, № 38; 1941, №№ 87—89.
- ²⁴⁶ An. ép., 1938, №№ 138—141.
- ²⁴⁷ Römische Steindenkmäler der Bonner Münsterkirche, «BI», 1930, стр. 5 сл.
- ²⁴⁸ An. ép., 1907, № 107; 1928, №№ 21, 181, 182; 1932, №№ 28, 64—97.
- ²⁴⁹ An. ép., 1937, № 97.
- ²⁵⁰ An. ép., 1923, №№ 34, 35.
- ²⁵¹ An. ép., 1903, № 309; 1906, №№ 63, 64.
- ²⁵² An. ép., 1933, № 114.
- ²⁵³ An. ép., 1945, № 2.
- ²⁵⁴ «Germania», 1939, № 1, стр. 33.
- ²⁵⁵ An. ép., 1941, № 25.
- ²⁵⁶ JRS, 1943, стр. 79.
- ²⁵⁷ An. ép., 1903, № 360.
- ²⁵⁸ An. ép., 1929, № 97.
- ²⁵⁹ An. ép., 1924, № 3; 1930, № 113.
- ²⁶⁰ An. ép., 1937, № 115.
- ²⁶¹ An. ép., 1930, № 111.
- ²⁶² An. ép., 1924, № 4.
- ²⁶³ An. ép., 1933, №№ 130, 131.
- ²⁶⁴ An. ép., 1905, № 168.
- ²⁶⁵ An. ép., 1924, № 3.
- ²⁶⁶ An. ép., 1924, № 93.
- ²⁶⁷ An. ép., 1933, №№ 130, 131.
- ²⁶⁸ An. ép., 1933, № 133.
- ²⁶⁹ An. ép., 1932, № 2; IRS, 1943, стр. 78.
- ²⁷⁰ An. ép., 1909, №№ 140, 141.
- ²⁷¹ CIL, XIII, №№ 6451, 6453, 6540, 6679, 8808.
- ²⁷² An. ép., 1925, № 11; 1926, № 84 статья Atkinson в «Classical Review», 1927, стр. 46 сл.
- ²⁷³ An. ép., 1924, № 1.
- ²⁷⁴ An. ép., 1906, № 151.
- ²⁷⁵ E. C u q, Un règlement administratif sur l'exploitation de mines au temps d'Hadrien, 1907; J. V e n d e u v r e, Contribution à l'étude du régime minier romain, 1910; R. G a g n a t, «JS», 1906, стр. 442; Cantarelli, «Bull. dell Istituto di diritto Romano», 1906/07, стр. 309; Mispoulet, «RA», 1907, стр. 58; Neuburg, «ZGS», 1907, стр. 367.

- ²⁷⁶ Cuq, «RA», 1907, стр. 58—68.
- ²⁷⁷ An. ép., 1908, № 233.
- ²⁷⁸ Domaszewski, «RM», 1910, стр. 59 сл.
- ²⁷⁹ An. ép., 1937, № 12.
- ²⁸⁰ An. ép., 1937, № 12.
- ²⁸¹ An. ép., 1937, № 13.
- ²⁸² An. ép., 1928, № 17, 3, 196; 1930, № 151.
- ²⁸³ An. ép., 1908, № 147; 1928, № 110.
- ²⁸⁴ An. ép., 1908, № 143.
- ²⁸⁵ An. ép., 1928, № 165.
- ²⁸⁶ An. ép., 1930, № 147.
- ²⁸⁷ An. ép., 1936, № 66.
- ²⁸⁸ An. ép., 1904, № 82; 1908, №№ 108, 149; 1913, № 9; 1915, № 35; 1930, № 148, 159; 1933, № 5; 1937, № 10; 1938, № 23, 24.
- ²⁸⁹ An. ép., 1932, № 84.
- ²⁹⁰ An. ép., 1923, №№ 102, 103.
- ²⁹¹ An. ép., 1930, № 152.
- ²⁹² An. ép., 1908, № 148.
- ²⁹³ MEFR, 1906, стр. 365—481; «Klio», 1908, стр. 154—185.
- ²⁹⁴ «Klio», 1907, стр. 188—212. Кроме того, о ней писал Mispoulet в «NRHD», 1906, стр. 812—815; 1907, стр. 270—274; Märlin в «Klio» 1909, стр. 377. Вместе с другими надписями она используется во всех общих работах по истории колоната и Римской Африки.
- ²⁹⁵ An. ép., 1938, №№ 71, 73, 74. Saurmagne, Ch. C. R. de l'Acad. des Inscr., 1937, стр. 292—301.
- ²⁹⁶ An. ép., 1915, № 34; 1925, № 74; 1927, № 36; 1937, № 60.
- ²⁹⁷ An. ép., 1905, № 12.
- ²⁹⁸ An. ép., 1937, № 31.
- ²⁹⁹ An. ép., 1902, № 223; 1907, № 157; 1926, № 147; 1942/43, № 105.
- ³⁰⁰ An. ép., 1907, № 238; 1908, №№ 18, 158; 1926, № 147; 1932, № 15.
- ³⁰¹ An. ép., 1909, № 158; 1936, № 137.
- ³⁰² An. ép., 1906, № 11; 1933, № 49.
- ³⁰³ Dessau, 8429.
- ³⁰⁴ An. ép., 1909, № 14.
- ³⁰⁵ An. ép., 1907, №№ 19—22, 173; 1908, №№ 154, 156, 246, 269; 1929, № 170; 1936, № 137; 1942/43, № 35.
- ³⁰⁶ An. ép., 1903, № 243.
- ³⁰⁷ CIL, VIII, 11451.
- ³⁰⁸ An. ép., 1913, № 226.
- ³⁰⁹ An. ép., 1942/43, № 7.
- ³¹⁰ An. ép., 1912, №№ 61—70; 1913, №№ 15—19; 1915, № 82.
- ³¹¹ An. ép., 1926, № 60.
- ³¹² Stein в «Hermes», 1929, № 266.
- ³¹³ An. ép., 1924, № 38; 1925, № 74.
- ³¹⁴ An. ép., 1913, № 159; 1928, № 23; 1925, № 74.
- ³¹⁵ An. ép., 1931, №№ 36, 38. Gsell et Carcopino в «MEFR», 1931, стр. 1—39.
- ³¹⁶ An. ép., 1903, № 202.
- ³¹⁷ An. ép., 1906, 34; 1914, № 113; № 1915, № 82.
- ³¹⁸ An. ép., 1906, № 18; 1908, № 242; 1909, №№ 16, 159, 160; 1910, № 78, 189; 1912, № 154; 1913, №№ 20—22, 158; 1915, №№ 6, 78; 1916, №№ 12, 14, 16, 22, 32—36, 78; 1924, №№ 33, 41; 1927, №№ 26, 28, 30; 1928, № 26; 1931, №№ 40, 41; 1933, № 33, 67, 68, 233; 1941, №№ 35—42, 45, 46, 49; 1942/43, №№ 10, 110.
- ³¹⁹ Poinssot, Pheradi Maius, CRAI, 1927, стр. 62—65.
- ³²⁰ An. ép., 1907, № 24; 1908, № 68; 1909, № 162; 1913, № 25; 1915, № 37; 1916, №№ 88, 107; 1923, № 11; 1933, № 336; 1934, №№ 27, 133, 172; 1940, № 18; 1942/43, № 107.
- ³²¹ An. ép., 1913, № 163; 1923, № 18; 1924, №№ 28—30; 1928, № 26; 1929, № 72; 1932, № 34; 1933, № 69; 1934, № 26.
- ³²² An. ép., 1941, № 79.
- ³²³ An. ép., 1913, № 40.
- ³²⁴ An. ép., 1942/43, № 23.
- ³²⁵ An. ép., 1902, № 164.
- ³²⁶ An. ép., 1916, № 42.
- ³²⁷ An. ép., 1916, №№ 43 и 44.
- ³²⁸ An. ép., 1924, № 66.
- ³²⁹ См. P. Willeumier, Le municipe de Volubelis, «REA», 1926, стр. 323—334.
- ³³⁰ An. ép., 1912, № 30; 1915, № 43; 1916, № 76; 1923, № 18.
- ³³¹ An. ép., 1925, № 103; 1934, № 170.
- ³³² An. ép., 1910, № 205.
- ³³³ An. ép., 1942/43, №№ 2, 4.
- ³³⁴ An. ép., 1913, № 180; Merlin et Poinssot, Mémoires de la société des Antiquaires de France, 1912, стр. 109 сл.
- ³³⁵ An. ép., 1916, № 100.
- ³³⁶ An. ép., 1913, № 119.
- ³³⁷ REA, 1913, стр. 39.
- ³³⁸ An. ép., 1916, № 22.
- ³³⁹ An. ép., 1908, № 264.
- ³⁴⁰ An. ép., 1909, №№ 159, 161; 1911, №№ 101, 102, 106; 1912, №№ 106, 165; 1925, №№ 30, 104; 1926, № 26; 1930, № 50; 1942/43, № 11.
- ³⁴¹ An. ép., 1909, № 37; 1910, № 108; 1911, №№ 103, 127; 1912, № 22; 1915,

- № 16; 1916, №№ 29—31; 1927, №№ 24, 25; 1930, № 39; 1931, № 29.
- ³⁴² An. ép., 1931, № 61.
- ³⁴³ An. ép., 1906, № 6.
- ³⁴⁴ An. ép., 1908, №№ 125, 237; 1910, № 107; 1911, №№ 7, 100, 111; 1940, № 95; 1942/43, № 69.
- ³⁴⁵ O. Hirschfeld, SBAW, 1905, стр. 945.
- ³⁴⁶ Poinssot, CRAI, 1932, стр. 69.
- ³⁴⁷ An. ép., 1927, № 115.
- ³⁴⁸ An. ép., 1933, № 57.
- ³⁴⁹ An. ép., 1942/43, № 23.
- ³⁵⁰ An. ép., 1901, №№ 2, 101; 1905, № 116; 1907, №№ 6, 7, 70; 1908, №№ 9, 10, 170; 1909, №№ 6, 20, 109, 1911.
- ³⁵¹ An. ép., 1906, № 75.
- ³⁵² An. ép., 1934, № 33.
- ³⁵³ An. ép., 1913, № 120.
- ³⁵⁴ An. ép., 1942/43, № 40.
- ³⁵⁵ An. ép., 1923, № 16.
- ³⁵⁶ An. ép., 1928, № 22.
- ³⁵⁷ An. ép., 1905, № 9.
- ³⁵⁸ An. ép., 1906, №№ 41, 122; 1907, № 243; 1908, № 20; 1912, №№ 10, 180, 181; 1915, №№ 17, 18; 1928, №№ 28, 30; 1931, №№ 58—60; 1934, № 29; 1937, № 43; 1941, № 34.
- ³⁵⁹ An. ép., 1906, №№ 24—26; 1927, № 236; 1908, № 73; 1926, № 22; 1927, №№ 13; 16; 1938, № 39.
- ³⁶⁰ An. ép., 1912, № 194; 1928, № 106.
- ³⁶¹ An. ép., 1904, № 18, 19; 1906, № 20; 1915, № 28.
- ³⁶² An. ép., 1917, № 22; 1931, № 68.
- ³⁶³ An. ép., 1905, № 13.
- ³⁶⁴ An. ép., 1916, № 9.
- ³⁶⁵ An. ép., 1934, № 42.
- ³⁶⁶ An. ép., 1908, № 74.
- ³⁶⁷ An. ép., 1940, № 148.
- ³⁶⁸ An. ép., 1925, № 101.
- ³⁶⁹ An. ép., 1937, № 39.
- ³⁷⁰ An. ép., 1911, № 98; 1912, №№ 17, 18; 1915, № 40; 1927, № 18; 1928, № 34.
- ³⁷¹ An. ép., 1908, № 260; 1912, № 10.
- ³⁷² An. ép., 1912, № 156.
- ³⁷³ An. ép., 1915, № 29; 1916, № 15.
- ³⁷⁴ An. ép., 1916, № 16.
- ³⁷⁵ An. ép., 1909, № 75.
- ³⁷⁶ An. ép., 1911, № 9.
- ³⁷⁷ An. ép., 1925, № 101.
- ³⁷⁸ An. ép., 1907, № 31.
- ³⁷⁹ An. ép., 1900, №№ 34, 35.
- ³⁸⁰ An. ép., 1929, № 61.
- ³⁸¹ CIL, VIII, № 15866.
- ³⁸² An. ép., 1934, № 98; 1936, №№ 70, 71; 1942/43, № 84.
- ³⁸³ An. ép., 1923, №№ 95—98.
- ³⁸⁴ Статья в RA, 1924, № 21—26.
- ³⁸⁵ An. ép., 1936, № 58.
- ³⁸⁶ An. ép., 1940, № 68.
- ³⁸⁷ An. ép., 1941, № 116; 1942/43, № 54.
- ³⁸⁸ An. ép., 1907, № 159; статья «L. Lesche» в RAf., 1927, стр. 394.
- ³⁸⁹ An. ép., 1928, № 38.
- ³⁹⁰ An. ép., 1926, № 23.
- ³⁹¹ An. ép., 1942/43, № 33.
- ³⁹² An. ép., 1929, № 7.
- ³⁹³ Levagnini, «1 centurione di Bu Ngem», RF, 1928, p. 416—422.
- ³⁹⁴ An. ép., 1902, № 46; 1904, №№ 71, 72; 1906, № 9; 1908, №№ 10, 170; 1912, №№ 204—207; 1923, № 15; 1927, №№ 37—39, 41—43; 1930, № 40; 1937, № 36.
- ³⁹⁵ An. ép., 1907, № 202; 1929, № 14.
- ³⁹⁶ An. ép., 1912, № 177.
- ³⁹⁷ An. ép., 1937, № 35.
- ³⁹⁸ An. ép., 1942/43, № 77.
- ³⁹⁹ An. ép. 1906, № 119.
- ⁴⁰⁰ An. ép., 1930, №№ 132, 133.
- ⁴⁰¹ An. ép., 1909, № 104; 1925, № 45.
- ⁴⁰² An. ép., 1915, № 35.
- ⁴⁰³ An. ép., 1916, № 91.
- ⁴⁰⁴ An. ép., 1906, № 35.
- ⁴⁰⁵ An. ép., 1932, № 31.
- ⁴⁰⁶ An. ép., 1928, № 145; 1940, № 147.
- ⁴⁰⁷ An. ép., 1907, № 170; 1908, № 137; 1909, № 15; 1912, № 27; 1913, № 27; 1916, №№ 3, 18; 1926, № 146.
- ⁴⁰⁸ An. ép., 1902, № 220.
- ⁴⁰⁹ An. ép., 1902, № 46.
- ⁴¹⁰ An. ép., 1940, №№ 151, 153.
- ⁴¹¹ An. ép., 1904, № 144; 1905, № 2; 1907, № 5; 1910, № 20—22; 1912, №№ 148—150.
- ⁴¹² An. ép., 1904, № 150; 1905, № 10; 1907, № 4; 1909, № 102; 1915, № 21; 1931, № 65.
- ⁴¹³ An. ép., 1907, № 16; 1929, № 99; 1931, № 132; 1933, №№ 55, 56.
- ⁴¹⁴ An. ép., 1906, № 148.
- ⁴¹⁵ An. ép., 1942/43, № 36.
- ⁴¹⁶ An. ép., 1923, № 38.
- ⁴¹⁷ An. ép., 1928, № 26.
- ⁴¹⁸ An. ép., 1942/43, № 93.
- ⁴¹⁹ An. ép., 1940, № 16.
- ⁴²⁰ An. ép., 1933, № 106.
- ⁴²¹ CR, 1933, ép. 278 ff., 1933, p. 278.
- ⁴²² An. ép., 1901, № 40.
- ⁴²³ An. ép., 1909, № 144; 1929, № 167; 1941, № 10.

- ⁴²⁴ An. ép., 1901, № 49.
⁴²⁵ An. ép., 1900, № 155.
⁴²⁶ An. ép., 1910, № 36; 1913, № 48; 1929, № 167.
⁴²⁷ An. ép., 1909, № 35; 1912, № 73.
⁴²⁸ An., ép., 1937, № 164.
⁴²⁹ An. ép., 1901, № 58; 1902, № 128; 1931, №№ 51—53.
⁴³⁰ An. ép., 1901, № 58.
⁴³¹ An. ép., 1909, №№ 144—147; 1929, № 48; 1934, № 226.
⁴³² An. ép., 1924, № 57.
⁴³³ An. ép., 1904, № 25; 1906, № 108; 1910, №№ 138, 144.
⁴³⁴ An. ép., 1934, № 132.
⁴³⁵ An. ép., 1905, № 157.
⁴³⁶ An. ép., 1903, № 26; 1934, № 133.
⁴³⁷ An. ép., 1905, № 92; 1910, № 172; 1929, № 119; 1934, № 178.
⁴³⁸ An. ép., 1910, № 176; 1923, № 40; 1944, № 70.
⁴³⁹ An. ép., 1912, № 77.
⁴⁴⁰ An. ép., 1901, №№ 58, 174; 1902, № 6; 1910, № 173; 1912, № 186, 73, 89; 1936, №№ 53—56; 1937, № 70.
⁴⁴¹ An. ép., 1900, № 210; 1901, №№ 12—15; 1903, № 183; 1905, №№ 159—163; 1906, № 113; 1910, №№ 85, 174; 1934, № 181; 1937, № 164.
⁴⁴² An. ép., 1923, №№ 40, 45.
⁴⁴³ An. ép., 1900, №№ 222, 223; 1913, № 56; 1934, № 79; 1936, № 153.
⁴⁴⁴ An. ép., 1901, № 154; 1910, № 84; 1912, № 7; 1933, № 22, 248; 1934, № 78; 1936, №№ 53—56.
⁴⁴⁵ «OJ», 1907, Beiblatt, стр. 139—146.
⁴⁴⁶ An. ép., 1900, № 196; 1905, № 242.
⁴⁴⁷ An. ép., 1900, №№ 216—221.
⁴⁴⁸ An. ép., 1919, №№ 184—225.
⁴⁴⁹ An. ép., 1940, № 5.
⁴⁵⁰ An. ép., 1901, № 101; 1909, № 200.
⁴⁵¹ An. ép., 1912, № 75; 1925, № 70; 1930, № 12; 1933, № 8.
⁴⁵² An. ép., 1912, № 129.
⁴⁵³ An. ép., 1906, № 111; 1909, № 198.
⁴⁵⁴ An. ép., 1906, № 109.
⁴⁵⁵ An. ép., 1908, №№ 45—47.
⁴⁵⁶ An. ép., 1912, № 3.
⁴⁵⁷ An. ép., 1903, № 71.
⁴⁵⁸ An. ép., 1915, № 69.
⁴⁵⁹ An. ép., 1906, №№ 107, 110; 1909, №№ 149, 150; 1910, №№ 131, 136, 137, 141, 144, 146; 1912, № 7; 1929, №№ 49—51.
⁴⁶⁰ An. ép., 1901, №№ 22, 3,
⁴⁶¹ An. ép., 1901, №№ 20, 68.
⁴⁶² An. ép., 1902, № 31; 1903, № 288; 1910, №№ 93, 95.
⁴⁶³ An. ép., 1908, № 136.
⁴⁶⁴ «OJ», 1904, № 6.
⁴⁶⁵ «OJ», 1900, № 143.
⁴⁶⁶ An. ép., 1910, № 153.
⁴⁶⁷ An. ép., 1900, № 43.
⁴⁶⁸ An. ép., 1937, № 163.
⁴⁶⁹ An. ép., 1913, №№ 138, 139.
⁴⁷⁰ An. ép., 1944, № 122.
⁴⁷¹ An. ép., 1929, № 117.
⁴⁷² An. ép., 1902, № 126.
⁴⁷³ An. ép., 1934, № 212.
⁴⁷⁴ An. ép., 1900, № 47.
⁴⁷⁵ An. ép., 1925, № 132.
⁴⁷⁶ An. ép., 1900, № 65.
⁴⁷⁷ An. ép., 1900; № 66, 1930, № 6.
⁴⁷⁸ An. ép., 1911, № 17; 1925, № 166.
⁴⁷⁹ An. ép., 1901, № 21.
⁴⁸⁰ An. ép., 1902, № 127.
⁴⁸¹ An. ép., 1902, № 125.
⁴⁸² An. ép., 1910, № 95.
⁴⁸³ An. ép., 1909, № 145.
⁴⁸⁴ An. ép., 1902, № 31; 1904, № 10; 1905, № 24; 1909, № 148; 1913, № 193; 1940, № 176.
⁴⁸⁵ An. ép., 1911, № 210.
⁴⁸⁶ An. ép., 1938, № 96, 98.
⁴⁸⁷ An. ép., 1944, № 56.
⁴⁸⁸ An. ép., 1901, № 121.
⁴⁸⁹ An. ép., 1909, № 105; 1912, №№ 10, 59, 128; 1923, № 65; 1925, №№ 67, 76; 1927, № 44; 1930, № 7; 1932, № 27; 1937, №№ 3, 69, 111, 112, 161; 1944, №№ 57, 58. «RPh», 1931, стр. 253, JRS, 1939, стр. 28; «OJ», 1900, стр. 21; 1935, стр. 59.
⁴⁹⁰ An. ép., 1900, № 155; 1901, №№ 21, 47, 206; 1907, № 84; 1910, №№ 172, 173. 1933, №№ 247, 248; 1934, № 1; 1938, № 35; «OJ», 1902, № 113; 1903, № 26; 1905, № 22; 1910, № 28.
⁴⁹¹ An. ép., 1910, № 174.
⁴⁹² An. ép., 1931, № 121; 1933, № 111.
⁴⁹³ An. ép., 1915, № 69.
⁴⁹⁴ An. ép., 1934, № 226.
⁴⁹⁵ An. ép., 1933, № 90.
⁴⁹⁶ An. ép., 1904, № 95.
⁴⁹⁷ An. ép., 1900, № 70.
⁴⁹⁸ An. ép., 1901, № 42.
⁴⁹⁹ An. ép., 1910, №№ 100, 101.
⁵⁰⁰ An. ép., 1910, № 216.
⁵⁰¹ An. ép., 1911, № 16.
⁵⁰² An. ép., 1901, №№ 28, 247; 1903, № 64; 1909, № 112; 1908, № 47; 1911,

- №№ 32, 222, 1912, № 76; 1913, №№ 53, 54; 1925, № 47; 1930, №№ 6—8; 1934, №№ 17, 75, 118; 1944, №№ 108—110, 117, 125.
- ⁵⁰³ An. ép., 1903, № 131; 1913, № 55.
- ⁵⁰⁴ An. ép., 1902, № 60; 1925, № 59; 1933, №№ 110, 173.
- ⁵⁰⁵ An. ép., 1944, № 119.
- ⁵⁰⁶ An. ép., 1934, № 118.
- ⁵⁰⁷ An. ép., 1925, № 51.
- ⁵⁰⁸ An. ép., 1908, № 44.
- ⁵⁰⁹ An. ép., 1902, № 123; 1911, № 222; 1937, № 172.
- ⁵¹⁰ An. ép., 1903, №№ 69, 70.
- ⁵¹¹ An. ép., 1902, № 3.
- ⁵¹² An. ép., 1934, № 68.
- ⁵¹³ An. ép., 1932, № 38; 1933, № 111.
- ⁵¹⁴ An. ép., 1901, №№ 44, 45, 51; 1924, №№ 143—148; 1927, № 62; 1934, № 166.
- ⁵¹⁵ An. ép., 1907, № 100.
- ⁵¹⁶ An. ép., 1907, № 49.
- ⁵¹⁷ An. ép., 1909, № 245.
- ⁵¹⁸ An. ép., 1905, № 152; 1923, № 46; 1928, № 152; 1934, № 234; 1938, № 154, 1940, № 101.
- ⁵¹⁹ An. ép., 1925, № 60; 1933, № 163.
- ⁵²⁰ An. ép., 1911, № 36.
- ⁵²¹ An. ép., 1938, № 168.
- ⁵²² An. ép., 1930, № 10.
- ⁵²³ An. ép., 1901, № 24.
- ⁵²⁴ An. ép., 1906, № 184; 1908, № 141; 1910, №№ 127, 153; 1912, № 129; 1913, № 50; 1929, №№ 52, 120; 1933, № 12; 1934, №№ 79, 102—106, 113—116, 197; 1936, № 132; 1940, №№ 29, 100; 1944, №№ 14, 50.
- ⁵²⁵ An. ép., 1901, № 16.
- ⁵²⁶ An. ép., 1944, № 98.
- ⁵²⁷ An. ép., 1904, № 153; 1908, №№ 135, 136, 1932, № 28.
- ⁵²⁸ An. ép., 1910, № 140.
- ⁵²⁹ An. ép., 1944, № 17.
- ⁵³⁰ An. ép., 1910, № 142.
- ⁵³¹ An. ép., 1912, № 42.
- ⁵³² An. ép., 1927, № 46.
- ⁵³³ An. ép., 1934, № 68.
- ⁵³⁴ An. ép., 1929, № 120.
- ⁵³⁵ An. ép., 1944, № 32.
- ⁵³⁶ An. ép., 1944, № 111.
- ⁵³⁷ An. ép., 1901, № 230; 1902, № 106; 1905, № 164; 1910, № 79; 1912, № 12; 1928, № 152.
- ⁵³⁸ An. ép., 1901, № 230; 1902, № 106; 1905, № 164; 1910, № 79; 1912, № 12; 1928, № 152.
- ⁵³⁹ An. ép., 1901, № 18; 1934, №№ 72, 203.
- ⁵⁴⁰ An. ép., 1934, № 179.
- ⁵⁴¹ An. ép., 1905, № 144.
- ⁵⁴² An. ép., 1923, № 19.
- ⁵⁴³ CRAI, 1922, стр. 119.
- ⁵⁴⁴ An. ép., 1901, № 240.
- ⁵⁴⁵ An. ép., 1913, № 2.
- ⁵⁴⁶ CIL, III, 567.
- ⁵⁴⁷ An. ép., 1904, № 161.
- ⁵⁴⁸ An. ép., 1928, № 5.
- ⁵⁴⁹ An. ép., 1934, № 2.
- ⁵⁵⁰ An. ép., 1934, № 193.
- ⁵⁵¹ An. ép., 1933, № 87.
- ⁵⁵² An. ép., 1924, № 55.
- ⁵⁵³ An. ép., 1938, № 56.
- ⁵⁵⁴ An. ép., 1934, №№ 61, 62.
- ⁵⁵⁵ An. ép., 1903, № 323.
- ⁵⁵⁶ An. ép., 1934, № 50.
- ⁵⁵⁷ An. ép., 1923, № 9.
- ⁵⁵⁸ An. ép., 1911, № 56.
- ⁵⁵⁹ An. ép., 1905, № 36.
- ⁵⁶⁰ An. ép., 1938, № 176.
- ⁵⁶¹ An. ép., 1909, № 173.
- ⁵⁶² An. ép., 1933, № 84, ср. CIL, VI, № 20718.
- ⁵⁶³ An. ép., 1923, № 4.
- ⁵⁶⁴ An. ép., 1923, № 8.
- ⁵⁶⁵ An. ép., 1923, № 5; 1934, № 4.
- ⁵⁶⁶ An. ép., 1923, № 7; 1927, № 1; 1932, № 88.
- ⁵⁶⁷ An. ép., 1927, № 3.
- ⁵⁶⁸ An. ép., 1932, № 87.
- ⁵⁶⁹ An. ép., 1933, № 81; 1934, №№ 48, 51, 55.
- ⁵⁷⁰ An. ép., 1930, № 118.
- ⁵⁷¹ Статьи Ross Taylor в «Mnemosyne», 1930, стр. 160—165; Van de Weerd в «RBPhN», 1931, стр. 87—95.
- ⁵⁷² An. ép., 1923, №№ 87—90.
- ⁵⁷³ An. ép., 1923, № 10.
- ⁵⁷⁴ An. ép., 1937, № 49.
- ⁵⁷⁵ An. ép., 1933, № 88.
- ⁵⁷⁶ An. ép., 1911, № 216.
- ⁵⁷⁷ An. ép., 1933, № 7.
- ⁵⁷⁸ An. ép., 1924, № 50.
- ⁵⁷⁹ An. ép., 1932, № 21.
- ⁵⁸⁰ An. ép., 1924, № 57; 1928, № 152.
- ⁵⁸¹ An. ép., 1934, № 193.
- ⁵⁸² An. ép., 1932, № 22.
- ⁵⁸³ An. ép., 1928, № 153. Латинские надписи из Коринфа были собраны в работе Allen Brown west, Corinth, VIII. Latin inscriptions 1896—1926, Cambridge, 1931. Сакральные надписи из Филипп и

работе: Ch. Picard, Les dieux de la colonie de Philippiens vers le I siècle de notre ère в «RHR», 1922, стр. 117—201.

⁵⁸⁴ An. ép., 1936, № 128.

⁵⁸⁵ An. ép., 1925, № 126. Staut в «CPh», 1926, стр. 43—51.

⁵⁸⁶ Ego восстановил окончательно F. Stehl, Zum Edikt Domitians über die Immunitäten des Veteranen, «Aegyptus», 1933, стр. 144 сл.

⁵⁸⁷ An. ép., 1910, № 74.

⁵⁸⁸ Особенно подробно она освещена в книге Lesquier: L'armée romaine d'Égypte, 1918.

⁵⁸⁹ An. ép., 1906, № 22.

⁵⁹⁰ P. Gerard. Textes juridiques latines d'Égypte, «NRHD», 1906, стр. 486.

⁵⁹¹ An. ép., 1909, № 184.

⁵⁹² An. ép., 1906, № 30.

⁵⁹³ An. ép., 1903, № 368; Domaszewski, Beiträge zur Kaisergeschichte, «Philologus», 1907, стр. 161—172.

⁵⁹⁴ An. ép., 1908, № 130; Domaszewski, «Philologus», 1907, стр. 5—7.

⁵⁹⁵ An. ép., 1935, № 167.

⁵⁹⁶ «AM», 1907, v. XXVII, стр. 288.

⁵⁹⁷ An. ép., 1905, № 131.

⁵⁹⁸ An. ép., 1912, № 179.

⁵⁹⁹ An. ép., 1928, №№ 1—2; 1929, № 5.

⁶⁰⁰ An. ép., 1909, № 233.

⁶⁰¹ An. ép., 1915, № 42.

⁶⁰² An. ép., 1903, № 252.

⁶⁰³ An. ép., 1908, № 25.

⁶⁰⁴ An. ép., 1908, № 26.

⁶⁰⁵ An. ép., 1926, № 87.

⁶⁰⁶ Dessau, «Klio», 1926, стр. 223 сл.

⁶⁰⁷ An. ép., 1908, № 32.

⁶⁰⁸ An. ép., 1908, № 22.

⁶⁰⁹ An. ép., 1923, № 23.

⁶¹⁰ An. ép., 1905, № 126.

⁶¹¹ An. ép., 1926, № 82.

⁶¹² An. ép., 1941, № 166.

⁶¹³ An. ép., 1930, №№ 89—91.

⁶¹⁴ An. ép., 1930, № 92; 617 1933, № 48; 1937, № 77; 1928, № 162; 1934, № 276; № 280; 1940, № 220.

⁶¹⁵ An. ép., 1909, № 32; 1933, №№ 204, 209, 212—216.

⁶¹⁶ An. ép., 1906, № 22; 1927, № 96; 1931, № 133; «Germania» 1923, стр. 18.

⁶¹⁷ An. ép., 1923, № 78.

⁶¹⁸ An. ép., 1909, № 99.

⁶¹⁹ An. ép., 1926, № 79.

⁶²⁰ An. ép., 1903, № 251.

⁶²¹ An. ép., 1908, № 200.

⁶²² An. ép., 1927, № 70.

⁶²³ An. ép., 1926, № 81.

⁶²⁴ An. ép., 1924, № 80.

⁶²⁵ An. ép., 1912, № 78; JRS, 1924, v. XIV, стр. 178.

⁶²⁶ An. ép., 1926, № 150.

⁶²⁷ An. ép., 1930, № 74.

⁶²⁸ An. ép., 1924, № 72.

⁶²⁹ An. ép., 1928, № 82; Gagnat, MB, 1928, стр. 155—160.

⁶³⁰ An. ép., 1928, № 136.

⁶³¹ An. ép., 1933, № 107; M. Rostovzeff, «CRAI», 1933, стр. 316.

⁶³² An. ép., 1940, № 44.

⁶³³ An. ép., 1911, № 134.

⁶³⁴ An. ép., 1906, № 172.

⁶³⁵ An. ép., 1906, № 172.

⁶³⁶ An. ép., 1934, № 6.

⁶³⁷ An. ép., 1906, № 174; 1926, № 51; 1927, №№ 175—181; 1929, №№ 13, 96.

⁶³⁸ Об этих табличках статьи: Girard, «NRHD», 1906, стр. 486—498; Sanders, «CPh», 1927, стр. 409—412; Weiss, ZSSSt, 1929, стр. 260—273; Cuq, «Melanges Paul Fournier», 1929, стр. 113; Kubitschek, «WS», 1929, стр. 260—273; F. Schulz, JRS, 1943, стр. 55—64.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПИРАТСТВА

В древнем мире вопросы воспроизводства рабочей силы — рабов решались в значительной степени внеэкономическим путем, при помощи войн, пиратства и разбоя. Недаром ведь еще Аристотель считал охоту на людей одним из нормальных видов трудовой деятельности. Наиболее развитые античные рабовладельческие государства: Афины, Карфаген, Рим — не могли существовать без постоянного притока рабов извне, из варварской и полуварварской периферии. Так, например, важнейшим условием расцвета латифундий Италии во II в. до н. э. был массовый приток рабов из всего Средиземноморья. Каждая победоносная война Рима кончалась продажей десятков и сотен тысяч человек в рабство. В промежутки между войнами основными поставщиками рабов были пираты, главным образом из восточной половины Средиземноморья.

Характерной особенностью античного пиратства является то, что кадры пиратов вербуются среди племен и народностей, для которых морской разбой и охота на людей является чем-то вроде национальной индустрии. Начиная с вошедших в поговорку *Καππαδοκῆς, Κάρες, Κίλικες* — *τρία κάππα κάικες* через критян, этолян, иллиерян, вплоть до этрусков тянется почти непрерывная цепь племен, занимавшихся *par excellence* пиратством.

Эллинистическое пиратство, возникшее среди отсталых племен со значительными пережитками родового строя, включилось благодаря торговле рабами в систему рабовладельческой экономики Средиземноморья и играло в нем весьма существенную роль, будучи одним из основных поставщиков рабочей силы — рабов. Общее значение античного пиратства вообще, а эллинистического в частности, формулируется Марксом в «Капитале»: «Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы, посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения»¹. Именно эту задачу — пополнение рынка рабов — в значительной степени выполняет эллинистическое пиратство.

Несмотря на то, что общие вопросы, связанные с характером воспроизводства в рабовладельческом обществе, разрабатывались уже довольно подробно в советской историографии², до сих пор еще не делалось попытки исследовать роль пиратов в качестве работорговцев и определить их специфическое значение в развитии рабовладельческого общества.

Однако анализ эллинистического пиратства представляет некоторые дополнительные трудности в связи с характером источников. Сравнивая высказывания о пиратах Полибия, Диодора и Страбона с аналогичными высказываниями Геродота, Фукидида и Аристотеля, не говоря уже о Гомере, мы убеждаемся, что обе группы писателей говорят как бы на разных языках. Для ранних писателей пиратство является совершенно нормальным явлением, неотъемлемым от человеческой природы; писатели периода эллинизма, наоборот, яростно «воюют» с пиратами, считая их простыми разбойниками, призывая к их искоренению. На Полибия, правда, сильно влияли его симпатии к ахейскому союзу; но ведь то же настроение мы чувствуем у Диодора и Страбона. Понадобилось несколько столетий для того, чтобы у историков снова выработался более объективный взгляд на пиратство и чтобы они вспомнили, что было время, когда «*Latrocinium maris... gloriae habebatur*» (Justin, XLIII; 3,5).

Из всего сложного комплекса вопросов, связанных с эллинистическим пиратством, в настоящей работе исследуются только две узловые проблемы, а именно: из какой среды вербуются кадры морских разбойников Восточного Средиземноморья и каковы связи пиратства с работорговлей?

¹ К. Маркс, «Капитал», т. II; М. Э., Соч., т. XVIII, стр. 513.

² См. работу А. В. Мишулина «О воспроизводстве в античной рабовладельческой формации».

Не говоря о громадном количестве статей по отдельным вопросам¹, специальная литература по античному пиратству представлена монографиями Сестье, Штейна, Ормерода и Цибарта². Первые две работы в настоящее время сильно устарели; авторы пользовались почти исключительно литературными источниками. Некоторый интерес представляет лишь книга Сестье. Он пытается, во-первых, «установить различные оттенки пиратства, его причины и выяснить происшедшие в нем в течение веков изменения»³; во-вторых, Сестье подчеркивает, что «для морских народов древности пиратство было необходимостью, вырастающей из трудности снабжения средствами пропитания»⁴. Исторический подход к теме выгодно отличает Сестье среди других буржуазных исследователей.

Автор другой работы о пиратах—Штейн весьма добросовестно подобрал литературные, а частично и эпиграфические источники, но теперь, особенно после выхода в свет работы Цибарта, книга Штейна представляет лишь библиографический интерес.

Монография Цибарта является последним словом буржуазной историографии. В приложении дан сборник около 250 цитат из литературных памятников и надписей по вопросам пиратства и морской торговли. На фоне прекрасного знания фактического материала просто поразительна полная беспомощность Цибарта в элементарных социально-экономических вопросах. Так, например, он вполне серьезно считает, что глубочайшей причиной греческой колонизации и морской торговли были врожденные качества греческого характера⁵. Как показывает само название книги, Цибарт старается определить связи между греческой торговлей и пиратством. Он поэтому сначала дает анализ пиратства от архаической эпохи вплоть до разгрома киликийских пиратов римлянами, а затем строит параллельный очерк истории греческой торговли. Таким образом, вся книга состоит из двух различных, только механически соединенных частей. Еще более существенно то, что, анализируя значение пиратства в античной экономике, Цибарт рассматривает, да и то спорадически, только взаимосвязи между пиратством и торговлей, но совершенно упускает из виду специфическую роль античных пиратов — их функцию в качестве поставщиков рабов ведущим рабовладельческим государствам древности. Современные исследователи экономики эллинизма в целом, наоборот, подчеркивают особенно сильно именно эту сторону деятельности пиратов. Так, например, Гейхельгейм пишет: «Пиратство имело в этот период величайшее экономическое значение. Оно стало фактически профессией населения больших прибрежных территорий... Средиземное, Черное, Красное море, Индийский океан были полны пиратов, которые находили в работорговле прекрасную возможность реализации своей «человеческой добычи»⁶. «Похищение людей (Menschenraub),—указывает Вестерман,—и продажа детей были обычным делом в это время в Восточном Средиземноморье, несмотря на все направленные на преодоление пиратства усилия эллинистических держав, в частности государства Птолемея и города-государства — Родоса. Распространение пиратства подчеркивается тем, что отряды наемников часто вер-

¹ Количество статей этой категории вообще не поддается учету. Основные статьи будут указаны в дальнейших сносках. Подробная библиография по истории Этолии III в. (около 200 названий) дана Фласельером (R. Flacelière, *Les Aitolians à Delphes*, Paris, 1937). Наиболее полная и новая библиография по вопросам отдельных нападений пиратов имеется в томах VII и VIII САН.

² L. Sestier, *La piraterie dans l'antiquité*, Paris, 1880; P. Stein, *Zur Geschichte der Piraterie im Altertum*, Bernburg, 1894; H. Ormerod, *The piracy in ancient world*, Liverpool, 1924; E. Ziebarth, *Beiträge zur Geschichte des Seeraubs u. Seehandels im alten Griechenland*, Hamb., 1929.

³ Sestier, *ib.*, стр. 1.

⁴ *ib.*, стр. II.

⁵ Ziebarth, *ib.*, стр. 7.

⁶ Fr. Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*, Leyde, 1938, т. I, стр. 575.

бовались из пиратских организаций, а банды наемников зачастую возвращались к пиратству после своего увольнения»¹.

Значительную роль в развитии пиратства в древности играл географический фактор, как отмечают Штейн (ib., последняя глава) и Кролль². Действительно, сильно изрезанная береговая линия, прибрежные островки, почти недоступные для крупных военных кораблей, но чрезвычайно удобные для легких пиратских судов типа иллирийских лембов или энихских камар, гористая местность, далекая видимость, наличие архипелагов, являющихся легкой добычей для нападающих, — вот географическая среда, способствующая возникновению пиратства. Все пиратские племена древности — киликийцы, критяне, этоляне, этруски и другие — обладали такой средой. Однако решающую роль играли, понятно, не географические, а социально-экономические факторы. Ведь этруски, славившиеся своими пиратскими набегами в VII—VI вв., совершенно прекращают пиратскую деятельность после их покорения Римом. И, наоборот, Крит, который впервые в истории установил мир на Эгейском море в конце II в. до н. э. (Фукид., I, 4), является главным гнездом пиратства на протяжении ряда веков, вплоть до II в. до н. э. Дело, следовательно, не в относительно неизменных географических факторах, а в изменяющихся экономических и общественно-политических условиях.

Вся история эллинистического пиратства кратко сформулирована Страбоном (X, 4, 9): «После тирренов, наиболее угрожавших нам на нашем море, морскими разбоями занимались критяне, но в позднейшее время они были ослаблены киликийцами. Всех уничтожили римляне, покорив Крит и овладев разбойничьими укреплениями киликийцев».

Тиррены, или этруски, с незапамятных времен славились по всему Средиземноморью своими морскими набегами. Начиная с легендарного похищения Диониса³ и вплоть до датированной, примерно, 200 годом надгробной надписи в честь трех погибших в борьбе с ними родян (SIG³, 1225), — в течение нескольких сот лет в литературных источниках и в надписях мы встречаем очень много ссылок на пиратскую деятельность тирренов. Весьма знаменательно неравномерное распределение упоминаний о тирренах. Среди данных, относящихся к более раннему периоду (VII, VI и частично V век) преобладают литературные источники: прежде всего Диодор и Страбон. Затем, после полуторавекового перерыва⁴, вновь появляется, на сей раз уже исключительно в эпиграфике, большое количество сведений о пиратах — тирренах. Это объясняется тем, что расцвет собственно тирренского пиратства относится к VII и VI вв. до н. э.⁵ Особенно сильно страдали тогда от нападения тирренов греческие колонии в Сицилии. Жители наиболее древних греческих поселений в Сицилии весьма «боялись разбоев тирренов» (Страб., VI, 2, 2). Еще труднее было отражать пиратов греческим колониям на маленьких островках. Книдская колония Липара на острове того же имени прославилась тем, «что она предводительствовала флотом и долгое время сопротивлялась набегам тирренов» (Страб., VI, 2, 10). Греки, проживавшие на Липарских островах, в течение нескольких сот лет вынуждены были защищаться от пиратов (Диод., V, 9; XIV, 93; Лив., V, 28). Еще в 453 г. сиракузяне вели ожесточенную войну с тирренскими пиратами из-за

¹ W. L. Westermann, *Sklaverei*, RE, Suppl., т. VI, стр. 929.

² RE, s. v. «Seeraub», стр. 1038.

³ «Гомеровские гимны» (пер. Вересаева), гимн VII: «Быстро разбойники вдруг появились морские, мужи тирренские...»

⁴ Единственным, насколько мне известно, исключением является мало достоверный рассказ Диодора (XVI, 8, 2) о пребывании тиррена Постума в 338 г. до н. э. в Сиракузах.

⁵ Рамки истории господства тирренов установлены Эд. Мейером, отмечающим, что у Гомера нет еще ни слова о тирренах. Следовательно, период могущества тирренов на море мог продолжаться лишь от Гомера вплоть до побед Мильтиада — это значит VII—VI вв. (E d. M e y e r, *Forschungen zur alten Geschichte*, т. I, Halle, 1892, стр. 23)

обладания островом Айфалия¹. На этом событии обрываются литературные сведения о пиратах тирренского происхождения². Это понятно, так как Этрурия вытесняется с юга растущими греческими колониями в Сицилии, в первую очередь Сиракузами; кроме того, усиление Рима было началом конца могущества и пиратских набегов тирренов³.

Но как объяснить то, что в относящихся к пиратам надписях III в. вновь появляются тиррены? Дело в том, что слово «тиррен» в III в. уже давно потеряло свое прежнее обозначение племенной принадлежности и превратилось у греков в синоним слова $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ ⁴.

Прежде всего об этом свидетельствует то, что излюбленным местом грабежей тирренов в это время является не Тирренское, но Эгейское и Адриатическое моря. Афиняне, высылая колонию в Адрию, сочли необходимым дать ойкисту Мильтиаду несколько военных кораблей для защиты от тирренов (SIG³, 305, 55). Немного спустя, в 299 г., власти Делоса ассигнуют 5 000 драхм также «для защиты от тирренов» (IG, XI, 2, 146 73).

Наконец, неопровержимым доказательством идентичности терминов $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ и $\tau\acute{\iota}\rho\rho\acute{\eta}\nu\eta\varsigma$ во второй половине III в. является надгробная надпись в честь трех братьев, граждан Родоса, погибших в бою с тирренами (SIG³, 1225). Надпись состоит из трех самостоятельных частей: в первой рассказывается, что один из братьев погиб в бою с тирренами; во второй — вместо слова $\tau\acute{\iota}\rho\rho\acute{\eta}\nu\eta\omega\upsilon$ поставлено слово $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\omega}\nu$; в третьей надписи соответствующее место не сохранилось. Так как все надгробия были найдены вместе, составлялись в одно время одним человеком и сообщают об одном и том же событии, — ясно, что авторы надписи не видели никакой разницы между тирренами и пиратами⁵.

Итак, расцвет тирренского пиратства имел место значительно раньше III в. Но VII—VI вв. в истории этрусков — это период окончательного разложения родового строя и возникновения классового общества. Время расцвета тирренского пиратства совпадает с выделением этрусской знати — лукумонов, накоплением громадных богатств в руках немногочисленной верхушки общества и обострением классовой борьбы в этруских полисах. Покорение Этрурии Римом означает закат тирренского пиратства. Ко времени эллинизма «тиррены» — это просто пираты. Это уже не этнический а «профессиональный» термин. Тирренами в этот период назывались пираты без различия происхождения, в первую очередь действовавшие на Адриатическом и Эгейском морях, — этоляне и иллиряне.

¹ Диод., XI, 88. Об экономическом значении Айфалии в качестве поставщика железной руды для городов Этрурии см. Страб., V, 2. 2.

² Сообщение Страбона (V, 3, 5) о протесте Александра Македонского и Деметрия (Полиоркета?) в Риме в связи с морскими набегами антиатов и тирренов совершенно недостоверно, как это доказал еще Олло (Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III siècle, Paris, 1921, стр. II).

³ Kroll (ib, стр. 1037 и 1040) отмечает, что в III в., наряду со старыми терминами, обозначающими пиратов, как $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\pi\omicron\upsilon\tau\iota\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$, появляется новое слово $\pi\alpha\iota\rho\alpha\tau\acute{\eta}\varsigma$, которое постепенно вытесняет старые термины. Таким же образом словом «тиррены» стали обозначать пиратов, несомненно, ввиду их набегов в предыдущий период.

⁴ В эллинистическую эпоху аналогичные явления происходят и в военном деле. Как отмечает в своей специальной монографии английский ученый Гриффис (Griffith, The mercenaries of hellenistic World, L., 1935, стр. 241 и сл.), в Египте слово «македоняне» в III и II вв. стало обозначать солдат-фалангитов; «критяне» — стрелков из лука и т. п.

⁵ Гиллер фон Гертринген датирует надпись по шрифту примерно концом III в. Столь поздняя датировка идет вразрез с мнением Цибарта, который поэтому без каких-либо реальных оснований относит надпись к началу III в. Повидимому, дело обстояло значительно проще. Упоминаемые в надписи тиррены — это не обязательно этруски, а просто морские разбойники.

Этоляне¹ выступают на арену общегреческой политической жизни в начале III в. До того времени они жили обособленно в своих покрытых густыми лесами долинах, защищенных, но и отрезанных от соседей трудно проходимыми горами. Другие греки называли их полуварварами и рассказывали, что они питаются сырым мясом (Фукид., III, 94). Но и тогда уже они умели своей силой и воинственностью внушать к себе уважение со стороны более культурных и могущественных полисов (Фукид., III, 102).

Только после Фермопилской победы над галлами и спасения Дельф начинается быстрый рост этолийского могущества. Они захватывают Дельфийскую амфикионию, пробиваются к Коринфскому заливу, ватем к берегам Адриатики, а во второй половине III в. становятся, бесспорно, самым могущественным из греческих государств.

В этот период начинаются и морские набеги этолян. Около 250 г. священный остров Аполлона — Делос получил от этолян *ἀσφάλεια* — иммунитет от пиратских нападений². Делос же дает звание проксена Букрису из Навпакта (Choix, № 42 = SIG³ 500), этолийскому гиеромнамону в Дельфийской амфикионии (SIG³, 494; 498). Другая надпись сообщает нам об организованном Букрисом крупном пиратском набеге на Атику и об увозе пленных на Крит³. Характерно, что нападение на Атику было организовано во время мира, руководило им высокопоставленное официальное лицо Этолийского союза; ясно, что пиратство считалось у этолян вполне достойным, а вероятно, и почетным делом.

В надписи, датированной III веком, повествуется о том, как этолийские пираты напали на селение Авлонию на Наксосе и увели 280 человек, преимущественно женщин, в рабство. По поручению общего собрания граждан Авлонии группа людей отправилась выкупать пленных. После многих заключений они с честью справились со своим поручением и были соответствующим образом награждены согражданами⁴.

Итак, радиус пиратских нападений этолян охватывает даже центральную часть Киклад. Увод в рабство 280 граждан показывает, сколь опустошительны были разбои этолийских пиратов. Ведь 280 человек — это, вероятно, почти все женщины и дети Авлонии. Нападение этолян было произведено во время мира, так как немедленно были отправлены люди для выкупа похищенных. Авлонская надпись показывает, как выглядела на практике упоминаемая еще Аристотелем охота на людей.

Этолийские пираты в конце III в. держали под угрозой не только Киклады. Огибая Пелопоннес, они поднимались на север вплоть до берегов Атики. Одно время даже далекие города Малой Азии, и те не чувствовали себя в безопасности от этолийских разбойников⁵. Излюбленным местом их засад были воды Киферы (Полиб., IV, 6,1).

¹ Новейшей монографией по истории Этолии III века является вышеуказанная работа Фласельера. Автор дает исчерпывающую характеристику деятельности Этолийского союза в Дельфийской амфикионии и параллельно анализирует достаточно полно внешнюю политику этолян. К сожалению, мало освещены вопросы внутренней жизни союза, особенно же внутривнутриполитическая и социальная борьба конца III — начала II века.

² F. Durrbach, Choix d'inscriptions de Délos, Paris, 1921—23, № 41. Какое практическое значение имел для Делоса этолийский иммунитет, видно из того, что обычно столь экономные власти острова в данном случае сделали на свой счет таблицы и широко обнародовали текст постановления этолян.

³ SIG³, 535. К этой важнейшей надписи мы еще вернемся в дальнейшем.

⁴ SIG³, 520.

⁵ Радиус нападений этолийских пиратов можно проследить по декретам об асилье, изданным Этолийским союзом в конце III в. В это время этоляне даровали асилью Тессу (SIG³ 563—566), Кеосу (SIG³, 522, ср. монографию Pridik, de Cei insulae rebus, Dorpat, 1892, стр. 48), Хиосу (SIG³, 443), малсазиатской Магнезии на Меандре (SIG³, 554—557) и даже пергамскому храму Афины-Никефории (см. M. Hollaux, Notes d'épigraphie hellénistique, Paris, 1938). Асилья

На север, вверх по Адриатическому морю, этоляне часто грабили берега Эпира (он же, V, 3,7). В их среде вырос, наконец, такой крупный «мастер пиратского дела», как Дикеарх, посланный Филиппом V во главе эскадры из 20 кораблей в пиратский рейд на Киклады (Диод., XXVIII, 1).

Для изучения вопроса о социальных корнях этолийского пиратства источников у нас больше, и они значительно полнее, чем данные о тирренах. В Этолии дольше, чем где бы то ни было в Греции, сохранились пережитки родового строя. В старой превосходной работе «Полибий и федеративная Эллада» Мищенко вполне правильно подчеркивает, что «Этоляне среди более преуспевших эллинов представляют обломок давней старины... Но то, что входило в обычай, ловкость в чем представлялась поэтами как доблесть в т. н. героическое время, казалось позднейшим эллинам и римлянам, особенно Филиппу V, Полибию и Ливию, бессмысленной жестокостью, этолийской алчностью, исключительной принадлежностью природы этолян» (XCII—XCIV). Страбон (X,3,2) отмечает «древний способ выбора властей» в главном городе Этолии—Фермах. Он же с большим уважением отзываясь о любви этолян к свободе. Этоляне, по словам Страбона (X,2,3), — это «народ, никогда не находившийся под чужой властью».

Характерно отношение Полибия к этолянам. Он пишет (IV,3,1): «Этоляне давно уже тяготились мирным положением, вынуждавшим их расходовать собственные средства, тогда как они привыкли жить на счет соседей, а потребности их при врожденной кичливости были велики; она-то побуждает их вести постоянно хищнический дикий образ жизни; никого не считают они другом себе; напротив, во всех видят врагов». В другой связи Полибий отмечает (XVIII, 5,2), что «у этолян существует обычай, коим дозволяется грабить не только те народы и земли их, с которыми они ведут войну, но в такой же мере и помимо народного постановления». Полибий, таким образом, выделяет архаические черты общественного строя этолян, хотя он далек от понимания социально-экономической основы этого строя и приписывает злонравию этолян то, что является естественным пережитком варварства.

Остаток страны, задержка в развитии рабовладения и сохранение элементов военной демократии превратили Этолию в центр притяжения всех угнетенных и преследуемых элементов Греции¹. К этолянам бегут и у них скрываются политические эмигранты — демократы из всей Греции; у них, возможно, находили себе приют и беглые рабы, так как у самих этолян рабство было еще слабо развито. Даже столь принципиальный враг этолян, как Полибий, и тот вынужден был признать (IX, 29), что: «Из всех эллинов одни этоляне наперекор Антипатру встали на защиту незаконно изгнанных», «нигде, за исключением народа этолян, они не находили себе пристанища». Показателен также союз спартанского тирана Набида с этолянами; союз этот, как известно, был продиктован не только внешнеполитическими соображениями, но и, так сказать, идейным сочувствием². В 270 г. этоляне приняли элейских беглецов и помогли им свергнуть тиранию в Элиде³; они же в 251 г. освободили от тирании Сикион⁴. После

этолян острову Кеосу представляет тем больший интерес, что на этом острове в древности добывалась прекрасная железная руда (см. Pridik., ib.). Возможно, что здесь мы имеем эгейскую параллель сиракузско-тирренской войне из-за «железобильной» Айфалии.

¹ Исключительное влияние этоляне имели в пограничных с ними районах; академик С. А. Жебелев в своем докладе о «Новых этолийских документах» (ИАН, 1930, № 7, стр. 489—492) ярко осветил методы, какими пользовались этоляне для усиления своего влияния среди соседей.

² По л и б., IX, 29. Полибий, рассказывая о Набиде, несколько раз подчеркивает, что его социальной опорой были низы спартанского общества (XIII, 6, 1—4; 8, 1—2): Набид «изгонял граждан и освобождал рабов» (XVI, 13, 1—2).

³ Flacelière, ib., стр. 192.

⁴ Ib., стр. 205.

смерти Агиса в 241 г. спартанские изгнанники бежали в Этолию, которая пришла затем им на помощь и организовала экспедицию в Пелопоннес¹.

Не только политические эмигранты искали приюта в Этолии. Полибий сообщает (IV, 3, 7) о многих пиратах, стекавшихся к вождю этолян — Доримаху. Среди них было много деклассированных элементов, которые искали в пиратстве безопасности и средств пропитания. В условиях договора 189 г. с римлянами (Полиб., XXI, 32, 5) речь идет о выдаче находившихся в Этолии перебежчиков и беглых (среди последних были, несомненно, рабы).

Рост могущества Этолийского союза и приток награбленного имущества впоследствии значительно ускорили процесс разложения этолийской демократии. Богатейший человек Греции конца III в. — Александр Иссиец — происходил из Этолии. «Благодаря непрерывным войнам и расточительной жизни, этоляне незаметно для других и для себя впали в долги» (Полиб., XIII, 1, 3). Даже главы их — Доримах и Скопас — были обременены многочисленными денежными обязательствами. Причиной социально-революционных выступлений в Этолии (около 200 г.) была неимоверная долговая кабала, в которую попали широкие массы населения страны.

Позднее выступление этолян на историческую арену Греции поставило нас в исключительно благоприятные условия для анализа их общественного строя. Благодаря сведениям крупнейших историков древности, среди которых Полибий был даже очевидцем возвышения Этолийского союза, мы получили исключительно яркое описание того, в каких условиях проходил у этолян переход от родового строя к классовому обществу, как военная демократия перерастала в государство. Картина возникновения афинского государства, столь ярко нарисованная Энгельсом в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства», полностью повторяется несколько веков спустя у этолян. Но так как классовое общество у этолян возникает в период общего кризиса рабовладельческой системы в древней Греции, здесь имеются и дополнительные явления. В частности, Этолия становится организующим центром общегреческого пиратства. Набеги и разбой в мирное время здесь не только не преследуются, но считаются вполне нормальным явлением. Этоляне открыто в мирное время похищают сотни жителей Киклад и Аттики и отпускают их за выкуп. Отметим дальше, что массовые похищения людей вовсе не вызывались спросом на рабов в самой Этолии. Источники не дают нам сведений о развитии рабовладения внутри страны. Этолия, несомненно, в этот период еще не вышла из стадии домашнего рабства. Пиратство этолян, как мы увидим из дальнейшего анализа, могло преследовать лишь одну цель — продажу похищенных в другие, более развитые рабовладельческие полисы.

*

Во время эллинизма пальма первенства среди пиратов принадлежала, несомненно, критянам². Крит уже по географическому положению господствует в восточной половине Средиземноморья, и ясно, что его воинственные жители не могли безразлично относиться к пиратству в те дни, когда оно считалось не зазорным, а почетным делом³. Здесь был общепризнанный центр греческих пиратов, здесь же они хранили и продавали свою добычу — прежде всего рабов. Некий Эврилох из Кидонии получил еще в 320 г. благодарность от афинского демоса, так как он, «выкупив многих афинян, отсылал их на свой собственный счет из Крита и оказался спасителем (множества афинян) из рук врагов»⁴. Сто лет спустя афиняне за подобные услуги дали звание проксена и благодетеля Эвмариду, тоже происходящему из Кидонии⁵, и его сыну⁶.

¹ Beloch, Griech. Gesch., IV, 1, стр. 627.

² В Страбоновской схеме: тиррены, критяне, киликийцы — первые относятся ко времени классической Греции, киликийцы же к римской эпохе. Преобладание критского пиратства характерно для всей эпохи раннего эллинизма.

³ RE, XI, 2, s. v. Κρήτη, V.

⁴ IG, II, 399 — Ziebarth, Anhang, 1, 48.

⁵ Кидония — третий по значению, после Кносса и Гортин, город на Крите (Страб., X, 4, 7).

⁶ SIG³, 535 — 537. Перевод надписи № 535 см. дальше.

Пиратство критян достигает апогея к концу III в. Вероятно, годы 220—195 до н.э. составляют период максимального развития критского пиратства на Эгейском море. С 219 г. начинаются пиратские выступления элевтериян¹. По словам Диодора, критяне в 205 г. на семи кораблях стали нападать на мореплавателей и многих из них ограбили. В связи с этим родосцы решили объявить войну критянам².

К тому же периоду относится ряд декретов критских городов, представляющих асилию городу Теос³. Наконец, также концом III в. датируется договор Родоса с Гиерапитной⁴, предвидящий, что «Если возникнет на Крите пиратство и если родосцы будут сражаться на море с пиратами или их подчиненными, или их союзникам, то и жители Гиерапитны будут сражаться по мере всех своих сил и возможностей».

Следующая надпись, впервые опубликованная Герцогом, ярко показывает, как выглядело типичное нападение критских пиратов⁵. Некий Февкл, сын Аглая, успешно руководил защитой Галасарны от критян. Его заслуги характеризуются в декрете следующим образом: «А во время Критской войны, видя, что наиболее важные места лишены укреплений и, кроме того, нуждаются в помощи, он решил также, что если в кратчайший срок будет обеспечена обороноспособность укреплений города (κρητιπόλεως), жители вместе с женами и детьми окажутся в безопасности. Он думал также и обо всем прочем, что связано с безопасностью и спасением Галасарнитов, не забывая при том о помощи им и о своем личном почете». Февкл дал также деньги на укрепление стен. «Когда же враги, приплывшие на лембах и еще большем количестве других судов, напали на город и на страну, он провел решение об остальных мероприятиях ради общей безопасности и спасения, а также о предписанном старом порядке отбывания стражи; тогда же он освободил сельских жителей (δαρῖται) от отбывания стражи в городе, считая, что им следует остаться в их местностях и там крепить оборону». Февкл за свой счет увеличил количество стражников и высоту оплаты. Благодаря всем этим мероприятиям Галасарна была спасена. В награду Февкл получил золотой венок ценой в 50 александрийских драхм.

Развитие критских полисов значительно задержалось по сравнению с континентальной Грецией. На Крите дольше всего сохранились старые дорические порядки. Еще во время Страбона (X, 4,16—20) здесь удержались аналогичные спартанским методы воспитания детей, сисситии и проч. Образ жизни критян был направлен на воспитание физически крепких и закаленных людей, способных легко переносить военную жизнь. Ведь недаром «лучшим подарком критскому юноше служило вооружение».

Присяга итанийцев (III в.) проливает некоторый свет на внутреннее состояние критских полисов. Наряду с общими для всех греческих присяг пунктами о сохранении верности полису, о непримиримости к врагам, о воздержании от заговоров и о сообщении властям города обо всех готовящихся покушениях на целостность полиса, либо на его политический строй⁶, присяга итанийцев имеет несколько не совсем обычных пунктов, целью которых является защита богатой верхушки города. Итанийцы присягали «не производить ни передела земли, ни имущества, ни рабов, ни отмены долгов»⁷.

¹ Полиб., IV, 53—55. Эти три главы из Полибия являются лучшим и важнейшим документом по внутренней истории Крита.

² Диод., XXVII, 2. Эту войну нельзя путать с ὁ κρητικὸς πόλεμος, вспыхнувшей в половине II в. и окончившейся разгромом Родоса.

³ О взаимоотношениях Теоса с Критом писали R. Herzog, ὁ κρητικὸς πόλεμος, «Klio», II (1902), стр. 152 и M. Hollerbach «Les décrets des villes crétoises pour Téos, «Klio», XIII (1913), стр. 137—159. Дополнительную работу Олло, уточняющую кое в чем хронологию первой статьи, см. в REG, 1917 г., стр. 88—104—«Sur la guerre crétoise».

⁴ SIG³, 581. Датировка надписи колеблется между 220 г. (Niese и v. Gelde и 200—197 г. (Herzog, Gertringen, Roussel).

⁵ R. Herzog, ib., стр. 322.

⁶ Ср. присягу херсонесцев, IOSPE, I², 401.

⁷ SIG³, 526: οὐδὲ γᾶς ἀναδάσμων οὐδὲ οἰκίαν οὐδὲ οἰκοπεδῶν οὐδὲ χρᾶων ἀπόκοπᾶν ποιεῖσθαι.

Итанийцы обязывались защищать именно не только города, но и частных граждан. Как видно, внутреннее положение в полисе было весьма напряжено, потребовалось принесение присяги всеми гражданами для предотвращения социального взрыва, опасного для господствующих слоев полиса.

К каким выводам приводит нас анализ критского пиратства? Здесь, в самом крупном пиратском центре, происходят качественно те же явления, что у тирренов и этолян. Отсталость в развитии; сохранение архаических форм быта; слабо развитая политическая жизнь; столь возмущающее Полибия отсутствие международных правовых норм; большой излишек населения, ищущий себе пропитания в наемничестве, грабежах и пиратстве; постоянные междоусобицы—вот база, на которой вырастает критское пиратство.

Но наряду с вышеуказанными общими для всех пиратских центров моментами, мы видим два новых фактора. Прежде всего—и в этом состоит историческое своеобразие Крита — здесь вместе с архаическими агелами и сисситиями наблюдается исключительное обострение долговой кабалы и безземелья. Это увеличивает количество избыточного населения и усиливает пиратство. Во-вторых, критское пиратство наиболее тесно переплетается с работорговлей. Крит в IV—III вв. превращается в большой международный рынок награвленных пиратами рабов.

*

Мы уже говорили о том, как велико было значение пиратства для работорговли. Действительно, не было ни одного пиратского набега, который бы не был связан с обращением пленных в рабство. Особенно отличались в этом деле этоляне. Полибий (IV, 4,1) описывает, как этолийские пираты непосредственно перед союзнической войной напали на один из пригородов Мессении, перебили тех слуг, которые защищались, а остальных перевязали и увели вместе со скотом. В ахейской Кинифе этоляне в том же году в союзе с иллирийскими пиратами похитили «много людей и скота» (Полиб.; IV, 29, 5). Как уже упоминалось, этоляне увели в плен 280 человек из острова Наксос. Мы не говорим уже о таких «мелких» нападениях этолян, как захват македонского царского корабля с продажей в рабство всего экипажа¹, о нападениях на Аттику (Букрис и др.), главной целью которых является все то же добывание рабов².

Аморгосская надпись (SIG³, 521) следующим образом описывает нападение пиратов и похищение жителей селения Эггале: «После того, как пираты напали ночью на деревню (χώρα) и взяли в плен больше 30 девушек, женщин, других свободных людей и рабов, они уничтожили все находившиеся в гавани суда, а сами захватили судно Дориея, на которое погрузили пленных и остальную добычу. Тогда пленники Гегесипп и Антипалп, сыновья Гегесиппа, убедили выступившего против пиратов Соклеяда освободить свободных граждан, а также кое-кого из вольноотпущенников и рабов». Эта надпись представляет для нас большой интерес по следующим соображениям: во-первых, она ясно показывает, что основной добычей пиратов были пленники³; во-вторых, в плен берутся прежде всего девушки, рабы и вольноотпущенники; в-третьих, отдельные города сами по себе не в состоянии противостоять многочисленным, хорошо вооруженным пиратам.

Пленные обычно увозились пиратами на какой-нибудь из рынков рабов; центром пиратской работорговли был во время эллинизма Крит. Сведения о продаже рабов на Крите относятся еще к IV в. Но все же только надписи III в. дают более полное представление о критской работорговле. Вернемся к афинской надписи (SIG³, 535) в честь Эвмарида из Кидонии. Афиняне воздают ему и его сыну почести, так как он, «во-

¹ Полиб., IV, 6, 1—3; Flacelière, ib., стр. 289.

² SIG³, 454; SIG³, 435—437; Ziebart, ib., стр. 25; Солов. в «Klió» III, 1903, стр. 126.

³ Эггале уже в то время славилось своими льняными тканями; жители были, впрочем, без всякого сомнения, богаче своих соседей; несмотря на это, и здесь главной добычей пиратов были рабы.

первых, оказал много серьезных услуг демосу, когда Букрис, напав на страну, увез на Крит много афинских граждан и других жителей Афин. Эвмарид ссудил тогда похищенным деньги на обратный путь. А теперь, когда демос выслал посольство, дабы заключить дружбу со всеми критянами и дабы вернуть, по мере возможности, награбленные у возвращающихся предметы, Эвмарид помогал выполнить все то, что шло на пользу демосу, участвовал в посольстве в Кносс и к его союзникам, а также дал письма к своим друзьям в Полирии, чтобы они содействовали афинским послам. Итак, Крит был центром работорговли не только местных, но и этолийских пиратов. Афиняне имеют на Крите постоянных друзей, обладающих большими деньгами и широкими связями, главной задачей которых является выкуп похищенных пиратами афинян. В начале II в. сын Эвмариды Хармион тоже получает афинскую проксению (SIG³. 357).

Вторым по величине рынком рабов III и начала II вв. является Делос. Жрецы аполоновой святыни прекрасно усвоили простую истину о ласковом теленке и поступали соответственно ее «мудрым» правилам. Хотя делосцы все время считали себя под опекой Родоса, они все же обратились к этолянам с просьбой о даровании им неприкосновенности (декрет 250 г. об ἀσφάλεια) и дают проксению Букрису («Choix», 41 и 42). Связи Делоса с пиратами были так сильны, что родосцы вынуждены были отказаться от использования гавани Делоса в борьбе с врагами («Choix», 67).

В римское время Делос превратился в крупнейший рынок рабов Восточного Средиземноморья; здесь продавались ежедневно громадные количества рабов, поставляемых преимущественно киликийскими пиратами (Страб., XIV, 5,2). Однако сохранилась надпись (IG, XI,4, 1054a), свидетельствующая о работорговле Делоса уже в конце III в. Булэ и демос карийского города Феангелы даровали звание проксена делосцу Семосу, сыну Космиада, за то, что он, узнав в выставленных на продажу рабах гражданок Феангелы, выкупил их вместе с детьми, снабдил всем необходимым и отослал домой. В 133 г. в связи с сицилийским восстанием рабов имели место выступления рабов и на Делосе (Диод., XXXIV, 2). Большое скопление рабов, вероятно, объясняется выставлением их здесь на продажу.

Каковы были причины повсеместного роста пиратства в раннеэллинистический период? Буржуазные ученые обычно не видят социальных корней пиратства и поэтому не могут осознать всей его исторической неизбежности. Цибарт (стр. 20), Ормерод (стр. 122) и Ростовцев (САН, VIII, 524) объясняют усиление пиратства прежде всего слабостью эллинистических держав, неспособных навести порядок на море. Мы убедились, что фактически основным поставщиком кадров пиратов является разлагающееся или разложившееся родовое общество отсталых племен. В этот период именно этоляне, иллирияне, а затем и киликийцы — наиболее запоздалые в своем развитии племена — сплошь занимаются пиратством. Характерно, что, несмотря на большой вред, наносимый пиратами мирному населению, и на неоднократные выступления Родоса и других ведущих торговлю полисов против пиратов, — пиратство вплоть до начала I в. до н. э. принимает все большие размеры. Причина роста пиратства в это время, — а доказать это и является целью моей работы — кроется в следующем: несмотря на дезорганизацию, вносимую морским разбоем в нормальную экономическую жизнь, пиратство было всё же выгодным и даже необходимым рабовладельцам ведущих держав античного мира, прежде всего Рима. Среди сотен тысяч рабов, поставляемых во II и начале I века до н. э. из восточной половины Средиземноморья в Италию, большая часть доставлялась на работорговые рынки именно пиратами. Недаром ведь и Страбон (XIV, 5,2) связывает описание знаменитого Делосского рынка с деятельностью киликийских пиратов. Своеобразие обстановки заключалось в тесном сплетении интересов пиратской верхушки отсталых племен, переживающих период разложения родового строя, с интересами рабовладельцев ведущей державы Средиземноморья — Рима.

Рассмотрение вопроса об источниках пиратства в эпоху эллинизма еще раз подтверждает правильность марксистской концепции о воспроизводстве рабов как рабочей силы в исторических условиях рабовладельческого общества древности.

Я. А. Ленцман

**ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT**

**APPIANI
MITHRIDATICA
SYRIACA**

**АППИАН
МИТРИДАТОВЫ ВОЙНЫ
СИРИЙСКИЕ ДЕЛА**

ВВЕДЕНИЕ

Включение государств и народов восточной половины Средиземного моря в состав Римского государства совершалось в течение почти двух столетий, в процессе напряженных военных столкновений Рима с эллинистическими монархиями, союзами городов и племенами, и сопровождалось рядом острых социальных потрясений и антиримских восстаний.

Наиболее тяжелой оказалась для Рима борьба с сирийским царем Антиохом III Великим и еще более опасной — с Митридатом VI Эпатором, царем Понта.

Войны римлян с этими последними выдающимися эллинистическими монархами, пытавшимися противопоставить Риму крупные восточные государства, получили широкое освещение как в исторических сочинениях современников, так и в последующей античной историографии. Но эти сочинения в большинстве своем утрачены. Единственный дошедший до нас труд, содержащий наиболее полное и последовательное изложение этих событий, — «Римская история» Аппиана. Труд Аппиана состоял из 24 книг.

Из них полностью сохранилось 10 книг, в том числе *Συρία* и *Μιθριδάτης*.

Аппиан, живший и писавший в середине II в. н. э., принадлежал к тому новому служилому сословию, которое выросло и заняло прочное место в римской империи при Антонинах. Грек, уроженец Александрии, адвокат по профессии, Аппиан достиг должности прокуратора императорского фиска, получил римское гражданство и, наконец, был введен во всадническое сословие. Будучи искренним сторонником современных ему римских политических порядков и считая демократию «всегда бесполезной» (Гражд. в., IV, 133), Аппиан поставил себе задачей написать обширную историю Рима и покоренных им народов. Это определило и общий характер, и особенности композиции труда Аппиана. Главное место в его труде занимают войны Рима как внешние, так и междоусобные. Описывая их историю, он прослеживает постепенное расширение римского государства, рост его могущества и его внутреннее развитие, но Аппиан излагает исторический материал не в хронологической последовательности событий, развивающихся в самом Риме, а группирует его по этнографическому признаку, давая таким образом последовательный ряд историй завоевания почти всех римских провинций. События собственно римской истории, которую Аппиан начинает с самого раннего периода, он излагает по наиболее важным войнам. Этой особенности построения труда Аппиана мы обязаны рядом ценных сведений по истории эллинистических царств и, в особенности, — истории подчинения их римлянами.

Труд Аппиана был вызван потребностями городского общества того времени, ими же определялись характер и качественный уровень его произведения. Аппиан, повидимому, не ставил своей целью создать углубленное исследование. Он стремился написать популярное, рассчитанное на не особенно взыскательного читателя, историческое сочинение, которое должно было показать превосходство, закономерность и целесообразность установившегося во всем тогдашнем мире римского господства.

«Сирийская война» Аппиана — сравнительно небольшое произведение. Центральное место занимает здесь история войны Антиоха III с Римом (§§ 1—39). Затем Аппиан кратко излагает историю царства Селевкидов, вплоть до превращения его в рим-

скую провинцию (§§ 42—52), после чего, возвращаясь вспять, дает очерк борьбы преемников Александра Македонского за власть и, наконец, — историю возникновения Селевкидского государства и его первых правителей. Главное внимание автора сосредоточивается здесь на личных взаимоотношениях селевкидских царей, дворцовых интригах и династической борьбе.

По основной теме данной книги Аппиана, т. е. теме о войне с Антиохом III, кроме рассказа Аппиана, мы обладаем подробным рассказом Тита Ливия (кн. 35—37), рядом фрагментов из «Всемирной истории» Полибия и краткими сообщениями других античных авторов.

Главная ценность этой книги Аппиана заключается в том, что он дает, хотя и краткий, но цельный и последовательный обзор истории царства Селевкидов.

История «Митридатовых войн» является для нас еще более важным историческим источником. Эта книга по объему значительно больше «Сирийских войн»: главная ее часть — войны Рима с понтийским царем Митридатом — охватывает исторические события на протяжении почти сорока лет. Хотя в плутарховых биографиях Суллы (5, 11—26), Лукулла (2—27) и Помпея (30—42) содержится обширный материал по истории этих войн и хотя краткие сведения о них мы черпаем и у ряда других античных писателей (Посидоний, Флор, Евтропий, Юстин, Мемнон, Орозий и др.), однако только у Аппиана содержится наиболее полный, изложенный с хронологической последовательностью, рассказ об этих событиях. Данная книга рассказывает о всех трех войнах Митридата с Римом, но внимание автора сосредоточивается главным образом на событиях первой Митридатовой войны, и ее описание занимает почти половину всей книги (§§ 11—63). Рассказывая об этой войне, Аппиан не ограничивается описанием только военных событий, но сообщает ряд важных сведений по истории малоазийских греческих городов и описывает то антиримское движение и те проявления классовой борьбы, которые сопровождали эту войну. Рассказ Аппиана о событиях третьей Митридатовой войны менее обстоятелен и подробен. Конец книги посвящается походу Помпея в Сирию и Палестину, его триумфу в Риме и краткому обзору истории Понтийского царства после смерти Митридата и до похода Юлия Цезаря против Фарнака. Кроме того, в начале этой книги Аппиан поместил очерк истории Вифинского царства, которое сыграло не последнюю роль в возбуждении военных столкновений римлян с понтийским царем. Рассказывая о третьей Митридатовой войне, Аппиан считает необходимым остановиться и на войне с пиратами (§§ 92—94): «так как, — говорит он, — рассказ об этом не встречается ни в каком специальном сочинении, то я считаю нужным включить его в эту часть своей работы» (Митр., 91).

Весь труд Аппиана, в том числе книги о Сирийских и Митридатовых войнах, стоит по своим качествам значительно ниже блестящих образцов римской историографии, представленных сочинениями таких авторов, как Полибий, Саллюстий, Тацит и др.

Аппиан не является самостоятельным исследователем, а компилирует свою «Римскую историю» на основе существовавших в его время исторических сочинений. Сам Аппиан не называет своих источников, хотя во вступлении и говорит, что читал «многих греческих и римских писателей».

Вопрос об источниках Аппиана, вызвавший ряд специальных исследований, весьма сложен и остается окончательно нерешенным.

Современники Митридатовых войн располагали значительным документальным материалом как понтийского, так и римского происхождения. Известно, что в руки Помпея в 65 г. до н. э. попал архив самого Митридата, содержавший мемуары царя, его переписку, официальные документы и т. д. Однако установить какие-либо следы серьезного использования античными историками этого материала сейчас не удастся. Среди римских источников важное место занимали официальные донесения военачальников восточных армий, сенатские постановления, различные официальные документы, надписи, бывшие неотъемлемой частью триумфов, а также речи политических деятелей, которые произносились в эти годы в Сенате и на Форуме. В большинстве случаев все эти документы, в особенности речи ораторов, представляли собой материал в высокой мере субъективный, имея целью не столько сообщить о событиях или фак-

тах, сколько использовать их для целей политической борьбы. Именно эти донесения, триумфальные надписи, ораторские выступления и т. д. и дали легковерным историкам конца республики те громадные цифры уничтоженных врагов и взятых городов, те преувеличенные оценки побед и подвигов полководцев на Востоке, которые от этих авторов перешли в последующую историографию.

Важным документом данной эпохи были мемуары Суллы, командующего римской армией в первой Митридатовой войне. Однако историк мог использовать этот источник лишь с большой осторожностью, как документ сугубо субъективный, несомненно, имеющий целью прославить подвиги самого автора. Другим источником иного рода являются записки Публия Рут依ия Руфа, бывшего легата проконсула Азии, Муция Сцеволы. Рут依ий был по прояскам своих политических противников осужден за злоупотребления в провинциях и удалился в Малую Азию, где прожил 15 лет, сначала в Митилене, затем в Смирне. Он оставил беспристрастное, правдивое и подробное описание первой Митридатовой войны, в особенности, повидимому, по части событий в Малой Азии.

История Митридатовых войн получила в той или иной степени отражение и в трудах современных авторов. Следует упомянуть об анналистах времени Суллы Валерии Анциате и Клавдии Квадригари, произведения которых оказали значительное влияние на последующую историографию. Впрочем, судя по фрагментам их не дошедших до нас трудов и по заимствованиям из них последующих историков, это были авторы легковерные, воспринявшие без критики весь тенденциозный материал своего времени. Другой современный автор, Сизенна, приверженец Суллы, получивший по милости диктатора высокие государственные должности, составил обширный труд, охватывающий в частности всю историю первой Митридатовой войны. Его обстоятельная и достоверная история получила положительную оценку Цицерона. Блестящим произведением, хотя и охватывающим незначительный период интересующего нас времени, а именно походы Лукулла, была «История» Саллюстия. Кроме того, походы Лукулла и Помпея вызвали целый ряд исторических сочинений, носящих характер биографий этих полководцев. Дошедшие до нас отрывки говорят, что по своему характеру это были в большинстве случаев своего рода панегирики. Таковы в частности биографии Помпея, составленные Варроном и Теофаном из Митилены, горячими сторонниками Помпея, биография Лукулла, написанная Корнелием Непотом, и др.

Что касается греческих авторов этого периода, то наиболее важным был труд Посидония, который не только касался интересующего нас периода в своем общеисторическом сочинении, но написал и специальную монографию о восточных походах Помпея.

Историю Митридатовых войн описывали и историки, так сказать, пропонтийской ориентации. Таковы Гераклид из Магнезии, Гипсикрат из Амиса, Метродор из Скепсиса, написавший историю армянского царя Тиграна II, и, наконец, Диофан, составивший общую историю Понтийского царства.

Но весь названный документальный материал и все перечисленные исторические сочинения до нас не дошли, мы осведомлены о них лишь по коротким отрывкам, содержащимся в сочинениях позднейших авторов, и по трудам, написанным на их основе.

Современные исследователи источников Аппиана приходят к единодушному мнению, что Аппиан, при составлении книги по истории Митридатовых войн, к этим первоисточникам не обращался, а использовал позднейших авторов — историков конца I в. до н. э. и начала I в. н.

Существующее в науке мнение, что в основе труда Аппиана лежит какой-то один автор, в частности утверждение Юдейха, что таким автором был Страбон, не получило признания. Исследования Иордана, Фогеля, Рейнака, Шварца и др. привели к заключению, что в основе «Митридатовых войн» лежал не один какой-либо определенный труд, но что Аппиан, приняв в основу известной части своего труда какого-то одного автора, дополнял его сведениями из других источников. Рейнак считает, что Аппиан менял свои источники для каждой отдельной части своей книги, желая избегнуть обвинения в плагиате (Mithr. Eur., стр. 444). Возможно, что эта смена источников объясняется тем, что, интересуясь главным образом военной историей и подбирая нужный

ему материал, Аппиан вынужден был по тому или иному вопросу обращаться к разным авторам, которых он, по его словам, читал.

Большинство современных исследователей полагает, что в основе аппианова описания первой Митридатовой войны лежит история Тита Ливия. Как известно, книги Ливия, содержащие историю Митридатовых войн (кн. 77—78; 81—83; 86; 89; 93—95; 97—98; 100—103), не сохранились. Судить о них возможно лишь по эпитомам авторов, кратко пересказывающих содержание этого труда (Флор, Евтропий, Орозий) или широко заимствующих у него (Дион Кассий, Валерий Максим, Фронтин, Аврелий Виктор и др.). Тит Ливий, как это установлено, пользовался при составлении истории Митридатовой войны широким кругом материалов. Ливий был знаком с мемуарами Суллы, и то обстоятельство, что описание ряда событий первой Митридатовой войны у Аппиана совпадает с описанием их у Плутарха (битва при Херонее, Орхомене и др.), объясняется тем, что в основе и того, и другого лежит этот общий источник, которым Плутарх пользуется непосредственно, а Аппиан — через посредство Тита Ливия. Ливием были использованы и мемуары Публия Рутилия Руфа и, повидимому, те сведения, которые сообщает Аппиан по истории малоазийских греческих городов во время первой Митридатовой войны, заимствованы именно из этих мемуаров. Кроме того, Ливий широко черпал материал из сочинений современников этой войны — как латинских авторов (Клавдия Квадригария, Валерия Анциата, Сизенны, а для II и III Митридатовых войн, кроме того, видимо, Варрона, Саллюстия и др.), так и греческих (Посидония, Теофана, поэта Архия). Несмотря на то, что широко популярная тогда история Ливия была написана на основе обширного исторического материала, она не является самостоятельным историческим исследованием. Ливий без критики заимствует весь сообщаемый его источниками материал. На события римской истории Ливий смотрит с точки зрения горячо преданного своей родине патриота.

Однако Аппиан не всегда точно следует этому своему главному источнику и в ряде мест отстает от него. Например, говоря о переговорах Митридата с римскими послами в начале войны, Аппиан пользуется каким-то иным источником, расположенным не столь благожелательно, как Тит Ливий, к Риму — возможно источником греческого происхождения, в частности Посидонием, хотя, повидимому, Аппиан не пользовался им в подлиннике. Так, Аппиан в отличие от Посидония, называет афинского тирана Аристионом, а не Афинионом и эпикурейцем, а не перипатетиком. Но в то же время у Аппиана мы встречаем также характерный для Посидония резкий выпад против философов, причастных к демократическому движению. Все это однако не снимает общего утверждения, что основным источником здесь был Тит Ливий. При описании второй войны с Митридатом (§§64—67) Аппиан, повидимому, отказался от Тита Ливия. Сведения его в этой части по своему характеру отличаются от сведений авторов, следующих Титу Ливию. Так, в Риме военные действия Мурены, судя по выступлениям Цицерона, оценивались, как победа над Митридатом, в то время как у Аппиана говорится о поражении Мурены. Аппиан подчеркивает незаконность действий Мурены и уличает римских послов в Азии в корыстной сделке с Муреной. Третья война с Митридатом состояла из двух больших кампаний: Лукулла, с 74 по 66 г. до н.э., и Помпея, с 66 по 64 г. до н.э. Описание этих двух походов основано на двух разных источниках. Рассказ Аппиана здесь значительно расходится с данными Тита Ливия. Например, у Аппиана — иное описание сражения при Тигранокерте, нет сведений о взятии Лукуллом Низибиса, и т. д. Расхождения имеются и в личных именах, и в цифровом материале. Сравнение рассказа Аппиана с данными плутарховой биографии Лукулла, написанной на основе «Истории» Саллюстия, привело исследователей (Шварца, Лауэра, Рейнака и др.) к заключению, что в основе этой части книги Аппиана лежит труд Саллюстия, хотя он и не пользовался им непосредственно.

Шварц полагает, что этот посредник, следуя тогдашней моде, тенденциозно изменял свой источник. Рейнак считает, что таким автором, через которого Аппиан воспринимает данные как Саллюстия, так и Посидония, а также и других авторов, влияние которых в какой-то мере прослеживается на этой книге Аппиана, был Николай из Дамаска, историк и философ-перипатетик I века, бывший секретарем царя Ирода

и по его заказу написавший обширный, но компилятивный труд по римской истории, пользовавшийся в период ранней Империи широкой популярностью. Вопрос об источниках Аппиана по последнему походу Помпея еще более сложен. Основным источником Аппиана был здесь тот же автор-посредник (или посредники), которому Аппиан *следует* при описании второй войны и кампании Лукулла, но, на что указывает Рейнак, в этой части книги несомненно влияние биографии Помпея, написанной Посидонием, где подчеркиваются и преувеличиваются военные успехи Помпея, вплоть до того, что Помпею приписываются никогда не существовавшие походы в Мидию и Коммагену (Митр., 106).

Таким образом, мы с уверенностью можем сказать, что источниками Аппиана по истории Митридатových войн были авторы сравнительно поздние и второстепенные. Кроме того, это авторы проримской ориентации, что в значительной мере предопределило освещение Аппианом событий этой войны с проримских позиций. В описании первой Митридатовой войны Аппиан находится под влиянием мемуаров самого Суллы, сочинений младших анналистов и всей тенденциозной литературы времен диктатуры Суллы. Эта просулланская тенденция проявляется не только в описании битвы при Орхомене, но и, например, в отрицательной характеристике Мания Аквилія, проводившего в Азии активную захватническую политику в интересах всаднического сословия, политических противников Суллы. Аппиан указывает на связь Мания с публиканами, его корыстолюбие и вероломство. Он, по Аппиану, противозаконно, без ведома римского сената и народа, начал тяжелую и длительную войну с Митридатом. Ту же тенденциозную пристрастность находим мы в описании марианской армии, направленной на восток, и, в частности, в обрисовке Фимбрии. С другой стороны, Сулла выступает как хотя и суровый, но талантливый, разумный, предусмотрительный полководец (Митр., 45), проявивший достойную римлянина снисходительность к Митридату и мятежным греческим городам.

Лучшим историческим трудом по истории войны Рима с Антиохом III в античной историографии был несомненно труд Полибия. Этот труд был широко популярен во времена конца Республики и ранней Империи и лег в основу значительного числа исторических сочинений, включающих историю Рима II в. до н. э. Сопоставление сведений Аппиана по Сирийским войнам с дошедшими до нас фрагментами Полибия показывает большую близость рассказа Аппиана к «Всемирной истории» Полибия. Однако углубленное изучение этого вопроса привело исследователей (Шварц) к заключению, что в основе этой книги Аппиана лежит не история Полибия, а какое-то сочинение римского автора, переработавшего Полибия и соединившего его рассказ с данными римской анналистики, но всё же отличное от анналистики эпохи Суллы. Этот автор, переработавший Полибия, осветил всю историю войны с Антиохом с проримских позиций, что получило значительное отражение и в данной книге Аппиана.

Характер использованных Аппианом источников, как и политические симпатии самого автора, определили и общее освещение истории войн Рима с Антиохом и Митридатом в проримском духе.

Помимо того, что Аппиан воспринял эту общую тенденцию своих источников, он воспринял без критики и проверки и весь фактический материал, заимствованный им у того или иного автора. Сопоставление ряда сообщений Аппиана с другими, более надежными источниками обнаруживает неточности, а порой и грубые ошибки. Так, например, Аппиан ошибается, приписывая царям Понта и Каппадокии происхождение от одного рода (Митр., 9); взятие Амастриды и Гераклеи Аппиан приписывает самому Лукуллу (Митр., 12); измену Магия помещает после смерти Сертория, тогда как Серторий был убит только год спустя (Митр., 72). Трудно установить, являются ли ошибки Аппиана результатом его небрежности и недостаточной осведомленности или эти ошибки перенесены им из его источников.

Недостаток характеризуемых нами книг Аппиана составляет и неравномерность в распределении материала, а иногда и отсутствие хронологической последовательности изложения.

Так, история первой Митридатовой войны описана подробно и обстоятельно, походы же Лукулла и Помпея — более кратко, с лакунами (например, пропущено взятие Низибиса), небрежно и как бы наспех. В «Сирийских войнах» Аппиан сначала явля-

гает войну с Антиохом III и историю царства Селевкидов после Антиоха, а потом обращается к возникновению этого царства и его первым правителям до Антиоха. Описание казни 1 600 участников заговора против Митридата идет после рассказа о расправе над хиосцами и отпадении Эфеса, хотя эта казнь имела место до этих событий.

Главное свое внимание Аппиан уделяет описанию военных действий. Как в той, так и в другой книге описание походов и отдельных военных эпизодов занимает значительное место. На втором месте стоят вопросы внешней политики и взаимоотношений эллинистических царей с Римом. Сведения по общей политической истории кратки и сжаты, иногда носят характер лишь необходимой справки (например, о правлении Селевкидов). Вместе с тем описания военных столкновений не отличаются ни драматизмом описаний Тита Ливия, ни живой красочностью Плутарха, — они однообразны и монотонны, ограничены узким кругом сведений чисто военного характера.

В подавляющем большинстве случаев Аппиан не дает характеристик исторических личностей, о которых он говорит. Его не интересует и их психологический анализ.

Несмотря на все это, книги Аппиана обладают рядом достоинств, делающих их весьма ценными в качестве исторического источника. Следует прежде всего отметить его строго фактическое изложение событий, реализм и трезвость его взглядов. Нигде не пытается он, как это было широко распространено у авторов его времени, объяснить события волей богов или неумолимым предначертанием судьбы. Иронически отзывается он о том, что Антиох все свои неудачи приписывал злему року, тяготевшему над ним (Сир., 29). Та же ирония звучит в передаче рассказа о том, что статуя богини Изиды выбросила против осаждавшего Родос Митридата огонь (Митр., 27). К данным книгам Аппиана вполне применима оценка Маркса, высказанная им о «Гражданских войнах» Аппиана (письмо к Энгельсу от 27/III — 1861 г.)¹. Аппиан, — говорит Маркс, — «старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн». В тех случаях, когда Аппиан пытается объяснить причину того или иного факта, он ищет ее в реальных исторических событиях и отношениях. Говоря о войне Помпея с пиратами, он указывает, что причина столь развившегося на море разбоя в том, что «люди, лишенные вследствие войны средств к жизни и наследственных мест жительства и впавшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море» (Митр., 92). Поражение Антиоха, разбитого значительно меньшей римской армией при Магнезии, Аппиан объясняет не злой судьбой Антиоха, а его стратегическими ошибками. Аппиан отчетливо понимает подлинные причины того, что греческие города охотно выполняли приказ Митридата об уничтожении всех римлян и италиков, живших в Азии: «Было ясно, — пишет он, — что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее из ненависти к римлянам совершила против них такие ужасные поступки» (Митр., 23). Эти примеры аппианова реализма могли бы быть значительно умножены.

Разбираемые книги Аппиана почти свободны от риторичности, столь присущей всем историческим сочинениям того времени. Ни в «Сириаке», ни в «Митридатовых войнах» нет тех длинных и вычурных речей и риторических отступлений, которыми так богаты книги Ливия и других его современников. Речи у Аппиана кратки, но выразительны. Видимо, автор выбирал из тех длинных произведений ораторского искусства, которыми были уснащены его источники, только наиболее важное и существенное. Аппиан почти не отступает от изложения фактических событий и, если такие отступления встречаются, они вызваны не стремлением риторически украсить свой труд, а скорее желанием выразить свои личные мнения и чувства. Так, в «Митридатовых войнах» Аппиан сурово осуждает афинского философа Аристиона, вступившего на поприще политической деятельности и возглавившего демократическое и антиримское движение в Афинах. Здесь резко сказалось враждебное и даже презрительное отношение Аппиана к демократии, в особенности к философам демократического направления.

Каково же отношение Аппиана к двум крупнейшим этапам завоевания римлянами

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15.

Востока: Сирийским и Митридатовым войнам, и каково его отношение к двум великим проиввникам Рима — Антиоху и Митридату?

Аппиан обнаруживает здесь не только различное отношение к личности этих эллинистических царей, к которым он мог субъективно чувствовать симпатию или антипатию, но и глубокое понимание различной политической ситуации в ту и другую эпоху. Рим в начале II века не был еще готов к территориальным приобретениям в самой Азии, а вынужден был довольствоваться установлением некоего политического равновесия между эллинистическими государствами, которое позволило бы ему в то же время поддерживать в них римское влияние и даже некоторую зависимость от Рима. В войне Рима с Антиохом инициатива военного столкновения принадлежала, по мнению Аппиана, Антиоху, стремившемуся к завоеваниям не только в Азии, но и в Египте и в Европе; римляне вначале только противостояли ему в союзе с наиболее значительными государствами того времени: Родосской республикой и Пергамским царством. Сирийский царь Антиох, — говорит Аппиан, — «совершив много великих подвигов», силой и незаконно расширяет пределы своего царства (Сир., 1). Захват им греческих городов Этолии и Ионии, проникновение в Европу и укрепление Лисимахии приводит к обострению отношений царя с римлянами. «Антиох полагал, что только одни римляне будут особенно мешать, когда он будет расширяться, и помешают ему при его попытке переправиться в Европу» (Сир., 2). Со своей стороны, римляне, — пишет Аппиан, — опасались, что эта «война для них будет длительной и тяжелой», так как Антиох «был властителем всей внутренней Азии, многих народов и, за небольшим исключением, всей приморской области, так как он уже стал твердой ногой в Греции...» (Сир., 15).

Выступив против Рима, Антиох потерпел поражение. Причины этого Аппиан видит, с одной стороны, в личных недостатках царя, с другой — в превосходстве римской военной техники. По мнению Аппиана, «Антиох был всегда и в остальных делах человеком пустым и с быстро меняющимся настроением» (Сир., 28). Главными его недостатками были «необдуманная поспешность и отсутствие ясного плана» (Сир., 37), Антиох, по мнению Аппиана, легкомысленно вступил в Грецию с небольшим войском. При поражениях Антиох «впадал в глубокое отчаяние и собственные ошибки приписывал злему року» (Сир., 29).

Эта характеристика, воспринятая в известной мере Аппианом от враждебных сирийскому царю авторов, оказала влияние на последующую историографию. Моммзен в своей «Римской истории» считает Антиоха царем, достигшим значительных успехов скорее благодаря ослаблению соседних государств, чем в силу своих личных качеств¹.

Оценка Антиоха, которую дает Аппиан, все же слишком пристрастна и субъективна. Нельзя не признать, что Антиох был выдающейся личностью, что он обладал огромной энергией, настойчивостью и организаторским талантом. Он не только сумел приостановить распад Селевкидского государства, но и вернуть часть его исконных владений, отважно встал во главе антиримского движения, поставившего своей целью освобождение греческого мира от надвигающейся опасности римского порабощения.

Причины поражения Антиоха могут быть объяснены теми противоречиями, которые существовали тогда в греко-эллинистическом мире и которые не позволили ему создать достаточно сильную антиримскую коалицию, а также и превосходством военной техники римлян, на что указывает и Аппиан. Казалось невероятным, говорит он, «одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим, и при этом — в чужой земле...» (Сир., 37).

По иному Аппиан относится к Митридату. Несмотря на всю враждебность римской историографии к Митридату, римские историки не могли не признать его «величайшим из царей, с которым когда-либо Риму приходилось вести войну»;² со смертью его римляне «в его лице избавились сразу от десяти тысяч врагов»³. Аппиан не только

¹ Римск. ист., т. I, стр. 682.

² Аппиан, Митр., 113; Циц., Pro Murena, XV, 32; Светон., Цез., 35; Евтр., VI, 22.

³ Плут., Помп., 41—42; Апп., Митр., 113; Циц., De prov. consul., 11.

воспринял эту оценку Митридата, но и составил свое собственное суждение о личности понтийского царя.

Прежде всего, Аппиан хорошо понимает сущность изменения внешней политики Рима на Востоке столетие спустя после войны с Антиохом. Римляне прочно утвердились в Азии, превратив в свою провинцию бывшее Пергамское царство, и стремятся теперь к распространению своего господства далее, в глубь полуострова. Эти черты внешней политики Рима четко обрисованы Аппианом в «Митридатовых войнах». В результате военных походов Митридата, его доселе небольшое государство распространилось далеко на восток от реки Галиса, включив в свои пределы даже северное побережье Черного моря. Попытка Митридата подчинить себе соседние малоазиатские царства приводит его к столкновению с Римом. Аппиан подчеркивает здесь два очень важные обстоятельства. Во-первых, что Митридат более всего стремится захватить Вифинию для того, чтобы овладеть проливами в Черное море, являвшимися выходом для Понтийского царства в средиземноморский мир: послы Митридата к римлянам непрерывно жалуются, что «Никомед (царь Вифинии) закрыл вход в Понт» (Митр., 12), что «морские пути перерезаны» (Митр., 14); во-вторых, что римляне сами «с завистью смотрели на страну, подвластную Митридату, становящуюся очень крупной, и желали... разделить ее на несколько частей» (Митр., 10), и что война началась по инициативе римского командования и римской провинциальной администрации: римские послы в Азии «настаивали» (Митр., 11) на открытии Никомедом военных действий против Митридата.

В обрисовке Аппиана Митридат выступает как непримиримый враг Рима, понимающий, что в войне его с римлянами дело идет о самом существовании независимого Понтийского царства и о господстве во всей Малой Азии и восточной части Средиземного моря (Митр., 68—69). Митридат, говорит Аппиан, человек «столь благоразумный», «совершил много великих деяний» и «не оставлял ни одного пути, чтобы не попытаться напасть на римлян, даже будучи побежденным»; «даже в несчастиях был велик и не поддавался отчаянию» (Митр., 112). Митридат, по характеристике Аппиана, хотя и был «склонен к убийству и свиреп по отношению ко всем», однако был высоко одаренным человеком, любившим «эллинскую культуру» и музыку (Митр., 112).

Созданный Аппианом образ последнего выдающегося эллинистического царя, талантливого организатора и полководца, в течение 40 лет оспаривавшего у Рима право на господство на Востоке, оказал огромное влияние на последующую историческую литературу.

О. И. Севастьянова

Аппиан

МИТРИДАТОВЫ ВОИНЫ

1. Греки полагают, что фракийцы, отправившиеся походом под предводительством Реса на Илион, после того как Рес ночью был убит Диомедом (каким образом,—об этом рассказывает Гомер в своих песнях), что эти фракийцы бежали к устью Понта, там, где самая узкая переправа во Фракию; одни из них, не найдя судов, остались тут и завладели землей, так называемой Бебрикией; другие же, переправившись выше Византии в страну так называемых вифинских фракийцев, поселились у реки Вифии, но, измученные голодом, вновь вернулись в Бебрикию и назвали ее вместо Бебрикии Вифинией, по имени той реки, у которой они хотели поселиться; а может быть, это имя перешло к ним с течением времени и без этого повода, так как не так уже велико расстояние между Вифинией и Бебрикией. Такого мнения держатся некоторые; другие же полагают, что вначале царем у них был Вифий, сын Зевса и Фраки, от которых и даны имена той и другой земле.

2. Таковы мои предварительные замечания о Вифинии. Что же касается ее царей, бывших до римлян, последовательно правивших один за другим в течение сорока девяти лет,—так как я пишу римскую историю, я укажу тех, кто по моему мнению заслуживает особого внимания. У них был царем Прусий, по прозванию «Охотник», за которого македонский царь Персей выдал замуж свою сестру. Когда немного позднее Персей и римляне вступили друг с другом в открытую войну, этот Прусий не выступил ни на той, ни на другой стороне. Когда Персей был взят в плен, то Прусий встретил римских военачальников, одетых в римское одеяние, которое они называют тогой (τήβεννον), в римской обуви, со стриженной головой, надев на нее пилум—в таком костюме появляются те, которые получают вольную по завещанию; и вообще-то он был с виду некрасив и низкого роста. Встретившись с ними, он сказал им на римском наречии: «Я либерт римлян», т. е. вольноотпущенник. Он вызвал смех и был отправлен в Рим; и там тоже при своем появлении он показался смешным и получил прощение.

3. Спустя некоторое время, рассердившись за что-то на Аттала, царя той части Азии, которая прилегает к Пергаму, он стал опустошать землю Азии. Узнав об этом, римский сенат послал Прусию приказ не воевать с Атталом, другом и союзником римского народа. Так как он продолжал не повиноваться, то римские послы с угрозой велели ему выполнить приказ римского сената и явиться с тысячей всадников для заключения договора на границу, где, как они сказали, ожидает его Аттал тоже с тысячей всадников. Прусий, презирая малочисленную свиту Аттала и понадеявшись, что сумеет устроить ему засаду, отправил послов вперед, заявив, что он сейчас же придет со своей тысячей; сам же поднял все свое войско и повел его, построенное как бы для битвы.

Когда это заметили Аттал и послы, они бежали, куда только каждый из них мог; Прусий же захватил оставленный римлянами багаж и вьючных животных, взял и разрушил городок Никефорион и бывший в нем храм сжег, а Аттала, бежавшего в Пергам, осадил в нем до тех пор, пока римляне, узнав об этом, не отправили вторых послов, которые приказали Прусию возместить убытки Атталу. Только тогда Прусий почувствовал страх, повиновался и удалился. Когда послы определили, чтобы он заплатил Атталу в качестве штрафа двадцать палубных судов немедленно и пятьдесят талантов серебром в рассрочку, то он дал корабли и сделал в срок первый взнос.

4. В то время как Прусий за свою жестокость и тяжелый характер был ненавистен своим подданным, его сын Никомед был любим всеми вифинцами. Это вызвало подозрение к нему со стороны Прусия, и он отправил Никомеда на жительство в Рим. Узнав, что он там пользуется расположением, он поручил ему упросить сенат освободить его от уплаты остальной суммы, которую он остался должен Атталу. Вместе с тем он отправил Мёну в качестве добавочного члена посольства и этому Мёне он велел, если Никомед добьется, чтобы деньги были прощены, пощадить пока Никомеда, если же он этого не добьется, то убить его в Риме. Для этой цели он дал ему несколько легких судов и две тысячи воинов. Так как штраф с Прусия сложен не был (посланный Атталом для возражения Андроник доказал, что наложенный штраф был меньше произведенного грабежа), то Мёна, видя, что Никомед достоин всякого уважения и преданности, не знал, что ему делать; он не решался ни убить его, ни самому вернуться в Вифинию вследствие страха (за неисполненное приказание). Однако, пока он колебался, юноша вступил с ним в переговоры, что соответствовало и его желанию. Договорившись составить заговор против Прусия, они привлекли к этому делу и посла Аттала, Андроника, с тем чтобы он убедил Аттала помочь возвратить Никомеда в Вифинию. Назначив место свидания друг другу в Бернике, в маленьком городке в Эпире, они ночью, взойдя на корабль, договорились о том, что им нужно сделать, и разошлись еще ночью.

5. С наступлением дня Никомед сошел с корабля, облеченный в царскую порфиру с диадемой на голове, а Андроник, встретившись с ним, приветствовал его как царя и со своими солдатами, а их было пятьсот, стал его сопровождать. Мёна же, делая вид, что он только сейчас узнал о выступлении Никомеда, бросившись к своим двум тысячам солдат, стал выражать недовольство. Но в продолжение речи он сказал: «Так как у нас два царя, один у нас на родине, а другой выступает тут, то нам необходимо позаботиться о самих себе и устроить свое будущее. Ведь в данный момент мы можем укрепить счастье своей будущей жизни, если хорошо сумеем предвидеть, кто из них победит. Один из них старик, другой — молодой; и вифинцы, к одному чувствуя отвращение, другого предпочитают. Из римлян люди могущественные любят юношу; а то, что Андроник является уже его телохранителем, показывает на союз с Атталом; а Аттал владеет большой страной, он сосед вифинцев, не раз воевавший с Прусием». Говоря так, он постепенно вскрывал и жестокость Прусия, и то, сколько зла он сделал по отношению ко всем, и за это заслужил общую к себе ненависть вифинцев. Когда он увидал, что подлость Прусия отвращает от него солдат, он тотчас повел их к Никомеду вслед за Андроником, тоже приветствовал его царем и со своими двумя тысячами стал его телохранителем.

6. Аттал ласково принял юношу. Он предложил Прусию дать сыну несколько городов для жительства и страну для получения доходов. Тот ответил ему, что немедленно даст ему все царство Аттала, так как и раньше, желая приобрести его для Никомеда, он сделал нападение на Азию.

Дав такой ответ, он в то же время отправил в Рим послов с обвинением против Никомеда и Атталы, требуя, чтобы вызвали их на суд. Аттал же со своим войском двинулся в Вифинию; при их приближении вифинцы мало-помалу стали переходить на их сторону. Не доверяя никому и надеясь, что римляне избавят его от этого заговора, Прусий попросил Диэгила, царя Фракии, своего тестя, дать ему пятьсот фракийцев и, получив их, поручил себя исключительно их охране, удалившись в акрополь Никеи. Городской претор в Риме, будучи расположен к Атталу, не дал тотчас аудиенции в сенате послам Прусия; когда же, наконец, он им дал эту аудиенцию и когда сенат вынес постановление, чтобы претор выбрал и отправил послов, которые должны будут прекратить эту войну, то он выбрал трех мужей, из которых у одного была как-то камнем разбита голова, так что он ходил с ужасной раной, у другого болели ноги от ревматизма, а третий вообще считался очень глупым. Катон, смеясь над этим посольством, сказал, что у него нет ни ума, ни ног, ни головы.

7. И вот, когда послы прибыли в Вифинию с приказом прекратить войну, то Никомед и Аттал отвечали, что они согласны; но вифинцы, подученные ими, стали говорить, что они не могут больше выносить свирепости Прусия, особенно после того, как они показали ему свое нерасположение; тогда послы под предлогом, что римляне ничего этого не знали, уехали назад, не сделав ничего. Прусий, потеряв надежду на помощь римлян, на которых он особенно надеялся и потому ни у кого не думал просить помощи, удалился в Никомидию, чтобы, укрепив город, иметь возможность вести войну с наступающими. Но жители Никомидии, предав его, открыли ворота, и Никомед вступил в город с войском; Прусий бежал в храм Зевса, но был заколот людьми, подосланными Никомедом. Таким образом Никомед сделался царем над вифинцами вместо Прусия. Когда он с течением времени умер, ему наследовал его сын Никомед, которому было дано прозвище Филопатор, причем римляне своим постановлением передали ему власть над страной как отцовское наследие.

Таковы были дела в Вифинии; и если кому хочется знать вперед, что произошло потом, то я укажу, что внук этого Никомеда, тоже Никомед, оставил свою страну в наследство римлянам по завещанию.

8. Кто правил Каппадокией до македонян, составляли ли они самостоятельное царство или были подчинены Дарию,—этого я не могу точно сказать. Мне кажется, что Александр, быстро двигаясь против Дария, оставил начальников этих племен, наложив на них дань. Кажется, что и в Амисе, городе на Понте, аттического происхождения он восстановил демократию, как исконную их форму правления. Иероним же говорит, что с этими племенами он совсем не пришел в соприкосновение, но пошел против Дария другой дорогой, вдоль берегов Памфилии и Киликии. Пердикка же, который после Александра управлял Македонией, взял в плен Ариарата, властителя Каппадокии, потому ли, что он отпал, или желая присоединить его страну к Македонии, и его повесили, а над этими племенами поставил Эвмена из Кардии. Когда Эвмен был убит, так как македоняне признали его врагом, то Антигон, который после Пердикки стал править землей, бывшей под властью Александра, послал Никанора в качестве сатрапа над каппадокийцами.

9. Когда немного спустя македоняне стали восставать друг против друга, то Антигон стал править Сирией, изгнав оттуда Лаомедонта; при нем был Митридат, перс царского рода. Антигон видел сон, что он золотом засекает равнину, а Митридат сжал это золото и ушел в Понт. Поэтому он решил арестовать его и убить; но Митридат с шестью всадниками бежал и укрепился в каком-то местечке Каппадокии; так

как македоняне были заняты этими своими междоусобными войнами, то много народу пришло к Митридату, и он захватил не только Каппадокию, но и соседние племена по Понту. Сильно увеличив свою власть, он передал ее своим детям, и они царствовали один за другим вплоть до шестого Митридата, который вступил в войну с римлянами. Таковы-то были цари Каппадокии и Понта; с течением времени, как мне кажется, они разделили страну; одни из них захватили власть над Понтом, а другие—над Каппадокией.

10. Так вот первым, который вступил в дружбу с римлянами и послал несколько кораблей против карфагенян с небольшим вспомогательным отрядом, был царь Понта—Митридат, получивший прозвание Эвергета. Он сделал вторжение в Каппадокию, как будто это была чужая земля. Ему наследовал его сын Митридат, которому было прозвище Дионис и Эвпатор. Римляне велели ему отсюда удалиться, предоставив страну Ариобарзану, который бежал к ним и вместе с тем с их точки зрения имел более законное право на власть над Каппадокией, чем Митридат. А может быть, они с подозрением смотрели на страну, подвластную Митридату, становящуюся очень крупной, и желали таким образом разделить ее на несколько частей. Митридат это претерпел, но против Никомеда, сына Никомеда и внука Прусия, который получил от римлян царство Вифинию как отцовское наследие, он послал Сократа, брата самого Никомеда,—прозвище ему было «Благой»,—вместе с войском. И действительно, Сократ перехватил власть над Вифинией для себя. В то же самое время Митраас и Благой выгнали из Каппадокии того Ариобарзана, который был водворен здесь римлянами, и посадили в ней Ариарата.

11. Римляне вернули Никомеда вместе с Ариобарзаном, каждого в свою область, и с этой целью послали с ними несколько послов, во главе которых стоял Маний Аттилий. Оказать помощь при этом возвращении они поручили Люцию Кассию, начальствующему над Азией, прилежавшей к Пергаму, и имевшему у себя небольшое войско, и этому же Митридату Евпатору. Но он, полный раздражения на римлян из-за Каппадокии и еще недавно лишенный ими Фригии, как это указано, в книге о греческой истории, не стал им оказывать помощи; тогда Кассий и Маний при помощи войска Кассия, собравшие еще другое большое войско из галатов и фригийцев, вернули Никомеда в Вифинию, а Ариобарзана в Каппадокию. Тотчас они стали подстрекать обоих, так как они были соседями Митридата, делать набеги на землю Митридата и вызывать его на войну, обещая, что в случае войны римляне окажут им помощь. Однако они оба боялись начинать войну с таким могущественным соседом, опасаясь силы Митридата; но так как послы настаивали, то Никомед, который дал согласие заплатить большие суммы послам и военачальникам за помощь и еще не расплатился, а кроме того очень сильно задолжал следовавшим за римским войском ростовщикам и потому находился в безвыходном положении, против своей воли вторгся в землю Митридата и опустошил ее до города Амастриды, причем он не встретил никакого сопротивления и никто против него не выступил, так как Митридат, имея готовое войско, тем не менее отступал, подготавливая много законных поводов начать войну.

12. Когда Никомед возвратился с большой добычей, Митридат отправил Пелопида к римским военачальникам и послам. Он очень хорошо знал, что они жаждут войны с ним и были виновниками этого вторжения; но, делая вид, что ничего этого не знает, подготавливая большее количество вместе с тем и более благовидных предлогов для будущей войны, он стал напоминать им о дружественных союзах и своих, и своего отца. «За все это», говорил Пелопид, «они лишили его Фригии и Каппадокии; последняя

всегда принадлежала его предкам и была вновь захвачена его отцом; Фригия же в качестве дара за победу над Аристоником была дана вашим же полководцем и, кроме того, у того же полководца была куплена за крупную сумму. Теперь же, сказал он, вы спокойно допускаете, что Никомед закрыл вход в Понт, что он делает набеги на нашу землю, вплоть до Амастриды, и угоняет добычу, какую вы сами точно знаете; хотя мой царь не слаб и вполне готов к защите, но он ждал, чтобы вы сами собственными глазами стали свидетелями того, что совершается. Но так как вы сами присутствовали и знаете все, что было, то Митридат, друг вам и союзник, просит вас, своих друзей и союзников (так гласит договор), помочь нам, подвергающимся обидам со стороны Никомеда, или запретить ему наносить обиды».

13. Так говорил Пелопид, послы же Никомеда, присутствовавшие тут для возражения, сказали: «Уже давно злоумышляя против Никомеда, Митридат послал Сократа с войском против его царства, хотя он держался спокойно и, как старший, законно обладал властью. Так поступил Митридат с Никомедом, которого вы, римляне, поставили царем Вифинии; а отсюда ясно, что это он сделал не столько против нас, сколько против вас. Равным образом, хотя вами издан приказ, чтобы цари Азии не переходили в Европу, он же подчинил себе большую часть Херсонеса. Все это достаточные доказательства его дерзкого отношения к вам, его враждебности и его неповиновения; но посмотрите, какие огромные у него приготовления, как будто к какой-то большой и уже объявленной войне, его собственного войска, так и его союзников, фракийцев и скифов, и всех ближайших племен. С царем Армении у него брачный союз, а к царям Египта и Сирии он все время посылает посольства, стараясь привлечь их на свою сторону. У него триста боевых палубных судов, и к ним он заготавливает еще другие, а за штурманами и за кормчими он разослал людей в Финикию и в Египет. Все эти приготовления, столь огромные, направлены, конечно, не против Никомеда, но против вас, о римляне, готовит все это Митридат, исполненный против вас гнева за то, что вы велели ему уйти из Фригии, которую он преступно, подкупив одного из ваших предводителей, купил себе, — вы признали всю несправедливость этого приобретения; он сердит и за Каппадокию, которая тоже вами была дана Ариобарзану; он боится вашей растущей силы и готовится под предлогом нападения на нас напасть, если сможет, на вас самих. Дело мудрости не ожидать, когда он сам захочет объявить вам войну, но обращать внимание больше на его дела, чем на его слова, и тому, кто ложно надел на себя маску дружбы, не выдавать верных и постоянных друзей и не оставлять без внимания, что ваше решение относительно нашего царства делает недействительным тот, кто в равной степени и для нас и для вас является врагом».

14. Так сказали уполномоченные Никомеда. Тогда вновь Пелопид обратился в совет римских военачальников и заявил, что относительно прежних дел, если Никомед считает нужным на что-либо жаловаться, римляне произнесли уже свое решение; что же касается теперешних (ведь они произошли на ваших глазах, когда земли Митридата были разграблены, морские пути перерезаны и столь крупная добыча угнана), то они нуждаются не в словах и не в разбирательстве, но «вновь обращаемы мы к вам с предложением или запретить подобные действия, или выступить на помощь Митридату, несправедливо обиженному, или, в конце концов, о представители римского народа, не мешайте ему защищаться и откажитесь от труда поддерживать того или другого». Так как Пелопид неоднократно повторял это, то хотя римские военачальники давно уже решили оказать помощь Никомеду и только из притворства слушали эти прения, но всё же смущенные словами Пелопида и дружественным союзом с Мит-

ридатом, остававшимся в силе, они долго колебались, какой дать ответ; наконец, они додумались до следующего хитроумного ответа: «Мы бы не хотели, чтобы и Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война: мы считаем, что не в интересах римлян, чтобы Никомед потерпел ущерб». Когда они вынесли такое решение и Пелопид хотел подвергнуть критике неясность этого ответа, они выслали его из совета.

15. Тут Митридат, как уже явно обиженный римлянами, послал с большим отрядом своего сына Ариарата на царство в Каппадокию. И Ариарат быстро захватил эту власть, изгнав Ариобарзана. Пелопид, вновь придя к римским военачальникам, сказал следующее: «Вы уже слышали, о римляне, какие обиды потерпел от вас царь Митридат, когда вы недавно отняли у него Фригию и Каппадокию; с другой стороны, то, что Никомед на глазах у вас причинил ему столько вреда, вы оставили без внимания. Когда мы напоминали вам о нашей дружбе и союзе, вы ответили нам, как будто не мы жаловались, а жаловались на нас,—сказав, что вы считаете вредным для дела римлян, если Никомед потерпит ущерб,—как будто бы он был обиженным. Вы дадите ответ римскому сенату за то, что произошло в Каппадокии; ведь из-за вас, которые с таким презрением отнеслись к нам и прибегли к таким софизмам в своих ответах, поступил так Митридат. Он отправит с обвинением против вас своих послов в ваш сенат; он вызывает вас, чтобы вы перед сенатом оправдались в своих действиях и раньше не предпринимали ничего и не начинали столь большой войны без воли римского сената, приняв во внимание, что Митридат царствует в своей наследственной стране, которая простирается на двадцать тысяч стадий в длину, и кроме того сам приобрел много пограничных земель: и колхов—племя, помешанное на войне, а из эллинов тех, которые живут по берегу Понта, и варваров, живущих севернее их. Другими, готовыми на все, что только он прикажет, являются для него скифы, тавры, бастерны, фракийцы, сарматы и все, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотийского озера. Царь Армении, Тигран, ему тесть, а парфянский царь, Арсак,—друг. Кораблей у него большое количество, часть готовых, часть еще строящихся, и снаряжение, во всех отношениях заслуживающее внимания. 16. Совершенно правильно и то, что сказали вам недавно вифинцы о царях Египта и Сирии; вполне естественно, что не только они, если возгорится эта война, соединятся с нами, но и недавно приобретенная вами Азия, Эллада, Ливия, и большая часть самой Италии, которая, не вынося вашей жадности и корыстолюбия, уже сейчас ведет с вами непримиримую войну. Не имея сил еще закончить ее, вы пытаетесь начать новую с Митридатом, поочередно натравливая на него Никомеда и Ариобарзана. Вы говорите, что вы друзья и союзники, и носите такую маску, а обращаетесь с ним, как с врагом. Что ж! Еще и теперь, если что-либо заставило вас изменить свое отношение к происшедшим событиям, или запретите Никомеду обижать ваших друзей (и если вы это сделаете, то я вам обещаю, что царь Митридат окажет вам помощь и содействие против италийцев), или разорвите эту притворную с нами дружбу, или пойдемте в Рим на суд».

Вот что сказал Пелопид; римляне нашли его речи чересчур дерзкими и приказали Митридату воздержаться от войны с Никомедом и с Каппадокией (ибо, как они сказали, они сами восстановят в ней Ариобарзана), а Пелопиду вновь приказали уйти из лагеря и больше не являться уже к ним послом, если царь не выполнит данных ему приказаний.

Они дали ему такой ответ, и при его отправлении вместе с ним отправили стражу, чтобы по дороге он не мог никого возбудить против них.

17. После этих переговоров, не дождавшись решения сената или народного собрания относительно столь значительной войны, они стали собирать войско из Вифинии, Каппадокии, Пафлагонии и из галатов, живших в Азии. Когда у них их собственное войско, которое было у Люция Кассия, правителя Азии, было уже готово, и собрались все союзные войска, они разделили всю массу солдат и стали тремя лагерями: Кассий в середине Вифинии и Галатии, Маний — там, где Митридату был наиболее легкий путь вторжения в Вифинию, а Оппий, второй военачальник, — у границ Каппадокии, имея каждый из них по 4000 всадников и пехоты около 40 000. Был у них и флот из кораблей, которыми командовали около Византии Минуций Руф и Гай Попилий, охранявшие вход в Понт. Вместе с ними был и Никомед, командуя другими 50 000 пеших и 6 000 всадников. Столь значительное войско было уже собрано у них. У Митридата его собственного войска было 250 000 и 40 000 всадников; военных судов с крытой палубой 300 и с двумя рядами весел 100 и соответственно все остальное к ним оборудование; военачальниками у него были два брата — Неоптолем и Архелай, но над большей частью войска командовал сам царь. Вспомогательные войска привел к нему сын самого Митридата Аркафий из Малой Армении — 10 000 всадников и Дорилай... выстроенных в фаланги, а Кратер — 130 боевых колесниц.

Таковы были приготовления с обеих сторон, когда в первый раз выступили друг против друга римляне и Митридат. Было это около 173-й олимпиады.

18. Впервые увидели друг друга Никомед и военачальники Митридата на широкой равнине у реки Амнейона и тотчас выстроились в боевой порядок; Никомед вывел всех своих, Неоптолем и Архелай — только легковооруженных и тех всадников, которых имел с собою Аркафий, и несколько боевых колесниц, так как фаланга еще только подходила. Чтобы не быть окруженными вифинцами, намного превосходившими их численностью, военачальники Митридата послали небольшой отряд на ранее захваченный ими скалистый и крутой холм на равнине. Но когда Неоптолем увидел, что они сброшены с этого холма, то, боясь быть окруженным, он стремительно бросился им на помощь, приглашая вместе с собой и Аркафия. Заметив это, и Никомед в свою очередь двинулся против него; здесь произошло сильное сражение и кровопролитие. Так как Никомед, обладая большими силами, стал одолевать, то войско Митридата начало отступать, до тех пор пока Архелай, зайдя с правого фланга, не напал на преследующих. Тогда они обратились против него. Он же понемногу стал отступать, чтобы войска Неоптолема могли остановиться и возвратиться после бегства. Когда Архелай заметил, что они собрались с силами, он перешел в наступление и, сильным натиском бросив против вифинцев колесницы с косами, стал их рубить и рассекать кого на две, а кого и на много частей. Это обстоятельство повергло в ужас войско Никомеда, когда они увидели людей, разрезанных пополам и еще дышащих, или растерзанных в куски, а их тела повисшими на колесницах. Вследствие отвращения перед таким зрелищем, скорее, чем вследствие поражения в битве, они в ужасе смешали свои ряды. На них, приведенных в беспорядок, Архелай стал наступать с фронта, а Неоптолем и Аркафий, вернувшись из бегства, напали с тылу. Они долгое время защищались, повернувшись против тех и других; но, когда большая часть войска была перебита, Никомед с оставшимися бежал в Пафлагонию; фаланге Митридата даже не пришлось вступить в дело. У Никомеда был захвачен его лагерь с большим количеством денег и громадное число пленных. Их всех Митридат помиловал и, дав денег на дорогу, отпустил домой, создавая себе у врагов славу милосердия.

19. Таково было первое сражение в войне с Митридатом; римские военачальники были испуганы, так как приступили к столь значительной войне необдуманно и опрометчиво и не получив полномочий от римского сената. Победу одержало войско немногочисленное над превосходящим его много численностью не вследствие какой-либо сильной позиции или ошибки неприятеля, но благодаря военачальникам и храбрости войска. Никомед стал лагерем рядом с Манием, Митридат удалился на гору Скоробу, которая является границей Вифинии и Понтийской земли. Его передовой отряд, сто савроматских всадников, встретившись с 800 всадников Никомеда, некоторых из них взял в плен. Их также Митридат отпустил домой, снабдив деньгами. Когда Маний хотел незаметно уйти, то Неоптолем и Неман из Армении застигли его сначала около местечка Пахия в седьмом часу,—Никомед уже ушел к Кассию,—и принудили вступить в битву; конницы у него было 4 000, пехоты же в десять раз больше. Убив из этого войска тысяч десять, они взяли живыми в плен 300 человек; равным образом и этих, приведенных к нему, Митридат отпустил, приобретая тем популярность среди врагов. Лагерь Мания был взят, и сам он, убегая, с наступлением ночи ушел к реке Сангарию и спасся в Пергам. Кассий, Никомед и другие бывшие тут римские послы перенесли свой лагерь на Леонтокефалею, самое укрепленное место Фригии. Тут они стали обучать недавно набранное войско, состоявшее из ремесленников, земледельцев и частных лиц, и производить для своего войска набор по Фригии. Так как ни те, ни другие не выказывали большой готовности, то военачальники отказались от мысли вести войну с таким невоинственным войском, и, распустив его, удалились: Кассий—в Апамею со своим войском, Никомед—в Пергам, Маний—на Родос. Те, которые стояли у устья Понта, услышав об этом, удалились и передали Митридату ключи от Понта и корабли, которые они имели.¹

20. Так Митридат одним этим стремительным натиском захватил все царство Никомеда. Он стал объезжать его и устанавливать порядок в городах. Войдя во Фригию, он завернул в стоянку Александра, считая для себя счастливым предзнаменованием, что там, где остановился Александр, там стал лагерем и Митридат. Затем он проехал и по остальным местам Фригии, по Мисии и по Азии, по всем тем местам, которые недавно были захвачены римлянами, и, послав войска по окружающим странам, он подчинил себе Ликию и Памфилию и все местности до Ионии. Только жители Лаодикеи, той, что на реке Лике, продолжали ему сопротивляться: дело в том, что римский полководец Квинт Оппий с некоторым числом всадников и наемников бежал в этот город и его охранял. Тогда Митридат, послав глашатая к стенам города, велел ему объявить, что царь Митридат обещает лаодикийцам неприкосновенность, если они приведут к нему Оппия. Горожане, согласно этому заявлению, позволили наемникам Оппия уйти беспреставственно, самого же Оппия привели к Митридату, в насмешку заставив дикторов итти перед ним. Митридат не причинил ему никакого зла и повсюду возил его с собою без оков, но вместе с тем показывая всем римского военачальника.

21. Немного времени спустя он взял в плен Мания Ацилия, наиболее виновного из всего этого посольства в этой войне. Его, связанного, он всюду возил на осле, громко объявляя зрителям, что это Маний; наконец, в Пергаме велел влить ему в горло расплавленное золото, с позором указывая этим на римское взяточничество. Поставив сатрапов над всеми этими племенами, он явился в Магнесию, Эфес и Митилену; все они дружественно приняли его, а жители Эфеса разрушили бывшие у них статуи рим-

¹ Критически сомнительное место.

лян, за что немного спустя они понесли наказание. Возвращаясь из Ионии, он взял Стратоникею, наложил на нее денежный штраф и поставил в город гарнизон. Увидав здесь красивую девушку, он взял ее себе в жены. И если кому интересно узнать ее имя, это Монима, дочь Филопмена. С магнетами, пафлаганцами и ликийцами, еще продолжавшими бороться против него, он воевал при помощи своих военачальников.

22. Таково-то положение было дел у Митридата. Римляне же с того момента, как они только узнали о первом его вторжении и нападении на Азию, решили идти на него войной, хотя они были очень заняты непрерывными восстаниями в Риме и тяжелой внутренней войной, так как Италия почти вся часть за частью восставала против них. Консулы бросили между собой жребий и жребий достался Корнелию Сулле принять власть над Азией и вести войну с Митридатом. Не имея денег, чтобы дать ему, они постановили продать то, что царь Нума Помпилий назначил как жертвенные дары богам. Столь велика была тогда нужда во всем и вместе с тем стремление поддержать честь своего имени. Им удалось продать кое-что и собрать тысяч девять фунтов золота, которое они только и дали на ведение столь большой войны.

Сулле еще долгое время задержали внутренние восстания, как я это уже описал в истории гражданских войн. В это время Митридат строил против родосцев очень много кораблей и всем сатрапам и начальникам городов послал тайный приказ: выждав тридцать дней, сразу всем напасть на находящихся у них римлян и итальянцев, на них самих, на их жен и детей и отпущенников, которые будут итальянского рода, и, убив их, бросить их без погребения, а все их имущество поделить с царем Митридатом. Он объявил и наказания тем, кто их будет хоронить или укрывать, и награды за донос тем, кто изобличит или убьет скрывающихся; рабам за показание против господ—свободу, должникам по отношению к своим кредиторам—половину долга. Такой тайный приказ он послал одновременно всем, и когда наступил этот день, то по всей Азии можно было видеть самые разнообразные картины несчастий. Из них я укажу следующие.

23. Жители Эфеса тех, которые бежали в храм Артемиды и обнимали изображение богини, убивали, отрывая от статуй. Жители Пергама бежавших в храм Асклепия и не желавших оттуда уходить убивали стрелами, когда они сидели, обняв статуи богов. Адрамиттийцы, выйдя в море, убивали тех, которые собирались спастись вплавь, и топили в море маленьких детей. Жители Кавна, после войны с Антиохом ставшие подданными и данниками родосцев и незадолго до этого от римлян получившие свободу, оттаскивая от статуи Гестии тех римлян, которые бежали в храм Гестии в здании Совета, сначала убивали детей на глазах матерей, а затем и их самих, и вслед за ними и мужчин. Жители Тралл, не желая стать собственноручными исполнителями такого преступления, наняли для выполнения этого дела пафлагонца Феофила, человека дикого, и Феофил, собрав всех римлян вместе в храм Согласия, стал их там убивать и у некоторых, обнимавших статуи богов, отрубал руки. Такое бедствие постигло бывших в Азии итальянцев и римлян, всех вместе—и мужчин, и детей, и женщин, и вольноотпущенных, и их рабов, которые были итальянского происхождения. И в этом случае особенно было ясно, что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершала против них такие ужасные поступки.

Но они понесли двойное наказание; во-первых, со стороны самого Митридата, вскоре проявившего против них свой вероломный характер, склонный к насилию, а во-вторых, позднее со стороны Корнелия Суллы. Митридат же отплыл на остров Кос, и жители Коса приняли его с радостью.

Он захватил там сына Александра, царя египетского, оставленного тут с большими деньгами бабкой его Клеопатрой, и содержал его по-царски. Из богатств Клеопатры большое количество царских сокровищ, камни, женские украшения и большую сумму денег он отправил в Понт.

24. В это время родосцы укрепляли свои стены и свои гавани и на всех местах ставили военные машины. С ними вместе сражались некоторые из телмисейцев и ликийцев. Итальяцы, все те, которые успели раньше бежать из Азии, все собрались на Родосе и с ними проконсул Азии Люций Кассий. Когда Митридат выступил на кораблях против них, они разрушили предместья города, чтобы от них не было врагам никакой пользы, и двинулись против него для морской битвы. Одни их корабли шли лобовой атакой, другие заходили с флангов. Царь Митридат, плывя сам на пентере, велел своим, вытянувшись в открытое море, захватить во фланг, и, так как они были более быстроходны, он приказал окружить неприятельские суда, бывшие более малочисленными. Тогда родосцы, испугавшись, что будут окружены, стали понемногу отступать, а затем, и совсем повернув в тыл, бежали в свою гавань и, закрыв ее заградительными цепями, стали сражаться с Митридатом со стен. Митридат стал лагерем рядом с городом; он не раз делал попытки напасть на гавань, но терпел неудачу; тогда он стал дожидаться, чтобы к нему пришло из Азии его пешее войско. За это время происходили частые, но небольшие стычки со сторожащими стены, и так как в этих стычках родосцы одерживали верх, они понемногу осмелели и держали свои суда наготове, чтобы, если встретиться какой-либо благоприятный случай, напасть на неприятеля.

25. Раз как-то царское грузовое судно плыло под парусами мимо гавани; родосцы выпустили против него бирему, и так как с обеих сторон на помощь им спешно устремились другие суда, то произошло сильное морское сражение. Митридат теснил их своей стремительностью и многочисленностью судов, родосцы же с большим искусством окружали его мелкие суда и пробивали их, так что вернулись в гавань, ведя с собою на канате триэру со всем экипажем и много украшений с носов кораблей и снятую с врагов добычу. Одна их пентера была захвачена неприятелями; не зная этого, родосцы выплыли на поиски ее на шести наиболее быстроходных судах; на них плыл их наварх Дамагор. Митридат выслал против него двадцать пять судов. До наступления темноты Дамагор уходил от них; когда уже смерклось, он напал на царские суда, повернувшие назад, и два из них потопил, два других загнал в Ликию и, целую ночь проплавав в море, к утру вернулся назад. Таков был конец морского боя между родосцами и Митридатом сверх всякого ожидания для родосцев при их малочисленности, а для Митридата—при большом числе его кораблей. Во время сражения, когда царь плыл мимо своих кораблей и побуждал своих, хиосский союзный корабль в сутолоке ударил в царский корабль¹, который и дал течь. Царь, сделав тогда вид, что он ничего не заметил, впоследствии наказал и рулевого, и подштурмана, и почувствовал гнев ко всем хиосцам.

26. Когда в эти же дни плыло к Митридату его пешее войско на грузовых судах и триэрах, то сильный ветер, внезапно поднявшийся от Кавна (северный ветер), занес флот в Родос. Родосцы, с возможной быстротой выплыв из гавани, когда флот Митридата боролся с волнением и был еще рассеян по морю, напали на суда; одни захватили и привязали канатами, пробили другие и зажгли третьи, и взяли в плен человек триста. После этого Митридат стал готовиться ко второй морской битве и одновременно к штурму. Он стал строить некую «замбуку»—огромное военное сооружение, которое везли на двух кораблях. Так как перебежчики

¹ Критически сомнительное место.

указали ему легко доступный холм, где стоял храм Зевса Атабирия, и городские стены на нем были невысокие, он ночью посадил войско на корабли, другим же, раздав лестницы, велел и тем и другим двигаться в молчании, пока им не будет дан знак огнем с Атабирия; а тогда всем вместе с елико возможным криком одним нападать на гавань, другим стараться взойти на стены. И действительно, они приближались в глубоком молчании; но сторожевые посты родосцев заметили то, что готовятся, и дали знать (своим) при помощи огня. Войско же Митридата, сочтя, что это и есть тот (обещанный) знак огнем с Атабирия, после глубокого молчания все вместе закричали—как те, которые несли лестницы, так и весь экипаж с кораблей. Родосцы сами без страха ответили им таким же криком и все поднялись на стены. Таким образом, войска царя не получили никакого успеха ночью, а с наступлением дня, отбитые, вернулись назад.

27. Самбука, подведенная к стене, там, где стоял храм Изиды, особенно напугала родосцев, так как одновременно она выкидывала много стрел, таранов и дротиков. В то же время солдаты на многих мелких судах суетились¹ около нее, как бы желая с ее помощью подняться на стены. Но родосцы выдержали и это нападение со стойкостью, пока это сооружение от тяжести не свалилось, причем показалось, что образ Изиды выбросил против него великий огонь. Потерпев неудачу и в этой попытке, Митридат снял свой лагерь от Родоса и, окружив своим войском Патары, он стал для сооружения военных машин рубить рощу Латоны, но, испуганный сновидением, даже материал оставил нетронутым; Пелопиду он поручил войну с ликийцами, Архелая же послал в Элладу, поручив ему любыми средствами или добиться дружественных отношений с ней или принудить ее к этому силой. Сам же он с этого времени, поручив большую часть походов своим восначальникам, занимался набором войск, их вооружением, наслаждался жизнью с женой своей Стратоникой и производил суд над теми, которые, как говорили, покушались на его жизнь или стремились к государственному перевороту или вообще были сторонниками римлян.

28. Такими делами был занят Митридат, в Элладе же происходило вот что. Отплыв с большим количеством провианта и кораблей, Архелай, о боем одержав решительную победу, захватил Делос, отпавший от афинян, и другие укрепленные места. Убив здесь до 20 000 человек, из которых большинство было италийцев, он передал эти укрепленные пункты афинянам. Этими действиями, а также и в других отношениях распространяя славу о Митридате и превознося его до небес, он привлек их к союзу с царем. Священные деньги с Делоса он направил им при посредстве Аристиона, афинянина родом, послав для охраны этих денег около 2 000 человек. Воспользовавшись всем этим, Аристион стал тираном у себя на родине и из афинян одних убил немедленно, как сторонников римлян, других же отослал к Митридату; так поступил человек, прошедший эпикурейскую философскую школу. Но ведь не он один был таким тираном в Афинах; и не только раньше его Критий и те, которые были сотоварищами Крития по философии, но такими тиранами были и в Италии принадлежавшие к пифагорейской школе и во всей остальной Элладе те из так называемых семи мудрецов, которые приняли участие в государственных делах, властвовали и проявляли тираническую власть более жестоко, чем простые тираны, так что и относительно других философов становится неясным и подозрительным, вследствие ли высоких нравственных достоинств или вследствие бедности и того, что им не удалось пристроиться к государственной деятельности, они философию сделали себе

¹ Критич.: плавали.

утешением. Так и теперь многие из них, оставаясь частными людьми и бедными и, вследствие этого, по необходимости предавшись философии, высказывают горькие упреки по адресу богатых и стоящих у власти, заставляя подозревать в них не столько презрение к богатству или власти, сколько проявление зависти. Гораздо мудрее поступают те, кто не обращает внимания на их злословие.

Пусть же считают, что все это сказано мною по поводу философа Аристиона, так как он был виновником отступления в моем изложении.

29. К Архелаю присоединились ахейцы и жители Лаконии и вся Беотия за исключением Феспий, которые он окружил и стал осаждать. В то же самое время Метрофан, посланный Митридатом с другим войском, опустошал Эвбею, Деметриаду и Магнесию, не ставшие на сторону Митридата. В это же время Бреттий, двинувшись из Македонии с небольшим войском, вступил с ним в морское сражение и, потопив у него корабль и быстроходное судно, убил всех бывших на нем на глазах у Метрофана. Последний, испугавшись, обратился в бегство. Так как ветер был попутным для Метрофана, то Бреттий его не захватил, зато взял Скиаф, город, где у варваров хранилась добыча; некоторых их рабов он повесил, а у свободных отрубил руки. Затем он обратился к Беотии и, когда к нему пришли из Македонии другие 1000 человек конных и пеших, он около Херонеи три дня сражался с Архелаем и Аристионом. В общем результат этого сражения был нерешительным при равном успехе. Так как согласно союзу к Архелаю и Аристиону пришли лаконяне и ахейцы, Бреттий, считая, что он не будет в состоянии сражаться с ними со всеми, стал двигаться к Пирею, но Архелай, двинувшись с флотом, захватил и его.

30. Сулла, выбранный римлянами вождем для войны с Митридатом, только теперь переправился из Италии в Элладу с пятью легионами и несколькими манипулами и отрядами конницы и тотчас стал собирать в Этолии и Фессалии деньги, союзников и продовольствие; когда он решил, что всего этого у него достаточно, он направился в Аттику против Архелая. Когда он проходил по Беотии, то Беотия вся перешла на его сторону, за исключением немногих; в том числе был и большой город Фивы, который очень легкомысленно стал на сторону Митридата против римлян, но еще скорее, раньше чем дело дошло до серьезного испытания, от Архелая перешел на сторону Суллы. Придя в Аттику, Сулла послал часть войск к городу осаждать Аристиона, а сам спустился к Пирею, где был Архелай и где за стенами держались враги. Высота этих стен была до 40 локтей и сделаны они были из больших четырехугольных камней. Соорудил их Перикл, когда он был военачальником у афинян против пелопоннесцев: полагая в Пирее всю надежду на победу, он так усиленно укрепил его. Несмотря на такую высоту стен, Сулла пододвинул лестницы; он совершил много подвигов, но потерпел и много неудач, так как каппадокийцы защищались храбро; утомленный, он удалился в Элевсин и Мегару и стал сооружать там военные машины против Пирея и задумал подвести к нему земляную насыпь. Рабочих, все оборудование, железо, катапульты и все другое подобного рода он получал из Фив, он срубил рошу Академии и соорудил огромные осадные машины. Длинные же стены он разрушал, употребляя камень, дерево и землю для насыпи.

31. Двое аттических рабов из Пирея—или действительно сторонники римлян, или предусмотрительно приготавливавшие себе убежище на всякий случай,—сделав из свинца шары, делали на них надписи о том, что предпринимается против римлян, и бросали их из пращей. Когда это происходило много раз и было замечено, Сулла обратил внимание на бросаемые из пращи свинцовые шары и нашел на них запись, что на следующий день пехота выйдет прямо фронтом на работающих,

а всадники бросятся с обеих сторон на оба фланга римлян. И вот он скрыл достаточный отряд войск, и когда враги сделали вылазку, которая, как они думали, была вполне неожиданной, Сулла, двинув на них еще более неожиданно скрытое войско, многих из них убил, а других сбросил в море. Таков был исход этой попытки. Когда насыпь стала сильно подниматься кверху, Архелай в свою очередь стал сооружать башни и поставил на них много орудий для защиты и послал за вспомогательными силами из Халкиды и других островов и вооружил даже гребцов, как будто бы опасность достигала высшей степени. Войско Архелая было вообще (и прежде) многочисленнее войска Суллы, а после этого еще более превосходило его числом; и вот среди ночи Архелай, сделав стремительную вылазку, сжег одну из двух сооруженных «черепах» и все находящиеся в ней приспособления. Но дней через десять Сулла опять сделал другую и опять поставил на то же место, где стояла первая. Против нее Архелай поставил на стенах башню.

32. Когда к нему прибыло от Митридата другое войско, которым командовал Дромихет, Архелай вывел всех на сражение. Примешав к их рядам пращников и стрелков из лука, он поставил их у самой стены, с тем чтобы и те, которые охраняют стену, могли поражать врагов. Другие же у него с зажженными факелами¹ под воротами выжидали удобного для вылазки времени. Долгое время сражение было нерешительным, так как поочередно отступали то одни, то другие, прежде всего варвары, но Архелай, удержав их, вновь двинул в бой. Испуганные этим, римляне в свою очередь стали отступать, но Мурена, встретив их, заставил их повернуть назад. Другой легион, вернувшийся с заготовок леса, а с ними и штрафные, застав это сражение, со всем рвением очень решительным натиском напали на войско Митридата и убили из него около 2000 человек, а остальных загнали за стены. Архелай, который старался вновь повернуть их на врагов и вследствие рвения долгое время оставался в бою, был отрезан от ворот и поднят на стену на обрывке веревки. Сулла же со штрафных, как блестяще сражавшихся, снял позор бесчестия, а остальных одарил большими подарками.

33. Так как наступала уже зима, то Сулла, расположив свое войско лагерем в Элевсине, стал вести с возвышенности глубокий ров к морю, чтобы коннице врагов не было так удобно нападать на него. Пока он был занят этой работой, у него каждый день происходили столкновения—то у рва, то у стен, так как враги часто выходили, пуская в ход камни, стрелы и свинцовые ядра. Так как Сулла нуждался в кораблях, он послал за ними на Родос. Но ввиду того, что родосцы не могли переправиться к нему, ибо Митридат был владыкой моря, Сулла приказал Лукуллу, человеку из знатного римского рода, который после Суллы был военачальником в войне с Митридатом, тайно переправиться в Александрию и Сирию и собрать у царей, обладающих флотом приморских городов, корабли, чтобы провести флот родосцев. Хотя море было в руках неприятелей, тем не менее Лукулл не задумываясь сел в маленькое суденышко и, пересаживаясь затем с одного корабля на другой, чтобы скрыть свои следы, прибыл в Александрию. 34. Те же предатели из-за стен, вновь написав на свинцовой табличке, что этой ночью Архелай пошлет в город афинянам, мучимым голодом, солдат с грузом, бросили ее из пращи; Сулла, устроив засаду, захватил и хлеб, и несших его. В тот же самый день Мунаций около Халкиды разбил Неоптолема, второго военачальника Митридата, убил до 1500 человек и взял в плен еще большее число врагов. Немного времени спустя ночью, когда сторожа еще спали, римляне, пододвинув при

¹ Или огнеметными приспособлениями.

помощи машин лестницы к Пирею, взошли на стену и перебили ближайшую стражу. Тогда одни из варваров тотчас соскочили в Пирей, покинув стены, как будто бы они целиком были захвачены; другие же, перейдя в нападение, убили начальника ворвавшихся, а остальных вновь выгнали за стены. А некоторые, сделав даже вылазку через ворота, едва не сожгли второй башни римлян; но Сулла, быстро двинувшись из лагеря и упорно сражаясь в течение целой ночи и на следующий день, отстоял ее. И на этот раз варвары отступили, но Архелай поставил на стене другую огромную башню, напротив башни римлян, и они вели друг с другом бой с этих башен, взаимно осыпая друг друга частым дождем всякого рода метательных снарядов; наконец, Сулла при помощи катапульта, выпускающих сразу по двадцать очень тяжелых свинцовых ядер, перебил многих, расшатал башню Архелая и сделал ее неустойчивой, так что Архелай, опасаясь ее падения, тотчас велел убрать ее со стены вниз.

35. Когда заключенные в городе еще сильнее стали страдать от голода, то брошенные свинцовые пластинки опять сообщили римлянам, что Архелай ночью пошлет в город продовольствие. Архелай, подозревая, что римлянам делается сообщение относительно хлеба и что есть предательство, тем не менее отправил хлеб, но поставил людей у ворот с огнем, чтобы сделать нападение на римлян, если Сулла направится с войском на идущих с хлебом. И обоим удалось их предприятие: Сулле—захватить несших хлеб, Архелая же—сжечь некоторые из римских сооружений. В то же время и Акафий, сын Митридата, вторгшись в Македонию с другим войском, легко одержал победу, так как римлян там было мало, подчинил всю Македонию и, поручив ее сатрапам, сам двинулся против Суллы, но захворал и умер скоро Тисей. В Аттике же у города, который ужасно страдал от голода, Сулла соорудил много маленьких укреплений, чтобы никто не мог оттуда убежать и чтобы население еще больше страдало вследствие скученности.

36. В Пирее же, подняв насыпь на достаточную высоту, Сулла стал пододвигать машины. Но Архелай подкопался под насыпь и долгое время незаметно уносил землю; насыпь стала внезапно оседать. Римляне успели быстро это заметить, оттащили назад машины и заполнили насыпь. Тем же способом они в свою очередь подрывались под стену, пользуясь их же следами; и вот подземлей они сталкивались друг с другом и сражались врукопашную мечами и копьями, поскольку это было возможно в темноте. Одновременно с этим и Сулла с насыпи при помощи многих сооружений бил таранами в стену, пока часть ее не упала; желая сжечь находящуюся недалеко башню, он стал пускать в нее много зажигательных снарядов и самых храбрых из воинов послал с лестницами. При величайшем напряжении с обеих сторон башня в конце концов загорелась, и Сулла, разрушив небольшую часть стены, тотчас же поставил там сторожевое укрепление; подкопанные основания стены, державшиеся только балками, были наполнены серой паклей и смолой и тотчас же все подожжены. Одна за другой части стен стали падать, увлекая с собой стоящих наверху стен воинов. Это огромное и внезапно возникшее со всех сторон смятение напугало защитников стен, как будто бы и та стена, которая была у них под ногами, тотчас упадет. Поэтому они с беспокойством оглядывались во все стороны; страх заставлял их смотреть на всё с подозрением, и потому они слабо сражались с врагами.

37. На находящихся в таком состоянии воинов Сулла наседал без передышки, но при этом он всё время сменял уставших, приводя всё новые и свежие отряды с лестницами; они, поднимая крик, побуждали своих к новому бою; и Сулла одновременно подбодрял их, то грозя, то уговаривая, что в такой короткий промежуток времени

для них решится исход всего похода. Но и Архелай в свою очередь двинул другие войска вместо пришедших в смущение; и он все время вновь и вновь возобновлял сражение, одновременно зывая и побуждая всех своих, что «еще немного, и спасение для них обеспечено». Вновь с той и другой стороны у всех проявилась огромная энергия и пыл; готовность к бою и потери с обеих сторон были одинаковы и равноценны. Но Сулла, понеся большие потери, как нападавший извне, отозвал трубным сигналом войско и, к удивлению¹ многих, отвел его назад. А Архелай тотчас же ночью стал восстанавливать упавшую часть стены, причем он изнутри возвел многие укрепления в виде полумесяца. На эти новопостроенные стены Сулла еще раз пытался сделать нападение всем войском, считая, что пока они еще сырые и слабые, он легко их разрушит. Но, попав в затруднительное положение, как это естественно в узком месте, и поражаемый сверху по фронту и с флангов, так как укрепления были в виде полумесяца, от отказался совершенно от мысли взять Пирей приступом и перешел к осаде, чтобы подчинить его себе голодом.

38. Заметив, что находящиеся в городе испытывают все большую и большую нужду, что они перерезали весь скот, что они варят шкуры и содранные кожи и жадно поедают отвар, а некоторые из них поедают и мертвых, Сулла приказал всему войску обвести город рвом, чтобы даже поодиночке никто не мог бежать оттуда и скрыться. Когда это было выполнено по его приказанию, он одновременно придвинул лестницы и стал подрывать стены. Когда тотчас же произошло бегство, как это и естественно для ослабевших людей, Сулла ворвался в город, и в Афинах началось ужасное и безжалостное избиение. Ни бежать они не могли вследствие истощения, ни пощады не оказывалось ни детям, ни женщинам—Сулла приказал всех попадавшихся на пути избивать в гневе на их поспешный и нелепый переход на сторону варваров и раздраженный их неумеренными оскорблениями. Очень многие, услышав об этом приказе, сами бросались к убийцам, чтобы они скорее выполнили свое дело. Лишь у немногих хватило сил бежать в Акрополь; вместе с ними бежал и Аристион, сжегши Одеон, чтобы у Суллы не было готового уже деревянного материала для осады Акрополя. Сулле удалось остановить пожар города, но зато он отдал его на разграбление войску. И римские воины во многих домах находили человеческое мясо, приготовленное для еды. На следующий день Сулла продал рабов; свободным же, которые в течение прошлой ночи не успели быть убитыми,—их было очень мало,—он объявил, что дарует свободу, но право голосования, камешками ли, поднятием ли рук, он отнимает, так как они воевали с ним, но их потомкам он обещал вернуть это право.

39. Так в полной мере беды постигли Афины. Сулла поставил гарнизон в Акрополе, так как Аристион и бежавшие сюда вместе с ним под гнетом голода и жажды в скором времени сдались. Из них Аристиона и его свиту, равно и тех, которые несли какую-либо официальную должность или совершили что-либо против того, что было раньше установлено, когда Эллада была завоевана римлянами,—этих Сулла наказал смертью; других же он пощадил и установил для всех них законы, близкие к тем, которые раньше были определены им римлянами. Из Акрополя было вывезено золота около 40 фунтов, а серебра—около 600.

Но эти события в Акрополе произошли несколько позднее. 40. Как только город был взят, Сулла не стал ждать, пока он сможет взять Пирей осадой, но двинул против него стенобитные орудия, метательные орудия

¹ Другие конъектуры: 1) и с большим числом раненых; 2) потеряв многих; 3) к удивлению неприятелей.

и стрелков, двинул и большое количество людей, которые под прикрытием черепаш стали подкапывать стены, также и когорты воинов¹, которые, пу-ская копьа и стрелы в стоящих на стенах, часто их поражали. И он подкопал и разрушил стены в виде полумесяца, которые были еще очень сырыми и слабыми, так как недавно были построены. Так как Архелай предвидел это и раньше, то перед ними внутри укреплений он выстроил много подобных же укреплений, и Сулле приходилось непрерывно вести бой, так как он попадал с одного укрепления на другое такое же; но он был утомим в своей настойчивости; он часто сменял (утомленные) войска и, обходя солдат, побуждал их к работе, указывая на то, что в том небольшом усилии, которое им остается сделать, заключается выполнение всех их упований и надежд на добычу. Да и сами воины, считая, что это действительно конец их трудов, и горя честолюбивым желанием совершить это великое и славное дело—овладеть столь крепкими стенами, прилагали все старания, так что Архелай, пораженный их бешеной и безумной настойчивостью, отдал в их власть стены и спешно отступил в сильно укрепленную и омываемую морем часть Пирея, где Сулла, не имея кораблей, не мог попытаться на него напасть.

41. Отсюда Архелай отправился в Фессалию через Беотию и собрал в Фермопилах остатки всего своего войска, с которым он сюда пришел, так же как и того, которое было у Дромихета. Он объединил и то, которое вторглось в Македонию с Аркафием, сыном царя (Митридата), которое тогда было наиболее сильным и полным, и всех тех, которых Митридат все время посылал на подкрепление; ведь он их посылал непрерывно. Всех их он собирал со всякой поспешностью. В это время Сулла сжег Пирей, который доставил ему еще больше неприятностей, чем город (Афины), не пощадив ни арсенала, ни верфей, ни какое либо другое из прославленных строений. А затем он двинулся против Архелая, тоже через Беотию. Когда они подошли близко друг к другу, то те, которые недавно были у Фермопил, отошли к Фокиде; то были фракийцы, жители Понта, скифы, каппадокийцы, вифинцы, галаты и фригийцы и жители других стран, которые недавно были завоеваны Митридатом,—всего 120 000 человек. Начальники у них были над каждой частью свои собственные, над всеми же главнокомандующим был Архелай. Сулла вел с собою италийцев, тех эллинов или македонян, которые недавно перешли к нему от Архелая, а также кое-кого из соседних городов; все вместе они не составляли даже третьей части неприятельского войска.

42. Когда они оказались друг против друга, то Архелай выстраивал войско в боевой порядок, все время вызывая на сражение, Сулла же медлил, принимая во внимание местные условия и количество неприятелей. Когда же Архелай стал уходить к Халкиде, он пошел следом за ним, поджидая удобного времени и места. Когда же он увидел, что Архелай стал лагерем около Хероней на покато́м месте, откуда не было никакой возможности уйти, если им не будет одержана победа, он сам, заняв поблизости широкую равнину, тотчас вывел свое войско для сражения, чтобы заставить Архелая принять его даже против воли. Позади римлян простиралась ровная и гладкая как для преследования, так и для отступления равнина, а у Архелая в тылу были крутые горы, которые не позволяли нигде сразу пустить в дело все войско, так как на такой неровной местности он не имел возможности выстроить его всё; в случае же поражения отступление по кручам было невозможно. На основании таких соображений, полагаясь больше всего не неудобство места, Сулла стал здесь насту-

¹σπεῖρας—очень может быть какое-либо осадное оружие вроде баллисты; первое значение—«завиток змеи», выбрасывающей голову.

пать с тем, чтобы преимущество в численности не принесло Архелая никакой пользы; Архелай же не имел в виду, что ему придется здесь вступить в сражение, поэтому небрежно раскинул лагерь. Когда же Сулла уже начал наступление на него, он, в конце концов, слишком поздно поняв неудобство расположения, послал вперед отряд всадников, чтобы помешать передвижению Суллы. Когда же они были обращены в бегство и отброшены к крутым горам, он вновь послал шестьдесят колесниц (с косами), в надежде стремительным натиском порубить косами и разорвать фалангу неприятелей. Но римляне расступились перед колесницами, которые вследствие своей стремительности проскочили в задний ряд римлян, а так как они поворачивались с трудом, то были окружены находившимися в задних рядах и уничтожены их копьями и стрелами. 43. Но даже в этом случае Архелай мог бы спокойно защищаться в своем укрепленном лагере, причем ему даже крутые горы могли оказать известную помощь, но он со всей поспешностью стал выводить и старательно выстраивать все множество людей, не подготовленных предварительно к битве, будучи крайне стесненным на узком пространстве приближением Суллы. Прежде всего он выслал вперед конницу, которая сильным натиском разрезала фалангу римлян на две части, и затем ввиду малочисленности римлян стал легко их окружать. Римляне сильно отбивались, повернувшись во все стороны. Особенно трудно было римлянам, находившимся под начальством Гальбы и Гортензия, против которых стоял сам Архелай, так как варвары, находясь на глазах своего военачальника, наступали с особенной настойчивостью. Но тут Сулла двинулся на них с большим количеством всадников. По значкам военачальника и по поднятой большой пыли Архелай заключил, что приближается Сулла; поэтому он прекратил окружение и отступил в свой боевой строй. Сулла, ведя лучшую часть своей конницы и мимоходом захватив две свежие когорты, которые были им оставлены в засаде, напал на врагов, когда они еще не успели выпрямить свой круг и выстроиться твердо по фронту, и, приведя их в беспорядок, изрубил многих из них и стал преследовать обращенных в бегство. Когда здесь было положено начало победе, то и Мурена, который командовал левым крылом, не стал медлить, но, стыдя тех, кто был около него, смело напал на врагов и в свою очередь стал их преследовать. 44. Когда оба крыла войска Архелая были уже обращены в бегство, то и центр не удержал своих рядов, и бегство стало всеобщим—и тут всё, что предполагал Сулла, свалилось на головы врагов. Не имея удобного места, чтобы развернуться для новой атаки, ни равнины для бегства, они были притиснуты преследовавшими их римлянами к отвесным скалам, и одни из них падали мертвыми на этом месте,¹ другие же, более благоразумные, бросились к лагерю. Но Архелай предупредил их, закрыв перед ними ворота,—это показало его полную неопытность при поражениях,—и велел им повернуться опять против неприятелей. Они охотно повернулись, но, не имея у себя ни военачальников, ни руководителей, чтобы выстроить их в порядке, не узнавая своих военных значков, брошенных, как это бывает в беспорядочном бегстве, они без труда были избиты: одни из них—врагами, так как не успели развернуться против них, другие же—своими собственными товарищами, так как они в беспорядке метались в большом количестве на узком пространстве. Они вновь бросились к воротам лагеря и толпились вокруг них, упрекая тех, которые не впускали. С упреками они указывали им на их общих отеческих богов, на другие их близкие отношения, говоря, что они погибают не столько от врагов, сколько от тех, которые с таким презрением не хотят их принять к себе. Наконец, Архелай, позднее чем

¹ Критич.: попадали в руки Суллы.

это было нужно, открыл ворота и принял их, воежавших туда в полном беспорядке. Увидав это, римляне, усиленно побуждая друг друга, бегом бросились вслед за бегущими, ворвались в лагерь и тем окончательно закрепили победу. 45. Архелай и остальные, успевшие бежать, собрались в Халкиде в числе не более 10 000 из войска в 120 000. У римлян потери считались в 15 человек, из которых двое опять поправились.

Таков был конец битвы при Херонее для Суллы и для Архелая, главнокомандующего Митридата; и для того и для другого этот столь важный результат получился, главным образом, вследствие предусмотрительности Суллы и неразумия Архелая. Сулла, в руках которого оказалось много пленных, оружия и другой добычи, собрав все ненужное в кучи, сам подпоясанный, как это в обычае римлян, сжег в честь божества войны, и, дав войску короткий отдых, двинулся с легковооруженными против Архелая к Эврипу. Так как у римлян не было кораблей, то Архелай без всякой опасности для себя объезжал острова и грабил прибрежные местности. Выйдя на берег в Закинфе, он стал лагерем около города. Несколько римлян, проживавших там, ночью напали на него; тогда он быстро опять сел на корабли и отплыл в Халкиду, более похожий на морского разбойника, чем на ведущего настоящую войну.

46. Известие о таком поражении в первый момент поразило Митридата ужасом; его охватил страх, как обыкновенно бывает при таком событии. Однако со всей поспешностью он стал собирать другое войско со всех покорных ему племен. Считая, что некоторые из них под влиянием этого поражения нападут на него или теперь, или когда представится какой-либо другой благоприятный случай, он собрал всех подозрительных для себя лиц, прежде чем война примет более острые формы, и в первую очередь тетрархов галатов, которые пришли к нему как друзья и не были ему подчинены; он велел убить¹ их всех с детьми и женами, кроме трех, которые успели бежать; одни из них были убиты из засады подосланными убийцами, другие погибли в одну ночь на пиру; Митридат считая, что ни один из них не сохранит ему верности, если приблизится Сулла. Он забрал себе всё их имущество, ввел в города гарнизоны и поставил над этим племенем в качестве сатрапа Эвмаха. Но оставшиеся в живых тетрархи, собрав войско из сельских местностей, тотчас же изгнали его из Галатии вместе с гарнизоном. Таким образом, Митридату удалось получить от галатов одни только деньги. Теперь пришла очередь Хиоса. На хиосцев он сердился еще с того времени, когда один из их кораблей во время морской битвы у Родоса неосторожно ударил (носом) в царский корабль. Сначала он конфисковал имущество тех из хиосцев, которые бежали к Сулле, затем послал людей, чтобы они произвели расследование, кто является сторонником римлян². И, в-третьих, наконец, Зенобий, ведя с собой войско, под предлогом, что он хочет перебраться его в Элладу, ночью захватил стены хиосцев и другие укрепленные места и, поставив у ворот стражу, велел объявить, чтобы иноземцы оставались спокойными, а хиосцы собирались на народное собрание, так как он намерен сообщить им нечто от имени царя. Когда они собрались, то он сказал им, что царь подозрительно относится к их городу из-за тех, которые держат сторону римлян, но что «он перестанет так относиться, если вы передадите оружие и в качестве заложников дадите детей виднейших из граждан». Хиосцы, видя, что их город взят, выполнили и то и другое требование. Зенобий отослал все это в Эритры, заявив, что царь пришлет хиосцам письменный приказ. 47. И вот от Митридата прибыло письмо, гласящее

¹ По сообщению Ливия, тут был открыт заговор на жизнь Митридата.

² Но можно понять: «где есть имущество римлян».

следующее: «Вы и теперь проявляете склонность к римлянам; и многие из вас и сейчас находятся у них, и вы пользуетесь имуществом римлян, не внося нам (приказанной) доли. Кроме того, в битве под Родосом ваша триера ударила в мой корабль и причинила ему повреждение. Я сам (без вашей просьбы) вменил это в вину одним только кормчим, давая вам случай спастись и почувствовать мое великодушие. И вот лучших своих граждан вы тайно послали к Сулле, и ни на кого из них вы не указали и не донесли мне, что они это сделали не по общему решению, а это вы должны были бы сделать, если бы вы не были их соучастниками. Тех, которые злоумышляли против моей власти, злоумышляли на мою жизнь, мои друзья присудили к смерти, я же вас наказываю штрафом в 2000 талантов». Таково было (суровое) содержание письма. Хиосцы хотели отправить к Митридату посольство, но Зенобий им этого не позволил. Так как оружие у них было отобрано, дети виднейших граждан взяты в качестве заложников, столь значительное варварское войско стояло в их городе, то они, стесняясь, стали сносить украшения храмов и все женские драгоценности для выполнения приказа о 2000 талантов. Когда они выполнили и это, Зенобий, обвиняя их, что нехватает весу, собрал их всех в театр, и, поставив войско с обнаженными мечами вокруг театра, заняв дороги от театра до моря, он повел туда хиосцев, вызывая каждого в отдельности из театра, и посадил на корабли, отдельно мужчин, отдельно их женщин и детей, причем конвой по варварскому обычаю позволял себе по отношению к ним оскорбления. Когда затем они были доставлены к Митридату, они были отправлены им к Понту Эвксинскому.

48. Так было поступлено с хиосцами. Когда Зенобий с войском подошел к Эфесу, то жители этого города предложили ему сложить оружие у ворот и войти в город с небольшим количеством провожающих. Он послушался их и, войдя в город, пошел к Филопемону, отцу Монины, любовницы Митридата, поставленному Митридатом в качестве наблюдателя над эфесцами, и объявил, чтобы эфесцы собрались к нему на собрание. Эфесцы, не ожидая себе от него ничего хорошего, перенесли это собрание на следующий день, ночью же, собираясь друг с другом и побуждая друг друга, бросили Зенобия в тюрьму и убили, заняли свои стены, распределили все население на отряды, собрали с полей все предметы питания и вообще поставили свой город на военное положение. Узнав об этом, жители Тралл, гипейбы, месополитяне (?)¹ и некоторые другие, боясь такого же несчастья, какое постигло хиосцев, поступили так же, как и жители Эфеса. Митридат послал войско против отпавших городов, и с теми, кого он захватил, он поступил со страшной жестокостью, но, боясь дальнейшего, он дал свободу греческим городам, объявил об уничтожении долгов, метеков в каждом городе сделал полноправными гражданами, а рабов—свободными, понадеявшись, как это и действительно случилось, что должники, метеки и рабы будут на его стороне, считая, что только под властью Митридата за ними неизменным останется дарованное право. В это время составили заговор против Митридата Миннион и Филотим из Смирны, Клисфен и Асклепиодот с Лесбоса; все они были люди, знакомые с царем, а Асклепиодот был даже некогда его близким другом. Доносчиком этого заговора оказался сам Асклепиодот, и для того, чтобы не было сомнений, дал возможность² из-под какого-то ложа услышать речи Минниона. Когда заговор был открыт, они были казнены после страшных мучений. Подозрение в подобного рода намерениях нависло теперь над многими. Когда из числа жителей Пергама было арестовано 80 человек, составивших такой

¹ Тимолитяне (?).

² Царю (?).

же заговор, и в других городах ряд других лиц, то Митридат послал повсюду своих людей, которые по доносам, в которых каждый указывал на своего врага, казнили до 1600 человек. В скором времени эти доносчики были захвачены Суллой и казнены, другие уже заранее сами на себя наложили руки, иные же бежали в Понт, к самому Митридату.

49. В то время, как такие события происходили в Азии, Митридат собрал войско в 80 000 человек, и это войско Дорилай повел в Элладу к Архелая, у которого оставалось от прежнего войска 10 000 человек. Сулла стоял лагерем против Архелая около Орхомена. Когда он увидал большое количество пришедшей против него конницы, он вырыл по равнине много рвов шириною в 10 футов, и, когда Архелай выступил против него, он в свою очередь развернул фронт. Так как римляне из-за страха перед конницей сражались слабо, Сулла, объезжая их, долгое время угрозами и угрозами побуждал к бою; но так как и таким образом он их не заставил приняться как следует за дело, он соскочил с коня и, схватив знамя, бросился вместе с отрядом своих телохранителей в середину между двумя войсками, воскликнув: «Если кто спросит вас, римляне, где вы преддали вашего вождя Суллу, скажите: когда он сражался под Орхоменом». Видя его в таком опасном положении, начальники отдельных отрядов выбежали из своих рядов, а с ними и остальная масса, устыдившись, и заставили отступить неприятелей. Когда победа стала склоняться на сторону римлян, Сулла, вновь вскочив на коня, стал объезжать войско, хвалить его и подстрекать рвение, пока, наконец, бой незакончился для них полной победой. Из вражеского войска погибло до 15 000 человек, из них приблизительно было 10 000 всадников, в том числе сын Архелая, Диоген. Пехота бежала в лагерь.

50. Боясь, как бы Архелай опять не убежал от него, как и раньше, в Халкиду, так как у самого Суллы не было кораблей, Сулла ночью поставил по всей равнине на известном расстоянии сторожевые отряды. С наступлением дня, на расстоянии не больше одного стадия от лагеря Архелая, он стал копать ров, причем Архелай не выступал против него. Тогда Сулла стал горячо убеждать свое войско последним усилием закончить войну, так как враги уже неспособны противостоять им, и повел их к валу Архелая. То же самое в свою очередь по необходимости происходило и у врагов: их предводители обходили свои отряды, указывали на угрожающую опасность и на позор, если они не отразят от вала врагов, уступающих в численности. Когда с обеих сторон поднялось стремительное наступление и крик, то и с той и с другой стороны было совершено много военных подвигов; римляне уже разрушили угол укрепленного вала, устроив себе над головами прикрытие из щитов. Тогда варвары, соскочив с укрепления внутрь этого угла, выстроились там, чтобы встретить мечами ворвавшихся туда. Никто не решался туда войти, пока Базилл, начальник легиона, первым не бросился туда и того, кто выступил против него, не убил. Тогда следом за ним бросилось и все войско; произошло бегство и избиение варваров; одни из них были захвачены, другие загнаны в близлежащее озеро, и, не умея плавать, они на своем непонятном варварском языке призывали тех, которые их бы убили. Архелай скрылся в каком-то болоте и, раздобыв маленькое судно, переправился в Халкиду. Все остальные войска Митридата, частично кое-где сохранившиеся, он спешно вызвал к себе.

51. На следующий день Сулла наградил венком начальника легиона Базилла и роздал другим богатые награды. Он разграбил Беотию, все время отпадавшую от римлян; перейдя в Фессалию, (он) там зазимовал, ожидая кораблей с Лукуллом. Не зная, где находится Лукулл, он стал строить другие. И это он делал несмотря на то, что Корнелий Цинна и

Гай Марий, его противники, объявили его в Риме врагом государства, разграбили его дом и его загородные имения и перебили его друзей. Но, несмотря на это, он не потерял своей власти, имея при себе послушное и энергичное войско. Цинна, выбрав себе в качестве товарища по консульству Флакка, послал его в Азию с двумя легионами вместо Суллы, как объявленного врагом государства, чтобы управлять Азией и воевать с Митридатом. Так как Флакк был неопытен в военном деле, то добровольно от имени сената с ним пошел человек, заслуживающий доверия в командовании войском, по имени Фимбрия. Когда они переправлялись морем из Брундизия, многие из их кораблей были раскиданы бурей, а отплывшие вперед были сожжены другим войском, посланным Митридатом. Так как Флакк был негодным человеком, жестоким в назначении наказаний и корыстолюбивым, то все войско от него отвернулось, и часть его, посланная вперед в Фессалию, перешла на сторону Суллы. Остальных Фимбрия, казавшийся им более подходящим для звания предводителя и более мягким, удержал от перехода на сторону Суллы.

52. Когда у Фимбрии на одной остановке за угощением произошел спор с квестором, и Флакк, будучи третейским судьей, вынес решение не в пользу Фимбрии, то Фимбрия, рассердившись, пригрозил, что вернется в Рим. Тогда Флакк назначил ему заместителя на то место, которое он занимал. Фимбрия, дождавшись пока Флакк отплывет в Халкедон, прежде всего отнял у Ферма, которого Флакк оставил своим заместителем, ликторские связки, под предлогом, что ему, Фимбрии, войско передало главное командование, а затем, когда вскоре разгневанный Флакк возвратился, он погнался за ним; Флакк бежал в какой-то частный дом и ночью, перелезши через стену, бежал в Халкедон, а оттуда в Никомедию и запер ворота; Фимбрия же, напав на него, убил его, спрятавшегося в колодце; человека, бывшего консулом римского народа и главнокомандующим в этой войне, убил человек, бывший частным лицом и последовавший за ним по его дружескому приглашению. Отрубив Флакку голову, он бросил ее в море, а остальное тело бросил без погребения и объявил себя предводителем войска. И он с успехом провел несколько сражений с сыном Митридата. Самого же царя он преследовал до самого Пергама, а когда тот бежал из Пергама в Питану, он пошел в наступление и окружил его валом, пока царь не бежал на кораблях в Митилену. 53. Фимбрия же, перейдя в Азию, стал наказывать сторонников каппадокийцев, и земли тех, которые не принимали его, он опустошал. Жители Илиона, осажденные им, прибегли к Сулле, и Сулла обещал им, что он придет, и велел им в то же время передать Фимбрии, что они уже сдались Сулле. Услышав об этом, Фимбрия их похвалил, что они уже стали друзьями римлян, и велел им принять и его, так как ведь и он римлянин, внутрь стен, в насмешку указав им на родство, которое было у илионцев с римлянами. Войдя в город, он стал избивать всех подряд и всё предал пламени; тех же, которые ходили послами к Сулле, он предал всевозможным мучениям. Он, не щадя ни святынь, ни тех, кто бежал в храм Афины, сжег их вместе с храмом. Он срыл и стены и на следующий день он сам обошел город, следя за тем, чтобы ничего не осталось от города. Илион, испытавший худшее, чем во времена Агамемнона, погиб от рук «родственников»; не осталось целым ни одного алтаря, ни одного святилища, ни одной статуи; что же касается священного изображения Афины, которое называют Палладием и считают упавшим с неба, то некоторые думают, что оно было найдено неповрежденным, что при падении стен оно было ими засыпано, если только оно не было унесено из Илиона Диомедом и Одиссеем во время Троянской войны.

Вот как поступил Фимбрия с Илионом, как раз в конце 173-й олимпиады.

Некоторые полагают, что это несчастье с ним произошло как раз спустя 1050 лет после разрушения его Агамемноном. 54. Узнав в это же время и о поражении при Орхомене, сообразив, какое количество войска он с самого начала направил в Элладу, и последовательное и быстрое его уничтожение, Митридат послал приказ Архелая заключить мир на возможно благоприятных условиях. Встретившись с Суллой для переговоров, Архелай сказал: «О Сулла! Царь Митридат, который еще со времен отцов был вашим другом, начал войну из-за корыстолюбия других ваших полководцев; теперь из уважения к твоей доблести он ее прекратит, если ты предложишь справедливые условия». Так как Сулла не имел кораблей и так как ему из дому не посылали ни денег, ни чего другого,—ведь во главе стояли его враги и относились к нему, как к врагу,—так как он уже занял деньги в Дельфах, Олимпии и Эпидавре, дав взамен пропорционально долгу храмам половину Фиванской земли, за то, что фивяне постоянно отпадали, так как он спешил для решения своего спора с врагами привести войско сильное и непотрепанное в боях, он согласился на переговоры и заявил: «О Архелай! Если Митридат потерпел несправедливость, то он имел право отправить послов с жалобой на обиды, но захватить войной такое количество чужих земель, избить такое число людей, присвоить себе общественные деньги, сокровища государственных храмов и частное достояние казенных,—так поступает обидчик. Точно так же, как по отношению к нам, он проявил коварство и по отношению к своим личным друзьям; он и из них убил многих, в том числе и тетрархов, которые сидели вместе с ним за его столом, убил в одну ночь вместе с их женами и детьми; а ведь они с ним не вели войны. Против нас он действовал скорее в силу природной ненависти, чем под влиянием военной необходимости, подвергши различным видам мучений и затем избив италийцев, находившихся в Азии, с женами, детьми, слугами, если они были италийского рода. Столь великую ненависть проявил он, а теперь притворно надевает на себя личину «отеческой дружбы», но он вспомнил об этой дружбе только тогда, когда мною было избито 110 000 ваших солдат. 55. За все это было бы справедливо, чтобы и мы оказались со своей стороны по отношению к нему неумолимы, но ради тебя я берусь добиться для него прощения со стороны римлян, если он действительно собирается измениться. Если же он и теперь действует притворно и лживо, то, Архелай, пора тебе подумать и о самом себе; обдумай, в каких отношениях в данный момент находишься ты с ним; погляди, как он обращается с друзьями своими друзьями и как мы относимся к Эвмену и Массинисе». Когда еще Сулла это говорил, Архелай решительно отверг такое искушение с его стороны и с досадой сказал ему, что он никогда не будет предателем по отношению к тому, кто поручил ему главное начальство. «Но, (прибавил он), я надеюсь, что с тобой я договорюсь, если ты предявишь умеренные требования». Помедлив немного, Сулла сказал ему: «Если Митридат передаст нам весь тот флот, который находится у тебя, Архелай, возвратит нам предводителей, пленных, перебежчиков, бежавших рабов, если вернет на прежнее местожительство хиосцев и всех других, которых он заставил насильно переселиться в Понт, если он выведет гарнизоны из всех укреплений, за исключением тех, которыми он владел до нарушения им этого мира, если он выплатит расходы за эту войну, которые пришлось произвести из-за него, если он удовлетворится властью над одним только наследственным царством, то я надеюсь, что буду в состоянии убедить римлян не иметь против него гнева за все им совершенное».

Так сказал Сулла; Архелай тотчас же стал выводить гарнизоны отовсюду, а относительно остальных условий запросил царя. Сулла же, пользуясь в этих условиях передышкой, прошел, грабя страну энетов, дар-

данов, синтов, племен, соседних с македонянами, которые постоянно нападали на Македонию; этим он и войско свое упражнял, и одновременно обогащал его. 56. Когда прибыли послы от Митридата, которые согласились на все остальные условия, но возражали только против Пафлагонии, заявив, что Митридат «получил бы гораздо больше для себя, если бы стал вести переговоры с другим вашим полководцем, Фимбрией», Сулла, рассердившись на такое сопоставление, сказал, что и Фимбрия понесет еще наказание и сам он, перейдя в Азию, посмотрит, нужно ли еще заключать мир с Митридатом или вести войну. Сказав это, он быстро двинулся через Фракию против Кипсел, а Лукулла послал вперед в Абидос: Лукулл уже прибыл к нему; не раз подвергаясь опасности быть захваченным морскими разбойниками, он собрал кой-какой флот из Кипра, Финикии, Родоса и Памфилии, опустошил много мест на неприятельском побережье и во время плаванья попытал счастья против кораблей Митридата. Сулла из Кипсел, а Митридат из Пергама вновь сошлись для переговоров; оба они спустились на равнину с небольшой свитой, на виду у обоих войск. Речь Митридата состояла из напоминаний о дружбе и союзе с римлянами как лично его, так и его предков и обвинений против римских послов, против уполномоченных сената и военачальников за те обиды, которые они нанесли ему, вернув Ариобарзана в Каппадокию, отняв у него Фригию и оставив без внимания нанесенные ему Никомедом оскорбления. «И все это, сказал он, они сделали из-за денег, беря их попеременно то от меня, то от них. То, в чем можно было бы упрекнуть большинство из вас, римляне, это — корыстолюбие. Война была вызвана вашими военачальниками, и все, что я совершил для самозащиты, мне пришлось делать скорее по необходимости, чем по своему желанию». 57. Так окончил речь Митридат. В свою очередь Сулла ему ответил: «Ты вызывал меня сюда совсем под другим предлогом, говоря, что охотно примешь то, что тебе будет предложено; но я, конечно, не побоюсь кратко ответить тебе на твои жалобы. В Каппадокию я лично вернул Ариобарзана, будучи наместником в Киликии: таково было решение римлян; ты со своей стороны послушался нас, хотя ты мог возражать и либо переубедить нас или уже больше не возражать, раз это было признано правильным. Фригию тебе дал Маний за взятку; значит, это ваше общее правонарушение. К тому же ты и сам вполне соглашаешься, что получил ее не законным путем, а при помощи подкупа. А так как Маний был и по другим делам уличен у нас в денежных преступлениях, то сенат аннулировал все его постановления. На основании этого решения он признал, что и Фригия была тебе дана противозаконно; и он постановил, чтобы Фригия не платила податей сенату, и сделал ее самостоятельной. Мы не находим возможным владеть тем, что мы завоевали, а на каком основании ты будешь владеть этим? Никомед же жалуется, что ты подослал к нему и Александра, чтобы убить его, и так называемого Хреста (Честного) Сократа, чтобы отнять власть; и вот он, ограждая себя ото всего этого, вторгся в твою страну; если же ты в чем-либо потерпел обиду, тебе нужно было отправить послов в Рим и ожидать ответа. Если же ты хотел поскорее оградить себя от Никомеда, то почему прогнал ты и Ариобарзана, ничем тебя не обидевшего? Изгнав его, ты заставил по необходимости присутствующих римлян вернуть его, а мешая его возвращению, ты зажег эту войну. У тебя издавна было это предreshено, и, надеясь, что ты будешь господствовать над всей землей, если победишь римлян, ты придумывал эти поводы, чтобы прикрыть свой план. Доказательством этому служит и то, что еще не воюя ни с кем, ты заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами, что ты отправлял посольства к соседним царям, строил корабли, созывал и кормчих, и штурманов. 58. Твой коварный замысел уличается, главным

образом, временем твоего выступления: когда ты заметил, что Италия отпала от нас, ты подстерег момент, когда мы были заняты всем этим, и напал на Ариобарзана, Никомеда, галатов и Пафлагонию, напал на Азию, нашу собственную область. Захватив их, чего-чего ты только не сделал как с теми городами, против которых ты возбудил рабов и должников, дав им свободу и освобождение от долгов, так и с эллинами, из которых ты под одним предлогом погубил 1 600, или с тетрархами галатов, хотя они были твоими сотрапезниками, которых ты убил, или с людьми италийского племени, которых ты в один день с младенцами и матерями убил и утопил, не удержав своих рук и от тех, кто бежал к алтарям богов. Все это доказывает всю твою жестокость, все твое нечестие и всю глубину ненависти к нам. Присвоив себе деньги всех, ты переправился в Европу с огромным войском, хотя мы запретили всем царям Азии даже ногой ступать на почву Европы. Переправившись в Македонию, которая была нашей областью, ты быстро прошел через нее всю и лишил эллинов свободы. И лишь тогда ты стал менять свои мысли, а Архелай просить за тебя, когда я спас Македонию, избавил эллинов от твоего насилия, уничтожил 110 тысяч твоих солдат и взял твой лагерь со всей его добычей. И я удивляюсь, что сейчас ты защищаешь справедливость того, в чем ты через Архелая приносил свое извинение. Или, когда я находился далеко, ты меня боялся, а когда я тут, ты считаешь, что пришел сюда судиться? Для этого время прошло, так как ты начал войну с нами, а мы уже стали решительно защищаться и будем защищаться до конца». Еще когда Сулла говорил с гневом и возбуждением, мысли царя переменились и он почувствовал страх; он согласился на заключенные Архелаем условия, передал корабли и все остальное и вернулся в Понт, в прежнее отцовское царство.

Так окончилась первая война Митридата с римлянами. 59. Сулла, став лагерем на расстоянии двух стадий от Фимбрии, приказал ему передать войско, которым он командует незаконно. В свою очередь Фимбрия с насмешкой ответил ему, что и он тоже командует не по закону. Тогда Сулла окружил его лагерь рвом. Когда многие из солдат Фимбрии явно стали перебегать к Сулле, Фимбрия созвал оставшихся на собрание и стал призывать с ним оставаться. Когда же они заявили, что не будут воевать со своими согражданами, он, разорвав на себе одежду, стал бросаться им в ноги. Когда это (еще больше от него) отвратило их и число перебежчиков увеличилось, он стал обходить палатки военачальников и, подкупив некоторых из них деньгами, вновь созвал их и велел им дать ему клятву. Когда некоторые из специально поставленных для этой цели закричали, что нужно вызывать каждого поименно для принесения клятвы, он через глашатая вызвал тех, которые получили от него большие одолжения, и прежде всего стал вызывать Нония, его ближайшего участника во всех делах. Когда же и он отказался принести клятву, Фимбрия, обнажив меч, стал грозить убить его; поднялся крик со всех сторон; испугавшись этого, он отказался от такого намерения. Убедив одного раба и деньгами и обещанием свободы, он послал его в качестве перебежчика попытаться сделать покушение на Суллу. Приступая к этому делу и смутившись, он вызвал подозрение, был схвачен и во всем сознался. Войско Суллы, с гневом и презрением окружив укрепление Фимбрии, поносило его и называло его Афинионом: это тот, который некогда, когда было в Сицилии восстание беглых рабов, короткое число дней был их царем.

60. Ввиду всего этого Фимбрия, потеряв всякие надежды, подошел к самому рву и стал вызывать Суллу к себе для переговоров. Но Сулла вместо себя послал к нему Рутилия. Уже одно это обидело Фимбрию, что тот не удостоил его встречи, даваемой даже врагам. Когда Фимбрия

стал просить, чтобы ему было оказано снисхождение, если он по молодости совершил какие-либо ошибки, то Рутилий взял на себя обязательство, что Сулла позволит ему невредимо вернуться к морю, если он намеревается отплыть из Азии, проконсулом которой является Сулла. Тогда Фимбрия, сказав, что у него есть другая, лучшая дорога, удалился в Пергам и, войдя в храм Асклепия, поразил себя мечом. Так как этот удар был для него неудачен, он велел своему рабу прикончить его. Раб убил своего господина, а за господином и себя.

Так умер и Фимбрия, причинивший много зла Азии при Митридате. Сулла предоставил вольноотпущенникам его похоронить, заметивши, что в этом он не будет подражать Цинне и Марию в Риме, которые присудили многих к смерти, а кроме смерти, лишили их еще и погребения. Войско Фимбрии, перешедшее к нему, он принял и соединил со своим, а Куриону приказал вернуть Никомеда в Вифинию, а Ариобарзана в Каппадокию. Он сделал обо всем доклад сенату, делая вид, что он не объявлен врагом отечества.

61. Установив порядок в самой провинции Азии, он хиосцам, ликийцам, родосцам, жителям Магнесии и некоторым другим, либо в награду за их помощь, либо за то, что, желая ее оказать, они многое претерпели ради него, предоставил свободу и дал титул друзей римского народа. Во все же остальные места он разослал войска. Рабам, которым раньше Митридат предоставил свободу, он велел тотчас же вернуться к своим господам. Так как многие не повиновались и многие города еще не подчинялись ему, то между массами свободных и рабов происходила резня по различным поводам; стены многих городов были снесены, и жители Азии в большом количестве были проданы в рабство, а их страны разграблены. Жестоко он наказал державшихся «каппадокийской ориентации», отдельных лиц и целые города, из них особенно жителей Эфеса, которые в позорной угодливости надругались над приношениями римлян. Сверх всего этого, Сулла издал приказ, чтобы пользующиеся значением в городе люди в назначенный день явились к Сулле в Эфес. Когда они собрались, то с высоты ораторской кафедры он произнес им следующую речь:

62. «В первый раз мы пришли в Азию с войском в тот момент, когда Антиох, царь Сирии, грабил вас. Изгнав его и установив границы его царства реку Галис и Тавр, мы не взяли вас под свою власть, хотя после него вы стали нашими подданными, но оставили вас автономными, только некоторых отдали Эвмену и родосцам, нашим союзникам в той войне, притом не с тем, чтобы они платили им подати, но чтобы они были под их покровительством. Доказательством этого служит то, что когда ликийцы стали в чем-то обвинять родосцев, мы их отделили от них. Так вот как мы отнеслись к вам. Вы же, когда Аттал Филометор по завещанию оставил нам свое царство, вместе с Аристиком в течение четырех лет сражались с нами, пока и Аристик не был взят в плен и большинство из вас не было доведено до крайности и охвачено страхом. Однако, действуя даже таким образом, за 24 года вы дошли до высокой степени благосостояния и блеска как в жизни и привычках частного обихода, так и в государственных учреждениях; но вследствие мира и роскоши жизни вы вновь обнаглели, и выждав момент, когда мы были заняты делами в Италии, одни из вас призвали к себе Митридата, другие соединились с ним, когда он пришел. Но что особенно отвратительно,—вы согласились вместе с ним в один день избить всех итальянцев с их детьми и матерями и даже во имя ваших богов не пощадили бежавших в храмы к святым алтарям. За это вы получили известное возмездие и со стороны самого Митридата, проявившего коварство по отношению к вам и наполнившего ваши города убийствами и конфисковавшего ваше имущество; он совершил

раздел земель, уничтожил долги и освободил рабов, над некоторыми из вас он поставил тиранов и в широких размерах допустил и на суше и на море разбой, так что вы сразу можете видеть на себе и сравнивать, чье покровительство вы предпочли бы. Некоторые зачинщики получили возмездие и от нас. Но нужно возложить ответственность за все содеянное и на вас всех сообща. Конечно, она должна была бы быть подобной тому, что вы совершили. Но да не придут никогда на мысль римлянам ни такие нечестивые избиения, ни безумные конфискации или подстрекательства к восстанию рабов, или другие варварские поступки. Щадя племя и имя эллинов и их славу в Азии, ради столь дорогого для римлян своего доброго имени, я предписываю вам только внести немедленно налоги за пять лет и уплатить военные расходы, которые уже произведены мною и которые у меня еще будут, пока я приведу в порядок все остальное. Я лично распределяю их в отдельности по городам и назначаю срок для взносов, а на тех, кто этого не выполнит, я наложу наказание, как на врагов».

63. После этой речи он распределил между послами штраф и стал посылать людей для взыскания денег. Так как солдаты нажимали, применяя насилие, то города, не имея средств и занимая под огромные проценты, стали закладывать ростовщикам кто театры, кто гимнасии, кто свои укрепления и гавани и всякое другое общественное достояние. Так были собраны и доставлены Сулле деньги, и несчастьями была исполнена Азия до предела: на ее берега совершенно открыто нападали многочисленные разбойничьи шайки, что напоминало скорее военные походы, чем разбойничьи налеты. В прежнее время их выпустил в море Митридат, когда он опустошал все, что он не надеялся удержать в своей власти на долгое время; тогда же их развелось огромное количество, и они открыто нападали не только на плывущих, но и на гавани, местечки и даже города. На глазах у Суллы они захватили Наксос, Самос¹, Клазомены и Самофракию, а святилище Самофракии ограбили они, как считают, на 100 талантов. Сулла же, или сознательно оставив их претерпевать такие насилия, как совершивших преступление (против римлян), или побуждаемый беспорядками в Риме, с большей частью своего войска отплыл в Грецию, а оттуда в Италию.

То, что касается Суллы, у меня описано в гражданских войнах.

64. Вторая же война, между римлянами и Митридатом началась вот с чего. Сулла оставил в Азии Мурену с двумя легионами, бывшими у Фимбрии, чтобы привести в порядок остальные дела в Азии; но Мурена издевательским образом искал поводов к войне, охваченный жаждой триумфа; а Митридат, уйдя в Понт, воевал с колхами и жителями Боспора, отпавшими от него. Колхи просили его дать им царем сына его, Митридата, и, получив его, тотчас подчинились. Но так как у царя возникло подозрение, что это произошло по плану его сына, желавшего стать царем, то он, призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его, хотя он оказал ему большую пользу в Азии при столкновениях с Фимбрией. Против же жителей Боспора он начал строить большой флот и готовить огромное войско, при этом размах приготовлений сразу создал впечатление, что все это собирается не против боспорцев, но против римлян. В самом деле, он ведь не отдал еще Ариобарзану всей Каппадокии, но некоторые части ее он и тогда продолжал удерживать за собою. Он стал подозрительно относиться и к Архелая за то, что он в переговорах в Элладѣ уступил Сулле больше, чем было нужно. Заметив это и испугавшись, Архелай бежал к Мурене и, подстрекая его, убедил его первым напасть на Митридата. И действительно, Мурена тотчас же через Каппадокию напал

¹ Другое чтение: Иассос.

на Коману, очень большое поселение, бывшее под властью Митридата, с чтимым и богатым храмом, убил нескольких всадников Митридата, а его посла, ссылавшимся на договор, ответил, что этого договора не видал (дело в том, что Сулла не закрепил письменно договора, но, подтвердив свои слова делом, удалился из Азии). Сказав это, Мурена тотчас же стал заниматься грабежом, не воздержавшись даже от храмовых денег; зиму он провел в Каппадокии.

65. Митридат отправил в Рим к сенату и к Сулле послов, жалуюсь на образ действия Мурены. А тот тем временем, перейдя реку Галис, большую и бывшую тогда для него особенно трудно проходимой из-за дождей, быстро прошел по 400 деревням Митридата; царь нигде не встречался с ним, но ожидал возвращения посольства. Нагруженный большой добычей, Мурена вернулся во Фригию и Галатию. Тут посланный к нему из Рима по жалобам Митридата Калидий не передал ему никакого постановления, но с трибуны среди собравшегося народа официально сказал ему, что сенат велит ему воздерживаться от нападения на царя, так как с ним заключен договор. После этого заявления Калидия видели беседующим с Муреной с глазу на глаз; Мурена, не отказавшись ни в чем от своего намерения, даже после этого двинулся на землю Митридата. Тогда Митридат, считая, что римляне явно ведут с ним войну, велел Гордию напасть на деревни (по ту сторону реки). Гордий тотчас же захватил много рабочего и вьючного скота людей, как простых, так и солдат, и стал лагерем против самого Мурены, имея между ним и собой реку. Ни тот, ни другой не начинали, пока не пришел Митридат с гораздо большим войском, и тотчас около реки произошел сильный бой. Одержав победу, Митридат перешел реку, оказавшись и во всем остальном сильнее Мурены. Мурена бежал на сильно защищенный холм, а когда царь попытался напасть на него и здесь, он, понеся большие потери, бежал по горным местам во Фригию, по непроезжей дороге, под стрелами врагов, с большими трудностями.

66. Молва об этой победе, столь блестящей, столь решительной с самого начала, быстро распространилась и привлекла многих на сторону Митридата. Митридат, заставив бежать или изгнав из Каппадокии все гарнизоны Мурены, принес Зевсу-Воителю по обычаю отцов жертву на высокой горе, воздвигнув на ее вершине другую вершину из дерева, еще более высокую. Первыми несут на эту вершину дрова цари; положив их, кладут на них другой круг, более короткий по окружности; на самый верх они возлагают молоко, мед, вино, масло и всякие курения, а на равнине они устраивают для присутствующих угощение, состоящее из хлеба и всяких приправ (такого рода жертвоприношения совершаются и в Пасаргадах персидскими царями), затем они зажигают дерево. Этот горящий костер, вследствие своей величины, виден плывущим издали на расстоянии тысячи стадий, и говорят, что приблизиться сюда в течение многих дней невозможно: так раскален воздух.

Митридат совершал это жертвоприношение по отеческому обычаю. Сочтя недопустимым, что ведется война против Митридата, заключившего договор с римлянами, Сулла отправил Авла Габиния, чтобы передать Мурене прежний строгий приказ не воевать с Митридатом, а Митридата и Ариобарзана примирить друг с другом. При этой встрече Митридат просватал свою четырехлетнюю дочь за Ариобарзана, и под этим предлогом он договорился владеть тем, что из Каппадокии было в его руках, а сверх этого присвоил и другие части этой страны, угощал всех и назначал всем денежные награды за лучшие тосты, угощения, шутки и песни, как он это обыкновенно делал. Только один Габиний не прикасался ни к чему.

Так прекратилась вторая война Митридата с римлянами приблизительно на третий год.

67. Пользуясь спокойствием, Митридат постарался овладеть Боспором и назначил боспорцам в качестве правителя одного из своих сыновей, по имени Махару. Напав на живших севернее колхов ахейцев, которых считают заблудившимися при возвращении из Трои, и потеряв две трети своего войска в сражениях, от мороза и засад, он возвратился назад и послал в Рим уполномоченных, чтобы подписать договор. Послал и Ариобарзан, по собственному ли почину или по чьим-либо настояниям, с жалобой, что он не может получить Каппадокии, но что большую часть ее Митридат еще отнимает у него. Вследствие приказа Суллы отдать ему Каппадокию, Митридат ему отдал и отправил второе посольство для заключения договора. Так как Сулла уже умер и так как, вследствие большого количества дел, преторы не дали его послам аудиенции в сенате¹, то Митридат подговорил своего зятя Тиграпа напасть на Каппадокию как бы по собственной инициативе. Эта хитрость не укрылась от римлян; армянский же царь, полонив Каппадокию, вывел в Армению до 300 000 человек и поселил их вместе с другими в местности, где он впервые надел на себя корону Армении и которую он по своему имени назвал Тигранокертой, а это должно означать «город Тиграпа».

68. Таковы были дела в Азии. В это время Серторий, правитель Иберии, устроил так, что сама Иберия и все окружные области отпали от римлян; из своих сотрудников он собрал совет, наподобие сената. Двое Люциев из числа тех, которые восстали вместе с ним, Магий и Фанний, стали убеждать Митридата заключить союз с Серторием, внушая ему большие надежды относительно Азии и ближайших к ней племен. Убежденный ими, Митридат отправил послов к Серторию. Последний ввел их в свой сенат и преисполнился гордостью, полагая, что слава о нем достигла даже Понта и что он сможет осадить римлян и с запада и с востока. С Митридатом он договаривался о том, что он даст ему Азию, Вифинию, Пафлагонию, Каппадокию и Галатию, и в качестве главнокомандующего послал ему Марка Вария, а советниками обоих Люциев, Магия и Фанния. С ними Митридат начал третью и последнюю войну с римлянами, в которой он потерял все свое царство, так как Серторий умер в Иберии, а из Рима были посланы против него сначала Лукулл, бывший начальником морских сил Суллы, а потом Помпей, при котором все области, бывшие во власти Митридата, и соседние с ними вплоть до реки Евфрата, перешли во власть римлян под предлогом и в силу войны с Митридатом.

69. Митридат, не раз уже на опыте познакомившись с римлянами, считал, что война, начатая им безо всякого повода и так скоро, и на этот раз будет особенно непримиримой; он поэтому позаботился обо всех приготовлениях, так как считал, что теперь столкновение будет решающим. Остаток лета и целую зиму он заготовлял лес, строил корабли и готовил оружие и собрал в разных местах побережья до 2 000 000 медимнов хлеба. В качестве союзников к нему присоединились, кроме прежних войск, халибы, армяне, скифы, тавры, ахейцы, гениохи, левкосуры и те, которые живут на землях так называемых Амазонок около реки Термодонта. Такие силы присоединились к прежним его войскам из Азии, а когда он перешел в Европу, то присоединились из савроматов так называемые царские, языги, кораллы, а из фракийцев те племена, которые живут по Истру, по горам Родоне и Гему, а также еще бастарны, самое сильное из них племя. Такие силы получил тогда Митридат из Европы. И собралось у него всего боевых сил, пехоты около 140 000, а всадников до 16 000.

¹ ἐπὶ το κοινόν — собственно «в народном собрании».

Кроме того, следовала за ним большая толпа проводников, носильщиков и купцов.

70. С наступлением весны, проведя испытание своего флота, он совершал установленное жертвоприношение Зевсу-Воителю, а в честь Посейдона он бросил в море пару белых коней; затем он поспешил в Пафлагонию; начальниками его войска были Таксил и Гермократ. Когда он прибыл туда, он произнес речь перед войском, прославляя своих предков и восхваляя самого себя, говоря, что свое царство, бывшее маленьким, он сделал огромным и лично ни разу не был побежден римлянами. Затем он высказал обвинение против римлян в корыстолюбии и жадности, под гнетом которой стонет поработенная Италия и сама их родина. Кроме того, о последнем договоре он заявил, будто римляне не хотят оформить его письменно, выжидая удобного момента, чтобы вновь напасть на него. Возлагая на них вину за данную войну, он отметил силу своего войска и его снаряжения, указал на то, что римляне сейчас заняты серьезной войной с Серторием в Иберии, а в Италии идет междоусобная война. «Поэтому», сказал он, «они не обращают внимания и на море, уже долгое время находящееся во власти морских разбойников, и нет у них никакого союзника, и никто по доброй воле не является их подданным. Разве вы не видите, сказал он, показывая на Вария и на обоих Люциев, что лучшие из них—враги своему отечеству и союзники нам?».

71. Сказав так и воспламенив свое войско, Митридат напал на Вифинию, где недавно умер Никомед бездетным и оставил свое царство по завещанию римлянам. Правителем ее был Котта, человек в военном деле слабый; он бежал в Халкедон с тем войском, которое у него было. Вифиния тотчас же оказалась под властью Митридата. Со всех сторон римляне стали сбегаться к Котте в Халкедон. Когда Митридат двинулся и против Халкедона, то Котта в своей бездеятельности не вышел против него, начальник же его морских сил, Нуд, с некоторою частью войска занял наиболее укрепленные пункты на равнине, но, изгнанный оттуда, бежал к воротам Халкедона, одолев с большим трудом много препятствий. Около ворот произошла сильная толкотня, так как все вместе торопились прорваться в ворота. Поэтому ни одна стрела преследовавших не пропадала даром. Когда же и стража, стоявшая у ворот, испугавшись, опустила на них запоры неожиданно¹, то Нуда и некоторых из других начальников они подняли кверху при помощи ремней, другие же погибли, находясь между врагами и друзьями, простирая руки к тем и другим. Митридат, пользуясь таким благоприятным поворотом судьбы, повел в тот же день свои корабли на гавань и, разорвав заграждения, состоящие из медных цепей, сжег из неприятельских кораблей четыре, а остальные 60 захватил на буксир, причем ни Котта, ни Нуд не оказывали ему в этом сопротивления, но сидели, запершись в стенах. Из римлян было убито до 3 000, в том числе один из сенаторов, Люций Маллий, а у Митридата погибло 20 человек из бастернов, первыми ворвавшихся в гавань.

72. Люций Лукулл, выбранный консулом и главнокомандующим в этой войне, двинулся из Рима с одним легионом и, присоединив два других, бывших у Фимбрии, и к ним набрав еще два, всего имея 30 000 пехоты и около 1600 всадников, стал лагерем около Митридата под Кизиком. Узнав через перебежчиков, что войско царя равняется приблизительно 300 000, а продовольствие или собирается солдатами, или получается с моря, Лукулл сказал окружающим его, что скоро он захватит неприятелей без боя, и велел им попомнить это обещание. Увидав гору, удобную для устройства лагеря, откуда, как он считал, он сумеет легко получать

¹ ἀπὸ μηχανῆς (при помощи приспособления).

продовольствие, а врагов отрежет от подвоза, он попытался захватить ее, в надежде отсюда добиться победы без риска. Так как на эту гору вел один только узкий проход, то Митридат усиленно охранял его: так советовал ему Таксил и другие полководцы. Люций же Магий, послуживший посредником между Серторием и Митридатом, теперь, когда Серторий был уже убран с дороги, стал тайно сноситься с Лукуллом и, получив от него обещание безопасности, стал советовать Митридату не обращать внимания, если римляне пойдут и станут лагерем, где им угодно. Он говорил, что два легиона, бывшие под начальством Фимбрии, хотят перейти на его, Митридату, сторону и тотчас соединиться с царем, так чего же ему стремиться к бою и кровопролитию, если он может без боя победить врагов? Ничего не подозревая, Митридат безрассудно согласился с его доводами и не помешал римлянам безопасно пройти через теснины и укрепить против него высокую гору. Владея ею, римляне могли безопасно подвозить с тылу продовольствие; что же касается Митридаты, то они рассчитывали, что озером, горами и реками они отрежут его от всяких возможностей подвоза провианта по суше, разве только с трудом ему удастся кое-что получать: у него не было уже широких проходов, а атаковать Лукулла он уже не мог из-за недоступной позиции, завладеть которой он сам пренебрег. Так как приближалась зима, то следовало ожидать, что доставка по морю окажется затруднительной. Видя все это, Лукулл напомнил друзьям о своем обещании и указал, что тогдашнее предсказание исполнится с минуты на минуту.

73. Митридат, может быть, и тогда еще мог, благодаря численности своего войска, пробиться через середину врагов; но он не захотел этого сделать; с теми сооружениями, которые он сделал для осады, он напал на Кизик, решив, что этим он одновременно исправит и свою плохую позицию, и недостаток снабжения. Так как при его большом войске у него был избыток в людях, то он делал на город нападение всякими способами, отделив гавань двойной стеной и окружив рвами остальные части города. Он насыпал много насыпей, выстроил много осадных машин, башен и «черепаш» для таранов, воздвиг осадную машину в сто локтей, с которой поднималась вторая башня с катапультами, бросавшая в город камни и другие метательные снаряды. В гавани две связанные между собой пентеры несли на себе еще башню, с которой выкидывался мост при помощи особого приспособления, когда она приближалась к стенам. Когда у него было все готово, то прежде всего он подвез на кораблях к городу 3000 кизикийцев-пленников, которые, простирая руки к стенам, умоляли пощадить своих сограждан, подвергающихся такой опасности, пока, наконец, военачальник кизикийцев Писистрат не велел со стены им объявить, чтобы они терпеливо выносили случившееся с ним, раз они стали пленными.

74. Когда Митридату не удалась эта попытка, он двинул к стенам бывшую у него на кораблях машину; внезапно с нее упал на стену мост, и по нему четверо воинов перебежали на укрепления. Пораженные вначале этим совершенно новым для них явлением, кизикийцы было немного отступили, но так как за этими четырьмя другие не последовали немедленно, они пришли в себя и столкнули со стены этих четырех, а бросая на корабли огонь и смолу, заставили их грести обратно и отступать, пятясь задом со своим сооружением. Так кизикийцы одержали победу над теми, кто пытался напасть на них с моря. В тот же день была сделана против них третья попытка нападения: с суши были двинуты против них одновременно все осадные сооружения, и кизикийцы попали в тяжелое положение, так как они все время перебежали с места на место, помогая угрожаемым пунктам. В таранах они камнями разбивали бревна, петлями отклоняли в сторону

или шерстяными плетенками ослабляли их силу; метательные снаряды с огнем они встречали водой и уксусом, другим же они противопоставляли одежды и ненатянутые куски материй и прекращали их полет; вообще они не упускали ничего, доступного храбрым мужам. Хотя они всем этим бедам противостояли с исключительной стойкостью, однако часть стены у них была сожжена и к вечеру упала. Но никто (из войск Митридата) не успел прорваться через горящие развалины, ночью же кизикийцы тотчас восстановили стену, а возникшая в те же дни сильная буря разбила и остальные сооружения царя.

75. Говорят, что город Кизик был дан Зевсом в качестве приданого за его дочерью Корой; из всех богов кизикийцы почитают ее больше всего. Когда подошел ее праздник, в который они приносят ей в жертву черную корову, за неимением таковой они вылепили корову из хлеба, но вот черная корова приплыла к ним из моря и, пройдя через запоры гавани, вбежала в город и сама совершила путь в святилище и стала у жертвенника. Кизикийцы и принесли ее в жертву, окрыленные лучшими надеждами. Друзья советовали Митридату удалиться, так как город явно под божеским покровительством. Он их не послушался, но удалился на лежащую над городом гору Диндим и с нее стал вести свой подкоп в город, соорудил башни и подкопами расшатал стены. Своих коней, которые тогда были ему бесполезны, ослабевших от бескормицы и охромевших, так как они сбили себе копыта, он отправил окружным путем в Вифинию. Когда они переправлялись через реку Риндак, напавший на них Лукулл взял 15 000 человек пленных, около 6 000 коней и много вьючного скота.

Вот что было под Кизиком; в это время Эвмах, полководец Митридата, быстро пройдя по всей Фригии, убил многих римлян с их детьми и женами, подчинил писидов, исавров и Киликию, пока, наконец, один из тетрархов Галатии, Дейотар, не напал на него при его продвижении и многих убил.

76. Вот что было во Фригии; наступившая зима отняла у Митридата возможность подвоза продовольствия также и с моря, если такой вообще был возможен, так что войско его совсем голодало, многие умирали, а некоторые по варварскому обычаю поедали человеческие внутренности; иные же, питаясь травой, заболели. Их трупы, брошенные поблизости без погребения, вызвали чуму к довершению голода. Однако Митридат упорно держался, надеясь еще, что он возьмет Кизик при помощи тех подкопов, которые он вел с Диндима. Но когда жители Кизика подрыли ему и эти подкопы и сожгли машины и, видя его голод, часто делали вылазки и нападали на врагов, уже ослабевших, тогда Митридат, наконец, задумал бегство, и ночью бежал сам на кораблях в Парос, а его войско — сухим путем в Лампсак. Когда они переходили реку Эсеп, очень сильно разлившуюся, то и от реки, и от нападения Лукулла они понесли большие потери.

Так жители Кизик, несмотря на большие приготовления царя, избежали гибели, благодаря тому, что и они со славой защищались, и Лукулл теснил его голодом. Они установили в честь Лукулла празднества и до сих пор их справляют, так называемые «Лукуллии». Всех бежавших в Лампсак, ввиду того, что они еще были осаждены Лукуллом, Митридат, послав корабли, вывез к себе вместе с жителями Лампсака. Десять тысяч отборных воинов на пятидесяти кораблях оставив в распоряжении Вария, присланного к нему от Сертория в качестве главнокомандующего, а также Александра из Пафлагонии и Дионисия-евнуха, сам с большинством отплыл в Никомедию. Поднявшаяся буря погубила многих и в том, и в другом флоте.

77. Когда Лукулл выполнил свой план войны на суше при помощи голода, он собрал корабли из провинции Азии и передал их бывшим под его

начальством полководцам. Отправившись с флотом, Триарий взял Апамею и произвел ужасное избиение апамейцев, сбежавшихся под защиту храмов. Барбас взял Прусиаду около горы, захватил и Никею, так как гарнизон Митридата бежал. Лукулл у Ахейского залива захватил тринадцать неприятельских судов. Вария, Александра и Дионисия он захватил у Лемноса, на пустынном берегу, — на нем показывают жертвенник Филоктету, медную змею, лук, стрелы и панцырь, обвязанный повязками, как воспоминание о его страданиях; он двинулся против них с большим шумом и без всяких предосторожностей, но, так как они спокойно оставались на месте, он приостановил продвижение, подсылая по два корабля, вызывая их, чтобы они выплыли в море. Так как они не двигались, но защищались с суши, он объехал остров на других кораблях и, высадив на него пехоту, загнал врагов на корабли. Но они не вышли в море, боясь войска Лукулла, но плавали около земли; и поэтому, оказавшись под вражескими ударами с обеих сторон, они были переранены, и многие были убиты или бежали. В пещере были захвачены скрывшиеся Варий, Александр и Дионисий-евнух. Из них Дионисий, выпив, как полагают, яд, тотчас же умер; Вария Лукулл приказал убить: он считал, что римлянин и сенатор не должен идти в триумфе. Александра же он сохранил для торжественной процессии. Обо всем этом Лукулл послал доклад в Рим, обязав послание веткой лавра, как это принято при победах, а сам устремился в Вифинию.

78. Когда Митридат плыл в Понт, его застигла страшная буря; от нее он потерял людей до десяти тысяч и около шестидесяти кораблей; остальные были разбросаны, куда кого буря занесла. Сам царь, так как его царский корабль был разбит бурей, перешел, вопреки советам друзей, на легкое судно морских разбойников; они невредимо доставили его в Синоп, а оттуда он отправился в Амис на буксире и отправил послов к своему зятю, Тиграну, царю Армении, и к своему сыну, Махару, правившему в Боспоре, побуждая и того, и другого оказать ему помощь. А к соседним с ним скифам он велел Диоклу отнести золото и много даров. Диокл же с этими дарами и со всем золотом перебежал к Лукуллу. Лукулл, ввиду своей победы смело двигаясь вперед и подчиняя себе все, что попадалось ему на пути, грабил эту страну. Так как эта область была вообще богатой и долгое время не испытывала войны, то тотчас рабы здесь стали продаваться по 4 драхмы, бык по одной, пропорциональна была стоимость коз, овец, одежды и всего остального. Лукулл окружил и осадил Амис и Евпаторию, которую Митридат построил около Амиса и назвал по своему имени Евпаторией и считал своей резиденцией, а другим войском — Темискиру, которая получила свое имя от одной из амазонок и находится на реке Термодонте. Осаждавшие жителей Темискиры выстроили против них башни, насыпали большие насыпи и вырыли подземные ходы столь большие, что в них под землей большими отрядами вступали друг с другом в рукопашный бой. Жители же Темискиры, сделав сверху в эти ходы отверстия, пускали туда против работающих медведей и других диких животных, а также рои пчел. Те же, которые осаждали Амис, претерпевали другие трудности, так как жители Амиса сильно отбивались от них, часто выбегали из-за стен и вызывали на единоборство. Митридат посылал им большое количество продовольствия, оружия и войска из области кабиров, где он сам зимовал и собирал другое войско. И к нему собиралось до 40 000 пеших и 4000 конницы.

79. С наступлением весны Лукулл через горы двинулся против Митридата. У Митридата были выставлены передовые отряды, чтобы задерживать Лукулла и, тотчас же зажегши огонь, дать ему знать, если что-нибудь случится. Начальником этого сторожевого отряда был у Митридата че-

ловец из царского рода, по имени Феникс. Когда Лукулл стал приближаться, он, правда, дал знать Митридату огненным сигналом, но сам со своими силами перешел к Лукуллу. Лукулл, безбоязненно уже пройдя через горы, спустился к Кабуре. Когда у него там произошла конная битва с Митридатом, он был побежден и ушел обратно в горы. Начальник же его конницы, Помпоний, был ранен и доставлен к Митридату. На вопрос царя: «Чем бы ты мог отблагодарить меня, если я не лишу тебя жизни?», он ответил: «Если бы ты был другом Лукулла, то очень многим; если бы ты остался Лукуллу врагом, то я не буду даже советовать». Так ответил Помпоний; когда варвары требовали убить его, царь ответил, что он не проявит насилия против доблести, попавшей в тяжелое положение. Не раз он выводил войско, но, так как Лукулл не спускался для боя, он, перейдя перевал, пытался напасть на него. В это время некий начальник, скифского рода, по имени Олкаба, давно уже перебежавший к Лукуллу, спасший во время этой конной битвы многих и за это награжденный Лукуллом допущением к столу полководца, правом высказывать суждения и участвовать в тайных совещаниях, подошел к палатке Лукулла, когда тот в полдень отдыхал, и потребовал, чтобы его впустили. На поясе у него, как всегда, был надет обычный короткий кинжал. Так как его не допустили, он вознегодовал и сказал, что крайне важное дело заставляет его разбудить полководца; но слуги Лукулла ответили, что для Лукулла самое важное сейчас быть здоровым; тогда он тотчас же вскочил на коня и ускорил к Митридату—потому ли, что он покушался на Лукулла и ему показалось, что его подозревают, или под влиянием гнева, считая, что с ним поступили дерзко. Митридату он сообщил о другом скифе, по имени Собадаке, что тот собирается перебежать к Лукуллу. Собадак был захвачен. 80. Лукулл же, избегая спускаться на равнину, пока враги превосходили его силой конницы, и не видя другого обхода, нашел в пещере охотника, знающего горные тропы, и, пользуясь им как проводником, по непроходимым дорогам прошел над головою Митридата и спустился вниз, избегая и здесь равнины из-за конницы, и стал лагерем, имея перед собою в качестве защиты овраг, по которому протекал ручей. Чувствуя недостаток в продовольствии, он послал за хлебом в Каппадокию, а с врагами вел все время перестрелку; но, когда несколько из царских отрядов бежало, Митридат, двинувшись из своего укрепленного лагеря, укорами заставил своих солдат повернуть назад и навел на римлян такой страх, что они бежали вверх, в горы, не замечая, что враги остались далеко позади, но каждый думал, что бегущий вместе с ним или следующий за ним позади является врагом: так сильно были они перепуганы. А Митридат разослал повсюду письменные извещения об этой победе. Большую часть своей конницы, при этом наиболее боеспособную, он велел поместить в засаде против тех, которые доставляли продовольствие Лукуллу из Каппадокии, надеясь, что, оказавшись без провианта, Лукулл испытывает то же, что он сам испытывал под Кизиком.

81. План был хорош—отрезать Лукуллу подвоз съестных припасов, которые он мог получать из одной только Каппадокии. Но всадники царя, встретившись с авангардом отряда, доставлявшего продовольствие, в узком проходе и не дождавшись, чтобы они вышли на широкую равнину, сами для себя, как это и естественно в узком проходе, сделали коней бесполезными. За это время и римляне, успев из путевой колонны выстроиться в боевой порядок, одних из воинов царя убили, так как пешим помогала узость прохода, других загнали в горы, третьих рассеяли, обратив в бегство. Лишь немногие ночью прибежали в лагерь, утверждая, что только они одни остались в живых; они распространили преувеличенное представление об этом поражении, которое было немалым.

Митридат, узнав об этом раньше Лукулла и считая, что при таком поражении конницы Лукулл тотчас же нападет на него, испугался и задумал бежать; тотчас он сказал о таком своем решении своим друзьям по палатке, а они, прежде чем был дан приказ, еще ночью поспешили каждый выслать свой багаж из лагеря. У ворот столкнулось большое количество выючных животных; войско увидало все это и узнало, кто увозит свой багаж; предполагая, что произошло что-либо еще более страшное, воины со страхом и с негодованием, что им ничего не было объявлено, бросились к укреплениям лагеря, стали их разрушать и разбежаться из равнины во все стороны, безо всякого порядка, куда кто мог, без приказа своего военачальника или ближайшего командира. Митридат, заметив, что происходит беспорядочное и поспешное бегство, выбежал к ним из своей палатки и пытался что-то сказать; но его уже никто не слушал; затертый в толпе и сбитый с ног, он упал. Тогда он вскочил на коня и с немногими усекал в горы.

82. Узнав об удачном исходе доставки провианта и произошедшей битве, видя бегство врагов, Лукулл послал большое количество всадников преследовать убегающих, а тех, которые еще собирались в лагере, он окружил пехотой и велел в данный момент не грабить ничего, но убивать всех беспощадно. Но когда римские солдаты увидали много золотых и серебряных сосудов и дорогих одежд, они забыли об этом приказании. Даже те, которые вот-вот должны были захватить самого Митридата, ударив по клади одного из мулов, несшего золото, и увидав посыпавшееся золото, занявшись им, набросились на него и позволили Митридату бежать в Команы, откуда он с двумя тысячами всадников бежал к Тиграну. Хотя Тигран не допустил его к себе на глаза, но приказал держать его с почетом, как полагается царю в своих имениях. Тогда Митридат, потеряв совершенно надежду на сохранение своего царства, послал в свой дворец евнуха Бакха с тем, чтобы он убил его сестер, жен и наложниц, каким только путем он сможет. И действительно, они погибли от меча, яда и петли. Видя это, начальники гарнизонов Митридата массами стали переходить на сторону Лукулла, за исключением немногих. Лукулл подчинил их одного за другим, а затем, плывя с флотом, забирал припонтийские города: Амастриду, Гераклею и другие.

83. Синопа еще крепко держалась против Лукулла, и его жители продолжали не плохо сражаться с ним на море. Когда же он осадил их город, они сожгли более тяжелые из своих кораблей и, взойдя на более быстроходные, бежали. Но Лукулл тотчас же дал свободу городу благодаря сновидению, которое было следующим. Говорят, что Автолик, ходивший вместе с Гераклом походом против амазонок, бурей был занесен в Синопу и овладел городом; у синопцев была чтимая его статуя, которую жители Синопы не успели захватить во время бегства, но закрыли ее льняными покрывалами и парусами. Лукулл ничего об этом не знал и даже не предполагал; и вот ему приснилось, что он видит Автолика, позвавшего его. Когда на следующий день эту статую, всю закутанную, принесли к Лукуллу, он велел ее развернуть и увидел точь-в-точь такого, который, казалось ему, явился во сне. Таково было это сновидение. Вслед за Синопой Лукулл заселил и Амис, жители которого тоже бежали морем; он узнал, что город был колонией афинян, когда они были властителями морей, и что он долгое время пользовался демократическим правлением, а потом попал под власть персидских царей; получив затем в силу приказа Александра демократическое правление, он вновь был поработен понтийскими царями. Лукулл, сочувствуя Амису за все это и соревнуясь с Александром в своих милостях к людям афинского племени, сделал город автономным и поспешил быстро созвать назад жителей Амиса.

Так опустошил и вновь заселил Лукулл Синопу и Амис; а с Махарой, сыном Митридата, царствовавшим в Боспоре и приславшим ему золотой венок, он заключил дружбу; от Тиграна же он стал требовать выдачи Митридата. Затем сам он вернулся в провинцию Азию, еще не выплатившую сумм, наложенных Суллой, и установил подать в размере четвертой части с плодов земли, и налоги с рабов и с домов. И он принес победные жертвы, как будто война у него была совершенно закончена.

84. После этих жертвоприношений он двинулся против Тиграна, не выдававшего ему Митридата, с двумя отборными легионами и пятьюстами всадников. Перейдя Евфрат, он продвигался, требуя от варваров только поставки предметов первой необходимости: эти люди с ним не воевали и не хотели нести какие-либо тяготы, пока Лукулл и Тигран не разрешат между собою спора. Тиграну никто не сообщал о вторжении Лукулла, а первый, сказавший ему об этом, был им повешен, так как он счел, что этот человек хочет вызвать среди его городов волнение. Когда же, наконец, он это заметил, он выслал вперед Митробарзана с двумя тысячами конницы, чтобы задержать продвижение Лукулла. Он поручил Манкею охранять Тигранокерту, — этот город, как я указал раньше, царь заложил и выстроил в этом месте в честь себя; сюда собрал он знатнейших лиц своего государства, угрожая при этом, что все то, что они не возьмут с собою, будет конфисковано. Он окружил город стенами высотой в 50 локтей, в толще их было устроено много лошадиных стоек; в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, с охотничьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление. Поручив все это наблюдению Манкея, он отправился собирать войско по окрестным областям. При первом же столкновении Лукулл тотчас же обратил в бегство Митробарзана и преследовал его, а Секстилий, осадив Манкея в Тигранокерте, тотчас же разграбил дворец, так как он был неукрепленным, а город с его гарнизоном он окружил рвом, поставил машины и подкопами распатал стены. Вот чем был занят Секстилий.

85. Тигран, собрав 250 000 пехоты, и всадников около 50 000, послал из них около 6000 в Тигранокерту; они прорвались через укрепления римлян к гарнизону и, забрав жен царя, вновь возвратились. С остальным войском сам Тигран двинулся на Лукулла. Митридат, впервые встретившийся тогда с ним, советовал ему не вступать с римлянами в сражение, но, окружая их одной только конницей и опустошая землю, постараться довести их до голода тем же способом, как и сам он под Кизиком, доведенный Лукуллом до истощения, потерял без битвы все свое войско. Тигран, посмеявшись над таким его военным планом, двинулся вперед, готовый вступить в сражение. Увидав малочисленность римлян, он с насмешкой сказал о них: «Если это послы, то их много, если же враги, то их чересчур мало». Лукулл, увидав позади Тиграна удобный холм, приказал коннице нападать на Тиграна с фронта, привлекать (внимание неприятеля) на себя и без сопротивления отступать, чтобы ряды варваров при преследовании расстроились; а сам с пехотой незаметно окольными путями двинулся на этот холм. И когда он увидел врагов, растянувшихся в преследовании на большое пространство и чувствовавших себя как бы победителями, а весь их выюнный скот у себя под ногами, Лукулл громко воскликнул: «Наша победа, о мои храбрые воины!» и первый бегом бросился на выюнный скот. Животные тотчас в беспорядке бросились бежать и навалились на пехоту, а пехота на конницу. Сразу бегство стало всеобщим: те, которые в пылу преследования были увлечены на большое расстояние, когда римские всадники, повернувшись, напали на них, были уничтожены, в ряды других ворвались подгоняемые выюнные животные; как обычно бывает при таком множестве, все

сталкивались друг с другом, и так как никто не знал, откуда идет на них гибель, то произошло страшное избиение, ибо никто ничего не забирал: с большими угрозами Лукулл запретил им это, так что на расстоянии 120 стадий они, проходя без внимания мимо браслетов и ожерелий, только убивали, пока не настала ночь. Только тогда они повернули назад и стали обирать убитых: теперь Лукулл им разрешил это.

86. Видя со стен Тигранокерты произошедшее поражение, Манкей разоружил всех греков, которые служили у него наемниками, подозревая их (в готовности изменить); они же, боясь ареста, ходили все вместе с палками в руках и вместе же ночевали; а когда Манкей направил против них вооруженных варваров, то они, намотав платье на левую руку вместо щитов, смело напали на них; оружие убитых они распределили между собой. Когда они по возможности собрали его достаточно, они захватили часть стены между двумя башнями и стали звать римлян, находившихся вне стен, и принимали их, когда они поднимались на стену.

Так была взята Тигранокерта и было разграблено много богатств, так как город был выстроен недавно и заселен с великолепием.

87. Тем временем Тигран и Митридат, обходя области, собирали другое войско, главное начальство над которым было поручено Митридату, так как Тигран считал, что перенесенные им несчастья были для него наукой. Они послали и к парфянскому царю, призывая его к себе на помощь. Так как и Лукулл отправил к нему послов и предлагал ему или заключить с ним союз, или не вмешиваться в их взаимную борьбу, то парфянский царь тайно заключил союз с обоими и не спешил притти на помощь ни тому, ни другому. В это время Митридат готовил оружие в каждом городе и призвал к оружию почти всех армян. Выбрав из них самых лучших—около 70 000 пеших и половину этого числа конных, он остальных отпустил, а этих распределил на отряды и когорты почти так же, как итальянское войско, и передал их на обучение понтийским учителям. Когда Лукулл к ним приблизился, то Митридат все пешее войско и большую часть конницы поставил на холме; с остальной же конницей Тигран напал на римлян, занятых собиранием провианта, но был ими разбит. Вследствие этого римляне еще более безбоязненно стали собирать продовольствие возле самого лагеря Митридата и стали тут лагерем. Как-то вновь поднялась большая туча пыли, так как приближался Тигран. Их план был такой, чтобы Лукулл оказался между ними двумя. Заметив это, Лукулл выслал лучших из всадников возможно дальше вступить с Тиграном в сражение и помешать ему развернуть походную колонну в боевой строй, а сам, вызывая Митридата на бой... и окружая лагерь рвом, не стал вызывать его на сражение, пока начавшая зима не заставила всех прекратить военные действия.

88. И вот Тигран удалился во внутренние части Армении, а Митридат устремился в Понт, где были еще остатки его царства, имея 4000 собственных воинов и взявши столько же других у Тиграна. Следом за ним двинулся и Лукулл; ему тоже пришлось уйти вследствие недостатка продовольствия. Предупредив его, Митридат напал на Фабия, оставленного здесь Лукуллом главнокомандующим, и, обратив его в бегство, убил 500 человек. Фабий освободил всех рабов, которые были у него в лагере, и в течение целого дня опять сражался с Митридатом; сражение шло с переменным успехом, пока не пришлось поспешно вынести из боя Митридата, пораженного камнем в колено и стрелой под глазом. После этого много дней сохраняли спокойствие: одни — вследствие страха за здоровье царя, другие — вследствие большого количества раненых. Ухаживали за Митридатом агары, скифское племя, пользующиеся змеиным ядом для лечения и поэтому всегда бывшие при царе; к Фабия же прибыл Триарий, другой

военачальник Лукулл, со своим войском и принял от Фабия и власть и звание. Немного времени спустя, когда Триарий и Митридат собирались вступить друг с другом в сражение, поднялся такой ураган, которого не запомнят, сорвал у того и у другого палатки, подхватил багаж и выючный скот и из людей некоторых сбросил в пропасть. Тогда оба они разошлись.

89. Но при известии о приближении Лукулла Триарий, стремясь закончить дело до его прихода, еще ночью двинулся к передовым (сторожевым) отрядам Митридата. Долгое время сражение было нерешительным; тогда царь усиленным натиском на своем участке решил сражение и, рассеяв неприятелей, запер их пехоту в болотистой канаве, где они погибли, не имея возможности стоять. Конницу же он преследовал по равнине, энергично стараясь использовать счастливый поворот судьбы, пока какой-то римский центурион, бежавший около него, как раб, не нанес ему в бедро глубокой раны мечом, не надеясь, что сумеет поразить его в спину из-за панцыря. Ближайшие к Митридату тотчас же убили его, Митридат же был унесен в тыл, и его друзья поспешно отозвали войско назад, несмотря на блестящую победу. Среди сражающихся возникло смятение и недоразумение при таком бессмысленном отозвании, возник страх, нет ли чего ужасного с другой стороны; узнав, наконец, в чем дело, солдаты окружили тело Митридата на равнине и шумели, пока врач Тимофей, остановив кровь, не показал его с возвышенного места; так было и с македонянами в Индии, испугавшимися за Александра: Александр показался перед ними у храма выздоравливающим. Как только Митридат поднялся, он стал тотчас упрекать тех, которые отозвали войско из битвы, и в тот же день вновь повел войско на римский лагерь. Но римляне в страхе успели уже бежать из него. Когда обирали трупы убитых римлян, то выяснилось, что убито было 24 трибуна и 150 центурионов. Такое число начальников редко когда погибало у римлян в одном сражении.

90. Митридат устремился в Армению, которую римляне теперь называют Малой Арменией, и то, что легко было забирать с собой из продовольствия, он забирал, а неудобное уничтожал, заранее лишая продовольствия подходившего Лукулла. И вот некий римлянин, сенатор, по имени Аттидий, по суду изгнанный из отечества, давно уже пришедший к Митридату и удостоенный его дружбой, был схвачен, так как злоумышлял на его жизнь. Царь казнил его, не считая справедливым подвергнуть пытке человека, бывшего некогда римским сенатором, замешанных же вместе с ним в этот заговор он подверг страшнейшим мучениям. Вольноотпущенников же, которые были соучастниками Аттидия в этом замысле, он отпустил невредимыми, говоря, что они служили своему господину. Когда Лукулл уже стоял лагерем против Митридата, правитель Азии, послав повсюду вестников, объявил, что римляне упрекают Лукулла, что он затягивает войну сверх нужного времени, и что они распускают бывших в его войске солдат и имущество ослушников они конфискуют. Когда это было объявлено, войско все разошлось, кроме немногих, которые, будучи очень бедны и не боясь поэтому объявленного наказания, остались при Лукулле.

91. Таким образом, эта война Лукулла против Митридата не была доведена до твердого и решительного конца. Обеспокоенные отпадением Италии и стесненные голодом, так как на море грабили морские разбойники, римляне решили, что несвоевременно для них вести другую, столь значительную войну, пока не справятся с трудностями. Получив обо всем этом сведения, Митридат вторгся в Каппадокию и укрепил свое собственное царство. Римляне не обращали внимания на такую его деятельность, пока очищали море от пиратов. Но когда оно было очищено и очистивший его Помпей был еще в Азии, они тотчас взялись за войну с Митридатом и

послали Помпея в качестве главнокомандующего и в этой войне. Так как мне кажется, что совершенное Помпеем на море являлось преддверием его похода против Митридата, и так как рассказ об этом не встречается ни в каком специальном сочинении; то я считаю нужным включить его в эту часть своей работы и быстро пробежать события, как они происходили.

92. Когда Митридат в первый раз вступил в войну с римлянами и завладел всей Азией; так как Сулла задержался ввиду затруднений в Элладе, то он, полагая, что ему недолго придется владеть Азией, все опустошил, как я указал раньше, а на море допустил морских разбойников, которые вначале плавали, как это обычно у пиратов, на небольших и немногочисленных быстроходных судах и грабили; когда же война стала затягиваться, их стало появляться больше, плавали они уже на больших кораблях. Испробовав сладость больших доходов, они не прекратили этого дела и тогда, когда Митридат был побежден, заключил мир и удалился в свое царство. Люди, лишенные вследствие войны средств к жизни, оторвавшиеся от родины и впавшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море, вначале на легких разбойничьих судах и полуторках, а затем стали плавать уже на биремах и триерах, причем у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне. Они нападали на неукрепленные города, стены других городов они или подкапывали, или разбивали, или брали штурмом и разграбляли, а людей побогаче отвозили до пристаней в расчете на выкуп. И эти доходы, обижаясь уже на прозвание пиратов, они называли военным жалованьем. Они имели ремесленников, насильно приставленных; и постоянно заготавливали лес, медь, железо, свозя все это вместе. Их дух поднимался от получаемой прибыли; уже не считая своего занятия разбоем, они приравнивали себя к царям и тиранам, считали себя большим военным лагерем и полагали, что, объединившись, они будут непобедимыми; они сами себе строили корабли и производили оружие. Главным местом стоянки для них всех или их лагерем была так называемая Суровая Киликия; но они имели повсеместно гарнизоны и укрепленные пункты, пустынные острова и пристани; но самыми важными пунктами они считали те, которые находились около этой Киликии, скалистой; не имевшей гаваней и вздымающейся высокими вершинами. Поэтому они все стали называться общим именем киликийцев, так как это зло, повидимому, пошло вначале от жителей Суровой Киликии; а потом к ним присоединились сирийцы; жители Кипра, Памфилии, прибрежных стран Понта—одним словом, почти все восточные племена. Видя, что война с Митридатом становится серьезной и затяжной; эти люди, предпочтя действовать, а не страдать; избрали себе для жизни море вместо земли.

93. Таким образом вскоре из них образовались многие десятки тысяч; и они господствовали не только в восточной части моря, но и над всем морем вплоть до Геркулесовых столбов; и уже они были победителями в морском бою над некоторыми из римских полководцев, в том числе над наместником Сицилии, у самых берегов Сицилии. Все пути оказались непроезжими; а вследствие отсутствия обмена страна стала нуждаться в изделиях ремесла. Сами римляне испытывали особенно много бедствий: их провинции находились в тяжелом положении, и сами они, при своей многочисленности, терпели тяжкую нужду. Между тем, им представлялось большим и трудным делом уничтожить столько морских отрядов, так как они были разбросаны кругом по всей земле и морю и им, как морякам, легко было благодаря своему снаряжению ускользнуть; выступали они не из родной земли, известной всем, и не имели ничего собственного и личного; но только то, что в данный момент попадало под руку. Поэтому война с ними была необычной; не имела ничего закономерного; ничего твердого или

ясного; этим она вызывала чувство беспомощности и страха. Мурена попытался вступить с ними в борьбу, но ничего не сделал значительного. Ничего не добился Сервилий Исаврийский после Мурены; даже больше—обнаглевшие морские разбойники стали высаживаться на побережьях Италии; около Брундизия и Этрурии; они захватили в плен ехавших по дороге женщин из знатных фамилий и отобрали у двух преторов их знаки отличий.

94. Не желая больше терпеть такой ущерб и позор, римляне специальным законом выбрали бывшего тогда у них в величайшей славе Гнея Помпея на три года полномочным военачальником на всем море вплоть до Геракловых столбов и прибрежной земли на расстояние от моря на 400 стадий вглубь. Царям и правителям, всем народам и городам они послали приказ всячески содействовать Помпею, а ему самому дали право набирать войско и собирать деньги. И от себя они отправили по набору большое войско, все корабли, которые имели, и дали денег до 6000 аттических талантов. Таким большим и трудным делом считали они овладеть столькими укрепленными стоянками, на столь большом море, в стольких бухтах; когда они умели так хорошо скрываться, легко уходить и вновь незаметно нападать. Никогда еще до Помпея ни один человек не отправлялся в морской поход, облеченный такой властью; у него в данный момент было войско в 120 000 пеших и 4000 всадников, кораблей вместе с полуторками 270; помощников, данных сенатом, которых называют легатами,—25; между ними Помпей разделил все море и каждому дал корабли, всадников и пешего войска и знаки преторской власти, чтобы каждый из них был полным начальником над той частью моря, которая ему доверена, сам же он как царь царей объезжал их и наблюдал, чтобы они оставались, где были поставлены; чтобы они, преследуя пиратов, не бросались от одного неоконченного дела на другое и чтобы у него повсеместно были люди, которые бы выступали против пиратов и отрезали им возможность перебежать друг к другу.

95. Устроив все таким образом, Помпей поставил начальниками в Иберии и у Геркулесовых столбов Тиберия Нерона и Манлия Торквата, над побережьем Лигурийского и Кельтского моря—Марка Помпония, в Ливии, Сардинии, Корсике и по соседним островам—Лентула Марцеллина и Публия Атилия, для самой Италии—Луция Геллия и Гнея Лентула. Сицилию и Ионийское море охраняли ему Плоций Вар и Теренций Варрон до Акарнании; Пелопоннес и Атику, Эвбею, Фессалию, Македонию и Беотию—Люций Сизенна, острова и все Эгейское море и прилегающую к нему часть Геллеспонта—Луций Лоллий; Вифинию, Фракию, Пропонтиду и устье Понта—Публий Пизон; Ликию, Памфилию. Кипр и Финикию—Метелл Непот. Так были распределены им предводители, с приказом нападать и защищаться, охранять назначенные места и перенимать бегущих от других полководцев, преследуя их, чтобы они не уходили далеко, не плавали вперед и назад и не затаили бы дела. Сам он объезжал их всех. Осмотрев сначала флотилии в западном направлении в течение сорока дней, он вернулся в Рим. Оттуда он вернулся в Брундизий и, отправившись из Брундузия, в такой же промежуток времени объехал весь восток, поразив всех быстротой плавания и огромностью приготовления. Его слава вызвала такой страх, что морские разбойники, надеявшиеся раньше напасть на него или во всяком случае показать ему, что дело с ними не так-то легко, испугались и ушли из тех городов, которые они осаждали, и бежали в привычные им скалы и бухты. Помпею удалось тотчас же без боя очистить море, а разбойников повсюду постепенно его полководцы захватили в плен.

96. Сам он двинулся в Киликию с войском различных родов оружия и со многими военными машинами, в ожидании, что ему придется применять различные виды битвы и осады при их стоящих на отвесных скалах укреплениях. Но ничего этого не понадобилось: его слава и его приготовления

привели в ужас морских разбойников; надеясь, что если они сдадутся без боя, то встретят с его стороны больше милосердия, первыми сдались жители Крага и Антикрага, двух самых больших укреплений, следом за ними горные киликийцы, и затем все подряд стали сдаваться, одновременно сдавая много оружия, отчасти готового, отчасти еще ковавшегося; сдали они и корабли—одни еще в стройке, другие уже спущенные, всю медь и железо, собранные с этою целью, разного рода лес, паруса и канаты, большое количество пленников, которых они держали в цепях: одних—в ожидании выкупа, других—для работы у себя. Из всей этой добычи Помпей лес сжег, корабли увел с собою, пленников отпустил на родину, и многие из них нашли себе там воздвигнутые кенотафы, как над покойниками. Тех же пиратов, которые, казалось, главным образом, не из-за злонамерения, но вследствие вызванного войной недостатка средств жизни пошли на такое занятие, он поселил в Малле, Адане и Эпифании, а также и по другим городкам этой Суrowsкой Киликии, которые остались без населения или с редким населением. А некоторых из них он послал в Димы в Ахайе.

Так в несколько коротких дней Помпею удалось окончить войну с пиратами, о которой думали, что она будет очень трудной. Кораблей, захваченных силой, он взял 71, сданных ими самими—306, а городов, укреплений и других пристаней—120. Разбойников же в битвах было убито и захвачено до десяти тысяч.

97. Когда эта операция была закончена так быстро и сверх всякого ожидания, римляне, безмерно превознося Помпея, когда он был еще в Киликии, выбрали его начальником для войны с Митридатом с теми же полномочиями, чтобы он, будучи неограниченным начальником, мог воевать и заключать мир, где хочет, и кого хочет делать друзьями римского народа или считать врагами. Они дали ему право распоряжаться всем войском, которое находится вне пределов Италии. Никогда еще никому ничего подобного раньше не было дано. Может быть, за это его и называют Великим. Ведь и прежними полководцами война с Митридатом не раз уже была окончена.

И вот Помпей, быстро собрав войско из Азии, стал лагерем на границах царства Митридата. У Митридата было отборное местное войско—30 000 пехоты и 3 000 всадников. С ним он занял передовые позиции в своей стране. Так как эти места опустошил Лукулл, то ему трудно было снабжаться провиантом. Поэтому многие решались перебежать к неприятелю. И тех, которых Митридат ловил, он вешал, выкалывал глаза и сжигал. Случаи побегов стали доставлять ему меньше беспокойства вследствие страха наказаний, но недостаток продовольствия продолжал его мучить.

98. Поэтому он отправил к Помпею послов, желая узнать, на каких условиях может быть прекращена война. Помпей сказал: «Если ты передашь нам перебежчиков и отдашь себя в наши руки». Узнав об этих требованиях, Митридат сообщил о них перебежчикам и, видя их испуг, поклялся, что у него с римлянами никогда не будет мира вследствие их алчности и что он никого не выдаст и не сделает ничего, что не было бы к их общей пользе. Так он сказал; а Помпей, устроив засаду из конницы, послал другую часть открыто против передовых отрядов царя, чтобы их беспокоить; он им велел... вызывать на бой и отступать, как будто они были разбиты... пока находившиеся в засаде, перехватив их, не обратили их в бегство. Возможно, что с бегущими они ворвались бы в лагерь, если бы царь, испугавшись этого, не вывел свою пехоту. Тогда римляне отступили. Таков был исход первой пробы столкновения Помпея и Митридата друг с другом и конного сражения.

99. Теснимый недостатком продовольствия, царь вынужден был отступить и дал Помпею возможность вступить в его царство, надеясь, что, сидя

в этой опустошенной стране, Помпей будет терпеть такие же лишения. Но Помпей имел у себя в тылу подвозной рынок; обойдя Митридата с востока, он провел линию укреплений с гарнизонами и лагерями на протяжении 150 стадий и выкопал ров, не давая ему с легкостью получать продовольствие. Царь не нападал на Помпея, пока он отрезал его, то ли из страха, то ли по опрометчивости, как бывает со всеми, когда приближается несчастье; страдая опять от недостатка продовольствия, он велел убить всех выючных животных, которых имел в лагере, сделав исключение только для коней; но этим он с трудом отсрочил решение дней на 50 и, в конце концов, бежал отсюда в глубоком молчании по непроходимым дорогам. Когда же Помпей только с наступлением дня достиг его и захватил его задние отряды, то и тогда, несмотря на настойчивые советы друзей выступить против него, не стал сражаться, только при помощи всадников отразив тех, которые подходили очень близко, вечером стал лагерем в густом лесу. На следующий день он занял место, круто поднимающееся со всех сторон; сюда вела одна только дорога, и ее охраняли четыре отряда; в свою очередь ее сторожили и римляне, чтобы Митридат не мог бежать.

100. С наступлением дня каждый из полководцев стал вооружать свое войско, а передовые отряды стали тревожить друг друга, вступая в сражение на склоне холма. И некоторые из всадников Митридата, спешившись без приказа, стали помогать своим передовым отрядам. Когда же против них появилось большее число римских всадников, то вышедшие без коней всадники Митридата целой толпой бросились в лагерь, чтобы сесть на коней и сражаться с нападающими римлянами при равных условиях. Те, которые вооружались еще наверху в лагере, увидев, что они бегут с криком, не зная, что случилось, и полагая, что они обратились в бегство и что их лагерь взят с обеих сторон, бросили оружие и стали убежать. Так как это место не имело выхода, то они сталкивали друг друга, бросаясь в разные стороны, пока не свалились на острые камни кручи. Так войско Митридата, вследствие опрометчивой поспешности тех, которые без приказа захотели помочь передовым отрядам, было приведено в беспорядок и погибло. Остальное было уже легким делом для Помпея; он стал убивать и захватывать еще невооруженных и запертых на месте, окруженном крутыми скалами. Было убито и захвачено до 10 000, и в его руки попал весь лагерь со всем обозом.

101. Митридат, оттесненный только со своею личной охраной к круче и бежавший, оказался с несколькими наемными всадниками и с тремя тысячами пехоты, которые тотчас последовали за ним в укрепление Синопре, где у него было спрятано много денег. Он дал подарки и плату за год тем, которые бежали вместе с ним. С 6000 талантов он устремился к истокам Евфрата, чтобы там перейти в область колхов. Быстро двигаясь и день и ночь, он уже на четвертый день перешел Евфрат, в течение трех следующих он стоял на месте и вооружал тех, кто был с ним или к нему подходил. Затем он вторгся в Хотенейскую Армению; там он прогнал хотенейцев и иберов, хотевших помешать ему стрелами и пращами, и перешел реку Апсар. Иберов, живущих в Азии, одни считают предками, другие — колонистами европейских иберов, третьи же — только одноименным с ними племенем: у них ничего нет общего ни по нравам, ни по языку. Митридат перезимовал в Диоскурах — этот город колхи считают доказательством того, что Диоскуры плыли вместе с аргонавтами. Там Митридат задумал не малое дело, и не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегстве: он задумал обойти кругом весь Понт и скифов припонтийских и, перейдя Меотийское болото, напасть на Боспор и, отобрав страну, где властвовал сын его, Махар, оказавшийся по отношению к нему неблагодарным, вновь оказаться перед римлянами и воевать с ними уже из Европы,

тогда как они будут в Азии, поставив между собою и ими тот путь, который, как считают, был назван Боспором («путем быка»), потому что его переплыла Ио, когда она, обращенная ревностью Геры в корову, должна была бежать.

102. Как ни фантастичен был план, за который ухватился Митридат, однако он стал прилагать старания его выполнить. Он прошел через земли скифских племен, воинственных и враждебных, частью договариваясь с ними, частью принуждая их силою: так, даже будучи беглецом и в несчастии, он вызывал к себе почтение и страх. Он прошел мимо гениохов, (дружески) принявших его; ахейцев же обратил в бегство и преследовал. Говорят, что когда ахейцы возвращались из-под Трои, они бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины; они послали на родину за кораблями, но так как на них не обратили никакого внимания, они рассердились на все эллинское племя, и всех эллинов, которых брали в плен, они стали убивать по обычаю скифов,—сначала, в гневе, всех, с течением же времени только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий. Вот что рассказывают о скифских ахейцах. Когда Митридат вступил в область Мэотиды, над которой много правителей, то все они приняли его (дружески), ввиду славы его деяний и его царской власти, да и военная сила его, бывшая еще при нем, была значительна; они пропустили его и обменялись взаимно многими подарками; Митридат заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы: итти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию, и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза от отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей. Когда его сын Махар узнал, что он совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для всех непроходимые, он отправил к нему послов, чтобы оправдаться перед ним, якобы он по необходимости служит римлянам; но, узнав, что Митридат находится в крайнем гневе, он бежал на мыс (Херсонес), находящийся в Понте, сжегши корабли, чтобы отец не мог его преследовать. А когда Митридат послал против него другие корабли, он, предупредив его, лишил себя жизни. Всех его друзей, которых он сам дал ему, когда тот уходил управлять этой страной, Митридат казнил; тех же из приближенных своего сына, которые служили ему как личному другу, он отпустил невредимыми.

103. Так обстояли дела с Митридатом; а Помпей сначала преследовал его до страны колхов, затем же, считая, что самому ему никогда не обойти кругом ни Понт, ни Мэотиду и что беглец уже не рискнет приступить к крупной операции, стал обходить страну колхов, интересуясь рассказами о пребывании здесь аргонавтов, Диоскуров и Геракла и особенно желая увидеть место страдания, где, по преданию, на Кавказских горах страдал Прометей. Вытекающие с Кавказских гор многочисленные источники несут незаметный мельчайший золотой песок; местные жители, положив в воду длинношерстные шкуры овец, собирают это золото, которое задерживается в их шерсти. Таким, вероятно, было и золотое руно Ээта; когда Помпей ходил по этим историческим местам, одни племена, которые были соседними с царством Митридата, пропускали его; но Ороз, албанский царь, и Арток, царь Иберии, с 70 000 воинов подстерегли его около реки Курна, которая двенадцатью судоходными устьями впадает в Каспийское море после того, как в него впадает много рек и самая большая из них—Аракс. Заметив эту засаду, Помпей соединил оба берега реки мостом и, прогнав варваров в густые заросли (они очень искусны вести лесную войну, скрываясь и появляясь незаметно), поставил войско вокруг этих зарослей и поджег их; тех, которые оттуда выбегали, он преследовал, пока все они не прислали за-

ложников и не принесли даров. В Риме он справил триумф и над ними. Среди этих заложников и пленных было много женщин, имевших не меньшие раны, чем мужчины. Считалось, что это амазонки, то ли потому, что амазонки были отдельным племенем, соседним с ними, призванным тогда на помощь, или потому, что вообще воинственных женщин здешние варвары называют именем амазонок.

104. Отсюда, повернув назад, Помпей двинулся на Армению, выставляя против Тиграна обвинение, что он помогал на войне Митридату. Он уже стоял около Артаксаты, обычного местопребывания царя. Тигран не хотел уже больше вести войну. Но у него было несколько сыновей от дочери Митридата, из которых двоих казнил сам Тигран: одного он убил в битве, когда тот начал с ним войну, а другого—на охоте, так как этот сын не оказал помощи отцу, упавшему на землю, но, когда он еще лежал на земле, надел на себя диадему. Третий сын—Тигран, который на этой охоте выказал по отношению к отцу много сочувствия, был им одарен, но немного времени спустя и он оказался ему неверен, вступил в войну с отцом, был побежден и бежал к Фраату, парфянскому царю, только что получившему власть после отца своего Синтрика. При приближении Помпея, сговорившись с Фраатом, который сочувствовал ему и лично стремился заключить дружеский союз с Помпеем, молодой человек бежал к Помпею в качестве молящего о защите, хотя он и был внуком Митридата. Но среди варваров Помпей пользовался великой славой справедливости и верности слову. Полагаясь на эти качества, прибыл к Помпею и отец-Тигран, даже не известив заранее вестником о своем прибытии, во всем поручив себя справедливости Помпея, и с тем, чтобы обвинять сына. Когда по приказанию Помпея в виде чести вышли ему навстречу трибуны и начальники конницы, то свита Тиграна, убоявшись, что его прибытие не было заранее возвещено, бежала назад, но Тигран двинулся дальше и приветствовал Помпея как более могущественного, по варварскому обычаю, земным поклоном. Некоторые говорят, что он был приведен ликторами, так как Помпей послал за ним. Каким бы образом он ни пришел, он оправдался относительно произошедшего; самому Помпею он дал 6000 талантов, солдатам из его войска по 50 драм каждому, центуриону по 1000, а военным трибунам по 10 000.

105. Помпей простил ему все бывшее раньше и примирил его с сыном и в качестве третейского судьи решил, чтобы сын правил Софеной и Гордиеной, которые теперь как раз называются Малой Арменией, а отец—всей остальной Арменией, причем этот сын должен быть его наследником. Те же земли, которые он приобрел, Помпей велел ему отдать назад. Ему пришлось отдать Сирию от Евфрата до моря, так как Тигран завладел и этой страной и частью Киликии, изгнав Антиоха, который имел прозвище «Благочестивый». Те из армян, которые покинули Тиграна, когда он направился к Помпею, относясь к этому с подозрением, убеждают сына Тиграна, когда он еще находился у Помпея, напасть на отца. Но он был схвачен и закован в цепи, и так как за это время он возбуждал парфян против Помпея, то он был проведен за колесницей победителя во время триумфа и затем казнен. Помпей же, считая, что им окончена вся война, основал в том месте, где он победил в битве Митридата, город, который в ознаменование подвига был назван Никоподем; город находится в так называемой Малой Армении. Ариобарзану он вернул царство Каппадокийское и сверх того дал Софену и Гордиену, которые он дал было в удел сыну Тиграна; и сейчас эти местности вместе с Каппадокией составляют одну провинцию. Он дал ему и киликийский город Кастабалы и некоторые другие. Ариобарзан еще при жизни передал все царство своему сыну. Много было перемен до Цезаря Августа, при котором и это царство, как и другие, было обращено в провинцию.

106. Помпей, перейдя через Тавр, вступил в войну с Антиохом, царем

Коммагены, пока Антиох не заключил с ним дружбы и союза; он начал войну и с Дарием, царем Мидии, пока не заставил его бежать, за то, что тот помогал или Антиоху, или еще раньше Тиграну. Он воевал и с арабами набатеями, царем которых был Арета, и с иудеями, так как их царь Аристобул отпал, пока не взял самый священный их город—Иерусалим. Затем он прошел и без боя покорил римлянам ту часть Киликии, которая еще не была под властью римлян, остальную часть Сирии, которая прилегает к Евфрату и называется Келесирией, Финикией и Палестиной, страну идумеев и итуреев и все другие племена Сирии, носящие разные названия. Он не имел в чем винить Антиоха Благочестивого, который был у него и просил вернуть ему царство его отцов, но он считал, что если он изгнал из этой земли победителя ее Тиграна, то тем самым римляне ее приобрели. Когда он был занят устройством всех этих дел, к нему прибыли послы от Фраата и Тиграна, которые вступили друг с другом в войну; послы Тиграна просили Помпея помочь ему, как заключившему с ним союз дружбы; послы же парфянского царя хотели заключить с римлянами дружеский союз. Помпей, не считая себя вправе воевать с парфянами без решения римского народа, отправил к обоим посредников для улажения недоразумений.

107. Вот чем был занят тогда Помпей; Митридат же закончил свой обход Понта; он захватил Пантикапей, торговое место для европейских купцов у устья Понта, и там на берегу самого пролива убил одного из своих сыновей, Ксифара, за следующее прегрешение его матери. У Митридата было некое укрепленное место, где в тайных подземных хранилищах было скрыто большое количество денег в медных, обтянутых железом сундуках. Стратоника, одна из наложниц или жен Митридата, которая знала тайну этого укрепления и которой был поручен надзор за ним, когда Митридат еще обходил Понт, отдала во власть Помпея это укрепление и выдала тайну этих сокровищ, о которых никто не знал, с следующим единственным условием, чтобы Помпей сохранил жизнь ее сыну Ксифару, если он попадет к нему в руки. Помпей, овладев этими деньгами, обещал ей сохранить Ксифара и разрешил ей взять ее собственное имущество. Узнав о случившемся, Митридат убил Ксифара у берега пролива на глазах у матери, смотревшей на это с другого берега, и бросил его тело непогребенным. Так он не пожалел своего сына для того, чтобы причинить мучение погрешившей против него. Затем он отправил послов к Помпею,—он еще был в Сирии и не знал, что тот обошел море,—послы обещали, что он будет платить дань римлянам за свое родовое царство. Когда же Помпей приказал Митридату явиться и самому просить об этом, подобно тому как пришел Тигран, он сказал, что, пока он остается Митридатом, он никогда на это не согласится, но что он пошлет кого-нибудь из своих сыновей и друзей. Вместе с этим он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне мало-мощных. Его служители по сбору налогов чинили многим обиды без ведома Митридата: страдая какой-то болезнью—нарывами на лице,—он обслуживался тремя евнухами, которые только и могли его видеть.

108. Когда прекратилась его болезнь и у него уже собралось войско—60 отборных отрядов по 600 человек в каждом и много прочего войска, равно и корабли и укрепленные места, которые его предводители взяли за время его болезни, он направил часть своего войска против фанагорийцев в другой торговый пункт около устья с тем, чтобы и с той и с другой стороны держать вход в своих руках. Помпей в это время был еще в Сирии. Тут один из фанагорийцев, Кастор, подвергнутый некогда телесному наказанию царским евнухом Трифоном, напал на Трифона, когда он входил в город, убил его и стал призывать народ вернуть себе свободу. Хотя их крепость была

уже занята Артаферном и другими сыновьями Митридата; они обложили вершину горы деревом и подожгли его. Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр, сыновья Митридата, и Эвпатра, его дочь, испугавшись пожара, сдались в плен и позволили увести себя. Из них только Артаксерксу было лет 40, остальные же были красивыми юношами. Но дочь Митридата, Клеопатра, оказывала сопротивление. Отец, восхищенный смелостью ее духа, послав много бирем, вырвал ее из рук врагов. И те укрепления поблизости, которые были недавно захвачены Митридатом, под влиянием такого смелого поступка фанагорийцев отложились от Митридата, а именно: Херсонес, Федосия, Нимфей и все другие по берегу Понта, очень удобные в военном отношении. Митридат, видя частые отпадения и относясь подозрительно к войску, считая его ненадежным из-за трудностей похода и тяжести податей, равно и вследствие недоверия войска к полководцам, терпящим неудачи, послал при посредстве своих евнухов своих дочерей к скифским правителям в жены, прося возможно скорее прибыть к нему с войском. Он послал 500 человек из своего войска, чтобы проводить их. Они же едва отъехали от ставки Митридата, убили везших девушек евнухов из-за всегдашней вражды к евнухам, имевшим силу у Митридата, а девушек отвезли к Помпею.

109. Потеряв столько детей и укрепленных мест и лишенный почти всего царства, уже являясь совершенно небоеспособным, и не рассчитывая добиться союза со скифами, Митридат тем не менее даже тогда носился с планом не ничтожным или соответствующим его несчастьям: он задумал, пройдя через область кельтов, с которыми он для этой цели давно уже заключил и поддерживал союз и дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию, надеясь, что многие в самой Италии присоединятся к нему из-за ненависти к римлянам; он знал, что так поступил и Ганнибал, воюя в Испании, и вследствие этого был особенно страшен римлянам; он знал, что и недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них со Спартаксом—гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения. Принимая все это в соображение, он намеревался двинуться в область кельтов. Но хотя этот план, может быть, оказался бы для него блестящим, но его войско колебалось вследствие, главным образом, самой грандиозности этого предприятия; не хотелось им также отправиться в столь длительное военное предприятие, в чужую землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей земле. О самом Митридате они думали, что, отчаявшись во всем, он предпочитает умереть, совершив что-либо значительное, как прилично царю, чем окончить свои дни в бездействии. Но пока они оставались при нем и сохраняли спокойствие: ведь даже в несчастьях царь являл себя не как человек ничтожный и презренный.

110. Таково было положение всех дел. Фарнак, которого Митридат из всех своих детей денил выше всех и часто заявлял, что он будет преемником его власти, составил заговор против отца, то ли испугавшись этого похода и возможности потери всей власти—он считал, что еще теперь можно получить прощение от римлян; если же отец пойдет походом на Италию, то власть будет потеряна везде и совершенно,—или же потому, что у него были другие мотивы и соображения. Когда его соучастники были схвачены и подвергнуты пытке, Менофан убедил Митридата, что не следует, собираясь уже в поход, казнить еще так недавно столь ценного им сына; он сказал, что подобные перемены—результат войны, с прекращением которой и всё остальное придет в порядок. Убеденный им, Митридат согласился на прощение сына. Но Фарнак, испугавшись какого-либо нового проявления гнева отца и зная, что войско боится этого похода, ночью пришел прежде всего к римским перебежчикам, стоявшим лагерем ближе всего к Митри-

дату, и, преувеличив ту опасность для них, которая им грозит, если они пойдут на Италию, о которой они и сами хорошо знали, и дав им много обещаний, если они останутся с ним, довел их до решения отпасть от отца. Склонив их на свою сторону, Фарнак той же ночью разослал (своих сторонников) по другим, близко находящимся лагерным стоянкам. Когда он договорился и с этими, то с наступлением утра сначала перебежчики подняли военный клич, а за ними подхватили этот крик те, которые стояли близко. И флот ответил им такими же возгласами. Может быть, и не все знали, в чем дело, но они все были склонны к переменам, не обращающая внимания на «возможное?» несчастье, но рассчитывая всегда на выгоду от переворота. Другие же, не зная о заговоре и полагая, что все уже изменили и что они остаются в одиночестве и вызовут к себе презрение со стороны большинства, стали кричать вместе с другими скорее из страха и необходимости, чем по доброй воле. Митридат, проснувшись от их крика, послал спросить, чего они хотят. Они, не скрываясь, заявили: «Хотим, чтобы царем был его сын, молодой вместо старого, отдавшегося на волю евнухам, убившего уже многих своих сыновей, предводителей и друзей».

111. Узнав об этом, Митридат вышел, чтобы переговорить с ними. Большое число из его личной гвардии перешло к (римским) перебежчикам. Они же отказались их принять, прежде чем они в доказательство своей верности не сделают что-либо непоправимое в знак верности, намекая тем на личность Митридата. И вот они успели убить коня Митридата, когда он бросился бежать, и, считая себя уже победителями, объявили Фарнака царем; кто-то вынес из храма плоский стебель, и Фарнака увенчали им вместо диадемы. Видя все это с высокого открытого места, Митридат стал посылать к Фарнаку одного за другим вестников, требуя для себя права свободного и безопасного выхода. Так как никто из посланных не возвращался, то он побоялся, как бы его не выдали римлянам, и, воздав похвалу своей личной охране и друзьям, которые еще оставались при нем, он отпустил их к новому царю; некоторых из них войско по недоразумению убило. Сам Митридат, открыв тот яд, который он всегда носил с собою в мече, стал его смешивать. Тогда две его дочери, еще девушки, которые, жили при нем, Митридатис и Нисса, сосватанные одна за египетского царя, другая за царя Кипра, заявили, что они раньше выпьют яд; они настойчиво этого требовали и мешали ему пить, пока не получили и не выпили сами. Яд тотчас же подействовал на них, на Митридата же, хотя он нарочно усиленно ходил взад и вперед, яд не действовал вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравлений; они и сейчас называются «митридатовым средством». Увидав некоего Битоита, начальника галлов, Митридат сказал: «Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, но самая большая мне будет помощь, если ты теперь приконишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, мне, бывшему столь долгое время самодержавным царем этой страны, я не могу умереть от яда вследствие глупых моих предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда—неверности войска, детей и друзей—я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и от них сумел уберечься». Битоит почувствовал жалость к царю, нуждавшемуся в такой помощи, и выполнил его просьбу.

112. Так умер Митридат, в шестнадцатом колене потомок персидского царя Дария Гистаспа, в восьмом—того самого Митридата, который отпал от македонян и захватил власть над понтийским царством. Он прожил 68 или 69 лет, из них 57 лет он был царем. Власть перешла к нему, когда он был сиротой. Он подчинил себе соседние варварские народы, и из скифов

ему повиновались многие; с римлянами он упорно вел 40 лет войну, в течение которой он часто овладевал Вифинией и Каппадокией; он сделал вторжение в Азию, Фригию, Пафлагонию, Галатию и в Македонию; напав на Элладу, он совершил много великих деяний; над морем он властвовал от Киликии до Ионийского моря, пока, наконец, Сулла не запер его опять в его родовом царстве, после того как Митридат потерял войско в 160 000 человек. Испытав даже столь жестокое поражение, он без большого труда вновь был готов к войне. Он вступал в сражения с лучшими из предводителей; хотя он потерпел поражение от Суллы, Лукулла и Помпея, но часто он и над ними имел большие преимущества и победы. Люция Кассия, Квинта Оппия и Мания Аквиллия он взял в плен, возил с собою по всем городам, пока, наконец, первого он не казнил, так как он был виновником войны, а двух последних вернул Сулле. Он одержал победы над Фимбрией, Муреной, консулом Коттой, Фабием и Триарием. Духом он, даже в несчастиях, был велик и не поддавался отчаянию. Он не оставлял ни одного пути, чтобы не попытаться напасть на римлян, даже будучи побежденным. Он вступал в соглашения с самнитами и кельтами, отправлял посольства и к Серторию в Иберию. Раненый часто врагами или по злому умыслу кем-либо другим, он даже в этом случае не прекращал (предприятия), хотя и был уже стариком. Действительно, ни один из заговоров от него не скрылся, даже последний, но, по собственной воле оставив его без внимания, он погиб от него: так низкая душа, получив прощение, оказывается неблагодарной. Он был склонен к убийству и свиреп по отношению ко всем; он убил свою мать и брата и из своих детей трех сыновей и трех дочерей. Телом он был крупен, насколько можно судить по оружию, которое он послал в Немею и в Дельфы; крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог кидать копья и проезжать в день тысячу стадий, меняя на известных расстояниях лошадей. Он правил колесницей, запряженной сразу 16 лошадьми. Он любил эллинскую культуру, поэтому он знал и выполнял эллинские религиозные обряды; любил и музыку. Будучи столь благоразумен и вынослив, он имел только одну слабость—в наслаждениях с женщинами.

113. Так умер Митридат, получивший прозвище Эвпатора и Диониса. Римляне, узнав об этом, торжественно отпраздновали это событие, считая, что избавились от очень тяжелого врага. Фарнак же послал на гриреме труп своего отца Помпею в Синопу, а также тех, кто взял в плен Мания, и многих заложников, сколько у него было от эллинских и варварских городов, прося, чтобы Помпей предоставил ему одному либо наследственное царство, или царство Боспорское, которое и его брат Махар получил от отца их Митридата. Помпей устроил пышные похороны телу Митридата и его слугам поручил похоронить его в царской усыпальнице и положить в Синопе в царской гробнице, восхващая его великими подвигами, считая его лучшим из царей своего времени. Фарнака, избавившего Италию от больших затруднений, он сделал другом и союзником римлян и дал ему Боспорское царство, кроме области Фанагорийской: фанагорийцев он сделал свободными и автономными, так как первыми именно они, когда Митридат стал крепнуть и заготовлял себе корабли и другое войско и держал в своих руках укрепленные пункты, решились восстать против него и тем подали пример другим отпасть от него и оказались, таким образом, виновниками гибели Митридата.

114. Сам Помпей, одной этой войной уничтожив могущество морских разбойников и великого царя и счастливо проведя сражения,—если не считать Понтийской войны,—с колхами, албанцами, иберийцами, армянами, мидийцами, арабами, иудеями и другими восточными народами, раздвинул власть римлян до Египта. В самый же Египет он не пошел.

хотя там происходило восстание против царя и царь Египта призывал его, посылая ему подарки, деньги и одеяние для всего войска. Не пошел он, или боясь силы еще процветающего царства, или остерегаясь зависти врагов, или предостерегающего указания прорицания, или по другим основаниям, которые я изложу, рассказывая о египетских делах. Из завоеванных народов он одних оставил автономными за оказанную военную помощь, других он подчинил римлянам, а третьих передал под власть царей, отдав Тиграну Армению, Фарнаку Боспор, Ариобарзану Каппадокию и все другие области, о которых я сказал раньше. Антиоху из Коммагены он отдал Селевкию и все другие области Месопотамии, которые он захватил во время набега. Он назначил и тетрархов над галло-греками, — это нынешние галаты, соседи Каппадокии, — Дейотара и других, над Пафлагонией Аттала, а над колхами Аристарха. В Команы он назначил великим жрецом богини Архелая, так как эта власть равна царской, а фанагорийца Кастора назвал другом римского народа. И другим он дал много земель и денег.

115. Он основал города: в Ближней Армении — Никополь, в память одержанной победы в Понте — Евпаторию, которую основал сам Митридат Эвпатор и по своему имени назвал Евпаторией; когда она перешла на сторону римлян, он ее опустошил и разрушил, Помпей же ее восстановил и назвал Магнополем. В Каппадокии он восстановил город Мазак, вконец разрушенный войною. Много других городов, разрушенных или поврежденных войною, он отстроил и в Понте, и в Палестине, и в Келесирии, и в Киликии, где он, главным образом, и поместил морских разбойников, и город, который издревле назывался Солами, ныне стал Помпейнополь. В Талаврах, городе, где Митридат имел свою сокровищницу для утвари, было найдено две тысячи кубков из так называемого оникса, украшенных золотом, много чаш и больших сосудов и рогов для питья, украшенных лож и кресел, конской сбруи, нагрудников и седел, — все они были украшены драгоценными камнями и золотом. Их прием из-за большого количества затянулся на тридцать дней. Некоторые из вещей были времени Дария Гистаспа, другие из царства Птолемеев — те, которые Клеопатра оставила кеосцам, а кеосцы отдали Митридату. Некоторые же заказал сам Митридат и собрал их сюда, так как он был любителем красоты и в утвари.

116. В конце зимы Помпей роздал награды войску, на каждого воина по 1500 аттических драхм и соответственно больше их начальникам; говорят, что всего было (роздано) 16 000 талантов. Сам он, спустившись к Эфесу, поплыл в Италию и поспешил в Рим, отпустив в Брундизии все войско по домам. Этим в высшей степени демократическим поступком он поразил римлян. Когда он приближался к Риму, жители постепенно выходили навстречу ему, дальше всех молодежь, а за ней люди разного возраста, кто насколько мог, а сверх всех и сенат, удивляясь его подвигам: ведь никто еще никогда не побеждал столь могущественного врага, не захватывал столько и столь великих народов и не доводил власть римлян до пределов Евфрата. С блеском и славой, как никто до него, имея от роду всего 35 лет, он в течение двух дней совершил триумф над многими народами из Понта и Армении, Каппадокии и Киликии, из всей Сирии; тут были и албанцы, и гениохи, и скифские ахейцы, и восточные иберийцы. Он привел в гавани 700 целых кораблей, а в торжественном шествии триумфа двигались колесницы, и носилки, украшенные золотом, и другие вещи, пестро разукрашенные, и ложе Дария Гистаспа, и трон самого Митридата Эвпатора. Он велел нести и его скипетр и изображение в 8 локтей величиной, сделанное из литого золота, и серебра в чеканной монете 75 100 000 драхм; двигалось бесконечное число повозок с оружием и носами кораблей и огромное

количество пленных и морских разбойников; никто из них не был закован и все шли в их национальных одеждах.

117. Впереди колесницы самого Помпея шли те, которые были сановниками, детьми или военачальниками побежденных царей; одни из них были пленниками, другие даны в качестве заложников—всего 324. Тут был и Тигран, сын Тиграна, и пять сыновей Митридата: Артаферн, Кир, Оксатр, Дарий и Ксеркс, и его дочери Орсабарис и Эвпатра. Шел и властитель колхов Олфак, и иудейский царь Аристобул, и правители киликийцев, и царственные женщины скифов, три предводителя иберов и два—албанцев, а также Менандр из Лаодикеи, бывший у Митридата начальником конницы. Тех же, которых тут не было, несли в изображениях, представлявших Тиграна и Митридата, как они сражались, были побеждены и бежали. Было изображено, как был осажден Митридат и как он в тиши ночной бежал. А в конце было показано, как он умер, и были нарисованы его дочери-девушки, которые предпочли умереть вместе с ним; были нарисованы и его сыновья и дочери, умершие раньше его; тут же были изображения варварских богов в их местных одеяниях. Несли также и плакат, на котором было написано: «Кораблей с медными боевыми носами взято в плен 800; городов основано в Каппадокии 8, в Киликии и Келесирии 20, в Палестине—ныне называемая Селевкида. Побеждены цари: Тигран армянский, Арток иберийский, Ороз албанский, Дарий мидийский, Арета—набатей, Антиох из Коммагены». Вот что гласила эта надпись. Сам же Помпей ехал на колеснице, украшенной драгоценными камнями, в одеянии, как говорят, Александра Македонского, если только это правда; кажется, он нашел его в сокровищах Митридата: кеосцы получили его от Клеопатры. За его колесницей следовали воевавшие вместе с ним его полководцы—одни верхом на конях, другие пешком. Поднявшись на Капитолий, он не казнил никого из пленных, подобно другим, справлявшим триумфы, но на государственный счет отослал их на родину, кроме лиц царского рода. Да и из них один только Аристобул был немедленно убит, а впоследствии Тигран. Таков был его триумф.

118. Так римляне подчинили себе Вифинию и Каппадокию и все соседние с ними племена, живущие до Эвксинского Понта, воюя с царем Митридатом приблизительно в течение 42 лет. Во время этой же войны они в стремительности победы захватили и те места Киликии и Сирии, которые им никогда не принадлежали: Финикию и Келесирию, Палестину и центральные земли до Евфрата, никогда не принадлежавшие Митридату; на них наложили дань—на одних немедленно, на других немного позже. Пафлагонию, Галатию, Фригию и соседнюю с Фригией Мисию и, сверх этого, еще Лидию, Карию, Ионию и все другие места Азии, которые принадлегают к Пергаму, древнюю Элладу и Македонию они отняли от Митридата и вновь забрали себе; на большинство из этих стран, которые раньше им не платили податей, они наложили дань. Главным образом, из-за этого, как мне кажется, они считали эту войну великою, победу в этой войне называют великою, и Помпея, который командовал в этой войне, они и до сих пор на своем языке зовут «Великим», вследствие большого количества племен, которые он победил и присоединил, и вследствие длительности войны (она тянулась 40 лет), смелости и выносливости самого Митридата, который, как убедились они, во всем способен был с ними померяться.

119. Часто у него было собственных кораблей больше 400, всадников иногда до 50 000 и пешего войска—250 000, всяких военных машин и метательных орудий—соответственно этому; в союзе с ним были цари и правители Армении и скифов, живущих у Понта, у Меотийского болота и от него по берегам в направлении к Фракийскому Боспору. Он имел сношения и с сильными людьми из римлян, тогда особенно восстававших друг на друга и

поднявших восстание против римлян в Иберии; он заключил союз дружбы с кельтами (галлами), собираясь даже этим путем напасть на Италию; он наполнил все море от Киликии до Геркулесовых столбов морскими разбойниками, которые сделали все пути между городами недоступными для сношений и непроезжими и вызвали повсеместно тяжелый голод. Вообще ничего доступного человеческим силам он не пропустил, чтобы своими действиями или планами, так сказать, «не навязать» им это великое движение, которое поднялось тогда с востока до запада; и заставить их воевать с ним вместе или против него, подвергаться нападениям пиратов или страдать от соседства с ним. Настолько одна эта война была велика и разнообразна. Ее окончание принесло римлянам величайшую выгоду: благодаря ей они раздвинули пределы своего владычества от крайнего запада до реки Евфрата. Нет возможности расчлнить весь этот рассказ по отдельным племенам, так как действия происходили все вместе и переплетались друг с другом. То, что даже при таких условиях можно было выделить, распределено по существующим частям работы.

120. Фарнак же стал осаждать Фанагорию и соседние с ней города по Боспору, пока, наконец, фанагорийцы, побуждаемые голодом, не вступили с ним в сражение и не были побеждены в битве. Фарнак не причинил им никакого вреда, но, заключив с ними союз дружбы и взяв заложников, удалился. Немного спустя он взял Синопу; задумывая захватить Амис, он вступил в войну с римским военачальником Кальвином, в то время как Помпей и Цезарь пошли войной друг против друга, пока, наконец, Асандр, его личный враг, не изгнал его из Азии, так как римляне были заняты в других местах. Он вступил в сражение и с самим Цезарем, — когда тот, победив Помпея, возвращался из Египта, — около горы Скотия, где его отец победил римлян, бывших под начальством Триария. Победенный, он бежал с 1000 всадников в Синопу; Цезарь, не имея времени, не преследовал его, но послал против него Домиция. С ним Фарнак заключил мир, передал ему Синопу и был отпущен со своими всадниками. Он велел убить коней к большому неудовольствию всадников и, взойдя на корабли, бежал в Понт; собрав каких-то скифов и савроматов, он захватил Феодосию и Пантикапей. Когда же Асандр по вражде к нему вновь напал на него, то всадники Фарнака, не имея лошадей и не умея сражаться пешим строем, были побеждены, а сам Фарнак, геройски сражаясь один, был убит, покрытый ранами, 50 лет от роду и процарствовав над Боспором 15 лет.

121. Так и Фарнак потерял свою власть, и его царство Кай Цезарь дал Митридату Пергамскому, который с большим рвением помогал ему в Египте; теперь эти обе страны стали дружественными, и каждый год сенат назначает в Понт и Вифинию правителя; что касается владений, которые Помпей отдал другим, то Кай Цезарь, хотя и упрекал их владельцев за то, что они сражались против него в союзе с Помпеем, все-таки сохранил за ними, кроме жреческой должности в Команах, которую он взял от Архелая и передал Ликомеду. Но немного спустя все эти земли, как и те, которые были даны во владение Каем Цезарем или Марком Антонием другим лицам, были обращены в римские провинции с того времени, как божественный Август захватил Египет; для этого требовался лишь незначительный предлог. Так как в результате Митридатовой войны римская власть и распространилась на берега Эвксинского Понта и до песков пустынь перед Египтом, от Иберии у Геркулесовых столбов до Евфрата, то и эта победа справедливо названа великой, и начальствовавший в ней Помпей получил прозвание «Великого». Так как они владели и Ливией, простиравшейся до Кирены (самую же Кирену царь Апион, побочный сын рода Лагидов, оставил им по завещанию), то в кругу земель по Средиземному морю им осталось завладеть только Египтом.

СИРИЙСКИЕ ДЕЛА

1. Антиох, сын Селевка и внук Антиоха, был царем сирийцев, вавилонян и других племен. Он был шестым в ряду потомков Селевка, который после Александра царствовал над Азией по Евфрату; напав на Мидию и Парфию и на другие племена, отложившиеся еще до него, и совершив много великих подвигов, он получил за это прозвище Антиоха Великого; гордясь совершенным им и полученным за это прозвищем, он напал на глубинную Сирию и на те области Киликии, которые принадлежали Птолемею Филадельфу, еще мальчиком ставшему царем Египта, и ими завладел; несколько ни с чем не считаясь, он двинулся на при-Геллеспонтские области, на эолийские и ионийские города, под предлогом, что они принадлежат ему как властителю Азии; ведь и раньше—говорил он—они подчинялись царям Азии. Переплыв в Европу, он двинулся на Фракию и силою подчинил отказавшиеся ему повиноваться племена; он укрепил Херсонес и заселил Лисимахию; ее основал Лисимах, воцарившийся над Фракией после Александра, с тем чтобы она была ему укрепленным пунктом против фракийцев; фракийцы же, когда Лисимах умер, разрушили ее. И вот Антиох стал ее заселять, призывая беглецов из владений Лисимаха, покупая обращенных в рабов пленников, прибавляя к ним других, давая быков, овец и железные орудия для земледелия и ничего не упуская, чтобы быстрым темпом укрепить город. Это место ему казалось в высшей степени важным укреплением против всей Фракии и самым удобным складочным местом при выполнении остальных его замыслов.

2. Но это послужило для него началом явного разногласия также с римлянами. Когда он стал захватывать, один за другим, греческие города, то большинство их жителей из страха захвата силою подчинялись ему и выдавали гарнизоны, но жители Смирны, Лампсаки и другие держались еще против него и отправили послов к римскому полководцу Фламинину, недавно в большой битве в Фессалии победившему Филиппа Македонского. Ведь дела Македонии и греков имели общие точки соприкосновения и по месту, и по времени, как мною это показано в «Греческой истории». И уже между Антиохом и Фламинием были некоторые взаимные посольства и безуспешные попытки соглашения. И римляне, и Антиох с большим подозрением относились друг к другу: римляне полагали, что Антиох не останется спокойным, находясь под обаянием величия своей власти и расцвета удач; Антиох же полагал, что только одни римляне будут особенно препятствовать расширению его могущества и помешают ему при его попытке переправиться в Европу. Но вообще у них не было явных причин для враждебных отношений. В то время в Рим прибыли послы от Птолемея Филадельфа; он жаловался, что Антиох отнял у него Сирию и Киликию. Римляне схотны ухватились за этот предлог, случившийся для них очень кстати, и отправили послов к Антиоху, которые на словах имели намерение примирить Птолемея с Антиохом, на деле же внимательно разглядеть планы Антиоха и помешать ему, сколь они смогут.

3. Стоявший во главе этого посольства Гней¹ стал требовать от Антиоха предоставить Птолемею, другу римского народа, управлять теми землями, которые ему оставил отец, а те города в Азии, которыми управлял Филипп Македонский, оставить автономными: ведь несправедливо, чтобы Антиох владел тем, что римляне отняли у Филиппа. И вообще, сказал он, непонятно, чего ради Антиох предпринял такой поход, пришел со столь огромным войском из середины Мидии в приморскую Азию и торгся в Европу, подчиняя в ней города своей власти и пытаясь покорить Фракию, если все это не имеет целью подготовку другой войны. На это Антиох ответил, что Фракию, бывшую во владении его предков и утраченную вследствие недостатка внимания с их стороны, он, имея свободное время, вновь берет себе и восстанавливает Лисимахию, чтобы она была местом жительства его сына Селевка; города же в Азии он оставит автономными, если они будут проявлять расположение не к римлянам, а к нему. «Что же касается Птолемея», сказал он, «то я его родственник, и очень скоро буду как никогда близок ему по браку и постараюсь, чтобы он по отношению к вам выказывал признательность; с своей стороны, я не могу понять, почему римляне считают справедливым вмешиваться в дела Азии, тогда как я не вмешиваюсь в дела Италии».

Так безрезультатно они разошлись, дав совершенно ясно прорваться взаимным угрозам.

4. И по их словам, и по общему мнению было ясно, что в случае смерти Птолемея Филадельфа Антиох спешно двинется на Египет, оставшийся без правителя, чтобы его захватить. В Эфесе с ним встретился карфагенинин Ганнибал, бежавший из родины вследствие клеветы своих врагов, которые говорили, что он крайне враждебно настроен к римлянам, жаждет войны и не может жить в мирной обстановке. А это было время, когда карфагенине в силу договора были подчинены римлянам. Широко прославленного своими военными подвигами Ганнибала Антиох принял блестяще и держал его около себя. Узнав в Ликии, что Птолемей еще жив, Антиох отказался от Египта, но, надеясь, что он вместо Египта сумеет захватить Кипр, он быстро отплыл против него. Около реки Сара он попал в бурю, потерял много кораблей, некоторые со всеми людьми и друзьями; поэтому он отплыл в Селевкию в Сирии и стал восстанавливать пострадавший флот. Он отпраздновал брак своих детей, Антиоха и Лаодики, сочетав их между собой.

5. Зная, что надо скрывать свои намерения относительно войны с римлянами, он предусмотрительно связывает браком близких к нему царей: в Египет Птолемею он послал Клеопатру, имевшую прозвище Сира, в качестве приданого отдав Келесирию, которую сам отнял у Птолемея, ухаживая за юношей, чтобы он во время его войны с римлянами оставался спокойным. Антиохиду он послал Ариарату, царю Каппадокии, и еще одну оставшуюся у него — Эвмену — царю Пергама. Но Эвмен отказался принять ее (он видел, что Антиох уже задумывал войну против римлян и под давлением такой необходимости хочет связаться с ним узами родства), и когда его братья Аттал и Филетер удивлялись, что он отказывается вступить в родственные отношения со столь великим царем и своим соседом, причем тот сам его просит об этом, он указал им, что в будущей войне вначале положение той и другой стороны будет равным, но с течением времени римляне окажутся сильнее вследствие твердости духа и настойчивости. «Я лично, — сказал он, — в случае победы римлян спокойно буду править в своей стране; если же победителем окажется Антиох, то я могу ждать, что все будет у

¹ По Полчию (17,31) и по Ливию (33, 39 и 41) — Люций Корнелий. Некоторые у Ливия читают Гай, откуда и могло получиться Гней.

меня отнято, или же могу ждать, что, сохранив все свое, я буду царствовать так, что он будет царствовать надо мною». Вследствие таких соображений он и отказался от брака.

6. Антиох же вновь двинулся к Геллеспонту и, переплыв в Херсонес, также и в этот раз прошел по многим местам Фракии, подчиняя их своей власти. Он освобождал эллинов, которые были в подданстве у фракийцев, и оказал большие милости византийцам, так как их город занимал очень выгодное положение у входа в пролив. Галатов он привлек к союзу с собой как дарами, так и страхом своих приготовлений, считая, что вследствие их огромного роста они будут для него подходящим боевым материалом. После этого он отплыл в Эфес и отправил в Рим послами Лисия, Гегесианакта и Мениппа, которым было поручено на самом деле испытать настроение сената; на словах же Менипп должен был сказать, что царь старается быть в дружбе с римлянами, хочет быть и союзником их, если они сочтут это нужным, что он удивляется, почему они приказывают ему отказаться от ионийских городов, снять с некоторых из них налоги и по некоторым вопросам не вмешиваться в дела Азии, а также оставлять в покое Фракию, хотя она всегда была собственностью его предков; ведь такие приказания отдают не друзьям, но победители—побежденным. Но те из сенаторов, которые встречались с членами посольства, явившимися позондировать их настроение, кратко отвечали, что, если Антиох оставит самостоятельными эллинов в Азии и не будет нападать на Европу, он будет другом римлянам, если захочет.

Вот что ответили римляне, и к своему ответу они не прибавили никаких обвинений.

7. Антиох, собираясь прежде всего напасть на Грецию и оттуда начать войну с римлянами, предложил карфагенянину Ганнибалу высказать свое мнение об этом плане. На это Ганнибал сказал, что Греция, давно уже истерзанная, является делом легким для его завоевательных планов; что для всех войны, ведущиеся в их стране, тягостны, так как от этого возникает голод; войны же вне их страны много легче. Антиох никогда не сломит сил римлян в Греции, так как у них будет в изобилии местное продовольствие и достаточное снабжение. Поэтому он посоветовал Антиоху захватить какую-либо часть Италии и, двигаясь оттуда, воевать с римлянами, так чтобы их положение и внутри страны, в вне ее стало более шатким. «Я имею опыт с Италией,—сказал он,—и с десятью тысячами людей могу захватить в ней удобные места и послать в Карфаген к друзьям с поручением поднять народ, уже давно недовольный и не имеющий никакой верности римлянам; он тотчас же исполнится смелости и надежд, если услышит, что я вновь опустошаю Италию». Антиох с удовольствием выслушал его слова и, считая, что приобрести себе помощь для войны в лице Карфагена дело большое,—и это действительно было так,—велел ему тотчас же послать людей с поручением к своим друзьям.

8. Но писем Ганнибал не стал посылать (это он считал не безопасным, так как римляне всё выслеживали, а война еще не была открыто объявлена; да и в Карфагене у него было много противников; самый политический строй не был прочен и упорядочен, что и привело вскоре к гибели Карфагена); он решил послать к своим друзьям тирийского купца Аристона, под предлогом торговых дел, требуя, чтобы они тогда, когда сам он вторгнется в Италию, подняли Карфаген для отомщения за перенесенные обиды. Аристон так это и сделал. Враги Ганнибала, заметив пребывание Аристона в их городе, подняли шум, говоря, что готовится переворот, и разыскивали Аристона по всему городу. Тогда Аристон, чтобы клевета пала не исключительно на друзей Ганнибала, тайно ночью представил совету

письменный доклад о том, что Ганнибал призывает всех членов совета в союзе с Антиохом помочь родине. Сделав это, он отплыл. С наступлением дня у друзей Ганнибала вследствие такого умного поступка пропал страх, так как можно было подумать, что Аристон был послан ко всему совету старейшин; тем не менее город наполнился шумными толками, так как к римлянам относились враждебно, но не думали, что можно что-либо предпринять втайне от римлян.

9. Таковы были отношения с Карфагеном. Римские послы, другие, возглавляемые Сципионом, победителем Карфагена, отправленные для подобного же испытания образа мыслей Антиоха и для ознакомления с его приготовлениями, обнаружили, что царь уже выступил в Писидию; они поэтому оставались в Эфесе и там часто встречались и беседовали с Ганнибалом, так как с Карфагеном у них продолжали существовать договорные отношения, а с Антиохом не было еще явно враждебных. Они бранили Ганнибала за то, что он бежал из отечества, так как римляне не нарушили своих договорных обещаний ни по отношению к нему, ни по отношению к другим карфагенянам. Они так действовали, желая, чтобы Ганнибал стал подозрительным для царя вследствие постоянного общения и встреч с ними. Ганнибал, величайший стратег, не сообразил этого; царь же, узнав об этом, стал относиться к нему подозрительно и с этого времени стал не так искренно верить ему. А к тому же у него появилась к Ганнибалу и зависть, как бы слава за все дела не досталась Ганнибалу.

10. Говорят, что во время этих бесед в гимнасии как-то разговорились между собою Сципион и Ганнибал об искусстве вождя в присутствии очень многих. Сципион спросил Ганнибала, кого считает он лучшим вождем. Ганнибал ответил: «Александра Македонского». Сципион отнесся спокойно к этому заявлению, означавшему, что Александр стоит выше его, и спросил, кого же он считает вторым после Александра? Ганнибал тогда сказал: «Пирра, царя Эпира». Очевидно, доблесть вождя он полагал в дерзании, а более дерзновенно действовавших, чем эти цари, нельзя найти никого. Сципион, уже почувствовавший обиду, однако еще раз спросил его, кому же он отдает третье место? Конечно, он был вполне уверен, что получит это третье место. Но Ганнибал ответил: «Себе; будучи еще юным, я завоевал Иберию и первый после Геракла с войском перешел через Альпы, вторгшись в Италию, — такой смелости из вас никто никогда не проявлял, — я завоевал четыреста городов и часто приводил вас к необходимости бояться за ваш собственный город, причем из Карфагена мне не посылали ни денег, ни войска». Когда Сципион увидал, что он хочет продолжать самовосхваление он, засмеявшись, сказал ему: «на какое же место ты бы, Ганнибал, поставил себя, если бы не был мной побежден?» Говорят, что Ганнибал, тут уже заметив завистливую ревность, сказал: «Тогда я поставил бы себя выше Александра». Так Ганнибал не отказался от своего высокомерного тона, но незаметно польстил Сципиону, дав понять, что он победил того, кто выше Александра.

11. Когда они расходились, Ганнибал стал приглашать Сципиона к себе в гости, но Сципион ответил, что он охотно бы зашел к нему, «если бы ты не был у Антиоха, отношения которого с римлянами довольно подозрительны».

Так они достойно великих вождей свою вражду ограничили войной, но не так поступил Фламинин. Когда впоследствии Антиох был побежден и Ганнибал бежал отсюда и блуждал по Вифинии, Фламинин, отправленный к Пруссию в качестве посла по другому вопросу, не получив раньше от Ганнибала никакой обиды, не имея и от римлян такого поручения, так как после покорения Карфагена он уже не мог быть страшным для римлян, при посредстве Пруссия добился того, чтобы Ганнибал погиб

от яда ². Есть предание, что некогда Ганнибал получил предсказание, которое гласило так: «Земли ливийской пласт покроет тело Ганнибала»; он поэтому думал, что умрет в Ливии; но в Вифинии есть река Ливисса, и это место называется долиной Ливийской.

Этот рассказ я передал как памятник высокого духа Ганнибала и Сципиона и душевной низости Фламинина.

12. Тем временем Антиох вернулся из Писидии в Эфес и, дав аудиенцию римским послам, заявил, что предоставит автономию родосцам, византийцам и жителям Кизика, а также и другим эллинам в Азии, если у него будет союзный договор с римлянами, но Эолии и Ионии этой автономии он не даст, так как издревле они привыкли быть подданными даже варварских царей в Азии. Римские послы не пришли с ним ни к какому соглашению (ведь они прибыли не по делу о соглашении, но для зондирования его настроения), и с этим они вернулись в Рим. К Антиоху же прибыли послы этолийцев, во главе которых стоял Тоас; они объявили Антиоха полномочным военачальником этолийцев и приглашали переплыть в Грецию, как на готовое дело. Они не позволяли ему ждать войска, возвращавшегося из Центральной Азии, но, превознося силы этолийцев, заявляя, что и лакедемоняне, а кроме лакедемонян также Филипп Македонский, полный гнева на римлян, будут их союзниками, они торопили его с переходом. Антиох очень легкомысленно воспылал решимостью, и даже полученное им известие о смерти сына в Сирии не приостановило его стремительности. Только с десятью тысячами, которые он тогда имел при себе, он переправился в Эвбею. Самолично он занял весь остров, сдавшийся ему под влиянием страха; а его полководец Микитион ³, напав на римлян около Делия (это было место, посвященное Аполлону), часть из них убил, а других взял в плен.

13. Царь атаманов, Аминандр, вступил в союз с Антиохом по следующему поводу. Был некий македонянин Александр, воспитанный и живший в Мегалополе и удостоенный там права правления; он стал рассказывать сказки о своем родстве с Александром, сыном Филиппа, и, чтобы внушить доверие к своим рассказам, он назвал своих сыновей Филиппом и Александром, а дочь — Апамою, которую он сосватал за Аминандра. Ее брат Филипп повез ее для брака, и, когда увидал, что Аминандр — человек слабый и неопытный в делах, он остался там, в качестве родственника, взяв управление в свои руки. Этого-то Филиппа Антиох привлек на свою сторону обещанием, что он даст ему власть над Македонией, как над страной его предков, и благодаря этому он получил атаманов в качестве союзников, а кроме них и фивян, сам прибыв в Фивы и выступив перед народом с речью.

В столь важной войне Антиох весьма легкомысленно полагался на силы фивян, на Аминандра и на этолийцев; относительно Фессалии он только размышлял, нужно ли сейчас двинуться на нее с войском или же после зимы. Ганнибалу, который при совещании об этом сидел молча, Антиох велел первому ⁴ высказать свое мнение.

14. Тогда Ганнибал сказал: «Покорить фессалийцев дело нетрудное, хочешь ли ты пойти на них теперь или после зимы. Этот народ устал от великих страданий и легко перейдет теперь на твою сторону, затем опять на сторону римлян, если события примут новое направление. Мы пришли сюда без собственных сил, поверив этолийцам, которые нас сюда завлекали, что и лакедемоняне и Филипп будут нашими союзниками; но из них, как

² Ливий (39, 51), как и Плутарх, говорит о добровольной смерти.

³ Ливий (35, 31) называет его Мениппом.

⁴ Юстин (34, 51), напротив, говорит, что Ганнибал последним высказал свое мнение.

я слышу, лакедемоняне даже готовы воевать против нас в союзе с ахейцами, а Филиппа я не вижу рядом с тобою; а ведь в этой войне он может дать перевес той стороне, на которую он станет. Мое мнение остается прежним,—возможно скорее вызвать войско из Азии, а не надеяться на Аминандра и этолийцев; и когда войско прибудет,—опустошать Италию, для того чтобы, отвлеченные домашними бедствиями, римляне менее всего могли бы причинять тебе неприятности и, боясь за свое положение, они не могли бы никуда двинуться. Твой образ действий теперь должен быть вовсе не тот, о котором я говорил раньше, но с половиной кораблей надо опустошать побережье Италии, а другая половина должна находиться в засаде, в удобном месте, выжидая подходящего момента; ты же сам со всем пешим войском, занимая передовые позиции в Греции, недалеко от Италии, должен заставлять думать, что собираешься совершить вторжение, и если как-нибудь будешь в состоянии, то и вторгнуться. Филиппа надо постараться всяким способом привлечь на свою сторону, так как в этой войне он имеет наибольшее значение для той и другой стороны. Если же он не послушается тебя, пошли против него своего сына Селевка через Фракию, чтобы и он, отвлекаемый домашними бедами, ни в чем не мог быть полезен твоим врагам». Вот что сказал Ганнибал, это было наилучшее, но вследствие зависти к его славе и его таланту все другие, и не меньше других сам царь, отвергли все его предложения, чтобы не показалось, что Ганнибал превосходит их всех талантом вождя, и чтобы слава будущих побед не была приписана ему. Только одно предложение его было принято, и Поликсенид был послан в Азию за войском.

15. Когда римляне узнали о вторжении Антиоха в Грецию, об избиении и пленении римлян при Делии, они решили начать войну. Таким образом, война между Антиохом и римлянами, давно уже намечавшаяся и той, и другой стороной, тогда впервые проявилась как факт. Так как Антиох был властителем всей Внутренней Азии, многих народов и, за небольшим исключением, всей приморской области, так как он уже стоял твердой ногой в Греции, имел славу страшного завоевателя и достаточное снаряжение, так как он совершил в войнах против других народов много блестящих подвигов, откуда и пошло его прозвище «Великий», то римляне опасались, что война для них будет длительной и тяжелой. Под большим подозрением был у них Филипп Македонский, недавно побежденный ими, и карфагеняне: они боялись, будут ли они, карфагеняне, сохранять верность договору с ними, так как ведь Ганнибал был у Антиоха. И относительно других подчиненных им народов у них было подозрение, как бы с их стороны, в надежде на Антиоха, не произошло какое-либо восстание. Поэтому они к ним все послали войска для мирного за ними наблюдения и с войсками послали предводителей, которых они сами называют «шести-секирными» (преторами). Дело в том, что консулы имеют свиту с 12 топорами и 12 связками, как некогда цари; а эти предводители имеют половину достоинства и потому половину знаков почета. Как это бывает при большом страхе, римляне беспокоились и за Италию, будет ли она им верна и постоянна в войне с Антиохом. Они поэтому послали большое пешее войско в Тарент наблюдать за возможным вторжением, а флот должен был плавать вдоль побережья. Таков был страх в первое время перед Антиохом, когда ими было приведено в порядок все, что касается их собственной страны, они уже против самого Антиоха набрали двадцать тысяч своих граждан, вдвое больше из числа союзников, чтобы с наступлением весны все это перекинуть через Ионийское море.

Вся зима прошла у них в этих приготовлениях.

16. Антиох же направился против фессалийцев и, придя в Киноскефалы, где римлянами было нанесено поражение македонянам, он

я слышу, лакедемоняне даже готовы воевать против нас в союзе с ахейцами, а Филиппа я не вижу рядом с тобою; а ведь в этой войне он может дать перевес той стороне, на которую он станет. Мое мнение остается прежним, — возможно скорее вызвать войско из Азии, а не надеяться на Аминандра и этолийцев; и когда войско прибудет, — опустошать Италию, для того чтобы, отвлеченные домашними бедствиями, римляне менее всего могли бы причинять тебе неприятности и, боясь за свое положение, они не могли бы нигуда двинуться. Твой образ действий теперь должен быть вовсе не тот, о котором я говорил раньше, но с половиной кораблей надо опустошать побережье Италии, а другая половина должна находиться в засаде, в удобном месте, выжидая подходящего момента; ты же сам со всем пешим войском, занимая передовые позиции в Греции, недалеко от Италии, должен заставлять думать, что собираешься совершить вторжение, и если как-нибудь будешь в состоянии, то и вторгнуться. Филиппа надо постараться всяким способом привлечь на свою сторону, так как в этой войне он имеет наибольшее значение для той и другой стороны. Если же он не послушается тебя, пошли против него своего сына Селевка через Фракию, чтобы и он, отвлекаемый домашними бедами, ни в чем не мог быть полезен твоим врагам». Вот что сказал Ганнибал, это было наилучшее, но вследствие зависти к его славе и его таланту все другие, и не меньше других самодарь, отвергли все его предложения, чтобы не показалось, что Ганнибал превосходит их всех талантом вождя, и чтобы слава будущих побед не была приписана ему. Только одно предложение его было принято, и Поликсенид был послан в Азию за войском.

15. Когда римляне узнали о вторжении Антиоха в Грецию, об избиении и пленении римлян при Делии, они решили начать войну. Таким образом, война между Антиохом и римлянами, давно уже намечавшаяся и той, и другой стороной, тогда впервые проявилась как факт. Так как Антиох был властителем всей Внутренней Азии, многих народов и, за небольшим исключением, всей приморской области, так как он уже стоял твердой ногой в Греции, имел славу страшного завоевателя и достаточное снаряжение, так как он совершил в войнах против других народов много блестящих подвигов, откуда и пошло его прозвище «Великий», то римляне опасались, что война для них будет длительной и тяжелой. Под большим подозрением был у них Филипп Македонский, недавно побежденный ими, и карфагеняне: они боялись, будут ли они, карфагеняне, сохранять верность договору с ними, так как ведь Ганнибал был у Антиоха. И относительно других подчиненных им народов у них было подозрение, как бы с их стороны, в надежде на Антиоха, не произошло какое-либо восстание. Поэтому они к ним все послали войска для мирного за ними наблюдения и с войсками послали предводителей, которых они сами называют «шести-секирными» (преторами). Дело в том, что консулы имеют свиту с 12 топорами и 12 связками, как некогда цари; а эти предводители имеют половину достоинства и потому половину знаков почта. Как это бывает при большом страхе, римляне беспокоились и за Италию, будет ли она им верна и постоянна в войне с Антиохом. Они поэтому послали большое пешее войско в Тарент наблюдать за возможным вторжением, а флот должен был плавать вдоль побережья. Таков был страх в первое время перед Антиохом. Когда ими было приведено в порядок все, что касается их собственной страны, они уже против самого Антиоха набрали двадцать тысяч своих граждан, вдвое больше из числа союзников, чтобы с наступлением весны все это перекинуть через Ионийское море.

Вся зима прошла у них в этих приготовлениях.

16. Антиох же направился против фессалийцев и, придя в Киноскефалы, где римлянами было нанесено поражение македонянам, он

похоронил со всей пышностью останки тех, которые там пали, еще оставшиеся непогребенными, ища популярности среди македонян и вызывая среди них недовольство против Филиппа за то, что он не похоронил павших в бою за него. Когда услышал об этом Филипп, который еще колебался и все присматривался, на чью сторону ему стать, он тотчас выбрал быть на стороне римлян и, пригласив их военачальника Бебия, командовавшего поблизости какой-то частью войска, прибыть к нему в какое-то укрепление, вновь дал римлянам торжественные уверения, что без обмана будет их союзником против Антиоха. Бебий стал хвалить его за такое решение и, осмелев, тотчас же послал через Македонию в Фессалию Аппия Клавдия с двумя тысячами пехотинцев. Аппий, увидев с Темпейского перевала Антиоха, осаждавшего Лариссу, зажег много огней, скрывая малочисленность своего войска. Антиох же, испугавшись в предположении, что явились вместе Бебий и Филипп, снял осаду, выставив предлогом зиму, и вернулся в Халкиду; там он влюбился в очень красивую девушку, и, хотя ему было свыше 50 лет и он вел столь ответственную войну, он стал справлять свадьбу и устраивать празднества, а свои войска в течение всей зимы он держал в праздности, позволяя вести роскошный образ жизни. С наступлением весны, вторгнувшись в Акарнанию, он заметил распущенность войска, ставшего во всех отношениях бесполезным для военных действий; и тогда пожалел он и о своей свадьбе и о празднествах. Все же, подчинив себе часть Акарнании, он собирался захватить все остальное; но, как только он услышал, что римляне переправляются через Ионийское море, он вновь вернулся в Халкиду.

17. Римляне со всей поспешностью с бывшими у них готовыми двумя тысячами всадников, с двадцатью тысячами пехоты и несколькими слонами, под начальством Ацилия Манья Глабриона, переправились из Брундизия в Аполлонию, оттуда они двинулись в Фессалию и освободили города от осады, а где были гарнизоны атаманов, эти гарнизоны они изгнали. Они захватили в плен Филиппа из Мегалополиса, все еще надеявшегося получить власть над Македонией. Они взяли в плен также до трех тысяч из воинов Антиоха. Пока Маний совершал эти операции, Филипп, вторгшись в область атаманов, всю ее подчинил себе; Аминандр бежал в Амбракию. Когда все это стало известно Антиоху, он, пораженный быстротой событий, испугался, как бывает при неожиданной и быстрой перемене, и понял он тогда всю правильность советов Ганнибала. Он стал одного за другим отправлять вестников в Азию к Поликсениду, торопя его с переправой войск, а сам отовсюду стал собирать все те силы, которые у него были. Когда у него собралось собственных войск десять тысяч пехоты и пятьсот всадников и, сверх этого, некоторое количество союзников, он занял Фермопилы, чтобы противопоставить наступлению врагов трудно проходимую местность и дожидаться войска из Азии. Фермопилы представляют собой узкий и длинный проход; их окружает с одной стороны море, с острыми подводными камнями при полном отсутствии гаваней, с другой — непроходимое и бездонное болото. Здесь поднимаются две отвесные горные вершины, и одну из них называют Тейхиунтом, а другую — Каллидромом. Это место имеет горячие источники и от этого оно и получило свое название Фермопил — «Ворота горячих источников».

18. И вот там Антиох возвел двойную стену, а на стену поставил машины. На вершины гор он послал этолийцев, чтобы никто незаметно не мог обойти его по так называемой «непроходимой тропе» (Атрапон); это тот путь, по которому Ксеркс напал на Леонида с его спартамцами, так как тогда горы оставались неохраемыми. Этолийцы поставили на каждую из этих вершин по тысяче человек, с остальным войском они по собственному усмотрению стали лагерем около города Гераклеи. Когда Маний увидал

приготовления врагов, он дал приказ начать битву утром. Двум военным трибунам, Марку Катону и Люцию Валерию, он велел ночью, взяв сколько каждый хочет отборных воинов, обойти горы и постараться согнать с вершины этолийцев. Люций был отбит от Тейхиунта, так как тут этолийцы держались хорошо; Катон же, обойдя Каллидром, застал врагов еще спавшими, напав на них в конце ночной стражи. У него завязался здесь сильный бой, но он пробился на вершину, хотя враги сильно защищали крутизны. Тем временем и Маний, разделив войско на растянутые отряды, повел его против Антиоха, выстроившего свое войско длинным фронтом; только так он мог пройти по теснинам. По приказу царя легковооруженные и пелтасты должны были сражаться перед фалангой, а фалангу он поставил перед лагерем, на ее правом⁵ крыле, у подножья горы—стрелков и пращников, на левой—слонов, а густые ряды воинов, которые всегда ставятся вместе с ними,—вдоль морской линии.

19. Когда сражение перешло в рукопашный бой, то вначале легковооруженные, со всех сторон налетая на врагов, причиняли много неприятности Манию. Когда же с большим трудом принимая их налеты, отступая и затем опять наступая, он обратил их в бегство, то фаланга, построенная по македонскому образцу, расступилась, приняла их к себе и, сойдясь, прикрыла их и, сохраняя строй, выставила густые ряды копий. Со времени Александра и Филиппа македоняне особенно этим пугали своих врагов, не осмеливавшихся приблизиться к выдвинутым против них многочисленным длинным копьям. Но внезапно увидели этолийцев, бегущих с криком от Каллидрома и несущихся к лагерю Антиоха. Вначале и та, и другая сторона была в невед нии, что случилось, и, как бывает при неведении, произошло замешательство. Когда же появился Катон, преследующий их с большим криком, и оказался уже над лагерем Антиоха, то войско царя испугалось: и много раньше слышали они страшные рассказы о том, как ведут бои римляне, и о себе они знали, что вследствие безделья и роскошной жизни в продолжение всей зимы они испортились и стали неспособны к энергичным действиям. Не видя ясно, сколько было с Катоном, но в страхе считая, что их больше, чем на самом деле, и боясь за свой лагерь, они в беспорядке бежали туда с тем, чтобы оттуда отражать врагов. Римляне, преследуя их по пятам, вместе с ними ворвались в лагерь, и тут началось второе беспорядочное бегство антиоховцев. Маний преследовал их до Скарфеи, убивая и забирая в плен, а затем, вернувшись от Скарфеи, разграбил царский лагерь, а этолийцев, которые во время отсутствия римлян набежали в их укрепление, он прогнал одним своим появлением.

20. Во время сражения и преследования у римлян погибло около двухсот человек, а у Антиоха, считая и взятых в плен, около десяти тысяч. Сам царь при первом же бегстве своего войска с пятьюстами всадников без оглядки бежал в Элатею, а из Элатеи в Халкиду, а затем в Эфес вместе со своей молодой женой, Эвбеей—он ее так называл—на кораблях: да и они у него уцелели не все: некоторые из них, перевозившие продовольствие, были потоплены римским навархом, появившимся здесь из открытого моря. Когда римляне в столице узнали об этой победе, оказавшейся для них столь быстрой и легкой, они стали приносить жертвы, радуясь первому счастливому испытанию над страшной славой Антиоха. Желая воздать благодарность Филиппу за его помощь, они отпустили к нему его сына Деметрия, который еще оставался у них в качестве заложника.

⁵ Ошибка Аппиана. Более правильную картину боя дает Ливий (36, 18).

21. Таковы были дела в Риме. Тем временем Маний по их усиленной просьбе освободил от страха наказания фокейцев и халкидян и всех других, которые имели дело с Антиохом; Этолию же и он и Филипп стали опустошать и завоевывать их города. Маний захватил тут в плен скрывавшегося в этих местах Дамокрита, стратега этолийцев, который грозил Фламинину, что станет лагерем на берегу Тибра. Затем Маний у Каллиполя пошел через гору, которую называют Коракс, самую высокую из гор, непроходимую и крутую, ведя свое войско, которое было сильно нагружено добычей; и многие падали с крутизны вследствие бездорожья; иной раз их увлекало вниз, и их оружие, и их скарб. И этолийцы легко могли бы привести их в большой беспорядок, но они ни разу здесь не показались, а отправили в Рим посольство просить о мире. Антиох же спешно созывал войско из внутренних областей к морю, готовил корабли, поставив начальником над ними Поликсенида, беглеца из Родоса. Переплыв в Херсонес, он вновь его укрепил, а равно привел в боевую готовность Сест и Абидос: он считал, что римская армия должна была бы этой дорогой проникнуть в Азию. Делая Лисимахию складочным пунктом для этой войны, он стал свозить в нее большое количество оружия и большие запасы хлеба; он ожидал, что в ближайшее время римляне нападут на него с большим сухопутным войском и большим флотом. Тем временем римляне выбирают преемником Мания в ведении войны Люция Сципиона, который тогда был у них консулом, но так как он был нерешителен и неопытен в военных делах, они выбирают ему в качестве советника его брата Публия Сципиона, того, который лишил карфагенян их военного превосходства и первый получил прозвище Африканского.

22. Сципионы еще только готовились к походу, как Ливий, охранявший Италию, выбранный преемником Атилия в звании наварха, тотчас же на своих кораблях, на которых он объезжал берега Италии, вместе с несколькими карфагенскими, данными ему, и другими союзническими приплыл в Пирей, и, взяв от Атилия войско, он поплыл на 81 тяжелых судах-катафрактах; с ним плыл Эвмен на пятидесяти своих, и у него половина была тяжелых. Они спустились к Фокее, которая хотя была подчинена Антиоху, но под влиянием страха приняла их, а на следующий день они выплыли в море для морской боя. Выплыл против них и наварх Антиоха Поликсенид на двухстах кораблях, намного более легких, чем неприятельские. И в этом было его большое преимущество, так как римляне еще не были привычны к этому морю. Видя два карфагенских корабля, плывших впереди, Поликсенид послал три корабля из своих и захватил эти два, но пустых, так как ливийцы попрыгали в море. На эти три корабля тотчас, полный гнева, двинулся Ливий на своем корабле военачальника, намного опередив свой флот. Так как корабль был один, то они, полные презрения, набросили на него железные лапы, и, когда корабли стали борт-о-борт, бой завязался, как на твердой земле. Намного превосходя своей смелостью, римляне перешли на неприятельские суда и победили; таким образом они вернулись, ведя вместе с одним кораблем два других. Таково было предварительное столкновение перед морским боем. Когда же оба флота напали друг на друга, то благодаря силе и решимости римляне одержали верх, но ввиду тяжести своих судов они не могли захватить врагов, убежавших от них на своих легких судах. Сирийцы в своем стремительном бегстве спаслись в Эфес, римляне же пристали к Хиосу, куда к ним прибыли союзные родосские суда в числе двадцати семи. Антиох, узнав об этой морской битве, послал Ганнибала в Сирию, чтобы привести суда новые суда из Финикии и Киликии. Когда Ганнибал собрался вернуться, родосцы заперли его в Памфилии и захватили некоторые из его судов, а за остальными, устроив засаду, они следили.

23. Тем временем Публий Сципион, прибыв в Этолию вместе с консулом и приняв войско от Мания, оставил без внимания осаду этолийск их городов как дело маленькое, и вновь на просьбу этолийцев предписал им отправить послов в Рим по поводу своих дел; но он торопился двинуться против Антиоха, раньше чем кончится срок командования у брата. Он пошел через Македонию и Фракию к Геллеспонту; эта дорога была бы для него трудной и тяжелой, если бы Филипп Македонский не приготавливал для него дороги, не принимал и не сопровождал его, заранее наведя мосты и приготовив рынки. За это Сципионы тотчас же освободили его от уплаты недоимок, получив на это полномочие от сената, если они найдут его готовым им служить. Они послали и к Прусию, царю Вифинии, перечисляя ему, скольким царям, вступившим в союз с римлянами, они увеличили их царство. Примером может служить, говорили они, Филипп, царь Македонский: победив его на войне, они все же оставили его царем, «его сына, бывшего у нас заложником, мы ему отпустили, равно освободили и от уплаты остальных сумм долга». Обрадованный всем этим, Прусий согласился быть их союзником в войне с Антиохом.

Когда наварх Ливий узнал о движении Сципионов, он оставил родосца Павсимаха⁶ с родосскими кораблями и с частью своего флота в Этолии, с большею же частью кораблей он отплыл в Геллеспонт, чтобы ожидать там пешее войско. Сест, Рэтей и Ахейская гавань, а также некоторые другие места, перешли на его сторону, а Абидос, который отказался повиноваться, он стал осаждать.

24. Когда Ливий отплыл, то Павсимах стал производить различные опыты и маневры со своим флотом, устроил различные машины, приделал к длинным шестам огненосные железные сосуды; этот огонь должен был висеть над морем, так чтобы от своих кораблей он был далеко, но попадал на неприятельские суда при их приближении. Пока он занимался этим делом, хитро устроил ловушку Поликсенид, наварх Антиоха, бывший тоже родосцем, но по некоторым причинам изгнанный из отечества: он обещал Павсимаху, что отдаст в его руки флот Антиоха, если он согласится содействовать ему в вопросе о возвращении на родину. Павсимах относился подозрительно к этому коварному и способному на всякое преступление человеку и долгое время оберегал себя от него. Но когда Поликсенид написал ему собственноручное письмо о своей готовности совершить измену и с этой целью отплыл из Эфеса и сделав вид, что рассылает свое войско за продовольствием, Павсимах, видя его отплытие и не представляя себе, чтобы кто-нибудь послал собственноручное письмо относительно измены, не имея твердого намерения ее выполнить, совершенно уверился, снял стражу и сам разослал своих для заготовки хлеба. Когда Поликсенид увидал, что Павсимах попался в ловушку, он тотчас собрал все, что ему надо было для выполнения, а Никандра, пирата, он послал с небольшими силами на Самос, чтобы на суше с тыла произвести замешательство в войске Павсимаха. Среди ночи он отплыл и сам и приблизительно в утреннюю стражу напал на врагов, еще спавших. Павсимах при таком внезапном и негаданном бедствии приказал воинам покинуть корабли и с суши отбиваться от врагов. Но когда с тылу на него напал Никандр, Павсимах, считая, что и суша занята не только теми, кого можно было видеть, но, как это бывает при ночных смятениях, гораздо большим числом, пришел в замешательство и вновь велел садиться на корабли. Он первый выходит на бой и первый, со славой сражаясь, погибает. Из остальных одни были взяты в плен, другие погибли. И из кораблей только семь, которые несли огонь, так как никто из-за пламени не решался к ним приближаться,

⁶ Ливий называет его Павсистрафом.

сумели бежать, остальные же двадцать он на буксире привел с собою в Эфес.

25. После этой победы Фокея, Самос и Кумы вновь перешли на сторону Антиоха. Ливий, испугавшись за свои собственные корабли, которые он оставил в Эолии, поспешно возвратился к ним. К нему поспешил Эвмен, а родосцы прислали римлянам другие двадцать кораблей. После короткого промежутка все вновь воспрянули духом и отплыли к Эфесу, готовые к морскому бою. Так как никто против них не выходил, то половину кораблей они на долгое время поставили на показ посреди моря, а с остальными, пристав к неприятельской земле, они стали ее опустошать, пока Никандр⁷, напав на них из глубины страны, не отнял у них добычи, а их самих преследовал до самых кораблей.

Римляне вновь вернулись на Самос. Окончилось время морского командования Ливия.

26. В то же время Селевк, сын Антиоха, стал опустошать землю Эвмена и осадил Пергам, заставив людей запереться в городе. Поэтому Эвмен спешно переправился в Элею—это была гавань его царства—и с ним Люций Эмилий Регилл, принявший от Ливия главное командование на море. Прибыл и от ахейцев вспомогательный отряд Эвмену в составе тысячи пехотинцев и ста отборных всадников. Их полководец Диофан⁸, увидав со стены, как люди Селевка в беспечности играют и пьют, стал убеждать пергамцев сделать вместе с ним вылазку против врагов. Так как они не соглашались на такое предприятие, он вооружил тогда свою тысячу и своих сто всадников, и, двинувшись вперед, стал под стеной и дальше никуда не двигался. Враги не обращали внимания на них, поскольку видели, что их немного и что они не решаются вступить в рукопашный бой. Но, когда люди Селевка стали обедать, Диофан, сделав на них нападение, привел в смятение и оттеснил сторожевые отряды; когда же другие бросились к оружию, стали взнуздывать коней, гоняться за убегающими или с трудом садиться на беспокойных коней, Диофан одержал над ними блестящую победу. При этом жители Пергама со стены громкими криками приветствовали его победу; но и тогда они не решились выступить. Убив сколько он мог при таком быстром показе мужества, а некоторых взяв в плен, и мужей, и коней, он спешно вернулся назад. На следующий день он опять поставил ахейцев под стеною: пергамцы и на этот раз не вышли с ним. Селевк с большим количеством всадников стал приближаться к нему, вызывая его на сражение. Но Диофан тогда не двигался с места, стоял у самой стены, но был настороже. Когда же Селевк, прождав до полудня, когда его всадники уже устали, повернул назад и стал уходить, тогда Диофан, напав на его арьергард, приведя его в замешательство и причинив ему сколько возможно потерь, быстро вновь отступил под прикрытие стены. И таким образом, делая постоянно на него хитрые нападения и во время экспедиций за хлебом, и за дровами и постоянно, так или иначе причиняя ему затруднения, он заставил Селевка уйти от Пергама и изгнал его из всех других областей царства Эвмена.

27. Немного времени спустя у Поликсенида произошел морской бой с римлянами у Мионнеса: Поликсенид вступил в этот бой с 90 тяжелыми судами, а Люций, наварх римлян, имел 83, из них 25 были от родосцев. Их начальник Эвдор был поставлен на левом крыле; увидав же, что Поликсенид намного превосходит римлян и с того, и с другого фланга, он испугался, как бы не быть окруженным, и быстро перегнал их, так как суда

⁷ Ливий (37, 43) говорит, что это был Андронин, македонянин, начальник гарнизона в Эфесе.

⁸ Ученик в военном деле знаменитого Филонемена.

у него были легкие и гребцы опытные в морском деле; он первым и повел против Поликсенида огненосные суда, со всех сторон блиставшие огнем. Корабли Поликсенида не решились напасть на них вследствие огня, но объезжали вокруг них; при этом они наклонились и зачерпнули воды; они ударялись о боевые балки, пока родосский корабль не сделал нападения на сидонский; удар был настолько силен, что якорь сидонского корабля упал на родосский и связал их обавместе. Корабли стали недвижимыми, и экипажи их вступили в бой как бы на твердой земле. На помощь им с обеих сторон подошло много кораблей, и с той и с другой стороны началось блестящее соревнование в храбрости; вследствие этого центр кораблей Антиоха оказался открытым и римские корабли, продвинувшись, стали окружать врагов, которые этого все еще не замечали. Когда же они это поняли, то повернули назад и бежали. У Антиоха погибло без одного 30 кораблей, из них 13 было захвачено со всеми людьми. У римлян погибло всего два судна. И Поликсенид, ведя за собой родосский корабль, ушел в Эфес.

28. Таков был конец морской битвы у Мионнеса. Еще не зная о ней, Антиох старательно укреплял Херсонес и Лисимахию, считая это важным делом, как это и было на самом деле, для войны против римлян; да и вся Фракия была бы для них неудобной для прохода с войском и трудно проходимой вследствие плохих дорог, если бы Филипп не проводил их. Но Антиох был и в остальных делах человеком легкомысленным и с быстро меняющимся настроением. Когда он узнал о поражении при Мионнесе, он совсем пал духом, считая, что против него действует злой рок. Все идет против всяких ожиданий: римляне властвуют на море, где он считал, что намного их превосходит; родосцы заперли Ганнибала в Памфилии; Филипп провел римлян по непроходимым дорогам, а он думал, что Филипп должен был особенно помнить зло, которое он претерпел от римлян. Всем этим он был приведен в расстройство, а божество, как это случается со всеми при наступлении несчастий, лишило его способности здраво рассуждать: поэтому он неразумно покинул Херсонес, прежде чем встретиться лицом к лицу с неприятелем, и не увез оттуда, сколько у него было собрано там хлеба, оружия, денег, машин, не сжег даже их, но в неприкосновенности оставил врагам все эти запасы. Он не обратил никакого внимания на жителей Лисимахии, сбегавшихся к нему с женами и детьми, с великим плачем, как будто из осажденного уже города. Он думал только о том, как бы помешать врагам переправиться у Абидоса, и все еще оставшуюся у него надежду на благополучное окончание войны он полагал в этом. Как бы пораженный от божества слепотою, он и переправу не сумел охранить, но поспешил уйти в глубь страны, торопясь предупредить врагов, а на переправе не оставил никакой охраны.

29. Когда Сципионы узнали о его отступлении, они стремительно заняли Лисимахию и, овладев всеми богатствами и оружием в Херсонесе, они спешно перешли через Геллеспонт, оставленный пустынным и без охраны, и успели оказаться (в Азии) раньше, чем это стало известно Антиоху, оставшемуся в неведении в Сардах. Пораженный этим, Антиох впал в отчаяние, и, собственные ошибки свои приписывая злему року, он послал византийца Гераклида к Сципионам вести переговоры о прекращении войны, отдавая им Смирну, Александрию на Гранике и Лампсак, из-за которых он и начал с ними войну, и обещая уплатить половину военных расходов. Он поручил, если будет необходимо, отдать им из ионийских и эолидских городов те, которые в этой войне стояли на стороне римлян, и то, чего Сципионы потребуют. Гераклид получил право говорить об этом открыто, частным же образом он нес от Антиоха Публию Сципиону обещание уплатить крупную сумму денег и отпустить на сво-

боду его сына. Антиох взял его в плен в Греции, когда он плыл в Деметриаду из Халкиды. Этот мальчик был тот Сципион, который позднее взял Карфаген и его разрушил, и после этого Сципиона он вторым получил имя Африканского; он был сыном Павла, победившего Персея, царя Македонского; Сципиону же он по роду был сыном дочери, а по усыновлению—сыном⁹. Сципионы совместно дали Гераклиду ответ, что если Антиох нуждается в мире, то он должен отказаться не только от ионийских и эолийских городов, но и ото всей области по сю сторону Тавра; он должен оплатить все расходы по этой войне, происшедшей из-за него. Частным же образом Публий сказал Гераклиду, что если бы Антиох предложил такие условия, когда он еще владел Херсонесом и Лисимахией, то римляне охотно их бы приняли; может быть, даже и в том случае, если бы он хотя бы охранял переправу через Геллеспонт; теперь же, когда они переправились и находятся в безопасности, когда они, как говорится по пословице, наложили на коня узду и сверх узды сели на коня верхом, они не примут заключения мира на меньших условиях. Сам он очень признателен царю за его любезное предложение и еще больше будет чувствовать признательность, получив от него сына; он готов отвечать ему тем же и советует ему принять предложенные условия, прежде чем ему придется испытать предъявление более тяжких требований.

30. Сказав так, Публий вследствие болезни удалился в Элею, оставив брату в качестве советника Гнея Домиция. Антиох, так же как и Филипп Македонский, полагая, что, даже если он проиграет войну, у него не будет отнято больше, чем заключено в предъявленных ему требованиях, стянул свое войско на равнину Тиатир, недалеко от неприятелей, а Сципиону отослал его сына в Элею. Привезшим его Сципион советовал, чтобы Антиох не вступал в сражение, пока он сам не вернется назад. Следуя этому совету, Антиох разбил второй лагерь около горы Сипила и окружил его крепкой стеной; он воспользовался рекой Фригием как передовым укреплением против врагов, чтобы не быть вовлеченным в сражение против своей воли. Домиций, полный честолюбивого стремления, чтобы война была окончена только при нем, очень смело перешел через реку и на расстоянии стадий 20 от Антиоха стал лагерем. Четыре дня подряд оба они выстраивали свои войска около этого укрепления, но боя не начинали. На пятый день Домиций вновь выстроил своих и самоуверенно стал подниматься в гору. Так как Антиох не выходил против него, тогда он расположил другой лагерь ближе к врагам и, пропустив еще один день, во всеуслышание объявляет врагам, что завтра Антиоху, хотя бы он этого не хотел, придется вступить в сражение. Антиох, приведенный всем этим в волнение, вновь изменил свое решение, и, хотя он мог просто стоять под стенами <своего лагеря> или отбиваться вполне удачно под защитой стен, пока Публий не поправится, он счел для себя постыдным, имея более многочисленное войско, избегать сражения. Поэтому он двинул свои силы в бой.

31. Еще ночью, перед концом стражи, оба вывели свои войска, и каждый из них следующим образом расположил их. Левое крыло занимали 10 000 римских тяжеловооруженных, у самой реки; за ними шли другие десять тысяч италийцев; все они стояли в три ряда в глубину. Рядом с италийцами стояло войско Эвмена и ахейские легковооруженные в количестве 3 000. Так было выстроено левое крыло; на правом же стояли всадники: римские, италийские и Эвмена, всего тоже не более 3 000. К ним всем были присоединены в большом количестве легковооружен-

⁹ Тут крупная ошибка Аппиана, или позднейшая вставка. Сципион Младший был усыновлен именно тем Сципионом, о пленении которого идет здесь речь.

ные и стрелки, а вокруг самого Домиция было четыре отряда всадников. Таким образом, всех их было около 30 000; во главе правого крыла стоял сам Домиций, в центре он поставил консула, а левое крыло он поручил Эвмену. Что касается слонов, которых он имел из Ливии, то, считая, что от них не будет никакой пользы—их было меньше, чем у врагов, и они ростом были короче, как все ливийские (а меньшие боялись более крупных),—он их поставил позади всех.

32. Так были построены римляне. У Антиоха все войско состояло из 70 000; из них самая сильная часть была македонская фаланга—16 000 человек, выстроенная так, как ее организовали Александр и Филипп. Он поставил ее в центре, разделив на 10 частей, по 1600 человек в каждой, и в каждой этой части по фронту было 50 человек, а в глубину—32; на флангах каждой части стояли слоны, всего 22. Вид этой фаланги представлял подобие стены, а слоны—башен. Таково было пешее войско Антиоха; что касается конницы, то с каждой стороны у него стояли галаты, одетые в тяжелое вооружение (катафракты), и так называемая гвардия (агема) македонян. То были отборные всадники и потому и носили такое название. Оба эти отряда, равные по численности, стояли с той и с другой стороны фаланги. Рядом с ними фланги занимали—правый некоторые легковооруженные и другие всадники с серебряными щитами и конные лучники в количестве двухсот; на левом же фланге стояли племена галатов—тектозаги, трокмы, толистобии, некоторые каппадокийцы, которых прислал Ариарат, и смешанные отряды иноземных войск, за ними другая конница в панцырях и еще другая, легковооруженная, которую называли «конницей гетеров». Так Антиох построил свое войско. Кажется, что все свои надежды он возлагал на конницу, которую густыми рядами он поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, он поставил скученно, на небольшом пространстве, ту фалангу, на которую он должен был бы особенно надеяться, как на очень обученную военным приемам. Было у него большое число и других пращников и стрелков из Фригии, Ликии, Памфилии, Писидии, Крита, Тралл и Киликии, снаряженных по образцу критян. Кроме этих, еще другие конные лучники, даи (даки?), мизийцы, элимеи и арабы, которые, сидя на очень быстрых верблюдах, очень искусно стреляют сверху вниз, а при близком столкновении пользуются очень длинными и узкими ножами. Колесницы с косами были поставлены между двумя войсками, чтобы начать бой по фронту; и им было сказано после первого же столкновения уходить назад.

33. На вид казалось, стояли два войска: одно, которое должно было начать бой, другое же, находившееся в резерве; каждое из них своей численностью и снаряжением должно было внушать страх. На правом крыле над конницей командовал сам Антиох, на другом крыле—Селевк, сын Антиоха, над фалангой—Филипп, начальник отряда слонов, а над передовыми застрельщиками—Миндис и Зевксис.

День был тусклый и туманный; таким образом, боевой порядок пропал из поля зрения, а сила выстрелов становилась слабее, как это и естественно во влажном и тусклом воздухе. Когда это заметил Эвмен, то на все остальное он перестал обращать внимание, но, очень боясь удара стоящих против него колесниц, он, собрав всех, какие у него были, пращников, стрелков и других легковооруженных, приказал им налетать на колесницы и поражать коней вместо возниц; ведь если конь в боевой колеснице начнет биться в своей упряжке, то и вся колесница становится бесполезной, да и остальной правильный распорядок сильно нарушается, так как свои же бояться своих кос. Это случилось и тогда. Когда кони подряд были ранены и колесницы понеслись на своих же, то этот беспорядок почувствовали прежде всего на себе верблюды, стоявшие ближе всего

к колесницам, а за ними броненосная конница, которой из-за своей тяжести не легко было избегать кос. Уже произошло большое замешательство и всевозможный беспорядок, начавшиеся прежде всего от этих колесниц и распространившиеся на все пространство между обоими войсками. Люди подозревали большее, чем было на самом деле: как это бывает при таком растянутом фронте, при густоте рядов, при разнообразных криках и великом страхе, узнать точно, что происходит, было не так легко даже для тех, которые находятся рядом с происходящим событием, и страх передавался от одного к другому, все нарастая.

34. Когда первое предприятие Эвмена оказалось удачным и пространство между войсками, поскольку оно было занято верблюдами и колесницами, оказалось свободным, он повел своих всадников и всадников римских и италийских, какие у него были, на стоявших против него галатов, каппадокийцев и на остальное сборище иноземных войск, громко крича и побуждая идти против людей, неопытных в военном деле и лишенных уже своего передового прикрытия. Его войска охотно следовали за ним, и их удар был настолько тяжел, что они обращают в бегство как их, так и стоявших рядом с ними всадников и катафрактов, уже сильно приведенных в беспорядок колесницами. Последних, которые из-за тяжести своего вооружения не так легко могли бежать или повертываться, они больше всего захватывали и избивали.

Вот что происходило на левом фланге македонской фаланги. На правом же, где стоял сам Антиох, он пробил сплошную фалангу римлян, разделил ее и далеко преследовал.

35. И вот македонская фаланга, поставленная для связи с конницей на узком четырехугольном пространстве, лишившись прикрытия всадников с обеих сторон расступилась, и приняла в себя легковооруженных, сражавшихся еще перед ее рядами, а затем опять сомкнулась. Когда же Домиций легко окружил ее большим количеством всадников и легковооруженных, так как она представляла плотно поставленный четырехугольник, она не могла ни двинуться вперед, ни развернуть своего строя ввиду его большой глубины; поэтому она стала терпеть бедствие. Они досадовали, что не имеют возможности сами воспользоваться своей военной опытностью, а представляют удобную мишень для нападения неприятеля со всех сторон. Однако, выставив со всех четырех сторон целый лес своих сарисс, они вызывали римлян вступить с ними в рукопашный бой и все время делали вид, что хотят напасть. Но они нигде не делали ни шагу вперед, будучи пешими и отягченными своим оружием, а врагов видя всюду на конях, особенно же потому, что боялись нарушить крепость своего строя; перестроиться иначе они бы не успели. Римляне же к ним не приближались и не вступали в рукопашный бой, боясь <опытности> людей, привычных к военному делу, их твердости и отчаянной решимости, но быстро кружась около них, они бросали все время в них дротики и стреляли из луков. И ни один удар их не был напрасным: такой массой стояли они на небольшом пространстве; они не могли ни уклониться от бросаемых в них копий и стрел, ни расступиться перед несущимися на них. Поэтому, неся уже большие потери, они стали поддаваться, так как ничего лучшего они сделать не могли, и стали шаг за шагом отступать, грозно обороняясь, вполне сохраняя порядок и внушая римлянам страх: они ведь и тогда не решались приблизиться к ним, но, нападая со всех сторон, наносили им потери, пока, наконец, слоны в македонской фаланге не были приведены в беспорядок и перестали слушаться своих вожakov; тогда весь их боевой порядок превратился в нестройное бегство.

36. Домиций, одержав победу здесь, спешно подошел к лагерю Антиоха и захватил охранявших его. Между тем Антиох, преследуя далеко тех

из римской фаланги, против кого он стоял, так как у них не было поставлено для помощи ни всадников, ни легковооруженных (Домиций не подкрепил их никем, считая, что не нужно будет благодаря реке), дошел до римского укрепления. Когда же военный трибун, охранявший лагерь, встретив его свежими силами из охраны лагеря, задержал его стремительность, а бегущие, вновь осмелев благодаря слившимся с ними вспомогательным силам, обратились против врага, Антиох повернул назад, полный гордости, как бы одержав победу, ничего не зная из того, что произошло на другом его фланге. С ним встретился Аттал, брат Эвмена, с большим количеством конницы. Без большого затруднения Антиох их порубил и проехал через их ряды, не обращая внимания, что они, кружась еще около него, наносили ему незначительные потери. Но когда он увидел свое поражение и всю равнину, полную трупами его воинов, людей, коней и слонов, увидал, что его лагерь взят уже штурмом, тогда и Антиох бежал без оглядки и дополуночи прибыл в Сарды. Из Сард он дальше отправился в город Келены, который называют Апамеей: он услышал, что сюда бежал его сын. На следующий день он уехал из Келен в Сирию, оставив в Келенах военачальников, чтобы собирать и принимать бегущих. Он отправил к консулу послов о прекращении войны. Консул был занят похоронами своих, снимал оружие с убитых врагов и собирал пленных. Оказалось у римлян убитых римских всадников 24 и пеших самое большее триста, которых убил Антиох, у Эвмена всего 15 всадников. У Антиоха же, считая с пленными, можно думать, потери были до 50 000, так как вследствие большого количества сосчитать их было не так легко. И из его слонов одни были убиты, 15 было взято в плен.

37. Как бывает при победе чересчур блестящей и для некоторых казавшейся невероятной (считалось невозможным одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим и при этом в чужой земле, и особенно над македонской фалангой, хорошо вымуштрованной и тогда особенно состоящей из отборных людей, имеющей славу непобедимой и страшной), с одной стороны, друзья Антиоха упрекали его за необдуманную поспешность в разрыве отношений с римлянами, за его проявленную с самого начала неопытность и отсутствие ясного плана, за то, что он выпустил из рук Херсонес и Лисимахию со всем оружием и со всеми запасами, прежде чем испытать силы неприятеля, за то, что охрану Гелеспонта он оставил на произвол судьбы, когда сами римляне не надеялись так легко овладеть этим переходом. Упрекали его и за последний его неразумный поступок, за то, что всю силу своего войска сделал бесполезной, поставив в тесном и узком пространстве, и всю свою надежду основал на численности людей, собравшихся со всех сторон, людей, неопытных в военном деле, предпочтя их тем, которые благодаря долгому упражнению стали специалистами военного дела и у которых приобретенная в стольких войнах уверенность возросла до отваги и смелости. Такие мнения высказывались относительно Антиоха. С другой стороны, у римлян возросло самомнение; они считали, что для них нет ничего неисполнимого вследствие их доблести и помощи богов. Ведь действительно, на счет их счастья можно было отнести, что они столь немногочисленные, прямо с похода, в первой же битве, да еще в чужой стране, в один день одержали верх над столькими племенами и таким снаряжением царя, над доблестью наемников и славой македонян, над царем, приобретшим огромное царство к имя «Великого». И для них великая песня славы заключалась в словах: «был да сплыл царь Антиох Великий».

38. С такою гордостью хвалились римляне своими победами. Консул, когда к нему вернулся из Элеи его поправившийся брат Публий, допустил на аудиенцию послов Антиоха. Они просили сказать им, что должны сделать

царь Антиох, чтобы стать другом римлянам. Вот что ответил им Публий: «Антиох сам виноват в своих несчастьях, как теперешних, так и прежних, из-за своей жадности. Он имел огромную державу, и римляне не мешали ему ею владеть, но он отнял у Птолемея, своего близкого родственника и друга римлянам, долинную Сирию, и вторгнувшись в Европу, до которой ему не было никакого дела, он завоевал Фракию, укрепил Херсонес, вновь выстраивал Лисимахию; дойдя до самой Эллады, он стал поработать эллинов, недавно с помощью римлян ставших автономными, пока, наконец, он не был побежден в битве при Фермопилах. Бежав оттуда, он даже и при таких обстоятельствах не отрешился от своей жадности, но не раз побежденный на море, когда мы только что перешли Геллеспонт, он хотя просил мирного договора, однако в своей надменности презрительно отнесся к предложенным ему условиям и, собрав вновь огромное войско и заготовив против нас неисчислимое снаряжение, продолжал воевать с нами; принужденный вступить в решительный бой с более сильным противником, он дошел до теперешнего своего тяжелого положения. Следовало бы, чтобы мы наложили на него большее наказание за то, что он не раз заставлял римлян вступать с ним в рукопашный бой. Но мы не становимся надменными от удач и не отягчаем несчастья других. Мы предлагаем ему те же условия, которые мы предлагали ему и раньше, прибавив только очень немного, что и для нас будет полезным и что для него на будущее время послужит на пользу в смысле безопасности: он должен отказаться от всей Европы и от Азии по сю сторону Тавра (границы будут установлены впоследствии), должен выдать слонов, сколько у него есть, и кораблей, сколько мы прикажем; в дальнейшем он не должен иметь слонов, а кораблей столько, сколько мы прикажем; должен дать двадцать заложников, каких укажет военачальник, и выплатить за расходы на эту войну, которая произошла по его вине, немедленно пятьсот эвбейских талантов¹⁰, а когда сенат санкционирует этот договор,—еще две тысячи пятьсот, а в течение следующих 12 лет еще двенадцать тысяч, внося в Рим ежегодно соответствующую часть; выдать нам всех пленных и перебежчиков и отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушение договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена. Если Антиох сделает все это без всякого коварства, мы даруем ему и мир и дружбу, когда сенат это санкционирует».

39. Как ни велики были требования, которые предъявил Сципион, послы все их приняли. Немедленно были доставлены деньги и двадцать заложников, в числе которых был Антиох, младший сын Антиоха. Сципионы и Антиох отправили в Рим послов, и сенат согласился с этим решением, и был составлен письменный договор, утверждавший слова Сципиона, устранявший неясности и содержащий некоторые небольшие добавления, а именно, чтобы для Антиоха границей его царства были два мыса Каликадион и Сарпедонион и за эти пределы Антиох не должен был заплыть для ведения войны; тяжелых судов он мог иметь только двенадцать, с которыми он мог вести войну против своих противников, но, подвергшись нападению, он мог пользоваться и большим числом. Он не должен был вербовать наемников из областей, принадлежащих римлянам, и не принимать беглецов из этой страны. Заложники могли меняться каждые три года, кроме сына Антиоха. Составив такой письменный договор и вырезав его на медных досках, они поместили его на Капитолии, где он помещают и другие договоры; копию они послали Манлию Вульсону, преемнику Сципиона по командованию войском. Он принес клятву

¹⁰ Эвбейский талант довольно близок к афинскому, приблизительно, 2250 руб. золотом.

в присутствии послов Антиоха в Апамее во Фригии, а Антиох — в присутствии специально с этой целью посланного к нему военного трибуна Терма.

Таков был для Антиоха Великого конец его войны с римлянами. Было мнение, что договор был заключен в такой форме благодаря признательности Сципиона Антиоху за освобождение его сына.

40. И когда Сципион вернулся, некоторые за это подняли против него клевету, а два народных трибуна обвинили его в продажности и измене. Он с презрением отнесся к этому обвинению, как недостойному его. Когда собрался суд в тот день, когда много лет тому назад¹¹ он покорил Карфаген, он послал заранее жертвенных животных на Капитолий, а сам явился на суд в торжественном одеянии вместо жалкого, вызывающего сострадание, какое надевали подсудимые; этим все были поражены и почувствовали расположение к человеку столь великому духом в сознании собственного достоинства. И, начав говорить, он ни слова не сказал об обвинении, но изложил всю свою жизнь, весь свой образ действий и все свои дела, сколько он провел войн в защиту родины и как он окончил каждую войну, сколько раз он был победителем. Вследствие торжественности тона его рассказа слушателей охватило чувство удовольствия. Когда же он дошел до рассказа о Карфагене, представив, как живые, особенно события этой войны, и, сам воодушевившись и воодушевив собрание, он сказал: «в этот день я тогда одержал такую победу и дал вам, граждане, в ваши руки Карфаген, бывший вам до тех пор столь страшным. Так вот я ухожу в Капитолий принести богам благодарственную жертву за тот день. И из вас те, которые любят свой город, присоединитесь ко мне для принесения этой жертвы, совершаемой за ваше благополучие». Так он сказал и быстро двинулся на Капитолий, не обращая никакого внимания на судебный процесс. За ним последовала вся толпа и большинство судей с кликами пожелания ему счастья, а когда он приносил жертву, раздавались в его честь те же восклицания. Обвинители остались в недоумении; они не решались вторично поднять против него процесс, как неоконченный тогда, ни упрекнуть его в заискивании перед народом, зная, что его жизнь выше всякого подозрения и клеветы¹².

41. Так презрительно отнесся Сципион к этому обвинению, недостойному его жизненного пути. Он поступил, мне кажется, мудрее, чем Аристид, обвиненный в хищении, или Сократ в связи с предъявленным ему обвинением. Они оба не сказали ничего, подвергаясь подобному поношению (может быть Сократ и сказал то, что приписывал ему Платон); в его поведении было и больше душевного величия, чем у Эпаминонда, который был беотархом вместе с Пелопидом и еще одним. Фивяне послали их, давши каждому из них войско, идти на помощь аркадянам и мессенянам, на которых пошли войной лакедемоняне; когда они еще не совершили того, что задумали, фивяне отзывали их на основании клеветнического доноса. Они в продолжение шести месяцев не передавали власти своим преемникам, пока не захватили укрепления лакедемонян, и вновь не поставили там другие, аркадские гарнизоны; к этому понуждал своих сотоварищей по командованию Эпаминонд и брал на себя ответственность, что это дело для них пройдет безнаказанно. Когда же по их возвращении обвинители, обвиняя каждого в отдельности, приговаривали к смерти (закон наказывал смертью всякого, кто насильственно продолжает исполнять обязанности, переданные уже другим), то двое других защищались

¹¹ С тех пор прошло 45 лет.

¹² Об этом и последующем процессе, где в защиту Сципиона выступил Гракх, рассказывает Ливий (38,52—53).

в длинных речах, вызвав к себе сожаление и перелагая всю вину на Эпаминонда, предложившего им так говорить и подтвердившего собственным свидетельством их слова. Судимый последним, он сказал: «Я согласен, что это время я сохранил власть противозаконно, и тех, кого вы теперь оправдали, я к этому принудил. Преступив закон, я не буду просить не подвергать меня смерти. Я только прошу вас за все то, что я сделал в своей предшествующей жизни, сделать такую надпись над моей могилой: «Это могила того, кто победил при Левктрах, кто сограждан, неспособных устоять при одном виде врагов, даже если б то был иноземец, надевший лаконскую шляпу, привел до ворот самой Спарты. Он казнен отечеством, преступив законы во имя пользы отечества». С этими словами он сошел с ораторской трибуны и передал себя в руки тех, которые захотели бы вести его на казнь. Судьи, почувствовав укор себе в его речи, удивление к такой защите и стыд перед так оправдывающимся мужем, отказались собирать голоса и бежали из судилища.

42. По этому поводу, если кто хочет, может провести между ними параллель¹³. Между тем Манлий, преемник Сципиона, пройдя по отнятой у Антиоха земле, стал устанавливать там порядок. Из числа галатов, бывших союзниками Антиоха, толстобояи бежали на Олимп в Мизии; с трудом поднявшись на гору, он обратил их в бегство, нанеся поражение, пока не избил и не сбросил со скал такое количество, что из-за их множества нельзя было установить их числа; в плен он взял до 40 000; их оружие он сжег, их самих же, не имея возможности вести за собой во время военных действий такое огромное количество, он продал соседним варварам. В стране тектосагов и трокмов он очутился в опасном положении, попав в засаду, и должен был бежать. Вернувшись, он напал на них, когда они стояли лагерем в открытом поле густой массой, столпившейся вследствие своей многочисленности; он окружил их своими легковооруженными и, объезжая кругом, приказывал пускать в них копья и стрелы, но не вступать в рукопашный бой и не приближаться к ним. Так как ни один удар не был напрасным ввиду густоты строя врагов, то он убил восемь тысяч врагов, а остальных преследовал до реки Галиса. Ариарат, царь Каппадокии, который тоже посылал вспомогательные войска Антиоху, в страхе прибег к просьбам и свои просьбы сопровождал посылкой двухсот талантов; поэтому Манлий не вторгся в его страну, но вернулся к Геллеспонту с огромными сокровищами, несчетным количеством денег и очень большой добычей. Войско несло с собой очень большое достояние.

43. До сих пор Манлий действовал благополучно. Но затем его действия стали совершенно безрассудными; он не воспользовался летним временем для плавания, не принял во внимание тяжести того, что он вез с собою, ничто не заставило его приучить войско к перенесению трудов или упражнять его в переходах, как направляющееся не на войну, но возвращающееся к себе домой с добычей; он пошел через Фракию по длинной, трудно проходимой и узкой дороге, в пору крайней жары, не послав вперед в Македонию к Филиппу с просьбой встретить его, чтобы его проводить; не разделил он войска на много частей, чтобы было легче идти и удобнее было приобретать продовольствие, а выючных животных не выстроил растянутым отрядом, чтобы легче было их охранять. Но он вел все войско вместе одной длинной линией, выючных животных имел в середине, так что ни передние отряды не могли им помочь, ни задние быстро подойти из-за длины строя и узости дороги. Поэтому, когда фра-

¹³ Нет ли тут намек (может быть, несколько иронического) на Плутарха с его параллельными биографиями? Такую же параллель Аппиан дает во второй книге «Гражданских войн» между Цезарем и Александром.

кийцы всюду нападали на него справа и слева, то он потерял большую часть добычи и государственных денег, а также и самого войска. С оставшимися в живых он спасся в Македонии. В этом случае особенно стало ясным, какую пользу принес Филипп, проведя Сципионов через Фракию, какую ошибку сделал Антиох, оставив Херсонес. Манлий из Македонии перешел в Фессалию, а из Фессалии в Эпир и отсюда переправился в Брундузиум. Распустив оставшееся войско по домам, он вернулся в Рим.

44. Родосцы и Эвмен, царь Пергама, тоже высоко ценили свою помощь римлянам в войне против Антиоха. Поэтому Эвмен сам прибыл в Рим, родосцы же отправили послов. Сенат дал родосцам Ликию и Карию, которые он вскоре отобрал у них, так как их симпатии, когда римляне воевали с Персеем, царем Македонии, были более на стороне Персея, чем римлян; Эвмену же они предоставили все остальное, что они отняли у Антиоха, кроме эллинов, находившихся в тех местах. Из них тем, которые платили подати Атталу, отцу Эвмена, римляне приказали вносить их Эвмену, а тех, которые впервые платили их Антиоху, они освободили от податей и предоставили им автономию.

45. Так римляне распределили то, что они приобрели силой оружия. Когда немного спустя умер царь Антиох Великий, преемником ему стал его сын Селевк. Он высвободил своего брата Антиоха от римлян, у которых он был заложником, вместо него дав своего сына Деметрия. Когда Антиох возвращался из своего заложничества и был еще около Афин, Селевк был убит по тайному умыслу неким Гелиодором из числа придворных. Этого Гелиодора, хотевшего захватить власть, Эвмен и Аттал изгоняют и возводят на престол Антиоха, желая быть его друзьями: из-за кое-каких недоразумений и они уже стали косо смотреть на римлян. Так Антиох, сын Антиоха Великого, получил власть над Сирией, у сирийцев он получил прозвище «Эпифан» («с славой явленный»), потому что в глазах подданных он был законный государь той власти, которая была отнята у него чужими. Установив дружбу и союз с Эвменом, он твердо правил Сирией и племенами, лежащими около нее, имея своим наместником в Вавилоне Тимарха, а наблюдающим за своими доходами Гераклида; это были два брата, и оба были его любимцами. Ходил он походом и против армянского царя Артаксия. Немного времени спустя, как он победил его, он умер.

46. Антиох оставил девятилетнего сына Антиоха, которому сирийцы дали имя Эвпатора за высокие достоинства его отца. Воспитателем мальчика был Лисий. Сенат был доволен, что этот новоявленный воинственный Антиох так скоро умер, Деметрия же, который был сыном Селевка, племянником Антиоха Эпифана и внуком Антиоха Великого, бывшего ближайшим родственником этому мальчику, находившегося все еще заложником в Риме, 23 лет от роду, просившегося уехать в свое царство, на которое он имел, по его словам, наибольшее право, сенат не отпустил, считая невыгодным для римлян, чтобы правил Сирией зрелый, в расцвете сил человек вместо еще незрелого мальчика. Услыхав, что в Сирии есть целый отряд слонов, и кораблей больше, чем это было установлено для Антиоха, они отправили послов, которые должны были слонов убить, а корабли сжечь. Грустное зрелище представляло избиевание ручных и редких животных и сожжение кораблей. Некий Лептин в Лаодикие, не выдержав этого зрелища, убил Гнея Октавия, главу этого посольства, когда он умачался в гимнасии. Лисий устроил похороны Октавию.

47. В это время вторично Деметрий обратился в сенат с просьбой по крайней мере не считать его больше заложником, так как ведь он был дан вместо Антиоха, а Антиох умер. Но не добившись даже этого, он гайно отплыл, сирийцы радостно приняли его, и он, вступив на престол, по-

губил Лисия и мальчика, изгнал Гераклида, а Тимарха, восставшего против него, уничтожил, так как Тимарх вообще плохо управлял Вавилоном; поэтому Деметрий, по почину вавилонян, был назван Сотером («Спасителем»). Укрепившись на престоле, Деметрий послал римлянам в знак благодарности за обращение с ним во время его заложничества золотой венки, ценою в 10 000 золотых, и Лептина, убийцу Октавия. Римляне венки приняли, Лептина же не взяли, конечно, как бы сохраняя для подходящего случая это обвинение против сирийцев. Деметрий же сверг также с престола Каппадокии Ариарата и вместо него за 1000 талантов возвел на престол Олоферна, считавшегося братом Ариарата. Но римляне решили, чтобы Ариарат и Олоферн, как братья, царствовали вместе.

48. Немного позже, когда оба они, а за ними и Ариобарзан были изгнаны Митридатом, царем Понта, по этой причине и по многим другим стала завязываться война с Митридатом, самая большая и самая разнообразная, по участвовавшим в ней племенам, затянувшаяся по меньшей мере на 40 лет. За это время у сирийцев было много весьма кратковременных правителей из царского рода, было много перемен и дворцовых переворотов. Парфяне, уже раньше отпавшие от царства Селевкидов, отняли для себя Месопотамию, которая была подчинена Селевкидам. И царь Армении Тигран, сын Тиграна, завоевав много соседних племен, имевших своих собственных династов, стал поэтому называться царем царей. Он пошел войной на Селевкидов, не желавших признавать его главенства. Так как Антиох Благочестивый не мог ему противиться, то Тигран захватил власть над Сирией вдоль по Евфрату, все сирийские племена до границ Египта. Вместе с этим он завладел и Киликией (и она была в подчинении у Селевкидов). И в течение 14 лет управлял этими странами назначенный им его полководец Магадат.

49. Когда римский полководец Лукулл преследовал Митридата, бежавшего к Тиграну, то Магадат пошел с войском на помощь Тиграну; в это время Антиох, сын Антиоха Благочестивого, проскользнул в Сирию, и сирийцы охотно приняли его царем. Лукулл, сначала окончив войну с Тиграном и изгнав его из завоеванных им областей, не отказал Антиоху в праве владеть наследственным царством; Помпей же, который после Лукулла уничтожил Митридата, разрешил Тиграну царствовать в Армении, а Антиоха изгнал из сирийского царства, хотя он не совершил никакого проступка против римлян, на самом же деле потому, что ему, имеющему войско, было легко захватить большое, но невооруженное царство; а на словах говорилось, что так как Селевкиды были изгнаны Тиграном, то нет никакого основания, чтобы они правили Сирией по большому праву, чем римляне, победители Тиграна.

50. Таким образом, без боя римляне приобрели Киликию и Сирию, как срединную так и долинную, Финикию и Палестину, и все другие сирийские племена от Евфрата до Египта и до моря. Один только иудейский народ сопротивлялся; Помпей победил его силою оружия и их царя Ариобула послал в Рим и самый большой город у них и самый священный, Иерусалим, разрушил, срыв его стены, так же как и Птолемей, первый царь Египта; вновь отстроенный город вновь разрушил Веспасиан и еще раз в мое время Адриан. Поэтому всем иудеям приходится платить поголовную подать, более тяжелую, чем со всего их имущества (περιουσίας)*. И сирийцам, и киликийцам приходится платить ежегодный налог, одну сотую с оценки имущества у каждого. Из всех этих племен, бывших под властью Селевкидов, Помпей одним... поставил их наследственных царей или правителей, так, например, у галатов в Азии

* Конъектура Мусгравиуса и Беккера: περιουσίας — «чем окружающее население».

он утвердил для четырех династов, воевавших в союзе с ним против Митридата, их тетрархии. Но немного времени спустя, главным образом при кесаре Августе, и эти страны по частям перешли в руки римлян.

51. Помпей немедленно передал управление Сирией Скавру, бывшему в этой войне его квестором; после Скавра сенат назначил на эту должность Марция Филиппа, а после Филиппа Лентула Марцеллина, обоих в ранге преторов. Двухлетний срок управления того и другого прошел в том, что они защищались от соседних арабов, причинявших им беспокойство. Ради этого на дальнейшее время правителями в Сирию назначались лица, которые в городе уже выполнили должность консулов, чтобы они имели право на производство набора и ведение войны, как и консулы. И первым из них был послан с войском Габиний. Когда он собирался двинуться походом (на арабов), Митридат, парфянский царь, лишенный власти своим братом Ородом, стал побуждать его идти походом не на арабов, а на парфян; с другой стороны, Птолемей, одиннадцатый царь Египта, тоже изгнанный из своего царства, убедил его крупными денежными подарками вместо парфян двинуться на Александрию. И Габиний вернул престол Птолемею, вступив в войну с александрийцами, но римским сенатом он был присужден к изгнанию за то, что без постановления сената напал на Египет, начав войну, которая для римлян считалась роковой: было некое сивиллино предсказание, запрещавшее им эту войну. После Габиния, как мне кажется, управлял Сирией Красс, с которым во время его войны с парфянами произошло известное великое несчастье. При Люции Бибуле, после Красса управлявшем Сирией, на Сирию напали парфяне. Когда после Бибула в Сирии был проконсулом Саса, парфяне дошли до Ионии, так как римляне были заняты у себя междоусобной войной.

Но об этом я расскажу подробно в книге¹⁴ о Парфии.

52. А так как эта книга посвящена Сирии, мы рассказали о том, как римляне захватили Сирию и привели ее в современное состояние; но будет вполне уместно просмотреть эпоху македонян, которые еще до римлян правили Сирией.

После персов царем Сирии был Александр, который был царем всего, что он видел. Когда Александр умер, один у него был сын совсем маленьким, а другой еще не родился. Македоняне, вследствие своей горячей любви к дому Филиппа, выбрали себе царем брата Александра, Аридея, хотя он считался не в полном уме, переименовав его вместо Аридея в Филиппа; они воспитывали и детей Александра (они охранили и его беременную жену), друзья же Александра разделили завоеванные народы на сатрапии, причем этот раздел производил от имени царя Филиппа Пердикка. Немного спустя цари умерли¹⁵, и тогда сатрапы стали царями. Первым сатрапом Сирии был Лаомедонт из Митилены при содействии Пердикки, а потом при помощи Антипатра, который после Пердикки был опекуном царей. Приплыв к Лаомедонту, Птолемей, сатрап Египта, стал убеждать его за большую сумму денег уступить ему Сирию, являющуюся передовым укреплением Египта и удобным местом для нападения на Кипр. Так как Лаомедонт на это не соглашался, Птолемей его арестует. Но Лаомедонт, подкупив сторожей, бежал в Карию к Алкету. Некоторое время Птолемей утверждал свою власть в Сирии, а затем, поставив по городам гарнизоны, он отплыл в Египет.

53. Сатрапом Фригии, Ликии и Памфилии был Антигон, оставленный наблюдателем за всей Азией, когда Антипатр переправился в Европу.

¹⁴ У Аппиана такой книги нет.

¹⁵ См. главу 54.

Он стал осаждать Эвмена, сатрапа Каппадокии, так как македоняне постановили считать его врагом. Эвмен бежал от него и захватил для себя власть над Мидией. Но Антигон, захватив Эвмена, его убивает. Возвращаясь, он был блестяще принят Селевком, наместником Вавилона. Так как Селевк оскорбил одного из его военачальников и не сообщил об этом находящемуся у него Антигону, то Антигон, обидевшись, стал требовать отчета в деньгах и имуществе. Будучи слабее Антигона, Селевк ушел к Птолемею в Египет. Тотчас после бегства Селевка Антигон лишил власти Блitora, управителя Месопотамии, за то, что он позволил уйти Селевку, и подчинил своей собственной власти Вавилонию, Месопотамию и все другие племена, которые идут от пределов Мидии до Геллеспонта, тем более, что Антипатр уже умер. Став владыкой столь огромных земель, он тотчас вызвал к себе зависть со стороны других сатрапов. Это была главная причина, почему на призыв Селевка о помощи соединились Птолемей, Лисимах, сатрап Фракии, и Кассандр, сын Антипатра, после отца ставший вождем македонян. И они все вместе послали к Антигону послов требовать, чтобы вновь приобретенную им землю и деньги он поделил с ними и с другими македонянами, которые были изгнаны из своих владений. Когда Антигон высмеял их, они решили сообща вести войну, а Антигон в свою очередь стал готовиться; он изгнал те гарнизоны Птолемея, которые еще стояли у него в Сирии, и то, что еще от Финикии и Келесирии осталось под властью Птолемея, он все взял себе. 54. Удаляясь через Киликийские ворота, он оставляет своего сына Деметрия, приблизительно 22 лет, в Газе с войском, чтобы отражать удары Птолемея со стороны Египта. Птолемей блестяще победил его в битве при Газе, так что юноше пришлось удалиться к отцу. Тотчас же Птолемей отправляет Селевка в Вавилон, чтобы он взял власть в свои руки. И с этою целью он далему тысячу пехотинцев и 300 всадников. И со столь незначительным отрядом Селевк захватил Вавилонию, так как население радостно принимало его; прошло немного времени — и свое царство он немалого увеличил. Между тем Антигон теснил Птолемея и в знаменитой морской битве около Кипра одержал блестящую победу; главнокомандующим в этом сражении был его сын Деметрий. При таком блестящем положении дел войско провозгласило их обоих — Антигона и Деметрия — царями, тем более, что цари: Филипп, Аридей, Олимпиада и сыновья Александра были уже мертвы. И Птолемея его собственное войско провозгласило царем, чтобы, вследствие поражения, он ни в чем не был унижен сравнительно со своими победителями. Так удалось им обоим одновременно добиться одного и того же, но по разным причинам; за ними тотчас последовали и другие, и все из сатрапов стали царями.

55. Вот как и Селевк стал царем Вавилонии. Он стал царем и Мидии, убив собственноручно в битве Никанора, оставленного Антигоном сатрапом Мидии. Он провел много войн и против македонян и против варваров; из них две самые большие он провел против македонян: одну, более позднюю, — с Лизимахом, царем Фракии, другую, раньше, — у Ипса во Фригии, с Антигоном, который сам командовал и сам лично сражался, хотя ему было за 80 лет. Когда Антигон пал в этой битве, то те цари, которые вместе с Селевком уничтожали Антигона, поделили между собою его землю. И тогда-то Селевк по жребию получил под свою власть Сирию, прилегающую к Евфрату и до самого моря, и внутреннюю Фригию. Постоянно устраивая ловушки соседним народам, способный и силой заставить их подчиниться и уговорить убедительными речами, он захватил власть над Месопотамией, Арменией и Каппадокией, называемой Селевкидой, над Персией, Парфией и Бактрией, над арабами и тапирами, над Согдианой, Арахозией и Гирканией, и над всеми другими соседними племенами.

нами до реки Инда, которые силою оружия были завоеваны Александром, так что границы его царства в Азию достигли наибольших после Александра размеров; ведь от Фригии вплоть до реки Инда все было под властью Селевка. Кроме того, перейдя реку Инд, он воевал с царем живущих по берегу этой реки индийцев, Андрокоттом, пока не заключил с ним дружбы и брачного союза. И часть этих деяний он совершил до смерти Антигона, другую после его смерти.

56. Рассказывают о нем, что, когда он был еще при царе Александре солдатом и пошел за ним против персов, было ему вещание в храме Аполлона Дидимейского на его вопрос о возвращении в Македонию:

«Мысль о Европе ты брось: тебе Азия много счастливей!»

И в Македонии у него на родном очаге, хотя к нему никто не прикасался, загорелся большой огонь. Его мать видела сон, чтобы тот перстень, который она найдет, она дала носить Селевку и что он будет царствовать там, где этот перстень упадет с его пальца. И она действительно нашла якорь, вырезанный на железе, а Селевк потерял эту свою печать на Евфрате¹⁶. Говорят, что позднее, уходя в Вавилонию, он зацепился за камень, и, когда этот камень был выкопан, увидали якорь. Когда гадатели были смущены этим знаком остановки, Птолемей, сын Лага, ехавший вместе с ним, сказал, что якорь есть знак безопасности, а не остановки. Поэтому-то у Селевка, когда он стал царем, на печати был знак якоря. Некоторые думают, что еще при жизни Александра и на его глазах Селевку было другое подобное предзнаменование будущей власти. Когда Александр возвращался в Вавилон из Индии и в самой Вавилонии плыл по болотам, выясняя, может ли Евфрат орошать ассирийскую землю, поднялся сильный ветер и сорвал с его головы диадему; она унеслась и повисла на тростниках на могиле какого-то древнего царя. Это было знамение близкой кончины царя; какой-то моряк, бросившись вплавь, положил эту диадему себе на голову и, не замочив ее, доставил Александру. И тотчас же от царя за усердие получил в подарок талант серебра. Когда же гадатели настойчиво требовали, чтобы он был казнен, то одни историки говорят, что Александр послушался их, другие же, что он возражал против этого. Но некоторые ничего не упоминают из этого, а говорят, что вовсе не моряк, но Селевк поплыл за диадемой Александра и что Селевк положил ее себе на голову, чтобы ее не замочить. Как ни как, оба знамения, в конце концов, исполнились над обоими: Александр окончил свою жизнь в Вавилоне, а из преемников Александра—Селевк воцарился над наибольшей частью его земель.

57. Вот что узнал я относительно ранних предсказаний Селевку. Тотчас после смерти Александра он становится вождем конницы гетеров, которой при жизни Александра командовал Гефестион, а после Гефестиона Пердикка. После этого командования конницей он был назначен наместником Вавилонии, а после наместничества стал царем. Так как в военных делах он был очень счастлив, он получил прозвище Никатора (победителя). Я склоняюсь более к этому объяснению его прозвища, чем к тому, что дано оно ему за убийство Никанора. Телом он был крепок и велик; рассказывают, что при одном жертвоприношении Александром дикого быка, как-то вырвавшегося из пут, он один задержал и голыми руками поверг его на землю; в воспоминание этого на его статуях всегда изображаются рога. По всему пространству своего огромного царства он выстроил много городов: так, в честь своего отца он выстроил 16 Антиохий, пять Лаодикий в честь своей матери,—девять носящих его собственное имя, четыре—в честь своих жен, три Апаmeyi и одну Стратонику. Из них

¹⁶ Ср. рассказ о перстне у Юстина (15,4).

самыми знаменитыми даже теперь являются Селевкии, одна у моря, другая на реке Тигре, Лаодикея в Финикии, Антиохия под горой Ливаном и Апамея в Сирии. Другим городам он дал имена или по именам городов Эллады или Македонии, или по каким-то либо своим деяниям, или же в честь царя Александра. Поэтому в Сирии и у варваров за Сирией внутри материка есть много имен городов эллинских и македонских—Берейя, Эдесса, Перинф, Маронея, Каллиполис, Ахайя, Пелла, Ороп, Амфиполь, Аретуса, Астак, Тегея, Халкида, Лариса, Герея, Аполлония, а в области парфян—Сотира, Каллиопа, Харита, Гекатомпил, Ахея, у индов—Александрополь, у скифов—Александресхата (Александрия крайняя). А в честь побед самого Селевка есть Никефорий в Месопотамии и Никополь в Армении, там, где она ближе всего подходит к Каппадокии.

58. Говорят, когда он строил себе Селевкии, то для Селевкии у моря он руководился небесным знамением в виде молнии, и поэтому он дал им богом молнию. При постройке же Селевкии на Тигре маги получили приказ выбрать день и час дня, когда нужно было приступить к копанию фундаментов. Но маги обманно назвали час, не желая, чтобы такое укрепление было рядом с ними. Селевк в своей палатке ожидал указанного часа, а войско, готовое к работе, сидело, спокойно ожидая, пока Селевк даст знак. Вдруг—в действительно судьбой назначенный час—им показалось, что кто-то дал знак; они быстро бросились к работе, так что, даже когда глашатаи хотели их сдержать, они не остановились. Работа шла уже полным ходом, когда Селевк, бывший не в духе, вновь спросил магов о времени постройки города. Тогда маги, заранее попросив прощения, сказали: «О царь! назначенной судьбы, будет ли она плоха или хороша, невозможно избегнуть ни человеку, ни городу. Есть некая судьба и у городов, как и у людей. Богам было угодно, чтобы этот город просуществовал многие, многие годы, начиная с того часа, когда он заложен. Боясь же, что это укрепление будет нам во вред, мы пытались изменить назначенную ему судьбу. Но она оказалась сильнее и коварства магов и незнания царя относительно этого. Поэтому божество дало приказ войску во благовремение. А чтобы ты не подозревал, что и теперь мы устраиваем какой-либо обман, ты можешь это сообразить из следующего: ведь ты сам, царь, был здесь при войске, и сам дал приказание ожидать твоего знака. И это самое войско, которое было тебе так послушно в трудах и опасностях, не приняло твоего распоряжения отдыхать, но быстро вскочило, и не частями, а все вместе со своими руководителями, и считало, что получило такой приказ. И действительно им было приказано. Поэтому они не слушались уже, когда ты их удерживал. А что другое является для людей сильнее царя, как не божество? Оно победило твое решение и руководило тобою при постройке этого города помимо нас, враждебное нам и всему окружающему народу. Ведь как может быть наше положение прочным, если рядом с нами селится более могущественное племя? Этот город родился для тебя при счастливой судьбе, он будет возрастать и будет жить много веков. Ты же подтверди прощение нам, старавшимся обмануть тебя из-за страха потери нашего отечественного блага». Вот что сказали маги. Царь был рад и простил их.

59. Вот что я узнал о постройке Селевкии. Своего сына Антиоха еще при своей жизни Селевк объявил царем внутренних земель вместо себя. И если кому-либо уже это кажется великодушным и царственным поступком, то еще более великодушно и мудро отнесся он к любви своего сына и к его сдержанности в своей страсти. Антиох был влюблен в Стратонику, жену самого Селевка, бывшую ему мачехой и уже родившую Селевку сына. Но, сознавая недопустимость такой страсти, он не покусился на

злое дело и вида не подал, но он захворал, запустил болезнь и добровольно готовился умереть. Не раз знаменитый врач Эрасистрат¹⁷, бывший при Селевке на огромном жаловании, хотел определить его страдание. Выяснив, что тело его не затронуто никакой болезнью, он предположил у него душевную болезнь; ведь когда душа здорова или больна, то этому соответствует и состояние тела; далее, огорчения, гнев и другие желания обыкновенно высказываются, но любовь люди разумные скрывают. Антиох на его настойчивые расспросы наедине ничего не говорил; тогда он сел около него и наблюдал по изменениям его тела, как он относится к каждому из приходящих к нему. И вот он обнаружил, что при посещении всех остальных его тело оставалось спокойным и вялым; но всякий раз, как входила Стратоника, чтобы повидать его, то он душевно терзался стыдом и укорами совести и молчал, но тело становилось, помимо воли, горячим и полным жизни, а когда она уходила—вновь слабело. Тогда врач сказал Селевку, что его сын неизлечим. Царь впал в страшное горе и стал громко кричать; тогда врач сказал: «Его болезнь—любовь, и любовь к женщине, но невозможно ее удовлетворить».

60. Селевк удивился, неужели Селевк, царь Азии, не может кого угодно убедить вступить в брак с подобным юношей, при помощи просьб, денег, подарков, ценою целого царства, которое перейдет к больному царю, но которое может быть подарено и теперь взамен его спасения, если уже кто-либо этого хочет. Он только хотел узнать, что это за женщина. Тогда Эрасистрат сказал: «Он влюбился в мою жену». На это Селевк воскликнул: «Как, дорогой мой, ты, который встречаешь с нашей стороны так много дружбы и расположения, а по достоинству души и мудрости имеешь мало равных себе, неужели ты не спасешь мне юношу и царевича, сына и друга и царя, который так несчастен и так сдержан, скрывая свое горе и предпочитая для себя смерть? Неужели ты настолько отнесешься бессердечно к Антиоху, а вместе с тем и к Селевку?» Он, же, возражая ему, привел как бы неопровержимый довод: «Но ведь и ты, хотя ты отец, если бы Антиох влюбился в твою жену, ты бы не отдал ему жены?». Тут Селевк поклялся всеми царскими богами, что воистину он охотно и радостно отдал бы ее ему и был бы прекрасным примером доброты отца по отношению к сыну разумному, сдержанному в постигшей беде и не заслужившему такого несчастья. Выказав много таких слов, он начал горевать, что он сам не может быть врачом для себя в несчастье, но что и в этом случае он должен обращаться за помощью к Эрасистрату.

61. Когда Эрасистрат увидел возбуждение царя, обнаруживающее истинное настроение, а не притворство, он открыл ему страдание сына и как скрытно он подошел, чтобы его открыть. Селевк обрадовался, но для него было трудным делом убедить своего сына, а затем с таким же трудом и свою жену. Когда он их убедил, он собрал свое войско, которое уже подозревало кое-что, и прежде всего изложил перед ними все свои дела, указал, что его царство из владений преемников Александра является наибольшим по пространству, что поэтому ему, стареющему, трудно уже из-за его величины им управлять. «Я хочу,—сказал он,—разделить эту величину для вашего же будущего благополучия и часть ее уже сейчас отдать моим самым любимым существам. Будет справедливо, если вы во всем будете мне помогать, вы, которые после Александра мною вознесены на такую высоту власти и могущества. А самыми любимыми для меня и достойными власти являются из всех моих детей старший сын и жена. У них, так как они молоды, могут быть скоро и

¹⁷ Сын дочери Аристотеля, ученик врача Александра, Хрисиппа.

дети, и для вас будет больше хранителей вашего государства. Поэтому на ваших глазах я сочетаю их между собою и посылаю быть царями народов, находящихся в глубине страны. Этим я не ввожу у вас никаких персидских обычаев или обычаев других народов, но скорее я устанавливаю следующий общий для всех закон: «всегда справедливо то, что поставлено царем». Так он сказал, и войско воздало ему хвалу как величайшему после Александра царю и как лучшему отцу. Затем, дав Стратонику и сыну такие же поучения, он сочетал их браком и отправил в их царство, совершив дело, более достойное славы и обличающее в нем больше силы, чем все, что он совершил на войне.

62. Под властью его было 72 сатрапии—над столь огромным пространством земли царствовал он. Передав большую часть их своему сыну, сам он правил землями только от моря до Евфрата. Последнюю войну пришлось ему вести с Лисимахом из-за Фригии у Геллеспонта; он победил Лисимаха, который пал в этом сражении, и переправился через Геллеспонт. Но при возвращении в Лисимахию он был убит. Убил его всюду сопровождавший его Птолемей, которому дано прозвище Керавн. Этот Керавн был сыном Птолемея Сотера и Эвридики, дочери Антипатра. Он бежал из Египта из-за страха, что Птолемей хочет отдать престол младшему сыну. Селевк принял его как несчастного сына своего старого друга, покровительствовал ему и всюду возил его с собой—своего будущего убийцу.

63. Так умер Селевк, прожив 73 года, из которых 42 он был царем. И мне кажется, что также и в этом исполнилось приведенное выше пророчество ему: «Мысль о Европе ты брось: тебе Азия много счастливей».

Ведь Лисимахия находится в Европе, и тогда впервые, после того как он ушел в поход с Александром, он переправился в Европу. Говорят, что, когда он как-то обратился за предсказанием о своей смерти, ему было дано вещание: «Будешь Аргос избегать, до назначенных лет доживешь ты. В Аргос приблизившись, ты против воли рока погибнешь».

Поэтому Аргос в Пелопоннесе и Аргос в Амфилохии, и Аргос в Орестии (откуда родом македоняне Аргеады) и так называемый Аргос, выстроенный у Ионийского моря Диомедом во время его блужданий, и любое другое место, носившее название Аргос, Селевк разыскивал и остерегался <туда попадать>. Но когда от Геллеспонта он шел к Лисимахии, то на глаза ему попался большой, стоящий совершенно открыто алтарь. Он разузнал, что поставили его то ли аргонавты, плывшие в Колхиду, или ахейцы, шедшие походом на Илион, и поэтому окрестные жители называют этот жертвенник Аргосом, то ли по имени корабля <аргонавтов>, исказив несколько его имя, или от имени родины Атридов,—когда он еще это слушал, он получил смертельный удар: Птолемей поразил его сзади. Филетер, правитель Пергама, сжег Селевка, за большие деньги выпросив его тело от Керавна, а его останки он послал его сыну Антиоху. Он похоронил их в Селевкии у моря и воздвиг в его честь храм и священный участок, и этот участок называется Никаторием.

64. Относительно Лисимаха я узнал, что он был в числе личной стражи Александра. Как-то он на большое пространство бежал рядом с царем; устав, он схватился за хвост царского коня; он продолжал бежать, хотя он концом царского копья получил удар в лоб в кровеносную жилу и потерял много крови. За отсутствием повязки Александр перевязал его рану своей диадемой, и диадема сейчас же вся стала в крови. Предсказатель Александра Аристандр, когда Лисимаха несли в таком виде, предсказал, что этот человек будет царем, но царствовать будет с большими трудностями. И действительно, Лисимах поцарствовал не меньше 10 лет, считая те годы, когда он был сатрапом, но царствовал с большими

трудностями¹⁸. Будучи 70-летним стариком, он сам командовал войском и, сражаясь, был убит. Вскоре после него был убит и Селевк. Лежащий на земле труп Лисимаха его домашний пес долгое время охранял неприкосновенным от птиц и диких зверей, пока Торак из Фарсала не нашел и не похоронил его. Другие же рассказывают, что его похоронил Александр, родной сын Лисимаха, бежавший к Селевку вследствие страха, когда Лисимах убил другого своего сына Агафокла; он разыскал тогда его тело, найдя его главным образом благодаря псу, хотя оно уже разложилось. Его кости родные Лисимаха, говорят, положили в своем храме, и этот храм был назван Лисимахием.

Таков был конец каждого из этих царей, очень храбрых и бывших большого роста; одному было 70 лет, другой был старше на три года, но до самой смерти они сражались собственной рукой.

65. Когда умер Селевк, его преемниками—причем власть над Сирией переходила от отца к сыну—были следующие: первым был вышеназванный Антиох, влюбленный в свою мачеху; он получил прозвище «Сотер» («спаситель»), так как изгнал галатов, вторгнувшихся из Европы в Азию; за ним шел второй—Антиох, родившийся от этого брака, которому жителями Милета впервые было дано имя «Теос» («бог») за то, что он уничтожил у них тирана Тимарха. Но этого бога жена погубила ядом. Он имел жен—Лаодику и Веренику, по любви и по обручению... дочь Птолемея Филадельфа. Лаодика убила его, а за ним и Веренику и ее маленького ребенка. Как мститель за это Птолемей, сын Филадельфа, убил Лаодику, вторгся в Сирию и дошел до Вавилона. И парфяне начали тогда свое отпадение, так как царский дом Селевков находился в таком неустойчивом состоянии.

66. После Теоса царем Сирии был Селевк, сын «бога» и Лаодики, которому было прозвище Каллиник. За Селевком следовали один за другим два его сына по старшинству лет, Селевк и Антиох. Селевк был больной, немощный и не умевший держать в повиновении свое войско. Его приближенные устроили против него заговор и отравили его; царствовал он всего два года. Его брат—тот Антиох, который получил имя Великого, о войне которого с римлянами я рассказывал выше. Он царствовал 37 лет. О двух его сыновьях, царствовавших после него, Селевке и Антиохе, я уже говорил раньше. Селевк царствовал 12 лет бездейственно и слабо вследствие несчастья с отцом. Антиох царствовал неполных 12 лет; за это время он взял в плен Артаксия, царя Армении, и ходил войной на шестого Птолемея, который, как сирота, со своим братом был под опекой. Когда он стоял лагерем под Александрией, к нему явился послом от римлян Попилий с письменным приказом, гласившим: «Антиох не должен воевать с Птолемеями». Когда он прочел приказ и сказал, что подумает, Попилий жезлом очертил круг вокруг него и сказал: «думай здесь». Пораженный этим, царь снялся с лагеря. Он ограбил святилище Афродиты в Элимнах и умер от истощения, оставив 9-летнего сына, Антиоха Евпатора, как мной рассказано и об этом.

67. Была раньше речь и об его преемнике, Деметрии, как он был заложником в Риме и, бежав из своего заложничества, стал царем. Он получил от сирийцев имя «Сотера» («спасителя»), вторым после сына Селевка Никатора. Против него поднял восстание некий Александр, ложно заявлявший, что он из рода Селевка. Птолемей, царь Египта, из-за ненависти к Деметрию поддерживал его. Деметрий из-за Птолемея был лишен престола и умер; но Александра изгнал Деметрий, сын этого Деметрия Сотера, и за то, что он победил человека, незаконно претендовавшего на его род, он был назван сирийцами «Никатор» («победитель»);

¹⁸ Ср. Юстин (45,5,15), фракийцы считались самым диким народом.

и он был вторым после Селевка, получившим это имя. По примеру того Селевка и он пошел войной на парфян, но был взят в плен, жил при дворе царя Фраата, и царь выдал за него замуж свою сестру Родогуну.

68. При такой анархии в царском доме царский раб Диодот возвел на трон маленького Александра, сына Александра, незаконно выдававшего себя за Селевкида, и дочери Птолемея. Затем он убил этого ребенка и осмелился сам вступить на престол, переименовав свое имя на Трифона. Но Антиох, брат пленного Деметрия, узнав на Родосе о его пленении, вернувшись с великим трудом в родное царство, убивает Трифона. И он идет походом на Фраата, требуя возвращения брата. Фраат испугался его и отослал Деметрия. Несмотря на это, Антиох вторгся в Парфию, но, потерпев поражение, убил себя. Вернувшегося на престол Деметрия убила его жена Клеопатра, коварно лишив его жизни из-за ревности к его браку с Родогунной, из-за чего она уже раньше вышла замуж за Антиоха, брата Деметрия. У нее было два сына от Деметрия, Селевк и Антиох, которому было прозвище Грип, а от Антиоха—Антиох, которого называли Кизикским. Из них Грипа она уже заранее послала для воспитания в Афины, а Кизикского—в Кизик.

69. Селевка, который тотчас же после отца своего Деметрия надел на себя царскую диадему, она убила, устроив против него заговор¹⁹, боясь ли мести за коварное убийство его отца, или вследствие безумной ненависти ко всем. После Селевка стал царем Грип; он заставил мать выпить то питье, которое она приготовила для него, подмешав яду. Таким образом, наконец, она понесла заслуженное наказание. Но и Грип был достойным сыном своей матери: он стал злоумышлять против Кизикена, хотя и тот был его братом по матери. Последний, узнав об этом, пошел на него войной, изгнал его из царства и вместо него сам стал царем Сирии. Но и против него, хотя он и приходился ему дядей, пошел войной Селевк, сын Антиоха Грипа, и отнял у него престол. Будучи насильником и ведя себя, как жестокий тиран, он был за это сожжен народом в гимнасии в Киликии в городе Мопсуестии; его преемником был Антиох, сын Кизикского. Против него стал злоумышлять его родственник Селевк, но сирийцы считают, что он спасся благодаря своему благочестию, и поэтому дали ему прозвище «Благочестивого» (его спасла гетера, влюбленная в него за его красоту); мне же кажется, что сирийцы дали ему это прозвище в насмешку над ним: этот «Благочестивый» женился на Селене, которая была замужем за отцом его, Кизикеном, и за дядей его Грипом. Тем не менее, попущением божьим он был изгнан из своего царства Тиграном.

70. У его сына, который был у него от Селены, воспитанного в Азии и поэтому получившего прозвище Азиатский, Помпей отнял сирийское царство, как об этом я уже говорил; он был 17-м, начиная с Селевка, царем сирийцев (я не считаю Александра и сына Александра, как лжецарей, а равно и их раба Диодота). Он царствовал, пока Помпей был занят в других местах, всего один год. Власть Селевкидов продолжалась 230 лет. Если кто хочет учесть время от Александра до захвата Сирии римлянами, надо к 230 годам прибавить еще 14 лет правления Тиграна.

Вот что я имел сказать о македонянах, царствовавших в Сирии; это можно считать как-бы составляющим другую книгу.

Перевод С. П. Кондратьева

¹⁹ Конъектура: по тексту—«застрелив его».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

МИТРИДАТОВЫ ВОЙНЫ

- Абидос 56
Август Кесарь 105, 121
Автолик 83
Агамемнон 53
Агары (скифы) 88
Адан 96
Адрамиттийцы 23
Академ 30
Акафий 35
Александр (Макед.) 8, 20
— (пафлагонец, вождь Митридата 76
— — — — (царь Египта) 23
Александрия 33
Амазонки 78, 83, 103
Амастрис 11, 12, 82
Амис 8, 78, 83
Амней 18
Андроник 4, 5
Антигон 9
Антикраг 96
Антиох (Великий) 23
— Благочестивый 105
— из Коммагены 106, 114
Антипатр 8
Апамея 19, 77
Апсар 101
Аракс 103
Аргонавты 101, 103
Арета 101
Ариарат 15
» 8
Ариобарзан 10, 11, 13, 15, 64,
67, 105
Аристион 28, 29, 30, 39
Аристобул 106
Аристоник 12
Аркафий 17, 18, 35, 41
Армения 13, 17, 104
Артемисий 23
Арсак 45
Артаферн 108
Арток 103
Архелай 17, 18, 27, 29, 30, 31, 49,
54, 64
Асандр 120
Асклепиодот 48
Асклепия храм 23
Аттал 3, 6, 7 и сл.
Аттидий 90
Аттиа 30
- Афинион 59
Афинина 28
Афины храм 53
Ахейцы 29, 67, 102
—йская гавань 77
- «Благой» 10
Базилл 50
Барбасс 77
Бастерны 15
Бебрикия (-Вифиния) 1
Беотия 29, 30 сл.
Битойт 111
Боспор, -цы 78, 64
Бретий 29
Брундузий 61, 93
- Вакх 82
Варий Марк 68, 70, 76
Весты храм 23
Византий 1, 17
Вифинцы (-фракийцы) 1
Вифиния 17
Вифия 1
Вифий 1
- Габиний Авл 66
Галаты 11, 17, 41, 46
Галис 65
Галло-греки 114
Гальба 43
Ганнибал 109
Геллий Люций 95
Гемон 69
Гениохи 69, 102
Геракл 103
Гераклея 82
Геракловы столбы 93
Гермократ 70
Гиероним 8
Гипеии 48
Гомер 1
Гордиана 105
Гордий 65
Гортензий 43
- Дамагор 25
Дарданы 55
Дарий (персидский) 8
» (мидийск.) 106

Дарий (сын Митридата) 108
 Дейотар 75
 Делос 28
 Деметриада 29
 Диегулис 1
 Дима 96
 Диндим 75, 76
 Диоген 49
 Диокл 78
 Диомед 53
 Дионис (Евпатор. сын Митридата) 10
 Дионисий 76
 Диоскуры 101, 103
 Дорилай 17, 49
 Дромихет 32—41

Евпатория 78
 Евпатра 108
 Евфрат 84
 Египет 13—114

Закинф 45
 Зевс 70
 Зевса храм 7
 » Атабирия храм 26
 Зенобий 46, 48

Иассос 63
 Иберия 68
 Иберы 101
 Идумея 106
 Иероним 8
 Иерусалим 106
 Изиды храм 27
 Илион 1
 Ио 101
 Исавры 75
 Истр 15
 Италия 16, 22, 48
 Италийцы 16, 22, 28, 41, 54
 Итуреи 106
 Иудеи 106

Кабирь 78
 Кавказ 103
 Кавн 26
 Кавний 23
 Калидий 65
 Кальвин 120
 Каппадокия 8, 9, 12, 13, 15, 17, 30, 41, 64
 Карфагеняне 10
 Каспийское море 11, 17, 19, 24, 103
 Кассий, Люций
 Кастабала 105
 Кастор 108
 Катон 6
 Келесирия 106
 Кельты 109
 Кизик 72, 73
 Киликия 8
 Клисфен 48
 Кипр 56, 95
 Кипсел 56

Киры 103
 Клазомены 63
 Клеопатра (бабка егип. царя Александра) 23
 » » (дочь Митридата) 108
 Колхи 15, 64, 101, 103
 Комана 64, 115
 Коммагена 106
 Кораллы 69
 Корнелий Сулла 22, 30
 Корнелий Цинна 51, 60
 Кос 23
 Котта 71
 Краг 96
 Кратер 17
 Критий 28
 Ксеркс 108
 Ксифар 107
 Курион 60

Лакедемоняне 29
 Лаодикей 20
 Лаомедонт 9
 Лампсак 76
 Латоны роща 27
 Левкосиры 69
 Лемнос 77
 Лентул Марцелин 95
 » Гней 95
 Леонтокефалья 19
 Ливия 16
 Лик 20
 Ликийцы 24
 Поллий, Люций 95
 Лукулл 30, 51, 56, 68, 72 сл.

Магий Люций 68, 70, 72
 Магнесия 21, 29
 Магнеты 21
 Македония 35
 Македоняне 41
 Малл 91
 Маллий, Люций 76
 Маний, Ацилий 11, 17, 21
 Манкай 82
 Манлий Торкват 95
 Марий Гет 51, 60
 Масинисса 55
 Марах 67, 78, 93, 101
 Мегара 30
 Менас 4—5
 Менофан 119
 Меотийское озеро 15, 101, 103
 Месопотамия 48
 Метелл Непот 95
 Миннион 48
 Минуций Руф 17
 Митилена 21, 52
 Митрас 10
 Митридаты (дом М. 6-го) 9
 » (Пергамский) 121
 Митридатис 111
 Митробарзан 84
 Митрофан 29
 Монима 21
 Мунаций 34
 Мурена 32, 43, 64, 93

- Набатей 106
 Неманес 19
 Неоптолем 17, 18, 19
 Никанор 8
 Никефорион 3
 Никея 6, 77
 Никомед (сын Пруссия Вифина, 4, 5, 7, 11, 12, 17, 19 сл.
 » Филопатор (сын Никомеда) 7
 » внук Никомеда 7
 Никомидия 52, 76
 Никополь 105
 Нимфейон 108
 Нисса 111
 Нотий 59
 Нуд 71
 Нума Помпилий 22
- Одиссей 53
 Оксатр 108
 Олимпия 54
 Олкад 79
 Оппий Квинт 17, 20
 Ороз 103
 Орхомен 49—54
- Палладий 53
 Палестина 106
 Памфилия 8
 Пантикапей 107
 Парис 76
 Парфия 87
 Пассаргады 66
 Патары 27
 Пафлагония 17, 21
 Пелопид 12, 14, 15, 27
 Пергам, -мцы 19, 21, 23, 48, 52
 Пердикка 8
 Перикл 30
 Персей 2
 Пирей 29, 30
 Писистрат 73
 Писиды 76
 Питана 52
 Пифагорейцы 28
 Пифийский храм 54
 Плоций Вар 95
 Помпей 68, 91, 84 сл. (его добыча), 116 (пленники и заложники), 117 (Помпей и Цезарь), 120 (постройка городов), 115.
 Помпоний 79
 Посейдон 70
 Понт 9, 12, 17, 23, 41, 48, 101, 107 (-а устье) 1, 17
 Понт Эвксинский 47
 Понтийская область 19
 Попий Гай 17
 Прометей 103
 Прусиада 77
 Прусий 2, 5, 6
 Публий Атилий 95
 Пуппий Пизон 95
- Рес
 Рим 51
 Римляне 2, 5, 12, 22
- Родопа 69
 Родос 19, 33, 56
 Родосцы 24, 25, 29, 61
 Рутилий 60
- Савроматы 87, 69
 Самбука (машина) 26, 27
 Самос 63
 Самофракия 63
 Сангарий 19
 Сардиния 95
 Сарматы 15
 Секстилий 84
 Серторий 68, 70
 Сизенна, Люций 95
 Синопа 78, 83
 Синорега 101
 Синтрик 104
 Сирия 9, 13, 33
 Сицилия 93
 Скиаф 29
 Скиф Олкад 79
 Скифы 13, 15, 41, 57, 69, 78, 88, 101, 102, 108, 109
 Скороба 19
 Сабадак 79
 Сократ Хрест 10, 13
 Соферна 105
 Спартак 109
 Стратоника 27, 107
 Стратоникей 21
- Тавр 106
 Тавры 15, 69
 Таксил 70—72
 Танаис 15
 Телмисейцы 24
 Темискира 78
 Теренций Варрон 95
 Термодонт 78
 Тиверий Нерон 95
 Титран 15, 67, 78, 82, 83, 84, 105
 Тигранокерта 67, 84, 86
 Тимофей 89
 Тисея 35
 Тралл 23—48
 Триарий 77, 88
 Трифон 108
 Троя 53, 67, 102
- Фабий 88
 Фанагория, -ийцы 108, 113
 Фанний Люций 68
 Фарнак 110, 113, 120
 Феникс 79
 Феофил 23
 Феодосия 108
 Ферм 52
 Фермопилы 41
 Фессалия 30, 41
 Феспий 29
 Фивы 30
 Филоктет 77
 Филопеман 48
 Фимбрия 51, 56
 Финикия 13, 56

Флакк 51
 Фокида 41
 Фраат 104
 Фракийцы 1, 13
 Фригийцы 11, 12, 41

Халиб 69
 Халкедон 52, 71
 Халкида 31, 34, 45
 Херонея 29, 42
 Херсонес 13, 108
 Хиос 46, 50, 55, 61
 Хотена 101

Цезарь 120
 Цинна, Корнелий 51, 60

Эвбея 29
 Эвмах 46, 75
 Эвмен 8, 55
 Эврий 45
 Эгейское море 95
 Элевсин 30, 33
 Эллины у Понта 15
 Энеты 55
 Эпидавр 54
 Эпифания 96
 Эритры 46
 Эсен 76
 Этолия 30
 Этрурия 93
 Эфес, -сцы 21, 23, 48, 61
 Эат 103

Язиги 69

СИРИЙСКИЕ ДЕЛА

Абидос (гор.) 21, 23, 28
 Август Кесарь 50
 Агафокл, сын Лисимаха 64
 Адриан (импер.) 50
 Азия 6
 Акарнания 16
 Александр (некий македонец) 13
 » Великий 10, 52
 » (сын некоего Александра) 13
 » Великого сыновья 54
 » (лже-царь Сирии) 67,
 70
 » (маленьк. сын лже-царя Александра) 68
 » (сын Лисимаха) 64
 Александресхата (город) 57
 Александрия у Граника 29
 » Египетская 51
 Александрополь 57
 Алкет (правитель Кари) 52
 Альпы 10
 Амбракия 10

Аминандр (царь атаманов) 13, 14, 17
 Амфиполь 57
 Андрокотта (царь индийцев) 55
 Антигон 53, 55
 Антиох III Великий—
 — II Теос 65
 — Эвпатор 46
 — Эпифан (младш. сын Антиоха Великого, брат Селевка, сына Антиоха) 39
 — Грип (орлиноносый, сын Деметрия Никатора) 68, 69
 — (кизикенец, сына Антиоха, брат Деметрия) 68
 — (брат Деметрия Никатора) 68
 — IV сын Антиоха Великого 68
 — V Эвпатор 66
 — Сотер 65
 — сын Селевка I, 59
 — Благочестивый, сын Кизикена 69
 — (сын Антиоха Благочестивого) 49
 Антиохиды (дочь Антиоха Велик.) 5
 Антиохии 57
 Антиохия (у Ливанских гор) 57
 Антипатр 52, 53
 Апама (дочь некоего Александра, жена Аминандра, царя атаманов) 13
 Апамея в Сирии 36, 39, 57
 Аппий Клавдий 16
 Аполлония 17
 Арабы 32, 51, 55
 Арахозия 55
 Аргонавты (на пути в Колхиду) 63
 Аргеады 63
 Аргос 63
 — (на Ионийском море) 63
 Аргос Амфилохийский 63
 — (в Орестии) 63
 Аретуса 57
 Ариарат (царь Каппадокии) 5, 54, 47
 Аридей (брат Александра Великого) 52, 54—см. Филипп
 Ариобарзан 48
 Аристид 41
 Аристобул (царь Иудей) 50
 Аристон (посол Антиоха) 8
 Аркадяне 41
 Армения 48—55
 Артаксий (царь армянск.) 45—56
 Ассирия (орошение Евфратом) 56
 Астак 57
 Атаманы (племя Фракии) 13, 17
 Атилиий (римск. военач.) 22
 Аттал (брат Эвмена Пергамского) 5, 36, 45
 — (отец Эвмена) 38
 Африканский (старш. Сципион) 21
 — (младш. —) 29
 Афродиты храм 66
 Ахайа 57
 Ахейская гавань 23
 Ахейцы 63
 Ахея (город) 57

Бактрия 55
 Бебий 16
 Береника (жена Антиоха II) 65

- Берейя 57
 Би́бл (Бибул)—см. Люций Бибул 51
 Блитор, наместн. Месопотамии 53
 Брундузиум 17, 43
- Вавилон 53
 Веспасиан (имп.) 50
 Византийцы, Византия 6, 12
 Ви́финия 11
 Вульсон, Манлий—см. Манлий
- Габиний 51
 Газа (гор.) 54
 Галаты 6, 32, 34, 42, 50, 65
 Галис (река) 42
 Ганнибал 4, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 18, 22, 28
 Гегесианакт (посол Антиоха) 6
 Гекатомпил (город) 57
 Гелиодор (убийца Селевка, сына Антиоха Вел.) 45
 Гелеспонт 6, 23, 29, 38
 Геракл 10
 Гераклея 18
 Гераклid (заведывав. финансами Антиоха Эпифана) 45, 47
 Гераклid (из Византии, посол Антиоха) 29
 Герейя 57
 Гефестион 57
 Гиркания 55
 Гней 3 (см. прим.)
 Греция (см. Эллада)
- Даи (даки) 32
 Демокрит (вождь этолийцев) 21
 Делий (город) 12, 15
 Деметриада 29
 Деметрий (сын Филиппа Мак.) 20
 — сын Антигона 54
 — (сын Селевка, внук Антиоха Вел.) 45, 46, 47
 — Сотер 67
 — Никатор, сын Деметр. Сотера 67
 Диодот (раб, захвативший престол Сирии) 68, 70
 Диомед 63
 Диофан (начальн. вспомогат. отряда ахейцев) 26
 Домиций, Гней 30, 31, 35
- Европа 38
 Евфрат 50
 Египет 50, 52
- Зевксис (начальн. у Антиоха Вел.) 33
- Иберия (Испания) 10
 Иерусалим 50
 Инд 55
 Ионийские города 29
 — море 15, 16
 Иония } 1, 6, 12, 51
 Ионяне }
 Инсво Фригии 55
- Итальяцы, Италия 3, 7, 8, 14, 15, 22, 31, 34
 Иудеи 5
- Каликадион (мыс) 39
 Каллидром (гора у Фермопил) 17, 18, 19
 Каллиопа (город) 57
 Каллиполис (город) 21—57
 Капитолий 39—40
 Каппадокийцы 32, 34
 Каппадокия 55
 Кария 44, 52
 Карфаген 7, 8, 9, 10, 11, 29, 40
 Карфагеняне 15
 Кассандр, сын Антипатра 53
 Катон, Марк 18, 19
 Келены 36
 Келесирия 1, 5, 38, 50, 53
 Кизик 68
 Кизикенцы 12
 Киликийские ворота 54
 Киликийцы 32, 50
 Киликия 1, 2, 22, 48, 50
 Киноскефалы 16
 Кипр 4, 52, 54 (битва при К.)
 Клавдий (Аппий) 16
 Клеопатра (дочь Антиоха Велик.) 5
 — (жена Деметрия Никатора)
 Коракс (гора) 21
 Красс 51
 Критяне 32
 Ксеркс 18
 Кумы 25
- Лакедемоняне 12, 14, 18, 41
 Лампсак 2, 29
 Лаодика (жена Антиоха II) 4
 — (жена Антиоха «Бога») 65
 Лаодикея (в Финикии) 46, 57
 Лаомедонт из Митилены (наместн. Сирии) 52
 Ларисса 16—57
 Левкстры 41
 Лептин (убийца римск. посла) 46, 47
 Леонид (Спартанск. царь) 18
 Либисса (река) 11
 Ливий (римск. наварх) 22—25
 Ливийские слоны 31
 Ливия, -йцы 11, 22
 Ликия, -йцы 4, 32, 44, 53
 Лисий (посол Антион Вел.) 6
 — (воспит. сына Антиоха Эпифана) 46, 47
 Лисимах (правит. Фракии) 1, 53, 55, 62, 64
 — (его карьера) 64
 Лисимахейон 64
 Лисимахи, жители 28
 Лисимахия 1, 21, 28, 29, 37, 38
 Лукулл 49
 Люций Бибул 51
 — Валерий (военн. триб.) 18
 — Эмилий Регилл (римск. наварх) 26
- Магадат (полковод. Тиграна) 48
 Македонская фаланга 19, 32, 35, 37

- Македония 23
 Македонский период Сирии 52
 Маний Ацилий Глабрион 17, 18, 21, 23
 Манлий Вульсон 39
 — (преемн. Сципиона) 42, 43
 Мароней (город) 57
 Марцеллин Лентул 51
 Мегалополь 13
 Менипп (посол Антиоха Велик.) 6
 Месопотамия 48—55
 Мессеняне 41
 Мидия 1, 3, 53
 Мизийцы 32
 Микитион (вождь Антиоха Вел.) 12
 Миндис (начальн. у Антиоха Вел.) 33
 Мионнес (битва у) 27, 28
 Митридат Понтийский 48, 49, 05
 — царь парфянский 51
 Мопсуестия (город) 69
- Никандр (пират) 24, 25
 Никанор (правитель Мидии) 55
 — убит Селевком 57
 Никатор—см. Селевк I, 57
 Никаторейон (храм и заповедник) 63
 Никефорион (город) 57
- Октавий, Гней 46, 47
 Олимпиада 54
 Олимп Мизийский 42
 Олоферн, брат Ариарата 47
 Ород (царь Парфянск.) 51
 Орсп 57
- Павел Эмилий (победит. Персея) 29
 Павсимах (родосец, помощн. рим. наварха Ливия) 23, 24
 Палестина 50
 Памфилия 22, 53
 Памфилийцы 32
 Парфяне 48, 51, 55, 65, 67, 68
 Парфянская история 51
 Пелла 57
 Пергам 26
 Пердикка 52, 57
 Перинф (город) 57
 Персей (царь Македонии) 29, 44
 Персы 55
 Пирей 22
 Пирр (царь Эпира) 10
 Писиды 9, 14, 32
 Платон 41
 Поликсенид (один из вождей Антиоха) 14, 17
 — (родаец, наварх Антиоха) 21, 22, 24, 27
 Помпей 49, 50, 51, 70
 Попиллий (римск. посол к Антиоху IV под Александрию) 66
 Пруссий, царь Вифинии 11, 23
 Птолемей I, царь Египта 50, 52, 53, 56
 — сын Птолемея Филадельфа 65
 — Филонатор 1, 2, 3, 4, 5, 38
- Птолемей VI (поддерж. Александ-
 ра против Деметрия) 66, 67
 — XI 51
 — Керавн (убийца Селевка I) 62, 63
- Регилл, Люций Эмилий (римск. на-
 варх) 26
 Ретей 23
 Рим 12, 21
 Родогуна (сестра Фраата, жена Де-
 метрия Никатора) 67, 68
 Родос 27, 68
 Родосские суда 22
 Родосцы 12, 22, 25, 28, 44
- Сакса (римск. наместн. Сирии) 51
 Самос 25
 Сар (река) 4
 Сарды 29, 36
 Сарпедонион (мыс) 39
 Селевк I (намест. Вавилонии, царь
 Сирии) 53, 54
 — II Каллиник, сын Антиоха II, 66
 — VI сын Антиоха Вел. 3, 4, 19, 26, 33,
 45, 66
 — сын Деметрия Никатора 68, 69
 Селевкия у моря 57, 58, 65
 — Сирийская 4
 — у реки Тигра 57, 58
 Селена жена Аниона Благочестивого
 69
 Сест 21, 23
 Сивиллины предсказания 51
 Сидонский корабль 27
 Сипил (гора) 30
 Сирийская история 52
 Сирия, -цы 22, 36, 48, 50, 52
 Сирия—долинная—см. Келе-Сирия
 Скарфея 19
 Скавр 51
 Скифы 57
 Смирна 2, 29
 Согдиана 55
 Сократ 41
 Спарта 41
 Стратоникея (город) 57, 59
 Сципион Люций 21
 — Публий 9, 10, 11, 21, 23, 29, 33, 39,
 40, 41
 Сципионы 29, 39
- Тавр (горы) 38
 Тапиры (племя) 55
 Тарент 15
 Тегей 57
 Тейххунт (гора у Фермопил) 17, 18
 Тектосаги (Галаты) 32, 42
 Темпейская долина 16
 Терм (воен. трибун, посол к Антиоху
 Велик.) 39
 Тетрархия (у Галатов) 50
 Тиатирь 30
 Тибр 21
 Тигран (сын Тиграна) 48, 49, 69
 Тимарх (сатрап Вавилонии) 45

Т и м а р х (тиран Милета) 65
 Т о а с (глава этолийского посольства) 12
 Т о л и с т о б и и (галакты) 32, 42
 Т о р а к с из Фарсала (хоронил Лиси-
 маха) 64
 Т р а л л ы 32
 Т р и ф о н 68
 Т р о к м ы (галакты) 32, 42

Ф е р м о п и л ы 17, 32
 Ф е с с а л и я 13—17, 48
 Ф и в ы—вяне 13, 41
 Ф и л е т е р (Пергмаский, брат Эвмена)
 5, 63
 Ф и л и п п Македонский 2, 3, 12, 14,
 15, 16, 17, 23, 28, 30, 43
 Ф и л и п п (сын некоего Александра) 13
 Ф и л и п п (из Мегалополя) 17
 — (начальн. слонов у Антиоха Велик.) 33
 — Марций (римск. наместник Сирии) 51
 — (вместо Аридея) 52
 Ф и н и к и я 22—50
 Ф л а м и н и в 2, 11, 21
 Ф о к е я 22, 25
 Ф р а а т (царь Парфик) 67, 68
 Ф р а к и я, -ийцы 1, 3, 6, 14, 23, 38, 43

Ф р и г и я, -йцы 32, 53, 62
 Х а л к и д а (город) 11, 20, 29, 57
 Х а р и т а 57
 Х е р с о н е с 1, 6, 21, 22, 28, 37, 38

Э в б е й с к и е таланты 38
 Э в б е я (Эвбия) жена Антиоха Велик. 20
 — (остр.) 12, 20
 Э в д о р (начальн. флота родосцев) 27
 Э в м о н (царь Пергама) 5, 22, 25, 26,
 31, 34, 44, 45
 — (наместн. Каппадокии) 53
 Э д е с с а 57
 Э л а т е я 20
 Э л е я (гав.) 25, 30, 38
 Э л и м е и 32, 66
 Э л л а д а, Эллины 6, 12, 17
 Э о л и я, -лийцы 1, 12, 23, 25
 Э о л и й с к и е города 29
 Э п а м и н о н д 41
 Э п и р 43
 Э р а с и с т р а т (врачу Селевка I) 59 сл.
 Э т о л и я, -лийцы 12, 14, 18, 21, 23
 Э ф е с 4, 6, 12, 22, 24, 25

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ № 4 ВДИ

- AA—Archaeologischer Anzeiger
ADD—C. H. W. J o h n s, Assyrian Deeds and Documents
AJPh—American Journal of Philology
AM—Athenische Mitteilungen (Mitteilungen des deutschen Archaeologischen Instituts;
Athenische Abteilung)
An. ép.—Année épigraphique
AR—Archiv für Religionsgeschichte
ARU—J. K o h l e r und A. U n g n a d, Assyrische Rechtsurkunden
AZ—Aegyptische Zeitschrift
BASOR—Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BJ—Bonner Jahrbücher
Br.—B r ü n n o w, A Classified List of Assyrian Ideographs
BS—L. W. K i n g, Babylonian Boundary Stones
БСЭ—Большая советская энциклопедия
BZ—Byzantinische Zeitschrift
CAH—Cambridge Ancient History
CIL—Corpus Inscriptionum Latinarum
CPh—Classical Philology
CQu—Classical Quarterly
CRAI—Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres
CT—Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum
Delitzsch, HWB—F. D e l i t z s c h, Assyrisches Handwörterbuch
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua
ГАИМК—Государственная Академия Истории Материальной культуры
HZ—Historische Zeitschrift
ЖМНП—Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗОО—Записки Одесского Общества Истории и Древностей
IG—Inscriptiones Graecae
IOSPE—Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini
ИАК—Известия Археологической Комиссии
ИАН—Известия Академии Наук
ИИМК—Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР
ИРАИМК—Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры
JAOS—Journal of the American Oriental Society
JAs—Journal Asiatique
JEA—Journal of Egyptian Archaeology
JHS—Journal of Hellenic Studies
JS—Journal des Savants
JRS—Journal of Roman Studies
КСИИМК—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института
Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР
MEFR—Mémoires de l'Ecole française de Rome
OJ—Oesterreichische Jahreshefte (Jahreshefte des Oesterreichischen Archaeologischen
Instituts)
OLZ—Orientalistische Literaturzeitung
RA—Revue Archéologique
RAf—Revue Africaine

- РАНИОН—Российская Ассоциация Научно-исследовательских институтов общественных наук
RAs—Revue d'Assyriologie
RBPhH—Revue Belge de Philologie et d'Histoire
REA—Revue des Études Anciennes
REL—Revue des Études Latines
RF—Rivista di Filologia
RHR—Revue d'Histoire des Religions
RhM—Rheinisches Museum für Philologie
RM—Römische Mitteilungen
PM—Русская Мысль
RPh—Revue de Philologie
CA—Советская Археология
SIG—D i t t e n b e r g e r, Sylloge Inscriptionum Graecarum
SL—A. D e i m e l, Sumerisches Lexikon
SPAW—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
WST—Wiener Studien
ФилОб—Филологическое Обозрение
YCS—Yale Classical Studies
ХИФО—Харьковское историко-филологическое общество
ZSSt—Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte
-

ОГЛАВЛЕНИЕ ВДИ ЗА 1946 ГОД

СТАТЬИ

	№ журн.	Стр.
Археология и ее роль в развитии советской исторической науки . . .	1	3
<i>В. Д. Блаватский</i> —Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. . .	1	101
<i>Проф. А. Борисов</i> —Надписи Артаксия (Арташеса) царя Армении . . .	2	97
<i>Т. В. Бороздина</i> —Раскопки в Чанху-Даро	1	115
<i>М. И. Гендерсон</i> —Юлий Цезарь и латинское право в Испании	3	57
<i>Гомер Г. Дебс</i> —Военное соприкосновение между римлянами и китай- цами в античное время	2	45
<i>Проф. Н. Ф. Дератани</i> —Эсхил и греко-персидская война	1	9
<i>Проф. Н. Ф. Дератани</i> —Вергилий и Август	4	66
<i>А. Д. Дмитриев</i> —Буколы	4	92
<i>Проф. А. Дьяконов</i> —Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв.	1	20
<i>И. М. Дьяконов</i> —Вавилонское политическое сочинение VIII—VII в. до н. э.	4	41
<i>Л. А. Евтюхова</i> —Древнекитайское здание на Среднем Енисее	1	107
<i>Л. А. Ельницкий</i> —О социальных идеях сатурналий	4	54
Задачи советской исторической науки в новой пятилетке (передовая) . .	2	3
<i>Проф. С. И. Ковалев</i> —Мирные переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция	3	46
<i>Я. А. Ленцман</i> —О хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э.	2	89
<i>И. М. Лурье</i> —К истории древнеегипетского законодательства	3	27
<i>Проф. А. Мишулин</i> —Идея права в междуэллинских отношениях	2	51
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> —Источники трактата Витрувия об архитектуре . .	4	76
<i>Акад. Н. М. Никольский</i> —Финикийские общинно-земледельческие культы по тексту Рас-Шамра	1	35
<i>Акад. Н. М. Никольский</i> —Финикийская жатвенная мифология и об- рядность	2	21
<i>В. Ф. Олбрайт</i> —Третий пересмотр древней хронологии Передней Азии О некоторых проблемах истории античности (передовая)	4	26
<i>А. Ранович</i> —Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи	3	3
<i>М. Е. Сергеевко</i> —Сазерна и его фрагменты	2	66
<i>А. П. Смирнов</i> —Восточный сосуд из Молотовской обл. в собрании ГИМ .	3	70
<i>Акад. В. В. Струве</i> —Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства	1	112
<i>Проф. М. Н. Тихомиров</i> —Именик болгарских князей	4	9
<i>С. П. Толстов</i> —Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма	3	81
<i>Акад. А. И. Тюменев</i> —О значении термина «каль» в древне-шумерском языке	1	60
<i>Акад. А. И. Тюменев</i> —О форме земельных отношений по надписи обелиска Маништусу	2	10
<i>П. Ушаков</i> —К походам урартийцев в Закавказье	4	32
<i>Ил.-корр. АН СССР А. А. Фрейман</i> —Древнеперсидский календарь . . .	2	32
<i>Е. Штаерман</i> —К вопросу о <i>dediticii</i> в эдикте Каракаллы	3	15
	2	81

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. Д. Блаватский</i> —В. Чепелев. Об античной стадии в истории искус- ства народов СССР	1	168
<i>В. Блаватский</i> —Павсаний, Описание Эллады	2	140

	№ журн.	стр.
<i>Проф. Б. Граков</i> —«Ольвия» т. I	1	158
<i>Проф. Б. Граков</i> —А. И. Болтунова—Греческие надписи Армавира . . .	1	166
<i>Н. Н. Залесский</i> —Делосские надписи	3	133
<i>А. В. Збруева</i> —Материалы и исследования по археологии СССР № 1— «Древности Урала и Прикамья»	3	91
<i>И. В. Зеест</i> —Материалы и исследования по археологии СССР № 4— Акад. С. А. Жебелев и В. Ф. Гайдукевич «Археологические памят- ники Боспора»	3	98
<i>Проф. С. В. Киселев</i> —Краткие сообщения ИИМК, вып. X	1	112
<i>Проф. С. В. Киселев</i> —Трипильска культура	1	121
<i>С. В. Киселев</i> —С. П. Толстов, Древняя культура Узбекистана . . .	1	177
<i>В. А. Крачковская</i> —Новые археологические открытия в Заиорданье . .	4	120
<i>Я. А. Ленцман</i> —Р. Vergilius Maro, Aeneis	4	133
<i>Проф. С. Я. Лурье</i> —Новые папирусные свидетельства из истории Митилены в начале VI в. до н. э.	1	187
<i>Проф. И. М. Лурье</i> —J. Vandier, La famine dans l'Égypte ancienne . .	3	126
<i>Проф. И. М. Лурье</i> —A. Gardiner, Ramesside administrative documents . .	3	127
<i>В. В. Мавродин</i> —Н. С. Державин, Славяне в древности	4	109
<i>М. Максимова</i> —И. В. Зеест, Пракситель	2	138
<i>М. Э. Матье</i> —G. Steindorff and K. Seele. When Egypt ruled the East. . .	4	128

Обзоры иностранных журналов:

<i>Т. Н. Савельева, Н. Н. Погребова и Т. В. Бороздина</i>	1	189
<i>Л. А. Ельницкий и О. В. Кудрявцев</i>	2	143
<i>Л. А. Ельницкий</i>	3	143
<i>Я. А. Ленцман</i>	4	134
<i>Т. С. Пассек</i> —Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, т. I .	1	141
<i>Ф. А. Петровский</i> —«Остров» Теос	3	141
<i>В. И. Пичета</i> —Акад. Б. Д. Греков, Борьба Руси за создание своего государства	2	105
<i>С. А. Покровский</i> —О начале русского государства	4	101
<i>Н. М. Постовская</i> —Н. Е. Winlock, Excavations at Deir-el Bahri	3	129
<i>Проф. С. Протасова</i> —Плутарх, Избранные биографии	1	161
<i>Проф. С. И. Протасова</i> —А. Г. Бокшанин, Атлас по древней истории . .	3	110
<i>А. Ранович</i> —В. Струве, История Древнего Востока	1	178
<i>А. Ранович и А. В. Милиулин</i> —Кечекьян, Перетерский, Всеобщая исто- рия государства и права, ч. I, II	3	117
<i>Д. Г. Редер</i> —В. В. Павлов, Египет	4	116
<i>Д. Г. Редер</i> —И. М. Лосева, Искусство древней Месопотамии	4	117
<i>Б. А. Рыбаков</i> —«Материалы и исследования по археологии СССР» вып. 6 .	1	123
<i>Т. Н. Савельева</i> —S. Smith, Alalakh and Chronology	4	130
<i>Т. Н. Савельева</i> —G. Jequier, Douze ans des fouilles dans la nécropole Memphite	4	131
<i>О. Севастьянова</i> —Новый труд по древней истории Армении	2	112
<i>А. А. Сиверс</i> —Труды нумизматического отдела Эрмитажа, том I	3	108
<i>Акад. В. В. Струве</i> —Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту . .	1	131
Список иностранных книг по древней истории, полученных библио- теками г. Москвы в 1941—46 гг.	3	153
<i>С. А. Тараканова</i> —Материалы и исследования по археологии СССР, № 5, П. Н. Третьяков, «К истории племен верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.»	3	101
<i>С. П. Толстов</i> —Древние авторы о Средней Азии	1	170
<i>С. П. Толстов</i> —К вопросу о датировке культуры Каучи	1	173
<i>Проф. И. И. Толстой</i> —С. И. Радциг, История древнегреческой лите- ратуры	1	183
<i>Н. В. Трубишкова</i> —Труды Гос. Ист. музея, вып. XVI	3	105
<i>М. Е. Фосс</i> —Материалы и исследования по археологии СССР, № 2— П. П. Ефименко, «Палеолит и неолит»	3	94
<i>Г. Цветаева</i> —Обзор материалов о раскопках Нуманции	2	126
<i>М. Шанин</i> , «Эллинические изречения» в греческой литературе IV—VII вв. <i>Н. Шолпо</i> —И. Лурье, М. Матье и др. Очерки истории техники древнего Востока	2	119
<i>Н. М. Штаерман</i> —G. Chilver, Cisalpine Gaul	2	121
	4	126

ХРОНИКА

<i>Р. Азмеров</i> —Обзор керамических мастерских Херсонеса	2	188
<i>В. Блаватский</i> —Чернофигурная ойнохоя Гос. Ист. музея	2	165
<i>Т. В. Бороздина</i> —К истории западно-понтийских городов в 80—40 гг. I в. до н. э.	3	197
<i>И. Н. Бороздин</i> —К изучению древней истории Туркмении	4	165
<i>Р. Гриневич</i> —Оборона Боспора Химмерийского	2	160
<i>Ю. В. Готье</i> (некролог)	1	215
<i>Л. А. Ельницкий</i> —Результаты американских раскопок Трои	3	209
<i>Л. Е.</i> —Памяти академика В. В. Латышева	4	167
<i>Л. Е.</i> —Памяти академика В. П. Бузескула	4	170
<i>С. А. Жебелев</i> (некролог)	1	214
<i>Н. Н. Залесский</i> —На кафедре древней истории ЛГУ (1943—45 г.)	2	211
<i>А. В. Збруева</i> —Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья .	3	182
<i>С. Каптерев</i> —Хронологический указатель к трудам В. П. Бузескула .	4	172
<i>С. П. Капошина</i> —Пленум ЛОИИМК, посвященный Северному Причерноморью	3	220
<i>С. Киселев</i> —Археологические экспедиции ИИМК АН СССР в 1945 г. . .	2	156
<i>С. Киселев</i> —Работа в области археологии ИИМК АН СССР по плану 1946—1950 гг.	2	194
<i>И. Т. Кругликова</i> —Пленум МОИИМК памяти Б. В. Фармаковского . . .	3	233
<i>Е. И. Крупнов</i> —Памяти В. А. Городцова	3	236
<i>Ю. Крушкел</i> —Легенды родосских амфор	3	190
<i>Ю. С. Крушкел</i> —Золотая монета Синдики	4	164
<i>В. И. Мошинская</i> —О государстве синдов	3	203
<i>Проф. В. В. Павлов</i> —К вопросу о скульптурном портрете эфиопского периода	4	153
<i>Т. Пассек</i> —Джафарханский могильник	2	169
Пятилетний план научно-исследовательской работы Сектора древней истории Института истории АН СССР	2	192
<i>Н. В. Пятышева</i> —Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья	3	175
<i>Т. М. Шепунова</i> —Научная работа кафедры древней истории	2	207
<i>О. Н. Юлкина</i> . Научно-исследовательская работа Сектора древней истории И-та истории АН СССР в период Отечественной войны	2	203

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>К. И. Колобова</i> —Родос Микенской поры	4	181
<i>Я. А. Ленцман</i> —К вопросу об источниках эллинистического пиратства .	4	210
<i>П. Н. Тарков</i> —О взглядах М. Олло на международные отношения в Средиземноморье на рубеже III и II вв. до н. э.	3	252
<i>А. С. Шофман</i> —Древняя Македония в археологических работах	3	240
<i>Е. М. Штаерман</i> —Этнический и социальный состав римского войска на Дунае	3	256
<i>Е. М. Штаерман</i> —Обзор открытий в области латинской эпиграфики за XX в.	4	188

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Аппиан</i> —1. Митридатовы войны	4	239
2. Сирийские дела	4	289
Вопросы техники в «Naturalis Historia» Плиния	3	269
<i>Плиний</i> —Переписка с Траяном	2	215
<i>Фронтин</i> —Стратегемы	1	222
Перечень материалов, опубликованных в ВДИ за 1937—41 гг.	1	307

СОДЕРЖАНИЕ

Выше идейный уровень исторической науки	3
<i>Акад. В. В. Струве.</i> Подлинный Манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства	9
<i>В. Ф. Олбрайт.</i> Третий пересмотр древней хронологии Передней Азии	26
<i>Акад. А. И. Тюменев.</i> О форме земельных отношений по надписи обелиска Маништусу	33
<i>И. М. Дьяконов.</i> Вавилонское политическое сочинение VIII—VII в. до н. э.	44
<i>Л. А. Ельницкий.</i> О социальных идеях сатурналий	54
<i>Проф. Н. Ф. Дергачи.</i> Вергилий и Август	66
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> Источники трактата Витрувия «Об архитектуре»	76
<i>А. Д. Дмитриев.</i> Буколы	92

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. А. Покровский.</i> О начале русского государства	101
<i>В. В. Магродин.</i> Н. С. Державин, «Славяне в древности»	109
<i>Д. Г. Редер.</i> В. В. Павлов, «Египет»	116
<i>Он же.</i> И. М. Лосева, «Искусство древней Месопотамии»	117
<i>В. А. Крачковская.</i> Новые археологические открытия в Запорожье	120
<i>Е. М. Штаерман.</i> G. Chilver, «Cisalpine Gaul»	120

Заметки о книгах

<i>М. Э. Матье.</i> G. Steindorf and C. Seele, «When Egypt ruled the East»	128
<i>Т. Н. Савельева.</i> S. Smith, «Alalakh and Chronology»	130
<i>Она же.</i> G. Jequier, «Douze ans de fouilles dans la nécropole Memphite»	131
<i>Я. А. Ленцман.</i> P. Vergilius Maro, «Aeneis»	133
<i>Я. А. Ленцман.</i> Обзор иностранных журналов по древней истории	134

ХРОНИКА

<i>Проф. В. В. Павлов.</i> К вопросу о скульптурном портрете эфиопского периода	153
<i>И. Н. Бороздин.</i> К изучению древней истории Туркмении	159
<i>Ю. С. Крушкел.</i> Золотая монета Синдики	164
<i>Л. Е. Памяти акад. В. В. Латышева.</i>	166
<i>Материалы к списку трудов акад. Латышева.</i>	167
<i>Л. Е. Памяти акад. В. П. Бузескула.</i>	170
<i>С. Кантерев.</i> Хронологический указатель трудов В. П. Бузескула	172

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>К. М. Колобова.</i> Родос Микенской поры	181
<i>Е. М. Штаерман.</i> Обзор открытий в области латинской эпиграфики за XX век	188
<i>Я. А. Ленцман.</i> К вопросу об источниках эллинистического пиратства	219

ПРИЛОЖЕНИЕ

Введение. О. И. Севастьянова	231
Аппиан. 1. Митридатовы войны } Перевод	239
2. Сирийские дела } С. П. Кондратьева	289
Указатели	318
Оглавление ВДИ за 1946 г.	327

SOMMAIRE

Editorial.	3
V. V. Struvé, de l'Académie, Liste authentique des rois égyptiens de Manéthon et la chronologie du Nouvel Empire	9
V. F. Albright, Troisième révision de la chronologie ancienne de l'Asie antérieure	26
A. I. Tuménev, de l'Académie, Sur les conditions agraires d'après l'inscription de l'obélisque de Manichtusu	33
I. M. Diakonoff, Un écrit babylonien politique de VIII—VII siècle avant notre ère	41
L. A. Elnitzky, Sur les idées sociales des Saturnales	54
N. F. Dératani, Prof., Virgil et Auguste	66
A. V. Michouline, Prof., Les sources du traité de Vitruve «Sur l'architecture»	76
A. D. Dmitrev, Les boucols	92

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

S. A. Pokropsky, Sur l'origine de l'État Russe	101
V. V. Mavrodine, Prof., N. S. Derjavine, «Les slaves en l'Antiquité»	109
D. G. Roeder, V. V. Pavlov, «L'Égypte»	116
du même auteur, I. M. Losseva, «L'art de la Mésopotamie ancienne»	117
V. A. Cratchkovskaïa, Nouvelles découvertes archéologiques en Transjordanie	120
E. M. Stayerman, G. Chilver, «Cisalpine Gaul»	126

Notes bibliographiques

M. E. Mathiez, G. Steindorff and C. Seele, «When Egypt ruled the East»	128
T. N. Savelieva, S. Smith, «Alalakh and Chronology»	130
du même auteur, G. Jequier, «Douze ans de fouilles dans la nécropole Memphite»	131
J. A. Lenzman, P. Vergilius Maro, «Aeneis»	133
J. A. Lenzman, Revue des périodiques étrangers d'histoire ancienne	134

CHRONIQUE

V. V. Pavlov, Prof., Le portrait dans la sculpture égyptienne de la période éthiopienne	153
I. N. Borosdine, Prof., Contribution à l'étude de l'histoire ancienne de Turcomanie	159
J. S. Croucheol, Une monnaie d'or du pays Sindien	164
L. E., A la mémoire de l'académicien V. V. Latychev	166
Contribution à la liste des travaux de l'académicien V. V. Latychev	167
L. E., A la mémoire de l'académicien V. P. Bousescoul	170
S. Caplêrev, Index chronologique des travaux de l'académicien V. P. Bousescoul	172

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

X. M. Colobova, L'île de Rhodes à l'époque mycénienne	181
E. M. Stayerman, Revue des découvertes en épigraphie latine pendant les quatre premières décades du XX siècle	188
J. A. Lenzman, Sur les sources de la piraterie de l'époque hellénistique.	219

SUPPLÉMENT

Introduction par I. Se v a s t i a n o v a	231
Appien	
I. Mithridatica } Traduction russe par	239
II. Syriaca	289
S. P. Kondratiev	289
Indices	318
Table des matières de VDI pour 1946	327

Подписано в печать 23. I. 1947 г.
А 00649. Заказ № 309. Печатных
лист. 20³/₄. Уч.-издат. листов 31,2
Тираж 10 000. Цена 30 руб.

Набрано в 16-й типографии треста
«Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете
Министров РСФСР.
Москва, Трехпрудный пер., 9

Отпеч. с матриц во 2-й тип. Издат.
Академии Наук СССР. Москва.
Шубинский пер., д. 10

Редакционная коллегия:

{ Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (отв. редактор)
Акад. *В. И. Пичета*
Проф. *А. Е. Ранович* (зам. отв. редактора)
Акад. *В. В. Струве*
Акад. *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР
Тел. К 3-75-69

Цена 30 руб.